РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

4 (34)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2011

Здесь и далее ширина набора должна быть 135 мм, то есть линейки сверху в колонтитуле должны быть 135 мм

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, академик РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов,* д.п.н. *О. В. Гневэк,*
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков,* д.п.н. *З. М. Уметбаев,* д.филол.н. *С. Г. Шулежкова,*
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov,
I. V. Oktyabrskaya, S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2011
© Магнитогорский государственный университет, 2011
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2011

ЮБИЛЕЙ НИНЫ АНДРЕЕВНЫ ФРОЛОВОЙ

24 января 2011 г. отметила свой юбилей известный отечественный нумизмат-антиковед, доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет Нина Андреевна Фролова.

Н. А. Фролова родилась г. Серпухове в 1936 г. Закончив среднюю школу в 1955 г., Нина Андреевна поступила на исторический факультет Московского государственного университета, где выбрала специализацию по кафедре археологии. Среди ее наставников были выдающиеся отечественные историки-антиковеды Б. Н. Граков, В. Д. Блаватский, И. Т. Кругликова. Первым научным руководителем Н. А. Фроловой стал Б. Н. Граков — крупнейший специалист по скифо-сарматской археологии, классической филологии и античной керамической эпиграфике. На втором курсе она попала на раскопки к известному археологу И. Т. Кругликовой. Один из самых авторитетных отечественных специалистов по классической археологии В. Д. Блаватский посоветовал взять тему дипломной работы не по античной нумизматике, а по торговым связям Прикубанья. Позднее большое значение в научном становлении Н. А. Фроловой сыграл крупнейший специалист по нумизматике Ольвии П. О. Карышковский.

После окончания МГУ в июне 1960 г. Н. А. Фролова была зачислена научным сотрудником в Музей Московского Кремля, но уже с 1 августа этого же года начинает работу в Государственном историческом музее. С этого момента более полувека ее судьба неразрывно связана с Отделом нумизматики ГИМ, хранением и изучением античных монет.

Проблематика научно-исследовательской работы Н. А. Фроловой связана, главным образом, с изучением монетного дела Боспора и античных городов Северо-Западного Причерноморья — Ольвии, Тиры, Херсонеса, причем именно боспорская нумизматика сразу же стала основной сферой научных интересов Нины Андреевны. В 1967 г. Н. А. Фролова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Монетное дело и денежное обращение Боспора в 68/69 — 210 гг. н.э.».

В многочисленных статьях, опубликованных в 1960–1980-х годах в журналах «Советская археология», «Вестник древней истории», «Краткие сообщения Института археологии РАН, «Нумизматика и эпиграфика», ежегоднике «Археологические открытия» и других отечественных и зарубежным изданиях, Н. А. Фролова впервые детально рассматривает монетное дело боспорских правителей: Асандра, Динамии, Аспурга, Гепепирии и Митридата III, Котиса I, Савромата I, Рискупорида II, Котиса II, Римиталка, Евпатора, Савромата II, Савромата III, Котиса III, Рискупорида III, Рискупорида IV, Ининфимея, Радамсада, Тейрана, Фофорса, Рискупорида V, Рискупорида VI. При этом ею были определены новые подходы к изучению материала, в том числе и составление максимально полных

корпусов монет этих царей по годам их правления, которые включали экземпляры из коллекций ГИМ, Государственного Эрмитажа и других отечественных музеев, крупнейших зарубежных собраний, а также известные по старой нумизматической литературе. Эта огромная работа получила обобщение в изданном в Оксфорде в 1979 г. томе Н. А. Фроловой «The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69–238» (BAR International Series. 56.). В 1983 г. в той же серии вышел в свет второй том — «The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 242—341/342 (BAR International Series. 166.).

Особое внимание Н. А. Фролова уделяет в эти годы изучению нумизматического материала как ценного информативного источника по истории Боспора в I–IV вв. н.э., политическим и экономическим отношениям Боспорского царства с Римом и Херсонесом.

В 1970–1980-е годы Нина Андреевна работает в составе Анапской экспедиции, где определяет монеты из раскопок и изучает денежное обращение Горгиппии и её хоры. Н. А. Фролова работает также в Фанагории и издает монеты из раскопок 1962–1975 гг. Она великолепный знаток нумизматических коллекций музеев страны — Краснодара, Анапы, Керчи, Одессы, Ялты и др.; значительная часть монет из этих собраний определена и обработана ею.

В 1985 г. Н. А. Фролова успешно защитила в Институте археологии РАН докторскую диссертацию на тему «Монетное дело Боспора первых веков нашей эры».

Одним из самых сложных аспектов боспорской нумизматики является изучение позднебоспорского монетного дела. Специальные статьи Н. А. Фроловой посвящены интерпретации дифферентов на позднебоспорских монетах III — начала IV вв. н.э. Рассматривает она и вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья, а также проблему континуитета и историю позднеантичного Боспора по нумизматическим данным.

Особенно ее внимание привлекают также открытые в 1970–1990-е годы во время раскопок боспорских поселений клады позднебоспорских монет, которые она рассматривает как источник по истории Боспора III–IV вв. н. э. Н. А. Фролова вводит в научный оборот целый ряд уникальных монетных комплексов, в том числе Ильичевский клад монет 1975 г. (в соавторстве с Э. Я. Николаевой), Илуратский клад монет Рискупорида V (в соавторстве с И. Г. Шургая), Анапский клад 1987 г. (в соавторстве с С. Айрлэндом) и многие другие. Эта кропотливая работа получила завершение к 1997 г., когда вышел в свет неоценимый по значению двухтомный труд Н. А. Фроловой «Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в. н.э.)» (М., 1997), в котором помимо истории боспорской чеканки опубликованы метрологические данные разобранных по штемпелям статеров из целого ряда кладов, имеющих первостепенную важность для изучения монетного дела Боспора в I–IV вв.: Таракташского 1908 г., Феодосийского 1927 г., Тиритакских 1937 и 1946 гг., Патрэйских 1951 и 1970 гг., Керченских 1958 и 1961 гг., Семеновского 1957 г., Судакского 1959 г., Кепского 1962 г., Таманского 1970 г., Гай-Кадзорского 1975 г., Илуратского 1976 г., Ильичевских 1975 и 1977 гг. При этом Н. А. Фроловой были откорректированы даты ряда статеров, прочитанные неверно первыми издателями. Так, при первой публикации клада с хутора Батарейка В. Э. Куниным было дано определение монет, однако детальное описание статеров по типам отсутствовало. Кроме того, монеты не были взвешены, а в про-

чтении дат были допущены некоторые ошибки. Эти неточности были устранены при повторной публикации клада Н. А. Фроловой. Между тем находка данного клада имеет огромное историческое значение, поскольку он содержал две уникальные монеты — статер Рескупорида V 276 г. н. э. и статер Тейрана 266 г. н. э. Этот клад позволил уточнить историю престолонаследия на Боспоре в III в. н.э.: Рескупорид V правил с 242 по 276 г.; в 253 г. он делил власть с Фарсанзом, в 266 г. — с Тейраном; в 275 г. — с Савроматом IV и Тейраном, а в 276 г. — только с Тейраном. Неверно были прочтены даты и в ряде других позднебоспорских кладов, что привело исследователей к ошибочному выводу об окончании боспорской чеканки в 336 г. н.э. Однако дальнейшее изучение позднебоспорских кладов показало, что дата тезаврации кладов из Тиритаки (1946), Кеп (1962) и Гай-Кадзора (1972) должна быть пересмотрена, поскольку в них выявлены статеры 341 г. н.э. Это открытие позволило Н. А. Фроловой установить финальную дату чеканки Рескупорида VI — 341 г. н.э. Позднее впервые исследованные Н. А. Фроловой многочисленные монетные клады вошли в изданный в 2007–2008 гг. «Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I (1834–2005 гг.)» (Симферополь–Керчь) (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

С конца 1980-х годов Н. А. Фролова обращается к проблемам монетной чеканки Боспора VI–I вв. до н.э. В своей рецензии на книгу В. А. Анохина «Монетное дело Боспора» (Киев, 1986) (1988) она, отметив положительные стороны работы, подвергла критическому разбору предложенную им хронологию ранних боспорских выпусков. В ряде статей в отечественных и зарубежных изданиях Н. А. Фролова рассматривает раннюю чеканку Пантикапея, Фанагории, Феодосии, Нимфея. Ею был опубликован также корпус монет синдов (1996 г.). В 1999 г. вводится в научный оборот Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э., найденный в 1947 г. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым). В 2004 г. в Берлине была издана капитальная монография Н. А. Фроловой о ранней боспорской чеканке (Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin, 2004).

Внимание Н. А. Фроловой привлекали также и вопрос о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э., и, особенно, монетное дело Боспора в I в. до н.э. — I в. н.э., что отражает вышедшая в 2002 г. книга Н. А. Фроловой и С. Айрлэнда «The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD» (BAR International Series. 1102).

Особое внимание Н. А. Фролова в своих работах уделяет боспорской чеканке митридатовского периода. Здесь следует отметить введение в научный оборот Н. А. Фроловой в соавторстве с С. Айрлэндом двух кладов с античного поселения «Полянка» (1984–1985 гг.). Изданный Н. А. Фроловой и С. Айрлэндом Полянковский клад 1985 г. имеет колоссальное значение для датировки чеканки анонимных оболов, поскольку он дал более 20 неизвестных ранее монограмм, что в совокупности с другими известными монограммами составило около полусотни сокращений имен. Это количество монограмм соответствует примерно полувековому «понтийскому периоду» истории Боспора. Ранее Ю. С. Крушкол, исследовав монограммы на анонимных оболах из Мирмекийского (1949 г.) и Патрэйского (1950 г.) кладов и сравнив их с монограммами на монетах городов Понта, развила

идею, высказанную еще Ф. Имхоф-Блумером и поддержанную А. Л. Бертье-Делагардом и А.Н.Зографом, о том, что эти монограммы принадлежали представителям царской администрации. Вопрос датировки анонимных оболов продолжал дебатироваться и после публикации Патрэйского клада 1950 г. Только сравнительный анализ состава кладов из «Полянки» (1984–1985 гг.) и Патрэйского клада (1950 гг.) подтвердил вывод о том, что в монограммах сокрыты имена царских чиновников, и позволил Н. А. Фроловой датировать период эмиссии оболов концом II в. — 63 г. до н.э.

Как было отмечено выше, изучение чеканки античных городов Северного Причерноморья составляет отдельное направление в научно-исследовательской работе Н. А. Фроловой. В России и за рубежом издан целый ряд ее работ о монетном деле Тиры, Ольвии и Херсонеса. В 2005 г. вышел в свет каталог монет Ольвии из собрания ГИМ (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном), в 2006 г. — монография Н. А. Фроловой «Каталог монет античной Тиры» (Москва).

Н. А. Фролова вводит в научный оборот значительную часть коллекции хранимых ею монет ГИМ: золотые античные монеты (см. книгу Н. А. Фроловой «Античные золотые монет в собрании Государственного Исторического музея. От античности до Византии». М., 2010) и римские монеты (см. четырехтомник «Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог». Ч. I–IV. М., 2001–2006 — в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

Н. А. Фролова — член диссертационного совета ИА РАН, член редколлегии журнала «Вестник древней истории». Ее публикации всегда вызывают большой интерес у специалистов. Она является автором более 170 работ, в том числе и почти полутора десятков книг. Ее имя широко известно зарубежным коллегам. Монографии и статьи Н. А. Фроловой изданы в Великобритании, Нидерландах, Франции, Германии, Испании, Греции и других странах. Ее научные заслуги по достоинству оценены нумизматами всего мира. В 2009 г. на XIV Всемирном нумизматическом конгрессе в Глазго Н. А. Фролова была избрана почетным членом Международной нумизматической комиссии.

Нина Андреевна — увлеченный своим делом исследователь античного монетного дела, прекрасный знаток хранимого ею более полувека собрания древних монет ГИМ, исключительно порядочный, добрый, скромный человек, всегда готовый помочь ученикам. Друзья и коллеги сердечно поздравляют ее с юбилеем и горячо желают ей крепкого здоровья, долголетия и плодотворной работы.

Отдел классической археологии ИА РАН
Отдел нумизматики ГИМ
Ректорат МаГУ
Редакционная коллегия журнала *«Проблемы истории, филологии, культуры»*

Список научных трудов Н. А. Фроловой

1961

1. Неизданная золотая монета античного Херсонеса // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного универ-

ситета им. И. И. Мечникова и Одесского государственного археологического музея. Одесса, 100–107.

1964

2. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1, 44–55.

1965

3. Монеты из раскопок Кеп 1958–1963 гг. // НиСф. 2, 169–193 (в соавторстве с Д. Б. Шеловым).

4. Рецензия на книгу Г. А. Федорова-Давыдова «Монеты рассказывают» // ВДИ. 1, 172–174 (в соавторстве с Н. Д. Мец).

1966

5. Из истории монетного дела Боспора второй половины I в. н.э. // Пленум Института археологии АН СССР. 1966 г. Секция нумизматики (тезисы докладов). М., 26–27.

1967

6. Монетное дело и денежное обращение Боспора в 68/69 — 210 гг. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1967.

1968

7. Боспор и Рим в конце I — начале II в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 2, 133–143.

8. Монетное дело Рискупорида II // НЭ. VII, 43–67.

1970

9. О денежном обращении Боспора в III в. до н.э. // СА. 4, 33–40.

1971

10. Монетное дело царя Боспора Тиберия Юлия Римиталка // ТГИМ. НС ГИМ. II. 1, 1–39.

11. Монетное дело боспорского царя Евпатора (154–170гг. н.э.) // НЭ. IX, 62–75.

1972

12. Из истории Боспора в середине II в. н.э. // ВДИ. 1, 187–193.

13. История Боспора в начале III в. н.э. по материалам нумизматики // Тезисы докладов, СПИПАИ. 1971. Археологическая секция. М., 319–320.

14. Монеты Савромата III (229–231 гг. н.э.) // КСИА. 133, 32–41.

15. Монетное дело боспорского царя Тиберия Юлия Реметалака // ТГИМ. НС ГИМ. IV/2, 3–39.

1973

16. Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227–233 гг. н.э.) // СА. 3, 49–61.

1974

17. Монетное дело при Рискупориде IV (233–234 гг. н.э.) и Ининфимее (233–238 гг. н.э.) // СА. 1, 45–57.

18. Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. // НиСф. 5, 16–30.

1975

19. Исследование Горгиппии и её хоры // Археологические открытия 1974 года. М., 94 (в соавторстве с Е. М. Алексеевой и др.).

20. О времени правления Радамсада и Рискупорида VI // СА. 4, 45–56.

21. Медные монеты Котиса I и Рискупорида II как исторический источник // 150 лет Одесского археологического музея. Киев, 150–151.

1976

22. Горгиппия и её окрестности // Археологические открытия 1975 года. М., 105 (в соавторстве с Е. М. Алексеевой и др.).

23. Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА. 3, 103–112.

1977

24. О времени правления Гепепирии и Митридата III // ВДИ. 3, 166–174.

25. О причинах реформы денежного обращения на Боспоре в правление Савромата II (174–210 гг. н.э.) // ТГИМ. НС ГИМ. I. 5, 150–180.

26. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45–68 гг. н.э.) // ТГИМ. НС ГИМ. V / 2, 219–238.

27. Горгиппия и её окрестности // Археологические открытия 1976 года. М., 83 (в соавторстве с Е. М. Алексеевой).

1978

28. Анапская экспедиция // Археологические открытия 1977 года. М., 138.

29. О взаимоотношениях Рима, Боспора и Херсонеса в начале II в. н.э. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 14–18.

30. Начальные эмиссии меди Савромата I (92–123гг. н.э.) // КСИА. 156, 22–26.

31. О времени правления Динамии // СА. 2, 49–61.

32. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 39, 173–179 (в соавторстве с Э. Я. Николаевой).

1979

33. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1, 139–147.

34. The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69–328 // BAR International Series. 56.

1980

35. Монетное дело Рискупорида III (211–226 гг. н.э.) // НЭ. XIII, 13–37.

36. История правления Рискупорида V (242–276 гг. н.э.) по нумизматическим данным // СА. 1, 58–76.

37. Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия. Ч. I. Краснодар, 103–122 (в соавторстве с И. Т. Кругликовой).

38. Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. // Горгиппия. Ч. I. Краснодар, 122–135.

1981

39. Из истории Боспора в конце III — начале IV в. н.э. // Тезисы докладов и сообщений. Научные чтения ГИМ 1980–1981. М., 26–27.

40. Монеты из раскопок Фанагории с 1962 по 1975 гг. // ВДИ. 1, 100–113.

1982

41. О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 55–63.

42. Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. 1, 91–97 (в соавторстве с И. Г. Шургая).

43. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах III — начала IV вв. н.э. // Тезисы докладов. Научная конференция ГИМ. Историческая общность, социально-экономическое и политическое единство народов СССР. М., 84.

1983

44. Золотая монета 338 г. б. э. царя Боспора Митридата (39–45 гг. н.э.) // Тезисы докладов секции нумизматики на научных декабрьских чтениях 1983, посвященных 100-летию экспозиции музея. М., 28–29.

45. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н. э. // ТГИМ. 57. Нумизматические памятники Исторического музея. НС ГИМ. 8. 3–30.

46. Монеты Савромата IV (275 г. н.э.) // КСИА. 174, 26–32.

47. The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 242—341/342 // BAR International Series. 166.

1984

48. Монетное дело Фофорса (285–308 гг. н. э.) // СА. 2, 34–53.

1985

49. Монетное дело Боспора первых веков нашей эры. Автореф. доктор. дисс. М.

1986

50. К истории правления Асандра // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 89–100 (в соавторстве с П. О. Карышковским).

51. Золотая монета 338 г. б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 4, 54–59.

52. Монеты Котиса II (123–132 гг. н.э.) // ТГИМ. Вып. 61. Ч. 9, 77–81.

53. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах // Проблемы античной культуры. М., 209–214.

1988

54. Монетное дело Радамсада (309–322 гг. н.э.) // ТГИМ. НС ГИМ, 33–48.

55. Проблемы монетной чеканки Боспора VI–II вв. до н.э. (По поводу выхода в свет книги В. А. Анохина “Монетное дело Боспора”. Киев, 1986 г.) // ВДИ. 2, 122–143.

1989

56. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. — начала I в. н.э // НЭ. XV, 3–18.

57. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н.э. // Проблемы исследования античных городов. Тезисы конференции. М., 121–122.

58. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 4, 196–206.

59. К истории правления Асандра на Боспоре // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 31–32.

1990

60. Правление Асандра на Боспоре но нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 89–112.

1991

61. Frühe Münzen von Pantikapaion als historische Quelle // Klio. 73, 66–69.

62. Монетное дело Тейрана (266, 275–278 гг. н.э.) // КСИА. 204, 103–112.

63. Монеты Рима периода Республики // Бизнес банки. М.

64. Ранние монеты Рима // Деньги и кредит. М.

65. Монеты времени Цезаря // Деньги и кредит. М.

1992

66. Каталог монет Фофорса (285–308 гг. н.э.) // ТГИМ. НС ГИМ. XI, 7–32.

67. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. — середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М.

68. К вопросу о чеканке ранних боспорских монет (конец VI–V вв. до н.э.) // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции. Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г. 25–28 февраля 1992 г. СПб., 9–10.

1993

69. Уникальный клад из Горгиппии III в. н.э. (1987) // Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 3.

70. Zur Chronologie der Herrschaft Asanders im Bosporos // Chiron. Mitteilungen der Kommision für Alte Geschichte. Bd. 23, 63–78 (совместно с П. О. Карышковским и М. Делфсом).

1994

71. К истории монетной чеканки Тиры в эллинистический период // Всероссийская нумизматическая конференция. 6–8 апреля 1994 г. Тезисы докладов. СПб., 90.

72. Физико-химические анализы анонимных боспорских оболов сер. I в. до н.э. из Причерноморья // Тезисы Международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Т. 11. СПб., 81 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой).

73. Монеты из клада боспорских монет сер. I в. до н.э. как исторический источник // Тезисы Международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Т. 11. СПб., 186–187 (в соавторстве с Т. Барцевой).

74. Клад боспорских медных I в. до н.э. с античного поселения «Полянка» // Тезисы Международной конференции по применению методов естественных наук в археологии. Т. 11. СПб., (в соавторстве с А. А. Масленниковым).

1995

75. Клад боспорских монет, найденный в 1984–1985 гг. на поселении «Полянка» (Керчь) // Третья всероссийская нумизматическая конференция в г. Владимире. Тезисы докладов. М., 8.

76. О проблеме чеканки монет с надписью АПОЛ // БС. 6, 205–212.

77. A Hoard of Bosporian Coins in the Period Third Century BC to AD 238 from Ancient Gorgippia // NC, 21–42 (в соавторстве с S. Ireland).

78. Essays on the Northern Black Sea Region Numismatics. Odessa.

1996

79. Проблема континуитета и история позднеантичного Боспора по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 112.

80. К истории позднеантичного Боспора // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове. 22–26 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 19–20.

81. Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 2, 34–69.

82. Уникальный клад боспорских монет III в. до н.э. — 238 г. н.э. из древней Горгиппии (Анапа, 1987) //ВДИ. 2, 44–72.

83. Towards a History of Bosporan Coinage (1st century B.C.) // ACSS. 3/2, 151–168.

1997

84. Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. IV, 143–176.

85. Further to a Problem of Coinage of Lysimachus Type Staters in Tyra // Akten. XII Internationaker Numismatischer Kongress. Bd. I. Berlin, 290–299.

86. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н.э. — сер. IV в. н.э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. — 210/211 г. н.э.). М.

87. Монетное дело Боспора (сер. I в. до н.э. — сер. IV в. н.э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.

1998

88. Монеты Северного Причерноморья // Древние эллины в Причерноморье в VI в. до н.э. — IV в. н.э. Выставка в ГИМ. М., 6–9.

89. К истории вопроса о монетной чеканке на Боспоре в I в. до н.э. // ТГИМ. НС ГИМ. XIII, 14–41.

90. Клад боспорских монет конца III–II вв. до н.э. (Керчь, 1996 г.) // Шестая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 23.

91. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985) // ПИФК. VI, 53–76.

92. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1, 140–155 (в соавторстве с Е. А. Савостиной).

93. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1, 247–262.

94. Монетная чеканка Боспора и Митридат Евпатор // Древнее Причерноморье. IV–е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. Одесса, 12–14 марта 1998 г. Одесса, 150–151.

95. Über die Darstellungen von Schild und Schwert auf einem Münztyp des bosporanischen Königs Leukon II. (zweite Hälfte des 3 Jhs. v. Chr.) // Stephanos nomismatikos. Edith Schönert-Geiss zum 65. Geburstag / Ulrike Peter (hers.). Berlin, 251–269.

1999

96. Новый тип двойных денариев боспорского царя Савромата II (174–211 гг.) из медной серии с изображением подвигов Геракла // Седьмая всероссийская нумизматическая конференция. Ярославль, 19–23 апреля 1999 г. М., 29.

97. О хронологии боспорских монет в митридатовский период (110/109–63 гг. до н.э.) // VI чтения памяти проф. В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения: Тезисы докладов 21–22 мая 1999 г. М., 120–121.

98. Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э. // ВДИ. 3, 39–65 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

99. Об изображении щита и меча на одном типе монет боспорского царя Левкона II (2-я половина III в. до н.э.) // ПИФК. VII, 310–325.

100. Фадеевский клад бронзовых боспорских монет IV–I вв. до н.э. // ПИФК. VII, 326–343 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

101. Чеканка Феодосии конца V–IV вв. до н.э. // ПИФК. VIII, 302–313.

102. Второй клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из станицы Старо-нижне-Стеблиевской // ПИФК. VIII, 314–331 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

103. О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период (110/109–63 гг. до н.э.) // ДБ. 2, 222–265 (в соавторстве с S. Ireland).

104. К вопросу о чеканке Тирой статеров лизимаховского типа // РА. 4, 38–53.

105. Монетное дело Савромата I (93–123 гг.) // НЭ. XVI, 132–196.

106. The Question of Continuity in the Late Classical Bosporus on the basis of Numismatic Data // ACSS. 5, 179–205.

107. Two hoards of Bosporan coins of the 1st century BC from the ancient settlement of Poljanka (Kerch) // Hermathena. 166, 31–44 (в соавторстве с S. Ireland).

2000

108. Монеты Феодосии (конец V–III в. до н.э.) // Восьмая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 12.

109. Монеты Нимфея (некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 3, 340–354.

110. Раевский клад медных пантикапейских монет II вв. до н.э. // ПИФК. IX, 59–63 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

111. Клад бронзовых монет конца I в. до н.э. — II в. н.э. (Анапа, 1978) // РА. 3, 110–117 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

112. Клад золотых боспорских статеров II в. н.э. с Краснобатарейного городища // ВДИ. 4, 60–68 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

113. Клад золотых боспорских статеров II–III вв. н.э. из станицы Казанской // ВДИ. 4, 68–72 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

2001

114. Ранние монеты Фанагории (конец V — начало IV в. до н.э.) // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г. СПб., 12.

115. Ранние монеты Фанагории (конец V — первая половина IV в. до н.э.) // ТГИМ. Вып. 125. Нумизматика на рубеже веков. НС ГИМ. XV, 58–70.

116. Монетная чеканка античной Тиры начала I в. н.э. // ПИФК. XI, 138–144.

117. Монеты Митридата VI Евпатора (120–63 гг. до н.э.) из собрания Государственного исторического музея // ДБ. 4, 442–454.

118. Клад боспорских медных монет (I — середина IV вв. н. э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 3, 59–85 (в соавторстве с А. В. Куликовым, Т. Н. Смекаловой).

119. Two Hoards of Bosporan Coins // RN. 157, 287–303 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

120. A Hoard of Bosporan Gold Staters of the the 2nd century AD from the City-site Krasnobatareinoye // ACSS. 7. 3–4, 169–184 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

121. A Hoard of Bosporan Gold Staters of the the 2nd and 3rd centuries AD from the village of Kazanskaya // ACSS. 7. 3–4, 185–191 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

122. A Hoard of Bosporan Copper Coins (1st — mid–4th Century AD) found in Kerch (1995) // ACSS. 7. 3–4, 194–237.

123. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. I. Республика. М. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

124. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. II. Ранняя империя. От Августа до Коммода. М. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

2002

125. О монетах Тиры (собрание ГИМ), изданных В. А. Анохиным («Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья», Киев, 1989 г.) // Десятая

всероссийская нумизматическая конференция. Псков, 15 — 20 апреля 2002 г. М., 23.

126. Античные монеты // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М., 116–119.

127. Корпус монет синдов (gервая половина — конец V в. до н.э.) // ВДИ. 3, 71–84.

128. Куматырский клад бронзовых монет IV–I вв. до н.э // РА. 3, 145–152 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

129. Монетная чеканка Тиры начала I в. н.э. // ПИФК. XI, 138–143

130. Каталог золотых статеров Пантикапея IV в. до н.э. // ДБ. 5, 286–303.

131. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и Ю. В. Горловым).

132. A corpus of the Sindian Coins (First Half of the Vth — Late Vth Century BC) // ACSS. 8/3–4, 211–236.

133. The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD // BAR International Series. 1102. (совместно с S. Ireland).

2003

134. О хронологии монет с надписью **ΣΙΝΔΩΝ** // Древнее Причерноморье. V-е чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского. 12–14 марта 2001 г., Одесса. Одесса, 2003, 196–198.

135. Монеты античного города Кизика в собрании Государственного Исторического музея // Одиннадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 319–321.

136. Монетное дело Тиры конца III–I вв. до н.э. // ТГИМ. НС ГИМ. XVI, 27–57.

137. Ранние монеты Тиры // РА. 1, 155–159.

138. Cyzicus Electrum coins in the State Historical Museum Collection // XIII International Numismatic Congress. Abstracts of Papers. Madrid, 53–54.

139. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. III. От Пертинакса до Нумериана. М. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

2004

140. Кизикины из собрания Государственного Исторического музея // ВДИ. 4, 40–58.

141. A Hoard of Silver Coins of 6th — 4th centuries B. C. from the Taman Peninsula // RN. 160, 27–48 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

142. Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin.

2005

143. Варварские подражания золотым римским монетам из собрания ГИМ // Тринадцатая всероссийская конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 41–42 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

144. Монеты Ольвии в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. М. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

2006

145. Римские золотые монеты из собрания Государственного Исторического Музея. (Часть I) // ВДИ. 1, 80–103 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

146. Римские золотые монеты из собрания Государственного Исторического Музея. (Часть I) // ВДИ. 2, 53–78 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

147. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. Ч. IV. Поздняя империя. От Диоклетиана до Зенона. М. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

148. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. I. (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном, А. В. Куликовым, Т. Н. Смекаловой, О. А. Ивановой).

149. Каталог монет античной Тиры. М.

2007

150. Золотые монеты античных центров в собрании ГИМ // ТГИМ. НС ГИМ. XVIII, 65–83.

151. Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н.э. (Гигиенонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. 4, 70–113.

152. Cyzicenes from the State Historical Museum, Moscow and the State Hermitage collections, St. Petersburg // SNR. 86, 5–22 (в соавторстве с Т. Н. Смекаловой и Ю. Л. Дюковым).

153. Le trésor de Myrmekion de statères cyzicènes // RN. 163, 1–44 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

2008

154. Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. из Мирмекия (2002 г.) // РА. 1, 73–87 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном и А. В. Куликовым).

155. Памяти Людмилы Николаевны Казамановой (8.6.1923 г. — 11.2.2007) // Нумизматика. 16. Февраль, 67–68.

156. Памяти Людмилы Николаевны Казамановой (8 июня 1923 г. — 11 февраля 2007 г.) // Нумизматический альманах. 2 (34), 35–36.

157. Две группы македонских тетрадрахм римского времени из собрания ГИМ // ПИФК. XXII, 17–28 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

158. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // Боспорские исследования. Supplementum 2. (1834–2005 гг.). Симферополь; Керчь, 2007–2008 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

2009

159. Клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из пос. Куматырь (2004 г.) // ВДИ. 1, 75–109 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном, С. Л. Завьяловым).

160. О золотых монетах античного Херсонеса (46–133 гг. н.э.) // Пятнадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений.

Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009. М., 26–27 (в соавторстве с Н. Г. Новиченковой).

161. Ещё раз о времени правления Динамии, царицы Боспора (21/20–17/16 гг. до н.э.) // Нумизматические чтения 2009 года. К 80-летию А. С. Мельниковой и 90-летию В. В. Узденикова. Москва, 19–20 ноября 2009 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 8–10.

162. On Gold Coins in Ancient Chersonese // XIV International Numismatic Congress. Abstracts of papers. Glasgow, 15.

163. Caucasian Imitations of Alexander and Lysimachus' Golden Stater (from the State Historical Museum and the State Hermitage Collections) // ΚΕΡΜΑΤΙΑ ΦΙΛΙΑΣ. Τιμητικός τόμος για τον Ιωάννη Τουράτσογλου. Α. Αθήνα, 127–133.

2010

164. Медные монеты Херсонеса с датами // ПИФК. 1, 521–578.

165. Античные золотые монеты в собрании Государственного исторического музея. От античности до Византии. М. (глава II — в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

166. Античные монеты Херсонеса Таврического из собрания Государственного исторического музея (коллекция А. С. Коциевского) // ВДИ. 4, 51–95 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

2011

167. Боспорские монеты из коллекции Н. Н. Грандмезона в собрании Государственного исторического музея // ПИФК. 4, 32–76 (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

168. Денежное обращение Боспора в VI в. до н.э. — IV в. н.э. // Античное наследие Кубани. Т. II (в соавторстве с М. Г. Абрамзоном).

169. Эллинистические тетрадрахмы о-ва Фасос, тетрадрахмы так называемого «фасосского типа» и их имитации из собрания Государственного исторического музея // ПИФК. 4, 77–103 (в соавторстве с И. С. Прокоповым, В. К. Пешехоновым, М. Г. Абрамзоном).

170. Комментарий к эллинистическим тетрадрахмам Первой Македонской области из собрания Государственного исторического музея // ПИФК. 4, 104–118 (в соавторстве с И. С. Прокоповым, В. К. Пешехоновым, М. Г. Абрамзоном).

НУМИЗМАТИКА АНТИЧНОГО МИРА

© 2011

Г. А. Кошеленко, В. А. Гаибов

НЕКРОПОЛЬ ТИЛЛЯ-ТЕПЕ: ИНДИЙСКАЯ УНИКАЛЬНАЯ МОНЕТА*

В статье рассматривается уникальная индийская монета, найденная в ходе раскопок Советско-Афганской экспедиции на некрополе Тилля-тепе (район Шибергана). Она была объектом изучения ряда исследователей, из которых следует отметить, прежде всего, Ж. Фуссмана. По мнению авторов статьи, изображения на монете передают образ Будды в антропоморфном и символическом облике. Эта ранняя иконографическая схема в дальнейшем была отвергнута сангхой, но ее пережитки сохранились в ряде рельефов гандхарской школы.

Ключевые слова: Будда, буддизм, кушаны, Центральная Азия, монетное обращение, скульптура.

Зимой 1978–1979 гг. сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции в ходе исследований известного некрополя Тилля-тепе (северный Афганистан, близ города Шиберган) в различных погребениях было обнаружено несколько монет. Эти монеты стали объектом специальной публикации[1]. Позднее расширенный вариант статьи был опубликован на французском языке[2]. Все монеты представляют значительный интерес со многих точек зрения, но некоторые из них требуют повышенного внимания, являясь уникальными. Такой уникальной монетой посчитали авторы публикации этих монетных находок и артефакт, который был определен как золотая монета (№ 5), найденная в погребении № 4[3] (цв. вклейка № 1).

Обращение в данной статье к этой находке еще раз определяется несколькими причинами. Прежде всего, в настоящее время несколько иным выглядит общий хронологический контекст некрополя. В. Шильтц показала[4], что все погребения были выполнены одномоментно: центральная могила, являвшаяся местом нахож-

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: gaibov@mail.ru

Гаибов Васиф Абидович — старший научный сотрудник Отдела классической археологии РАН, кандидат исторических наук. E-mail: gaibov@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 11–01–00141а.

1 Сарианиди, Кошеленко 1982, 307–318.

2 Sarianidi, Koshelenko 1992, 21–32.

3 Фотографии и краткое описание этой монеты были даны и в итоговой публикации В. Сарианиди (Sarianidi, 1985, 36, 250; pl. 131–132).

4 Afghanistan 2007, 280.

дения тела умершего вождя, была окружена могилами, куда были помещены тела всех женщин его гарема. В силу этого подход к анализу нумизматического материала должен быть иным, нежели ранее. Монеты, найденные в некрополе, могут рассматриваться как своеобразный клад короткого накопления, представляющий собой «срез» монетного обращения в данном регионе в конкретный отрезок времени.

При первой публикации монеты было дано следующее ее описание. Вес монеты — 4,33 гр. Лицевая сторона: мужская обнаженная (?) фигура стоит, опираясь на «колесо дхармы» (с восьмью спицами). Легенда (кхарошти, пракрит): dharmacakrapravatana (санскр. dharmacakrapravartana — «поворот колеса дхармы» (возможно, вместо «kra» и «pra», следует читать «ka» и «pa», то есть не санскритские, а пракритские формы)[5]. Оборотная сторона: лев, стоящий влево, одна из передних лап поднята. Перед ним знак «пандипада» (круг, увенчанный трезубцем). Легенда: sihavigadabhaya (санскр. simhavigatabhaya) — «бесстрашный лев», то есть «как лев бесстрашный».

Хотя авторы классифицировали данный предмет как монету, они вместе с тем указали, что ни одной прямой аналогии в работах по древнеиндийской нумизматике ему найти невозможно[6]. Они отмечали также, что изображение льва на этом предмете очень близко тем изображениям, которые достаточно часто встречаются на местных индийских монетах (в частности, происходящих с монетного двора Таксилы), а также на монетах греко-индийских и сакских царей. Самая близкая аналогия — серебряная монета, происходящая из Северной Индии и датируемая I в. до н.э.[7] На ее лицевой стороне имеется изображение льва вправо и буддийского символа «пандипада» над ним. На оборотной стороне — «колесо дхармы». Легенда (на лицевой стороне на брахми, на оборотной — на кхароштхи): vrsni raja jhaganasya bhubharasya[8].

Естественно, что подобная находка вызвала значительный интерес специалистов. При этом самый первый отклик появился еще до того, как монеты некрополя стали объектом отдельной публикации. Известный индийский специалист по древней истории Б.Н. Мукерджи, основываясь на данных, извлеченных из кратких информационно-популярных статей В.И. Сарианиди[9], предложил свое понимание данного объекта[10]. Он, прежде всего, утверждал, что данный артефакт безусловно является монетой, выпущенной одним из кочевнических правителей, создавшим свое государство на руинах Греко-бактрийского и Индо-греческого царств. Приводилась и достаточно определенная датировка (на основании палеографии надписей): конец I в. до н.э. — начало I в. н.э. Фигуру с колесом дхармы он определял как синкретический образ — возможно, Кришны-Геракла. Б.Н. Мукерджи также предложил и свое чтение легенд, полностью отличное от того, что

[5] Все чтения и переводы легенд, а также палеографические наблюдения принадлежат В.В. Вертоградовой и А.А. Вигасину. См. также Вигасин 2007, 158–159.

[6] Авторы ссылаются на следующие работы: (Cunningham 1891; Rapson 1898; Smith 1906; Allan 1936; Jenkins, Narain 1957; Maity 1970; Bhattcharyya 1971).

[7] Cunningham 1891, pl., IV, 15; Allan 1936, pl. XVI, 5.

[8] Чтение А. Каннингэма ставится под сомнение Дж. Алланом.

[9] Sarianidi 1979, 29–32; 1980, 31–41.

[10] Mukherjee 1981, 41–45.

было предложено В. В. Вертоградовой и А. А. Вигасиным. В частности, он видел там и имя царя.

Почти немедленно откликнулся на данную находку и Ж. Фуссман[11]. Он предполагал, что фигура на аверсе представлена бородатой и одетой в прозрачное одеяние, ниспадающее до колен. Легенда лицевой стороны читается им следующим образом: dharmacakrapravata[ko?]. Легенда же оборотной стороны — Sih[o?] vigatabhay[o?]. Его чтения практически не отличаются от чтений В. В. Вертоградовой и А. А. Вигасина, но трактовка их несколько иная. В частности, легенда лицевой стороны переводится им как «тот, кто привел в движение колесо дхармы». Таким образом, надпись расшифровывает сцену, представленную на лицевой стороне и прямо указывает, что здесь изображен Будда. Надпись оборотной стороны им переводится следующим образом: «лев, который изгнал страх» – то есть прямая аллюзия на Будду, которого очень часто определяли, как «льва Шакьев». Ж. Фуссман придает особое значение тому обстоятельству, что обе надписи даны в именительном падеже, что отличает их от монетных легенд, которые всегда представлены в родительном падеже[12]. Соответственно, он считает, что данный предмет не может быть собственно монетой. Скорее всего, это жетон, который индийцы называли «храмовой монетой» и который вручался самым щедрым донаторам[13]. В таком случае на обе стороны диска наносились оттиски двух печатей. На палеографических основаниях Ж. Фуссман датирует данный артефакт периодом ок. 50 г. до н.э. — 50 г. н.э. Местом производства, по его мнению, вероятнее всего являлась северо-западная Индия, и создавал его индо-греческий гравер. Наконец, самое важное, с нашей точки зрения, — на данном предмете, как указал Ж. Фуссман, впервые представлен образ Будды в антропоморфной форме. При этом автор указывает, что, по его мнению, должно было пройти примерно 50 лет между появлением монументальной статуи и ее воспроизведением в «малых формах», например, на монете, такой как данная.

Несколько позднее к этому же сюжету обратился Д. В. Мак Доуэлл[14]. Основной задачей его исследования было проследить процесс проникновения буддийских идей в монетный чекан региона в хронологический промежуток от греко-бактрийских правителей до кушанских царей. В связи с этим он проводит «ревизию» всех изображений, которые ранее определялись как изображения Будды на ранних монетах, и исключает из этого списка все (Азеса II, Мауеса, Куджулы Кадфиза), предшествующие известному чекану Канишки, в котором представлены золотые и бронзовые монеты, имеющие надпись «Будда». Необходимо, однако, подчеркнуть, что эта точка зрения сейчас господствует в литературе[15]. Д. В. Мак Доуэлл

[11] Fussman 1982, 155–169.

[12] Данное утверждение не кажется убедительным, поскольку некоторые выпуски практически одновременных монет (например, монеты царя «Великого Спасителя») имеют легенды в именительном падеже.

[13] Эта идея была высказана Ж. Фуссманом впервые (в его рецензии на книгу Mukerjee B. N. Nana on Lion. Calcutta, 1969 — Bulletin de l'École Françise d'Extrême Orient. T. LVIII, 1971. P. 299–302) в отношении известной «монеты», на одной стороне которой имелось изображение быка с двумя надписями (греческой — ΤΑΥΡΟΣ и кхароштхи “usabha” — то есть «бык»), а на другой — изображение женской фигуры, сопровождаемое надписью на кхароштхи “Pukhalavadidevada” («божество Пушкалавати»). Пушкалавати — Певкалаотис — современная Чарсада близ Пешавара.

[14] Mac Dowell 1987, 179–190.

[15] Fussman 1982, 155–169; Cribb 1984, 44–53; 1985, 59–87.

не повторяет идею Ж. Фуссмана относительно жетона, предпочитая называть этот предмет медальоном. Его он специально рассматривает потому, что, с точки зрения иконографии, он очень близок монетам. Во всех значащих моментах он строго следует Ж. Фуссману, хотя создается впечатление, что он не совсем правильно понимает чтение легенд, предложенное французским исследователем. Опираясь на палеографические наблюдения Ж. Фуссмана, Д. В. Мак Доуэлл также датирует медальон периодом от 50 г. до н.э. вплоть до 50 г. н.э., отмечая вместе с тем, что даже при таком уточнении очень трудно решить, с каким из правителей этого времени можно связать данный медальон, так как в рамках этого периода существовала династия Аза, индо-парфяне и ранние кушаны. Видимо, в связи с этим в таблице, завершающей статью, где представлены итоги его исследования, этот медальон отсутствует.

На этом, насколько нам известно, закончились дискуссии по поводу данной находки, о чем нельзя не пожалеть. Уже в очень обстоятельных статьях Дж. Криббa[16], в которых рассматриваются не только монеты, но и произведения искусства, связанные с проблемой происхождения антропоморфного образа Будды, монета (медальон) из Тилля-тепе полностью игнорируется. То же самое можно сказать и по поводу очень интересной книги Л. Неру[17], в которой детально исследуется процесс становления гандхарской скульптурной школы, данный артефакт в ней также не упоминается. Интерес к данному артефакту сохранял только Ж. Фуссман, который в статье, опубликованной в 1987 г., развивал и уточнял свои идеи. Его окончательная датировка предмета — 50–1 гг. до н.э.[18].

Такое невнимание совершенно не понятно, поскольку мы имеем дело с одним из ключевых артефактов в ряде дискуссионных проблем истории искусства и культуры центральноазиатского региона, которые не могут считаться решенными.

Некоторый интерес к объекту вновь появился только в самое последнее время, что было связано с выставками произведений древнего искусства Афганистана из собраний Кабульского музея (главным образом на них представлены находки из раскопок Тилля-тепе), которые путешествуют по Европе и Америке. Естественно, что в «Каталогах» этих выставок упоминается и данный предмет. Как правило, эти описания достаточно краткие. Среди таких описаний, на наш взгляд, наиболее важное принадлежит В. Шильц[19]. Она называет этот предмет медалью, датирует его последней четвертью I в. до н.э.,[20] также она согласна с Фуссманом относительно одежды персонажа, представленного на аверсе. Важным кажется и ее поддержка точки зрения Ж. Фуссмана относительно того, что здесь представлено древнейшее изображение Будды в антропоморфной форме, относящееся к тому периоду, когда еще не установился канон.

---

[16] Cribb 1984, 44–53; 1985, 59–87.

[17] Nehru 1989.

[18] Fussman 1987, 71–73, 84.

[19] Afghanistan 2007, 280.

[20] Отметим, что в печатном «Каталоге» дата указана следующим образом: «вторая четверть I в.», но в подаренном В. Шильц одному из авторов данной статьи экземпляре ее рукой красными чернилами сделана поправка — «последняя четверть I в. до н.э.».

В отечественной науке интерес к данному артефакту проявил только Т. К. Мкртычев[21].

Подводя некоторые итоги этому краткому историографическому обзору, попытаемся сформулировать те выводы, которые проистекают из рассмотрения данного артефакта специалистами. К сожалению, невозможно дать точное определение данному артефакту: с равным основанием его можно определить и как монету (что кажется предпочтительным), и как медаль. Чтение легенды, предложенное тремя специалистами (А.А. Вигасиным, В. В. Вертоградовой и Ж. Фуссманом), конечно, предпочтительнее, чем иные. Интерпретация легенды Ж. Фуссманом представляется более адекватной, поскольку в данном случае хорошо согласуются легенды и изображения на обеих сторонах. На лицевой стороне наличествует изображение человека в прозрачных одеждах, который с заметным усилием поворачивает колесо. Надпись («тот, кто привел в движение колесо дхармы») прямо указывает на то, что здесь представлено не просто колесо, но колесо дхармы и, соответственно, человек, совершающий этот поворот, — Будда. Согласно буддийской традиции, после своего «просветления» Будда произнес первую проповедь в окрестностях города Варанаси. Это событие буддисты называли «поворотом колеса дхармы», что означало начало царства праведности, начало нового периода в существовании вселенной[22].

Таким образом, на данном артефакте представлены два изображения Будды: в виде символа (льва) и в антропоморфной форме. Что касается датировки, то более приемлемой в настоящее время представляется более широкая: от 50 г. до н.э. вплоть до 50 г. н.э., хотя, конечно, вполне возможно, что более узкая дата, предложенная В. Шильц, справедлива. По всей видимости, тот образ Будды, который представлен на аверсе, является древнейшим из известных в настоящее время примеров антропоморфного изображения Будды.

Общеизвестно, что первоначально буддийское искусство воспроизводило Будду исключительно с помощью символов[23], только относительно поздно антропоморфное его воспроизведение стало допустимым, а затем и повсеместно распространенным[24]. Проблема становления этого образа имеет уже огромную литературу. Не претендуя на обстоятельность, отметим эти проблемы самым кратким образом, оставаясь в пределах, в сущности, лишь археологического подхода, не касаясь вопроса о доктринальной позиции, выработанной в сангхе. Видимо, справедливо мнение тех исследователей, которые считают, что долгое отсутствие антропоморфных изображений Будды — результат прямого запрета[25]. Точно так же появление подобных изображений связано с определенными концептуальными нововведениями, появляющимися в различных течениях буддийского вероучения[26].

---

[21] Мкртычев 2002, 16.

[22] Бонгард-Левин, Ильин 1985, 342; Бонгард-Левин 2007, 161; Кочетов 1983, 11; Торчинов 2000, 13.

[23] Одно из объяснений этого см. Gupta 1981, 134–139.

[24] Впрочем, необходимо указать на некоторые исследования (см., например, Huntington 1985, 23–58), построенные практически только на анализе буддийской письменной традиции, которые говорят о много более раннем появлении его антропоморфных изображений.

[25] Sharma 1984, 145.

[26] Krishan 1964, 61–70; Myer 1986, 107–142; Schopen 1988–1989, 153–160.

Проблема появления антропоморфного образа Будды теснейшим образом связана с другой проблемой — западного (античного) вклада в процесс развития искусства Индии в древности. Кроме того, она теснейшим образом связана и с проблемой роли двух важнейших скульптурных школ того времени: Гандхары и Матхуры. В конце XIX — начале XX вв. искусство Гандхары понималось, прежде всего, как греко-буддийское. Соответственно, считалось, что антропоморфный образ Будды впервые создавался именно здесь и под греческим влиянием. Предполагалось, что прообразом для Будды стал образ Аполлона[27]. Этот греческий вклад был естественным результатом массового присутствия в этом регионе греков, оказавшихся здесь после походов Александра Македонского. Как известно, кочевническое завоевание греческого царства в Бактрии привело к миграции греков на территорию северо-западной части Индийского субконтинента.

Однако уже и в этот период некоторые исследователи стремились доказать, что античный вклад в искусство Индии и, в частности, в гандхарскую школу, приходил не от греков, а от римлян. Поскольку в это время были установлены факты достаточно тесных торговых связей между Римской империей и древней Индией, то для некоторых исследователей источником античных элементов в искусстве Гандхары стали произведения римского провинциального искусства, поступавшие по торговым путям, или даже созданные странствующими мастерами, прибывшими из пределов Римской империи и осевшими в Индии. Создателем этой концепции стал В. Смит[28]. В соответствии со своей конструкцией он относил первоначально начало процветания школы Гандхары к периоду примерно с 200 г. н.э., а период упадка — к 350–450 гг. Позднее он сдвинул на столетие начало школы, отнеся его примерно к 100 г. н.э.[29]. Неудачные попытки А. Фуше найти греческие слои в Бактрах — столице Греко-Бактрии — усилили позиции сторонников данной концепции. Позднее замечательные открытия Французской экспедиции в Беграме, где было найдено значительное число художественных предметов, ввезенных из Средиземноморья, еще более усилили аргументацию сторонников этой концепции. Ее активно поддерживал Х. Бахтэл[30]. Очень активным пропагандистом этой системы взглядов был Б. Роуланд[31], ее также поддерживали А. Сопер[32], Х. Ингхольт[33], наконец, Х. Аккерман[34]. Кажется, в наиболее отчетливом и законченном виде эту концепция сформулировал М. Уилер[35].

Однако бактрийская неудача способствовала еще одному «надлому» старой системы взглядов. Отрицание роли греков в развитии искусства данного региона в целом привело к отрицанию их роли и в отдельно взятом, конкретном аспекте процесса. Результатом этого стало противопоставление двух ведущих школ: Гандхары и Матхуры. Именно Матхура стала считаться той скульптурной школой, где

[27] Grünwedel 1900; Foucher 1913, 231–272.
[28] Smith 1889, 107–198; 1889a, 209–215; 1893, 50–76; 1903, 1–64; 1906; 1930.
[29] Smith 1911, 52–53.
[30] Buchthal 1943, 137–148; 1944, 21–32; 1945, 151–176; 1945a, 66–73.
[31] Rowland 1942, 445–448; 1945, 223–236; 1946, 44–47; 1949, 1–10; 1958, 8–17; 1958a, 199–208; 1961, 6–12; 1963.
[32] Soper 1951, 301–319
[33] Ingholt 1954; 1957.
[34] Ackermann 1975.
[35] Wheeler 1955, 141–214.

впервые возник антропоморфный образ Будды. При этом создатели данной концепции подчеркивали, что антропоморфный образ Будды должен был появиться впервые именно на «национальной почве», то есть в Матхуре[36]. Концепция Кумарасвами первоначально имела, кажется, чисто декларативное оформление, будучи лишена серьезной доказательной базы[37]. Однако вскоре подобная база была создана, главным образом благодаря исследованиям таких ученых, как Лохвизен де Леев[38]. В последние десятилетия особенно активно данную концепцию развивает и защищает Р. С. Шарма[39]. По мнению исследователей, придерживающихся данной концепции, антропоморфное изображение Будды появилось в Матхуре на столетие (или, в крайнем случае, на полстолетия) раньше, чем в Гандхаре, то есть в конце первого века до н.э. — начале первого века н.э.[40] или в первой половине первого века н.э.[41] Прообразом для статуй стоящего Будды, по их мнению, были изображения Якш, а образ сидящего Будды был заимствован из репертуара джайнского искусства[42]. Подобные взгляды сейчас достаточно широко распространены[43]. В литературе присутствует и несколько видоизмененная концепция: антропоморфный образ Будды возникает в Матхуре, но в Гандхаре практически немедленно принимают это «изобретение» и тут же перерабатывают его в эллинистическом духе[44].

В современных исследованиях высказывается мнение, что в Матхуре древнейшие антропоморфные изображения Будды были созданы еще до перехода этой области под власть кушан. Опираясь на эпиграфические памятники, исследованные Х. Людерсом, П. Миер указывает на существование нескольких несохранившихся (известных только по надписям) памятников, воспроизводивших Будду в период власти кшатрапов[45], некоторые исследователи уточняют — древнейшее воспроизведение появилось при махакшатрапе Содаше приблизительно в 15 г. н.э.[46] Б. Н. Мукерджи несколько сдвигает время: он говорит о времени царя Сенаварма (область Оди), современнике и вассале кушанского царя Куджулы Кадфиза[47]. При этом часто указывается, что все ранние изображения Будды носят «эксперимен-

[36] Coomaraswamy 1926, 165–170; Coomaraswamy 1927, 1–43; Agrawala 1932, 7–10.

[37] Sharma 1970, 16. Отметим в связи с этим, что в это время высказывались достаточно экстравагантные мнения. Например, В. С. Агравала (Agrawala 1932, 7–8) считал, что расцвет матхурской школы приходится на время владычества здесь царей кушанской династии (примерно 1 г. н.э. до 178 г. н.э.), при этом антропоморфное изображение Будды появилось при Канишке, который был третьим царем династии (после Кадфиза I и II).

[38] Van Lohuizen — de Leeuw 1949; Joshi 1966, 25–26; Van Lohuizen — de Leeuw 1981, 377–400. Любопытна их система аргументации. Матхура являлась важнейшим центром инноваций в искусстве индуизма и джайнизма. Следовательно, есть все основания думать, что таковую же роль Матхура сыграла и в буддийском искусстве (Van Lohuizen — de Leeuw 1972, 27–43).

[39] Sharma 1984.

[40] Sharma 1984, 150–167.

[41] Вертоградова 1975, 331.

[42] Sharma 1970, 19–20, 23–25.

[43] Сидорова 1972, 48–50.

[44] Cribb 1985, 59–87.

[45] Myer 1986, 11.

[46] Quintanilla 2007, 249. Близкие, но не идентичные взгляды высказывал и Х. Хертель (Härtel 1985, 653–678).

[47] Mukerjee 1983, 113–115.

тальный» характер, то есть достаточно сильно отличаются от канонических изображений, характерных для кушанской эпохи и более позднего времени.

В связи с данной проблемой необходимо указать на поразительную несогласованность в рамках единой концепции политической и художественной истории Матхуры. Наиболее отчетливо эта несогласованность заметна у Р. С. Шармы. К началу I в. до н.э. он относит появление в Матхуре правителей династии Митра: Гомитра, Сурьямитра, Вишнумитра, затем правит следующая династия — Пурушадатта, Уттамадатта, Бхавадатта, Камадатта, Рамадатта, Шешадата и т.д., в середине I в. до н.э. здесь появляются скифо-парфяне (также несколько правителей), наконец, власть кушан устанавливается в Матхуре при Виме Кадфизе, правление которого Шарма относит к середине I в. н.э.[48].

В последние десятилетия, однако, «маятник» качнулся в обратную сторону. Проблема становления скульптурной школы Гандхары приобрела достаточно твердый и надежный фундамент. Греческие элементы в процессе ее становления перестали быть мифом или абстракцией и приобрели черты твердой реальности. Первый шаг был сделан Д. Шлюмберже, который на базе результатов раскопок в Сурх-Котале вновь поставил вопрос о греческом наследии в искусстве Центральной Азии[49]. В дальнейшем открытие Французской археологической делегацией (под руководством П. Бернара) подлинного греческого города в Центральной Азии — городища Ай Ханум — сняло все вопросы относительно роли греческого компонента в процессе эволюции культуры и искусства данного региона в античную эпоху. Значимость этих открытий была столь велика, что даже некоторые из наиболее ярких приверженцев «римской» концепции были вынуждены, хотя бы отчасти, изменить свои взгляды[50].

Эти новые факты стали основанием для того, чтобы выступить против тезиса о «приоритете» Матхуры в создании антропоморфного образа Будды. Такова, в частности, позиция Ж. Фуссмана. Он выявил (правда, на основании только палеографических особенностей надписи, сопровождавшей статую) изображение Будды в Гандхаре, предшествующее 50 г. н.э.[51]. Ж. Фуссман вообще в последнее время упорно проводит мысль о том, что скульптурный образ Будды появился около рубежа эр[52].

Таким образом, исследуемый нами артефакт достаточно надежно ставится в общий контекст эволюции буддийского искусства Гандхары. Он представляет собой миниатюрное воспроизведение уже существовавшего статуарного антропоморфного образа Будды. Этот образ был «экспериментальным» и позднее был вытеснен новыми, ставшими каноническими. Однако в Гандхаре найдено несколько

---

[48] Sharma 1984, 23–27. Современные представления о хронологии см. Alram 1999, 19–48; Cribb 1999, 177–206.

[49] Schlumberger 1970.

[50] См., например, Rowland 1975, 320–322.

[51] Fussman 1985. P. 43–45. Датировка основывалась на некоторых особенностях написания ряда знаков, которые показывают, что надпись (и, соответственно, статуя) не могут быть датированы временем более поздним, чем царствование Вимы Кадфиза. Оно определяется Ж. Фуссманом исходя из 78 г. как начального года царствования Канишки I.

[52] Fussman 1988. Естественно, что попытки утверждать, что скульптурный образ Будды появился уже в эпоху Маурьев (Huntington 1985), встречают со стороны Ж. Фуссмана (Fussman 1987, 373) решительное осуждение.

Рис. 2

Рис. 3

рельефов, в которых их генетическая связь с образом, представленным на нашем артефакте, видна весьма отчетливо. Мы имеем в виду тот вариант сцены первой проповеди, где сидящий Будда касается рукой колеса дхармы или колесо украшает его трон. Не перечисляя всех известных образцов этого рода сцен (которых в Гандхаре достаточно много)[53], приведем только несколько примеров.

Прежде всего, необходимо отметить рельеф, найденный в Таксиле в монастырском комплексе Дхармараджика, расположенного между Бхир-маундом и Сиркапом и возникшего, видимо, еще при Ашоке[54]. Рельеф (рис. 2) представляет собой типичное изображение сцены первой проповеди с сидящим Буддой, окруженным его первыми учениками[55]. Правая рука Будды изображена касающейся колеса дхармы. Очень близкий рельеф (рис. 3), также происходящий из Гандхары, хранится в Пешаварском музее[56]. Сходный стилистически рельеф с аналогичной сценой (рис. 4) имеется и в лондонском Музее Виктории и Альберта. Здесь наблюдается только одно значащее отличие: Будда не касается рукой колеса, оно — самостоятельное украшение его трона[57]. Рельеф происходит из долины Свата и датируется Аккерманном первой половиной IV в. Наконец, необходимо указать еще на один рельеф этого же типа (рис. 5), сходный с «лондонским» и хранящийся в Музее г. Лакнау. Рельеф датируется третьим веком н.э.[58]

Таким образом, мы видим, что на протяжении длительного времени (с конца I по IV вв.) в искусстве Гандхары присутствует иконографический вариант сцены первой проповеди, который явно восходит к тому антропоморфному образу, представленному на рассматриваемом артефакте. Необходимо отметить, что параллельно существовал и другой вариант, который отражал более раннюю стадию иконографического развития. Речь идет о сценах, где на троне располагается не Будда, а его символический эквивалент — колесо дхармы. Подобный рельеф хранится в музее г. Лакнау[59].

Нельзя не согласиться с тем, что создание данного артефакта или того предмета, который послужил прообразом для него, было делом рук мастера, знакомого с греческими формами искусства и применившего их в своем творчестве. На медальоне из Тилля-тепе Будда представлен в движении, он с явным усилием поворачивает колесо дхармы. Это достаточно сильно отличается от обычного образа Будды, который всегда представлен в статичной позе, как созерцатель. Можно полагать, что возник этот образ в греко-индийской среде, в Гандхаре, являясь отражением каких-то не совсем нам ясных представлений в художественной и, может быть, доктринальной сфере буддийской сангхи того времени[60].

---

[53] Hargreaves 1977, 33–34.

[54] О раскопках этого комплекса см. Marshall 1960, 102–123; Marshall I, 1975, 230–273; Dani 1986, 118–131.

[55] Marshall II, 1975, 717; III, pl. 20, № 118; Nehru 1989. pl. 140; Van Lohuizen — de Leeuw 1949, pl., IV.

[56] Nehru 1989, pl. 14.

[57] Ackermann 1975, 143; pl. LXVII.

[58] Joshi, Sharma 1969, 61–62, fig. 14. Происхождение его не известно.

[59] Ibid., fig. 15. Иконографическая схема, типичная для более ранних стадий развития буддийского искусства, отчетливо представлена в Санчи (см. Masson-Oursel, Willman-Grabowska, Stern 1951, pl. VI e-f.)

[60] См., например, свидетельства, собранные и интерпретированные (Schopen 2007, 287–318), указывающие на приоритет живописи в декоре буддийских монастырей раннего времени.

Рис. 4

Рис. 5

Таким образом, есть все основания отдать приоритет в создании антропоморфного образа Будды Гандхаре, а не Матхуре, поскольку в последней тема первой проповеди была много менее популярна. Даже в тех немногих сценах этого содержания связь между Буддой и «колесом закона» не выглядит столь тесной, как в Гандхаре. Колесо здесь предстает чаще всего в виде простого украшения трона, да к тому же еще часто передано в профиль.

Вторая проблема, для решения которой данный артефакт является, с нашей точки зрения, важным источником, — это проблема проникновения буддизма в Бактрию. До недавнего времени практически все исследователи помещали это явление в рамки кушанского периода (как правило, начиная со II в. н.э.)[61]. Перед нами же предмет, который происходит с территории Бактрии, но датируется зна-

[61] Подробнее см. Мкртычев 2002, 16–19, здесь же и предшествующая литература. См. также Fussman 1987, 343. Необходимо указать, что существует и другая точка зрения. Согласно этой точке зрения, начало проникновения буддизма на территории Средней Азии имело место еще в период существования Греко-Бактрийского царства (Литвинский 1972, 148).

чительно более ранним временем. Важно понять, появился ли он здесь, например, как часть военной добычи в результате похода на территорию северо-западной Индии или его принес с собой буддийский монах-миссионер. Конечно, сам артефакт не может ничего сказать по этому поводу, но сейчас появились некоторые новые материалы, которые необходимо учитывать. Имеются в виду результаты раскопок французских археологов в Бактрах и обнаружение там бактрийской ступы, датируемой концом I в. н.э.[62]. Таким образом, проблема начала проникновения буддизма в среднеазиатские области к северу от Гиндукуша вновь приобретает актуальность, и в новых подходах к ее решению загадочный артефакт из раскопок Тилля-тепе должен также учитываться.

ЛИТЕРАТУРА

Бонгард-Левин Г.М. 2007: Древнеиндийская цивилизация. История, религия, философия, эпос, литература, наука, встреча культур. М.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. 1985: Индия в древности. М.

Вертоградова В.В. 1975: Скульптура // Культура древней Индии. М.

Вигасин А.А. 2007: Древняя Индия. От источника к истории. М.

Кочетов А.Н. 1983: Буддизм. М.

Литвинский Б.А. 1972: Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм. Сборник статей памяти академика Ф.И. Щербатского / Н.И. Конрад, Г.М. Бонгард-Левин (ред.). М, 148–169.

Мкртычев Т.К. 2002: Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). М.

Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. 1982: Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан) // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 307–318.

Сидорова В.С. 1972: Художественная культура Древней Индии. М.

Торчинов Е.А. 2000: Введение в буддологию. СПб.

Ackermann H.C. 1975: Narrative Stone Reliefs from Gandhara in Victoria and Albert Museum in London. Rome.

Bernard et V. Schiltz 2007: Afghanistan. Les trésors retrouvés. Collections du Musée national de Kaboul. Sous la direction *de P.* Cambon en collaboration *avec J.*-F. Jarrige. Paris.

Agrawala V.S. 1932: Handbook of the sculpture in the Curzon Museum of archaeology. Mutta; Allahabad.

Allan J. 1936: Catalogue of the coins of Ancient India. London.

Alram M. 1999: Indo-Parthian and early Kushan chronology: the numismatic evidence // Coins, art, and chronology. Essays on the pre-Islamic History on the Indo-Iranian Borderlands / M. Alram, D.E. Klimburg-Salter (eds.). Wien, 19–48.

Audouin R., Bernard P. 1974: Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan) II. Les monnaies indogrecques // Revue numismatique. VIe Sér. T. XVI, 7–41.

Bernard P., Besenval R., Marquis Ph. 2006: "Du mirage bactrien" aux réalités archéologiques: nouvelles fouilles de Délégation archéologique française en Afghanistan (DAFA) à Bactres (2004–2005) // CRAI. 150/2, 1175–1248.

Besenval R., Marquis P. avec la coll. *de Mongne P.* 2009. La rêve accompli d'Alfred Foucher à Aactres. Premiers resultants des campagnes menées depuis 2004 par la Délégation archéologique française en Afghanistan et la Mission archéologique française en Bactriane d'Afgha-

[62] Bernard, Besenval, Marquis 2006, 1217–1229; Besenval, Marquis 2009, 216–218.

nistan en collaboration avec l'Institut afghan d'Archéologie // Buddhisme d'Asie. Monuments et littératures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1868–1952) réunie vendredi 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Recueil édité *par P.*-S. Filliozat *et J.* Leclant. Paris, 211–242.

Bhattchayya A. 1971: Indian Coins in the Musée Guimet. Calcutta.

Buchthal H. 1943: The Common Classical Sources of Buddhist and Christian Narrative Art // JRAS (New Series). 75/3–4, 137–148.

*Buchthal H.*1944: The Foundations for a Chronology of Gandhara Sculpture // Transactions of the Oriental Ceramic Society (1942–1943). XIX, 21–32.

Buchthal H. 1945: The Western Aspects of Gandhara Sculpture // Proceedings of the British Academy. London, 151–176.

Buchthal H. 1945: The Haugthon Collection of Gandhara Sculpture // The Burlington Magazine. LXXXVI–LXXXVII, 66–73.

*Coomaraswamy A.K.*1926: The Indian origin of the Budda image // Journal of the American Oriental Society. 46, 165–170.

Coomaraswamy A.K. 1927: The origin of the Budda image // The Art Bulletin. IX/4, 1–43.

*Cribb J.*1984: Kanishka's Buddha coins // Numismatic Digest. Vol. VIII. Pts. I–II, 44–53.

*Cribb J.*1985: A re-examination of the Buddha images o the coins of Kaniska: new light on the origin of the Buddha image in Gandharian art // Essays on Buddhist art of South Asia / A.K. Narain (ed.). New Delhi, 59–87.

Cribb J. 1999: The early Kushan Kings: new evidence for chronology. Evidence from the Rabatak Inscription of Kanishka I // Coins, art, and chronology. Essays on the pre-Islamic History on the Indo-Iranian Borderlands / M. Alram, D.E. Klimburg-Salter (eds.). Wien, 177–206.

*Cunningham A.*1891: Coins of Ancient India. London.

*Dani A.H.*1986: The Historic city of Taxila. Paris.

Foucher A. 1913: L'Origine grecque de l'image du Buddha // Annales du Musée Guimet. Bibliothèque de vulgarisation. T. XXXVIII, 231–272.

*Fussman G.*1982: Monnaie d'or de Kaniska inedited, au type du Buddha // RN. 6e serie. XXIV, 155–169.

*Fussman G.*1985: Un Buddha inscrit des début de n.é. // Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. LXXIV, 43–45.

Fussman G. 1987: Chronique des Études Kouchanes (1978–1987) // Journal Asiatique. CCLXXV/3–4, 333–400.

Fussman G. 1987: Numismatic and Epigraphique Evidence for the Chronology of Early gandharian Art // Investigating Indian Art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and hindu iconography held at the Museum of Indian art Berlin in may 1986. Berlin, 66–88.

Grünwedel A. 1900: Buddhistische Kunst in Indien. Berlin.

Gupta S.K. 1981: Cause of the absence of the Buddha image in the early Indian art // K. P. Jayaswal commemoration volume. Patna, 134–139.

Hargreaves H. 1977: Sculptures in the Peshavar Museum. Delhi. (reprint edition).

Härtel H. 1985: The concept of the Capardin Buddha type of Mathura // South Asia Archaeology 1983. Vol. II. Naples, 653–678.

Huntington J.C. 1985: The origin of the Buddha image: Early Image Traditions and the Concept of Buddhadar Śanapunya // Studies in Buddhist Art of South Asia / A.K. Narain (ed.). New Delhi, 23–58.

*Ingholt H.*1954: Palmyrene and Gandharan Sculpture. New Haven.

*Ingholt H.*1957: Gandharan Aret in Pakistan. New York.

Jenkins G.K., Narain A. 1957: The coin types of the Saka-Pahlava kings of India. Benares.

Joshi N.P. 1966: Mathura Sculpture. Mathura.

Joshi N. P., Sharma R. C. 1969: Catalogue of Gandhara Sculptures in State Museum, Lucknow. Lucknow.

Krishan Y. 1964: Was Gandhara art a product of Mahayana Buddhism? // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. Pt. 3–4, 61–70.

Mac Dowell D. W. 1987: The Development of Buddhist Symbolism on the Coinage of the North West // Investigating Indian Art. Proceedings of a symposium on the development of early Buddhist and hindu iconography held at the Museum of Indian art Berlin in may 1986. Berlin, 179–190.

*Maity A. K.*1970: Early Indian coins. New Delhi.

Marshall J. 1960: A Guide to Taxila (fourth edition). Cambridge.

*Marshall J.*1975: Taxila. An illustrated Account of archaeological excavations carried out of Taxila. Vol. I–III. New Delhi.

Masson-Oursel P., Willman-*Grabowska H.* de, *Stern P.* 1951: Inde antique et la civilization indienne. Paris.

*Mukherjee B. N.*1981: A gold coin from Tillya-tepe (Afghanistan) // The Journal of the Numismatic Society of India. Vol. XLIII. Pt. 1, 41–45.

*Mukherjee B. N.*1983: An epigraphic evidence about iconic representation of Buddha // ŚRINIDHIH. Perspectives in Indian archeology, art and culture. Shri K. R. Srinavasan festschrift. Madras, 113–115.

Myer P. R. 1986: Bodhisattvas and Buddhas: early Buddhist images from Mathura // Artibus Asiae. Vol. XLVII. 2, 107–142.

Nehru L. 1989: Origins of the Gandharan Style. A Study of contributory influences. Delhi.

Quintanilla S. R. 2007: History of early stone sculpture at Mathura ca. 150 BCE — 100 CE. Leiden; Boston.

Rapson J. 1898: Indian coins (Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde. Bd. II. H. 3 B.). Strassburg.

Rowland B. 1936: A Revised Chronology of Gandhara Sculpture // The Art Bulletin. XVIII, 387–400.

Rowland B. 1942: Gandhara and Late Antique Art: the Buddha Image // AJA. XLVI, 445–448.

Rowland B. 1945: Gandhara and Late Antique Art: Buddha Palliatus // AJA. XLIX, 223–236.

Rowland B. 1946: Gandhara and Late Antique Art: The Homme-Arcade and the date of the Bimaran Reliquary // The Art Bulletin. XXVIII, 44–47.

Rowland B. 1948: A note on the invention of the Buddha Image // Harvard Journal of Asiatic Studies. II, 181–186.

Rowland B. 1949: The Hellenistic Tradition in North-western India // The Art Bulletin. XXXI, 1–10.

Rowland B. 1958: Gandhara, Rome and Mathura: the Early Relief Style // Archives of the Chinese Art Society of America. X/8–17.

Rowland B. 1958a: Rome and Gandhara // East and West. 9/3, 199–208.

Rowland B. 1961: Bodhisattvas or Deified King: A Note on Gandhara Sculpture // Archives of the Chinese Art Society of America. XV, 6–12.

Rowland B. 1963: The Evolution of the Buddha Image. New York.

Rowland B. 1966: Ancient Art from Afghanistan. Tresures of the Kabul Museum. New York.

Rowland B. 1971: Art in Afghanistan. Objects from the Kabul Museum. London.

Rowland B. 1975: Graeco-Bactrian Art and Gandhara: Khalchayan and the Gandhara Bodhisattvas // Центральная Азия в кушанскую эпоху / Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Т. II. М., 320–322.

Sarianidi V.I. 1979: Ancient Gold from the Melting-Pot of Central Asia // UNESCO courier, 29–32.

Sarianidi V.I. 1980: The treasure of Golden Mound // Archaeology. XXXIII/3, 31–41.

Sarianidi V.I. 1985: Bactrian Gold from the excavations of the Tillya-tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad.

Sarianidi V.I., Koshelenko G.A. 1992: Les monnaies de la nécropole de Tillia-tepe (Afghanistan) // Studia Iranica. T. 21. Fasc. 1, 21–32.

Schlumberger D. 1970: L'Orient hellénisé. L'art grec et ses héritiers dans l'Asie non méditerranéenne. Paris.

Schopen G. 1988–1989: On monks, nuns and "vulgar" practices: the introduction of the image cult into indian Buddhism // Artibus Asiae. XLIX/1–2, 153–160.

Schopen G. 2007: Art, beauty and business of running Buddhist monastery in early Northwest India // On the cusp of an Era. Art in the Pre-Kusan World / D.M. Srinivesan (ed.). Leiden; Boston, 287–318.

Sharma R.C. 1970: Pre-Kaniska Buddhist iconography at Mathura // Bulletin of Museums and Archaeology in Uttar Pradesh. 5–6, 16–25.

*Sharma R.C.*1984: Buddhist Art of Mathura. Delhi.

*Smith V.*1889: Graeco-Roman influence on the civilization of Ancient India // JASB. LVIII. Pt. I, 107–198.

Smith V. 1889a: Graeco-Roman influence on the civilization of Ancient India // Proceedings of the Asiatic Society of Bengal, 209–215.

Smith V. Graeco-Roman influence on the civilization of Ancient India // JASB. LXI. Pt. I, 50–76.

Smith V. 1903: The Kushan and Indo-Scythian Period of Indian history, 165 BC. to AD 320 // JRAS, 1–64.

Smith V. 1906: Catalogue of the Coins in the India Museum. Callcutta. Vol. I. Oxford.

*Smith V.*1911: A History of Fine Art in India and Ceylon. Oxford.

Smith V. 1930: A History of Fine Art in India and Ceylon (2nd ed. revised by K. de B. Codrington). Oxford.

*Soper A.*1951: Roman Style in Gandhara // American Journal of Archaeology. 55, 301–319.

Van Lohuizen-de Leeuw J.E. 1949: The "Scythian" Period. An Approach to the history, art, epigraphy and palaeography of North India from the 1st century B.C. to the 3rd century A.D. Leiden.

*Van Lohuizen-de Leeuw J.E.*1981: New evidence with regard to the origin of the Buddha image // South Asian Archaeology 1979 / H. Härtel (ed.). Berlin, 377–400.

Van Lohuizen-de Leeuw J.E. 1972: Gandhara and Mathura: their cultural relationship // Aspect of Indian art / P. Lal (ed.). Leiden, 27–43.

Vogel J.P. 1930: La sculpture de Mathura. Paris-Bruxelles.

Wheeler M. 1955: Rome beyond the Imperial Frontiers. London.

TILLYA-TEPE NECROPOLIS: A UNIQUE INDIAN COIN

G.A. Koshelenko, V.A. Gaibov

The article considers a unique Indian coin found in Tillya-Tepe necropolis (Shiberghan district) under excavation of Soviet-Afghan Mission. It has been the object of study for many researchers, especially for J. Fussman. From the authors' standpoint, the coin bears anthropomorphic and symbolic image of Buddha. This iconographic scheme was later discarded by sangha, but its traces are found in quite a number of Gandhara school reliefs.

Key words: Buddha, Buddhism, Kushans, Central Asia, coin circulation, sculpture.

© 2011

Н. А. Фролова, М. Г. Абрамзон

БОСПОРСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н. Н. ГРАНДМЕЗОНА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

В 1989 г. известный коллекционер и исследователь Н. Н. Грандмезон передал Отделу нумизматики Государственного исторического музея свое крупное собрание античных монет, в том числе более 460 золотых, электровых, серебряных и медных боспорских монет VI в. до н.э. — IV в. н.э., среди которых присутствуют редкие и уникальные экземпляры. Наибольший интерес вызывают редкие ранние серебряные монеты Пантикапея, Нимфея, Фанагории, синдов и медные монеты Феодосии. В коллекцию также входят монеты Горгиппии. Царская чеканка представлена выпусками Левкона II, Асандра, правителя ΒΑΕ и почти всех боспорских царей от Аспурга до Рескупорида VI.

Ключевые слова: нумизматика, античные монеты, Боспор, Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Нимфей, Горгиппия, синды.

В 1989 г. известный отечественный коллекционер Н. Н. Грандмезон (г. Севастополь) передал Отделу нумизматики ГИМ свое крупное собрание монет Боспора и античных городов Северного Причерноморья (Тиры, Ольвии, Херсонеса, Керкенитиды). Сам Н. Н. Грандмезон внес большой вклад в изучение монетного дела Херсонеса, будучи автором целого ряда статей о херсонесской чеканке[1]. Часть херсонесских монет и тессер опубликована ранее исследователями[2]. Нами были изданы полностью монеты Ольвии, Тиры и Херсонеса из коллекции Н. Н. Грандмезона — в каталогах ГИМ и специальных статьях[3]. Однако что касается боспорской части коллекции, то опубликованы только монеты VI–V вв. и I в. до н.э.[4]. Большая часть боспорских монет из этой замечательной коллекции до сих пор не была введена в научный оборот, а между тем в ней хранятся редкие

Фролова Нина Андреевна — доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет в Отделе нумизматики.

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Античные монеты Север-ного Причерноморья из новых поступлений в собрание Государственного исторического музея» (№ 10-01-00159).

[1] Grandmezon 1977, 155–161; Грандмезон 1978, 41–46; 1982, 34–41; 1983а, 108–110; 1983б, 167–169; 1987а, 38–40; 1987б, 57–59.

[2] Kovalenko 2002, 33–58; 2008; Фролова 2010, 521–578.

[3] Фролова 2003, 155–159; 2006; Фролова, Абрамзон 2005; 2012.

[4] Frolova, Ireland 2002; Frolova 2004.

Н.Н. Грандмезон

и уникальные экземпляры, изучение которых позволит расширить представление о монетном деле Боспора.

Из коллекции Н. Н. Грандмезона в ГИМ поступила 461 боспорская монета (в том числе золото — 7 экз., электр — 5 экз., серебро — 29 экз.). При составлении описания собрания мы следовали сложившейся в мировой практике традиции распределения нумизматического материала по географическому и хронологическому принципам[5] и разделили каталог на две части: 1) автономная чеканка — Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Горгиппия, Фанагория, синды; 2) царские монеты.

I. Автономная городская чеканка конца VI — середины I в. до н.э.

Автономная городская чеканка являлась основной формой выпуска денег на протяжении всей истории Боспора под властью Археанактидов и Спартокидов, даже после того как во второй половине III в. до н.э. начался выпуск и царской монеты[6]. Наибольший интерес в коллекции Н. Н. Грандмезона вызывают редкие ранние боспорские монеты, представленные серебряной чеканкой Пантикапея, Нимфея, Фанагории, синдов, а также медью Феодосии.

[5] См. например *The British Museum Catalogue* или *Silloge nummorum graecorum.*

[6] Шелов 1956, 141.

I. 1. Ранняя чеканка (конец VI–V вв. до н.э.)

Пантикапей. Самыми ранними и редкими в коллекции являются анэпиграфные серебряные монеты Пантикапея с изображением головы льва в фас на аверсе и вдавленным квадратом на реверсе (№ 1–3). Они датируются концом VI в. до н.э. К ним примыкают две серебряные монеты с изображением муравья на лицевой стороне; на обороте одной из них — вдавленный квадрат с двумя точками (№ 6), на реверсе другого экземпляра — углубленный квадрат из четырех отдельных таблеток, в двух из них расположены буквы **Π** и **A**, в двух других — звездочки (№ 7). Датируются эти монеты первой четвертью V в. до н.э. Ранее монеты с изображением муравья считали чеканкой Мирмекия. После исследований, проведенных по штемпелям, высказано мнение, что они были чеканены Пантикапеем, о чем свидетельствуют типы их реверса, общие с типами пантикапейских монет с головой льва на лицевой стороне, а также синхронность изменений в надписях на оборотной стороне[7].

К третьей четверти V в. до н.э. относится серебряная монета с изображением головы льва на лицевой стороне и буквами **ΑΠΟΛ** на оборотной (№ 8). Ранее такие монеты относили к чекану Аполлонии, но они, несомненно, принадлежат чекану Пантикапея. После изучения лицевых сторон монет с изображением головы льва в фас на аверсах и надписями **ΠΑ**, **ΠΑΝ** и **ΑΠΟΛ** на оборотах, обнаружены одинаковые штемпели. Теперь монеты с надписью **ΑΠΟΛ** можно считать чеканкой Пантикапея[8].

Синды. Также редки серебряные монеты синдов. В типологическом отношении все синдские монеты подразделяются на три серии, из которых в коллекции представлена только одна — голова Геракла/голова коня, **ΣΙΝΔΩΝ** (№ 209 — диобол[9], № 210 — гемиобол[10]). По стилистическим и техническим признакам чеканку скидов принято датировать V в. до н.э. Сравнение с пантикапейскими монетами подтверждает эту дату. Изучение типологии с синдских монет привело ученых к убеждению, что вся чеканка синдов по характеру своему является чисто греческой, что говорит о сильной степени эллинизации Синдики. Присоединение к Боспору этой территории при Левконе I положило конец чеканке синдов.

Фанагория. Серебряная монета с изображением головы местного фанагорийского божества и протомы бодающегося быка с зерном слева[11] (№ 194) датируется рубежом V и IV вв. до н.э. Монета редкая — учтено 6 таких диоболов[12].

Нимфей. К концу V века до н.э. принадлежит очень редкая серебряная монета Нимфея типа голова Нимфы/виноградная гроздь, **ΝΥΝ**[13] (№ 191). В настоящее время зарегистрировано 16 экз. таких гемиоболов[14].

---

[7] Фролова 1996, 48, табл. IX, 1–40; X, 1–2

[8] Фролова 1988, 126–132; 1996, 48–53; Frolova 1991, 66–69.

[9] Фролова 2002, 74, табл. II, 1, 1a; Frolova 2002, 214, fig. II, 1, 1a; Frolova 2004, 64, nr. 10/1.

[10] Фролова 2002, 74, табл. III, 6, 6a; Frolova 2002, 214, fig. III, 6, 6a; Frolova 2004, 65, nr. 16/7.

[11] Зограф 1951, табл. XXXIX, 43, 44; Шелов 1956, табл. II, 27; Анохин 1986, табл. III, 84; Frolova 2004, 73, taf. 31, 12/2

[12] Frolova 2004, 73, nr. 11–12.

[13] Анохин 1986, табл. 2, 63; Frolova 2004, 55–56, nr. 6–8, taf. 28, 6/3, 7/3, 8; Фролова 2000б, 346, № 15, табл. II, 14, 14a.

[14] Фролова 2000б, 346.

I. 2. Боспорская чеканка IV–III вв. до н.э.

Феодосия. К началу IV в. до н.э. относятся редкие медные монеты Феодосии типа голова быка в ¾ вправо/звезда, **ΘΕΟΔΕΩ**[15] (№ 188–189). Учтено 7 экз. таких монет[16].

Чеканка Феодосии представлена в коллекции также более поздним типом с изображениями головы Афины на лицевой стороне и горита на реверсе (№ 190)[17]. А. Н. Зограф датировал этот тип 250–200 гг. до н.э.[18], Д. Б. Шелов — 250–225 гг. до н.э.[19], В. А. Анохин — 240–230 гг. до н.э.[20] О. Н. Мельников также относил эти монеты ко времени Левкона II[21]. Только С. Ю. Сапрыкин датирует данный тип первой половиной IV в. до н.э., т.е. временем правления Левкона I[22]. Д. Б. Шелов же связывал этот выпуск с конфликтом между Гераклеей и Спартокидами, который он датировал временем Левкона II. Однако сейчас принято относить гераклейско-боспорскую войну к правлению Левкона I. Однако исследователь совершенно справедливо отмечал, что кратковременный и количественно скудный выпуск феодосийской меди в условиях наполнения боспорского рынка большим количеством пантикапейской монеты вряд был вызван экономической необходимостью. Он должен был свидетельствовать об известной политической самостоятельности полиса по отношению к Спартокидам.

Пантикапей. Чеканка Пантикапея классического времени представлена в коллекции монетами серии 400–375 гг. до н.э.: медными дихалком и халком[23] (№ 10–12), а также редко встречающимся серебряным оболом типа голова бородатого сатира/протома льва и полумесяц, **ΠΑΝΤΙ**[24] (№ 9). Серия 340–330 гг. представлена серебряной гемидрахмой типа голова молодого сатира/лев с головой, повернутой назад, **ΠΑΝΤΙ**[25] (№ 13) и медным гемихалком типа голова сатира/голова быка, **ΠΑΝΤΙ**[26] (№ 14).

Коллекция включает все медные номиналы серии 330–315 гг. до н.э.: обол[27] (№ 15), тетрахалк[28] (№ 16–20), дихалк[29] (№ 21–22) и халк[30] (№ 23–24).

Начала кризиса денежного обращения на Боспоре датируется концом IV в. до н.э., когда прекратилась серебряная чеканка, из обращения стала исчезать золотая монета. Именно в это время появились клады медных монет последней трети

[15] Золотарев 1984/I, 89, № 1; Фролова 2000а, 305–306, табл. I, 9–10; Frolova 2004, 49, nr. 8–10, taf. 26, 8, 10.
[16] Фролова 2000а, 305–306.
[17] Зограф 1951, табл. XXXIX, 5; Шелов 1956, табл. IX, 110; Анохин 1986, табл. 4, 137; Мельников 2000, 18, № 16.
[18] Зограф 1951, табл. XXXIX, 5.
[19] Шелов 1956, табл. IX, 110.
[20] Анохин 1986, табл. 4, 137.
[21] Мельников 2000, 16.
[22] Сапрыкин 1986, 76–77.
[23] Шелов 1956, табл. III, 38–39.
[24] Шелов 1956, табл. III, 37.
[25] Шелов 1956, табл. IV, 45.
[26] Шелов 1956, табл. IV, 51.
[27] Шелов 1956, табл. V, 54.
[28] Шелов 1956, табл. V, 57.
[29] Шелов 1956, табл. V, 56.
[30] Шелов 1956, табл. V, 55.

IV в. до н.э.[31] В начале III в. до н.э. монеты серии 315–300 гг. до н.э. типа голова сатира/голова льва, осетр подверглись надчеканке клеймами в виде звезды и горита[32] (№ 29–31). Данные монеты послужили материалом для ряда перечеканок в начале III в. до н.э. (№ 39–49). В обращении появились новые типы — сатир/голова быка в три четверти[33] (№ 32–34) и сатир/лук и стрела[34] (№ 35–38), который очень быстро деградировал (№ 50–69).

К середине III в. до н.э. принадлежат несколько типов монет[35], в том числе и чеканенных на прежних типах (№ 70–113). К 250–225 гг. до н.э. относится вошедший в коллекцию Н. Н. Грандмезона клад из 28 медных монет, найденный в 1966 г. в Керчи, на юго-восточном склоне горы Митридат, у пос. Марат. На всех монетах следы литников и обгоревший верхний слой (№ 95–122). Позднейшими в нем являются крупные монеты типа Посейдон/прора, большая часть которых снабжена надчеканками виде голов Афины и сатира[36] (№ 114–122). Д. Б. Шелов считал такие монеты последним выпуском автономной пантикапейской меди периода денежного кризиса. Как и другие монеты эпохи кризиса, все они имеют скошенный гурт и следы отруба литников, также сильно колеблются в весе и подвержены надчеканке. Это единственные монеты из всей пантикапейской чеканки III в. до н.э., поддающиеся сравнительно точной датировке. Заметив сходство их аверса с македонскими тетрадрахмами с именем Антигона, А. Н. Зограф отнес их к третьей четверти III в. до н.э.[37] Тем самым хронологически определяется конец денежного кризиса. Именно эти монеты с головой Посейдона и пророй составляли основную массу медной монеты, обращавшейся на боспорском рынке к моменту проведения Левконом II денежной реформы. Возможно, они были выпущены либо непосредственно перед воцарением Левкона II, либо в его правление[38].

В коллекцию входят две монеты царя Левкона II (ок. 240–220 гг. до н.э.)[39], предпринявшего попытку преодоления кризиса (№ 211–212).

Эмиссии конца III в. до н.э. представлены редкой серебряной гемидрахмой типа голова Аполлона/колос[40] (№ 123) и фракцией халка типа крыло/треножник[41] (№ 124).

I. 3. Чеканка II — первой половины I в. до н.э.

В самом конце III — первой четверти II в. до н.э. были выпущены пантикапейские монеты типа голова быка/плуг, колос[42] (№ 125–126). Из других многочисленных пантикапейских типов II в. до н.э., вошедших в коллекцию Н. Н. Грандмезона, наибольший интерес вызывают редкие серебряные монеты: тетробол типа

[31] КБКАМ I, 29–36.
[32] Шелов 1956, табл. V, 62.
[33] Шелов 1956, табл. V, 63–64.
[34] Шелов 1956, табл. VI, 65–66.
[35] Шелов 1956, табл. VI, 68–73.
[36] Шелов 1956, табл. VI, 74–75.
[37] Зограф 1951, 179.
[38] Шелов 1953, 37; 1956, 112–113, 151–155.
[39] Шелов 1956, табл. VII, 76–77.
[40] Шелов 1956, табл. VII, 81.
[41] Шелов 1956, табл. VII, 84.
[42] Шелов 1956, табл. VII, 83.

голова Аполлона/протома скачущего коня; **ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ**[43] (№ 127), тригемиобол типа голова Аполлона/маяк (алтарь), **ΠΑ**[44] (№ 128), обол типа восьмилучевая звезда/рог изобилия, **ΠΑΝ**[45] (№ 129).

Особую группу составляют медные монеты, чеканенные в Фанагории во II в. до н.э.: 1) сатир/лук, стрела, **ΦΑ**[46] — 4 экз. (№ 195–198); 2) сатир/виноградная гроздь, **ΦΑ**[47] — 1 экз. (№ 199). В I в. до н.э. от имени Фанагории выпускались тетрахалки типа голова Артемиды/лежащий олень, **ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ**[48] (№ 201–202).

Особый интерес вызывают серебряные дидрахмы типа голова Диониса/венок с именами Пантикапея[49] (№ 162–163), Фанагории[50] (№ 202–203) и Горгиппии[51] (№ 192). А. Н. Зограф суммарно датировал их 100–75 гг. до н.э.[52], но К. В. Голенко предложил сузить эти рамки до 90–80 гг. до н.э.[53] Он доказал, что все дидрахмы чеканились только на одном монетном дворе — пантикапейском[54]. Там же были чеканены и серебряные монеты типа Дионис/тирс, **ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ**[55] (№ 204), и тетрахалки типа Аполлон/треножник, и тирс с названиями Пантикапея (№ 164–170), Горгиппии (№ 193) и Фанагории (№ 204). Еще Б. В. Кёне первым предположил, что последние монеты с названиями этих городов были отчеканены на одном монетном дворе — пантикапейском, а их штемпели, возможно, были вырезаны одним мастером[56]. Это предположение подтверждается и общностью штемпелей лицевых сторон серебряных дидрахм с названиями Фанагории, Горгиппии, Пантикапея, которые бились в сравнительно небольшом количестве без заметных перерывов и на одном монетном дворе. При этом выпуск монет при Митридате VI Евпаторе Фанагорией и Горгиппией не был обусловлен экономическими причинами и преследовал совсем другие цели[57].

К митридатовскому времени принадлежат и анонимные оболы[58] (№ 171–179). После 63 г. до н.э. выпускались пантикапейские оболы типа Аполлон/орел на молниях[59] (№ 180–181).

II. Римский период

Начало римского периода на Боспоре следует относить, скорее всего, не к правлению Динамии (21/20–17/16 гг. до н.э.), как считал А. Н. Зограф[60], или

[43] Шелов 1956, табл. VIII, 90.
[44] Шелов 1956, табл. VIII, 92.
[45] Шелов 1956, табл. VIII, 93.
[46] Шелов 1956, табл. IX, 112.
[47] Шелов 1956, табл. IX, 113.
[48] Frolova, Ireland 2002, 15, pl. V, 7–8.
[49] Зограф 1951, табл. XLIII, 5.
[50] Зограф 1951, табл. XLIII, 6.
[51] Зограф 1951, табл. XLIII, 7.
[52] Зограф 1951, 186–187, табл. XLIII, 5–7.
[53] Голенко 1965, 143–145.
[54] Голенко 1960, 35.
[55] Frolova, Ireland 2002, 18, pl. VII, 7–12.
[56] Кёне 1857, 398, 418; Голенко 1960, 35.
[57] Голенко 1960, 35; 1965в, 145–153.
[58] Зограф 1951, табл. XLIII, 23.
[59] Зограф 1951, табл. XLIII, 20.
[60] Зограф 1951, 191.

к 14/13 гг. до н.э., по мнению В. А. Анохина[61], а к правлению Асандра (49/48–21/20 гг. до н.э.). При Асандре, признавшем верховную власть Рима, влияние последнего на Боспор, возможно, было еще не слишком заметным. Боспор сохранял все внешние черты самостоятельности, оставаясь, в большей степени, союзным с Римом эллинистическим царством. Вместе с царским титулом Асандр получил от Октавиана право золотой чеканки. В коллекции Н. Н. Грандмезона имеются оболы, чеканенные от имени архонта Асандра (№ 213–219), и городские медные монеты Пантикапея (№ 182–185) и Фанагории (№ 205–206), выпускавшиеся при нем.

Римское влияние заметно усилилось при Динамии, также получившей от Августа царский титул и право чеканки золотых статеров со своим портретом на аверсе. Динамия переименовала Пантикапей в Кесарию, а Фанагорию в Агриппию в честь своих благодетелей, что спустя какое-то время было отмечено соответствующими городскими выпусками 13–12 гг. до н.э. (№ 186–187 — Кесария; № 207–208 — Агриппия).

Следует отметить также принадлежащие к концу I в. до н.э. редкие медные монеты с монограммой ΒΑΕ следующих типов: 1) дельфин/ΒΑΕ внутри венка[62] (№ 220); 2) Афина/голова коня[63] (№ 221); 3) Зевс Амон/змея[64] (№ 222); 4) Артемида/собака[65] (№ 223). Пять других типов имеют рядом с монограммой буквенное обозначение ценности: 1) Посейдон/дельфин, **Е** (=5)[66] (№ 224–225); 2) Аполлон/треножник с ветвью, **Δ** (=4)[67] (№ 226); 3) лев/пальмовая ветвь, **Γ** (=3)[68] (№ 227); 4) Дионис/киста, **В** (=2)[69] (№ 228); 5) Серапис/рог изобилия, **А** (=1) (№ 229)[70]. К другой серии принадлежит тип Персей/герма, **Z** (=8)[71] (№ 230).

В коллекции присутствуют также монеты следующих боспорских царей:

Аспург (14-37) – 5 экз. (№ 231-235)
Гепепирия (37-39) – 2 экз. (№ 236-237)
Митридат III (39-45) – 5 экз. (№ 238-242)
Котис I (45-68) – 8 экз. (№ 243-250)
Рескупорид II (68-93) – 8 экз. (№ 251-259)
Савромат I (93-123) – 17 экз. (№ 260-276)
Котис II (123-132) – 4 экз. (№ 277-280)
Римиталк (131-154) – 4 экз. (№ 281-284)
Евпатор (154–170) – 1 экз. (№ 285)

Статер 452 г. б.э. = 155 г. н.э. – 1 экз.

Савромат II (174-211) – 14 экз. (№ 286-299)

Статеры – 6 экз.:
487 г. б.э. = 190 г. н.э. – 1 экз.
491 г. б.э. = 194 г. н.э. – 1 экз.
494 г. б.э. = 197 г. н.э. – 1 экз.
498 г. б.э. = 201 г. н.э. – 1 экз.
501 г. б.э. = 204 г. н.э. – 1 экз.
506 г. б.э. = 209 г. н.э. – 1 экз.

Медные монеты – 8 экз.

Рескупорид III (211–226) – 15 экз. (№ 300–314)

Статеры – 6 экз.:
511 г. б.э. = 214 г. н.э. – 1 экз.

[61] Анохин 1986, 81.
[62] Фролова 1997/I, 183, табл. V, 15–16, 16а, 16б.
[63] Фролова 1997/I, 184–185, табл. VI, 9–23.
[64] Фролова 1997/I, 185–186, табл. VI, 24–26; VII, 1–7.
[65] Фролова 1997/I, 186, табл. VII, 8–14а.
[66] Фролова 1997/I, 188, табл. VIII, 2–10.
[67] Фролова 1997/I, 189, табл. VIII, 11–20
[68] Фролова 1997/I, 189–190, табл. IX, 1–7.
[69] Фролова 1997/I, 190–191, табл. IX, 8–12.
[70] Фролова 1997/I, 190–191, табл. IX, 14–19
[71] Фролова 1997/I, 191, табл. IX, 20–28; X, 1–8

512 г. б.э. = 215 г. н.э. – 1 экз.
514 г. б.э. = 217 г. н.э. – 1 экз.
515 г. б.э. = 218 г. н.э. – 2 экз.
522 г. б.э. = 225 г. н.э. – 1 экз.
Медные монеты – 9 экз.

Котис III (227–232) – 5 экз. (№ 315–319)
Статеры – 2 экз.:
525 г. б.э. = 228 г. н.э. – 1 экз.
529 г. б.э. = 232 г. н.э. – 1 экз.
Медные монеты – 3 экз.

Савромат III (229–231) – 3 экз. (№ 320–322)
Статеры – 1 экз.:
527 г. б.э. = 230 г. н.э. – 1 экз.
Медные монеты – 2 экз.

Ининфимей (234–238) – 15 экз. (№ 323–337)
Статеры – 2 экз.:
531 г. н.э.= 234 г. н.э. – 1 экз.
535 г. н.э.= 238 г. н.э. – 1 экз.
Медные монеты – 13 экз.

Рискупорид V (242–276) – 30 экз. (№ 338–367)
Статеры – 24 экз.
544 г. б.э. = 247 г. н.э. – 1 экз.
546 г. б.э. = 249 г. н.э. – 2 экз.
547 г. б.э. = 250 г. н.э. – 3 экз.
548 г. б.э. = 251 г. н.э. – 4 экз.
549 г. б.э. = 252 г. н.э. – 1 экз.
552 г. б.э. = 255 г. н.э. – 1 экз.
559 г. б.э. = 262 г. н.э. – 2 экз.
560 г. б.э. = 263 г. н.э. – 2 экз.
561 г. б.э. = 264 г. н.э. – 3 экз.
562 г. б.э. = 265 г. н.э. – 1 экз.
563 г. б.э. = 266 г. н.э. – 2 экз.
564 г. б.э. = 267 г. н.э. – 2 экз.
Медные монеты – 6 экз.

Фарсанз (253 г. н.э.) – 1 экз. (№ 368)

Тейран (266 , 275–278) – 2 экз. (№ 369–370)
573 г. б.э. = 276 г. н.э. – 1 экз.
575 г. б.э. = 278 г. н.э. – 1 экз.

Фофорс (275–308) – 31 экз. (№ 371–401)
583 г. б.э. = 286 г. н.э. – 3 экз.
586 г. б.э. = 289 г. н.э. – 2 экз.
587 г. б.э. = 290 г. н.э. – 1 экз.
588 г. б.э. = 291 г. н.э. – 3 экз.
590 г. б.э. = 293 г. н.э. – 2 экз.
591 г. б.э. = 294 г. н.э. – 1 экз.
592 г. б.э. = 295 г. н.э. – 2 экз.
593 г. б.э. = 296 г. н.э. – 2 экз.
594 г. б.э. = 297 г. н.э. – 3 экз.
595 г. б.э. = 298 г. н.э. – 6 экз.
597 г. б.э. = 300 г. н.э. – 1 экз.
599 г. б.э. = 302 г. н.э. – 1 экз.
600 г. б.э. = 303 г. н.э. – 2 экз.
601 г. б.э. = 304 г. н.э. – 1 экз.
602 г. б.э. = 305 г. н.э. – 1 экз.

Радамсад (309-322) – 9 экз. (№ 402-410)
607 г. б.э. = 310 г. н.э. – 1 экз.
611 г. б.э. = 314 г. н.э. – 1 экз.
613 г. б.э. = 316 г. н.э. – 1 экз.
614 г. б.э. = 317 г. н.э. – 3 экз.
615 г. б.э. = 318 г. н.э. – 2 экз.
619 г. б.э. = 322 г. н.э. – 1 экз.

Рескупорид VI (314–341/342) – 51 экз. (№ 411-461)
611 г. б.э. = 314 г. н.э. – 1экз.
616 г. б.э. = 319 г. н.э. – 3 экз.
617 г. б.э. = 320 г. н.э. – 3 экз.
618 г. б.э. = 321 г. н.э. – 6 экз.
619 г. б.э. = 322 г. н.э. – 6 экз.
620 г. б.э. = 323 г. н.э. – 5 экз.
621 г. б.э. = 324 г. н.э. – 6 экз.
622 г. б.э. = 325 г. н.э. – 8 экз.
623 г. б.э. = 326 г. н.э. – 4 экз.
624 г. б.э. = 327 г. н.э. – 2 экз.
625 г. б.э. = 328 г. н.э. – 3 экз.
628 г. б.э.[72] = 331 г. н.э. – 1 экз.
638 г. б.э. = 341 г. н.э. – 1 экз.
Год не ясен – 2 экз.

В коллекцию входят золотые и электровые статеры: Евпатор — 1 экз., Савромат II — 6 экз.; Рескупорид III — 5 экз.

[72] Дата НКХ сомнительна. См. Фролова 1997/II, 370-371, табл. CXII, 2-3.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // БИ. Supplementum 2 / В.Н. Зинько (ред.).

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Бурачков П.О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

Голенко К.В. 1960: Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. II, 28–40.

Голенко К.В. 1965: Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // ВДИ. 4, 141–158.

Грандмезон Н.Н. 1978: Свинцовые монеты Херсонеса // НЭ. XII, 41–46.

Грандмезон Н.Н. 1982: Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 34–41.

Грандмезон Н.Н. 1983а: Неопубликованные монеты античного Херсонеса // КСИА. 174, 108–110.

Грандмезон Н.Н. 1983б: Рецензия на книгу В.А. Анохина «Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.)». Киев, 1977 // ВДИ. 2, 167–169.

Грандмезон Н.Н. 1987а: Монеты Херсонеса с головой Афины // КСИА. 191, 38–40.

Грандмезон Н.Н. 1987б: Первые монеты Херсонеса // КСИА. 197, 57–59.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты // МИА. 16.

Золотарев М.И. 1984: Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. // ВДИ. 1, 89–92.

*Кёне Б.*В. 1857: Описание музеума князя В.В. Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, ровно, как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.

Мельников О.Н. 2000: Монеты античной Феодосии // Нумізматика і фалеристика. 4, 14–18.

Сапрыкин С.Ю. 1986: Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.

Фролова Н.А. 1996: Монетное дело Боспора середины VI–V вв. до н.э. // РА. 2, 34–69.

Фролова Н.А. 1997: Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. — середина IV в. н.э. Ч. I–II. М.

Фролова Н.А. 2000а: Чеканка Феодосии конца V–IV вв. до н.э. // ПИФК. VIII, 302–313.

Фролова Н.А. 2000б: Монеты Нимфея (некоторые проблемы исследования чеканки Нимфея) // ДБ. 3, 340–354.

Фролова Н.А. 2003: Ранние монеты Тиры // РА. 1, 155–159.

Фролова Н.А. 2006: Каталог монет античной Тиры. М.

Фролова Н.А. 2010: Медные монеты Херсонеса с датами // ПИФК. 1, 521–578.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. 2005: Монеты Ольвии в собрании Государственного исторического музея. Каталог. М.

Фролова Н.А., Абрамзон М.Г. 2012: Античные монеты Херсонеса Таврического в собрании Государственного исторического музея (Коллекция Н.Н. Грандмезона) // ВДИ. 1 (в печати).

Шелов Д.Б. 1953: Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1, 30–39.

*Шелов Д.*Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Frolova N.A. 2002: A corpus of the Sindian Coins (First Half of the Vth — Late Vth Century BC) // ACSS. 8. 3–4, 211–236.

Frolova N.A. 2004: Die frühe Münzprägung vom Kimmerischen Bosporos (Mitte 6. bis Anfang 4. Jh. v. Chr.). Die Münzen der Städte Pantikapaion, Theodosia, Nymphaion und Phanagoria sowie der Sinder. Berlin.

Frolova N. A., Ireland S. 2002: The Coinage of the Bosporan Kingdom from the First Century BC to the First Century AD // BAR International Series. 1102.

Grandmezon N. N. 1977: The use of leaded copper alloys in the Greek and Byzantine period in the Tauric Chersonese // NC, 155–161.

Kovalenko S. A. 2002: Struck Lead Pieces from Tauric Chersonesos: Coins or Tesserae // NC, 33–58.

Kovalenko S. A. 2008: Die Spatklassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. Berlin.

BOSPORAN COINS FROM THE COLLECTION OF N. N. GRANDMEZON IN STATE HISTORICAL MUSEUM

N. A. Frolova, M. G. Abramzon

N.N. Grandmezon, a well-known collector and numismatist, in 1989 donated to Numismatic Department of the State Historical Museum his large collection of Greek coins, among which are 461 golden, electrum, silver and bronze Bosporan coins dating to the 6th c. BC — the 4th c. AD. Some of the latter are rare and unique. The rare early silver coins of Panticapaeum, Phanagoria, Nymphaeum, the Sindi and bronze coins of Theodosia are of a special interest. The collection contains also Gorgippian coins. Royal coinage is represented by the coins issued by Leukon II, Asander, uncertain ruler and all kings of Bosporus from Aspurgus to Rheskuporis VI.

Key words: numismatics, ancient coins, Bosporus, Panticapaeum, Theodosia, Phanagoria, Nymphaeum, Gorgippia, the Sindi.

КАТАЛОГ БОСПОРСКИХ МОНЕТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н. Н. ГРАНДМЕЗОНА

I. АВТОНОМНАЯ ЧЕКАНКА

ПАНТИКАПЕЙ
Конец VI в. до н.э.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, напоминающие свастику или крылья ветряной мельницы.

Лит.: Анохин 1986, табл. 1, 11; SNG Stancomb, 509-510.

Изд.: *Фролова* 1996, 56, табл. II, 10; *Frolova* 2004, 19, nr. 69, taf. 8, 69.

1. **AR** 1,72 г; 13 мм; инв. № 14091

475-450 гг. до н.э.

Тетартеморий

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равных части, в двух из них (по диагонали) – рельефные точки.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 4; *BMC* 3, 87, no. 5; *Шелов* 1956, табл. I, 6; *Анохин* 1986, табл. 1, 17.

Изд.: *Фролова* 1996, 57; *Frolova* 2004, 22, nr. 167, taf. 7, 167.

2. **AR** 0,18 г; 5 мм; инв. № 14093

475-450 г. до н.э.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре рельефных прямоугольника; на двух из них по четырехлучевой звезде.

Лит.: *SNG Locket*, 1088; *SNG BM* I, 841-842; *SNG Stancomb*, 517-518; *SNG Cop. Thrace*, 18.

Изд.: *Фролова* 1996, 59; *Frolova* 2004, 25, nr. 248/2.

3. **AR** 1,30 г; 11 мм; инв. № 14092

Ок. 450 г. до н.э.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части; в двух из них по диагонали четырехлучевые звезды, в двух других — буквы **П** и **А**.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 1, 30.

4. **AR** 1,17 г; 15 мм; инв. № 14095

Ок. 450-400 гг. до н.э.

Гемиобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, на которых буквы **П, А, N, ТІ**, в центре – восьмилучевая звезда.

Лит.: *Шелов* 1956, табл. I, 10.

5. **AR** 0,23 г; 7 мм; инв. № 14094

475-450 гг. до н.э.

Гемитетартеморий

Л.с. Муравей.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре равные части, в двух из них — точки.

Лит.: *Шелов* 1956, табл. II, 16; *Анохин* 1986, табл. 1, 18.

Изд.: *Фролова* 1996, 64; *Frolova* 2004, 34, nr. 434.

6. **AR** 0,10 г; 5 мм; инв. № 14098

Диобол?

Л.с. Муравей.

О.с. Вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, в двух из них — буквы **П** и **А**, в двух других – звездочки.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 1, 38.

7. **AR** 1,10 г; 6 мм; инв. № 14097

450-425 гг. до н.э.

Диобол

Л.с. Голова льва в фас.

О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на четыре части, в каждой из которых по букве: **А, П, О, Λ**.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 23; *Шелов* 1956, табл. II, 14; *Анохин* 1986, табл. 1, 26/1; *SNG BM* I, 844-846; *SNG Paris*, 2464-2465; *SNG Stancomb*, 524-529.

Изд.: *Фролова* 1996, 66; *Frolova* 2004, 40, nr. 495/6.

8. **AR** 1,45 г; 13 мм; инв. № 14096

400-375 гг. до н.э.

Обол

Л.с. Голова бородатого сатира влево.

О.с. Протома льва влево; сзади полумесяц; внизу **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 32; *Шелов* 1956, табл. III, 37; *Анохин* 1986, табл. 2, 86.

9. **AR** 0,88 г; 9 мм; инв. № 14101

Халки

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Голова коня вправо; внизу **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 33; *Зограф* 1951, табл. XL, 3; *Шелов* 1956, табл. III, 38; *Анохин* 1986, табл. 2, 87; *SNG BM* I, 876; *SNG Stancomb*, 534.

10. **AE** 1,35 г; 13 мм; инв. № 14102

11. **AE** 0,93 г; 11 мм; инв. № 14103. Обломана.

Дихалк

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Голова барана вправо; внизу **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 27; *Зограф* 1951, табл. XL, 4; *Шелов* 1956, табл.

III, 39; *Анохин* 1986, табл. 2, 88.

12. **AE** 1,23 г; 11 мм; инв. № 14104

340-330 гг. до н.э.

Гемидрахма

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо.

О.с. Лев вправо с головой, повернутой назад; под обрезом ΠΑΝΤΙ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 69; *Зограф* 1951, табл. XL, 4; *Шелов* 1956, табл. IV, 45; *Анохин* 1986, табл. 2, 88.

13. **AR** 1,78 г; 12 мм; инв. № 14105

340-330 гг. до н.э.

Гемихалк

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Голова быка влево; вокруг **Π-A-N**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 63-64, 90; *Зограф* 1951, табл. XL, 21; *Шелов* 1956, табл. IV, 51; *Анохин* 1986, табл. 3, 114; *SNG BM*, I, 877.

14. **AE** 0,93 г; 10 мм; инв. № 14108

330-315 гг. до н.э.

Обол

Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 49-50; *Зограф* 1951, табл. XL, 30; *Шелов* 1956, табл. VI, 54; *Анохин* 1986, табл. 3, 110; *SNG BM* I, 868; *SNG Stancomb*, 539-540.

15. **AE** 13,50 г; 25 мм; инв. № 14110

Тетрахалки

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Протома орлиноголового грифона вправо; внизу осетр влево; вокруг **Π-A-N**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 39; *Зограф* 1951, табл. XL, 18; *Шелов* 1956, табл. V, 57; *Анохин* 1986, табл. 3, 111; *SNG BM* I, 869-870; *SNG Stancomb*, 541-542.

16. **AE** 7,15 г; 22 мм; инв. № 14113
17. **AE** 4,90 г; 18 мм; инв. № 14114
18. **AE** 6,90 г; 21 мм; инв. № 14115
19. **AE** 6,85 г; 21 мм; инв. № 14116
20. **AE** 6,37 г; 21 мм; инв. № 14117

Дихалки

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Протома Пегаса вправо; вокруг Π-A-N.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 88-89; *Зограф* 1951, табл. XL, 19; *Шелов* 1956, табл. V, 56; *Анохин* 1986, табл. 3, 112; *SNG BM* I, 872-873; *SNG Stancomb*, 543-544.

21. **AE** 2,63 г; 13 мм; инв. № 14111
22. **AE** 2,18 г; 14 мм; инв. № 14112

Халки

Л.с. Голова безбородого сатира вправо. Точечный ободок.

О.с. Лук в горите вправо; вверху и внизу Л.с. .

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 91-93; *Зограф* 1951, табл. XL, 20; *Шелов* 1956, табл. V, 55; *Анохин* 1986, табл. 3, 113; *SNG BM* I, 874-875; *SNG Stancomb*, 545-546.

23. **AE** 1,73 г; 12 мм; инв. № 14106
24. **AE** 1,70 г; 12 мм; инв. № 14107

315-330 гг. до н.э.

Обол

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Голова быка влево; вокруг **Π-A-N**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 59-60; *Зограф* 1951, табл. XLI, 1; *Шелов* 1956, табл. V, 60; *Анохин* 1986, табл. 4, 124; *SNG BM* I, 881-882; *SNG Stancomb*, 549-550.

25. **AE** 12,08 г; 25 мм; инв. № 14118

Тетрахалки

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Голова льва влево; внизу осетр влево; вокруг **П-А-N**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 70-71; *Зограф* 1951, табл. XLI, 2; *Шелов* 1956, табл. V, 61; *Анохин* 1986, табл. 4, 125; *SNG BM* I, 883-885; *SNG Stancomb*, 552-553.

26. **AE** 7,08 г; 20 мм; инв. № 14119
27. **AE** 6,05 г; 20 мм; инв. № 14120
28. **AE** 5,14 г; 20 мм; инв. № 14124

Начало III в. до н.э.

Тетрахалк

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; надчеканка «12-лучевая звезда».

О.с. Голова льва вправо; внизу осетр влево; вокруг **П-А-N**; надчеканка «горит».

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 72; *Зограф* 1951, табл. XLI, 3; *Шелов* 1956, табл. V, 62; *Анохин* 1986, табл. 4, 130; *SNG BM* I, 886-889; *SNG Stancomb*, 554-555.

29. **AE** 8,00 г; 19 мм; инв. № 14121
30. **AE** 4,60 г; 19 мм; инв. № 14125
31. **AE** 4,52 г; 20 мм; инв. № 14081

Ок. 300-290 гг. до н.э.

Дихалки

Л.с. Голова бородатого сатира влево.

О.с. Голова быка в ¾ влево; вокруг **П-А-N**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 35-37; *Зограф* 1951, табл. XLI, 7; *Шелов* 1956, табл. V, 63-64; *Анохин* 1986, табл. 4, 132; *SNG BM* I, 890-893; *SNG Stancomb*, 557-559.

32. **AE** 3,45 г; 17 мм; инв. № 14122
33. **AE** 2,81 г; 16 мм; инв. № 14123
34. **AE** 4,64 г; 16 мм; инв. № 14124

Ок. 300-275 гг. до н.э.

Тетрахалки

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу ПАN.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 73-74; *Зограф* 1951, табл. XLI, 4; *Шелов* 1956, табл. VI, 65; *Анохин* 1986, табл. 4, 133; *SNG BM* I, 894-896; *SNG Stancomb*, 560-561.

35. **AE** 6,65 г; 20 мм; инв. № 14082
36. **AE** 4,48 г; 18 мм; инв. № 14083
37. **AE** 4,55 г; 17 мм; инв. № 14085
38. **AE** 5,75 г; 20 мм; инв. № 14086

Тетрахалки

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево; под типом видна прежняя надчеканка в виде двенадцатилучевой звезды.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу ПАN; под типом видна прежняя надчеканка в виде горита.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 75-78; *Шелов* 1956, табл. VI, 67; *SNG BM* I, 897-899.

39. **AE** 8,52 г; 21 мм; инв. № 14087
40. **AE** 4,95 г; 19 мм; инв. № 14088
41. **AE** 4,95 г; 20 мм; инв. № 14089
42. **AE** 6,15 г; 20 мм; инв. № 14090
43. **AE** 5,08 г; 20 мм; инв. № 14091
44. **AE** 5,67 г; 21 мм; инв. № 14092
45. **AE** 5,75 г; 19 мм; инв. № 14093
46. **AE** 6,92 г; 19 мм; инв. № 14094
47. **AE** 6,37 г; 22 мм; инв. № 14095
48. **AE** 5,28 г; 19 мм; инв. № 14096
49. **AE** 5,03 г; 17 мм; инв. № 14097

Ок. 275-250 гг. до н.э. (деградированный тип)

Тетрахалки

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу **ПАN**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XX, 79-80; *Зограф* 1951, табл. XLI, 5; *Шелов* 1956, табл. VI, 66; *SNG BM* I, 900-905; *SNG Stancomb*, 562-565.

50. **AE** 4,13 г; 17 мм; инв. № 14098. Перечеканена из типа сатир/голова быка (*Шелов* 1956, табл. V, 63).
51. **AE** 0,98 г; 13 мм; инв. № 14099
52. **AE** 2,18 г; 16 мм; инв. № 14100
53. **AE** 1,65 г; 14 мм; инв. № 14101
54. **AE** 1,62 г; 13 мм; инв. № 14102
55. **AE** 2,93 г; 15 мм; инв. № 14103
56. **AE** 2,16 г; 14 мм; инв. № 14104
57. **AE** 3,12 г; 15 мм; инв. № 14105
58. **AE** 1,90 г; 15 мм; инв. № 14106
59. **AE** 2,16 г; 14 мм; инв. № 14107
60. **AE** 2,09 г; 15 мм; инв. № 14108
61. **AE** 2,22 г; 15 мм; инв. № 14109
62. **AE** 1,63 г; 13 мм; инв. № 14110
63. **AE** 1,76 г; 15 мм; инв. № 14111
64. **AE** 1,43 г; 13 мм; инв. № 14112
65. **AE** 2,92 г; 17 мм; инв. № 14229
66. **AE** 2,21 г; 15 мм; инв. № 14230
67. **AE** 1,38 г; 15 мм; инв. № 14231
68. **AE** 1,70 г; 14 мм; инв. № 14232
69. **AE** 2,53 г; 16 мм; инв. № 14233

Середина III в. до н.э.

Тетрахалк

Л.с. Голова Аполлона в венке вправо.

О.с. Орел с распущенными крыльями прямо; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Шелов* 1956, табл. VI, 68; *Анохин* 1986, табл. 4, 136; *SNG BM* I, 907.

70. **AE** 3,75 г; 17 мм; инв. № 14206

То же, но на л.с. или о.с. – надчеканка в виде треножника.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 165; *Зограф* 1951, табл. XLI, 11; *Шелов* 1956, табл. VI, 71; *Анохин* 1986, табл. 4, 143.

71. **AE** 3,63 г; 21 мм; инв. № 14207
72. **AE** 2,27 г; 17 мм; инв. № 14208
73. **AE** 2,90 г; 17 мм; инв. № 14209

Середина III в. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо.

О.с. Треножник; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 123-128; *Зограф* 1951, табл. XLI, 9; *Шелов* 1956, табл. VI, 69; *Анохин* 1986, табл. 4, 141; *SNG BM* I, 908.

74. **AE** 1,24 г; 12 мм; инв. № 14216

Середина III в. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу ΠΑΝ; надчеканка в виде треножника.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XLI, 8; *Шелов* 1956, табл. VI, 70; *Анохин* 1986, табл. 4, 139.

75. **AE** 3,14 г; 18 мм; инв. № 14210
76. **AE** 2,55 г; 17 мм; инв. № 14211
77. **AE** 1,75 г; 15 мм; инв. № 14212
78. **AE** 1,48 г; 10 мм; инв. № 14213
79. **AE** 2,07 г; 15 мм; инв. № 14214
80. **AE** 1,92 г; 12 мм; инв. № 14215

Середина III в. до н.э.

Тетрахалки

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Лук и стрела вправо или влево; внизу **ΠΑΝΤ** или **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 51; *Зограф* 1951, табл. XLI, 6; *Шелов* 1956, табл. VI, 72; *Анохин* 1986, табл. 4, 145; *SNG Stancomb*, 564.

81. **AE** 4,23 г; 10 мм; инв. № 14217
82. **AE** 3,98 г; 17 мм; инв. № 14218
83. **AE** 5,00 г; 17 мм; инв. № 14219
84. **AE** 5,55 г; 15 мм; инв. № 14220
85. **AE** 3,28 г; 17 мм; инв. № 14221
86. **AE** 2,23 г; 16 мм; инв. № 14222
87. **AE** 3,73 г; 15 мм; инв. № 14223
88. **AE** 3,28 г; 17 мм; инв. № 14224
89. **AE** 2,18 г; 12 мм; инв. № 14225
90. **AE** 2,40 г; 17 мм; инв. № 14234. Перечеканка из типа Аполлон/треножник (Шелов 1956, табл. VI, 69).
91. **AE** 1,88 г; 16 мм; инв. № 14235. То же.

Середина III в. до н.э.

Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 38, 51; XXIII, 83; *Зограф* 1951, табл. XLI, 6; *Шелов* 1956, табл. VI, 73; *Анохин* 1986, табл. 4, 145.

92. **AE** 3,48 г; 19 мм; инв. № 14226
93. **AE** 4,53 г; 19 мм; инв. № 14227. Перечеканка из типа Аполлон/орел (Шелов 1956, табл. VI, 68).
94. **AE** 2,51 г; 17 мм; инв. № 14228. То же.

Середина III в. до н.э.

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Лук и стрела вправо или влево; внизу **ΠΑΝΤ** или **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Шелов* 1956, табл. VI, 72.

95[73]. **AE** 1,76 г; 14 мм; инв. № 14246. Перечеканена из типа Аполлон/треножник (Шелов 1956, табл. VI, 69; Фролова 1970, рис., 23).
96. **AE** 1,45 г; 16 мм; инв. № 14247. То же.
97. **AE** 1,96 г; 16 мм; инв. № 14248. То же.

Середина III в. до н.э.

Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу ΠΑΝ.

Лит.: *Шелов* 1956, табл. VI, 73.

98. **AE** 1,67 г; 14 мм; инв. № 14236
99. **AE** 1,78 г; 15 мм; инв. № 14238
100. **AE** 2,35 г; 16 мм; инв. № 14239
101. **AE** 1,94 г; 16 мм; инв. № 14240
102. **AE** 1,68 г; 17 мм; инв. № 14241
103. **AE** 1,88 г; 17 мм; инв. № 14242
104. **AE** 1,30 г; 13 мм; инв. № 14243
105. **AE** 1,75 г; 15 мм; инв. № 14244
106. **AE** 2,36 г; 18 мм; инв. № 14245
107. **AE** 2,33 г; 16 мм; инв. № 14249. Перечеканена из типа Аполлон/треножник (Шелов 1956, табл. VI, 69).
108. **AE** 2,58 г; 16 мм; инв. № 14250. Перечеканка из типа Аполлон/треножник (Шелов 1956, табл. VI, 69; Фролова 1970, рис., 14)
109. **AE** 1,85 г; 14 мм; инв. № 14251. Перечеканен типом лук и стрела, **ΠΑΝ** (Фролова 1970, рис., 14).
110. **AE** 2,28 г; 16 мм; инв. № 14252. То же.
111. **AE** 2,35 г; 16 мм; инв. № 14253. То же.
112. **AE** 2,05 г; 11 мм; инв. № 14254. То же.
113. **AE** 0,77 г; - мм; инв. № 14255. То же.

Ок. 250-225 гг. до н.э.

Л.с. Голова Посейдона вправо.

О.с. Корабельная прора влево; внизу **ΠΑΝΤΙ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 153; *Шелов* 1956, табл. VI, 74; *Анохин* 1986, табл. 5, 144.

114. **AE** 4,24 г; 23 мм; инв. № 14256

То же, на о.с. надчеканка «голова Афины в коринфском шлеме».

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 157; *Зограф* 1951, табл. XLI, 13; *Шелов* 1956, табл. VI, 75; *Анохин* 1986, табл. 5, 151; *SNG BM* I, 911.

115. **AE** 4,95 г; 23 мм; инв. № 14257

То же, на л.с. надчеканка в виде головы Афины в коринфском шлеме.

Лит.: SNG BM I, 910.

116. **AE** 5,35 г; 25 мм; инв. № 14258

[73] № 95-122 — Клад 1966 г. из Керчи.

117. **AE** 5,95 г; 25 мм; инв. № 14259

То же, на о.с. надчеканка в виде головы Афины, поверх нее надчеканка в виде головы сатира.

118. **AE** 4,35 г; 22 мм; инв. № 14260

То же, на л.с. надчеканка в виде головы сатира.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 154.

119. **AE** 8,55 г; 25 мм; инв. № 14261
120. **AE** 3,68 г; 23 мм; инв. № 14262

То же, на о.с. надчеканка в виде виде головы сатира.

121. **AE** 6,75 г; 23 мм; инв. № 14263
122. **AE** 2,75 г; 20 мм; инв. № 14264

Последняя треть III в. до н.э.

Гемидрахма

Л.с. Голова Аполлона вправо.

О.с. Колос; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 145-146; *Зограф* 1951, табл. XLI, 19; *Шелов* 1956, табл. VII, 81; *Анохин* 1986, табл. 4, 163; *SNG Locket*, 1106; *SNG BM* I, 915-916.

123. **AR** 2,08 г; 13 мм; инв. № 14237

Конец III в. до н.э.

Фракция халка

Л.с. Крыло (Пегаса? грифона?).

О.с. Треножник; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 131; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 19; *Шелов* 1956, табл. VII, 84; *Анохин* 1986, табл. 4, 142.

124. **AE** 0,67 г; 9 мм; инв. № 14269

Конец III – первая четверть II в. до н.э.

Л.с. Голова быка в ¾ вправо.

О.с. Плуг влево, вверху колос влево; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 187-189; *Зограф* 1951, табл. XLI, 12; *Шелов* 1956, табл. VII, 83; *Анохин* 1986, табл. 5, 165.

125. **AE** 1,65 г; 12 мм; инв. № 14267
126. **AE** 1,83 г; 12 мм; инв. № 14268

Ок. 200-150 гг. до н.э.

Тетробол

Л.с. Голова Аполлона в венке вправо

О.с. Протома скачущего коня; вокруг **ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ**.

Лит.: *BMC* 3, 14; *Бурачков* 1884, табл. XXI, 104; *Зограф* 1951, табл. XLII, 6; *Шелов* 1956, табл. VIII, 90; *Анохин* 1986, табл. 5, 167; *SNG BM* I, 918; *SNG Stancomb*, 571-572.

127. **AR** 1,72 г; 1 мм; инв. № 14148

Ок. 150 гг. до н.э.

Тригемиобол

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо.

О.с. Маяк (алтарь или фимиатерий); внизу **ΠΑ**.

Лит.: *BMC* 3, 15; *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 1а; *Зограф* 1951, табл. XLII, 7; *Шелов* 1956, табл. VIII, 92; *Анохин* 1986, табл. 5, 164; *SNG BM* I, 917.

128. **AR** 0,46 г; 10 мм; инв. № 14149

Обол

Л.с. Восьмилучевая звезда.

О.с. Рог изобилия; по сторонам **ΠΑ-Ν**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 186; *Шелов* 1956, табл. VIII, 93; *Анохин*, табл. 5, 174.

129. **AR** 0,26 г; 8 мм; инв. № 14150

Ок. 150-125 гг. до н.э.

Тетрахалки

Л.с. Голова Аполлона в венке вправо.

О.с. Лук в горите вправо; внизу монограмма ΑΑ, **ΠΑΝΤΙΚΑ—ΠΑΙΤΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 113; *Зограф* 1951, табл. XLII, 8; *Шелов* 1956, табл. VIII, 94; *Анохин* 1986, табл. 6, 188.

130. **AE** 5,93 г; 18 мм; инв. № 14154
131. **AE** 7,97 г; 18 мм; инв. № 14155

Ок. 200-120 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо.
О.с. Лук в горите влево; внизу **ΠΑΝ**.
Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 114; *Зограф* 1951, табл. XLII, 9; *Шелов* 1956, табл. VIII, 95; *Анохин* 1986, табл. 5, 169; *SNG BM* I, 920-922; *SNG Stancomb*, 573-575.

132. **AE** 1,35 г; --- мм; б/н
133. **AE** 2,12 г; --- мм; б/н
134. **AE** 2,92 г; 12 мм; б/н
135. **AE** 1,60 г; 11 мм; б/н
136. **AE** 1,43 г; 10 мм; б/н
137. **AE** 3,23 г; 13 мм; б/н
138. **AE** 1,68 г; 11 мм; б/н

Ок. 200-150 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо.
О.с. Лук и стрела вправо; внизу **ΠΑΝ**.
Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 115; *Зограф* 1951, табл. XLII, 11; *Шелов* 1956, табл. VIII, 96; *Анохин* 1986, табл. 5, 146; *SNG Stancomb*, 569.

139. **AE** 1,11 г; 10 мм; б/н
140. **AE** 0,95 г; 9 мм; б/н

Ок. 200-150 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо.
О.с. Дельфин влево; внизу **ΠΑΝ**.
Лит.: *BMC* 3, 47; *Бурачков* 1884, табл. XXI, 117; *Зограф* 1951, табл. XLII, 10; *Шелов* 1956, табл. VIII, 97; *Анохин* 1986, табл. 4, 140; *SNG BM* I, 909; *SNG Stancomb*, 568.

141. **AE** 2,05 г; 11 мм; б/н

Л.с. То же.
О.с. Дельфин вправо; внизу **ΠΑΝ**.
Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 116.

142. **AE** 4.35 г; 10 мм; б/н

Ок. 200-150 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо.
О.с. Колос влево; внизу **ΠΑΝ**.
Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 147; *Шелов* 1956, табл. VIII, 98.

143. **AE** 0,35 г; 7 мм; б/н

Ок. 200-150 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо.
О.с. Венок; внизу ΠΑΝ.
Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 151; *Шелов* 1956 табл. VIII, 99; *Анохин* 1986, табл. 4, 158.

144. **AE** 0,75 г; 12 мм; б/н

Ок. 120-110 гг. до н.э.

Тетрахалки
Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.
О.с. Рог изобилия между звездоносными шапками Диоскуров; по сторонам **ΠΑΝ–ΤΙ**.
Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XIX, 55, 56; *Зограф* 1951, табл. XLI, 20; *Шелов* 1956, табл. VIII, 100; *Анохин* 1986, табл. 6, 175; *SNG BM* I, 924-925; *SNG Stancomb*, 576-578.
145. **AE** 3,89 г; 17 мм; б/н
146. **AE** 2,45 г; 17 мм; б/н
147. **AE** 3,93 г; 16 мм; б/н
148. **AE** 3,32 г; 17 мм; б/н

Дихалки
Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо.
О.с. Шапки Диоскуров, увенчанные звездами; внизу **ΠΑΝΤΙ**.
Лит.: *BMC* 3, 41; *Бурачков* 1884, табл. XX, 81; *Зограф* 1951, табл. XLI, 21; *Шелов* 1956, табл. VIII, 101; *Анохин* 1986, 1986, табл. 6, 176; *SNG BM* I, 926; *SNG Stancomb*, 579-580.

149. **AE** 3,21 г; 13 мм; б/н
150. **AE** 2,26 г; 12 мм; б/н

Ок. 110 г. до н.э.

Халки

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, украшенном лавровым венком, вправо.

О.с. Прора вправо; внизу **ΠΑΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 176; *Зограф* 1951, табл. XLI, 14; *Шелов* 1956, табл. VIII, 102; *Анохин* 1986, табл. 6, 183; *SNG BM* I, 927; *SNG Stancomb*, 581-582.

151. **AE** 1,65 г; 13 мм; инв. № 14177
152. **AE** 1,35 г; 11 мм; инв. № 14178
153. **AE** 1,85 г; 12 мм; инв. № 14179
154. **AE** 2,35 г; 13 мм; инв. № 14180
155. **AE** 2,42 г; 14 мм; инв. № 14181. Перечеканена из типа голова сатира/шапки Диоскуров (Шелов 1956, табл. VIII, 101).

Ок. 110-100 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в венке вправо.

О.с. Лира; **ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ**.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XLII, 5.

156. **AR** 0,84 г; 11 мм; инв. № 14151

Конец II – начало I в. до н.э.

Халки

Л.с. Восьмилучевая звезда, между лучами **Π–A–N–T–I–K–A-Π**.

О.с. Треножник.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 130; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 18; *Анохин* 1986, табл. 7, 203; *SNG BM* I, 941-944; *SNG Stancomb*, 587-588; *Frolova, Ireland* 2002, pl. I, 1-26.

157. **AE** 2,78 г; 13 мм; инв. № 14182
158. **AE** 2,47 г; 13 мм; инв. № 14183
159. **AE** 2,18 г; 12 мм; инв. № 14184
160. **AE** 1,40 г; 12 мм; инв. № 14185

100–90 гг. до н.э.

Драхма

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Бегущая лань; **ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 150; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 11; *Анохин* 1986, табл. 7, 196.

161. **AR** 2,53 г; 15 мм; б/н.

100–75 гг. до н.э.

Дидрахмы

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Плющевый венок, перевязанный сверху; вверху (с внешней стороны венка) монограмма , с внутренней стороны в три строки **ΠΑΝΤΙ-ΚΑΠΑΙ-ΤΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 180; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 5; *Анохин* 1986, табл. 7, 198; *SNG BM* I, 932-934; *SNG Stancomb*, 589-590; *Frolova, Ireland* 2002, 14-15, pl. IV, 10-24; V, 1-6.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 14-15, pl. V, 6.

162. **AR** 8,47 г; 20 мм; инв. № 14156.
163. **AR** 7,87 г; 20 мм; инв. № 14157. Frolova, Ireland 2002, 15, pl. V, 6.

90-80 гг. до н.э.

Тетрахалки

Л.с. Голова Аполлона (Диониса?) вправо.

О.с. Тирс поперек треножника; слева монограмма , справа монограмма ; поперек поля **ΠΑΝ-ΤΙΚΑ-ΠΑΙ-ΤΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 120, 122; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 15; *Анохин* 1986, табл. 8, 202а; *SNG BM* I, 937-940; *SNG Stancomb*, 591-596; *Frolova, Ireland* 2002, 20-21, pl. IX, 5-19; X, 1-6.

164. **AE** 7,15 г; 22 мм; инв. № 14186
165. **AE** 7,34 г; 22 мм; инв. № 14187
166. **AE** 6,68 г; 21 мм; инв. № 14188

167. **AE** 7,46 г; 21 мм; инв. № 14189
168. **AE** 5,35 г; 22 мм; инв. № 14190
169. **AE** 8,04 г; 22 мм; инв. № 14191
170. **AE** 8,90 г; 21 мм; инв. № 14192

Конец II в. до н.э. – 63 г. до н.э.

Оболы

Л.с. Голова Диониса (Митридата VI Евпатора) в царской повязке вправо.

О.с. Лук в горите, монограмма .

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 30; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 23; *Анохин* 1986, табл. 8, 212; *SNG BM* I, 946-948; *SNG Stancomb*, 597; *Frolova, Ireland* 2002, 25-26, pl. XIII, 1-14.

171. **AE** 13,35 г; 26 мм; инв. № 14416
172. **AE** 15,32 г; 25 мм; инв. № 14417
173. **AE** 15,28 г; 25 мм; инв. № 14418
174. **AE** 14,50 г; 25 мм; инв. № 14419. Frolova, Ireland 2002, 25-26, pl. XIII, 3.

То же, монограмма .

Лит.: *Frolova, Ireland* 2002, 27.

175. **AE** 16,70 г; 24 мм; инв. № 14420

То же, монограмма .

Лит.: *Frolova, Ireland* 2002, 27, no. XXII.

176. **AE** 21,15 г; 24 мм; инв. № 14421

То же, монограмма .

Лит.: *SNG Stancomb*, 599; *Frolova, Ireland* 2002, 27.

177. **AE** 15,65 г; 24 мм; инв. № 14422

То же, монограмма .

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 8, 212в; *Frolova, Ireland* 2002, 26, no. XIII, 15f-17.

178. **AE** 15,91 г; 24 мм; инв. № 14423.

То же, монограмма .

179. **AE** 16,21 г; 26 мм; инв. № 14424

После 63 г. до н.э.

Оболы

Л.с. Голова Аполлона в венке, вправо.

О.с. Орел на молниях, влево; слева – монограмма ; справа – многолучевая звезда; внизу в одну или две строки **ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 138-143; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 20; *Анохин* 1986, табл.8, 214; *SNG BM* I, 945; *SNG Stancomb*, 605-606; *Frolova, Ireland* 2002, 31-32, pl. XV, 2-20; XVI, 1-5.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 32, pl. XV, 11.

180. **AE** 15,63 г; 25 мм; инв. № 14197. Frolova, Ireland 2002, 32, pl. XV, 11
181. **AE** 15,11 г; 26 мм; инв. № 14198

49/48-21/20 гг. до н.э.

Тетрахалки

Тип 1

Л.с. Голова Аполлона вправо.

О.с. Лук и колчан; **ΠΑΝΤΙΚΑ ΠΑΙΤΩΝ.**

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 132; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 10; *Анохин* 1986, табл. 10, 247; *SNG BM* I, 957; *SNG Stancomb*, 610; *Frolova, Ireland* 2002, 44, pl. XXV, 11-25.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 44, pl. XXV, 12-14.

182. **AE** 7,25 г; 20 мм; инв. № 14193. На Л.с. – надчеканка «кадуцей». Frolova, Ireland 2002, 44, pl. XXV, 13.
183. **AE** 6,15 г; 19 мм; инв. № 14194. Frolova, Ireland 2002, 44, pl. XXV, 14.
184. **AE** 4,45 г; 18 мм; инв. № 14195. Frolova, Ireland 2002, 44, pl. XXV, 12.

Тип 2

Л.с. Голова Аполлона-Асандра вправо.

О.с. Пасущийся Пегас влево; **ΠΑΝΤΙΚΑ—ΠΑΙΤΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXII, 148-149; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 9; *Zograf* 1977, pl. XLIV, 9; *Анохин* 1986, табл. 10, 250; *Фролова* 1997/I, 176, табл. IIIa, 14; *SNG BM* I, 955-956; *SNG Stancomb*, 611-612; *Frolova, Ireland* 2002, 44-45, pl. XXVI, 1-24; XXVII, 1-8.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 45, pl. XXVI, 16.

185. **AE** 6,92 г; 22 мм; инв. № 14196

ПАНТИКАПЕЙ КАК КЕСАРИЯ
13-12 гг. до н.э.

Номинал **H = 8**

Л.с. Голова Афродиты Урании в калафосе и покрывале вправо. Точечный ободок.

О.с. Жезл, по сторонам в поле **KAI–ΣA—PE–ΩN**; справа внизу — **H**. Точечный ободок.

Бурачков 1884, табл. XXIII, 1e; *Зограф* 1951, табл. XLV, 12; *Zograf* 1977, pl. XLV, 12; *Анохин* 1986, табл. 12, 322а-б; *Фролова* 1997/I, 178-179, табл. II, 1-29, III, 1-7; *RPC* I, 1936; *SNG Stancomb*, 614-615; *Frolova, Ireland* 2002, 49-50, pl. XXXI, 1-29; XXXII, 1-7.

186. **AE** 5,81 г; 20 мм; инв. № 14280
187. **AE** 4,45 г; 19 мм; инв. № 14281

ФЕОДОСИЯ
Конец V – начало IV в. до н.э.

Л.с. Голова быка в ¾.

О.с. Шестилучевая звезда. Между лучами – **ΘΕΟΔΕΟ (ΘΕΟΔΕΩ)**.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 2, 76.

Изд.: *Золотарев* 1984/I, 89, № 1; *Фролова* 2000а, 305-306, табл. I, 9-10; *Frolova* 2004, 49, nr. 8, 10, taf. 26, 8, 10.

188. **AE** 0,57 г; 10 мм; инв. № 15058
189. **AE** 0,31 г; 8 мм; инв. № 15059

Конец IV – начало III в. до н.э.[74]

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

О.с. Горит, под ним палица вправо; внизу **ΘEY**.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 5; *Шелов* 1956, табл. IX, 110; *Анохин* 1986, табл. 4, 137; *Мельников* 2000, 18, № 16.

190. **AE** 2,63; инв. № 17

НИМФЕЙ
Конец V в. до н.э.

Гемиобол

Л.с. Голова Нимфы влево.

О.с. Вдавленный квадрат с виноградной лозой; вверху **NYN**.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 2, 63; *Frolova* 2004, 55-56, nr. 6-8, taf. 28, 6/3, 7/3, 8.

Изд.: *Фролова* 2000б, 346, № 15, табл. II, 14, 14а.

191. **AR** 0,26; 10 мм; инв. № 14099

ГОРГИППИЯ
100-75 или 95/96-66/65 гг. до н.э.

Дидрахма

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Плющевый венок, перевязанный сверху; вверху (с внешней стороны венка) монограмма , с внутренней стороны в три строки **ГОР—ГІП—ПЕΩN**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 5; *Зограф А.Н.* 1951, табл. XLIII, 7; *Анохин* 1986, табл. 7, 209; *Фролова Ireland* 1999, 240-241, табл. V, 18-21; *Frolova, Ireland* 2002, 15, pl. V, 18-21.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 15, pl. V, 21.

[74] А.Н. Зограф датирует этот тип 250-200 гг. до н.э., Д.Б. Шелов – 250-225 гг. до н.э.

192. **AR** 8,16 г; 22 мм; инв. № 14541

Тетрахалк

Л.с. Голова Аполлона (Диониса?) вправо.

О.с. Тирс поперек треножника; слева монограмма (иногда отсутствует), справа монограмма ; поперек поля **ГОР-ГІП—ПЕ-ΩN**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXI, 6; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 17; *Анохин* 1986, табл. 8, 211, 211а-д; *SNG BM*, I, 986; *SNG Stancomb*, 2000, № 618-620; *Frolova, Ireland* 2002, 23, pl. XII, 13-23.

193. 5,45 г; мм; инв. № 14542

ФАНАГОРИЯ
Конец V — начало IV в. до н.э.

Диобол

Л.с. Голова молодого кабира в остроконечном пилосе, украшенном лавровым венком, влево.

О.с. Протома бодающего быка влево; левая нога подогнута; справа зерно; вверху **ΦΑΝΑ**.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 43, 44; *Шелов* 1956, табл. II, 27; *Анохин* 1986, табл. III, 84.

Изд.: *Frolova* 2004, taf. 31, 12/2.

194. **AR** 1,83 г; 12 мм; инв. № 14525

II в. до н.э.

Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке вправо.

О.с. Лук и стрела вправо; внизу ФА.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 8-11; *Зограф* 1951, табл. XLII, 13; *Шелов* 1956, табл. IX, 112; *Анохин* 1986, табл. 5, 147; *SNG BM* I, 990-994; *SNG Stancomb*, 622.

195. **AE** 3,98 г; 13 мм; инв. № 14526
196. **AE** 1,92 г; 12 мм; инв. № 14527
197. **AE** 2,08 г; 11 мм; инв. № 14528
198. **AE** 1,65 г; 10 мм; инв. № 14529

200-150 гг. до н.э.

Л.с. Голова безбородого сатира вправо.

О.с. Виноградная гроздь влево; внизу **ФА**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 22; *Шелов* 1956, табл. IX, 113; *Анохин* 1986, табл. 6, 177.

199. **AE** 1,70 г; 13 мм; инв. № 14530

Начало I в. до н.э.

Л.с. Голова Артемиды вправо, слева лук и колчан.

О.с. Лань лежит влево, подогнув под себя ноги; **ΦΑΝΑΓΟ—ΡΙΤΩN**.

Лит.: *Кёне* 1857/I, 400, № 7; *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 21; *Зограф* 1951, табл. XLIII, 2-3; *Анохин* 1986, табл. 7, 194а; *SNG BM* I, 1000-1003; *SNG Stancomb*, 624; *Frolova, Ireland* 2002, 13, pl. II, 5-19; III, 1-20.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 13, pl. II, 10-11.

200. **AE** 3,85 г; 20 мм; инв. № 14531.
201. **AE** 2,96 г; 17 мм; инв. № 14536. Перечеканена.

100-75 гг. до н.э.

Дидрахмы

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Плющевый венок, перевязанный сверху; вверху (с внешней стороны венка) монограмма , внутри **ΦΑΝΑ-ΓΟΡΙ-ΤΩN**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 24; *Зограф А.Н.* 1951, табл. XLIII, 6; *Анохин* 1986, табл. 7, 204; *SNG BM* I, 997; *Фролова Ireland* 1999, 240-241, табл. V, 7-17; *SNG Stancomb*, 625; *Frolova, Ireland* 2002, 15, pl. V, 7-17.

Изд.: Frolova, Ireland 2002, 15, pl. V, 7-8.

202. **AR** 8,56 г; 21 мм; инв. № 14533
203. **AR** 8,49 г; 20 мм; инв. № 14534

Драхма

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Тирс, украшенный лентами; **ΦΑΝΑΓΟ ΡΙΤΩΝ**.

Лит.: *Фролова, Ireland* 1999, 242, табл. VII, 7-12; *Frolova, Ireland* 2002, 18, pl. VII, 7-12.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 15, pl. V, 13.

204. **AR** 3,78 г; 16 мм; инв. № 14535

49/48-21/20 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона-Асандра вправо. Точечный ободок.

О.с. Прора вправо; **ΦΑΝΑΓΟ ΡΙΤΩΝ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 13; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 12; *Zograf A.N.*, 1977, pl. XLIV, 12; *Анохин* 1986, табл. 10, 252; *SNG BM* I, 1004-1005;

Издана: *Frolova, Ireland* 2002, 47, pl. XXVIII, 16a.

205. **AE** 7,65 г; 18 мм; инв. № 14592

Л.с. Голова Ники вправо. Точечный ободок.

О.с. Пальмовая ветвь; **ΦΑΝΑΓΟ ΡΙΤΩΝ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 16-17; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 13; *Анохин* 1986, табл. 9, 227; *SNG BM* I, 995-996; *Frolova, Ireland* 2002, 48, pl. XXIX, 15-24; XXX, 1-12.

Изд.: *Frolova, Ireland* 2002, 48, pl. XXX, 12.

206. **AE** 3,83 г; 17 мм; инв. № 14537

ФАНАГОРИЯ КАК АГРИППИЯ
13-12 гг. до н. э.

Номинал **Н = 8**

Л.с. Голова Афродиты Урании в диадеме и покрывале вправо. Точечный ободок.

О.с. Прора, под ней **ΑΓΡΙΠ ΠΕΩΝ**; справа внизу — **Η**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 1f; *Зограф* 1951, табл. XLV, 14; *Zograf A.N.*, 1977, pl. XLV, 14; *Анохин* 1986, табл. 12, 323; *Фролова* 1997/I, 180-181, табл. III, 8-25; IV, 1-23; *SNG Cop.* IV, 7-8; *RPC* I, 1935; *SNG Stancomb*, 631; *Frolova, Ireland* 2002, 50-52, pl. XXXII, 8-25; XXXIII, 1-23.

207. **AE** 9,09 г; 23 мм; инв. № 14538
208. **AE** 6,33 г; 23 мм; инв. № 14539

СИНДЫ
После 480 г. до н.э.

Диобол

Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо.

О.с. Вдавленный квадрат с головой коня вправо; вверху **ΣΙΝΔΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 7; *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 39; *Анохин* 1986, табл. 2, 51; *SNG BM* I, 1008.

Изд.: Фролова 2002, 74, табл. II, 1, 1a; Frolova 2002, 214, fig. II, 1, 1a; Frolova 2004, 64, nr. 10/1.

209. **AR** 1,08 г; 15 мм; инв. № 14100

Тетартеморий

Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо.

О.с. Вдавленный квадрат с головой коня вправо; вверху **ΣΙΝΔΩΝ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIII, 9; *Зограф* 1951, табл. XXXIX, 40; *Анохин* 1986, табл. 2, 52; *SNG BM* I, 1009.

Изд.: *Фролова* 2002, 74, табл. III, 6, 6a; *Frolova* 2002, 214, fig. III, 6, 6a; *Frolova* 2004, 65, nr. 16/7.

210. **AR** 0,21 г; 7 мм; инв. № 14101

II. Цари Боспора

ЛЕВКОН II (ок. 240-220 гг. до н.э.)

Обол

Л.с. Голова Геракла вправо.

О.с. Палица влево и лук тетивой вверх; **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 2-3; *Зограф* 1951, табл. XLII, 15; *Шелов* 1956, табл. VII, 76; *Анохин* 1986, табл. 4, 134.

211. 1 **AE** 4,72 г; 26 мм; инв. № 14265

Тетрахалк

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

О.с. Молнии; **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 8-9; *Зограф* 1951, табл. XLII, 16; *Шелов* 1956, табл. VII, 77; *Анохин* 1986, табл. 4, 135.

212. **AE** 4,24 г; 17 мм; б/н

АСАНДР (49/48-21/20) 49/48-45/44 (?) до н.э.

Оболы

Л.с. Мужская голова (Аполлон-Асандр?) в лавровом венке вправо.

О.с. Прора влево; **ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ.**

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXV, 46-49; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 7; *Zograf* 1977, pl. XLIV, 7; *Анохин* 1986, табл. 9, 225; *Фролова* 1997/I, 175, табл. IIIa, 11a; *RPC* I, 1845; *SNG BM* I, 962-963; *SNG Stancomb*, 607; *Frolova, Ireland* 2002, 40-41, pl. XXI, 1-18; XXII, 1-18; XXIII, 1-3.

213. **AE** 13,12 г; 26 мм; инв. № 14199
214. **AE** 13,03 г; 26 мм; инв. № 14200. Frolova, Ireland 2002, 41, pl. XXIII, 2;
215. **AE** 10,25 г; 27 мм; инв. № 14201. Клеймо в виде зведы.
216. **AE** 13,00 г; 27 мм; инв. № 14202. На обеих сторонах по клейму в виде звезды.
217. **AE** 6,00 г; 23 мм; инв. № 14203. То же.
218. **AE** 6,65 г; 17 мм; инв. № 14204. Перечеканена.
219. **AE** 6,25 г; 20 мм; инв. № 14205. Перечеканена.

ПРАВИТЕЛЬ BAE

Конец I в. до н. э.

Серия 1. Монограмма в качестве типа реверса

Л.с. Дельфин вправо, поперек или наискось влево – трезубец. Точечный ободок.

О.с. Монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 20; *Зограф* 1951, табл. XLIV, 19; *Анохин* 1986, табл. 10, 258; *Фролова* 1997/I, 183, табл. V, 15-16, 16а, 16б; *SNG Stancomb*, 964; *Frolova, Ireland* 2002, 53, pl. XXXIV, 15-16, 16a, 16b.

220. **AE** 2,88 г; 15 мм; инв. № 14275

Серия 2. Монограмма в качестве дифферента

Тип 1

Л.с. Голова Афины в шлеме вправо; из-за левого плеча видна часть щита. Точечный ободок.

О.с. Протома коня; слева монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 9; *Анохин* 1986, табл. 10, 273; *Фролова* 1997/I, 184-185, табл. VI, 9-23; *Frolova, Ireland* 2002, 54, pl. XXXV, 9-23.

221. **AE** 7,15 г; 18 мм; инв. № 14270

Тип 2

Л.с. Голова Зевса Аммона вправо. Тройной ободок: между двумя линейными – точечный ободок.

О.с. Змея, приподнявшаяся на сложенном кольцом конце, вправо; на голове змеи – корона Изиды; слева вверху монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 22; *Анохин* 1986, табл. 10, 274; *Фролова* 1997/I, 185-186, табл. VI, 24-26; VII, 1-7; *Frolova, Ireland* 2002, 55, pl. XXXV, 24-26; XXXVI, 1-7.

222. **АЕ** 5,58 г; 18 мм; инв. № 14271

Тип 3

Л.с. Бюст Артемиды вправо. Точечный ободок.

О.с. Сидящая собака вправо; голова повернута назад; слева вверху монограмма BAE. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 18; *Анохин* 1986, табл. 10, 275; *Фролова* 1997/I, 186, табл. VII, 8-14а; *Frolova, Ireland* 2002, 55, pl. XXXVI, 8-14.

223. **АЕ** 4,60 г; 22 мм; инв. № 14278

Серия 3. Монеты с монограммой BAE и обозначением номинала

Номинал **Е = 5**

Л.с. Голова Посейдона в диадеме вправо; за левым плечом трезубец, украшенный повязкой. Точечный ободок.

О.с. Дельфин вправо; вверху монограмма BAE, внизу — **Е**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 19; *Зограф* 1951, табл. XLV, 4; *Анохин* 1986, табл. 11, 279; *Фролова* 1997/I, 188, табл. VIII, 2-10; *Frolova, Ireland* 2002, 57, pl. XXXVII, 2-10.

224. **АЕ** 9,03 г; 22 мм; инв. № 14272

225. **АЕ** 5,04 г; 18 мм; инв. № 14273. Надчеканка «козерог».

Номинал **Δ = 4**

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо; вокруг стилизованный венок и точечный ободок.

О.с. Треножник, покрытый кортиной, слева монограмма BAE, справа лавровая ветвь; внизу — **Δ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 15; *Зограф* 1951, табл. XLV, 5; *Анохин* 1986, табл. 11 280; *Фролова* 1997/I, 189, табл. VIII, 11-20; *Frolova, Ireland* 2002, 57-58, pl. XXXVII, 11-20.

226. **АЕ** 9,00 г; 21 мм; инв. № 14274

Номинал **Г = 3**

Л.с. Лев, припавший к земле, вправо; вверху восьмилучевая звезда, внизу черта. Вокруг дубовый венок, перевязанный внизу лентой, и точечный ободок.

О.с. Пальмовая ветвь и венок с лентами; справа монограмма BAE, под ней — **Г**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 13; *Зограф* 1951, табл. XLV, 6; *Анохин* 1986, табл. 1, 281; *Фролова* 1997/I, 189-190, табл. IX, 1-7; *Frolova, Ireland* 2002, 58, pl. XXXVII, 1-7.

227. **АЕ** б/н

Номинал **В = 2**

Л.с. Голова Диониса вправо. Точечный ободок.

О.с. Мистическая киста с крышкой и двумя тирсами, поставленными крест накрест, украшенными сверху лентами; слева монограмма BAE, под кистой — **В**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 25; *Зограф* 1951, табл. XLV, 7; *Анохин* 1986, табл. 1, 282; *Фролова* 1997/I, 190-191, табл. IX, 8-12; *Frolova, Ireland* 2002, 58-59, pl. XXXVIII, 8-13.

228. 9,53 г; 16 мм; инв. № 14276

Номинал **А = 1**

Л.с. Голова Сераписа в модиусе и венке вправо. Точечный ободок.

О.с. Рог изобилия с плодами, перевязанный лентой; его конец имеет форму стрелы; слева монограмма BAE, справа — **А**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 11; *Зограф* 1951, табл. XLV, 8; *Анохин* 1986, табл. 1, 283; *Фролова* 1997/I, 190-191, табл. IX, 14-19; *Frolova, Ireland* 2002, 58-59, pl. XXXVIII, 14-19а.

229. **АЕ** 2,22 г; 16 мм; инв. № 14277

Серия 4. Монеты редуцированного веса с монограммой ΒΑΕ и обозначением номинала

Номинал **Z = 7**

Л.с. Голова Персея влево; слева гарпа.

О.с. Герма, справа пальмовая ветвь, перевязанная лентой; слева монограмма ΒΑΕ, справа внизу — **Z**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 23; *BMC* 13, 45, nos. 13-14, pl. IX, 7; *Зограф* 1951, табл. XLV, 10; *Анохин* 1986, табл. 11 286; *Фролова* 1997/I, 191, табл. IX, 20-28; X, 1-8; *SNG Stancomb*, 965; *Frolova, Ireland* 2002, 59-60, pl. XXXVIII, 20-28; XXXIX, 1-9.

230. **AE** 4,60 г; 22 мм; инв. № 14279

Аспург (14-37)

Номинал **IB = 12** – *ассы*

Тип 1

Л.с. **ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΤΙΒΕΡΙΟΥ** Голова Тиберия в венке вправо. Точечный ободок.

О.с. Голова Аспурга в царской повязке вправо, слева монограмма ΒΑΡ, справа — **IB**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 84-85; *Зограф* 1951, табл. XLV, 16; *Анохин* 1986, табл. 12, 319; *Фролова* 1997/I, 199-201, табл. XIV, 1–21; *Frolova, Ireland* 2002, 66-67, pl. XLIII, 1-21.

231. **AE** 7,65 г; 21 мм; инв. № 14282
232. **AE** 7,10 г; 21 мм; инв. № 14283
233. **AE** 8,67 г; 22 мм; инв. № 14284
234. **AE** 8,35 г; 20 мм; инв. № 14285

Тип 2

После 18 марта 37 г. н.э.

Л.с. Голова Аспурга в царской повязке вправо; слева монограмма ΒΑΡ, справа внизу — **IB**. Точечный ободок.

О.с. **ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ** Голова Гая Калигулы в лавровом венке вправо. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 87-88; *Зограф* 1951, табл. XLV, 17; *Анохин* 1986, табл. 12, 320; *Фролова* 1997/I, 202-203, табл. XV, 14–20; XVI, 1–21: XVII, 1–7; *RPC* I, 1904; *Frolova, Ireland* 2002, 68-69, pl. XLIV, 14-20, XLV, 1-21; XVI, 1–7.

235. **AE** 10,25 г; 24 мм; инв. № 14286

Гепепирия (37-39)

Ассы

Л.с. **ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩΣ** Бюст Гепепирии вправо; на голове царская повязка, концы которой опускаются на плечи. Точечный ободок.

О.с. Голова Афродиты Урании в калафосе, покрытая покрывалом, вправо; слева — **IB**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 94; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 7; *Анохин* 1986, табл. 12, 326; *Фролова* 1997/I, 204-205, табл. XVIII, 1–8, 10-18; XIX, 1-3; *RPC* I, 1907; *Frolova, Ireland* 2002, 70-71, pl. XLVII, 1-18; XLVIII, 1-4.

236. **AE** 6,87 г; 22 мм; инв. № 14289
237. **AE** 10,58 г; 23 мм; инв. № 14290

Митридат III (VIII) (39-45)

Ассы

Тип 1. 39 г. н.э.

Л.с. **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ** Бюст Митридата VIII вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. **ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩΣ** Задрапированный бюст Гепепирии вправо; на голове диадема; справа — **IB**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 93; *Анохин* 1986, табл. 12, 331; *RPC* I, 1911; *Фролова* 1997, 207, табл. XIX, 5-18; *SNG Stancomb*, 968; *Frolova, Ireland* 2002, 71-72, XLVIII, 5-18.

238. **AE** 6,46 г; 22 мм; инв. № 14294
239. **AE** 9,55 г; 22 мм; инв. № 14295
240. **AE** 22,48 г; 24 мм; инв. № 14291

Тип 2. 39-45 гг. н.э.

Ассы

Л.с. **ΒΑCΙΛΕΩC ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ** Бюст Митридата VIII вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Палица Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой; слева — лук в горите, справа – трезубец; справа внизу — **ΙΒ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVI, 91; *Зограф* 1951, табл. XLVI, 6; *Анохин* 1986, табл. 12, 330; *RPC* I, 1910; *Фролова* 1997, 208-209, табл. XX, 2–18; XXI, 1–17: XXII, 1–11; *SNG Stancomb*, 969; *Frolova, Ireland* 2002, 73-74, pl. XLIX, 2-18; L, 1-17; LI, 1-12.

241. **AE** 7,95 г; 23 мм; инв. № 14292
242. **AE** 5,75 г; 21 мм; инв. № 14293

КОТИС I (45- 68)
Серия 1. 45-54 гг. н.э.

Ассы

Л.с. **ΤΙ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC** Голова Клавдия в лавровом венке вправо, внизу знак стоимости **ΙΒ**. Точечный ободок.

О.с. **ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ CΕΒΑCΤΗΝ** Голова Агриппины влево, слева монограмма BA. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 109; *Анохин* 1986, табл. 13, 348; *Фролова* 1997/I, 215-217, табл. XXV, 4–21; XXVI, 1-14; *RPC* I, 1925; *Frolova, Ireland* 2002, 79-80, pl. LIV, 4-21; LV, 1-14.

243. **AE** 5,97 г; 25 мм; инв. № 14996
244. **AE** 5,95 г; 22 мм; инв. № 14297
245. **AE** 10,65 г; 24 мм; инв. № 14298

Серия 4. 63 г. н.э.

Ассы

Л.с. **ΝΕΡΩΝΟC ΚΛΑΥΔΙΟΥ CΕΒΑCΤΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC** Голова Нерона вправо. Точечный ободок.

О.с. **ΠΟΠΠΗΙΑC CΕΒΑCΤΗC** Голова Поппеи влево; слева монограмма BA, внизу – **ΙΒ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 111; *Анохин* 1986, табл. 13, 351; *Фролова* 1997/I, 219, табл. XXVII, 6–7; *Frolova, Ireland* 2002, 81, pl. LVI, 6-7.

246. **AE** 5,87 г; 21 мм; инв. № 14299

Серия 5. 63–68 гг. н.э.

Номинал **ΜΗ = 48** – *сестерций*

Л.с. **ΝΕΡΩΝΟC ΚΛΑΥΔΙΟΥ CΕΒΑCΤΟΥ ΚΑΙCΑΡΟC** Голова Нерона вправо. Точечный ободок.

О.с. Венок, в нем – **ΜΗ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 114; *Анохин* 1986, табл. 13, 352; *Фролова* 1997/I, 219, табл. XXVII, 8–17; XXVIII, 1; *RPC* I, 1932; *Frolova, Ireland* 2002, 81-82, pl. LVI, 8-17; LVII, 1.

247. **AE** 15,55 г; 31 мм; инв. № 14301

Номинал **Κ – Δ = 24** – *дупондии*

Тип 1

Л.с. **ΝΕΡΩΝΟC ΚΑΙCΑΡΟC** Голова Нерона вправо. Точечный ободок.

О.с. Ника с венком и ветвью влево; по сторонам **Κ – Δ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 115; *Анохин* 1986, табл. 13, 353; *Фролова* 1997/I, 220, табл. XXVIII, 2–10; *RPC* I, 1933; *Frolova, Ireland* 2002, 82, pl. LVII, 2-10.

248. **AE** 11,35 г; 25 мм; инв. № 14300

Тип 2

Л.с. Пятиколонный храм, по сторонам **ΚΑ—ΠΕ**. Точечный ободок.

О.с. Венок, внутри монограмма BA, под ней **ΚΔ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 177; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 17; *Анохин* 1986, табл. 14, 370; *Фролова* 1997/I, 220, табл.

XXVIII, 11–18; *RPC* I, 1930; *Frolova, Ireland* 2002, 79-80, pl. LVII, 11-18; LVIII, 1.

249. **AE** 7,12 г; 23 мм; инв. № 14305

Тип 3

Л.с. Пятиколонный храм, по сторонам **KA—ΠE**. Точечный ободок.

О.с. Венок, внутри монограмма , под ней **KΔ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 202; *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 4; *Анохин* 1986, табл. 14, 371; *Фролова* 1997/I, 220-221, табл. XXVIII, 19; XXIX, 1–20; *RPC* I, 1931; *Frolova, Ireland* 2002, 83-84, pl. LVIII, 2-21.

250. **AE** 6,08 г; 22 мм; инв. № 14276

РЕСКУПОРИД II (69-93)
Серия 1. 69-80 гг. н.э.

Дупондии

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC** Голова Рескупорида II в диадеме вправо. Точечный ободок.

О.с. Голова Афродиты Урании в калафе и покрывале вправо; слева монограмма; справа **KΔ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 132; *Анохин* 1986, табл. 14, 374; *Фролова* 1997/I, 226, табл. XXX, 21–23; XXXI, 1-2.

251. **AE** 4,97 г; 22 мм; инв. № 14306

Серия 2. 80-93 гг. н.э.

Первая группа

Сестерций

Л.с. **[TIBEPIOC IOYΛIOC BACIΛEYC PHCKOYΠORIΔOC]** Курульное кресло, над ним венок, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок.

О.с. Крылатая Ника влево, с венком в левой руке и пальмовой ветвью в правой; по сторонам — **MH**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 123; *Анохин* 1986, табл. 14, 378; *Фролова* 1997/I, 227-228, табл. XXXI, 16-17; XXXII, 1-3.

252. **AE** 6,87 г; 25 мм; инв. № 14302

Вторая группа

Дупондии

Л.с. **TIBEPIOC IOYΛIOC BACIΛEYC PHCKOYΠORIΔOC** Голова Рескупорида II в диадеме вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст царицы вправо; по сторонам **K – Δ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 129; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 5; *Анохин* 1986, табл. 15, 386; *Фролова* 1997/I, 228-229, табл. XXXII, 4–18.

253. **AE** 7,61 г; 23 мм; инв. № 14307
254. **AE** 3,81 г; 22 мм; инв. № 14308

Сестерции

Тип 1

Л.с. **TIBEPIOC IOYΛIOC BACIΛEYC PHCKOYΠORIΔOC** Царь, поставивший ногу на пленника, вправо; слева пленник со связанными руками на коленях, справа трофей. Точечный ободок.

О.с. Бюсты царя и богини, помещенные друг против друга; внизу — **MH**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 128; *Анохин* 1986, табл. 14, 382; *Фролова* 1997/I, 229, табл. XXXIII, 1-8.

255. **AE** 8,68 г; 28 мм; инв. № 14303

Тип 2

Л.с. **TIBEPIOC IOYΛIOC BACIΛEYC PHCKOYΠORIΔOC** Царь, поставивший ногу на пленника, вправо; слева пленник со связанными руками на коленях, справа трофей. Точечный ободок.

О.с. Крылатая Ника с венком и пальмовой ветвью влево, по сторонам — MH.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 127; *Анохин* 1986, табл. 14, 380; *Фролова* 1997/I,

230, табл. XXXIII, 9–15.

256. **AE** 14,65 г; 28 мм; инв. № 14304
257. **AE** 15,32 г; 27 мм; инв. № 14310. Перечеканена из асса Гепепирии (Бурачков 1884, табл. XXVI, 94).

Третья группа

Сестерций

Л.с. **TIBEPIOC IOYΛIOC BACIΛEωC PHCKOYΠOPIC** Царь на троне вправо; в руках держит скипетр с бюстом; справа монограмма.. Точечный ободок.

О.с. **TEIMAI BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC** Круглый щит с копьем; слева голова коня и топор, справа шлем и меч; внизу **MH**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 121; *Анохин* 1986, табл. 14, 375; *Фролова* 1997/I, 231, табл. XXXIV, 8–14.

258. **AE** 15,55 г; 27 мм; инв. № 14311. Плохая сохранность.

Серия 3. 90–93 гг.

Сестерций

Л.с. **TIBEPIOC IOYΛIOC BACIΛEYC PHCKOYΠORIC** Бюст царя вправо; справа — трезубец, слева – палица. Точечный ободок.

О.с. Скачущий всадник, вправо; под обрезом — **MH**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVII, 130; *BMC* 13, pl. XII, 6; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 4; *Анохин* 1986, табл. 15, 385; *Зограф* 1951, табл. XLVII, 4; *Фролова* 1997/I, 232, табл. XXXIV, 15–17; XXXV, 1–8; *SNG Cop.* IV, pl. I, 36.

259. **AE** 9,45 г; 23 мм; инв. № 14316.

САВРОМАТ I (93-123)

Серия 2. 98–103/104 гг.

Сестерции

Группа 2

Л.с. **TI IOYLIOC BACIΛEYC CAYPOMATOY** Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. Точечный ободок.

О.с. Венок, в центре — **MH**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXVIII, 165; *Фролова* 1997/I, 245-246, табл. XLII, 1-12.

260. **AE** 14,41 г; 25 мм; инв. № 14314
261. **AE** 8,45 г; 23 мм; инв. № 14315
262. **AE** 8,73 г; 24 мм; инв. № 14317
263. **AE** 8,92 г; 23 мм; инв. № 14319

Группа 4. Л.с. — Царь, восседающий на курульном кресле

Тип 1

Л.с. **TI IOYLIOY BACIΛEYC CAYPOMATOY** Царь, восседающий на курульном кресле, вправо; в левой руке держит скипетр с бюстом императора. Точечный ободок.

О.с. Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем. По сторонам от копья — **MH**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 17, 428; *Фролова* 1997/I, 249-250, табл. XLIII, 11-12.

264. **AE** 11,75 г; 25 мм; инв. № 14312

Тип 2

Л.с. **TIBEPIOC IOYLIOY BACIΛEYC CAYPOMATOY** Царь, восседающий на курульном кресле, вправо; в левой руке держит скипетр с бюстом императора. Точечный ободок.

О.с. Венок, в центре — **MH**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 17, 425; *Фролова* 1997/I, 250, табл. XLIII, 16.

265. **AE** 10,22 г; 27 мм; инв. № 14313

Серия 3. 103/104 - 108 гг. Л.с. – TI IOYLIOY BACIΛEOC CAYPOMATHC

Сестерции

Тип 1

Л.с. **TI IOYLIOY BACIΛEOC CAYPOMATHC** Погрудный бюст Савромата I вправо. Точечный ободок.

О.с. Венок; внутри **MH**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 253, табл. XLIV, 17; XLV, 1-2.

266. **AE** 8,62 г; 27 мм; инв. № 14318

Тип 2

Л.с. **TI IOYLIOY BACIΛEOC CAYPOMATHC** Погрудный бюст Савромата I вправо. Точечный ободок.

О.с. Ника влево; по сторонам **M – H.** Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 253, табл. XLIV, 17; XLV, 1-2.

267. **AE** 10,51 г; 27 мм; инв. № 14320

Серия 4. 108-115 гг.

Сестерции

Тип 1

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата I вправо.

О.с. Ника влево; по сторонам **M–H**.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 255, табл. XLV, 16-19.

268. **AE** 7,25 г; 23 мм; инв. № 14326
269. **AE** 7,70 г; 23 мм; инв. № 14327

Тип 2

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATHC** Бюст Савромата I вправо.

О.с. Венок; внизу **MH**.

Лит.: Фролова 1997/I, 256-257, табл. XLVI, 5-10.

270. **AE** 10,22 г; 25 мм; инв. № 14321

Тип 3

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата I вправо.

О.с. Венок; внизу **MH**.

Лит.: Фролова 1997/I, 257-258, табл. XLVI, 11-15; XVII, 1-7.

271. **AE** 12,26 г; 27 мм; инв. № 14322
272. **AE** 10,93 г; 25 мм; инв. № 14323
273. **AE** 13,90 г; 27 мм; инв. № 14328
274. **AE** 10,78 г; 24 мм; инв. № 14329

Тип 4

Л.с. BACIΛEωC CAYPOMATOY Бюст Савромата I вправо.

О.с. Круглый щит и копье; слева голова коня и топор, справа голова в шлеме и меч; слева от копья MH.

Лит.: Бурачков 1884, табл. XXVIII, 149; Фролова 1997/I, 258, табл. XLVII, 8-11.

275. **AE** 13,30 г; 25 мм; инв. № 14325

Серия 6. 117-123 гг.

Сестерций

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем.

О.с. Круглый щит и копье; слева голова коня и секира, справа голова в шлеме и меч; по сторонам от копья **MH**.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 19, 470; *Фролова* 1997/I, 264-265, табл. I, 20.

276. **AE** 9,75 г; 24 мм; инв. № 14324

КОТИС II (123-132)
Ок. 125 г. н.э.

Сестерции

Тип 1

Л.с. **ВАСІЛЕѡС КОТУОС** Бюст Котиса II вправо; справа трезубец.

О.с. Ника влево; в правой руке держит венок, в левой – пальмовую ветвь; по сторонам **М — Н**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 269-270, табл. LIII, 6-7.

277. **АЕ** 7,05 г; 25 мм; инв. № 14353

Тип 2

Л.с. **ВАСІЛЕѡС КОТУОС** Бюст Котиса II вправо; справа трезубец.

О.с. Венок; внутри **МН**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 270, табл. LIII, 8-14.

278. **АЕ** 5,06 г; 22 мм; инв. № 14351

Ок. 126 г. н.э.

Сестерций

Л.с. **ВАСІЛЕѡС КОТУОС** Бюст Котиса II вправо; справа трезубец.

О.с. Венок; в центре **МН**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 270, табл. LIII, 8-14.

279. **АЕ** 7,92 г; 24 мм; инв. № 14352

Ок. 129–130 гг. н.э.

Дупондий

Л.с. **ТЕІМАІ ВАСІЛЕѠС КОТУОС** Курульное кресло с венком на нем; справа скипетр с бюстом императора. Точечный ободок.

О.с. **ТОУ АСПОУРГОУ** Щит с копьем; справа – человеческая голова и меч в ножнах, слева — голова лошади и коринфский шлем, под щитом — **К—Δ**. Точечный ободок.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XLVI, 17; *Фролова* 1997/I, 274-275, табл. LV, 21-23; LVI, 1–16.

280. **АЕ** 5,25 г; 23 мм; инв. № 14309

РИМИТАЛК (131–154)
Ок. 133 г. н.э.

Сестерций

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РОІМНТАЛКОУ** Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем.

О.с. Венок; в центре — **МН**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 189; *Анохин* 1986, табл. 22, 526; *Фролова* 1997/I, 282, табл. LXI, 3-13.

281. **АЕ** 10,65 г; 24 мм; инв. № 14354

Сестерций

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РОІМНТАЛКОУ** Курульное кресло с венком на нем, справа скипетр с бюстом императора, слева щит с копьем.

О.с. Ника влево; по сторонам — **М – Н**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIX, 190; *Фролова* 1997/I, 282, табл. LXI, 14-15.

282. **АЕ** 9,05 г; 25 мм; инв. № 14356а

Ок. 133-136 гг. н.э.

Сестерции

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РОІМНТАЛКОУ** Бюст Римиталка вправо; справа трезубец.

О.с. Венок; в центре — **МН**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/I, 287, табл. LXIV, 15-18.

283. **АЕ** 10,63 г; 23 мм; инв. № 14355
284. **АЕ** 8,62 г; 23 мм; инв. № 14356

ЕВПАТОР (154-170)

BNY – 452 г. б.э. = 155 г. н.э.

Статер

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC ΕΥΠΑΤΟΡΟC** Бюст Евпатора в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема.

О.с. Бюст Антонина Пия вправо; внизу **BNY**. Точечный ободок.

Лит.: *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 2; *Анохин* 1986, табл. 23, 531, 531а; *Фролова* 1997а/I, 288-289, табл. LXV, 6–13.

285. **AV** 7.72 г; 19 мм; инв. № 14374

Савромат II (174-211)

Статеры

ZΠY — 487 г. б.э. = 190 г. н.э.

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюст Коммода вправо, на голове лавровый венок; справа звезда; внизу **ZΠY**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 25, 568а; *Фролова* 1997а/I, 305, табл. LXXV, 4-5.

286. **AV** 7.50 г; 19 мм; инв. № 14375

AϘY — 491 г. б.э. = 194 г. н.э.

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюст Септимия Севера вправо, на голове лавровый венок; справа звезда; внизу **AϘY**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 25, 572а; *Фролова* 1997а/I, 307, табл. LXXVI, 14.

287. **AV** 7.59 г; 19 мм; инв. № 14376

ΔϘY — 494 г. б.э. = 197 г. н.э.

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюст Септимия Севера в панцире и палудаменте вправо, на голове лавровый венок; внизу **ΔϘY**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997а/I, 308, табл. LXXVII, 20.

288. **AV** 7.68 г; 19 мм; инв. № 14377

HϘY — 498 г. б.э. = 201 г. н.э.

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюст Септимия Севера вправо, на голове лавровый венок; справа трезубец; внизу **HϘY**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 215; *Анохин* 1986, табл. 26, 579; *Фролова* 1997а/I, 312, табл. LXXX, 18-20.

289. **AV** 7.74 г; 19 мм; инв. № 14378

AΦ — 501 г. б.э. = 204 г. н.э.

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюсты Септимия Севера и Каракаллы друг против друга; между ними копье; внизу **AΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 27, 581; *Фролова* 1997а/I, 312-313, табл. LXXX, 27; LXXXI, 1-3.

290. **AV** 7.62 г; 19 мм; инв. № 14379

ϚΦ — 506 г. б.э. = 209 г. н.э.

Л.с. **ΒΑCΙΛΕωC CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюсты Септимия Севера; внизу **ϚΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 27, 585-585а; *Фролова* 1997а/I, 314, табл. LXXXI, 12-17.

291. **AV** 7.45 г; 19 мм; инв. № 14380

Медные монеты
Второй период. 186–196 гг.

Номинал **B — ✱** *— двойной денарий*

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок.

О.с. Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации в левой держит копье; слева сверху — ✱, справа **B**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXX, 225; 1979, pl. XXXVI, 21; *Анохин* 1986, табл. 27, 603; *Фролова* 1997/I, 318-319, табл. LXXXIII, 10-15; LXXXIV, 1-14; LXXXV, 1-12.

292. **AE** 3,40 г; 30 мм; инв. № 14330

Номинал ✱ *— денарий*

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит шар, в левой — скипетр; справа знак денария — ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 29, 616; *Фролова* 1997/I, 322-323, табл. LXXXVII, 7-12; LXXXVIII, 1-14; LXXXIX, 1-17; XC, 1-11.

293. **AE** 12,10 г; 28 мм; инв. № 14331

То же, на о.с. два клейма – «голова Септимия Севера» и «B».

Лит.: *Фролова* 1997/I, 322-323, табл. LXXXVII, 9; LXXXVIII, 4,8, 12; ; XC, 1, 4.

294. **AE** 6,20 г; 26 мм; инв. № 14334

Номинал **PMΔ = 144** *– драхма*

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок.

О.с. Орел с венком в клюве и распластанными крыльями влево; голова повернута назад; вокруг — **P-M-Δ** или справа **PMΔ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 246-248; *Зограф* 1951, табл. XLVIII, 14; *Frolova* 1979, pl. XL, 6–8; *Анохин* 1986, табл. 29, 618-618a; *Фролова* 1997/I, 323-325, табл. XC, 14-19; XCI, 1-18; XCII, 1- 18; XCIII, 1-7.

295. **AE** 11,35 г; 25 мм; инв. № 14335

Третий период. 196 - 210 гг. н.э.

Двойной денарий

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит шар, в левой – скипетр; слева вверху в штемпеле — голова Септимия Севера; слева — **B**, справа — ✱. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 243; *Анохин* 1986, табл. 29, 623; *Фролова* 1997/I, 328, табл. XCIV, 10–21; XCV, 1-12.

296. **AE** 9,55 г; 26 мм; инв. № 14332
297. **AE** 8,85 г; 24 мм; инв. № 14333

Драхмы

Л.с. **BACIΛEωC CAYPOMATOY** Бюст Савромата II вправо. Точечный ободок.

О.с. Орел с венком в клюве и распластанными крыльями влево; голова повернута назад; справа вверху в штемпеле — голова Септимия Севера; **PMΔ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 249; *Анохин* 1986, табл. 29, 625; *Фролова* 1997/I, 329-330, табл. XCV, 25; XCVI, 1-4.

298. **AE** 9,45 г; 26 мм; инв. № 14336
299. **AE** 7,85 г; 25 мм; инв. № 14337

РИСКУПОРИД III (211-226)

Статеры

AIΦ — 511 г. б.э. = 214 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III в панцире и палудаменте вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст Каракаллы вправо; низу **АІФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 30, 631; *Фролова* 1997/II, 192-193, табл. III, 1-2.

300. **EL** 7,85 г; 19 мм; инв. № 14381

ВІФ – 512 г. б.э. = 215 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III в панцире и палудаменте вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст Каракаллы вправо; внизу **ВІФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 30, 632; *Фролова* 1997/II, 193-194, табл. IV, 21.

301. **EL** 7,43 г; 19 мм; инв. № 14382

ΔІФ – 514 г. б.э. = 217 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III в панцире и палудаменте вправо; справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст Каракаллы вправо; внизу **ΔІФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 30, 634б; *Фролова* 1997/II, 196, табл. VI, 4-5.

302. **EL** 7,60 г; 19 мм; инв. № 14383

ЕІФ – 515 г. б.э. = 218 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III в панцире и палудаменте вправо; справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст Каракаллы вправо; внизу **ЕІФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 30, 635б; *Фролова* 1997/II, 196, табл. VII, 9-16.

303. **AR** 6,31 г; 19 мм; инв. № 14384. Литая подделка.
304. **EL** 7,21 г; 19 мм; инв. № 14385

ВКФ – 522 г. б.э. = 225 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III в панцире и палудаменте вправо; справа трезубец.. Точечный ободок.

О.с. Бюст Александра Севера вправо; внизу **ВКФ.** Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 31, 642а; *Фролова* 1997/II, 193-194, табл. XIII, 4-7.

305. **EL** 7,35 г; 20 мм; инв. № 14385а

Медные монеты
211–226 гг.

Денарии

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III вправо. Точечный ободок.

О.с. Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации; внизу знак денария — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 271-273; *BMC* 13, pl. XVII, 3; *Frolova* 1979, pl. L, 21–23; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 11-12; *Анохин* 1986, табл. 31, 645; *Фролова* 1997/II, 208-211, табл. XIV, 7-20 – XVIII, 1-5.

306. **AE** 10,92 г; 23 мм; инв. № 14358
307. **AE** 6,83 г; 23 мм; инв. № 14359
308. **AE** 9,12 г; 24 мм; инв. № 14360
309. **AE** 10,74 г; 24 мм; инв. № 14361
310. **AE** 8,35 г; 22 мм; инв. № 14362

Ок. 218–219 гг.

Денарий

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІДОС** Бюст Рескупорида III вправо. Точечный ободок.

О.с. Всадник скачет вправо; в правой руке держит копье, в левой — поводья; в; под ногами коня — поверженный воин полулежит вправо на левом боку; в правой руке держит копье, в левой руке — овальный щит; внизу — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 277; *BMC* 13, pl. XVII, 3-4; *Анохин* 1986, табл. 31, 647; *Фролова* 1997/II, 211, табл. XVIII,

12–13а.

311. **AE** 8,93 г; 23 мм; инв. № 14363

Ок. 218–223 гг.

Денарии

Л.с. ВАСІΛЕωС РНСКОУПОРІΔОС Бюст Рескупорида III вправо. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу или яблоко; внизу слева — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 278-281; *BMC*, 13, 1889, pl. XVII, 5; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 10; *Frolova* 1979, pl. LII, 27–28; *Анохин* 1986, табл. 31, 648; *Фролова* 1997/II, 212, табл. XVIII, 14–19; XIX, 1-3.

312. **AE** 8,35 г; 23 мм; инв. № 14364
313. **AE** 8,30 г; 22 мм; инв. № 14365

То же, на ос. — клеймо «голова вправо».

Лит.: *Фролова* 1997/II, 212, табл. XVIII, 18.

314. **AE** 6,10 г; 22 мм; инв. № 14366.

КОТИС III (227-232)

Статеры

ЕКФ — 525 г. б.э. = 228 г. н.э.

Л.с. **ВАСІΛЕωС РНСКОУПОРІΔОС** Бюст Рескупорида III в палудаменте и панцире вправо; справа ним буквы **ΘЕ** и полумесяц. Точечный ободок.

О.с. Бюст Александра Севера; на голове лавровый венок; справа дифферент – точка; внизу **ЕКФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Кене* 1857, 308, № 23; *Бурачков* 1884, табл. XXXI, 269; *Гиль* 1889, табл. VII, 80; *BMC* 13, pl. XVII, 2.; *Фролова* 1980, 34, табл. XI, 18-21; XII, 1, 4; *Анохин* 1986, табл. 32, 655, *Фролова* 1997/II, 207, табл. XIII, 25–28; XIV, 1-6.

315. **AR** 7,55 г; 20 мм; инв. № 14386

ΘКФ — 529 г. б.э. = 232 г. н.э.

Л.с. **ВАСІΛЕωС КОТУОС** Бюст Котиса III в палудаменте и панцире вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст Александра Севера вправо; на голове лавровый венок; внизу **ΘКФ**. Точечный ободок.

Лит.: *BMC* 13, 72, no. 5; *Frolova* 1979, pl. LVI, 9–25; *Анохин* 1986, табл. 32, 659; *Фролова* 1997/II, 218-219, табл. XXIV, 15–23.

316. **AR** 7,47 г; 18 мм; инв. № 14388

Денарий

Л.с. **ВАСІΛЕωС КОТУОС** Бюст Котиса III вправо. Точечный ободок.

О.с. Царь на коне вправо; правая рука поднята в жесте адорации; под обрезом знак денария — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 293-294; *Анохин* 1986, табл. 32, 663; *Фролова* 1997/II, 220, табл. XXV, 23-24; XXVI, 1-3.

317. **AE** 10,35 г; 21 мм; инв. № 14367. На о.с. – надчеканка.

Номинал **В — ✻** *— двойной денарий*

Л.с. **ВАСІΛЕωС КОТУОС** Бюст Котиса III вправо; перед ним бюст богини в башенной короне. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; по сторонам знак двойного денария В — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 295; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 14; *Frolova* 1979, pl. LVII, 8, 10, 13, 19, 26; LVIII, 2; *Анохин* 1986, табл. 32, 664; *Фролова* 1997/II, 220-221, табл. XXVI, 4–18; XXVII, 1–12.

318. **AE** 6,93 г; 21 мм; инв. № 14368
319. **AE** 9,34 г; 23 мм; инв. № 14370. На о.с. – надчеканка.

САВРОМАТ III (229-231)

Статер

ZKΦ — 527 г. б.э. = 230 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст царя вправо; справа венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; на голове лавровый венок; справа два шара; внизу **ZKΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 299; *Frolova* 1979, pl. LVIII, 29; *Анохин* 1986, табл. 33, 666б; *Фролова* 1997/II, 222, табл. XXVIII, 11–19.

320. **AR** 7,26 г; 20 мм; инв. № 14387

Денарий

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу или яблоко; внизу — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 302-303; *Frolova* 1979, pl. LVIII, 32; *Анохин* 1986, табл. 33, 668-669; *Фролова* 1997/II, 224; табл. XXVIII, 21–25; XXIX, 1–7.

321. **AE** 8,45 г; 23 мм; инв. № 14371
322. **AE** 8,45 г; 23 мм; инв. № 14372

ИНИНФИМЕЙ (234-238)

Статеры

ΑΛΦ — 531 г. б.э. = 234 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **ΑΛΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 311-313; *Анохин* 1986, табл. 33, 674а; *Фролова* 1997/II, 226, табл. XXX, 5–12, 15, 17-19.

323. **AR** 6,73 г; 19 мм; инв. № 14389

ЄΛΦ — 535 г. б.э. = 238 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **ЄΛΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXXII, 315; *BMC* 13, pl. XVII, 11; *Frolova* 1979, pl. LX, 10-13; *Анохин* 1986, табл. 33, 677; *Фролова* 1997/II, 227-228, табл. XXXI, 3–23.

324. **AR** 6,69 г; 19 мм; инв. № 14390

236-238 гг.

Двойные денарии

Тип 1

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ** Бюст царя вправо; напротив бюст богини в калафе влево. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу или яблоко; по сторонам **B** — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LXI, 10; *Зограф* 1951, табл. XLIX, 18; *Анохин* 1986, табл. 34, 683; *Фролова* 1997/II, 229-230, табл. XXXIII, 4–20; XXXIV, 1-18; XXXV, 1-2.

325. **AE** 6,68 г; 22 мм; инв. № 14338
326. **AE** 6,42 г; 20 мм; инв. № 14339
327. **AE** 4,06 г; 20 мм; инв. № 14340
328. **AE** 5,85 г; 21 мм; инв. № 14341

Тип 2

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ** Бюст царя вправо; напротив бюст богини в калафе влево. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; слева вверху — знак **B**. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LXIII, 19; *Фролова* 1997/II, 230-231, табл. XXXV, 3–8.

329. **AE** 7,65 г; 20 мм; инв. № 14342

Л.с. То же.

О.с. То же, но знак **B** – слева внизу. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 230-231, табл. XXXV, 9.

330. **AE** 8,75 г; 21 мм; инв. № 14343

Тип 3

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΘΙΜΕΟΥ** Бюст царя вправо; напротив бюст богини в калафе влево. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; слева в поле – знак ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Frolova* 1979, pl. LXII, 16-17; *Анохин* 1986, табл. 33, 681; *Фролова* 1997/II, 232, табл. XXXV, 10-20; XXXVI, 1-7.

331. **AE** 6,85 г; 22 мм; инв. № 14344

Тип 4

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΘΙΜΕΟΥ** Бюст царя вправо; напротив бюст богини в калафе влево. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; по сторонам Ꝑ — ✻. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 229, табл. XXXIII, 5.

332. **AE** 6,00 г; 22 мм; инв. № 14345
333. **AE** 6,31 г; 20 мм; инв. № 14346
334. **AE** 6,50 г; 21 мм; инв. № 14347
335. **AE** 6,90 г; 21 мм; инв. № 14348
336. **AE** 7,80 г; 20 мм; инв. № 14349

Денарий

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; слева сверху или снизу — ✻. Точечный ободок.

Frolova 1979, pl. LXIII, 19; *Анохин* 1986, табл. 34, 686; *Фролова* 1997/II, 232, табл. XXXVII, 4–15.

337. **AE** 5,90 г; 19 мм; инв. № 14373

РИСКУПОРИД V (242-276)

Статеры

ΔМФ – 544 г. б.э. = 247 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙ-ΔΟϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу **ΔМФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 34, 695; *Фролова* 1997/II, 238-239, табл. XL, 3-21.

338. **Bl** 7,63 г; 18 мм; инв. № 14393

ϟМФ — 546 г. б.э.= 249 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙ-ΔΟϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, внизу **ϟМФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 34, 697 (о.с. – палица), 697а (о.с.– звезда); *Фролова* 1997/II, 242–245, табл. XLI, 12–27 (о.с. – палица); XLI, 28-38; XLII, 1-19 (о.с. – звезда).

339. **Bl** 6,88 г; 19 мм; инв. № 14394. На о.с. – палица.
340. **Bl** 7,06 г; 19 мм; инв. № 14395. На о.с. – звезда.

ZМФ — 547 г. б.э. = 250 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙ-ΔΟϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, внизу ZМФ. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 34, 698 (о.с. – палица), 698а (о.с. – звезда); Фролова 1997/II, 245–249, табл. XLII, 21–39; XLIII,1–16 (о.с. – палица); XLIII, 17-39; XLIV, 1 (о.с. – звезда).

341. **Bl** 6,45 г; 19 мм; инв. № 14396. На о.с. – палица.
342. **Bl** 7,55 г; 19 мм; инв. № 14397. На о.с. – звезда.
343. **Bl** 6,75 г; 19 мм; инв. № 14398. То же.

НМФ — 548 г. б.э. = 251 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙ-ΔΟϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, внизу **НМФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 34, 699в (л.с. – меч, о.с. – две точки), 699е (о.с. – палица), 699з (о.с. – трезубец), 699и (о.с. – две точки); *Анохин* 1986, табл. 34, 699, 699а, з, и; *Фролова* 1997/II, 249-255, табл. XLIV, 14-22 (о.с. – палица); XLIV, 23-37, XLV, 1-6 (о.с. – трезубец); XLV, 7-30 (о.с. – две точки); XLV, 31-37 (о.с. – звезда); XLV, 38-40 (без дифферентов); XLVI, 4-5а (л.с. – скипетр).

344. **Bl** 7,03 г; 19 мм; инв. № 14999. Без дифферентов.
345. **Bl** 7,30 г; 19 мм; инв. № 14400. На о.с. – две точки.
346. **Bl** 6,40 г; 19 мм; инв. № 14401. На о.с. – трезубец.
347. **Bl** 5,70 г; 18 мм; инв. № 14402. То же.

ΘMΦ – 549 г. б.э. = 252 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORI-ΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа звезда; внизу **ΘMΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 255-258, табл. XLVI, 6-11.

348. **Bl** 6,48 г; 19 мм; инв. № 14392.

BNΦ – 552 г. б.э. = 255 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORI-ΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа трезубец; внизу **BNΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 35, 703; *Фролова* 1997/II, 259-260, табл. XLVII, 17-28; XLVIII, 1-5.

349. **Bl** 6,55 г; 19 мм; инв. № 14404.

ΘNΦ – 559 г. б.э. = 262 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORI-ΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюсты двух императоров друг против друга, между ними – точка; внизу **ΘNΦ**. Точечный ободок.

Лит.: Анохин 1986, табл. 35, 707; Фролова 1997/II, 262-264, табл.XLIX, 4-27; L, 1-11.

350. **Bl** 7,80 г; 19 мм; инв. № 14405
351. **Bl** 6,55 г; 22 мм; инв. № 14391

ƵΦ – 560 г. б.э. = 263 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORI-ΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюсты Валериана и Галлиена друг против друга, между ними – точка; внизу **ƵΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 35, 710а; *Фролова* 1997/II, 264-266, табл. L, 16-27; LI, 1-26; LII, 1-2.

352. **Bl** 67,10 г; 19 мм; инв. № 14486. На Л.с. – трезубец.
353. **Bl** 66,23 г; 20 мм; инв. № 14407

AƵΦ – 561 г. б.э. = 264 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORI-ΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюсты Валериана и Галлиена друг против друга, между ними – точка; внизу **AƵΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 35, 712 (л.с. – трезубец); *Фролова* 1997/II, 266-267, табл. LII, 4-14.

354. **Bl** 6,53 г; 20 мм; инв. № 14410

Тип 2

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORI-ΔOC** Бюст царя вправо, справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, перед ним буква **I** (10 единиц); внизу **AƵΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 35, 712а; *Фролова* 1997/II, 268-269, табл. LII, 22-27; LIII, 1-26.

355. **Bl** 7,41 г; 21 мм; инв. № 14408.

356. **Bl** 7,55 г; 19 мм; инв. № 14409

BϡΦ – 562 г. б.э. = 265 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC** Бюст царя вправо, перед ним – трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, перед ним буква I; внизу **BϡΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 713; *Фролова* 1997/II, 269-270, табл. 269-270, табл. LIV, 1-27; LV, 1-3.

357. **Bl** 6,81 г; 20 мм; инв. № 14411

ΓϡΦ – 563 г. б.э. = 266 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, перед ним буква **K** (20 единиц); внизу **ΓϡΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 714; *Фролова* 1997/II, 271-273, табл. LV, 17-28; LVI, 1-28; LVII, 1-13.**563 г. б.э. – 266 гг. н. э.**

358. **Bl** 7,48 г; 20 мм; инв. № 14412
359. **Bl** 7,06 г; 19 мм; инв. № 14413

ΔϡΦ – 564 г. б.э. = 267 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, перед ним буква **K**; внизу **ΔϡΦ**. Точечный ободок.

Лит.: Анохин 1986, табл. 36, 715; Фролова 1997/II, 273-274, табл. LVII, 13-27; LVIII, 1-20.

360. **Bl** 7,10 г; 20 мм; инв. № 14414
361. **Bl** 6,52 г; 20 мм; инв. № 14415

242–251 гг. н.э.

Двойной денарий

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORIΔOC** Бюст Рескупорида V вправо. Точечный ободок.

О.с. Богиня восседает на троне влево; в правой руке держит фиалу; по сторонам знак двойного денария B — *. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 719.

362. **AE** 5,57 г; 21 мм; инв. № 14425
363. **AE** 4,75 г; 20 мм; инв. № 14426
364. **AE** 6,05 г; 15 мм; инв. № 14427
365. **AE** 3,70 г; 17 мм; инв. № 14428
366. **AE** 5,25 г; 15 мм; инв. № 14429
367. **AE** 4,42 г; 15 мм; инв. № 14430

ФАРСАНЗ (253-254 (?))

Статер

NΦ – 550 г. б.э. = 253 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC ΦARCANZOY** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа звезда, внизу **NΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 723; *Фролова* 1997/II, 279-280, табл. LXII, 23-27; LXIII, 1-7.

368. **Bl** 7,32 г; 19 мм; инв. № 14392

ТЕЙРАН (266, 275-278)

Статеры

ГОФ – 573 г. б.э. = 276 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC TEIPANOY** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **ГОФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 727; *Фролова* 1997/II, 284-285, табл. LXVI, 3.

369. **AE** 6,53 г; 19 мм; инв. № 14431

ЄОФ – 575 г. б.э. = 278 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC TEIPANOY** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **ЄОФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 729; Фро-

лова 1997/II, 286-287, табл. LXVII, 23.
370. **AE** 7,04 г; 19 мм; инв. № 14432

ФОФОРС (275-308)

Статеры

ГПФ – 583 г. б.э. = 286 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга, внизу **ГПФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 36, 731; *Фролова* 1997/II, 287-288, табл. LXVIII, 2-20.

371. **AE** 5,54 г; 17 мм; инв. № 14433
372. **AE** 5,97 г; 19 мм; инв. № 14434
373. **AE** 7,39 г; 19 мм; инв. № 14435

ϛПФ – 586 г. б.э. = 289 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа тамга, внизу **ϛПФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 735; *Фролова* 1997/II, 290-291, табл. LXIX, 18-31; LXX, 1-7.

374. **AE** 8,15 г; 19 мм; инв. № 14436
375. **AE** 5,84 г; 19 мм; инв. № 14437

ZПФ – 587 г. б.э. = 290 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа тамга, внизу **ZПФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 736; *Фролова* 1997/II, 291-292, табл. LXX, 8-19.

376. 7,18 г; 19 мм; инв. № 14438

НПФ – 588 г. б.э. = 291 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа тамга, внизу **НПФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 737; *Фролова* 1997/II, 293, табл. LXX, 21–27; LXXI, 1-4.

377. **AE** 6,52 г; 19 мм; инв. № 14439
378. **AE** 7,35 г; 19 мм; инв. № 14440
379. **AE** 7,93 г; 19 мм; инв. № 14441

ϙФ – 590 г. б.э. = 293 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга; внизу **ϙФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 738; *Фролова* 1997/II, 293, табл. LXXI, 5-13.

380. **AE** 7,66 г; 19 мм; инв. № 14442
381. **AE** 6,07 г; 19 мм; инв. № 14443

АϙФ – 591 г. б.э. = 294 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга; внизу **АϙФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 739; *Фролова* 1997/II, 294, табл. LXXI, 15–27.

382. **AE** 7,87 г; 19 мм; инв. № 14444

ВϙФ – 592 г. б.э. = 295 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо, справа – трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга; внизу **ВϙФ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 740; *Фролова* 1997/II, 296-297, табл. LXXII, 24-27; LXXIII, 1-9.

383. **AE** 7,35 г; 19 мм; инв. № 14445
384. **AE** 7,03 г; 19 мм; инв. № 14446

ГϙФ – 593 г. б.э. = 296 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС ΘΟΘѡРСОУ** Бюст царя вправо, справа – трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга; внизу **ΓϹΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 741а; *Фролова* 1997/II, 298-299, табл. LXXIII, 21–26.

385. **AE** 7,04 г; 19 мм; инв. № 14447
386. **AE** 6,87 г; 19 мм; инв. № 14448

ΔϹΦ – 594 г. б.э. = 297 г. н.э.

Л.с. ΒΑϹΙΛΕωϹ ΘΟΘωΡϹΟΥ Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; слева три точки, справа тамга; внизу **ΔϹΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 742а; *Фролова* 1997/II, 300-301, табл. LXXV, 7-9.

387. **AE** 7,15 г; 20 мм; инв. № 14449
388. **AE** 7,00 г; 19 мм; инв. № 14450
389. **AE** 6,47 г; 19 мм; инв. № 14451

ΕϹΦ – 595 г. б.э. = 298 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΘΟΘωΡϹΟΥ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга; внизу **ΕϹΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 743б (л.с. – три точки, о.с. – три точки); *Фролова* 1997/II, 301-303, табл. LXXV, 11а-29; LXXVI, 1 (л.с. – три точки, о.с. – три точки), 9-20 (без дифферентов).

390. **AE** 6,78 г; 19 мм; инв. № 14452. Без дифферентов.
391. **AE** 6,75 г; 19 мм; инв. № 14453. Без дифферентов.
392. **AE** 7,78 г; 19 мм; инв. № 14454. Без дифферентов.
393. **AE** 7,65 г; 18 мм; инв. № 14455. л.с. – три точки, о.с. – три точки
394. **AE** 7,09 г; 18 мм; инв. № 14456. л.с. – три точки, о.с. – три точки
395. **AE** 7,75 г; 19 мм; инв. № 14457. л.с. – три точки, о.с. – три точки

ΖϹΦ – 597 г. б.э. = 300 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΘΟΘωΡϹΟΥ** Бюст царя вправо справа треугольник из точек вершиной вниз. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга, слева треугольник из точек вершиной вниз; внизу **ΖϹΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 745а; *Фролова* 1997/II, 306-307, табл. LXXVII, 19-27; LXXVIII, 1-15

396. **AE** 5,70 г; 19 мм; инв. № 14458.

ΘϹΦ – 599 г. б.э. = 302 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΘΟΘωΡϹΟΥ** Бюст царя вправо, справа треугольник из точек вершиной вниз. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга, слева треугольник из точек вершиной вниз; внизу **ΘϹΦ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 747а; *Фролова* 1997/II, 308-309, табл. LXXVIII, 25–29; LXXIX, 1–16.

397. **AE** 7,96 г; 19 мм; инв. № 14459.

Χ — 600 г. б.э. = 303 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΘΟΘωΡϹΟΥ** Бюст царя вправо справа треугольник из точек вершиной вниз. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга, слева треугольник из точек вершиной вниз; внизу **Χ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 748; *Фролова* 1997/II, табл. LXXIX, 22-27; LXXIX, 1.

398. **AE** 7,95 г; 19 мм; инв. № 14460.
399. **AE** 7,65 г; 18 мм; инв. № 14461.

ΑΧ – 601 г. б.э. = 304 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΘΟΘωΡϹΟΥ** Бюст царя вправо справа треугольник из точек вершиной вниз. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга, слева треугольник из точек вершиной вниз; внизу **ΑΧ**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 311-312, табл. LXXX, 2-6.

400. **AE** 7,61 г; 18 мм; инв. № 14462

BX — 602 г. б.э. = 305 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC ΘOΘωPCOY.** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа тамга; внизу **BX**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 37, 750; *Фролова* 1997/II, 312, табл. LXXX, 7-15.

401. **AE** 7,12 г; 19 мм; инв. № 14463

РАДАМСАД (309 – 322)

Статеры

ZH – 607 г. б.э. = 310 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PAΔAMCAΔ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу **ZH**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 756; *Фролова* 1997/II, 314, табл. LXXXI, 6-14.

402. **AE** 7,45 г; 19 мм; инв. № 14464

AIX — 611 г. б.э. = 314 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PAΔAMCAΔI** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу **AIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 759; *Фролова* 1997/II, 315-316, табл. LXXXII, 9–17.

403. **AE** 6,50 г; 19 мм; инв. № 14466

ГIX – 613 г. б.э. = 316 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PAΔAMCAΔ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу ГIX. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 761; *Фролова* 1997/II, 317, табл. LXXXIII, 1–14

404. **AE** 7,50 г; 19 мм; инв. № 14465

ΔIX — 614 г. б.э. = 317 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PAΔAMCAΔIC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу **ΔIX**. Точечный ободок.

Лит.: Анохин 1986, табл. 38, 762; Фролова 1997/II, 317-319, табл. LXXXIII, 15–27; LXXXIV, 1-24.

405. **AE** 7,73 г; 19 мм; инв. № 14467
406. **AE** 6,60 г; 19 мм; инв. № 14469
407. **AE** 6,55 г; 19 мм; инв. № 14470

ЄIX – 615 г. б.э. = 318 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PAΔAMC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу **ЄIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 763; *Фролова* 1997/II, 319-321, табл. LXXXIV, 25-31, LXXXV, 1-26.

408. **AE** 5,82 г; 19 мм; инв. № 14471
409. **AE** 6,96 г; 19 мм; инв. № 14472

ΘIX – 619 г. б.э. = 322 г. н.э.

Л.с. BACIΛEωC PAΔAMC Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа палица; внизу **ΘIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 322, табл. LXXXVI, 11-17.

410. **AE** 6,00 г; 19 мм; инв. № 14468

РИСКУПОРИД VI (314 – 341/342)

Статеры

AIX — 611 г. б.э. = 314 г. н.э.

Л.с. **BACIΛEωC PHCKOYΠORIC** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **AIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 323, табл. LXXXVI, 20-22.

411. **AE** 6,18 г; 18 мм; инв. № 522

ϟIX – 616 г. б.э. = 319 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ** Бюст царя вправо, справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа двузубец; внизу **ϟIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 765а; *Фролова* 1997/II, 325-326, табл. LXXXVII, 22-27; LXXXVIII, 1-19.

412. **AE** 7,25 г; 19 мм; инв. № 14473.
413. **AE** 6,92 г; 19 мм; инв. № 14474.
414. **AE** 7,07 г; 18 мм; инв. № 14475.

ZIX – 617 г. б.э. = 320 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ** Бюст царя вправо, справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа двузубец; внизу **ZIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 766; *Фролова* 1997/II, 327-329, табл. LXXXVIII, 26–33; LXXXIX, 1–31; XC, 1-4.

415. **AE** 6,61 г; 19 мм; инв. № 14476
416. **AE** 5,70 г; 19 мм; инв. № 14477
417. **AE** 5,92 г; 18 мм; инв. № 14478

HIX – 618 г. б.э. = 321 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **HI – X**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 767 (л.с. – трезубец), 767б (о.с. – венок); *Фролова* 1997/II, 331-332, табл. XCI, 15-24 (л.с. – трезубец); 26-28; XCII, 1-6 (л.с. – венок).

418. **AE** 7,21 г; 19 мм; инв. № 14479. На Л.с. – трезубец.
419. **AE** 5,68 г; 18 мм; инв. № 14481

Тип 2

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **HIX.** Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 767; *Фролова* 1997/II, 329-332, табл. XC, 5–30; XCI, 1–23; XCII, 1–7.

420. **AE** 6,40 г; 19 мм; инв. № 14482. л.с. – трезубец, о.с. – двузубец.
421. **AE** 4,48 г; 19 мм; инв. № 14483. л.с. – трезубец, о.с. – двузубец.
422. **AE** 7,69 г; 20 мм; инв. № 14523. л.с. – трезубец, о.с. – двузубец.
423. **AE** 6,92 г; 19 мм; инв. № 14521. л.с. – трезубец, о.с. – двузубец.

ΘIX – 619 г. б.э. = 322 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙ-ΔΟϹ** Бюст царя вправо, справа венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **ΘI – X**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 768б; *Фролова* 1997/II, 333-337, табл. XCIII, 1а-35; XCIV, 1-23.

424. **AE** 7,25 г; 19 мм; инв. № 14484
425. **AE** 6,67 г; 19 мм; инв. № 14485
426. **AE** 5,83 г; 18 мм; инв. № 14486
427. **AE** 6,55 г; 19 мм; инв. № 14437

Тип 2

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕωϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа орел на сфере с венком в клюве; внизу **ΘIX**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 38, 768а; *Фролова* 1997/II, 333-334, табл. XCII, 8–24.

428. **AE** 7,60 г; 19 мм; инв. № 14488
429. **AE** 6,73 г; 20 мм; инв. № 14489

КХ – 620 г. б.э. = 323 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, справа венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **К – Х.** Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 769; *Фролова* 1997/II, 337-342, табл. XCIV, 24–30; XCV, 1–31; XCVI, 1–17.

430. **АЕ** 7,00 г; 18 мм; инв. № 14490
431. **АЕ** 7,91 г; 19 мм; инв. № 14491
432. **АЕ** 6,63 г; 19 мм; инв. № 14492

Тип 2

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа орел на сфере с венком в клюве; внизу **КХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 769а; *Фролова* 1997/II, 342-344, табл. XCVII, 13-31; XCVIII, 1-22.

433. **АЕ** 7,96 г; 19 мм; инв. № 14493
434. **АЕ** 7,55 г; 19 мм; инв. № 14494

АКХ – 621 г. б.э. = 324 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУПОРІΔОС** Бюст царя вправо, справа венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **АК – Х**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 770; *Фролова* 1997/II, 345-348, табл. XCVIII, 26-28; XCIX, 1-32; C, 1-30.

435. **АЕ** 7,00 г; 20 мм; инв. № 14495
436. **АЕ** 7,55 г; 20 мм; инв. № 14496

Тип 2

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; перед ним орел с венком в клюве на сфере; внизу **АКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 770а; *Фролова* 1997/II, 348-350, табл. C, 31-33; CI, 1-21.

437. **АЕ** 7,45 г; 19 мм; инв. № 14498
438. **АЕ** 7,10 г; 19 мм; инв. № 14499
439. **АЕ** 7,52 г; 19 мм; инв. № 14500
440. **АЕ** 7,25 г; 19 мм; инв. № 14501

ВКХ – 622 г. б.э. = 325 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІС** Бюст царя вправо перед ним трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа орел с венком в клюве на сфере, влево; внизу **ВКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 771б; *Фролова* 1997/II, 350-351, табл. CI, 22-27; CII, 1.

441. **АЕ** 6,70 г; 19 мм; инв. № 14502

Тип 2

Л.с. **ВАСІЛЕОС РІСКОУПОР** Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; перед ним Ника на сфере влево, в правой руке держит венок; внизу **ВКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 771д (л.с. – венок), 771з (л.с. – точка); *Фролова* 1997/II, 353-354, табл. CII, 9-10 (л.с. – трезубец), 13-30 (л.с. – точка); CIII, 1-15 (л.с. – венок), 17-22 (л.с. – звезда)

442. **АЕ** 5,48 г; 18 мм; инв. № 14503. На л.с. – трезубец.
443. **АЕ** 7,31 г; 19 мм; инв. № 14504. На л.с. – трезубец.

444. **AE** 7,10 г; 19 мм; инв. № 14505. На л.с. – венок.
445. **AE** 6,70 г; 19 мм; инв. № 14506. На л.с. – венок.
446. **AE** 6,53 г; 19 мм; инв. № 14507. На л.с. – венок.

Тип 3

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **ВК – Х**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 771; *Фролова* 1997/II, 351, табл. CII, 9-10.

447. **AE** 6,86 г; 19 мм; инв. № 14508

Тип 4

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, перед ним венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, перед ним звезда; внизу **ВКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 771е; *Фролова* 1997/II, 351, 354-355, табл. CIII, 23-29; CIV, 1-6.

448. **AE** 7,53 г; 19 мм; инв. № 14509

ГКХ — 623 г. б.э. = 326 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РІСКОУПОРІ** Бюст царя вправо, перед ним венок из шести лепестков. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; перед ним Ника на сфере влево, в правой руке держит венок; внизу **ГКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 772в; *Фролова* 1997/II, 359-363, табл. CVI, 9–18.

449. **AE** 7,25 г; 19 мм; инв. № 14510
450. **AE** 6,35 г; 19 мм; инв. № 14511

Тип 2

Л.с. **ВАСІЛЕОС РНСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; справа орел с венком в клюве на сфере, влево; внизу **ГКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 772а; *Фролова* 1997/II, 357, 363, табл. CV, 9-16.

451. **AE** 7,53 г; 19 мм; инв. № 14512

Тип 3

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, перед ним венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **Г – КХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 772б; *Фролова* 1997/II, 361-363, табл. CVII, 5-28; CVIII, 1-5.

452. **AE** 7,51 г; 19 мм; инв. № 14513

ΔКХ – 624 г. б.э. = 327 г. н.э.

Тип 1

Л.с. **ВАСІЛЕОС РІСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, справа венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа звезда; внизу **ΔКХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 365-366, табл. CIX, 13, 13а.

453. **AE** 6,85 г; 19 мм; инв. № 14514

Тип 2

Л.с. **ВАСІЛЕОС РНСКОУПОРІ** Бюст царя вправо, перед ним венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **ΔК – Х**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 773а; *Фролова* 1997/II, 367-368, табл. CX, 1-22.

454. **AE** 7,96 г; 19 мм; инв. № 14497

ЄКХ – 625 г. б.э. = 328 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕѡС РНСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, перед ним венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; по сторонам **ЄК – Х**. Точечный ободок.

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 39, 774а; *Фролова* 1997/II, 369, табл. CXI, 6-14.

455. **AE** 6,75 г; 19 мм; инв. № 14515
456. **AE** 6,78 г; 19 мм; инв. № 14516
457. **AE** 7,18 г; 19 мм; инв. № 14517

НКХ – 628 г. б.э. = 331 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУП** Бюст царя вправо, перед ним трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо; внизу **НКХ**. Точечный ободок.

458. **AE** 5,45 г; 18 мм; инв. № 14480

НЛХ— 638 г. б.э. = 341 г. н.э.

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, справа венок. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа ветвь; внизу **НЛХ**. Точечный ободок.

Лит.: *Фролова* 1997/II, 372, табл. CXII, 12-22.

459. **AE** 7,21 г; 18 мм; инв. № 14518

Год не ясен

Л.с. **ВАСІЛЕУС РІСКОУПОРІС** Бюст царя вправо, справа трезубец. Точечный ободок.

О.с. Бюст императора вправо, справа звезда. Точечный ободок.

460. **AE** 6,52 г; 18 мм; инв. № 14519
461. **AE** 4,00 г; 16 мм; инв. № 14520. … **IX** ?

© 2011

И. С. Прокопов, В. К. Пешехонов, Н. А. Фролова, М. Г. Абрамзон

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДРАХМЫ О-ВА ФАСОС, ТЕТРАДРАХМЫ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ФАСОССКОГО ТИПА» И ИХ ИМИТАЦИИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Впервые публикуется каталог тетрадрахм о-ва Фасос эллинистического периода и их имитаций из собрания ГИМ. Авторы анализируют штемпели, которыми отчеканены данные монеты в контексте сведений об обращении подобных тетрадрахм, происходящих из многочисленных кладов.

Ключевые слова: Фасос, Фракия, тетрадрахма, штемпель, имитации, клады, монетное обращение.

Все публикуемые в настоящей статье фасосские тетрадрахмы из собрания ГИМ относятся к иконографическому типу «Геракл Сотер»:

Л. с. Голова юного Диониса в плющевом венке вправо. *О. с.* Обнаженный Геракл стоит влево, опираясь правой рукой на палицу; через левую, согнутую в локте, перекинута львиная шкура. По сторонам вертикально **ΗΡΑΚΛΕΟΥΣ ΣΩΤΗΡΟΣ**, внизу **ΘΑΣΙΩΝ**. В поле слева, между палицей и ногой Геракла сменяемая монограмма.

Лит.: *Prokopov* 2006, 25-109, nr. 1-558, taf. 1-42.

Коллекция ГИМ насчитывает 35 фасосских тетрадрахм, которые подразделяются на три основные хронологические группы[1]:

1) оригинальные, датируемые периодом 168/167 — 148 гг. до н.э., — 7 экз.;

2) тетрадрахмы так называемого «фасосского типа», чеканенные под контролем римской администрации с 148 по 80/70 г. до н.э., — 23 экз.;

3) имитации фасосских тетрадрахм — 15 экз.

Прокопов Илья Симеонов — доцент историческо-правового факультета Юго-Западного университета им. Неофита Рильского. E-mail: e-mail@law.swu.bg

Пешехонов Вячеслав Константинович — научный сотрудник Государственного Исторического музея. E-mail: slavnum@yandex.ru

Фролова Нина Андреевна — доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет Отдела нумизматики. E-mail: zakharov.evg@gmail.com

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru

[1] Альтернативная классификация и датировка предложена Ф. де Каллатаем. См. Callatay 2008, 21-54.

Последние, в свою очередь, можно разделить на три подгруппы. Первая подгруппа состоит из имитаций оригинальных монет и датируется периодом около 120-100 гг. до н.э. Монеты этой подгруппы в коллекции ГИМ отсутствуют. Вторая подгруппа имитирует тетрадрахмы «фасосского типа» и датируется 120-72 гг. до н.э. В коллекции представлена всего одна такая монета. Третья группа имитаций достигает крайней степени варваризации и настолько отдалена от оригинала, что не имеет связи с ним как стилистически, так и по характеру монетной легенды. Монеты этой группы датируются серединой — концом I в. до н.э., хотя в ряде случаев продолжают находиться в обращении даже в первые два десятилетия I в. н.э. Данная группа имитаций представлена в коллекции ГИМ 5 экземплярами.

Территория циркуляции тетрадрахм и топография находок

Группа I. Оригинальные фасосские тетрадрахмы

а) территория современной Болгарии к югу от горного массива Стара Планина. В этой зоне зарегистрирована большая часть монетных кладов, содержащих оригинальные тетрадрахмы Фасоса, в том числе, имеющие параллели с монетами из ГИМ. Из общего количества таких монет (67 экз.), происходящих с данной территории, 50 найдены в Новозагорском р-не, 15 — в соседней Хасковской области, в южном направлении, а также 2 — еще южнее, в р-не г. Златоград. Последний р-н знаменит месторождениями благородных металлов и являлся традиционным поставщиком золотых и серебряных руд. Эта часть Фракии относится к территории современной Республики Болгария;

б) территория современной Болгарии к северу от массива Стара Планина до Дуная. Оригиналные тетрадрахмы здесь встречаются гораздо реже. Часть из них имеет общие штемпели сторон с монетами ГИМ и найдена в окрестностях следующих городов: Враца — 5 монет; Ловеч — 1; Велико Тырново — 1; Силистра — 1. Общее количество оригинальных монет отсюда, имеющих параллели с коллекцией ГИМ, составляет 8 экземпляров;

в) территория современной Румынии к северу от Дуная — здесь найдена всего одна оригинальная монета, имеющая совпадение с экземпляром из коллекции ГИМ.

Группа II. Тетрадрахмы «фасосского типа»

В направлении на юг — юго-восток наиболее удаленной зоной распространения таких тетрадрахм является территория современной Турции, где к настоящему моменту зарегистрированы только 2 монеты, связанные общими штемпелями с тетрадрахмами из ГИМ. Северная часть современной Греции, граничащая на западе с европейской частью Турции, также не изобилует аналогичными монетами. Здесь зарегистрированы находки только 3 тетрадрахм, очеканенные родственными штемпелями. Основная зона распространеия тетрадрахмы так называемого «фасосского типа» расширяется к северу от Стара Планина. Этим объясняется сравнительно небольшое количество находок монет со штемпелями, идентичными музейным, в Южной Болгарии. Из общего количества совпадений отсюда (26 монет) 18 происходят из Центральной Южной Болгарии, а 8 — Юго-Западной Болгарии.

Совсем другая картина наблюдается для Северной Болгарии. Количество монет, которые взаимодействуют с колекцией ГИМ, весьма велико. От долины

р. Огосты (правого притока Дуная) на западе до Черноморского побережья зарегистрированы находки 179 таких тетрадрахм. Территория к северу от Дуная, в границах современной Румынии, также очень насыщена аналогичными монетами. Отсюда происходит 157 тетрадрахм с одинаковыми штемпелями. Зона распространения с запада на восток проходит от границ Венгрии до Черноморского побережья. К ней можно также отнести и 4 тетрадрахмы из р-на г. Яш (Яссы, Румыния); он является самой восточной — северо-восточной зоной распространения таких монет.

Незначительную группу составляют 4 тетрадрахмы, найденные на территории современной Республики Сербия, а также 14 — из Венгрии. Следует отметить, что одни и те же находки часто относят то к Румынии, то к Венгрии, что связанно с известными историческими событиями и переходом части данной территории от одной страны к другой.

В нашем обзоре территории обращения таких тетрадрахм не учитываются несколько десятков монет из коллекций, имеющие неясное происхождение, хотя они также полностью или частично связаны с фасосскими тетрадрахмами из коллекциии ГИМ.

Таким образом, мы полагаем, что большая часть тетрадрахм из ГИМ так называемого «фасосского типа» по своим характеристикам может быть связана с кладами, сокрытыми на территории севернее горного массива Стара Планина и локализуемыми почти равномерно по обе стороны от Дуная. В этих комплексах тетрадрахмы «фасосского типа» чаще всего смешаны с тетрадрахмами Первой Македонской области. Это означает, что время наиболее активных контактов приходятся на периода после 120/119 г. до середины I в. до н.э. Количество оригинальных тетрадрахм о-ва Фасос в собрании ГИМ соответствует общему соотношению между таковыми и тетрадрахмами «фасосского типа». Как показано выше, оригинальные тетрадрахмы составляют естественный, но скромный по своему объему компонент в кладах, найденных к северу от Стара Планина.

Группа III. Имитации

К сожалению, до сих пор не создан специальный Корпус, в который вошли бы многочисленные имитации фасосских тетрадрахм. Отсюда определить точное количество монет, имеющих идентичные штемпеля сторон, пока не представляется возможным. Между тем, по некоторым общим наблюдениям, можно утверждать, что все 5 экземпляров из коллекции ГИМ относятся к северной зоне циркуляции, как показывает анализ кладов, содержащих имитации фасосских тетрадрахм, происходящих из Северной Болгарии и Румынии и достигающих пределов Венгрии и Словакии. Датировка таких гомогенных находок, а также кладов, в которых они смешаны с тетрадрахмами «фасосского типа» и, реже, с другими монетами[2], относится ко второй половине I в. до н.э. После реорганизации Римом монетных дворов на Балканах основную монетную массу здесь составляют римские республиканские денарии и монеты, чеканенные под римским управлением. Учитывая инерционные процессы, следует принять, что именно тогда окончательно прекратился приток (и до этого момента чрезвычайно слабый) всех рассмотренных тяжелых серебряных монет в Северное Причерноморье.

[2] Изредка встречаются клады, в которых они смешаны с римскими республиканскими денариями. См. Топалов 1996, 67.

Наиболее тесное стилистическое родство с фасосским серебром обнаруживают тетрадрахмы Маронеи типа «Дионис Сотер»[3]:

Л. с. Голова юного Диониса в плющевом венке вправо.

О. с. Обнаженный Дионис стоит вправо (в позе, подобной фасосскому Гераклу), в правой руке держит виноградную гроздь, в левой, согнутой в локте, через которую перекинут плащ, — два копья (?). По сторонам вертикально **ΔΙΟΝΥΣΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ**, внизу **ΜΑΡΩΝΙΤΩΝ**. Слева и справа внизу в поле сменяемые монограммы.

Лит.: *Schönert-Geiss* 1987.

Как и тяжелые серебряные монеты Фасоса, эта чеканка не была предназначена для внутреннего обращения, и обе они почти не встречаются на территории выпускавших их центров[4].

Благодаря работам Э. Щёнерт-Гейсс, издавшей обширный Корпус тетрадрахм Маронеи и определившей пути их распространения[5], мы имеем возможность определить районы происхождения монет, имеющие параллели с экземплярами из коллекции ГИМ. Из шести маронейских тетрадрахм эллинистического периода, входящих в собрание ГИМ, только для двух (инв. № ГИМ А. 942, 946) известны полные аналогии. Так, общей парой штемпелей с монетой инв. № ГИМ А. 942 бита тетрадрахма из клада из с. Стройно[6] (Юго-Восточная Болгария), со второй — тетадрахма из клада из с. Варбица[7] (центральная часть Северной Болгарии). Еще одна монета из ГИМ (инв. № ГИМ А. 945) бита общим штемпелем л.с. с другой тетрадрахмой из клада из с. Стройно[8]. Примечательно, что, как и во многих подобных находках, в состав обоих кладов входило значительное число тетрадрахм фасосского типа, в том числе имеющих аналогии с монетами из коллекции ГИМ (с. Стройно — см. Каталог, № 11, 16-18, 25-27; с. Варбица — Каталог, № 18).

Направление потока тетрадрахм Маронеи в принципе не отличается от направления потока тетрадрахм Фасоса: преимущественно на север — северо-восток. Согласно выводам Э. Шёнерт-Гейсс, основной маршрут движения маронейских монет проходил почти по прямой линии — от Эгейского побережья к г. Карджали и г. Хасково в Южной Болгарии, а затем через горы — к г. Велико Тырново и прилегающим к нему районам Северной Болгарии[9]. Этот процесс хорошо иллюстрируют как монетные клады, так и находки отдельных монет в горном массиве Родопы на територии Греции и Болгарии. Там же преобладают и находки бронзовых монет Маронеи того же типа «Дионис Сотер»[10]. Но по своему объему маронейская чеканка тетрадрахм этого периода значительно уступает

[3] Тетрадрахмы Маронеи, аналогичные экземплярам из собрания ГИМ изданы: Schönert-Geiss 1987, 184, nr. 990; 188, nr. 1066, 1078-1082; 189, nr. 1098-1102; 195, nr. 1211-1213; 199, nr. 1285; taf. 38, *990*; 45, *1066*; 46, *1078/2*; 47, *1098/2*; 58, *1211/3*; 66, *1285*. Датировка, предложенная для этой чеканки Э. Шёнерт-Гейсс, скорректирована последующими исследованиями. См. Callatay 2008, 34-36; Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 177-182.

[4] Callatay 2008, 34, note 15; Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 180.

[5] Schönert-Geiss 1979, 177-186; 1987, 252, findkarte II.

[6] IGCH 924; Schönert-Geiss 1987, 105, nr. 32; 195, nr. 1211, 2.

[7] IGCH 529; Schönert-Geiss 1987, 106, nr. 11; 188, nr. 1078, 4.

[8] Schönert-Geiss 1987, 105, nr. 11; 188, nr. 1064.

[9] Прокопов 2005, 33-36; 2007, 137-156.

[10] Schönert-Geiss 1987, 252, findkarte III.

фасосской. Соответствено, и ареал их распространения меньше. Лишь очень небольшая часть тетрадрахм Маронеи форсирует Дунай и встречается в кладах на территории современной Румынии. Однако, независимо от этого, мы имеем одно исключительно важное совпадение штемпелей л.с. одной тетрадрахмы Маронеи и шести фасосских тетрадрахм из клада из с. Стройно[11].

В смешанных кладах рассматриваемого периода из внутренней Фракии, содержащих фасосские тетрадрахмы, помимо тяжелых серебряных монет Маронеи наиболее часто присутствуют тетрадрахмы Первой Македонской области и квестора Эзилласа[12], а также афинские тетрадрахмы «нового стиля»[13] (см., например, многократно упоминаемый клад из с. Стройно, содержавший все перечисленные выпуски). Следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что в историческом контексте данные чрезвычайно обильные чеканки[14] так или иначе связаны с Римом[15]. Вполне устраивал римлян и аттический стандарт, по которому выпускались все названные эмиссии, позволяющий даже извлекать небольшой доход из уравнения драхмы с несколько более низким по весу динарием[16].

В заключение необходимо сказать несколько слов о находках фасосских тетрадрахм типа «Геракл Сотер» в Северном Причерноморье[17]. Не вызывают сомнения их находки в Тире[18]. В округе Ольвии и восточнее такие примеры более редки. Кроме пяти экземпляров, известных К. В. Голенко и А. Н. Щеглову[19], необходимо добавить находки тетрадрахм в следующих пунктах:

1) тетрадрахма, найденная в бассейне р. Салгир[20];

2) тетрадрахма, купленная (найденная?) в с. Парутино[21];

3) плакированная монета с некрополя Ольвии[22];

4) тетрадрахма из раскопок Херсонеса[23];

5) тетадрахма из с. Молочное, в 13 км к западу от Евпатории[24];

6) тетрадрахма (предположительно, Маронеи), найденная в р-не Перекопского перешеека[25].

В целом, кроме нумизматического материала, контакты Северного Причерноморья с городами Эгейской Фракии хорошо прослеживаются, например, по на-

---

[11] Прокопов 2004; Callatay 2008, 34, note 11, 14.

[12] Тетрадрахмы Первой Македонской области и квестора Эзилласа из собрания ГИМ изданы: Абрамзон, Фролова 2008, 17-28, табл. 1-5.

[13] Callatay 2008, 36-39, tab. 3.

[14] Сводная таблица дана: Callatay 2008, 32, tab. 1; Prokopov 2006, 291-293.

[15] Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 181.

[16] Psoma, Karadima, Terzopoulou 2008, 181-182. Для этого периода вес аттической драхмы составлял около 4,1 г, а римского динария — около 3,9 г.

[17] Мы подразумеваем здесь более широкую, чем это принято обычно, территорию, простирающуюся в западном направлении — до Ольвии и Тиры включительно.

[18] Зограф 2002, 225-226.

[19] Голенко, Щеглов 1971, 44, прим. 13.

[20] Forrer 1968, 20, fig. 33.

[21] Карышковский 2003, 304, № 24.

[22] ОАК 1896, 209.

[23] Гилевич 1968, 28.

[24] Голенко, Щеглов 1971, 41-42.

[25] Голенко, Колтухов 2005, 20-21, рис. 1, 2.

ходкам керамической тары (главным образом, Фасоса)[26]. Однако и здесь «фасосский импорт после середины III в. до н. э. — явление достаточно редкое»[27].

Как уже отмечалось, эллинистические тетрадрахмы, чеканенные от имени Фасоса и Маронеи, почти не встречаются на территории этих центров и предназначались для других целей. Топография монетных кладов[28] позволяет с большой долей вероятности утверждать, что тяжелые фасосские серебряные монеты проникали в Северное Причерноморье преимущественно из района их основного обращения, а именно из внутренних областей Фракии, через Западное побережье Понта[29] или Дунайско-Днестровское междуречье. Они повторяли тот же маршрут, по которому в различное время проникали в Ольвию[30] и Тиру[31] редкие серебряные и бронзовые монеты фракийских правителей V-I вв. до н.э. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что из всего небольшого количества учтенных тетрадрахм одна монета — из раскопок некрополя Ольвии — является плакированной, а другая — имитацией[32]. Хотя фасосские тетрадрахмы широко использовались различными центрами (включая Мессембрию и Одесс) для чеканки собственной монеты[33], в нашем случае речь не идет о специальном завозе серебра в Северное Причерноморье, что еще раз подтверждается наличием среди них плакированного экземпляра и имитации. В целом, применительно к данному региону оправданно отнести рассматриваемую нами чеканку к той категории монет, которая путешествовала вместе со своими владельцами[34]. Вполне вероятно, что какая-то часть этих лиц являлась наемными воинами[35]. Не останавливаясь подробно на теме присутствия фракийских наемников в Северном Причерноморье, упомянем лишь свидетельство Диодора[36] об их двухтысячном контингенте, состоявшем на службе у боспорского царя Сатира в конце IV в. до н.э., а также несколько эпиграфических документов, трактуемых в том же ключе (КБН 109, КБН 1137), особенно надпись на надгробии предводителя одного такого отряда, из Ольвии (IOSPE I^2, 223), которую Ю.Г. Виноградов считал возможным датировать митридатовским временем.[37]

Таким образом, в контексте наблюдаемого в греческом мире со II в. до н.э. оживления серебряного обращения проникновение тяжелых серебряных монет на территорию Северного Причерноморья представляется чрезвычайно интересным, но малое количество нумизматического материала заставляет воздерживаться от однозначных оценок этого процесса. Отсюда мы не можем судить о степени интенсивности товарообмена между Западным и Северным Причерноморьем в этот период так, как это видно по обильному присутствию истрийского серебра

---

[26] Монахов 2003, 56-87.
[27] Монахов 1999, 570.
[28] Prokopov 2006, 335; Schönert-Geiss 1987, 252, findkarte II.
[29] Карышковский 1962, 57-58.
[30] Карышковский 1962, 49-50, рис. 1, 1.
[31] Диамант 1982, 114-117.
[32] Голенко, Колтухов 2005, 21, рис. 1.
[33] Callatay 2008, 39-44, tab. 4-5.
[34] Яркий тому пример — нумизматический материал с о-ва Левка, в том числе и монеты Фасоса; см.: Булатович 1971.
[35] Голенко, Колтухов 2008, 21.
[36] Diod. XX. 22. Эти события детально разобраны Ю.Г. Виноградовым. См. Виноградов 2005, 277-282.
[37] Виноградов 1989, 255.

в контактной зоне, примыкающей к Ольвии и Тире ранее — в IV в. до н. э.[38], и по тому, как о том свидетельствуют нарративные и эпиграфические источники[39].

КАТАЛОГ[40]

ГРУППА I. Оригинальные тетрадрахмы о-ва Фасос

1. V F1 — R нов.: 16.18 г; 36 мм; инв. № ГИМ А. 1049.

Данный штемпель л.с. хорошо известен: зарегистрирована 61 тетрадрахма, отчеканенная им. В свою очередь, штемпель о.с. также относится к группе, хорошо известной как по стилю, так и по датировке. Он близок к опубликованным тетрадрахмам, битым названным штемпелем л.с., но регистрируется впервые. Штемпель л.с. связывает эту монету с очень большой группой тетрадрахм из следующих кладов и коллекций:

1) Клад из с Маца[41] (Новозагорский район, Болгария) — 25
2) Клад из с Горно Поле[42] (Хасковский район, Болгария) — 10
3) Клад из с Мезек[43] (Хасковский район, Болгария) — 3
4) Клад из с Сабраново[44] (Новозагорский район, Болгария) — 1
5) Клад из с Кортен[45] (Новозагорский район, Болгария) — 1
6) Клад из г Златоград[46] (Новозагорский район, Болгария) — 1
7) Клад из с Градешница[47] (Врачанский район, Болгария) — 1
8) Клад из Врачанского района[48] (Болгария) — 1
9) Клад из Ловечского района[49] (Болгария) — 1
10) Клад из Новозагорского района[50] (Болгария) — 1

Монета имеет также параллели и с не локализованными по месту обнаружения монетами с различных аукционов и из колекций:

11) Аукционы[51] — 4
12) Коллекции[52] — 12

2. V Ha1 — R 117[53]: 33. г; 14.88 мм; инв. № ГИМ А. 1052.

Зарегистрированы и опубликованы 20 монет, битые данными штемпелями. Монета из ГИМ имеет полное совпадение с 6 зарегистрированными монетами, отчеканенными

[38] Карышковский 1961, 111-112.
[39] Карышковский 1962, 57-58.
[40] Номерам каталога соответствуют номера иллюстраций в таблицах. Номера штемпелей обеих сторон даны по Корпусу эллинистических тетрадрахм о-ва Фасос. См.: Prokopov 2006.
[41] IGCH 921; Prokopov 2001, 193-209, nos. 59-61, 63-69, 69’, 71-82, 117;
[42] IGCH 910; Прокопов, Петров 2000, 5-22, рис. 3-20, № 15-24.
[43] Prokopov 2006, nos. 84/2, 91/4, 95/1.
[44] IGCH 965; Прокопов 2000, 3-10, № 9.
[45] IGCH 979; Prokopov 2006, no. 94/11.
[46] IGCH 969; Давидова 1998, № 8.
[47] IGCH 571; Prokopov 2006, nos. 94/9; 4.
[48] Prokopov 2006, nos. 86/7; 3.
[49] CCCHBulg. I/1, no. 274; Prokopov 2006, no. 86/6.
[50] Prokopov 2006, no. 96/12.
[51] CNG 51 (15.09.1999), nos. 248-249; Münzauktion Tkalec (23.10.1992), nr. 77; Dr. Busso Peus Nachf., Katalog 301 (Auktion 25-27.05.1981), nr. 211.
[52] ANS, no. 1944.100.16772; London, Weber, no. 2534; SNG Ashmolean, 3679; Boutin, Coll. Pozzi, no. 1126, 2404; Mildenberg, Hurter 1985, nos. 1338-1339; SNG Manchester, 794, 1241; SNG Kopenhagen, 1039; SNG Klagenfurt, 152; Bloesch, Winterthur I, no. 21, taf. 56.
[53] Prokopov 2006, no. 135.

общей парой этих штемпелей. Все они происходят из локализованных колективных монетных находок:

1) Клад из с. Маца[54] (Новозагорский район, Болгария) — 5

2) Клад из г. Лясковец[55] (Великотырновский район, Болгария) — 1

Другие 14 монет имеют совпадение только по штемпелю л.с. Все они также найдены в кладах:

3) Клад из с. Маца[56] (Новозагорский район, Болгария) — 8

4) Клад из с. Мезек[57] (Хасковский район, Болгария) — 2

5) Клад из с. Сабраново[58] (Новозагорский район, Болгария) — 1

6) Клад из с. Куклен[59] (Новозагорский район, Болгария) — 1

7) Клад из г. Златоград[60], Болгария — 1

8) Клад из г. Калараши[61] (Румыния) — 1

3. V Ic7 — R 167[62]: 31.5 г; 16.73 мм; инв. № ГИМ А. 1053.

Известны 5 тетрадрахм с этими штемпелями. Данный экземпляр из ГИМ имеет полное совпадение с двумя зарегистрированными монетами, отчеканенными общей парой штемпелей:

1) Клад из с. Тырнава[63] (Врачанский район, Болгария) — 1

2) Клад из с. Градешница[64] (Врачанский район, Болгария) — 1

Он также совпадает еще с тремя монетами, но только по штемпелю л.с.:

3) Клад из с. Маца[65] (Новозагорский район, Болгария) — 2

4) Клад из с. Липник[66] (Врачанский район, Болгария) — 1

4. V Ig10 — R нов: 16.53 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 1044.

Известна еще одна монета, отчеканенная этим штемпелем л.с., происходящая из клада из с. Маца (Новозагорский район[67], Болгария).

5. V Ka10 — R 350[68]: 16.79 г; 32 мм; инв. № ГИМ А. 1059.

Зарегистрированы 5 монет с этими штемпелями. В данном случае имеется полное совпадение с тремя монетами, отчеканенными общей парой штемпелей, происходящими из кладов:

1) Клад из с. Маца[69] (Новозагорский район, Болгария) — 2

2) Клад из с. Попина[70] (Силистринский район, Болгария) — 1

Еще две монеты имеют совпадение только по штемпелю л.с.:

3) Клад из с. Маца[71] (Новозагорский район, Болгария) — 2

---

54 Prokopov 2001, nos. 119-123.
55 Prokopov 2006, no. 135/6.
56 Prokopov 2001, nos. 124-129, 132-133.
57 Prokopov 2006, nos. 132/5, 134/5; nos. 21, 22.
58 Прокопов 2000, 3-10, № 12.
59 Кацарова 1961, 53–58.
60 Давидова 1998, 81-88; Prokopov 2006, no. 82/3.
61 Lucanc 1996, Calaraşi 4935, taf. 9, 13.
62 Prokopov 2006, no. 197.
63 Prokopov 2006, no. 221/1.
64 Prokopov 2006, no. 221/2.
65 Prokopov 2006, no. 172, 197.
66 Prokopov 2006, no. 222/1.
67 Prokopov 2001, no. 288.
68 Prokopov 2006, no. 409.
69 Prokopov 2006, no. 174-175.
70 Прокопов, Бъчваров 1990, 3-22, № 13.
71 Prokopov 2006, nos. 176-177.

Табл. 1. Тетрадрахмы Фасоса (ГИМ)

6. V Ka13 — R 355[72]: 16.90 г; 31.5 мм; инв. № ГИМ А. 6198.

Известны еще две монеты, битые данной парой штемпелей. Оба экз. происходят из клада из с. Маца[73] (Новозагорский район, Болгария).

7. 16.70 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 1042.

Для данной монеты не найдены аналогии по штемпелям. В стилистическом отношении штемпель л.с. попадает в группу с буквенной индикацией V Ia — V Ic, а реверс относится к группе монет № 192-205 из Корпуса И. Прокопова[74]. Таким образом, эта монета дает два новых штемпеля и, соответственно, новую комбинацию штемпелей лицевой и оборотной сторон.

ГРУППА II. Тетрадрахмы так называемого «фасосского типа»

8. V AA1 — R 560: 16.23 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 1068[75].

Нам не известны тетрадрахмы, отчеканенные комбинацией этой пары штемпелей. Но по отдельности встречаются и тот, и другой штемпели. Зарегистрированы 12 монет, битые тем же штемпелем л.с., из которых 7 найдены в Румынии[76], 5 — в Болгарии[77]. В свою очередь, только две монеты имеют тот же реверс и обе происходят из Болгарии[78].

9. V AC8 — R 592/1var.: 16.54 г; 30.5 мм; инв. № ГИМ А. 1067.

Известен только один экземпляр, битый этим штемпелем л.с.; он происходит из Болгарии[79]. Штемпель о.с. очень близок к уже известным, но не имеет полного совпадения.

10. V AE2 — R 899var.: 16.32 г; 33 мм; инв. № ГИМ А. 1066.

Полного совпадения комбинации монетных штемпелей не зарегистрировано. Известен только штемпель л.с.: зарегистрированы отчеканенные им 9 монет, из которых 6 происходят из болгарских кладов[80], а 3 — из румынских[81]. Штемпель реверса очень близок к R 899, но не имеет полного совпадения.

11. V CB1 — R 803[82]: — 16.52 г; 32 мм; инв. № ГИМ А. 1057.

Монета имеет два полных совпадения комбинации штемпелей[83]. Одна подобная монета происходит из большого клада из с. Градешница (Северная Болгарии), вторая хранится в Милане[84]. Штемпель л.с. применялся при чеканке следующих 14 монет:

1) Клад из с. Градешница[85] (Болгария) — 6

---

72 Prokopov 2006, no. 418.

73 Prokopov 2006, no. 179.

74 Prokopov 2006, taf. VI –XII.

75 Пробита.

76 Lucanc 1996, Pitesti 16502, taf. 81, 879; Sibiu 1, taf. 82, 893; Tîrgovişte 875, taf. 83, 909; Leiden 135, taf. 79, 855; Pitesti 16523, taf. 81, 888; Pitesti 16488, taf. 77, 833; Calaraşi 4962, taf. 80, 868.

77 Прокопов 1989, 264-266, № 19, 26, 27; Прокопов, Иванов 1986, 48-51, № 11; Прокопов, Бънов 1997, 52-72, № 90.

78 Прокопов, Бънов 1997, № 83.

79 CCCHBulg I, 80, no. 8. Региональный исторический музей, г. Разград, инв. № 352.

80 Прокопов, Бънов 1997, № 92. Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 118-119; Прокопов 2002, 161-173, № 70; Гинев 1978, 18-25, инв. № 202–Н/МТ, № 1-и; Прокопов, Ковачева 1990, 38, № 1а.

81 Lucanc, Bucureşti 1013 50.302 MNHR, taf. 87, 953; Torbagyi 1986, 13–25, taf. VI, 51; Chirila, Lucacel 1977, 63-66, nr. 19.

82 Prokopov 2006, no. 1003.

83 Региональный исторический музей г. Враца, инв. № 151, 204; SNG Milano, 242.

84 SNG Milano.

85 IGCH 571; Региональный исторический музей г. Враца, инв. № 190, 205, 208, 221-223.

Табл. 2. Тетрадрахмы «фасосского типа» (ГИМ)

2) Клад из с. Сабраново (Болгария)[86] — 1
3) Клад из с. Попина[87] (Болгария) — 1
4) Клад из с. Стройно[88] (Болгария) — 1
5) Клад из с. Липник[89] (Болгария) — 1
6) Клад из с. Горталово[90], Болгария — 1
7) Коллекция Клагенфурт[91] — 1
8) Коллекция Американского Нумизматического Общества[92] — 1
9) Частная коллекция (Лондон, Великобритания)[93] — 1

12. V CB13 — R 812var.: 16.30 г; 33 мм; инв. № ГИМ А. 1041[94].

Для данной пары штемпелей полного совпадения найти не удалось, однако зарегистроровано 9 монет, отчеканенных этим штемпелем л.с.:

1) Клад из с. Шиеу Одорхей[95] (Румыния) — 4
2) Клад из с. Брестовец[96] (Болгария) — 3
3) Клад из с. Градешница (Болгария) — 1
4) Клад из Северной Греции[97] — 1

13. V CH7 — R?: 16.50 г; 36.5 мм; инв. № ГИМ А. 1055.

Даннаую монету отличает двойной удар штемпеля о.с., что затрудняет точное определение аналогий. Поскольку часть важных деталей забита, не представляется возможным с точностью определить, принадлежит ли этот штемпель к уже известным. Зато зарегистрированы 5 монет, битых тем же штемпелем о.с.: 3 — из болгарских кладов[98], 2 — с аукционых продаж [99].

14. V DD13 — R 1028[100]: 16.65 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 1045.

15. V DD13 — R 1028: 16.83 г; 32.5 мм; инв. № ГИМ А. 1047. Надрублена.

Две этих тетрадрахмы отчеканены общей парой штемпелей. Такие же монеты найдены в кладах:

1) Клад из г. Суворово (Варненский район, Болгария) — 1
2) Национальный археологический институт и музей г. София[101] — 1

Еще 20 монет биты тем же штемпелем л.с., что и монеты из ГИМ. Находки их, в отличие от предыдущих экземпляров, локализуются в регионах, лежащих вне основной зоны их распространения:

---

86 Прокопов 2000, 7, № 33.
87 IGCH 930; Прокопов, Бъчваров 1990, 3-22, инв. № 309, 311.
88 IGCH 924; Региональный исторический музей, г. Ямбол, инв. № 158/139; Прокопов 2004, № 48.
89 IGCH 968; Прокопов 2002, № 38
90 Прокопов, Ковачева 1990, 51-55.
91 SNG Klagenfurt, 153.
92 ANS 1977, 158, 197.
93 Не опубликована, 16.04 г; 31-32 мм.
94 Пробита; следы позолоты, очевидно, нанесенной при использовании монеты в качестве украшения.
95 Preda, Marinescu 1986, 19-67, nos. 100-103.
96 Прокопов, Бънов 1997, № 33-35.
97 Burnett 1985, 54–67, no. 18.
98 Национальный исторический музей, г. София. Бывшая коллекция банка «Славяни»; Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1376, 2383.
99 Giessener Münzhandlung Dieter Gorny, Auktion 69 (1994), 144; CNG Sale XXXI (March, 1994), 197.
100 Prokopov 2006, no. 1315.
101 Археологический музей, г. Варна, инв. № I-2101; Прокопов 2002, № 15.

Табл. 3. Тетрадрахмы «фасосского типа» (ГИМ)

1) Сербия[102] — 1
2) Клад из Мура Мика (Румыния)[103] — 2
3) г. Будапешт[104] (Венгрия) (без установленного места находки) — 1
4) Клад из Шиеу Одорхей[105] (Западная Румыния) — 1
Традиционно обильно представлены монеты из Фракии:
5) Клад из с. Градешница[106] (Болгария) — 3
6) Клад из с. Горно Поле[107] (Болгария) — 1
7) Клад из с. Липник[108] (Болгария) — 1
8) Клад из с. Недан[109] (Болгария) — 1
9) Клад из с. Липница[110] (Болгария) — 1
10) Болгария (без информации о месте находки)[111] — 2
11) Р-н г. Яш (Яссы) (Румыния)[112] — 1
12) Коллекции и аукционы[113] — 5

16. V DA1 — R 1097[114]: 16.34 г; 32 мм; инв. № ГИМ А. 1056.
17. V DA1 — R 1119[115]: 16.80 г; 32 мм; инв. № ГИМ А. 1063.

Тетрадрахмы, битые данной парой штемпелей л.с., широко распространены. Для № 16 зарегистрировано 6 полных совпадений[116], для № 17 — 7[117]. Кроме того, имеются и частичные совпадения — только по штемпелю л.с. Их насчитывается значительное число — 77 (из них 34 экз. происходят из болгарских кладов):
1) Клад из с. Градешница[118] (Болгария) — 13
2) Клад из с. Брестовец[119] (Болгария) — 3
3) Клад из с. Хотница[120] (Болгария) — 3
4) Клад из с. Попина[121] (Болгария) — 5
5) Клад из с. Липник[122] (Болгария) — 3
6) Клад из г. Оряховица[123] (Болгария) — 1

---

102 Прокопов 2003, 56, № 16.
103 IGCH 517; Torbagyi 1986, tab. V, 38-39.
104 Lucanc 1996, 136, taf. 16, 108.
105 Preda, Marinescu 1986, no. 156.
106 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 271-273; 306.
107 Прокопов, Петров 2000, № 55.
108 Прокопов 2001, № 46.
109 IGCH 531; Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв.№ 2164/2.
110 IGCH 570; Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 2851, 274.
111 CCCB IX, no. 3; Prokopov, Minkova 1998, 563-584, no. 41.
112 Lucanc 1996, 414, taf. 23, 192.
113 CNG 49, A Mail Bid Sale (17.03.1999), no. 296; Slg. Jakuntschikov (Gipsabgußslg. Griechisches Münzwerk, BBAW; Freeman and Sear, Mail Bid Sale 5 (14.05.1999), no. 224; SNG France, 838; SNG Ashmolean, 3693.
114 Prokopov 2006, no. 1360.
115 Prokopov 2006, no. 1382.
116 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 280-281; Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1372; Прокопов 2002, № 17; Preda, Marinescu 1986, № 113, 114.
117 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 290-291; Прокопов, Ковачева 2008, taf. 51, 580.11; Lucanc 1996, MNHR 215296, taf. 32, 292; Preda, Marinescu 1986, nr. 116; Lucanc 1996, Dresden 698, taf. 34, 324; Британский музей — nos. 1101-1165.
118 Региональный исторический музей г. Враца, инв. № 278-279, 282-289, 292-294.
119 Прокопов, Бънов 1997, № 11-13.
120 Региональный исторический музей г. Велико Тырново, инв. № 1384, 2026.
121 Прокопов, Бъчваров 1990, № 372, 375, 379, 406, 427.
122 Прокопов 2002, № 47-49.
123 Прокопов, Ковачева 2008, taf. 55.

Табл. 4. Тетрадрахмы «фасосского типа» (ГИМ)

7) Клад из с. Стройно[124] (Болгария) — 1
8) Клад из г. Сибиу[125] (Румыния) — 6
9) Клад из с. Херастрау[126] (Румыния) — 4
10) Клад из Шиеу Одорхей[127] (Румыния) — 1
11) Болгария[128] (без информации о месте находки) — 3
12) Румыния[129] (без информации о месте находки) — 19
13) Венгрия[130] (без информации о месте находки) — 1
14) Сербия[131] (без информации о месте находки) — 1
15) Турция[132] (без информации о месте находки) — 1
16) Колекции[133] (без информации о месте находки) — 8

Для данного штемпеля л.с., как и для предыдущего, наблюдается широкое территориальное рассеивание, снова достигающее р-на г. Яш[134], откуда происходят 2 монеты.

18. V DA6 — R 1141[135]: 16.42 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 1051.

Кроме этой монеты известно только одно полное совпадение комбинации штемпелей обеих сторон — экз. из Бухареста[136]. Идентичный штемпель л.с. имеют тетрадрахмы из следующих кладов и колекций (всего 26 экз.):

1) Клад из с. Градешница[137] (Болгария) — 2
2) Клад из г. Суворово[138] (Болгария) — 1
3) Клад из с. Хотница[139] (Болгария) — 1
4) Клад из с. Попина[140] (Болгария) — 1
5) Клад из г. Варбица[141] (Болгария) — 1
6) Клад из с. Липник[142] (Болгария) — 1
7) Клад из г. Стройно[143] (Болгария) — 1

---

124 Региональный исторический музей г. Ямбол, инв. № 153-158.

125 Lucanc 1996, Sibiu T 1285, taf. 34, 320; Sibiu T 1736 7, taf. 34, 319; Sibiu T 1736 4, taf. 34, 318; Sibiu 45, taf. 34, 321; Sibiu 19, taf. 34, 322; Sibiu 20, taf. 34, 323.

126 Popescu 1945-1947, 35-69, taf. VI, 54-57; IGCH 625.

127 Preda, Marinescu 1986, nr. 115.

128 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 2090; Прокопов 2002, № 72, 104.

129 Lucanc 1996, Bucureşti MNHR 6978, taf. 32, 299; Ploesti 4733, taf. 31, 280; Calaraşi 4955, taf. 31, 278; Bucureşti MNHR 4488, taf. 32, 300; Bucureşti MNHR 4487, taf. 33, 302; Bucureşti MHAMB 74543, taf. 30, 273; Bucureşti MNHR 4491, taf. 32, 297; Bucureşti MNHR 87255, taf. 32, 294; Bucureşti MNHR 6957, taf. 19, 137; Bucureşti MNHR 212646, taf. 32, 296; Calaraşi 4958, taf. 31, 279; Bucureşti MNHR 4492, taf. 32, 298; Bucureşti MNHR 4490, taf. 32, 291; Bucureşti, Coll. Severeanu 1167, taf. 35, 327; Bucureşti MNHR 105436, taf. 32, 290; Bucureşti MHAMB 74545, taf. 30, 274; Bucureşti MNHR 6980, taf. 31, 289; Calaraşi 4934, taf. 32, 295; Bucureşti MNHR 4479, taf. 32, 301.

130 Lucanc 1996, Budapest 48.1943.1, taf. 16, 109.

131 Boric-Breskovic 1995, 56, № 35.

132 Tekin 1994, № 69.

133 SNG Klagenfurt, 160; SNG Kopenhagen, 1045; SNG France, 839; SNG Tübingen, 950; Berlin (Gipsabgußslg. Griechisches Münzwerk, BBAW); Mildenberg, Hurter 1985, no. 1342; Kostial 1997, № 951; Stuttgart 6126, Taf. 104, 1159.

134 Lucanc 1996, Iassi 409, 411, taf. 35, 328-329.

135 Prokopov 2006, no. 1414.

136 Lucanc 1996, Bucureşti MHAMB 107560, taf. 17, 120.

137 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 130, 132, 297, 298.

138 Прокопов 2002, № 18.

139 Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1343.

140 Прокопов, Бъчваров 1990, инв. № 351, 7.

141 Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 117/6; Кацарова 1962, 25, № 7.

142 Прокопов 2002, № 50.

143 Региональный исторический музей г. Ямбол, инв. № 158/152.

8) Клад из Шиеу Одорхей[144] (Румыния) — 3
9) Клад из с. Херастрау[145] (Румыния) — 3
10) Клад из Мура Мика[146] (Румыния) — 1
11) Музейные коллекции (Румыния)[147] — 7
12) Северяну[148] (Румыния) — 1
13) Народный музей г. Белград[149] (Сербия) — 1
14) Национальный музей г. Будапешт[150] (Венгрия) — 1
15) Фитцвилльям Музей[151] (Кембридж, Великобритания) — 1

19. V DB1 — R 1197var.: 16.12 г; 33 мм; инв. № ГИМ А. 1058.

Какие-либо другие монеты, отчеканенные данной парой штемпелей, неизвестны, однако зарегистрированы 12 экземпляров, битых таким штемпелем л.с.:

1) Клад из с. Попина[152] (Болгария) — 1
2) Клад из с. Левка[153], Болгария — 1
3) Клад из округи г. Бухареста[154] (Румыния) — 5
4) Коллекция Северяну[155] (Румыния) — 1
5) Музейные коллекции[156] (Германия) — 2
6) Коллекция Американского Нумизматического Общества[157] — 1
7) Каталоги[158] — 1

20. V DC1 — R 1057[159]: 16.75 г; 32.5 мм; инв. № ГИМ А. 1065.

Тетрадрахма отчеканена той же парой штемпелей, что и две монеты из клада из с. Градешница[160] (Болгария) и, возможно, экземпляр из северо-восточной зоны находок — окрестностей г. Яш (Яссы)[161]. С тем же штемпелем л.с. зарегистрированы еще 25 монет из кладов, коллекций и с аукционов:

1) Клад из с. Градешница[162] (Болгария) — 4
2) Клад из с. Попина[163], Болгария — 3
3) Клад из г. Суворово[164] (Юго-Восточная Болгария) — 2
4) Клад из с. Херастрау[165] (Румыния) — 1

144 Preda, Marinescu 1986, № 110-111, 117.
145 Popescu 1945-1947, taf. I, 6-7, 9.
146 Torbagyi 1986, tab. IV, 37.
147 Lucanc 1996, Bucureşti MNHR 6971, taf. 92, 1018; Sibiu 2, taf. 91, 998; Bucureşti MHAMB 107580, taf. 18, 128; Bucureşti MNHR 212649, taf. 20, 154; Bucureşti MNHR 6995, taf. 19, 143; Pitesti 16193, taf. 21, 160; Bucureşti MNHR 4459, taf. 53, 543.
148 Bucureşti, Coll. Severeanu 3392, taf. 22, 174.
149 Boric-Breskovic 1995, № 20.
150 Budapest, инв. № 59.1934.6; Lucanc 1996, taf. 17, 113.
151 Фитцвилльям Музей.
152 Прокопов, Бъчваров 1990, № 354.
153 Прокопов, Петров 2000, № 60.
154 Cojocarescu 1975, taf. II, 16, 17; Stirbu, Petolescu 1975, taf. I, 5; Lucanc 1996, Bucureşti MHAMB 107530, taf. 18, 124; Bucureşti MHAMB 107540, taf. 17, 121.
155 Lucanc 1996, Bucureşti, Coll. Severeanu 3390, taf. 22, 1021.
156 Frankfurt; Slg. Jakuntschikov (Gipsabgußslg. Griechisches Münzwerk, BBAW).
157 ANS, no.1944.100.16779 — непубликована.
158 Allen 1987, no. 219.
159 Prokopov 2006, № 1513.
160 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 126, 128.
161 Lucanc 1996, Iasi, 407, taf. 24, 194.
162 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 134, 139, 144.
163 Прокопов, Бъчваров 1990, инв.№ 410, 8.
164 Прокопов 2006, № 19; Прокопов, Владимирова-Аладжова 1998, 13-66.
165 Popescu 1945-1947, taf. VI, 51.

5) Клад из окрестностей Бухареста[166] (Румыния) — 2
6) Клад из г. Чиселет[167] (Румыния) — 1
7) Музейные собрания Румынии[168] — 10
8) Коллекции и аукционы[169] — 2

21. V FF3 — R 1312[170]: 16.45 г; 33.5 мм; инв. № ГИМ А. 1050.
22. V FF3 — R 1375: 16.34 г; 30.5 мм; инв. № ГИМ А. 1060.

Данные две монеты из колекции ГИМ отчеканены общим штемпелем л.с. При этом тетрадрахма № 21 полностью совпадает по комбинации обоих штемпелей с монетой из клада из с. Попина[171]. Идентичным штемпелем л.с. биты следующие монеты:

1) Клад из с. Попина[172] (Болгария) — 3
2) Клад из с. Градешница[173] (Болгария) — 13
3) Клад из с. Брестовец[174] (Болгария) — 5
4) Клад из с. Горталово[175] (Болгария) — 1
5) Клад из с. Хотница[176] (Болгария) — 2
6) Клад из с. Мезек[177] (Болгария) — 1
7) Болгарские коллекции[178] — 2
8) Греческие коллекции[179] — 1
9) Клад из Греции[180] — 1
10) Народный музей, г. Белград[181] (Сербия) — 2
11) Клад из г. Чиселет[182] (Румыния) — 2
12) Музейные собрания Румынии[183] — 7
13) Венгерские коллекции[184] — 1
14) Дрезденская коллекция[185] (Германия) — 2
15) Коллекции, опубликованные в SNG[186] — 2

---

166 Cojocarescu 1975, taf. III, 23-24.
167 IGCH 629; Serbanescu 1988-1989, 165, no. 7.
168 Lucanc 1996, Sibiu T 1285 943, taf. 70, 751; Bucureşti MNHR 1014 50.305, taf. 9, 19; Bucureşti MHAMB 107547, taf. 17, 118; Oltenia A 20, taf. 24, 197; Turnu Severin, Drobeta 1617, taf. 70, 752; Bucureşti MHAMB 107546, taf. 70, 748; Bucureşti MHAMB 107589, taf. 18, 126; Bucureşti MNHR 6961, taf. 20, 149; Bucureşti MHAMB 3467, taf. 104, 1161, Iassi 407, taf. 24, 194.
169 Gerhard Hirsch Nachfolger, Auktion 204 (05-07.05.1999), 145; Kostial 1997, nr. 960.
170 Prokopov 2006, no. 1643.
171 Прокопов, Бъчваров 1990, инв. № 394, 14.
172 Прокопов, Бъчваров 1990, инв. № 417, 448.
173 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 26, 51, 152, 155, 158, 161, 168, 171, 173, 178, 180-181, 284.
174 Прокопов, Бънов 1997, № 60; Прокопов, Ковачева 2008, № 58-59, 61, 70–72.
175 Прокопов, Ковачева 2008, taf. 52.
176 Региональный исторический музей Велико Тырново, инв. № 2417/2-3.
177 Прокопов, Петров 2000, № 177
178 Региональный музей, г. Плевен, инв. № 2913; Частная коллекция, София.
179 Thessaloniki 893–B, не опубликована.
180 Burnett 1961, no. 16.
181 Boric-Breskovic 1995, № 7-8.
182 Serbanescu 1988-1989, 164, № 4-5
183 Lucanc 1996, Bucureşti MNHR 24475, taf. 54, 556; Bucureşti MNHR 4463, taf. 35, 331; Bucureşti MHAMB 137486, taf. 54, 558; Bucureşti MNHR 4466, taf. 53, 552; Bucureşti MHAMB 32667, taf. 54, 557; Oltenia A 17, taf. 54, 561; Oltenia A 18, taf. 54, 560.
184 Lucanc 1996, Budapest 1094 Dess. III, taf. 55, 577.
185 Lucanc 1996, Dresden 701, taf. 55, 574-575.
186 SNG Klagenfurt, 159; SNG Manchester, 798.

16) Аукционы[187] — 4

Монета № 22 отчеканена общим штемпелем о.с. (R 1375) с четырьмя монетами:

1) Клад из с. Градешница[188] (Болгария)
2) Клад из с. Брестовец[189] (Болгария)
3) Клад из с. Петринду[190] (Румыния)
4) Американская коллекция[191].

23. V FF8 — R 990: 15.78 г; 32 мм; инв. № ГИМ А. 1046[192].

Монета имеет совпадение с тремя другими экземплярами по штемпелю л. с.:

1) Клад из с. Градешница[193] (Болгария) — 1
2) Клад из с. Липник[194] (Болгария) — 1
3) Коллекция из г. Будапешт[195] (Венгрия) — 1.

24. V FF3var. — R нов.: 14.56 г; 31.5 мм; инв. № ГИМ А. 6199.

Для этой монеты не найдены полные аналогии. Штемпель л.с. имеет схожие варианты, а реверс является новым и не зарегистрирован.

25. V GG3 — R 1355[196]: 16.68 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 1062.

Данная комбинация монетных штемпелей имеет полное совпадение с пятью монетами:

1) Клад из с. Градешница[197] (Болгария) — 1
2) Клад из с. Шиеу Одорхей[198] (Румыния) — 1
3) Клад из окрестностей г. Бухареста[199] (Румыния) — 1
4) Румынские коллекции[200] — 2 монеты.

По штемпелю л.с. тетрадрахма из ГИМ аналогична следующим экземплярам:

1) Румынские коллекции[201] — 11
2) Народный музей, г. Белград[202] (Сербия) — 2
3) Клад из с. Хотница[203] (Болгария) — 2
4) Клад из г. Суворово[204] (Болгария) — 1

187 Frederick Knobloch, November 1965, 83; Gerhard Hirsch, Katalog 84, (27-30.06.1973), nr. 68; Münzen der Antike, Auktion 20 (08-09.11.1990), nr. 227; Dr. Busso Peus Nachf. Münzhandlung, Katalog 301 (25-27.05.1981), nr. 207.

188 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 37.

189 Прокопов, Бънов 1995-97, № 66.

190 Chirila, Lucacel 1977, 63-66, taf. I, 3.

191 Mildenberg, Hurter 1985, no. 1343.

192 Пробита.

193 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 276.

194 Прокопов 2002, № 57.

195 Lucanc 1996, Budapest R.I. 4473, taf. 55, 576.

196 Prokopov 2006, no. 1698.

197 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 47.

198 Preda, Marinescu 1986, № 148.

199 Cojocarescu 1975, taf. I, 7.

200 Lucanc 1996, Calaraşi 4949, taf. 60, 636; Bucureşti MHAMB 107.522, taf. 60, 632.

201 Lucanc 1996, Sibiu 5, taf. 62, 650; Sibiu 26, taf. 62, 652; Bucureşti MHAMB 107.566, taf. 60, 631; Bucureşti MNHR 7000, taf. 59, 625; Bucureşti MNHR 201.603, taf. 60, 629; Bucureşti MNHR 6988, taf. 60, 628; Bucureşti MNHR 6989, taf. 59, 617; Bucureşti MNHR 31609, taf. 59, 618; Bucureşti MNHR 12381.10, taf. 68, 732; Pitesti 6844, taf. 60, 635; Bucureşti MHAMB 107.569, taf. 64, 675.

202 Boric-Breskovic 1995, № 39.

203 Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 2417; 1379.

204 Прокопов 2002, № 23.

5) Клад из с. Шиеу Одорхей[205] (Румыния) — 3
6) Клад из с. Стройно[206] (Болгария) — 2
7) Клад из округи г. Бухарест[207] (Румыния) — 1
8) Клад из с. Херастрау[208] (Румыния) — 3
9) Клад из с. Мура Мика[209] (Румыния) — 1
10) Клад из с. Градешница[210] (Болгария) — 4
11) Клад из с. Попина[211] (Болгария) — 2
12) Клад из р-на г. Русе[212] (Болгария) — 1
13) Клад из г. Синпетру[213] (Румыния) — 2
14) Коллекция в Болгарии[214] — 1
15) Коллекции Венгрии[215] — 2
16) Коллекции в г. Дрезден[216] (Германия) — 1
17) Коллекция Ланц[217] (Германия) — 1

26. V GA2 — R 1378[218]: 16.82 г; 31.5 мм; инв. № ГИМ А. 1061.

Этот экземпляр отчеканен общей парой штемпелей с монетой из клада из с. Градешница[219] (Болгария). Штемпель л.с. связан с монетами из следующих кладов и коллекций:

1) Клад из с. Брестовец[220] (Болгария) — 3
2) Клад из р-на г. Гоце Делчев[221] (Болгария) — 1
3) Клад из с. Попина[222] (Болгария) — 1
4) Клад из с. Липник[223] (Болгария) — 1
5) Клад из с. Градешница[224] (Болгария) — 4
6) Клад из с. Хотница[225] (Болгария) — 1
7) Клад из с. Стройно[226] (Болгария) — 2
8) Клад из г. Лясковец[227] (Болгария) — 1
9) Клад из г. Синпетру[228] (Румыния) — 1
10) Коллекции Болгарии[229] — 3

---

205 Preda, Marinescu 1986, № 146; 147; 149.
206 Региональный исторический музей, г. Ямбол, Болгария — инв. № 158/79, 158/149.
207 Cojocarescu 1975, taf. V, 35.
208 Popescu 1945-47, 35-69, taf. II, 13, 18, 20.
209 Torbagyi 1986, tab. III, 23.
210 Региональный исторический музей г. Враца, инв. № 18, 43-44, 50.
211 Прокопов, Бъчваров 1990, 15.
212 Прокопов, Иванов 1986, 49, № 7.
213 Chirila, Pop 1968, 145–170, taf. III, 33-34; IGCH 637.
214 Из частной коллекции в г. Сандански (Болгария). Не издана.
215 Lucanc 1996, Budapest 5A.1983.147, taf. 58, 602; Budapest 3A.1907.6, taf. 94, 1034.
216 Dresden 703, taf. 60, 634.
217 Kostial 1997, № 956.
218 Kostial 1997, № 1724.
219 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 168.
220 Прокопов, Бънов 1997, № 58, 65-67.
221 Prokopov, Callataÿ 1988, 228 — 236, pl. 56–60, 45.
222 Прокопов, Бъчваров 1990, 15.
223 IGCH 968; Прокопов 2002, № 59.
224 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 37; 167; 177; 286.
225 IGCH 525; Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1369.
226 Региональный исторический музей, г. Ямбол, инв. № 158/159; 158/128.
227 Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1252.
228 Chirila, Pop 1968, 145–170, taf. II, 20.
229 Prokopov, Minkova 1998, № 43; 44; Региональный археологический музей, г. Пловдив, инв. № 1084.

11) Клад из Шиеу Одорхей[230] (Румыния) — 2
12) Клад из Белциугателе[231] (Румыния) — 1
13) Клад из Мура Мика[232] (Румыния) — 2
14) Клад из с. Петринду[233] (Румыния) — 1
15) Коллекции Румынии[234] — 7
16) Коллекции Венгрии[235] — 3
17) Коллекция из г. Дрездена[236] (Германия) — 1
18) Американская коллекция[237] — 1

27. V GA3 — R 1395[238]: 16.19 г; 30.5 мм; инв. № ГИМ А. 1054.

Эта монета имеет лишь одно известное нам совпадение комбинации штемпелей — с тетрадрахмой из коллекции в г. Будапеште[239] (Венгрия). Данный штемпель л.с. имеет широкое распространение; им отчеканено большое количество монет:

1) Клад из г. Суворово[240] (Болгария) — 3
2) Клад из с. Хотница[241] (Болгария) — 1
3) Клад из с. Градешница[242] (Болгария) — 3
4) Клад из с. Липник[243] (Болгария) — 3
5) Клад из с. Попина[244] (Болгария) — 5
6) Клад из с. Брестовец[245] (Болгария) — 4
7) Клад из с. Горни Дебник[246] (Болгария) — 1
8) Клад из с. Осиково[247] (Болгария) — 1
9) Клад из с. Стройно[248] (Болгария) — 1
10) Клад из с. Добролево[249] (Болгария) — 1
11) Клад из р-на г. Гоце Делчев[250] (Болгария) — 1
12) Клад из Шиеу Одорхей[251] (Румыния) — 4
13) Клад из Мура Мика[252] (Румыния) — 1

---

230 Preda, Marinescu 1986, № 152, 157.
231 Stirbu, Petolescu 1975, 190-193, taf. II, 9.
232 Torbagy 1986, tab. II, 9, 10.
233 Chirila, Lucacel 1977, 63-66, taf. I, 3.
234 Lucanc 1996, Bucureşti MNHR 64548, taf. 87, 951; Bucureşti MNHR 212642, taf. 49, 501; Bucureşti MNHR 87540, taf. 13, 67; Sibiu T 1285.942, taf. 56, 582; Calaraşi 4938, taf. 65, 689; Bucureşti MHAMB 200563, taf. 49, 502; Bucureşti MHAMB 107514, taf. 63, 671.
235 Budapest 58.11974.9, taf. 57, 597; Budapest 20.1863.1, taf. 56, 589; Budapest 60.1857.32, taf. 58, 610.
236 Dresden 696, taf. 63, 665.
237 Mildenberg, Hurter 1985, 86, pl. 73, 1343.
238 Prokopov 2006, no.1760.
239 Lucanc 1996, Budapest 4613, taf. 58, 609.
240 Прокопов 2002, № 24-26.
241 Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1368.
242 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 162; 163; 179.
243 Прокопов 2002, № 60-62.
244 Прокопов, Бъчваров 1990, 16.
245 Прокопов, Бънов 1997, № 68-71.
246 Прокопов, Ковачева 2008, taf. 51–52, 589.4.
247 Гинев 1978, 18-25, № 2–в.
248 Региональный исторический музей, г. Ямбол, инв. № 158/143.
249 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 359.
250 Prokopov, Callataÿ 1988, 228 — 236, pl. 56–60, 46.
251 Preda, Marinescu 1986, № 126-129.
252 Torbagyi 1986, tab. II, 13.

14) Клад из р-на г. Бухареста[253] (Румыния) — 1
15) Клад из с. Петринду[254] (Румыния) — 1
16) Клад из г. Синпетру[255] (Румыния) — 1
17) Клад из с. Херастрау[256] (Румыния) — 1
18) Клад из Тамадау Маре[257] (Румыния) — 1
19) Коллекци, изданные в SNG[258] — 5
20) Коллекции Румынии[259] — 12
21) Коллекции Болгарии[260] — 4
22) Коллекции Венгрии[261] — 5
23) Коллекции Республики Македония[262] — 1
24) Аукционы[263] — 3

28. V GB1 — R 1342[264]: 16.46 г; 30 мм; инв. № ГИМ А.1064[265].

Обнаружена только одна тетрадрахма, отчеканенная этой парой штемпелей, — происходящая из Румынии[266]. Чекан данным штемпелем л.с. достаточно обилен: зарегистрированы 43 такие тетрадрахмы из следующих монетных кладах:

1) Клад из с. Попина (Болгария)[267] — 6
2) Клад из с. Градешница (Болгария)[268] — 4
3) Клад из с. Хотница (Болгария)[269] — 1
4) Клад из г. Торговище (Болгария)[270] — 1
5) Клад из с. Горталово (Болгария)[271] — 1
6) Клад из с. Левка (Болгария)[272] — 1
7) Клад из Шиеу Одорхей (Румыния)[273] — 4
8) Клад из района Бухареста (Румыния)[274] — 3

---

253 Cojocarescu 1975, taf. V, 38.
254 Chirila, Lucacel 1977, taf. I, 2.
255 Chirila, Pop 1968, taf. I, 6-7.
256 Popescu 1945-1947, taf. III, 26.
257 Secasanu 1957, taf. I, 4.
258 SNG Sweden II, 830; SNG Milano, 235, 245; SNG Ashmolean, 3691, 3697.
259 Lucanc 1996, Bucureşti MHAMB 107575, taf. 64, 676; Bucureşti MNHR 212634, taf. 65, 691; Sibiu 14, taf. 62, 654; Bucureşti MHAMB 107576, taf. 64, 677; Bucureşti MHAMB 936, taf. 93, 1020; Bucureşti MNHR 212639, taf. 65, 696; Bucureşti MHAMB 107567, taf. 64, 674; Bucureşti MHAMB 137623, taf. 64, 678; Bucureşti MNHR 6981, taf. 61, 643; Bucureşti MNHR 4445, taf. 65, 692; Bucureşti 3411 MHAMB, коллекция «Северяну», taf. 56, 583; Bucureşti MNHR 83814, taf. 65, 688.
260 Прокопов 2002, № 23, 27; Prokopov 2006, no. 1748; Прокопов, Владимирова-Аладжова 1998, таб. 2, 49–51.
261 Lucanc 1996, Budapest 2480 Dess.III, taf. 58, 604; Budapest 132, taf. 57, 598; Budapest R.I.4486, taf. 57, 599; Budapest R.I.4491, taf. 57, 591; Budapest 5A.1983.148, taf. 58, 611.
262 Bitrakova-Grozdanova 1983, 71-82, taf. 5, 9.
263 Münzhandlung Ritter, Lagerliste 38 (April 1995), nr. 305; Gerhard Hirsch Nachfolger, Auktion 204 (5-7.05.1999), nr. 144; Giessener Münzhandlung Dieter Gorny, Auktion 92 (12-13.11.1998), nr. 101.
264 Prokopov 2006, no. 1771.
265 Надрублена.
266 Lucanc 1996, Bucureşti 17793 MNHR, taf. 65, 697.
267 Прокопов, Бъчваров 1990, № 15.
268 Региональный исторический музей, г. Враца, инв. № 46, 160, 174, 176.
269 Региональный исторический музей, г. Велико Тырново, инв. № 1337.
270 Гинев 1978, 21, № 2–г.
271 Прокопов, Ковачева 2008, табл. 53–54, 604.12.
272 Прокопов, Петров 2000, 17, № 64.
273 Preda, Marinescu 1986, № 130, 132-133, 153.
274 Cojocarescu 1975, 195–199, pl. III, 21-22.

9) Клад из г. Синпетру (Румыния)[275] — 1
10) Клад из Петринду (Румыния)[276] — 1
11) Клад из Тамадау Маре (Румыния)[277] — 1
12) Румыния (без информации о месте находки)[278] — 12
13) Сербия (без информации о месте находки)[279] — 2
14) Болгария (без информации о месте находки)[280] — 1
15) Венгрия (без информации о месте находки)[281] — 1
16) Коллекции и аукционы (без информации о месте находки)[282] — 3

29. V HH2var. — R 1445[283]: 16.07 г; 30.5 мм; инв. № ГИМ А. 1043.

Зарегистрированы еще четыре тетрадрахмы, битые данной парой штемпелей:
1) Клад из р-на г. Бухареста[284] (Румыния) — 1
2) Клад из Петринду[285] (Румыния) — 1
3) Музеи Румынии[286] — 2

Кроме того, известна тетрадрахма из одной турецкой банковской коллекции[287], отчеканенная тем же штемпелем л.с.

30. V GG4 — R 1344: 14.22 г; 29 мм; инв. № ГИМ А. 1048.

Подлинность этой тетрадрахмы вызывает сомнение ввиду необычной структуры металла на ее реверсе. Однако монета имеет совпадение по штемпелям как лицевой, так и оборотной сторон с другими известными экземплярами[288].

ГРУППА III. Имитации фасосских тетрадрахм

Вторая группа

32. 15.50 г; 30 мм; инв. № ГИМ А. 1070.

Третья группа

33[289]. 15.91 г; 36 мм; инв. № ГИМ А. 1069.
34[290]. 15.60 г; 34 мм; инв. № ГИМ А. 1071.

---

275 Chirila, Pop 1968, № 18.
276 Chirila, Lucacel 1977, № 15.
277 Secasanu 1957, № 11.
278 Lucanc 1996, nos. 495; 503; 525; 587; 659-660, 669; 672; 694-695, 697.
279 Boric-Breskovic 1995, № 13-14.
280 Прокопов, Владимирова-Аладжова 1998, № 73.4.8.
281 Lucanc, Imitations, Budapest Del. 135, taf. 51, 524.
282 Jean Elsen, Vente Publique 57 (06.03.1999), no. 1293; Alain Weil, Automne-Hiver 1998, no. 18; Auktionshaus Rauch 67 (10.04.2000), no. 90.
283 Prokopov 2006, no. 1851.
284 Cojocarescu 1975, taf. IV, 25.
285 Chirila, Lucacel 1977, taf. IV, 18.
286 Lucanc 1996, Bucureşti 107550 MHAMB, taf. 78, 853; Sibiu 31, taf. 70, 757.
287 Tekin 1994, № 70.
288 Prokopov 2006, 197, 202, taf. 110, 1711(V GG4) — л.с.; taf. 113, 1772 (R1344) — о.с.
289 Allen 1987, 228-228; Dembski 1998, 1529-1531; Kostial 1997, 983-985; Göbl 1973, taf. 48, 1-3; Топалов 1996, 93-95, № 10-12.
290 Allen 1987, 218-220; Dembski 1998 1524-1525; Kostial 1997, 980-981; Göbl 1973, taf. 46, 4-5; Топалов 1996, 93-95, № 10-12.

Табл. 5. Имитации фасосских тетрадрахм (ГИМ)

35[291]. 15.93 г; 32.5 мм; инв. № ГИМ А. 1073.
36[292]. 16.20 г; 34.5 мм; инв. № ГИМ А. 1072.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2008: Две группы македонских тетрадрахм римского времени из собрания Государственного исторического музея // ПИФК. 22, 17 -28.

Булатович С.А. 1971: Монетные находки на о. Левке // МАСП. Вып.7, 212-225.

Виноградов Ю.А. 2005: Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в Скифскую эпоху. СПб, 211-296.

Виноградов Ю.Г. 1989: Политическая история Ольвийского полиса VII — I вв. до н. э. М.

Гилевич А.М. 1968: Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // НиСф. 3, 3-61.

Гинев Г. 1978: Монетно съкровище от с. Осиково, Търговишки окръг // Нумизматика. 12.3, 18-25.

Голенко В.К., Колтухов С.Г. 2005: Монетные находки с территории Перекопского рва и вала и проблема локализации древнего Тафроса // XIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 11-15 апреля 2005 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 20-21.

*Голенко К.В., Щеглов А.Н.*1971: Три позднеэллинистические тетрадрахмы из Северо-Западного Крыма // ВДИ. 1, 41-101.

Давидова Д. 1998: Колективна находка от сребърни тетрадрахми от гр. Златоград // Rodopica. I, 81-88.

Диамант Э.И. 1982: Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 114-117.

Зограф А.Н. 2002: Очерк монетных находок на территории древней Тиры // ПИФК. XII, 222-229.

*Карышковский П.О.*1961: Заметки по нумизматике античного Причерноморья. 7. Античные серебряные монеты из Роксоланского городища // ВДИ. 4, 109-120.

Карышковский П.О. 1962: Монеты западно-понтийских династов, найденные в Северном Причерноморье // СА. 4, 57-58.

Карышковский П.О. 2003: Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Одесса.

Кацарова Г. 1961: Колективна находка от тасоски тетрадрахми при с. Куклен, Асеновградско // Археология. 3, 17-30.

Кацарова Г. 1962: Принос към проучването на маронейските и тасоските тетрадрахми от II период // Археология. 4/1, 53-58.

Монахов С.Ю. 1999: Греческие амфоры в Причерноморье (Комплексы керамической тары). Саратов.

Монахов С.Ю. 2003: Греческие амфоры в Причерноморье (Типология амфор ведущих центров — экспортеров товаров в керамической таре). Каталог-определитель. М.; Саратов.

Прокопов И. 1989: Съкровище от тетрадрахми на Атина и Тасос намерено край Разлог // ИИМКн. I, 235–249.

Прокопов И. 2000: Оригинални тасоски тетрадрахми и техни имитации в съкровището от с. Събраново (Събрано), Новозагорско [IGCH 965] // Проблеми на изкуството. 2, 3-10.

[291] Allen 1987, 218-220; Dembski 1998, 1524-1525; Kostial 1997, 980-981; Göbl 1973, taf. 47, 1, 7; Топалов 1996, 93-95, № 10-12.

[292] Allen 1987, 218-220; Dembski 1998, 1524-1525; Kostial 1997, № 980-981; Göbl 1973, taf. 48, 6, 8; Топалов 1996, 93-95, № 10-12.

Прокопов И. 2002: Тетрадрахмите на о-в Тасос и от «Тасоски тип” в колекцията на Археологически музей — Варна // Известия на Народен музей-Бургас. Studia in honorem Ivani Karayotov. Burgas, 161-173.

Прокопов И. 2003: Няколко бележки върху тасоските тетрадрахми от коллекцията на Народния музей в Белград // In honorem Prof. M. Taceva. Благоевград, 139-153.

Прокопов И. 2004: Монетното съкровище от с. Стройно, Ямболско и монетната циркулация в Югоизточна Тракия през II-I в. пр. Хр. // Марица-изток. Археологически проучвания. 6. Раднево.

Прокопов И. 2005: Долината на р. Янтра — разделна зона в монетната циркулация през късния елинизъм // Монетите и банкнотите — възможни прочити. Юбилеен сборник в чест на ст.н.с. д-р Христо Харитонов. Велико Търново, 33-36.

Прокопов И. 2007: Монетна циркулация на днешната територия на Смолянска област в периода V в.пр.Хр. — VI в. // Rhodopica. 1, 137-156.

Прокопов И., *Бъчваров И.* 1990: Монетно съкровище от с. Попина, Силистренско // Нумизматика. XXIV/1, 3-22.

Прокопов И., *Бънов П.* 1997: Съкровище от тетрадрахми на о-в Тасос и от тасоски тип, открито в с. Брестовец, Плевенско // НиС. IV, 52-72.

Прокопов И., Владимирова-*Аладжова Д.* 1998: Монетна колекция на Исторически музей-Шумен. Монети и монетни съкровища от II-I в.пр.н.е. // НиС. 2, 13-66.

Прокопов И., *Иванов Д.* 1986: Находки от тасоски тетрадрахми // Музеи и паметници на културата. XXVI/4, 48-51.

Прокопов И., *Ковачева Т.* 1990: Монетно съкровище от с. Рупци // Археология. 32/1, 51-55.

Прокопов И., *Ковачева Т.* 2003: Монетни съкровища и монети от II — I в. пр. Хр. в нумизматичната колекция на Плевенския музей // СССВ IX, 51-55.

Прокопов И., *Петров И.* 2000: Монети и монетни съкровища от колекцията на ИМ Хасково, от II — I в. пр. Хр. // ИИМКн. Прил. I, 5-22.

Топалов С. 1996: Принос към проучване тетрадрахмите на Тасос от II период монетосечене, подражанията им и свързаните с тях други имитативни монети от земите на Тракия през II-I в. пр. н. е. София.

Allen D. 1987: Catalogue of the Celtic coins in the British Museum. Vol. I. Cambridge.

*Burnett A.*1985: Aesillas: Two New Hoards // CH. VII. London, 54–67.

Bitrakova-Grozdanova V. 1983: Les Monnaies de la periode antique dans la collection du Musee National D’Ochrid // Lihnid. 5, 71-82.

*Boric-Breskovic B.*1995: Thasos. Predložak, masivni tip ili kopije i imitacije // Radionice i kovnice srebra. Beograd, 55-62.

Callatay F. de. 2008: Les tetradrachmes hellenistique au nom des Thasiens et la circulation monetaire en Thrace aux II-e et I-er s.av. J.-C. // RBNS. 154, 21-54.

Chirila E., *Lucacel V.* 1977: Tezaurul de monede thasiene de la Petrindu (jud. Salaj) // AmusPorol. 1, 63-66.

Chirila E., *Pop I.* 1968: Tezaurul monetar de la Sînpetru (Or. Brasov) // Apulum. 7, 145-170.

Cojocarescu M. 1975: Tezaurul de monede grecesti descoperit pe teritoriul Municipiului Bucuresti // SCN. 6, 195-199.

Dembski G. 1998: Münzen der Kelten. Wien.

Forrer L. 1968: Keltische Numismatik der Rhein- und Donaulande. Bd. 1. Graz.

*Göbl R.*1973: Ostkeltischen Typenatlas. Braunschweig.

Kostial M. 1997: Kelten im Osten. Gold und Silber Münzen der kelten in Mitten und Osteuropa, Sammlung Lanz, Katalog der Staatlichen Münzsammlung München. München; Stuttgart.

Lucanc I. 1996: Les Imitations des monnaies d’Alexandre le Grand et de Thasos. Wetteren.

Mildenberg L., Hurter S. (eds.) 1985: The *Arthur S.* Dewing Collection of Greek Coins. New York.

Popescu D. 1945-1947: Nouveaux tresors Geto-Daces en argent (Tresor de Herastrau) // Dacia. 11-12, 35-69.

Preda C., Marinescu Gh. 1986: Contributii la circulatia monetara din Dacia in sec. I i. e. n. — tezaurul de la Sieu Odorhei, Jud. Bistrita Nasaud // BSNR. 77/79 (1983-1985), 19-67.

Prokopov I. 2001: The tetradrachms of Thasos Island in the hoard from village Matsa // Maritsa-Iztok. Archaeological Research. 5, 193-209.

Prokopov I. 2006: Die Silberprägung der Insel Thasos und die Tetradrachmen des „thasischen Typs".Vom 2 — 1. Jh. v. Chr. Berlin.

Prokopov I., Callataÿ F. de. 1988: A late Hellenistic hoard from South-West Bulgaria (Area of Gotse Delchev) // NC. 158, 228-236.

Prokopov I., Minkova M. 1998: Die Münzen des 2.-1. Jhs. v. Chr. in der Sammlung des Historischen Museums von Stara Zagora // Stephanos Nomismatikos, Edith Schönert-Geiss zum 65, Geburtstag. Berlin, 563-584.

Psoma S., Karadima C., Terzopoulou D. 2008: The Coins from Maroneia and the Classical City at Molyvoti (A Contribution to the History of Aegean Thrace) // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 62, 177-182.

Schönert-Geiss E. 1979: Maroneia und seine Beziehungen zum Hinterland // Proceedings of the IX-th International Numismatic Congress. Berne, 177-186.

Schönert-*Geiss E.* 1987: Die Münzprägung von Maroneia (Griechisches Münzwerk). Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 26. Berlin.

Secasanu C. 1957: Monede din tezaurul de la Bucurest Tamadau Mare (Reg. Bucureşti) // SCN. 1, 31-40.

Serbanescu D. 1988-1989: Tezaure monetare din epoca geto-dacica descoperite in judetul Calarasi // Cultura si civilizatie la dunarea de jos. Calarasi.

Stirbu C., Petolescu C. 1975: Un tezaur de monede thasiene descoperit la Belciugatele (jud. Ilfov) // SCN. 6, 190-193.

Tekin O. 1994: Greek and Roman coins. The Yapi Kredi Collection. Istanbul.

Torbagyi M. 1986: A kisszederjesi görög Oremlet // Numizmatikai közlöny. 84/85. Budapest, 13-25.

HELLENISTIC TETRADRACHMS OF THASOS, THE TETRADRACHMS OF SO-CALLED "THASIAN TYPE" AND THEIR IMITATIONS IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM

I.S. Prokopov, V.K. Peshekhonov, N.A. Frolova, M.G. Abramzon

This is a Catalogue of the tetradrachms of Thasos of the Hellenistic period and their imitations in the State Historical Museum. Basing on study of coin hoards, authors analyze dies of these tetradrachms and also the territory of their circulation.

Key words: Thasos, Thrace, tetradrachms, dies, imitations, coin hoards, coin circulation.

© 2011

И. С. Прокопов, В. К. Пешехонов, Н. А. Фролова, М. Г. Абрамзон

КОММЕНТАРИЙ К ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИМ ТЕТРАДРАХМАМ ПЕРВОЙ МАКЕДОНСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статья является дополнением к работе М. Г. Абрамзона и Н. А. Фроловой «Две группы македонских тетрадрахм римского времени из собрания Государственного исторического музея» (ПИФК. 2008. XXII, 17–27). Авторы анализируют штемпели тетрадрахм Первой Македонской области эллинистического периода из коллекции ГИМ и территорию их обращения по данным кладов.

Ключевые слова: Македония, Фракия, тетрадрахмы, клады монет, монетное обращение.

В коллекции ГИМ представлено 17 экземпляров тетрадрахм Первой Македонской области[1], которые распределяются по трем хронологическим группам. К первой групппе относятся 3 экземпляра, ко второй — 13, к третьей — 1. Все штемпели л.с. таких тетрадрахм известны, но штемпели о.с. тетрадрахм из коллекции ГИМ дают пять новых вариантов. Четыре из них, скорее всего, можно отнести к очень близким разновидностям уже изданных и каталогизированных монетных штемпелей. Пятый штемпель (R. 295v — см. Каталог, № 8) — новый, что является важным обстоятельством, дополняющим исследование данной чеканки.

Проблема датировки как начала этой монетной чеканки, так и ее окончания до сих пор остается предметом дискуссии[2]. При этом высказывался ряд мнений, отличный от классического определения, относящего первые выпуски к 158 г. до н.э.[3] Удревнение времени чеканки тетрадрахм началось с аргументированного датирования нескольких монет, входивших в состав одного клада из Южной Ана-

Прокопов Илья Симеонов — доцент историческо-правового факультета Юго-Западного университета им. Неофита Рильского. E-mail: e-mail@law.swu.bg

Пешехонов Вячеслав Константинович — научный сотрудник Государственного Исторического музея. E-mail: slavnum@yandex.ru

Фролова Нина Андреевна — доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет Отдела нумизматики. E-mail: zakharov.evg@gmail.com

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru

[1] Абрамзон, Фролова 2008, 17–27, табл. 1, *1–7*; 2, *8–14*; 3, *15–17*.

[2] Классическая датировка начала чеканки Х. Геблера — 158 г. до н.э. См. Gaebler 1935, 6–7.

[3] Crawford 1985, 29–132; Touratsoglou 1987, 53–55.

толии[4]. Не исключено, что их чеканка началась около 170/169 г. до н.э., в правление последнего македонского царя Персея. Данной проблеме посвящено недавнее исследование С. Кремиди-Сицилиану[5]. После 168 г. до н.э. эта монетная чеканка была продолжена римлянами, включая также период после 149/148 г. до н.э., когда Македония уже не была разделена на области, а являлась римской провинцией. Все монеты из коллекции ГИМ отчеканены после 168 г. до н.э.

Чеканка тетрадрахм Первой Македонской области занимает по объему второе место среди эллинистических эмиссий Фракии, приблизительно в два с половиной раза уступая лишь самой массовой продукции этого периода — тетрадрахмам о-ва Фасос[6]. Для сравнения можно отметить, что к настоящему моменту эллинистические тетрадрахмы Маронеи насчитавают 109 известных штемпелей л.с.[7], а количество зарегистрированных штемпелей л.с. тетрадрахм с именем римского квестора Эзилласа — около сотни[8]. В свою очередь, монетная чеканка от имени Первой Македонской области насчитывает примерно 160–170 штемпелей л.с. и около 620 штемпелей о.с. Для производства этого монетного типа потребовалось около 30 тонн серебра[9] — огромное количество металла для того времени! Основной целью этой чеканки было обеспечение серебряной монетой территорий и народов за пределами Македонии.

Топография находок

Тетрадрахмы Первой Македонской области типа македонский щит, бюст Артемиды Тавраполы/палица, **ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ ΠΡΩΤΗΣ** на территории самой Македонии почти не встречаются. Д. Драганов отметил высокую концентрацию кладов тетрадрахм Первой Македонской области в Северной, Южной и Юго-Западной Болгарии; в количественном отношении эти тетрадрахмы занимают второе место в циркуляционном потоке во Фракию во II–I вв. до н.э.[10] Действительно, основные векторы их распространения направлены на север и северо-запад — к Фракии и Дакии. Но следует уточнить, что в Южной Фракии (территория южнее горного массива Стара Планина) эти монеты не распространены. Основная масса их находок сосредоточена на территории к северу от Стара Планина и до Дуная, с небольшой долей находок севернее последнего. Небольшой поток тетрадрахм, причем представленный самыми ранними эмиссиями, направлен на юго-восток — к Малой Азии[11]. Монеты на севере и на северо-западе находят

[4] Boehringer 1972, 113, 125.

[5] Kremydi-Sicilianu 2009, 191–201.

[6] Монетная чеканка эллинистических тетрадрахм от имени Фасоса насчитывает примерно 400 штемпелей л.с. и около 1300 о.с. О подобных монетах из собрания ГИМ см. Прокопов, Пешехонов, Фролова, Абрамзон 2011.

[7] Schönert-Geiß 1987, 66–75.

[8] Bauslaugh 2000, 68.

[9] По имеющимся рассчетам, для монетной чеканки с именем римского квестора Эзилласа, для которой учтено 102 штемпеля лицевой стороны и 372 — оборотной, потребовалось около 18 тонн серебра. См.: Bauslaugh 2000, 68, 112; Howgego 1992, 1–31, esp. 2–4; Sellwood 1963, 217—231; Raven 1950, 1–22; Esty 1986, 185–215.

[10] Драганов 2001/II, 124.

[11] Boehringer 1970, 54; 1972, 180–182, Taf. 38–39; Bern 1975, 37–64; Arslan, Lightfoot 1999, 42–44, 69–75.

в компактных, часто гомогенных кладах, иногда содержащих до нескольких сотен их. Основную причину такой топографии монетных находок исследователи видят в том, что данное серебро представляло собой плату римской администрации наемным контингентам местных династов. Однако существует и теория о том, что это результат оживленной работорговли[12]. Отсюда, распространение монеты в юго-восточном направлении — в Малой Азии, вероятнее всего, вызвано торговыми операциями.

Интенсивность чеканки тетрадрахм Первой Македонской области, безусловно, отразилась на ареале распространения их находок, прежде всего, в кладах. Единичные находки в наш обзор не вошли, поскольку они по большей мере носят случайный характер и их учет может привести к ошибочным выводам. Кроме того, мы учитываем только те тетрадрахмы, которые имеют полную или частичную аналогию по монетным штемпелям с экземплярами из собрания ГИМ, что может свидетельствовать об их производстве в одном и том же месте.

Анализ распространения кладов с такими монетами в направлении с запада — северо-запада на восток — северо-восток показывает, что наиболее удаленная группа тетрадрахм происходит из кладов, найденных на территории Румынии: Мура Мика — 1 экз.; Каприору — 11; Пояна — 2; Владицеаска — 2, Синпетру — 1. Таким образом, на северо-западной периферии, на территории севернее Дуная, зарегистрировано всего 17 экземпляров.

Поток на запад отражают находки 5 экземпляров в кладе из с. Богданцы (Республика Македония), а также 16 — в кладе из с. Туроковцы (Болгария). Итого здесь зарегистрирована 21 тетрадрахма.

Обзор находок на северо-западной периферии — территории, лежащей южнее Дуная, демонстрирует исключительное обилие здесь кладов с подобными тетрадрахмами. Аналогии монетам из ГИМ встречаются в кладах из окрестностей следующих населенных пунктов: Тырнава — 39 монет; Баурене — 7; Галатин — 2; Враняк — 4; Лесура — 5; Мраморен — 2; Портитовцы — 1; клад «Северо-западная Болгария I» — 38 монет; клад «Северо-западная Болгария II» — 56 монет; Карлуково — 2; р-н Монтаны — 1. Всего на территории Северо-Западной Болгарии, в междуречье Огосты и Осмы, зарегистрировано 157 таких монет.

Подобная, хотя и не столь выразительная картина характерна для р-на, лежащего восточнее, между реками Осмой и Янтрой, притоками Дуная. Количество кладов с тетрадрахмами Первой Македонской области здесь велико, но прямых совпадений с монетами из коллекции ГИМ меньше: клад из Плевенского р-на-I — 5 монет; клад из Плевенского р-на-II — 4; Ясен — 2; Рибен — 5; Божурица — 3; Ракита — 25; Коиловцы — 2; Ломец и Троянско — 9; Белиш — 1; Гостиница — 2; Слатина и Ловечский р-н — 4; Гостиница и Вишовград — 3; Овдин баир — 1; Габрово — 1. В целом из этого региона происходят 67 монет.

Восточная Болгария слабо насыщена тетрадрахмами, имеющими параллели с экземплярами из собрания ГИМ. По побережью Черного моря таких находок также мало. На юго-западной периферии зарегистрированы только две монеты в кладе из г. Несебр. Восточнее известна всего одна монета из с. Трастиково (Варненский р-н). Северо-восточнее найдены: одна монета в кладе из с. Осиково (Торговищский р-н); 25 — в кладах из с. Новград и с. Пиргово (Русенский р-н); 2 —

[12] Glodariu1974, 54–55.

в кладе из р-на с. Силистра. Таким образом, в восточной зоне зарегистрирована 31 тетрадрахма, причем в направлении к северо-востоку, к Дунаю, а не к Черноморскому побережью. В отличие от северо-западного направления, где мы имеем совпадение с 17 монетами, пересекшими Дунай, в северо-восточном направлении не встречается параллелей с монетами, обнаруженными севернее реки. Наибольшая концентрация монет, связанных общностью штемпелей с тетрадрахмами из ГИМ, локализуется на территории, ограниченной с юга на север горным массивом Стара Планина и Дунаем, а с запада на восток — реками Огостой и Янтрой. Сокрытие кладов можно датировать отрезком времени примерно между 120 г. и 90–80 гг. до н.э. В таком случае, вероятно, большое количество «специальных римских эмиссий» тяжелых серебряных монет было направлено на север — северо-запад для нейтрализации ежегодных набегов фракийцев и бастарнов на провинцию Македонию и Грецию[13].

КАТАЛОГ

ГРУППА I. Около 167–160 г. до н.э.

1. 138[14]. I. B. O. 45 — R. 121: 16.82 г; 29.8 мм; инв. № ГИМ А. 9732[15].

Монета имеет точную аналогию комбинации пары штемпелей: подобная монета зарегистрирована в кладе из с. Слатина, Ловечский р-н, Болгария[16]. Штемпель л.с. I. B. O. 45 широко разпространен. Монеты с этим штемпелем зарегистрированы:

1) Клад из с. Новград[17] (Русенский р-н, Болгария) — 2
2) Клад из с. Рибен[18] (Плевенский р-н, Болгария) — 1
3) Клад «Северо-западная Болгария-II»[19] — 4
4) Клад из с. Портитовцы[20] (Монтанский р-н, Болгария) — 1
5) Клад из с. Каприору[21] (Румыния) — 2
6) Музей г. Велико Тырново[22] (Болгария) — 1
7) Фицвильям Музей[23] (Кембридж, Великобритания) — 1
8) Аукционы[24] (без установленного места находки) — 9

2. 178. I. B. O. 49 — R. 152: 13.97 г; 30.9 мм; инв. № ГИМ А. 9740[25].

---

13 Walbank 1981, 15–16.
14 Номера штемпелей сторон даны по Корпусу: Prokopov 2010.
15 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 1, 2.
16 CCCHBulg. I/I, no. 349.
17 Прокопов, Иванов 1989, 292.
18 CCCB IX, no. 543.
19 Prokopov 2005, nos. 15–18.
20 НАИМ БАН, инв. № CLIX–1957, 6.
21 Chirila Mihaescu 1969, nos. 29, 30.
22 Не опубликована, из фонда Регионального исторического музея г. Велико Тырново, инв. № 1235.
23 McClean Collections, 3706 138.1
24 Triton VIII (10 January 2005), lot 204; Dr. Busso Peus Nachfolger, Auktion 366 (29 October 2000, Classical Numismatic Group, Triton VI (14 January 2003), lot 198; Gerhard Hirsch Nachfolger München, Münzen und Medailen, Auktion 215, lot 136; Classical Numismatic Group, Sale XXX (11 June 1994), lot 81; Fritz Rudolf Künker GmbH, Auction 83 (17 June 2003), lot 228; Coinarchives (CNG), USA, Priv.Col.; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 137 (31 March 2005), lot 106 (17,09 g); Classical Numismatic Group, Sale XXX (11 June 1994), lot 83.
25 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 1, 4.

С монетой из ГИМ имеют полное совпадение два экземпляра:

1) Клад из р-на Монтаны[26] (Болгария)

2) Аукцион[27] (без информации о происхождении)

Связи штемпеля л.с. I. B. O. 49 подробно будут рассмотрены для следующей монеты (Каталог, № 3).

3. 187a. I. B. O. 49 — R. 161a: 16.74 г; 31.6 мм; инв. № ГИМ А. 9733[28].

Тетрадрахма отчеканена тем же штемпелем л.с., что и предыдущая монета (Каталог, № 2). Штемпель широко распространен и встречается на следующих монетах:

1) Клад из с. Трастиково[29] (Варненский р-н, Болгария) — 1

2) Клад из с. Карлуково[30] (Ловешкий р-н, Болгария) — 2

3) Клад «Северо-западная Болгария-I»[31] — 1

4) Клад «Северо-западная Болгария-II»[32] — 2

5) Клад из с. Тырнава[33] (Врачанский р-н, Болгария) — 2

6) Клад из с. Лесура[34] (Врачанский р-н, Болгария) — 1

7) Клад из Плевенского р-на-II[35] (Болгария) — 1

8) Клад из с. Ясен[36] (Плевенский р-н, Болгария) — 1

9) Клад из с. Синпетру[37] (Брашовский р-н, Румыния) — 1

10) Археологический музей г. Пловдива[38] (Болгария) — 2

11) Оксфорд (Великобритания[39]) — 1

12) Аукционы[40] (без дополнительной информации о месте находки) — 6

ГРУППА II. Около 160–150 г. до н.э.

4. 212в. II. A. O. 58 — R. 179b (16.77 г; 31.3 мм; инв. № ГИМ А. 9736[41].

5. 226a. II. A. O. 58 — R. 193a (16.72 г; 31.4 мм; инв. № ГИМ А. 9737[42].

Эти две монеты из коллекции ГИМ связаны между собой общим штемпелем л.с. По этому штемпелю для данных тетрадрахм обнаруживается чрезвычайно интенсивная их связь со следующими кладами и нумизматическими коллекциями:

1) Клад из с. Новград[43] (Русенский р-н, Болгария) — 9

---

26 Прокопов 2003, 47 — 68, № 11.

27 Gorny and Mosch, Geissener Münzhandlung, Auktion 126 (14 October 2003), lot 1267.

28 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 1, 3.

29 Археологический музей г. Варна, инв. № 1239.

30 НАИМ БАН, инв. № CCLII, 4, 8.

31 Прокопов 2003, № 11.

32 Prokopov 2006, 19–20.

33 Прокопов 1994, 47, 105.

34 НАИМ БАН, инв. № CXIX, 10.

35 Прокопов, Стойнов, 4.

36 CCCB IX, no. 618.3.

37 Chirila, Pop 1968, 145–170, pl. 16, 59.

38 Давидова, Прокопов 2010, № 7, 8.

39 SNG Oxford, 3290.

40 Ira and Larry Goldberg Coins and Collectibles, Auction 42 (23 September 2007), lot 21; Gorny and Mosch, Geissener Münzhandlung, Auktion 126 (14 Oktober 2003), lot 1267; UBS Auktion 59 (29–30 Januar 2004), lot 5451, 5452; Numismatik Lanz München, Auktion 120 (14 April — 17 May 2004), lot 140; Paul-Francis Jacquier, Numismatique Antique, Katalog 20, 1997, lot 91.

41 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 14.

42 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 3, 15.

43 Прокопов, Иванов 1989, 295–303.

2) Клад из с. Силистра[44] (Болгария) — 1
3) Клад из с. Тырнава[45] (Врачанский р-н, Болгария) — 6
4) Клад «Северо-западная Болгария-II»[46] — 6
5) Клад «Северо-западная Болгария-I»[47] — 3
6) Клад из с. Рибен[48] (Плевенский р-н, Болгария) — 3
7) Клад из с. Ясен[49] (Плевенский р-н, Болгария) — 1
8) Клад из с. Ракита[50] (Плевенский р-н, Болгария) –1
9) Клад из г. Слатина[51] (Ловечский р-н, Болгария) — 1
10) Музей г. Велико Тырново[52] (Болгария) — 4
11) Музей в г. Габрово[53] (Болгария) — 1
12) J. V. Kopp Collection[54] (Фрибург, Швейцария) — 1
13) Hart Collection[55] (Великобритания) — 1
14) Аукционы[56] (без данных о происхождении) — 6

6. 278a. II.A. O. 67 — R. 230a: 16.93 г; 30 мм; инв. № ГИМ А. 9730[57].

Для этого экземпляра известны аналоги только по штемпелю л.с. Он менее распространен, чем предыдущий, но также дает важную информацию о топографии находок:

1) Клад из с. Ломец[58] (Ловечский р-н, Болгария) — 2
2) Клад из с. Тырнава[59] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
3) Клад «Северо-западная Болгария-II»[60] — 3
4) Клад «Северо-западная Болгария-I»[61] — 1
5) Клад из с. Каприору[62] (Румыния) — 1
6) Клад из с. Владицеаска[63] (Румыния) — 1
7) Нумизматический Кабинет в Париже[64] — 2
8) Аукционы, без информации о происхождении[65] — 4

---

44 Grămăticu 1996, 23–26, nr. 2.
45 Прокопов 1994, 49, 53, 59, 126, 127, 135, 169.
46 Prokopov 2005, nos. 30–33, 35–36.
47 Прокопов 2003, № 16, 17, 21.
48 CCCB IX, nos. 545, 549, 550.
49 CCCB IX, no. 620.
50 CCCB IX, no. 501.8.
51 CCCHBulg I/I, no. 310.
52 Прокопов 1994, 50, 53, 149, 153.
53 Прокопов, Койчева 1998, 50–51.
54 Grigorova 2000, no. 44.
55 SNG Blackburn, 528.
56 Baldwin's Auctions Ltd / Fritz Rudolf Künker GmbH and Co. KG / Dmitry Markov Coins and Medals / M&M Numismatics Ltd, The New York Sale XX (7 January 2000), lot 25; Fritz Rudolf Künker GmbH and Co. KG, Auction 153 (14 March 2009), lot 8261; Online Auction 38 (24 September 2001); UBS Auction 59 (29 — 30 January 2004), lot 5464; Harlan J. Berk, Ltd., Buy Or Bid Sale 83 (1994), lot 139; Kovacs, Mail Bid Sale XVI (29 September 2004), lot 73.
57 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 10.
58 Частная коллекция "А. Д.», № 11, 12.
59 Прокопов 1994, 75, 122.
60 Prokopov 2005, nos. 81–83.
61 Прокопов 2003, № 90.
62 Chirila, Mihaescu 1969, № 80.
63 Preda 2005, 23–28, no. 1.
64 BNF Fond general, nr. 182, l85.
65 Classical Numismatic Group, Auction XXX, 11 June 1994, lot 101; Leipziger, Auktion 39, 08 April 2002, lot 1881; UBS, Auction 59, 29 — 30 January 2004, lot 5460; Classical Numismatic Group, E Sale, no. 808865.

7. 315. II.A. O. 71 — R. 255: 16.90 г; 31.3 мм; инв. № ГИМ А. 9739[66].

Здесь обнаруживается полное совпадение комбинации штемпелей л.с. и о.с. еще с двумя известными нам монетами:

1) Клад из с. Тырнава[67] (Врачанский р-н, Болгария)

2) Клад из с. Мраморен[68] (Врачанский р-н, Болгария). Аналоги для штемпеля л.с. рассмотрены ниже, при комментарии к монете № 8.

8. 321b. II.A. O. 71 — R. 295v: 16.69 г; 31 мм; инв. № ГИМ А. 9731[69].

Монета бита тем же штемпелем л.с., что и предыдущая. Этот штемпель достаточно часто встречается и известен по следующим кладам и монетам:

1) Клад из Плевенского р-на-I[70] (Болгария) — 1
2) Клад из с. Тырнава[71] (Врачански р-н, Болгария) — 4
3) Клад из с. Враняк[72] (Врачанский р-н, Болгария) — 4
4) Клад из с. Лесура[73] (Врачанский р-н, Болгария) — 4
5) Клад «Северо-западная Болгария-II»[74] — 12
6) Клад «Северо-западная Болгария-I»[75] — 4
7) Клад из с. Туроковцы[76] (Перникский р-н, Болгария) — 1
8) Клад из с. Богданцы[77] (Республика Македония) — 1
9) Археологический музей г. Варна[78] (Болгария) — 1
10) Археологический музей г. Пловдива[79] (Болгария) — 1
11) Региональный музей г. Русе[80] (Болгария) — 1
12) Региональный музей г. Плевен[81] (Болгария) — 2
13) Нумизматический Кабинет в Париже[82] (без информации о месте находки) — 1
14) Милан[83] (без информации о месте находки) (Италия) — 1
15) Аукционы (без информации о происхождении[84]) — 7

9. 383. II.A. O. 82 — R. 303: 16.38 г; 29.3 мм; инв. ГИМ № А. 9738[85].

---

66 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 3, 17.
67 Прокопов 1994, 70, 146.
68 Неопубликована, хранится в коллекции Регионального исторического музея, г. Враца, инв. № 349.
69 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 11.
70 Прокопов, Стойнов 2010, № 18.
71 Прокопов 1994, 70, 146–147.
72 Неопубликована. Частная коллекция, София.
73 НАИМ БАН, инв. № CXIX, 1939, 7.
74 Prokopov 2005, nos. 103–114.
75 Прокопов 2003, 72, 118–120.
76 Паунов, Прокопов 2006.
77 Petrova 1999, 35–44, no. 13.
78 Археологический музей г. Варна, инв. № I. 4491.
79 Давидова, Прокопов 2010, № 16.
80 Прокопов 1994, 80, 153.
81 CCCB IX, no. 626.5.
82 BNF Dalapierre, 1070.
83 SNG Milano, 486.
84 Classical Numismatic Group, E Sale, no. 808838; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 147 (2 January 2006), lot 100; Classical Numismatic Group, E Sale, no. 808834; Online Auction: Amphora Coins 2004; Classical Numismatic Group, E Sale, no. 808843; Classical Numismatic Group, Auction XXX (11 June 1994), lot 94; Gorny and Mosch, Geissener Münzhandlung, Auction 108 (3 April 2004), lot 1183.
85 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 3, 16.

Для этой тетрадрахмы известно полное совпадение пары штемпелей с тремя монетами из различных кладов. Штемпель л.с. II.А. О. 82 хорошо известен и широко распространен; его связи касаются сразу трех монет из ГИМ (Каталог, № 9–11).

1) Клад из с. Ракита[86] (Плевенский р-н, Болгария) — 1
2) Клад из Плевенского р-на[87] (Болгария) — 1
3) Клад из с. Мура Мика[88] (Румыния) — 1

10. 389. II.А. О. 82 — R. 309: 16.05 г; 31.3 мм; инв. № ГИМ А. 9734[89].

Здесь также обнаруживается полное совпадение с шестью монетами. За исключением одной все они происходят из кладов:

1) Клад «Северо-западная Болгария-II»[90] — 3
2) Клад «Северо-западная Болгария-I»[91] — 1
3) Клад из с. Каприору[92](Румыния) — 1
4) Аукцион[93] (без установленного места находки) — 1

11. 392. II.А. О. 82 — R. 312: 16.53 г; 31.4 мм; инв. № ГИМ А. 9726[94].

Как и № 10–12, эта монета отчеканена тем же штемпелем л.с. II.А. О. 82. Прослеживается полная аналогия с пятью другими экземплярами:

1) Клад из г. Габрово[95] (Болгария) — 1
2) Клад «Северо-западная Болгария-II»[96] — 1
3) Клад из с. Ломец[97] (Ловечский р-н, Болгария) — 1
4) Аукционы[98] — 2

Кроме указанных аналогий, тетрадрахмы № 9–11 связаны общим штемпелем л.с. II.А. О. 82 с монетами из следующих кладов, коллекций и аукционов:

1) Клад из Троянскоа[99] (Ловечский р-н, Болгария) — 2
2) Клад из с. Осиково[100] (Торговищский р-н, Болгария) — 1
3) Клад из с. Пиргово[101] (Русенский р-н, Болгария) — 1
4) Клад из Вишовград[102] (Севлиевский р-н, Болгария) — 1
5) Клад из с. Ракита[103] (Плевенский р-н, Болгария) — 5
6) Клад из Плевенского р-на-II[104] (Болгария) — 1
7) Клад из Плевенского р-на-I[105] (Болгария) — 1

---

86 CCCB IX, no. 504.
87 Прокопов, Стойнов 2010, № 6.
88 В прошлом на территории, относящейся к Венгрии. См.: Torbagyi 1986, 13–25, tab. III–VIII, 78.
89 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 12.
90 Prokopov 2005, nos. 47, 49–50.
91 Прокопов 2003, № 33.
92 Chirila, Mihaescu 1969, nr. 65.
93 Classical Numismatic Group, Auction XXX, 11 June 1994, lot 97.
94 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 1, 6.
95 Прокопов, Койчева 1998, 50–51.
96 Prokopov 2005, no. 52.
97 Неопубликована. Частная коллекция, София.
98 Classical Numismatic Group, Auction 51 (15 September 1999), lot 209; Classical Numismatic Group, Auction XXX (11 June 1994). lot 99.
99 Археологический музей г. Варна, инв. № I, 2794, 2793.
100 Гинев 1978, 18–25, № 19б.
101 Прокопов 1994, 58, 132.
102 Прокопов 1994, 58.
103 CCCB IX, nos. 505–508, 528.
104 Прокопов 2010, № 12.
105 Прокопов 2004, 11–21, № 15.

8) Клад из с. Тырнава[106] (Врачанский р-н, Болгария) — 2
9) Клад из с. Галатин[107] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
10) Клад из с. Баурене[108] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
11) Клад «Северо-западная Болгария-II»[109] — 4
12) Клад «Северо-западная Болгария-I»[110] — 4
13) Клад из с. Владицеаска[111] (Румыния) — 1
14) Клад из с. Каприору[112] (Румыния0 — 2
15) Археологический музей г. Варны[113] — 1
16) Археологический музей г. Пловдива[114] — 2
17) Региональный музей г. Русе[115] — 1
18) Аукционы[116] (без установленного места находки) — 9

12. 410. II.A. O. 85 — R. 325: 16.36 г; 29 мм; инв. № ГИМ А. 9725[117].

Нам известна только одна монета с такой комбинацией штемпелей, присутствующая в кладе из с. Ломец[118] (Ловечский р-н, Болгария). Для штемпеля л.с. II.A. O. 85 имеется множество параллелей:

1) Клад из Варненского р-на[119] (Болгария) — 1
2) Клад из с. Овдин баир[120] (Севлиевский р-н, Болгария) — 1
3) Клад из с. Ракита[121] (Плевенский р-н, Болгария) — 11
4) Клад из Плевенского р-на-I[122] — 3
5) Клад из Плевенского р-на-II[123] — 1
6) Клад из с. Ломец[124] (Ловечский р-н, Болгария) — 2
7) Клад из г. Слатина[125] (Ловечский р-н, Болгария) — 2
8) Клад из Троянскоа[126] (Ловечский р-н, Болгария) — 1

---

106 Прокопов 1994, 8, 123, 132.
107 Прокопов 1994, 58, 123.
108 Прокопов 1994, 58, 133.
109 Prokopov 2005, nos. 51–53.
110 Прокопов 2003, № 30–32, 34.
111 Preda 2005, 23–28, no. 6.
112 Chirila, Mihaescu 1969, nos. 64, 66.
113 Археологический музей г. Варна, инв. № 4492.
114 Давидова, Прокопов 2010.
115 Прокопов 1994, 58, 124.
116 Fritz Rudolf Künker GmbH, Online, Auktion 89 — 91 (9.–12.März 2004), lot 1233; Numismatica Ars Classica, Auktion F (17 April 1996), lot 1199; Auktions H. D. Rauch , 8. Fernauktion (1 Oktober 2004), lot 87; Fritz Rudolf Künker GmbH, Auction 83 (17 June 2003), lot 227; Gorny and Mosch, Geissener Münzhandlung, Auction 147 (7 March 2006), lot 397; Hess-Divo, Auktion 299 (27 Oktober 2004), lot 42; Classical Numismatic Group, Auction XXX (11 June 1994), lot 99, 100; Classical Numismatic Group, Auction 51 (15 September 1999), lot 209.
117 Абрамзон, Фролова 2008, 17–27, табл. 1–3, №5.
118 Клад подробно не опубликован, сообщается лишь о факте находки, см.: Hristov, Sostra II, 2006, 81. Монеты, которые были изучены и зарегистрированы, находятся в частной коллекции в г. Софии.
119 Неопубликована, хранится в Археологическом музее, г. Варна, инв. № 1815.
120 Прокопов 1994, 62,138.
121 СССВ IX, № 516–524.
122 Прокопов 2004, 11–21, № 12–14.
123 Прокопов, Стойнов 2010, № 9.
124 Частная коллекция, София, № 10,17.
125 CCCHBulg I/1, nos. 311–312.
126 В Археологическом музее г. Варна, инв.№ 2792.

9) Клад из с. Белиш[127] (Ловечский р-н, Болгария) — 1
10) Клад из с. Тырнава[128] (Врачанский р-н, Болгария) — 9
11) Клад из с. Мраморен[129] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
12) Клад из с. Баурене[130] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
13) Клад «Северо-западная Болгария-I»[131] — 7
14) Клад «Северо-западная Болгария-II»[132] — 14
15) Клад из с. Каприору[133] (Румыния) — 2
16) Региональный музей г. Габрово[134] (Болгария) — 3
17) Региональный музея г. Плевен[135] (Болгария) — 1
18) Нумизматический Кабинет[136] Народного банка (г. Скопье, Республика Македония) — 1
19) Фитцвильям Музей[137] (Кембридж, Великобритания) — 1
20) г. Тюбинген[138] (Германия) — 1
21) Милан[139] (Италия) — 1
22) Аукционы[140] — 2

13. 435. II.A. O. 87 — R. 348: 16.52 г; 30.6 мм; инв. № ГИМ А. 9728[141].

Единственная монета с такими штемпелями обеих сторон, аналогичная экземпляру из ГИМ, происходит из клада «Северо-западная Болгария-I»[142]. Штемпель л.с. II.A. O. 87 имеет множество связей:

1) Клад из с. Новград[143] (Русенский р-н, Болгария) — 13
2) Клад из с. Гостиница[144] (Севлиевский р-н, Болгария) — 2
3) Клад из с. Ракита[145] (Плевенский р-н, Болгария) — 2
4) Клад из с. Рибен[146] (Плевенский р-н, Болгария) — 1
5) Клад из с. Тырнава[147] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
6) Клад «Северо-западная Болгария-II»[148] — 3
7) Клад «Северо-западная Болгария-I»[149] — 1
8) Клад из с. Каприору[150] (Румыния) — 1

127 Частная коллекция, София.
128 Прокопов 1994, 62,127,138.
129 Прокопов 1994, 62,127.
130 Прокопов 1994, 62, 127.
131 Прокопов 2003, № 21, 44–49.
132 Prokopov 2005, № 65–78.
133 Chirila, Mihaesc 1969, nr. 60–61.
134 Прокопов, Койчева 1998, 50–51.
135 Единичный экз., инв. № 61 (L15).
136 Инв.№ 99/2/4–1.
137 Fitzwilliam Museum, nos. 3708 138.3
138 SNG Tübingen, nr. 1220.
139 SNG Milano, no. 488.
140 Gorny & Mosch, Geissener Münzhandlung, Auction 108 (3 April 2004), lot 1182; Gorny & Mosch, Geissener Münzhandlung, Auktion 134 (11 Oktober 2004), lot 1290.
141 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 8.
142 Прокопов 2003, № 58.
143 Прокопов, Иванов 1989, 296–298.
144 Prokopov 2010, no. 437.
145 СССВ IX, no. 552.
146 СССВ IX, no. 503.10.
147 Прокопов 1994, 50,148.
148 Prokopov 2005, no. 38–39.
149 Прокопов 2003, № 57.
150 Chirila, Mihaescu 1969, no. 47.

9) Региональный музея г. Плевен[151] — 2
10) Региональный музей г. Враца — 1
11) Аукционы[152] (без информации о происхождении) — 2

14. 454. II.A. O. 92 — R. 357: 16.67 г; 31.8 мм; инв. № ГИМ А. 9729[153].
Данной парой штемпелей биты еще четыре известные нам монеты:
1) Клад из с. Каприору[154] (Румыния) — 1
2) Национальный Музей Дании (Копенгаген)[155] — 1
3) Аукционы[156] — 2
В свою очередь, известны следующие монеты со штемпелем л.с. II.A. O. 92:
1) Клад из г. Несебр[157] (Болгария) — 2
2) Клад из с. Ракита[158] (Плевенский р-н, Болгария) — 4
3) Клад из г. Ловеч[159] (Болгария) — 1
4) Клад из с. Тырнава[160] (Врачанский р-н, Болгария) — 4
5) Клад «Северо-западная Болгария-II»[161] — 1
6) Клад из с. Каприору[162] (Румыния) — 1
7) Аукционы[163] (без информации о месте находки) — 6

15. 513. II.A. O. 109 — R. 410 (16.55 г; 30.9 мм; инв. № ГИМ А. 9735[164].
Для этой пары штемпелей насчитывается пять полных аналогий:
1) Клад «Северо-западная Болгария-I»[165] — 2
2) Клад из с. Богданцы[166] (Республика Македония) — 2
3) Аукцион[167] (предположительно из клада из с. Туроковцы, Перникский р-н, Болгария[168]) — 1

16. 514. II.A. O. 109 — R. 411 (16.60 г; 31.5 мм; инв. № ГИМ А. 9727[169].
Помимо тетрадрахмы из ГИМ зарегистрированы семь монет, отчеканенные данной парой штемпелей:
1) Клад из с. Тырнава[170] (Врачанский р-н, Болгария) — 1

---

151 CCCB IX, no. 569–570.
152 Classical Numismatic Group, Auction XXX (11 June 1994), lot. 96; Classical Numismatic Group, Auction 53 (15 March 2000), lot 20.
153 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 9.
154 Chirila, Mihaescu 1969, no. 55.
155 SNG Copenhagen, 1314.
156 Classical Numismatic Group, Auction 35 (September 1995), lots 140–141.
157 Не опубликованы, Археологический музй г. Несебр, инв. № 187, 189.
158 CCCB IX, no. 512–515.
159 CCCHBulg I/I, no. 341.
160 Прокопов 1994, 59, 124, 135.
161 Prokopov 2005, no. 55.
162 Chirila, Mihaescu 1969, no. 56.
163 Classical Numismatic Group, Coin Shop-Thumbnail, Online Catalogue 2002, (Historical Coins. Htp), no. 734117; Classical Numismatic Group, E Sale, nos. 808840, 808846; UBS Auction 59 (29 — 30 January 2004), lot 5459; USA Online Auction — Lustraus 2004; Fritz Rudolf Künker GmbH, Online Auktion 89 — 91 (9.–12.März 2004), lot 1234.
164 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 2, 13.
165 Прокопов 2003, № 66, 72.
166 Petrova 1999, 35–44, no. 25, 33.
167 Harlan, Berk, Ltd Archive, no. 26 842.
168 Прокопов, Стойнов, № 18
169 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 1, 7.
170 Прокопов 1994, 71, 166.

2) Клад из с. Баурене[171] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
3) Клад из с. Галатин[172] (Врачанский р-н, Болгария) — 1
4) Клад «Северо-западная Болгария-I»[173] — 1
5) Клад «Северо-западная Болгария-II»[174] — 1
6) Клад из с. Богданцы[175] (Республика Македония) — 2

Чеканка штемпелем л.с. II.А. О. 109 весьма распространена и связывает монеты из ГИМ со следующими тетрадрахмами:

1)Клад из с. Силистра[176] (Болгария) — 1
2) Клад из с. Божурица[177] (Плевенский р-н, Болгария) — 3 монеты.
3) Клад из с. Коиловцы[178] (Плевенский р-н, Болгария) — 2 монеты.
4) Клад из с. Тырнава[179] (Врачанский р-н, Болгария) — 8 монет.
5) Клад из с. Баурене[180] (Врачанский р-н, Болгария) — 4 монеты.
6) Клад «Северо-западная Болгария-I»[181] — 10 монет.
7) Клад «Северо-западная Болгария-II»[182] — 4 монеты.
8) Клад из с. Туроковцы[183] (Перникский р-н, Болгария)– 1
9) Нумизматический Кабинет (Париж)[184] — 1
10) Коллекция «Шелдаров»[185] (Скопье, Республика Македония) — 1
11) Коммерческий банк г. Охрид[186] (Республика Македония) — 1
12) Региональный музей г. Плевен[187] (Болгария) — 1
13) Аукционы[188] (без информации о происхождении) — 8

ГРУППА III. Около 140–120 г. до н.э.

17. 617. III. О. 138 — R. 500: 17.12 г; 30.8 мм; инв. № ГИМ А. 9724[189].

По объему чеканки Группа III значительно уступает предыдущей группе. Монеты третьей группы реже встречаются в кладах. Для случае для тетрадрахмы из ГИМ обнаружено полное совпадение штемпелей обеих сторон с четырьмя монетами:

---

171 Прокопов 1994, 71, 166.
172 Прокопов 1994, 71, 166.
173 Прокопов 2003, № 71.
174 Prokopov 2005, no. 118.
175 Petrova 1999, 14, 19.
176 Grămăticu 1996, no. 3
177 CCCB IX, nos. 578.7, 577.5, 576.4.
178 CCCB IX, nos. 609.1, 611.3.
179 Прокопов 1994, 71, 161, 163–165.
180 Прокопов 1994, 71, 164, 166.
181 Прокопов 2003, № 67–71, 77–81.
182 Prokopov 2005, nos. 114–117.
183 Harlan J. Berk, Ltd, Sale list, March 2002, no. cc26843.
184 BNF Fond general, nr. 83.
185 Скопие, “Коллекция Шелдаров”, nr. 719.
186 Учтена под № 221.
187 CCCB IX, no. 571.11.
188 Auktions H. D. Rauch , 8. Fernauktion (1 Oktober 2004), lot 83; Argenor Numismatique S.A., Auction 4 (27 April 2001), lot 27; Classical Numismatic Group, Auction 51. September 15, 1999, lot 210; Classical Numismatic Group, Electronic Auctions, 115, 25 May 2005, lot: 21; Monetarium, Liste 62, Zürich, Herbst/Automne 1994, no. 68; Münzauktion Tkalec AG, 2003, no. 66; Leu Numismatik Auction 83 (6 May 2002), lot 210; Harlan J. Berk, Ltd Archive, no. 34 631.
189 Абрамзон, Фролова 2008, 23, табл. 1, 1.

1) Клад из с. Туроковцы[190] (Перникский р-н, Болгария) — 2
2) Аукционы[191] (без инфорсации о месте находки) — 2
Зарегистрированы следующие монеты со штемпелем л. с. **III. O. 138**:
1) Клад из с. Туроковцы[192] (Перникский р-н, Болгария) — 11
2) Клад из Пояны[193] (р-н Телеорман, Румыния) — 2
3) г. Монтана[194] (Болгария) — 1
4) Британский музей (Лондон)[195] — 1
5) Аукционы[196] (без информации о месте находки) — 9

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2008: Две группы македонских тетрадрахм римского времени из собрания Государственного Исторического музея // ПИФК. XXII, 17–28.

Давидова Д., Прокопов И.: Тетрадрахмите на Първа Македонска област от фонда на Археологическия музей Пловдив № 12–13 (в печати).

Драганов Д. 2001: Монетите на Македонските царе. Ч. II. От Филипп III Аридей до Персей. Ямбол.

Паунов Е., Прокопов И. 2006: Едно разпиляно монетно съкровище от трънско — опит за реконструкция и датиране // Сб. "V-а Регионална Археологическа конференция за ЮЗ България, гр. Перник, 13–14.02.2006 г. (в печати)

Прокопов И. 1989: Съкровище от тетрадрахми на Първа Македонска област от фонда на Исторически музей в Шумен // ИИМКн. I, 235–348.

Прокопов И. 1994: Тетрадрахмите на Първа Македонска област. София.

Прокопов И. 2003: Монетно съкровище от Северозападна България — I // ИИМКн. IX, 47–68.

Прокопов И. 2004: Съкровище от тетрадрахми на Тасос и Първа македонска област от "Плевенско-I" // Анали. 1–4, 11–21.

Прокопов И., Иванов Д. 1989: Съкровището от с. Новград, Русенско и някои наблюдения върху монетите на Първа Македонска област // ИИМКн. I, 269–306.

Прокопов И., Койчева К. 1998: Монети от II–I в. пр. Хр., от колекцията на Исторически музей Габрово // НиС. V, 45–55.

Прокопов И.С., Пешехонов В.К., Фролова Н.А., Абрамзон М. Г. 2011: Эллинистические тетрадрахмы о-ва Фасос, тетрадрахмы так называемого «фасосского типа» и их имитации // ПИФК. 4, 77–103.

Прокопов И., Стойнов П. Монетно съкровище от тетрадрахми на Тасос и Първа македонска област "Плевенско — II" (в печати).

[190] Harlan J. Berk, Ltd, Sale 120, 3 / 23, 2001, lot: 107; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 125, 1 / 25, 2003, lot: 93.

[191] Genevensis, no. 2, Lindi 18 Novembre 2002, no. 34; Electronic Auction USA 2007 (вес 16.92 г).

[192] Harlan J. Berk, Ltd, Sale 132 (14 May 2003), lot: 99; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 122 (16 September 2001), lot 174; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 124 (20 January 2003), lot: 135; Harlan J. Berk, Ltd, Fixed list (March 2002), nos. cc26847, cc26850, cc26851; Harlan J. Berk, Ltd, Archive, nos. 26860, 26863; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 136 (5 February 2004), lot: 47; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 122 (16 September 2001), lot 173; Harlan J. Berk, Ltd, Sale 143 (18 May 2005), lot: 89.

[193] Cataniciu 1975, 77–188, nos. 30, 31.

[194] Не опубликована, Региональный исторический музей г. Монтана.

[195] Нумизматический кабинет Британского Музея, инв. № 1866, 1201.881; GC5p7.1

[196] Gorny & Mosch, Geissener Münzhandlung, Auction 107 (2 April 2001), lot 136; Gorny & Mosch, Geissener Münzhandlung, Auktion 114 (04 Mart 2002), lot 90; Gorny & Mosch, Geissener Münzhandlung, Auktion 126 (14 Oktober 2003), lots 1269, 1270, 1271; Gorny & Mosch, Geissener Münzhandlung, Auktion 134 (11 Oktiber 2004), lot 1289; Aurea (Praha), Auction 13 (21 May 2005), lot 230; Aurea (Praha), Katalog 12 (December 2004), lot 172; Baldwin's — III (7 December 2000), lot 126.

Arslan M., Lightfoot Chr. 1999: Greek Coin Hoards in Turkey. Ankara.

Bauslaugh R.A. 2000: Silver Coinage with the Types of Aesillas the Quaestor // ANS-NS. 22, New York.

Boehringer Chr. 1972: Zur Chronologie mittelhellenistischer Münzserien 220–160 v. Chr. Berlin.

Boehringer Chr. 1975: Hellenistischer Münzschatz aus Trapezunt 1970 // SNR. 54, 37–64.

Cataniciu I.B. 1975: Tezaurul monetar de la Poiana (jud. Teleorman). Unele aspecte ale circulatiei tetradrahmelor Macedoniei Prima si ale orasului Thasos in Lumea traco-dacica // SCN. 6, 77–188.

Chirila E., Mihaescu G. 1969: Der Münzhort von Caprioru. Beiträge zu Chronologie und Umlauf der Tetradrachmen von Macedona Prima und der Insel Thasos. Muzeul Judetean Dombovita.

Chirila E., Pop I. 1968: Tezaurul monetar de la Sînpetru (Or. Brasov) // Apulum. 7, 145–170.

Crawford M.H. 1985: Coinage and Money under the Roman Republic. Cambrige.

Gaebler H. 1935: Die antiken Münzen von Makedonia und Paionia // AMNG. III. Berlin.

Glodariu I. 1974: Relatii comerciale ale Daciei cu lumea elinistica si romana. Cluj.

Grămăticu S. 1996: Un tezaur de tetradrahme ale cetăţii Thasos şi ale provinciei Macedonia prima descoperit la Silistra // Cercetări Numismatice. VII, 23–27.

Grigorova V. 2000: Catalogue of the Ancient Greek and Roman Coins of the Josef Vital Kopp Collection, Novum testamentum et orbis antiquus, Series Archaeologica 2. Fribourg.

Hristov I. 2006: Sostra, Investigations of the Roman Roadside station and castle on the road Escus — Philippopolis. Vol. II. Sofia.

Kremydi-Sicilianu S. 2009: The Tauropolos Tetradrachms of the First Macedonian Meris: Provenance, Iconography and Dating // ΚΕΡΜΑΤΙΑ ΦΙΛΙΑΣ. Α Νομισματικη – Σφραγιστικη, τιμητικοσ τομοσ υια τον Ιωαννη Τουρατσογλου. Αθηνα, 191–201.

Petrova E. 1999: A hoard of tetradrachms of the First Macedonian Meris // MNJ. 3, 35–44.

Preda C. 2005: Un tezaur de tetradrachme din Macedonia Prima şi Thasos descoperit la Vlădiceasca, com. Snagov, jud. Ilfov // Simpozion de Numismatică, Chişinău, 26–28 Noiembrie 2003. Bucureşti, 23–28.

Prokopov I. 2005: The Silver Coinage of the Macedonian regions 2–1 c. BC. (в печати).

Prokopov I. 2010: Coin Hoard from North-West Bulgaria — II // MNJ. 5. Skopje (в печати).

Prokopov I., Kovacheva T. 2006: Coin Hoards and coins from the 2 and 1 Centuries BC in the numismatic collection of Pleven Museum // CCCB. Vol. IX, Sofia.

*Raven E.J.*P. 1950: The Amphictionic Coinage of Delphi 336–334 B.C. // NC. Ser. 6. 10, 1–22.

Sellwood D.J. 1963: Some Experiments in Greek Minting Technique // NC. Ser. 7. 3, 217–231.

Schönert-Geiß E. 1987: Die Münzprägung von Maroneia // Griechisches Münzwerk. Schriften zur Geschichte und Kultur der Antike. 26, Berlin.

*Torbagyi M.*1986: A kisszederjesi görög Oremlet // Numizmatikai közlöny. 84/85, 1985/6, 13–25.

Touratsoglou I. 1987: Macedonia // The Coinage of the Roman World in the Late Republic / A. M. Burnett, M. N. Crawford (eds.). BAR International Series. 326, 53–78.

Walbank F.W. 1981: Prelude to Spartacus: the romans in Southern Thrace // Spartacus: Simposium rebus Spartaci gestis dedicatum 2050A. Blagoevgrad, 20–24.IX. 1977 / Ch. M. Danov, A. Fol (eds.). Sofia, 14–27.

A COMMENTARY ON HELLENISTIC TETRADRACHMS OF THE FIRST MACEDONIAN MERIS IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM

I. S. Prokopov, V. K. Peshekhonov, N. A. Frolova, M. G. Abramzon

This is a commentary on the article of M. Abramzon and N. Frolova “Two Groups of Macedonian Tetradrachms of the Roman period in the State Historical Museum” (JHPhCS. 2008. XXII, 17–27). Authors analyze dies of the State Historical Museum’s tetradrachms which were issued in the First Macedonian Meris during the Hellenistic period and also the territory of their circulation (basing on data of hoards).

Key words: Macedonia, Thrace, tetradrachms, coin hoards, coin circulation.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2011 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

© 2011

И. Р. Ахмедов

НАХОДКА МЕДАЛЬОНА СЕПТИМИЯ СЕВЕРА НА Р. ОКЕ

Статья посвящена находке в погребении 525 могильника Борок 2 (Шиловский р-н Рязанской области) бронзового римского медальона императора Септимия Севера. Он относится к медальонам, производившимся в 194–196 гг. Некрополь принадлежит рязано-окским финнам, жившим на рязанском течении Оки в III — первой половине VII в. н.э. Инвентарь погребения свидетельствует том, что захороненный мужчина обладал максимально высоким для иерархической структуры местного населения социальным статусом. Найденный медальон, несомненно, являлся предметом престижа. Такая находка впервые встречена в лесной зоне Центральной России. Наряду с другими престижными украшениями, оружием, конской уздой она свидетельствует о знакомстве местного населения с идеями «Imitacio Imperii», ярко представленными в культуре населения Центральной и Западной Европы в эпоху Великого Переселения и в раннем средневековье.

Ключевые слова: Рим, медальон, Септимий Север, финны.

Находки римских монет на территориях, занятых в западной части Среднего Поволжья в позднеримское время поволжскими финнами, чрезвычайно редки и исчисляются единицами[1]. Именно поэтому представляется чрезвычайно важным привлечение интереса специалистов по римской нумизматике к новым открытиям, сделанным в этом регионе.

К ним относится, в том числе, и уникальная для этой территории находка римского медальона, обнаруженного в богатом погребении рязано-окских финнов в могильнике Борок 2, расположенном в Шиловском районе Рязанской области. Это захоронение было исследовано директором Шиловского центра народного творчества А. Н. Гавриловым и директором Шиловского народного музея А. П. Гавриловым при разрушении памятника во время строительства дороги Шилово-Касимов. В настоящий момент комплекс находится в фондах и на экспозиции Шиловского районного народного музея (рис. 1)[2].

Медальон изготовлен из желтого металла, предположительно из бронзы с высоким содержанием олова. Диаметр его составляет 2,8–2,9 см, он спаян из двух одинаковых половинок таким образом, что с обеих сторон располагается изобра-

Ахмедов Илья Рафаэлевич — научный сотрудник первой категории отдела археологических памятников Государственного Исторического музея. E-mail: i_akhmedov@mail.ru

[1] Кропоткин 1961, 44, № 160; 45, №175; 46, №195; 48, №242, №163, 167, 169, 171; 40, №37, 38; Рис. 25; Ахмедов 2010а, 31.

[2] Автор выражает искреннюю благодарность А. Н. Гаврилову и А. П. Гаврилову, предоставившим комплекс п. 525 из могильника Борок 2 для публикации, а так же сотруднику отдела нумизматики ГИМ Е. В. Захарову за любезные консультации при подготовке статьи.

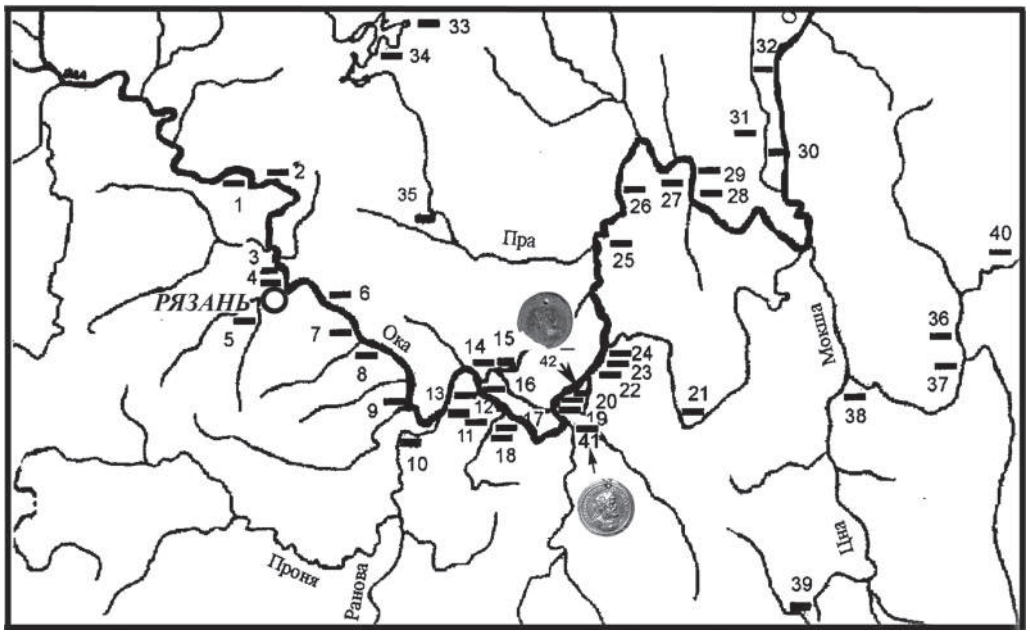


Рис.1. Памятники рязано-окских финнов и пункты находок медальонов.
Могильники: 1 — Вакинский; 2 — Кузьминский; 3 — Фефеловский; 4 — Борковской; 5 — Дашковский, 6 — Дубровичский; 7 — Кораблинский; 8 — Гавердовский; 9 — Троице-Пеленицкий; 10 — Заречье 4; 11 — Еремеевский; 12 — Никитинский; 13 — Шатрищенский; 14 — Киструсский; 15 — Дегтяновский; 16 — Облачинский; 17 — Бортниковский; 18 — Дуброво-Срезневский; 19 — Кулаковский; 20 — Ундрих; 21 — Мелеховское погребение; 22 — Тереховский; 23 — Тырновский1; 24 — Тырновский 2; 25 — Куземкинский; 26 — Курман; 27 — Бабенское местонахождение; 28 — Поповский; 29 — Старо-Посадское погребение; 30 — Мишуковский; 31 — Фоминский; 33 — Глушицкий; 34 — Барское 2 (Шагара 5); 35 — Деулинский; 36 — Кокуй; 37 — Старокадомский; 38 — Кошибеевский; 39 — Польно-Ялтуновский; 40 — Шокшинский; 41 — Борок 2 Городище — 42 — Тереховское.

жение бюста императора вправо. Император изображен в лавровом венке с лентами и доспехе-лорике с четко выделенным прямоугольным воротом и стершимся изображением эгиды на груди. Над левым плечом виден край плаща. Вокруг изображения надпись — L SEPTIMIVS SEVERVS PERTINAX AVG I IIII. По краю медальона расположен точечный ободок. Над головой императора через надпись пробито сквозное отверстие, над которым на каждой из сторон прослеживаются треугольные углубления, вероятно, образовавшиеся в процессе ношения медальона. Поверхность изображения сильно потерта, что указывает на длительное время использования медальона (цв. вклейка № 2, *1*).

Подробная нумизматическая атрибуция этого предмета является задачей специалистов, поэтому ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Все известные автору аналоги находятся среди медальонов, изготовленных в начале правления Септимия Севера после избрания его императором в 193 г. н.э. и до 196 г.н.э., когда после триумфального возвращения в Рим он провозглашает своего сына Каракаллу соправителем. После этого события на медальо-

нах и монетах наряду с когноменом PERTINAX в имени императора начинается спользование имени императора Марка Аврелия в качестве «божественного» отца Септимия Севера. После второго парфянского похода 200 г. когномен PERTINAX больше не употребляется.

Наиболее близки рассматриваемому по характеру легенды и изображению медальоны с титулами IMP IIII, V и IMP VII[3], чеканившиеся в 194–195 гг. в Риме. Медальоны с титулами IMP IIII выпускались в 194 г. н. э.. К примеру, медальон из собрания Лео Бенца с изображением Виктории с венком и пальмовой ветвью на реверсе, был изготовлен после четвертой императорской аккламации Септимия Севера по случаю победы над Песценнием Нигером в феврале 194 г. Другие три сюжета с этим числом на реверсах медальонов представляют собой изображение Марса, сцену обращения императора к войскам и композицию из обнаженных фигур Геракла и Бахуса. Последний сюжет отсылает к божествам, особо почитаемым в Лептис Магна — родном городе как Септимия Севера, так и другого его соправителя — противника в борьбе за престол Клода Альбина, потерпевшего поражение в 197 г. (рис. 3, *1–4*; 4, *1–2*).

Тип изображения императора на аверсах медальонов находит полное соответствие в скульптурном портрете Септимия Севера из собрания Ватикана. Стертое изображение на доспехе представляет личину Медузы Горгоны, которая также есть и на бюсте Септимия Севера из этого собрания (рис. 4, *1*)[4].

Истоками подобной иконографии являются официальные портреты императоров в качестве полководцев-победителей эпохи Антонинов, скульптурные и в мелкой пластике. Этот тип изображения появляется на больших медальонах Адриана, на доспехе которого маска Горгоны отсутствует; особенно часто встречается на медальонах Марка Аврелия, где иногда бюст императора развернут влево; на медальонах Коммода эгида — личина Медузы Горгоны так же отсутствует[5]. Вероятно, использование на нашем медальоне типа изображения, восходящего к медальонам Марка Аврелия, можно рассматривать как косвенное указание на Септимия Севера в качестве преемника великого императора.

В то же время между рассмотренными выше медальонами и находкой из Борка 2 есть различия. Диаметры указанных медальонов колеблются в диапазоне от 38 до 43 мм, они относятся к разряду «больших» медальонов. Рязанский экземпляр меньше их почти на 10 мм, он входит в категорию «малых» медальонов. На близость к ней указывает и соотношение размеров надписи и изображения. Видимо, относительно более крупное написание букв не позволило мастеру поместить в титулатуру сокращение IMP, обязательное для указанных выше аналогов. Он передал его одной буквой I, после которой следует небольшой пробел и стоит цифра IIII. Пока это единственный известный нам случай. Лишь на одном из ме-

[3] В 194 г. н.э. Септимий Север получил титул императора во 2-й, 3-й и 4-й разы (на монетах и медальонах, соответственно, помещались IMP. II, IMP III и IMP IIII). В 195 г. он помещал на монетах и медальонах титулы IMP. V, IMP VI, IMP. VII (см.: RIC IV/I, 54). Следовательно, публикуемый медальон датируется 194 г. н.э. — прим. гл. редактора.

[4] Cohen 1930, 1–2, 16, 18, № 121, 132; Gnecchi 1912, II, 74–76, taf. 92, 10; 93, 1, 5, 8; 94, 4; Bastien 1994, 19, pl.75, 1; Lanz 2000: 9, № 36; Frœener 1878, 154, 156.

[5] Gnecchi 1912, II, 6, 10, 16–18, 22, 28, 30–31, 33–34, 37; taf. 39, 8; 45, 1; 50, 6; 52, 7; 55, 3, 5; 59, 10; 61, 2, 10; 62, 9; 64, 5, 7; 66, 6; 71, 1; 86, 1, 9, 10; 88, 7; 89, 1.; Kent, Obeveck, Stylow 1973; taf. 345, 367; Абрамзон 1995, 184–190, илл. 20.

дальонов Септимия Севера с другим типом изображения — голова императора в венке — присутствует легенда L SEPT SEV PERT AVG IMI IIII[6].

Отсутствие полной титулатуры достаточно характерно именно для малых медальонов. В частности, на нескольких медальонах Септимия Севера встречены легенды: L SEPT SEVERVS PIVS AVG, L SEPTIMVS SEVERVS PERTINAX AVG и другие варианты. На большом медальоне 195 г. этого же императора титулатура также сокращена — L SEPTIMVS SEVERVS PERTINAX AVG PIVS [7]; но во всех этих случаях IMP отсутствует.

Таким образом, по сочетанию типа изображения, легенды и размеров медальон из могильника Борок 2 следует считать редким вариантом медальонов императора Септимия Севера.

Погребение, откуда происходит медальон, было совершено по обычному для рязано-окских финнов обряду трупоположения в грунтовой яме с отвесными стенами. Часть ее в области ног была разрушена. Костяк погребенного лежал вытянуто на спине (рис. 5, *1*). На остатках черепа располагались бронзовые обоймы в виде стилизованных головок птиц и пряжка, входившие в состав ременной гарнитуры (рис. 5, *6*). В области шеи и верхней части грудной клетки — массивная серебряная гривна с крючком в виде сегмента и крупным граненым кольцом — приемником и обычные для рязанских финнов небольшие кольцевые застежки-сюльгамы (рис. 5, *2–3, 5*) Ниже найдена крупная массивная серебряная крестовидная фибула, на пояснице расчищен наборный пояс, состоявший из массивной серебряной пряжки, противостоящей пластины и наконечника узкого ремня (рис. 5, *4, 8*). Вся поверхность ремня покрыта серебряными выпуклыми прямоугольными накладками с крупными шпеньками с полусферическими головками. У пояса находились нож в ножнах и короткий однолезвийный меч — лангсакс с рукоятью, обернутой толстым серебряным листом, и ножнами, скрепленными серебряными пластинчатыми обоймами и серебряной прямоугольной бутеролью (рис. 5, *10–11*). Здесь же найдены железная пряжка от второго пояса, и, вероятно, находившиеся в поясной сумочке железное кресало и медальон (рис. 5, *7, 9*).

Детали ременной диадемы, украшенные стилизованными изображениями птиц, уже были рассмотрены автором в специальных работах. Все аналоги им сконцентрированы в древностях середины — третьей четверти V в., отождествляемых с различными группировками германцев на среднем течении Дуная (Мещ, Сигмундесберг, Виен-Леопольдау, Велика Бахта, Маритейя), на нижнем Рейне (Гондорф, Мальберг), отдельная находка известна в Южной Швеции (Сьюруп).

На территории Восточной Европы подобные детали найдены на острове Хортица, в Хмельне в Среднем Поднепровье, а также в п.5 Безводнинского могильника[8].

Появление ременных диадем у рязано-окских финнов может быть объяснено лишь непосредственными контактами в финале гуннского времени с представителями восточногерманского населения. Переработанные в местных традициях уборы этой конструкции получают дальнейшее развитие во второй половине V в.

---

[6] Cohen 1930, 13, №94.

[7] Cohen 1930, №№ 872, 919; Gnecchi 1912, III, 39, taf.152, №6; Gnecchi 1912, II, 5, №21, taf, 91, № 9.

[8] Ахмедов 2006, 157–164; Akhmedov 2007, 263–274.

как в среде рязано-окских финнов, так и представителей других групп поволжского населения.

Фибула относится к 12 серии рязано-окских крестовидных фибул, бытовавшей во второй половине V в. Эти фибулы являются специфической, характерной только для рязанских финнов, категорией украшений, указывающей на особое положение их владельцев. Наиболее ранние экземпляры появляются в конце IV в. Они представляют собой переработки Т-образных фибул Барбарикума. В течение V в. эти фибулы развиваются, увеличиваясь в размерах, отдельные образцы достигают длины 16 см, в начале VI в. выходят из обращения, лишь два экземпляра серий 8б и 9б происходят из комплексов второй половины VI — первой половины VII вв.[9]

Серебряная гривна по облику близка находкам серии золотых гривен в некрополе на Госпитальной улице в Керчи. Украшения подобных типов известны в варварских могилах в бассейне Дуная периодов D2 (Бржиза, Унтерзибенбрунн, Кестхей) и D2–D3–D3 по хронологическим разработкам Я.Тейрала для древностей Центральной Европы (Сегед-Надьзекшош и др.) и в Галлии в погребениях раннемеровингского времени (Пуан)[10].

Большой интерес представляет поясной набор. Он относится к вараварским переработкам римских воинских поясов. Для них характерно присутствие на свободном конце пояса противостоящей пластины, под которой закреплялся более узкий, чем сам пояс, ремешок, которым и застегивался пояс. Поясная пряжка принадлежит к экземплярам, распространенным в странах Средиземноморья и прилегающих регионах в середине — второй половине V века. Экземпляры с В-образной массивной рамкой в центральноевропейских древностях появляются в рамках хронологического горизонта D2–D3 по Я. Тейралу (находка в Сегед-Надьсекшош). Обоймы в виде овальной коробочки воспроизводят инкрустированные обоймы пряжек средиземноморского облика, распространяющиеся в империи и у варваров в гуннское время. Цельнолитые или изготовленные из листа и пластинчатого бортика обоймы должны были подчеркивать массивность пряжки, для этой же цели изготавливались крупные граненые язычки, а головки шпеньков крепления украшались полусферическими шляпками из серебряной фольги, закрепленными на свинцово-оловянистом сплаве. Бляшки-накладки, покрывавшие ремень сплошным полем, также изготовлены из тонкой фольги, в сечении имеют форму сегмента. И форма бляшек, и полусферические накладки также имитировали массивные прототипы.

Здесь нет возможности указать все параллели этому типу поясов. В рязано-окских древностях известна целая серия пряжек этого облика, из которых наиболее близка рассматриваемой находка из погребения «вождя» на могильнике у с.Никитино (п.191). В Верхнем Поднепровье весьма близок по составу поясной набор из городища Демидовка в районе Смоленска. К этому времени относится появление пряжек с массивными рамками и крупными гранеными язычками, в отдельных случаях со стилизованной головкой животного, с прямоугольной площадкой у основания язычка, имитирующей гнездо для вставки. В некоторых

[9] Ахмедов, Белоцерковская 1998, 105–122; Ахмедов 1998, 58–61; 2008, 7–27; 2010б, 105–137.

[10] Koch, Périn 2001, kat. 8, 1, 9,1, 27,1; Bona 1991, farbtaf. 23, 24; Засецкая 1993, кат. 79аб, taf. 24; кат. 276, taf. 55.

случаях эти язычки напаиваются на бронзовую пластину, крепящую язычок на пряжке. Пряжки этих серий близки образцам европейских типов, происходящим из погребений фаз D2/D3 и D3, наиболее роскошные встречены в погребениях в Апахиде, Блучине, Турне, Бюлле, Шамбли, Лувр-ан-Паризи[11].

Однолезвийный меч в серебряных ножнах является статусным оружием, образцы которого хорошо известны в погребениях варварской знати[12]. Этот вид клинкового оружия, часто называемый в литературе «schmalen Langsaxe», появляется в гуннское время и становится одним из наиболее распространенных в древностях Центральной и Западной Европы. На территории Восточной Европы серия таких клинков известна на черноморском побережье Кавказа, отдельная находка происходит с верхнего течения р. Дон. В памятниках западной части Среднего Поволжья также насчитывается более сорока однолезвийных мечей второй половины V — начала VI в., появление которых в составе набора оружия поволжских финнов связывается с центральноевропейскими культурными импульсами второй половины V в. Ножны меча относятся к варианту 1, характерному в погребениях рязано-окских финнов только для ранних находок — середины — третьей четверти V в.[13]

Железное кресало из рассматриваемого комплекса уникально для древностей рязанских финнов. Автору неизвестны такие находки и в ареалах других синхронных культур Центральной России. Многочисленные аналоги ему известны в памятниках Центральной Европы второй половины V — начала VI вв.[14]

Состав погребального инвентаря указывает на хронологическую позицию погребения в рамках середины — третьей четверти V в. и позволяет отнести его к периоду 3С, выделенному автором для мужских комплексов рязано-окских финнов. Этот период характеризуется большим количеством импортов, в первую очередь центральноевропейского облика, связанных с воинским обиходом. Появление целого массива инокультурных предметов — гривен, поясов, оружия и конского убора — связывается с непосредственным контактом местного населения с новыми группами переселенцев, появившимися в лесной зоне Центральной России после распада гуннской державы[15].

При исследовании социальной структуры рязано-окских финнов выяснено, что погребение из Борка 2 является самым «богатым» из известных синхронных воинских захоронений и вместе с еще одним комплексом из округи г. Шилово (№ 124, фонды Шиловского народного музея) относится к особой, четвертой, группе воинских погребений. Эти захоронения могли принадлежать людям, наделенным властными полномочиями, более высокими, чем у представителей группы 3 — вождей отдельных коллективов, погребения которых встречены на каждом из исследованных могильников[16].

---

[11] Ахмедов 2010б; Kazanski 1994; Айбабин 1990, рис. 37, 1,2; Koch, Périn 2001; Tejral 1997a, abb. 8; Périn 1995, fig. 10; Huet 1995, fig. 1:2.

[12] Погребения короля Хильдерика, знатных воинов в Пуане, Блучине, Зарагиже, Дюрсо, Цибилуме и др.

[13] Kazanski 2000, fig. 10, 9–10, 12–16; Ахмедов, Казанский 2004, 177, рис. 9, 8–9; Ахмедов 2007, 147–148;

[14] Werner 1962, taf. 56, 41; Tejral 1997b, fig. 17: 4; Menghin 1994/95, abb. 11; Bóna , Nagy 2002, taf. 18, 7; 29, 5; 30, 3; 37, 3; 40, 7, 46, 15; 50, 2.

[15] Ахмедов, Казанский 2004, 173–179; Ахмедов 2007, 151–152.

[16] Ахмедов 2007, рис. 30; Ахмедов 2010б, 109–110.

Комплексы этих двух погребений являются экстраординарными не только для рязано-окских древностей, но и для всех культурных групп поволжских финнов. Состав погребального инвентаря по категориям близок германским комплексам уровня 1б по Ф.Бирбрауэру, которые, по его мнению, «несколько» беднее «княжеских» захоронений Западной и Центральной Европы. В то же время комплекс 525 могильника Борок 2 по уровню приближается к «княжеским», отличаясь лишь отсутствием в нем золотых изделий. Золото вообще практически не известно в мужских комплексах рязано-окских могильников. Можно указать только на пару позолоченных обувных пряжек из погребения 110 могильника Борок 2. Роль престижного индикатора выполняло серебро, количество изделий из которого в середине V века резко повышается. В конце V века его начинают имитировать, большая часть деталей поясов с декором в виде стилизованных головок птиц изготовлены из цветных сплавов с последующим лужением оловом. Известны подобные случаи и в других регионах Восточной Европы. Так в комплексе из Обояни, входящем в один ряд с такими престижными «княжескими» комплексами как Круглица-Поршнино, Киевский клад и др., крупная гривна византийского происхождения изготовлена из медного сплава и позолочена.

Находки римских монет в рязанских древностях, как уже было указано, также чрезвычайно редки. В комплексах известна лишь одна фрагментированная монета (денарий) Антонина Пия в погребении первой половины V в., откуда происходят также крестовидная фибула и набор престижной узды с серебряными деталями[17].

Облик инвентаря элитных погребений рязано-окского населения свидетельствует о том, что в гуннское и постгуннское время эта группа поволжских финнов не просто была знакома с представлениями о внешних признаках социальной иерархии элиты зарождающихся «варварских» королевств, но и находилась в непосредственном контакте с носителями этой системы маркеров.

При реконструкции возможных направлений контактов рязано-окских финнов, результатом которых было появление столь значительного количества импортов центральноевропейского происхождения, важны следующие соображения.

В соседнем регионе в верхнем течении Дона изучена группа памятников, рассматриваемая исследователями как один из центров гуннского управления в Восточной Европе, в культуре населения которого наряду с другими ярко проявляются и восточногерманские черты. Известно здесь и погребение женщины высокого социального статуса, сопоставимое по инвентарю с захоронениями знатных женщин из среды гуннских федератов (Городище Мухино 2). Возможно, часть «престижных» предметов и представления о статусных категориях вещей могли поступать к населению среднего течения р. Оки через этот центр. Об этом косвенно свидетельствуют отдельные находки рязано-окского облика, сделанные на этих памятниках[18].

Однако в указанной группе памятников отсутствует многие характерные для периода ЗС рязанских финнов категории находок, связанные с поясными гарнитурами с декором в виде птичьих голов, а также такими деталями убора как гривны типа «Мамекино», фибулы серии «Пильвины-Вилконис» и др. В этом контексте более продуктивным представляется исследование другого направления контак-

[17] Akhmedov 2002, 11–30.

[18] Обломский 2004,163–166; Гавритухин, Обломский 2007, 77–79, 92.

тов, ведущее в верхнее Поочье и Верхнее Поднепровье. На связь этих территорий со Средним Поочьем указывал еще А. К. Амброз. Это предположение, основанное на близости предметов поясного убора из находок на Средней Оке и Верхнем Поднепровье (Демидовка, Хотыща), в настоящий момент получило дополнительные аргументы. Они связаны с новыми находками в Среднем и Верхнем Поочье и Верхнем Поднепровье деталей поясных уборов «верхеднепровской ювелирной школы» по А. К. Амброзу. В Верхнем Поочье это еще и новые находки крестовидных рязано-окских фибул и выявленная в этом регионе серия самобытных фибул, представляющих собой переработки фибул серии «Вилконис — Пильвины», изготовленных под влиянием рязано-окской традиции[19].

Для дальнейшего исследования проблемы следует определить место медальонов и монет в системе признаков социальной иерархии в сообществах варваров Центральной Европы в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов.

Медальоны в Барбарикуме начинают широко распространяться в середине — второй половине III в., когда германцы входят в сферу политического влияния Римской империи, что ярко представлено в инвентаре среднеевропейских погребений горизонта Лейна-Хасслебен-Закшув. В них захоронены представители германской элиты, так или иначе связанные с римской армией. Эти медальоны представлены золотыми экземплярами. По подсчетам А. Бурше, медальоны, выпущенные в 220–268 гг., имели достоинство от 2 до 4 ауреусов, с 294 по 430 гг. — от 2 до 40 солидов, а одно из подражаний медальону Валента соответствовало 72 солидам. Эти предметы были своего рода статусными украшениями, которые представители варварской элиты получали от имперского двора в качестве даров или наград. В Восточной и Юго-Восточной Европе подобные находки сосредоточены на Волыни, где связаны с готскими центрами власти и Семиградье, на территориях гепидов[20].

В погребениях черняховской культуры также известны подвески, изготовленные из римских монет. Б. В. Магомедов указывает, что они использовались в качестве украшений и более характерны для юго-западных регионов ареала черняховской культуры. Преимущественно это серебряные денарии II в. Есть две находки золотых монет-подвесок — Аврелиана в кладе из Грушевицы (Буковина) и Констанция II в п.39 могильника в Бырлад-Валя Сяке; известны подвески, изготовленные из антонианов Галлиена (Вильшанка, Петрикивцы), Констанция II (Лецкань), Юлиана Апостата (Могошань) и из бронзовых монет — чеканки Виминациума сер. III в., Требониана Галла (Малополовецкое), времени Константина (Могошань)[21].

Традиция ношения золотых монет в качестве медальонов жила в среде элиты ранних «варварских» королевств и в более позднее время. В знаменитом погребении короля Хильдерика в Турне было около трехсот серебряных и золотых римских монет, причем золотые монеты чеканены в диапазоне от Федосия II до Зенона (408–491 гг.). Часть их имела отверстия, а в одном случае ушко для под-

[19] Амброз 1970, 70–74; Фурасьев 2000, 24–25; Ахмедов, Казанский 2004, 175–176; Ахмедов 2008, 15–16.

[20] Burcshe 1999, 123–127, 160, 179, 207–209, 217–219; Щукин 2007, 363; Козак 1999, 80–93.

[21] Магомедов 2001, 73.

вешивания[22]. В погребении знатной дамы из собора в Кельне в состав ожерелья входило семь золотых медальонов с ушком, сделанных из солидов Валентиниана I (2 экз.), Гонория, Анастасия I (3 экз.), Юстина I, а на отдельной золотой цепи был подвешен медальон, изготовленный из солида Феодосия II. Это погребение, совершенное между 530–540-ми гг. или во второй четверти VI в. в целом[23], некоторые исследователи связывают с Визигардой, дочерью лангобардского короля Вахо, второй женой короля Австразии Теодеберта I.

К этому же времени относятся женские погребения с золотыми медальонами, изготовленными из солида Феодосия I, подражания солиду Зенона (п. 80) и триенса Зенона (п. 84)[24] в тюрингском могильнике в Веймаре

Для второй половины VI в. существует описание Григорием Турским показанных ему королем Хильпериком I золотых медальонов императора Тиберия Константина весом в фунт каждый, выпущенных по поводу восшествия на престол в 578 году. Они были привезены Хильперику в 581 году вместе с другими дарами вернувшимся из Константинополя франкским посольством (Григорий Турский 1987, кн. VI, 2. с. 158–159)

Подобный золотой медальон Анастасия I, изготовленный в конце V — начале VI вв., входил в состав клада, найденного предположительно в Сирии. Он носился на цепи сложного плетения с застежкой, в которую были вставлены солиды Зенона и Анастасия. Выпадение клада относится к середине — второй половине VI в. по находке в его составе солидов Юстиниана I, вмонтированных в застежку другой цепи[25].

Медальоны из римских золотых монет использовались в Западной Европе еще достаточно долго: в п.9 могильника Ниденштейн — Киршберг в северном Гессене, датируемом концом VII — началом VIII вв., найден медальон с отломанным ушком, сделанный из солида Магненция (350–353 гг.)[26].

У лангобардов в Среднем Подунавье, в Северной Европе и особенно широко в Скандинавии в последние десятилетия V в. роль таких медальонов начинают выполнять брактеаты, на которых прототипы — изображения императоров на римских медальонах — перерабатываются в соответствии с языческими германскими представлениями[27].

Из воинских элитных комплексов с медальонами и монетами эпохи Великого Переселения народов и раннемеровингского времени, близких по времени погребению из могильника Борок 2, происходят следующие находки. В среднем течении р.Дунай и его притоков, на остатках дунайского лимеса и в сопредельных районах: медальон, изготовленный из солида Валенса 375 г. в погребении германского вождя в Попрад-Матейовице в Словакии; варварское подражание солиду Феодосия II 443 г.в воинском погребении в Эрмихальве в Семиградье; денарий Тита в воинском погребении в Тиссалек; золотые солиды Феодосия II в погребении в Шексард, в Бине, Каполнок-Моностор и Шароспетак-Вегардо в Венгрии,

[22] Périn, Kazanski 1996, band I, 173–182, abb.131.

[23] Wieczorek, Périn, Welck, Menghin 1996, band I. 216–218, abb. 153; band II, katalog. VI. 2. 4. k, t. 932–933.

[24] Menghin 2007, kat. V.3.11, 5–6; V.3.13.5, 397, 400.

[25] Ross 1962, cat. №179A; Засецкая 2010, 133, 137, табл. 3, 4–6.

[26] Wieczorek, Périn, Welck, Menghin 1996, band II, katalog. V.5.24, d. 918.

[27] Werner 1962, taf. 7, 6–9; 42, 3–4;47, 1–2; Axboe 2004.

а также в погребении воина в Змаевац в Хорватии. Весьма интересна и показательна находка клада в Старчево в западном Банате в округе Сингидунума. В его состав входили статусные вещи: золотые монеты и медальоны, три золотых римских фибулы с луковичными головками, золотые гривна и серьги, а также серебряное блюдо. Многочисленны находки золотых солидов и медальонов из них известны на австрийском участке лимеса[28].

На рейнском лимесе и прилегающим к нему территориях можно указать на воинские погребения: в Хаммельбурге, в Баварии с двумя серебряными монетами Феодосия I и Феодосия II; в Вольфсхайме в Висбадене с солидом Валенса; с серебряной монетой римской республики в п.9 могильника Флонхайм; с солидом Льва I в п.1 могильника Планиг в Пфальце; с золотыми подражаниями солидам Анастасия I в погребениях воинов 1782 и 2091 могильника Крефельд-Геллеп в Нордрейн-Вестфалии; с бронзовой монетой или медальоном Флавия Валерия Севера 305–307 гг. в погребении 13 могильника Хайло в Бельгии. Триенс Зенона был найден в п.319b могильника Лавуа в Лотарингии, из п.194 этого же могильника происходят две серебряных монеты (Валентиниана и Юстина I, равеннской чеканки Теодориха) и золотой солид Юстина. Триенс Зенона был обнаружен в п.68 могильника Шарлевилль-Мезье в Арденнах. Из находок на других территориях можно упомянуть золотой медальон с ушком, сделанный из солида Феодосия II, который входил в состав богатого погребения в Эвебо в Норвегии[29].

Приведенный выше краткий обзор показывает, что наличие в воинских комплексах монет и медальонов характерно для групп «варваров», находившихся в непосредственной близости к границам Империи или занявших ее бывшие территории. Для нашей темы важно и то, что наряду с золотыми монетами используются и серебряные, и бронзовые, причем длительное время (денарий Тита в Тиссалек и бронзовая монета или медальон Флавия Валерия Севера в Хайло). Эти факты свидетельствуют о том, что медальон Септимия Севера, найденный на р. Оке, мог долгое время использоваться на границах Империи, судя по найденным вместе с ними вещам, скорее всего в районах дунайской и южного отрезка рейнской части рейнского лимеса. Эта находка на фоне достаточного большого массива центральноевропейских импортов, найденных на Средней Оке, дает дополнительные аргументы в пользу гипотезы о присутствии в лесной зоне Центральной России групп переселенцев из районов Среднего и Верхнего Дуная.

Совершенно неожиданным образом тема использования медальонов рязано-окскими финнами получила развитие в материалах, связанных с финальной фазой этих древностей. Во время полевых работ 2009 года на городище у с.Терехово, расположенном в нескольких километрах к СЗ от могильника Борок 2, в культурном слое первой половины VII в. был обнаружена необычная находка. Это круглый односторонний медальон размерами 2,9 х 2,8 см, отлитый из цветного сплава. На лицевой стороне изображен бюст мужчины, развернутый вправо. Достаточно хорошо прослеживаются голова с венком на волосах, лицо и борода,

[28] Pieta 2009, 107–122, abb.12; Menghin 1983, кат 6, 186, кат. 21; Bona 1991, taf. 27, 31, 33, farb. taf. 33; Méri 2000, 121, abb.7, 5.; W.Menghin, T. Springer,E. Wamers 1988, 302–303, kat. V,13, taf.21 taf. 37–39; Bugarski 2008, 40, fig.2;

[29] Menghin 1983, kat. 21, 196, kat. 22, 198, kat. 26, 202, kat. 44, 216, kat. 46, 218, kat. 51, 220–221, kat. 56, 224–225, кат. 68, 231; Koch, Périn 2001, cat. 15, 10.

шея и грудь сохранились хуже. Под изображением бороды видно пятно коррозии. По краю проходит плоский рельефный валик, покрытый кавернами — дефектами некачественной отливки. Над головой изображения просверлено отверстие, вокруг которого видны кольцевые риски, смещенные влево и вниз, вероятно, повреждения поверхности лицевой части медальона в процессе ношения. Края отверстия скошены внутрь, что свидетельствует о том, что медальон, скорее всего, был односторонним. Левый нижний край его обломан. На обороте видны следы абразива, которым заглаживали дефекты отливки и углубления с пятнами коррозии внутри, вероятно, вызванные нехваткой металла при отливке медальона.

Судя по всему, медальон был изготовлен по оттиску в открытую форму. Анализы металла, проведенные экспертом Государственного Исторического музея А. Будниковым методом рентгено-флюоресцентного анализа, по основным элементам показали следующее сочетание: лицевая сторона — Pb — 84.19, Sb — 11.31, Sn — 4.50; боковая сторона на сломе — Pb — 83.60, Sb — 11.43, Sn — 4.97; оборотная сторона — Pb — 83.46, Sb — 10.97, Sn — 5.57. Состав сплава не типичен для изделий из оловянисто-свинцовых сплавов лесной зоны Центральной России третьей четверти I тыс. По данным Е. Ю. Тавлинцевой для серии находок этого времени из полностью изученного автором Никитинского могильника характерны сплавы на основе олова с содержанием свинца от 6 до 44%, содержание сурьмы колеблется от 0.01 до 0.2. Близкая картина получена и для изделий из оловянистых сплавов из двух кладов круга так называемых «древностей антов», найденных у с. Гапоново и у с. Великие Будки. Данные проведенных А. М. Будниковым анализов четырех изделий из свинцово-оловянистых сплавов, найденных в составе клада круга «древностей антов» с Елшинского (Чортово) городища Пронского района Рязанской области весьма близки вышеуказанным[30].

Совпадение размеров, формы и изображения позволяет предположить, что первоначальной моделью для отливки экземпляра из Терехово был медальон, обнаруженный в могильнике Борок 2. В процессе дальнейшего использования формы или оттисков реплик, легенда была утрачена, а точечный ободок превратился в плоский валик.

Медальон связан со слоем гибели городища в пожаре середины VII в. н.э. К этому времени относятся находки фрагментов костяков погибших людей, различных предметов личного убора, наконечников стрел, ошлакованной в пожаре керамики. После этой катастрофы жизнь на городище возобновилась лишь в IX–X вв.[31]

Эта уникальная находка позволяет предположить, что на протяжении почти двухсот лет реплики с попавшего на р.Оку римского медальона входили в убор представителей элитной группы рязано-окских финнов. Этот факт позволяет выдвинуть предположение, что идеи «Imitacio Imperii», воплощенные в системе внешних признаков социальной иерархии знати зарождающихся «варварских» королевств Центральной и Западной Европы, не только были знакомы местному населению, но и стали составной частью его идеологии.

---

[30] Любезное сообщение Е. Ю. Тавлинцевой, эмиссионно-спектральный анализ выполнен аналитиком А. Н. Егорьковым в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН; Горюнова 1992, 135; Егорьков, Щеглова 2000, 55–61.

[31] Ахмедов 2010в, 13–14, рис. 11–12.

Рис. 3. Медальоны Септимия Севера с титулом IMP. IIII (по Gnecchi 1912, II)

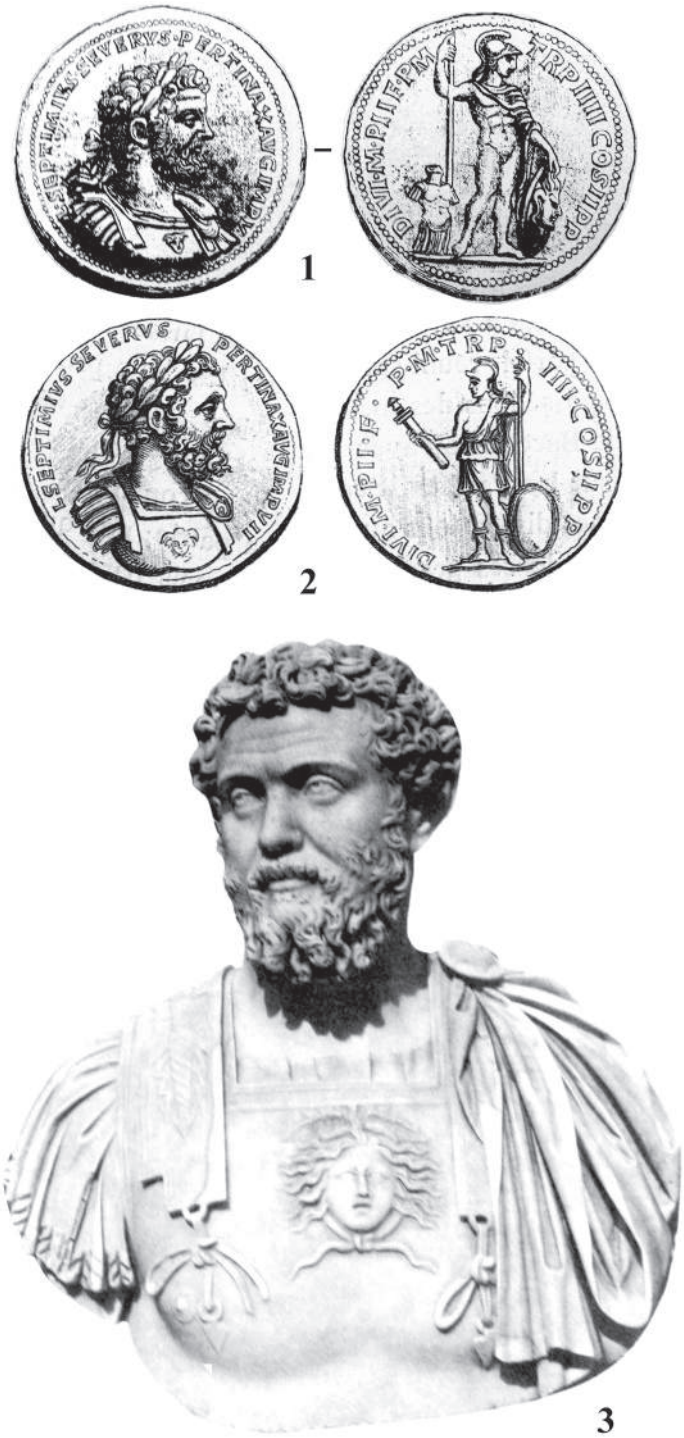


Рис. 4. *1, 2* — медальоны Септимия Севера с титулами IMP. V и IMP. VII (по Frœener 1878); *3* — бюст Севера в лорике с эгидой на груди (по Bastien 1994)

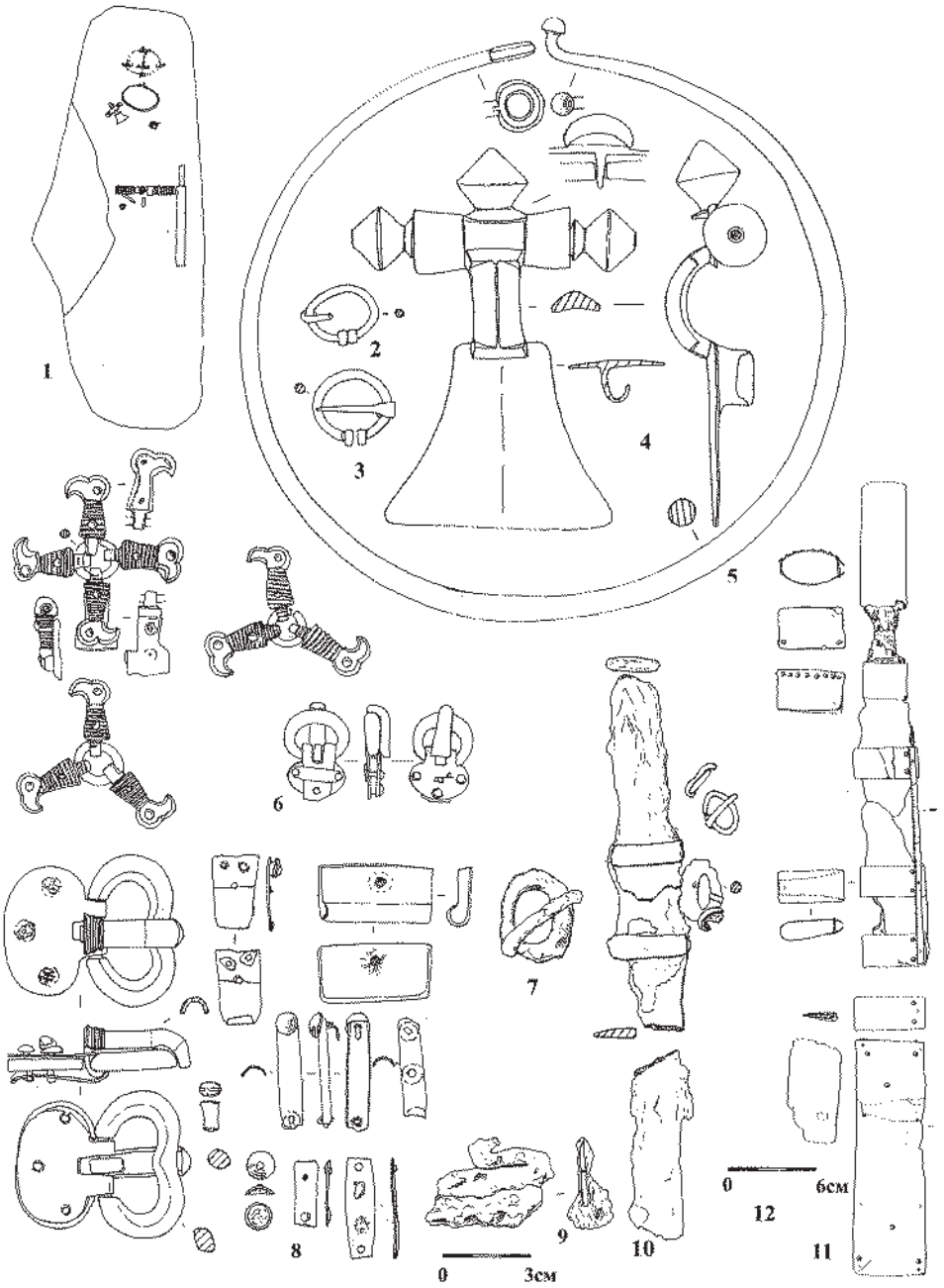


Рис. 5. Погребение 525 могильника Борок 2. 1 — План погребения по рисунку А. Н. Гаврилова и А. П. Гаврилова, 2–3 — застежки-сюльгамы, 4 — фибула, 5 — гривна, 6 — гарнитура головного убора, 7 пряжка, 8 — поясной убор, 9 — кресало, 10 — нож, 11 — однолезвийный меч в ножнах, 12 — масштаб к № 11. 2–5 — белый металл, 7,9 — железо, 10 — бронза, железо, 11 — железо, белый металл, 8 — белый метал, оловянно-свинцовый сплав, 6 — белый металл, кожа. 2–11 — рисунок с оригинала.

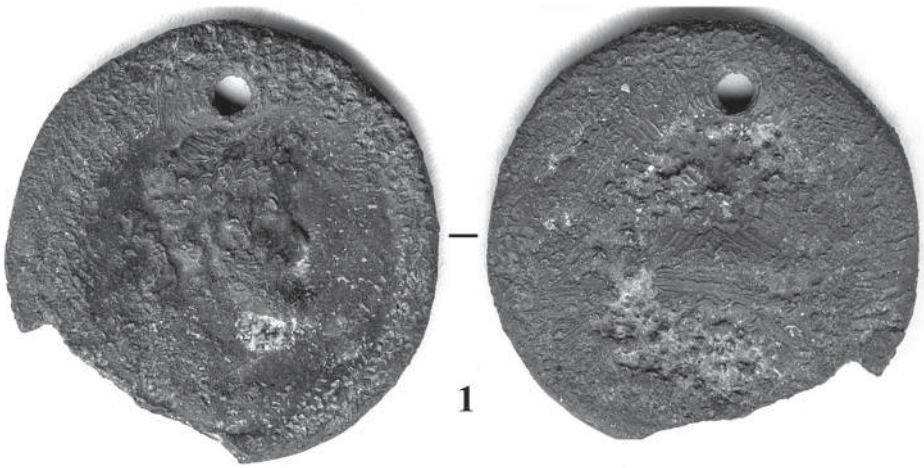


Рис. 6. Медальон, найденный на городище Терехово. Сплав на основе свинца

Рис. 7. Медальон из погребения 525 могильника Борок 2

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г. 1995: Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.

Айбабин А. И. 1990: Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I.

Амброз А. К. 1970: Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. МИА, 70–74.

Ахмедов И. Р. 1998: Рязано-окские крестовидные фибулы // Исследования П. Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы научной конференции. Саранск, 58–61.

Ахмедов И. Р. 2006: Крестовидные диадемы в Восточной Европе в эпоху Великого Переселения народов // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов/ Р. Д. Голдина (ред.). Ижевск, 157–164.

Ахмедов И. Р. 2007: Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. // Раннеславянский мир / И. О. Гавритухин, А. М. Обломский (ред.). Вып.9, 137–185.

Ахмедов И. Р. 2008: Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи Римских влияний и Великого переселения народов / А. М. Наумов (ред.) Тула, 7–27.

Ахмедов И. Р. 2010а: «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в.н.э. // РА. 1, 26–37.

Ахмедов И. Р. 2010б: К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин (ред.). Тула, 105–137.

Ахмедов И. Р. 2010в: Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (К современному состоянию вопроса) // Раннеславянский мир. 13, 7–34.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. 1998: О месте фибул в рязано-окских могильниках. Постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья / В. П. Челяпов (ред.). Вып. 7, 105–122.

Ахмедов И. Р., Казанский М. М. 2004: После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова / В. М. Горюнова, О. А. Щеглова (ред.). СПб, 168–202.

Ахмедов И. Р.: Короткие однолезвийные мечи из Никитинского могильника // Germania-Sarmatia / О. А. Радюш (отв. ред.). Вып. 2. Калининград; Москва. (в печати.)

Гавритухин И. О., Обломский А. М. (ред.) 2007: Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып.9. М.

Горюнова В. М. 1992: Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические Вести. Вып. 1. СПб, 126–140.

Егорьков А. Н., Щеглова О. А. 2000: Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // Археометрія та охорона культурноі спадщини / В. П. Дудкин (ред.). Вип. 4. Киев, 55–61.

Засецкая И. П. 2010: Михаэльсфельд — эталонный памятник раннего средневековья. (К вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // Археологический сборник. Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Я. В. Доманского/ А. Ю. Алексеев (ред.). Вып. 38. СПб, 123–159.

Засецкая И. П. 1993: Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. III, 23–109.

Козак Д. Н. 1999: Готьски скарби Волині початку раннього середньовіччя // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Европі в I тисячолітті н.э. / Р. В. Терпиловський (ред.). Киев; Львов, 80–93.

Кропоткин В. В. 1961: Клады римских монет на территории СССР. М.

Магомедов Б. 2001: Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica). *Tom I.* Lublin.

Обломский А. М. 2004: Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени // Раннеславянский мир. 6. М.

Фурасьев А. Г. 2001: О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи Великого переселения народов // Сообщения Государственного Эрмитажа. LIX СПб., 24–27.

Щукин М. Б. 2007: Готский путь. СПб.

Akhmedov I. 2007: “Cross-like diadems in the Great Migration epoch (Preliminary Communication) // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Spisy Archeologického Ústavu AV ČR / J.Tejral (hrsg.) Brno. 26, 263–274.

Akhmedov I. R. 2002: Cheek-pieces and elements of harness with zoomorphic decoration in the Great Migrations period // Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonaurum. Spisy Archeologickйho Ŭstavu AV ČR / J.Tejral (hrsg.) Brno. 19, 11–30.

Axboe M. 2004: Die Goldbrakteaten der Völkerwanderugszeit-Herstellungsprobleme und Chronologie. Berlin; New York.

Bastien P. 1994: Le Buste monétaire des empereurs romains. Vol. III. Wetteren.

Bóna I. 1991: Das Hunnen reich. Stuttgart.

Bóna I., *Nagy M.* 2002: Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet. I. Budapest.

Bursche A. 1998: Złote medaliony rzymskie w Barbaricum. Symbolika prestiżu i władzy społeczeństw barbarzyńskch u schyłku starożytności. Warszawa.

Cohen H. 1930: Description historique des monnaies frapées sous l’empire romain communément appelées médailles inpériales. Continuée par Feuardent. Deuxième édition. 4. Leipzig.

Frœener W. 1878: Les médaillons de L’Empire romain depuis le regne d’Auguste jusqu’a Priscus Attale. Paris.

Gnecchi F. 1912: I medaglioni Romani. I–III. Milano.

Huet Ch. 1995: La tombe de chef mérovingien de Louvres. // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / F.Vallet, M.Kazanski (éds.). Condé-sur-Noireau, 303–308.

Ivanišević V., *Bugarski I.* 2008: Western Banat during the Great Migrations Period. In The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman period and the Migration period. Monumenta Studia Gothica / B.Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuszciewicz, S. Sadowski (eds.) T. V. Lublin, 39–61.

Kazanski M. 1994: Les plaques-boucles mediterraneenns des Ve-VIe siecles // Archeologie medievale, 24. 137–198.

Kazanski M. 2000: La zone forestière de la Russie et l’Europe centrale à la fin de l’époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserziet und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa./ M. Mączyńska, T. Grabarczyk (hrsg.) Lodz, 406–459.

Kent J. P. C., *Obeveck B.*, *Stylow A. U.* 1973: Die Römishe münze. München.

Koch U., *Périn P.* (eds.) 2001: L’Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle aprè J.-C. Exposition du 27 septembre 2000 au 8 janvier 2001 au musée desAntiquités Nationales. Paris.

Lanz H. (hrs.) 2000: Auktion 100. Sammlung Leo Benz. Numizmatik Lanz München.

Menghin W. 1983: Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart.

Menghin W. 1994/1995: Swhwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte // Acta Praehistorica et Archaeologica. 26/27, 140–191.

Menghin W. 2007: Эпоха Меровингов — Европа без границ. Каталог выставки. Berlin.

Menghin W., Springer T., Wamers E. (hrsg.) 1988: Germanen, Hunnen und Awaren. Schatze der Volkerwanderungszeit. Katalog. Nurnberg.

Méri I. 2000: Hunkori leletek Tiszalök-Rázompusztáról // Communicationes Archæologie Hungariæ, 109–122.

Périn P. 1995: Les tombes de “ chefs ” du début de l’époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / F.Vallet, M.Kazanski (éds.) Condé-sur-Noireau, 247–301.

Périn P., Kazanski M. 1996: Das Grab Childerichs I // Die Franken — Les Francs / A.Wieczorek, P.Périn, K. von Welck *und W.* Menghin (hrsg.). I. Mainz, 173–182.

Pieta K. 2009: Das germanische Fürstengrab aus Poprad-Matejovice/ Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1 / Jahrtausend n. Chr. In Mittel- und Nordeuropa/ U. Von Freeden, H. Friesinger, E. Wamers (hrsg.). Bonn, 107–122.

Ross M. C. 1962: Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 1. Washington.

Tejral J. 1997b: Neue Aspekte der Fruchvolkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beitrage zur Erforschung der Spatantike im mitteltren Donauraum / J.Tejral, H.Friesinger, M.Kazanski (éds.). Brno, 321–392.

Tejral J. 1997a: Les fédérés de l’Empire et la formation des royaumes barbares dans la region du Danube moyen à la lumière des données archéologiques // Antiquités Nationales. 29, 137–166.

Werner J. 1962: Die Langobarden in Pannonien . München.

Wieczorek A., Périn P., Welck K., Menghin W. (hrsg.) 1996: Die Franken — Les Francs. Band I–II. Katalog. Mainz.

SEPTIMIUS SEVERUS MEDALLION FROM THE OKA AREA

I. R. Akhmedov

The article deals with a bronze medallion of Septimius Severus found in the burial ground in the Borok 2 Necropolis. The medallion is dated to AD 194. The necropolis belonged to Ryazan-Oka Finns who lived in Ryazan area of the Oka in the early 7th century AD. The grave goods testify that the dead man was of the highest social status in the local hierarchy. The medallion is undoubtedly the subject of prestige. The majority of artefacts found together with the medallion also came into central Russia from Central Europe due to the cultural impulse in Central Europe of the late 5th century preceded by the collapse of the Huns Empire. Central Russia forest zone boasts the only find of the kind that, alongside prestigious adornments, weapons, and bridle, bears witness to the local population familiarity with “Imitacio Imperii” ideas of Central and West European culture during Great Migration and in the early Middle Ages. The medallion also testifies that the Finns of the Ryazan-Oka area to some extent adopted the idea of “Imitacio Imperii”.

Key words: Rome, medallion, Septimius Severus, Finns.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК • 2011

© 2011

О. М. Ворошилова

ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С МОНЕТАМИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

В статье впервые публикуется одно из наиболее ярких погребений позднеантичного времени некрополя Фанагории, исследованное в 2010 г. В работе приводится краткая характеристика погребального сооружения и положения погребенного в могиле. Автор анализирует погребальный инвентарь и выдвигает предположение о возможной принадлежности данного круга древностей новым этносам, населявшим территорию столицы Азиатского Боспора в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Фанагория, некрополь, погребальный обряд, эпоха Великого переселения народов.

Среди значительного числа исследованных погребений фанагорийского некрополя особый интерес вызывают относительно немногочисленные комплексы позднеантичной эпохи, которые представлены как погребениями в грунтовых ямах (простых или с подбоями), так и земляными склепами. Как правило, эти захоронения сопровождаются довольно представительным набором погребального инвентаря, что дает возможность не только детально разработать их хронологию, но и попытаться определить их место среди древностей Восточной Европы эпохи Великого переселения народов. Для реализации обозначенных задач необходимо оперировать всей серией фанагорийских погребений этого времени. Незначительная их часть стала известна исследователям уже довольно давно[1], многие комплексы опубликованы совсем недавно[2]. Однако большая часть позднеантичных захоронений Фанагории до сих пор неизвестна широкому кругу исследователей, что придает особую значимость публикациям новых комплексов из некрополя столицы Азиатского Боспора.

Данная работа призвана ввести в научный оборот яркое погребение, обнаруженное при исследованиях Восточного некрополя Фанагории в 2010 г.[3] Погребение 142 представляло собой грунтовое захоронение в могильной яме подпрямоугольной формы ориентированной длинными сторонами по линии запад-восток (рис. 1, *1*). Ее длина составляла 2,10 м, ширина 0,43–0,56 м (расширяется к вос-

Ворошилова Ольга Михайловна — аспирантка отдела классической археологии Института Археологии РАН. E-mail: helga-mir@yandex.ru

[1] Блаватский 1941, 44–48; Кобылина 1956, 85–87; Марченко 1956, 122–127; Коровина 1967, 132.

[2] Медведев 2007, 224–229; 2009а, 180–185; 2009б, 167–182; 2009в, 237–248; 2009г, 146–170.

[3] Кузнецов 2011.

току), дно зафиксировано на глубине около 2,67 м от современной поверхности. Вдоль длинных сторон могилы сохранились фрагменты древесного тлена длиной 1,62–1,68 м. Отпечатки древесины обнаружены также в западной части могильной ямы. Над скелетом прослежены и остатки органического тлена в виде ворса темно-коричневого цвета. Погребенная в возрасте ок. 30 лет женщина[4], лежала на спине, вытянуто, головой на восток, руки расположены вдоль тела, ноги параллельны. Под скелетом плохой сохранности зафиксированы следы того же органического тлена, что и над ним. У восточной стенки могилы, за головой погребенной, располагались: краснолаковое блюдо (рис. 2, *1*), на котором стояла краснолаковая тарелка (рис. 2, *2*) и небольшой сероглинянный лощеный горшок (рис. 2, *3*), к северу от блюда был поставлен сероглинянный кувшин с зооморфной ручкой (рис. 2, *4*). В области шеи найдено 5 рубчатых пронизей из золотой фольги, каждая состоит из трех трубочек (рис. 2, *5*), здесь же находились 4 цилиндрические пронизи глухого светлого стекла (рис. 2, *6*). У правого и левого плеча лежало по одной двухпластинчатой фибуле (рис. 2, *7, 8*). У правого предплечья чуть выше тазовой кости компактно располагалось скопление мелких вещей из бронзы (рис. 3, фото): две монеты, обе с отверстием (рис. 1, *3, 4*); фибула (рис.3, *1*); головка еще от одной фибулы (рис. 3, *2*); подвеска в виде диска с 13 сквозными отверстиями (рис. 3, *3*); колокольчик (рис. 3, *4*); колечко (рис. 3, *5*); подвеска-амулетница (рис. 3, *6*); пронизи (рис. 3, *7*). Здесь же найдено три маленькие раковины морских моллюсков — 2 каури (*Cypraea)*, 1 ропан (*Rapana venosa*) с отверстиями для подвешивания (рис. 3, *9*); железный предмет, сплетенный из круглых в сечении колечек (рис. 3, *8*); 56 бусин, среди которых подвеска из глухого черного стекла в виде кувшинчика с зигзагообразным орнаментом, которая относится к бусинам из многоцветного стекла, тип 327 по Е. М. Алексеевой[5] (рис. 3, *10*), две глазчатые бусины, янтарная бочковидная бусина, сердоликовая четырнадцатигранная бусина, костяная амфоровидная подвеска и другие стеклянные бусы (рис. 3, *11*).

Исследованное захоронение принадлежит к относительно немногочисленной группе позднеантичных погребений некрополя Фанагории. Основным датирующим материалом являются находки бронзовых монет Феодосия I (379–395 гг.) [6]. В позднеантичных захоронениях монеты встречаются не часто. Так, из 68 погребений IV–V вв. открытых в Фанагории, только 8 содержали монеты и лишь в одном публикуемом нами, монеты имели отверстия. По-мнению М.Г. Абрамзона римские монеты с отверстием для подвешивания были широко распространены в некрополях Северного Причерноморья, что свидетельствует о демонетизации части римской меди. Автор отмечает, что монеты с отверстиями обнаружены за редким исключением только в детских и женских погребениях, при этом они являлись либо обычным элементом погребального обряда («оболом Харона»), либо использовались только в качестве украшений[7]. Вероятно, в данном конкретном случае мы имеем дело с использованием монет именно в качестве украшений, о чем свидетельствует их расположение в скоплении бус.

---

[4] Антропологические определения д.и.н. М. В. Добровольской.
[5] Алексеева 1978, 52, табл. 31, *68*
[6] Нумизматические определения д.и.н. М. Г. Абрамзона.
[7] Абрамзон 2011, в печати.

При датировке погребального комплекса одним из самых надежных (после монет) ориентиров являются фибулы (рис. 2, *7, 8*; 3, *1*). В погребении найдено два типа фибул. У правого и левого плеча обнаружены двупластинчатые бронзовые фибулы, которые относятся к варианту I ББ по А.К. Амброзу[8] (рис. 2, *7, 8*). Двупластинчатые фибулы с полукруглой головкой и вытянутой ромбической ножкой являются признаком фазы D_1 системы хронологии Центральной Европы[9]. Такие фибулы характерны для IV — начала V в.[10] В области правой лучевой кости находилась бронзовая двучленная прогнутая подвязная фибула, которая принадлежит 3 варианту по классификации А.К. Амброза[11] (рис. 3, *1*). Здесь же найдена головка, очевидно, от подобной фибулы (рис. 3, *2*).

Относительно такой категории инвентаря как посуда, хотелось бы отметить определенную особенность сочетания ее разных видов в данном захоронении. Наряду с понтийской краснолаковой керамикой, характерной больше для греческого погребального обряда, в погребении присутствует сероглиняная лощеная (рис. 2, *3, 4*). Особый интерес представляет кувшин с зооморфной ручкой (рис. 2, *4*). Подобные кувшины ранее встречались в позднеантичных погребениях некрополя Фанагории[12]. Зооморфный декор ручек сосудов характерен для керамических традиций Боспора I — начала V в. н.э. Такие ручки целиком выполнены в виде фигурки животного или имеют отдельные элементы декора, указывающие на то, что ручке придавался облик тела животного[13]. В данном случае перед нами изображение птицы. Похожие формы известны на территории Нижнего Дона, в частности в некрополе Кобякова городища, но в основном это более ранние сосуды II–III вв. н.э.[14] Ближайшая аналогия кувшину происходит из погребения 11/2 некрополя, расположенного в урочище Сююрташ в Крымском Приазовье[15]. Такого рода керамические изделия характерны для конца IV — начала V вв. и часто встречаются в позднесарматских погребениях[16].

В погребении помимо керамики, монет, фибул и бус были обнаружены украшения, которые, возможно, использовались в качестве оберегов. К ним относятся бронзовый колокольчик, амулетница, пронизи и др. металлические предметы, найденные в могиле (рис. 3, *3–9*). Некоторые исследователи отмечают, что колокольчики присутствуют в позднеантичных памятниках в основном в детских и женских, очень редко в мужских захоронениях.[17]

Представленное погребение является одним из наиболее показательных примеров сочетания античных и варварских погребальных традиций. Если для греческих захоронений свойственно присутствие краснолаковой импортной керамики и монет в качестве «обола Харона», то для варварских племен обычным является наличие в могиле сероглиняной лощеной керамики и использование монет, веро-

[8] Амброз 1966, табл.11.
[9] Щукин 2005, табл. 4.
[10] Амброз 1966, табл. 13, 10.
[11] Амброз 1966, 64.
[12] Марченко 1956, рис. 5, *8*; Медведев 2009г, рис.6, *8*; 10, *10*.
[13] Капустина 2011, 39
[14] Косяненко 2008, рис.61, *10*.
[15] Масленников 1997, рис. 24, *1*.
[16] Безуглов 1989, с.174, рис. 3, *4*.
[17] Косяненко 2008, 130.

ятно, в качестве украшений-оберегов. Таким образом, в позднеантичное время в некрополе Фанагории наряду с сохранение греческих обычаев появляются традиции, свойственные разноэтничному варварскому миру Причерноморья эпохи Великого переселения народов.

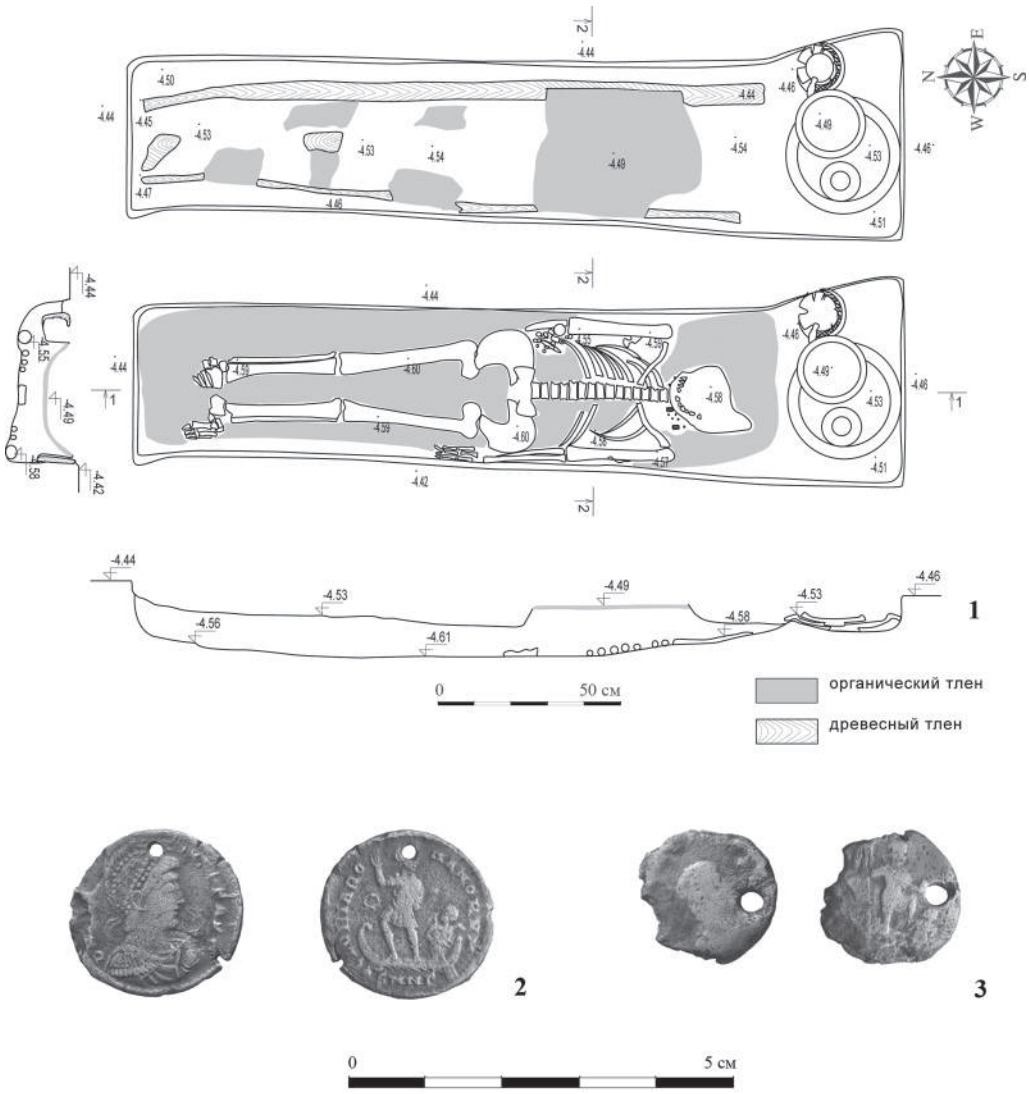


Рис. 1. 1 — План и разрезы погребения 142; 2–3 — бронзовые монеты.

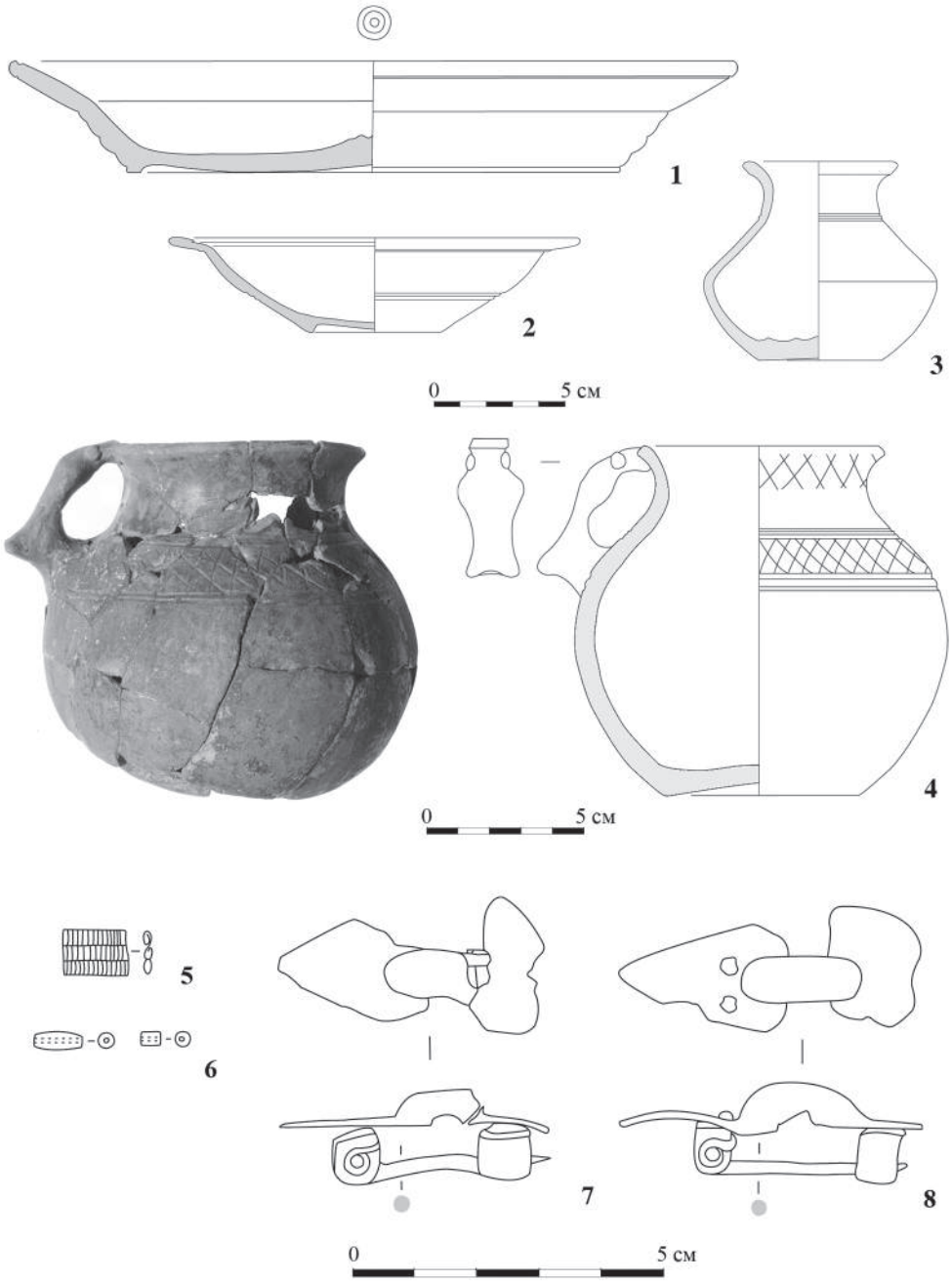


Рис. 2. Погребальный инвентарь
1 — блюдо краснолаковое; 2 — тарелка краснолаковая; 3 — горшок сероглиняный; 4 — кувшин сероглиняный с зооморфной ручкой; 5 — рубчатая пронизь из золотой фольги; 6 — пронизи стеклянные; 7–8 — фибулы бронзовые.

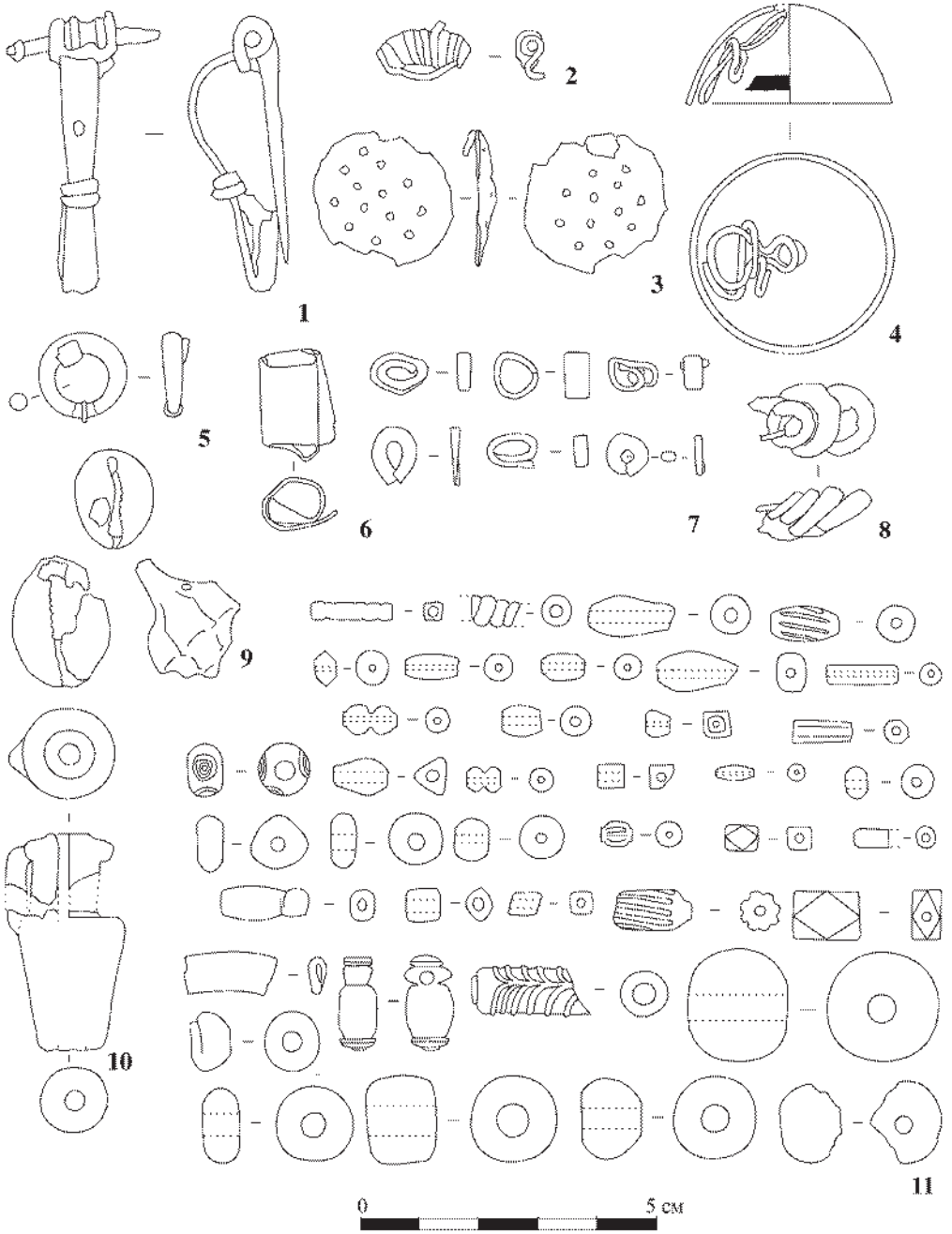


Рис. 3. Погребальный инвентарь

1 — фибула бронзовая; 2 — головка от фибулы бронзовой; 3 — подвеска дисковидная бронзовая; 4 — колокольчик бронзовый; 5 — кольцо бронзовое; 6 — амулетница бронзовая; 7 — пронизи бронзовые; 8 — предмет железный; 9 — раковины моллюска; 10 — подвеска — кувшинчик стеклянная; 11 — бусы.

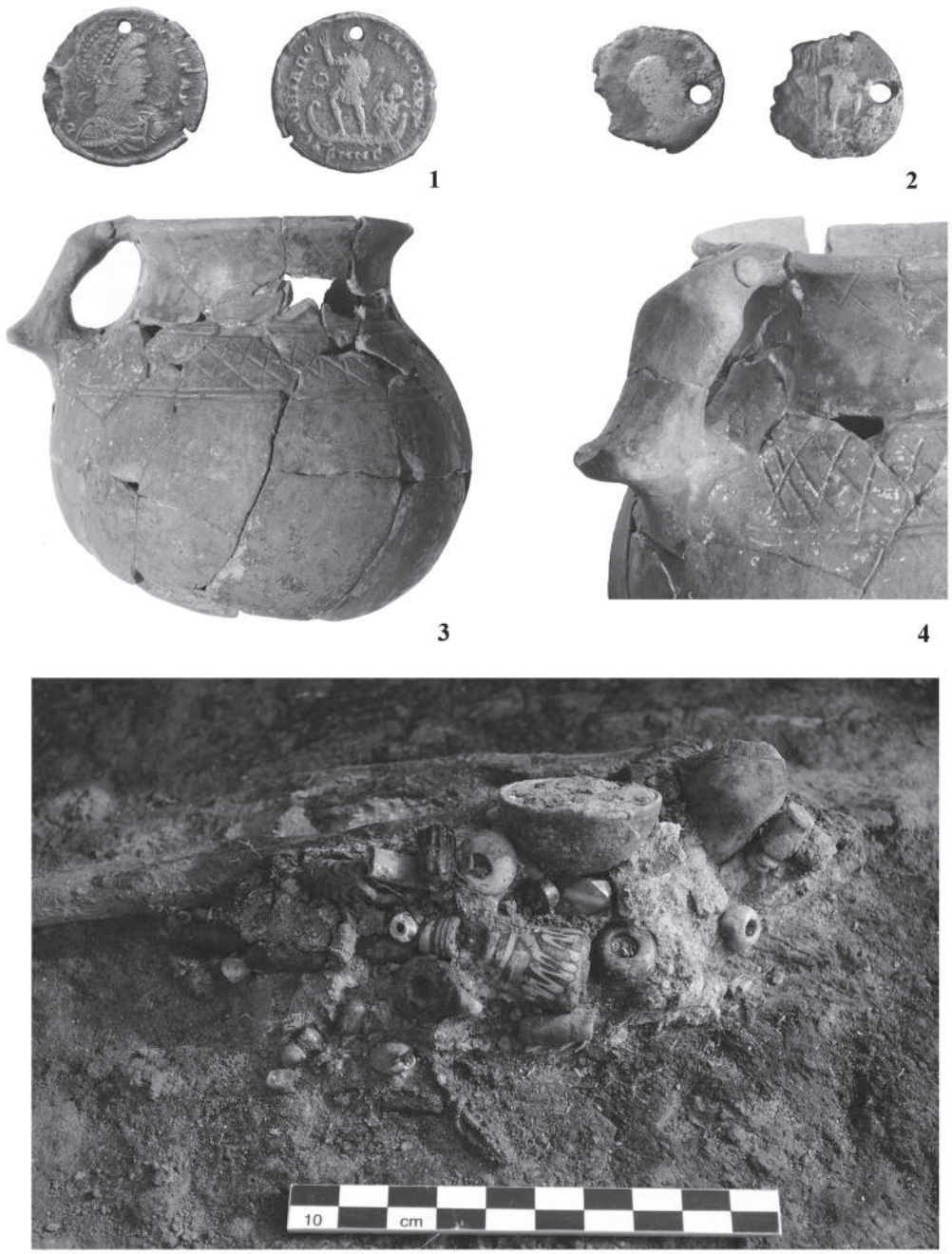


Рис. 4.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г. 2011: Античные иноземные монеты из раскопок Фанагории // Исследования Фанагории. Т. I. (в печати.)

Алексеева Е.М. 1978: Античные бусы Северного Причерноморья // САИ Г1–12.

Амброз А.К. 1966: Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. — IV в. н.э. // САИ Д1–30.

Безуглов С.И., *Копылов В.П.* 1989: Катакомбные погребения III — IV вв. на Нижнем Дону // СА. 3, 171–183.

Блаватский В.Д. 1941: Отчет о раскопках Фанагории в 1936–1937 г. // Труды государственного исторического музея. Вып. XVI, 5–74.

Капустина Е.П. 2011: Основные проблемы типологии зооморфных ручек керамических сосудов Боспора // Новые материалы и методы археологического исследования: Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов / В.Е. Родинкова (отв. ред). М., 39–40.

Кобылина М.М. 1956: Фанагория // МИА. 57, 5–101.

Коровина А.К. 1967: Раскопки некрополя Фанагории в 1964 г. // КСИА. Вып. 109, 130–135.

Косяненко В.М. 2008: Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) //Донские древности / Е.Н. Самарич (отв. ред). Вып. 9. Азов.

Кузнецов В.Д. 2011: Отчет Фанагорийской экспедиции за 2010 г. // ОПИ ИА РАН. М.

Марченко И.Д. 1956: Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 57, 102–127.

Масленников А.А. 1997: Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.

Медведев А.П. 2007: Позднеантичный некрополь Фанагории (раскопки 2005 г.) // БФ Ч. 1 / В.Ю. Зуев (отв. ред.). СПб., 124–129.

Медведев А.П. 2009а: Воинское погребение из Восточного некрополя Фанагории // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов / К. Мызгин (отв. ред.) Харьков, 180–185.

Медведев А.П. 2009б: Два позднеантичных склепа Восточного некрополя Фанагории // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / А.Г. Фурасьева (ред.). СПб., 167–182.

Медведев А.П. 2009в: О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // НАВ / А.С. Скрипкин (отв. ред.). Вып. 10. Волгоград, 237–248.

Медведев А.П. 2009г: Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок Восточного некрополя в (2005–2007 гг.) // Норция VI / А.П. Медведев (отв. ред.). Воронеж, 146–170.

Медведев А.П. 2010: Новые открытия в Восточном некрополе Фанагории (2005–2007 гг.) // Античный мир и археология / В.Н. Парфенов (отв. ред.). Вып. 14. Саратов, 350–363.

Щукин М.Б. 2005: Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.

LATE ANCIENT TIME BURIAL WITH COINS FROM PHANAGORIA NECROPOLIS

O. M. Voroshilova (Moscow)

The article introduces a most striking late ancient period burial of Phanagoria necropolis found in 2010. It gives an outline of the burial construction and describes the position of the body. The author also describes and analyzes the grave goods and concluded about its possible belonging to the new ethnos that inhabited the territory of Asian Bosporus capital in Great Migration period.

Key words: Asian Bosporus, Phanagoria, necropolis, burial ritual, Great Migration.

© 2011

М. Г. Абрамзон, М. А. Коваленко, Н. И. Сударев

ДВА КЛАДА БОСПОРСКИХ МОНЕТ С АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ «УСАТОВА БАЛКА 3» (2011 г.)

В статье впервые публикуются два клада медных боспорских монет, найденные летом 2011 г. во время раскопок античного поселения «Усатова балка 3» (Анапский р-н Краснодарского края). Первый клад хранился в небольшом красноглиняном сосудике и состоял из 5 тетрахалков типа голова бородатого сатира/протома грифона, осетр (Шелов 1956, табл. V, 57), чеканившихся около 330–315 гг. до н.э. Клад был зарыт в конце IV в. до н.э., накануне наступления денежного кризиса. Второй клад (или кошелек?) состоял из 8 монет боспорского царя Левкона II (ок. 240–220 гг. до н.э.): 2 оболов типа голова Геракла/лук и палица (Шелов 1956, табл. VII, 76) и 6 тетрахалков типа голова Афины/молнии (Шелов 1956, табл. VII, 77). Это уже четвертый известный нам клад с монетами Левкона II. Все клады и абсолютное большинство изолированных монет Левкона II найдены на азиатской стороне Боспора – преимущественно в районе Анапы.

Ключевые слова: Боспор, Горгиппия, поселение «Усатова балка 3», античные монеты, Левкон II.

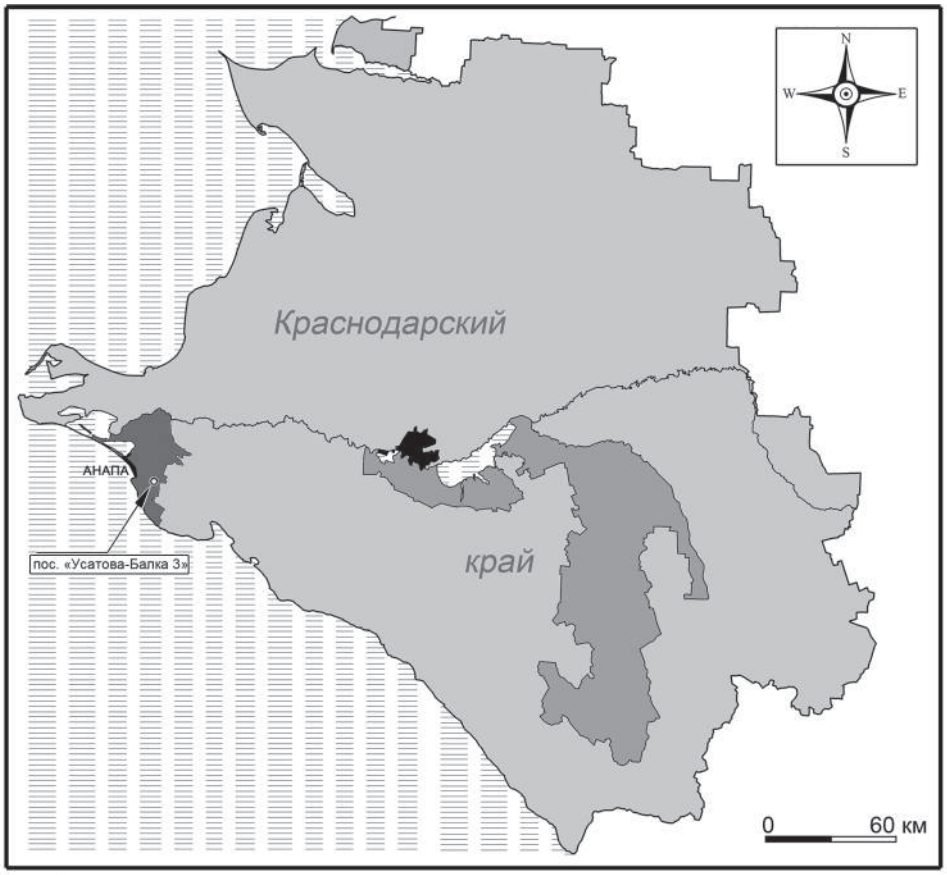
В июле-августе 2011 г. силами Краснодарской экспедиции ООО «ЮРЦАИ» проводились охранно-спасательные археологические работы на территории г. Анапа (Краснодарский край) и ее окрестностях. Объектами для исследований стали археологические памятники, попадающие в зону строительства высоковольтной электролинии, в том числе расположенные в районе хут. Усатова Балка Анапского сельского округа Краснодарского края, в 8 км от Анапы (рис. 1). К востоку от данного хутора электролиния прорезала античное поселение «Усатова Балка 3», которое предположительно функционировало в VI–III вв. до н.э.[1] На памятнике было заложено шесть раскопов, пять из которых были разбиты непосредственно под опоры высоковольтной электролинии.

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru

Коваленко Максим Анатольевич — ведущий научный сотрудник Южно-Российского центра археологических исследований.

Сударев Николай Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, начальник Восточно-Боспорской археологической экспедиции.

[1] Нумизматический материал с поселения в целом относится к IV–III вв. до н.э. Однако в кв. 25, шт. 4, найдена монета Амиса 85–65 гг. до н.э. (SNG BM I, 1230).



-территория района г.к. Анапа

Рис. 1

В ходе исследования памятника на участке Раскопа II (площадью 150 м²) было обнаружено значительное скопление монет. Основная их концентрация приходилась на верхнюю — пахотную часть горизонта коричневого суглинка и была найдена в пределах глубин 40–60 см от уровня современной дневной поверхности.

1. Клад пантикапейских медных монет последней трети IV в. до н.э.

На Раскопе II, в северо-западной части кв. 4, на глубине-53 от R0 был обнаружен фрагмент кружального красноглиняного сосудика (объект № 1), в котором находилось четыре медных монеты. Еще одна монета лежала под сосудом.

Сосудик фрагментирован (рис. 2–3); в древности он, вероятно, имел ручку. Сохранившаяся высота предмета 6 см. Дно сосудика слабо вогнутое; придонная часть хорошо выделена и переходит в коническое тулово, суженное в верхней пригорловой части. Горловая часть сосудика и его венчик утрачены. Тесто плот-

ное с небольшим содержанием кварцевого песка. Обжиг качественный; черепок в сломе однослойный, краснокирпичного цвета.

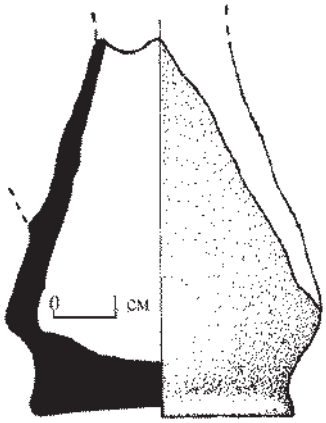


Рис. 2

Диаметр дна сосудика — 4,1 см, максимальный диаметр тулова — 5,2 см. Поскольку в нем находились монеты, ясно, что сосудик использовался в древности в качестве небольшой денежной копилки. Все найденные в кладике монеты относятся к одному типу пантикапейских тетрахалков, выпускавшихся, по датировке Д. Б. Шелова, около 330–315 гг. до н.э.[2] (рис. 4).

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Протома орлиноголового грифона вправо; внизу осетр влево; вокруг **П-А-N**.

Лит.: *BMC* 3, 7, no. 20; *Бурачков* 1884, табл. XIX, 39; *Зограф* 1951, табл. XL, 18; *Шелов* 1956, табл. V, 57; *Анохин* 1986, табл. 3, 111; *SNG BM* I, 869–871; *SNG Stancomb*, 541–542.

1. Оп. I–12; 7.40 г
2. Оп. I–19; 7.01 г
3. Оп. I–15; 6.76 г
4. Оп. I–13; 6.16 г
5. Оп. I–14; 6.06 г

Четыре монеты имеют прекрасную сохранность, пятая — очень сильно стерта; все монеты биты разными штемпельными парами (рис. 5).

Кладик с поселения «Усатова балка 3» примыкает к небольшой группе кладов и кошельков, зарытых в последней трети IV в. до н.э., накануне начала денежного кризиса, когда из обращения стала исчезать золотая и серебряная монета[3]. Всего нам известно десять таких комплексов:

[2] Шелов 1956, табл. V, 57.
[3] КБКАМ I, 32; КБКАМ II, 12.

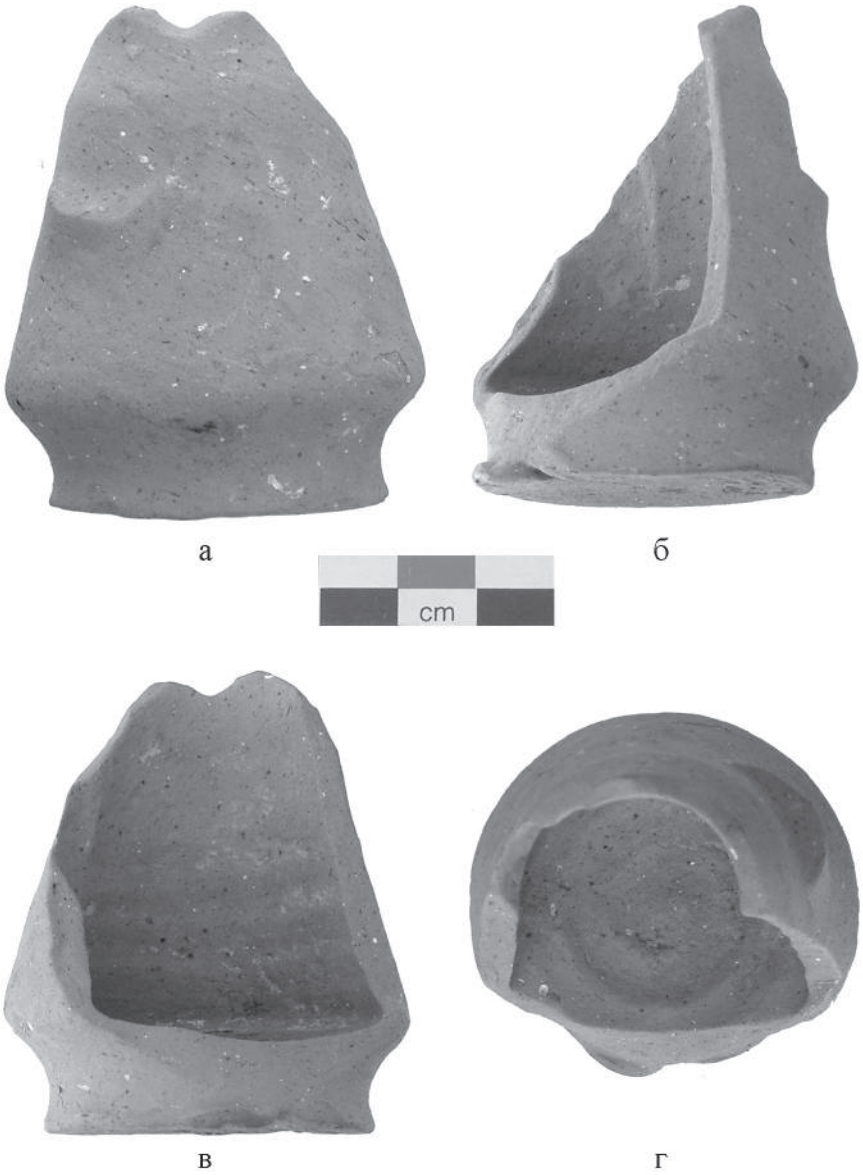


Рис. 3. Клад пантикапейских монет. Сосудик.

Табл. 1. Клады и кошельки последней трети IV в. до н.э.

№ п/п	Комплексы	Вид	Количество монет	Состав[4]
Подгруппа 1. 330–315 гг.				
1	Пантикапей (1907)[5]	Комплекс из погребения (шкатулка и отдельно)	11	1) Ш. V, 56 — 7 или 9 2) Ш. V, 55 — 2 или 4
2	Пос. Катерлез около г. Еникале (совр. Войково) (1910)[6]	Клад	380	1) Ш. V, 56 2) Ш. V, 57
3	Пантикапей (1926)[7]	Клад	От 50 до 100	1) Ш. V, 57
4	Нимфей (1939)[8]	Клад	7	1) Ш. V, 56–7
5	Хут. Беликов, Славянский район Краснодарского края (1972)[9]	Клад	20	1) Ш. V, 57–20
6	Войково (до 2009 г.)[10]	Кошелек?	10	1) Ш. III, 38–7 2) Ш. V, 55–3
7	«Усатова балка 3» (2011 г.)	Клад	5	1) Ш. V, 57–5
Подгруппа 2. 315–300 гг.				
8	Фанагория (1872)[11]	Кошелек	10	2) Ш. V, 61–10
9	Осовины, Ленинский р-н Крыма (1897–1898)[12]	Клад	28	1897 г. 1) Ш. V, 56–1 2) Ш. V, 61–14 1898 г. Без указания типов — 13
10	Окрестности станицы Тамань (1980)[13]	Клад	10	1) Ш. V, 57–9 2) Ш. V, 61–1

Все перечисленные комплексы этой эпохи, за исключением кладов из пос. Войково (1910 г.) и Пантикапея (1926 г.), небольшие по составу. Они четко делятся на две подгруппы. Первую из них образуют комплексы, содержавшие типы меди, входившие в серию, выпущенную около 330–315 гг. до н.э. Эта серия, по классификации Д. Б. Шелова[14], состояла из золотого статера, серебряной гемидрахмы и четырех номиналов меди (обол, тетрахалк, дихалк, халк):

[4] Ссылки даны по Шелов 1956 (Ш.).
[5] ИАК 35 1910, 17-18, № 25; IGCH 1047; КБКАМ II, 161-162.
[6] ИАК 39 (Прибавление) 1911, 141-142; IGCH 1049; КБКАМ II, 162.
[7] Фасмер 1929, № 37; IGCH 1050; КБКАМ II, 162-163.
[8] Голенко 1974, 71-72; IGCH 1048; КБКАМ I, 101.
[9] Анфимов 1981, 132-136; КБКАМ I, 103.
[10] КБКАМ II, 11-14.
[11] ОАК за 1872 г. 1875, XII; Пахомов 1940 (III), 13-14, № 688; IGCH 1065; КБКАМ II, 163.
[12] ОАК за 1897 г. 1900, 73, 184-185; ОАК за 1898 г. 1901, 79, 187; IGCH 1074; КБКАМ II, 163-164.
[13] Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, 32; КБКАМ I, 104.
[14] Шелов 1956, 104, табл. III, 32; V, 53–57.

Рис. 4. Клад пантикапейских монет 330-315 гг. до н.э.

Табл. 2. Серия панкикапейских монет около 330–315 гг. до н.э.

№ п/п	Металл	Номинал	Типы по Шелову 1956
1	AV	Статер	Голова бородатого сатира/лвиноголовый грифон, колос (III, 32)
2	AR	Гемидрахма	Голова безбородого сатира/лежащий лев (V, 53)
3	AE	Обол	Голова бородатого сатира/лук и стрела (V, 54)
4	AE	Гемиобол (тетрахалк)	Голова безбородого сатира/протома орлиноголового грифона, осетр (V, 57)
5	AE	Тетартеморий (дихалк)	Голова безбородого сатира/протома пегаса (V, 56)
6	AE	Гемитетартеморий (халк)	Голова безбородого сатира/лук в горите (V, 55)

Клады последней трети IV в. до н.э. или периода денежного кризиса III в. до н.э. с оболами типа сатир/лук и стрела нам неизвестны. Зато такой обол найден в составе Фанагорийского клада 1948 г., зарытого в самом начале правления Митридата VI на Боспоре[15]. Клады из Пантикапея (1926 г.), хут. Беликова (1972 г.) и «Усатовой Балки 3» (2011 г.) содержали только тетрахалки данной серии, представляя выборку из денежного обращения монет только данного номинала. В кладах из Войково (1910 г.) и округи ст. Тамань (1980 г.) тетрахалки соседствуют с другими монетами. Нимфейский кладик 1939 г. является выборкой из обращения только дихалков типа голова сатира/протома пегаса, Войковский кладик или кошелек (до 2009 г.) — выборкой только халков серий 400–375 и 330–315 гг. до н.э.

Вторую подгруппу образуют три клада, в которых появились тетрахалки типа голова сатира/голова льва, осетр[16], принадлежавшие к новой серии, выпущенной, по датировке Д. Б. Шелова, около 315–300 гг. до н.э. В двух из них — из села Осо-

[15] Харко 1968, 94–95; IGCH 1127; Шелов 1962, 121–122, № 1182–1209; 1982, 45–46; Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, 136–140; КБКАМ I, 170–171.

[16] Шелов 1956, табл. V, 61.

вины (1897–1898 гг.) и окрестностей ст. Тамань (1980 г.) новые тетрахалки соседствуют с монетами предыдущей серии 330–315 гг. до н.э.

Наконец, тетрахалки типа голова сатира/протома грифона, осетр присутствуют в четырех кладах более позднего времени. Клады из пос. Южное (1892 г.)[17], Нимфея (1954 г.)[18] и г. Славянск-на-Кубани (1985 г.)[19] относятся к самому началу III в. до н.э., клад из Фанагории (1948 г.) — к 110–100 гг. до н.э. Таким образом, часть тетрахалков серии 330–315 гг. до н.э. избежала перечеканки и продолжала участвовать в денежном обращении в III в. до н.э. и даже во II в. до н.э. — вплоть до начала эпохи Митридата VI Евпатора.

Табл. 3. Клады с тетрахалками типа голова бородатого сатира/протома грифона, осетр (Шелов, V, 57)

№ п/п	Клады	Время тезаврации	Количество тетрахалков
1	Пос. Катерлез около г. Еникале (совр. Войково) (1910)	330–315 гг.	?
2	Пантикапей (1926)	330–315 гг.	50–100?
3	Хут. Беликов (1972)	330–315 гг.	20
4	«Усатова балка 3» (2011 г.)	330–315 гг.	5
5	Окрестности станицы Тамань (1980)	330–315 гг.	9
6	Пос. Южное, близ Феодосии (1892 г.)	Начало III в.	38
7	Нимфей (1954 г.)	Начало III в.	1
8	Славянск-на-Кубани (1985 г.)	Начало III в.	1
9	Фанагория (1948 г.)	Около 111–100 гг.	1

Итак, кладик с поселения «Усатова балка 3» был зарыт в самом конце IV в. до н.э., что, возможно, связано с нарастанием кризисных явлений в боспорской экономике. Неслучайно большая часть монет, найденных в этом же и соседних квадратах, относится уже к периоду денежного кризиса[20]. Полагали, что денежный кризис на Боспоре проявляется только в самом начале III в. до н.э. и охватывает всю первую половину столетия[21]. Однако более глубокое изучение процессов, определявших развитие как монетного дела, так и других сторон экономической жизни Боспора этого времени, заставляет отказаться от проведения резкой грани между денежным обращением IV и III вв. до н.э.: пантикапейская чеканка III в. до н.э. при всем ее внешнем отличии от чеканки IV в. является прямым продолжением последней и ничем принципиальным от нее не отличается. Те кризисные явления денежной системы (прекращение чеканки золота и серебра, быстрая деградация меди, появление массы надчеканок и перечеканок), которые ярко проявляются в первой половине III в. до н.э., оказываются заложенными еще раньше — в последней трети IV в. до н.э.[22]. Именно к этому времени и принадлежат

[17] ДАК 1893, № 48; IGCH 1064; КБКАМ II, 164.
[18] Голенко 1974, 72; КБКАМ I, 108–109.
[19] Анфимов 1988, 138–145; Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, 33–35; КБКАМ I, 105–106.
[20] Шелов 1956, табл. VI, 65–67.
[21] Шелов 1954, 58–70.
[22] Шелов 1956, 89.

перечисленные выше 10 монетных комплексов и в том числе маленький кладик с поселения «Усатова балка 3».

2. Комплекс с монетами Левкона II (ок. 240–220 гг. до н.э.)

На Раскопе II (кв. 4, шт. 3) найдено также скопление монет царя Левкона II, которое, несомненно, представляет единый комплекс — часть клада или содержимое кошелька. Найдено восемь монет, представленных двумя номиналами: оболом типа голова Геракла/лук и палица, **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ**[23] — 2 экз. и тетрахалком типа голова Афины/молнии, **ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ**[24] — 6 экз. (рис. 5).

Номинал I — обол

Л.с. Голова Геракла вправо.

О.с. Палица влево и лук тетивой вверх; сверху и снизу **ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΛΕΥΚΩΝΟΣ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 2–3; *Зограф* 1951, табл. XLII, 15; *Шелов* 1956, табл. VII, 76; *Анохин* 1986, табл. 4, 134.

Вариант 1. *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 2.

1. 13.49 г; 27 мм;

Вариант 2. *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 3.

2. 7.72 г; 22 мм

Номинал II — тетрахалк

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо.

О.с. Молнии; сверху и снизу **ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΛΕΥΚΩΝΟΣ**.

Лит.: *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 8–9; *Зограф* 1951, табл. XLII, 16; *Шелов* 1956, табл. VII, 77; *Анохин* 1986, табл. 4, 135.

3. 5.25 г; 18 мм
4. 4.51 г; 18 мм
5. 4.75 г; 19 мм
6. 4.71 г; 18 мм
7. 3.85 г; 17 мм
8. 5.87 г; 21 мм

Монеты старшего номинала — оболы с типами головы Геракла и лука с палицей — в кладе представлены двумя из трех вариантов, которые были известны еще П. О. Бурачкову[25]. А. Н. Зографа, напротив, мелкие варианты, отличающиеся различным расположением надписи, поворотом головы и т.д., не заинтересовали, и он искал ответы на ряд других вопросов, связанных с чеканкой этого царя[26]. Особенности вариантов изображений и метрологические характеристики монет

[23] Шелов 1956, табл. VII, 76.
[24] Шелов 1956, табл. VII, 77.
[25] Бурачков 1884, табл. XXIV, 1–3.
[26] Зограф 1951, 182.

Рис. 5. Кошелек (?) с монетами Левкона II (ок. 240-220 гг. до н.э.)

Левкона II были рассмотрены В.О. Акимовым[27]. Экземпляр № 1 принадлежит к варианту *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 2 (рис. 5, *1*). По наблюдениям В.О. Акимова, монеты этого варианта массивны, диаметр монетных кружков — 23–27 мм; вес их колеблется в пределах 8.31–14.78 г; изображения головы Геракла и оружия — крупные и занимают всю поверхность штемпеля[28]. Экземпляр № 1 довольно массивен: вес — 13.49 г; диаметр 27 мм.

Второй экземпляр относится к варианту *Бурачков* 1884, табл. XXIV, 3 (рис. 5, *2*). Монеты этого варианта мельче; диаметр их — 21–22 мм, вес — 5.7–13.51 г[29]. Экземпляр № 2 заметно меньше первой монеты: вес — 7.72 г; диаметр — 22 мм.

[27] Акимов 2003, 32–34.
[28] Акимов 2003, 32.
[29] Акимов 2003, 33.

Монеты среднего номинала (тетрахалки типа голова Афины в коринфском шлеме/молнии) представлены шестью экземплярами (№ 3–8). В каталоге П. О. Бурачкова помещены два варианта этих монет: на первом шлем имеет украшения в виде свернувшейся змеи, на втором — они отсутствуют[30]. К первому варианту принадлежат два экземпляра из публикуемого клада (рис. 6, *4–5*). Не слишком хорошая сохранность остальных тетрахалков монет не позволяет выявить среди них экземпляры с украшениями на шлеме. Один из тетрахалков отличается своими более крупными параметрами: вес — 5.85 г и диаметр — 21 мм. Остальные монеты весят от 3.85 до 5.25 г и имеют диаметр от 17 до 19 мм. В. О. Акимов также выделял две группы таких монет, различающиеся метрологическими данными.

Заметно, что все монеты Левкона II изготовлены неаккуратно и спешно и совершенно соответствуют по фактуре и стилю пантикапейским монетам деградированного типа голова сатира/лук и стрела[31]: тот же скошенный гурт, те же острые края, остатки литников (рис. 6, *4*), затеки металла и т.д. Отдельные экземпляры имеют заусенцы и трещины в монетном кружке (рис. 6, *5*), литейный брак — бесформенные отростки (рис. 6, *8*). Аналогичные наблюдения за одинаковой техникой изготовления пантикапейских монет периода денежного кризиса и царской меди были сделаны еще Д. Б. Шеловым при изучении Анапского клада 1954 г. Это привело его к предположению о том, что, по-видимому, деградированные пантикапейские монеты с луком и стрелой[32] продолжали не только обращаться на рынке, но и чеканиться во времена Левкона II, тогда как ранее выпуск их датировался не позднее середины III в. до н.э. [33] Таким образом, выпуск левконовской меди состоялся в самый разгар кризиса как попытка стабилизации денежного обращения и был синхронен поздним выпуска монет с луком и стрелой[34].

Данный комплекс принадлежит к небольшой группе кладов с монетами Левкона II. В настоящее время нам известно всего четыре таких комплекса.

Табл. 4. Клады с монетами Левкона II

№ п/п	Клады	Число монет Левкона II			
		Номинал I (обол) Геракл/лук и палица	**Номинал II (тетрахалк)** Афина/ молнии	**Номинал III (дихалк)** Щит и копье/меч	Всего
1	Горгиппия (1954)[35]	4	11	2	17
2	Горгиппия (1987)[36]		1	—	1
3	Краснодарский край (1998)[37]	8	20	—	28
4	«Усатова балка 3» (2011 г.)	2	6	—	8
Всего		14	38	2	54

[30] Бурачков 1884, табл. XXIV, 8–9.
[31] Шелов 1956, табл. VI, 66.
[32] Бурачков 1884, табл. XX, 79–80.
[33] Шелов 1960, 211–212.
[34] Голенко 1970, 20–21.
[35] Шелов 1960, 208-214; Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, 130-135; КБКАМ I, 163-166.
[36] Фролова 1996, 44-72; Frolova, Ireland 1995, 21–42; Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, 274-318; КБКАМ I, 334-352.
[37] Аптекарев 2002, 72-73; КБКАМ I, 167.

Как свидетельствуют многочисленные клады периода денежного кризиса, к началу третьей четверти III в. до н.э. боспорский денежный рынок находился в крайне плачевном состоянии. Во внешней торговле использовалось интерлокальная монета (золото), но внутренний городской рынок, переполненный обесцененной медью, требовал радикальных мер. Самым верным выходом из сложившейся ситуации было бы возобновление серебряной чеканки и полное изъятие из обращения деградированной меди, но правительство, очевидно, не обладало необходимым количеством серебра[38]. Поэтому оно было вынуждено пойти по другому пути[39]. По предположению А. Н. Зографа[40], поддержанному Д. Б. Шеловым[41], выпуск Левконом II первой в истории Боспора царской монеты диктовался стремлением найти выход из денежного кризиса. Эти мероприятия и отражают клады с монетами Левкона II, найденные в основном на территории Горгиппии и ее округи.

В 1954 г. на территории северной части городища Горгиппии был найден клад медных боспорских монет III в. до н.э.[42]. Он содержал 97 монет, из которых 80 принадлежали автономной чеканке Пантикапея, 17 — царской чеканке Левкона II. Монеты этого царя представлены всеми тремя номиналами меди (табл. 4). Состав клада свидетельствует о том, что автономные пантикапейские и царские монеты обращались на боспорском рынке синхронно. Большинство монет не имеют следов обращения и поступили в клад одновременно.

В 1998 г. в Краснодарском крае был найден клад, включавший 28 монет Левкона II, представленных двумя номиналами: старшим (8 экз.) и средним (около 20 экз.)[43]. По набору номиналов клад из «Усатовой балки 3» аналогичен кладу из Краснодарского края 1998 г.

Еще одна монета Левкона II входила в состав Анапского клада 1987 г., зарытого при Ининфимее[44]. Она имеет особо важное значение, поскольку дает преставление о последовательности смены монетных типов в III в. до н.э.: первоначальный тип голова сатира/лук и стрела, **ΠΑΝ**[45] был перечеканен типом голова Посейдона/прора, **ΠΑΝΤΙ**, затем клеймен изображением головы сатира[46] и, наконец, при Левконе II был перечеканен новым типом «голова Афины — молнии»[47]. Таким образом, эта монета дает возможность установить конец периода кризиса денежного обращения, который был ознаменован царской чеканкой Левкона II, и тем самым подтвердить гипотезу А. Н. Зографа[48].

---

[38] Предпринимались попытки приписать Левкону II выпуск тетрадрахм псевдолисимаховского стиля: 4 таких тетрадрахмы опубликовал Х. Сейриг (Seyrig 1963, 7–11), 1 — В. Стэнкомб (SNG Stancomb, 567), несколько подобных тетрадрахм найдены в кладе 1980 г. из Киликии (Мельчарек 2003, 30–31). О дискуссии см. Фролова 1999, 315; Мельчарек 2003, 30–31.

[39] Шелов 1953, 30–39; 1956, 151.

[40] Зограф 1951, 182.

[41] Шелов 1956, 151.

[42] Шелов 1960, 208–214. Место хранения — Анапский музей. Инв. № АМ 1375–1471.

[43] Аптекарев 2002, 72–78.

[44] Фролова 1996, 49, № 8.; Frolova, Ireland 1995, № 8; КБКАМ I, 335, № 8.

[45] Шелов 1956, табл. VI, 65.

[46] Шелов 1956, табл. VI, 74–75; Фролова 1970, табл. I, 27

[47] Шелов 1956, табл. VII, 77.

[48] Зограф 1951, 182–183.

Не касаясь вопросов хронологии и характера изображений на левконовской меди[49], обратимся к топографии находок этих монет на Боспоре. Единичные монеты Левкона II встречаются крайне редко[50]. Д. Б. Шелов в свое время составил краткую сводку находок монет Левкона II, но ему было известны на тот момент всего 8 единичных монет из Пантикапея, Мирмекия, Фанагориии, 2 — из Джемете[51], 17 — из Анапского клада 1954 г.[52] и некоторое их количество из Елизаветинского городища[53]. Не претендуя на исчерпывающую сводку, к настоящему моменту мы учли зарегистрированные находки 91 монеты Левкона II, из которых 38 единичных монет происходят из раскопок боспорских поселений, а 54 — найдены в упомянутых кладах.

Табл. 5. Находки единичных монет Левкона II на Боспоре

№ п/п	Место находки	Год	Номинал	Источник
Европейский Боспор				
1	Мирмекий	1938	Афина/молнии	Зограф 1952, 380, № 2623
2	Мирмекий	1938	Щит и копье/меч	Зограф 1952, 381, № 2663
3	Нимфей	1966	Геракл/лук, палица	Голенко 1974, 89, № 395
4	Пантикапей	1945–1961	Афина/молнии	Голенко, Шелов 1963, № 741
5	Пантикапей	2000	Афина/молнии	Абрамзон, Иванина 2010, № 237; инв. № КН–5239
6	Михайловка	1970	Геракл/лук, палица	Петерс 1978, 5, № 1
Азиатский Боспор				
7	Горгиппия	1966	Геракл/лук, палица	Кругликова, Фролова 1989, 105, № 19
8	Горгиппия	1974	Афина/молнии	Фролова 1989, 127, № 42
9	Горгиппия	1975	Геракл/лук, палица	Фролова 1989, 128, № 54
10	Горгиппия	1977	Щит и копье/меч	Фролова 1989, 132, № 109
11	Горгиппия	1977	Афина/молнии	Фролова 1989, 133, № 129
12	Горгиппия	1979	Геракл/лук, палица	Фролова 1997, 153, № 121
13	Горгиппия	1980	Геракл/лук, палица	Фролова 1997, 156, № 330
14	Горгиппия	1981	Геракл/лук, палица	Фролова 1997, 157, № 448
15	Горгиппия	1981	Геракл/лук, палица	Фролова 1997, 159, № 514
16	Горгиппия	1982	Афина/молнии	Фролова 1997, 157, № 608
17	Горгиппия	1982	Афина/молнии	Фролова 1997, 157, № 609
18	Горгиппия	1982	Афина/молнии	Фролова 1997, 160, № 610
19	Горгиппия	1982	Афина/молнии	Фролова 1997, 160, № 611
20	Горгиппия	1982	Афина/молнии	Фролова 1997, 161, № 645
21	Горгиппия	1984	Щит и копье/меч	Фролова 1997, 165, № 902
22	Горгиппия	1987	Афина/молнии	Фролова 1997, 169, № 1167
23	Горгиппия	1989	Афина/молнии	Фролова 1997, 174, № 1491

[49] О типологии см.: Зограф 1951, 182–183; Шелов 1953, 30–39; Frolova 1998, 251–269; Фролова 1999, 310–325.

[50] Фролова 1989, 123; Аптекарев 2002, 73.

[51] Крушкол 1965, 52, № 32–33.

[52] Шелов 1960, 208–214.

[53] Шелов 1965, 37–38.

Окончание табл. 5

№ п/п	Место находки	Год	Номинал	Источник
24	Горгиппия	1989	Геракл/лук, палица	Фролова 1997, 175, № 1540
25	Пос. Джемете, Анапский р-н	До 1965	Афина/молнии	Крушкол 1965, 52, № 32
26	Пос. Джемете, Анапский р-н	До 1965	Геракл/лук, палица	Крушкол 1965, 52, № 33
27	Елизаветинское городище	?	?	Шелов 1965, 38, прим. 33
28	Голубицая 2	До 2010	Афина/молнии	Строкин 2010, 459–460, рис. 2, 20
29	Артюховский курган	1879	Геракл/лук, палица	Пахомов 1949 (III), 21, № 728
30	Фанагория	1950	Афина/молнии	Шелов 1962, 75, № 144
31	Фанагория	1952	Афина/молнии	Шелов 1962, 78, № 211
32	Фанагория	1952	Щит и копье/меч	Шелов 1962, 79, № 227
33	Фанагория	1953	Щит и копье/меч	Шелов 1962, 93, № 553
34	Фанагория	1954	Афина/молнии	Шелов 1962, 100, № 718
35	Фанагория	2007	Геракл/лук, палица	№ описи Ф–07–23
36	Фанагория	2010	Щит и копье/меч	№ описи Ф–10–113
37	Поселение «Сенной-2» (Паромов-79)	2006	Афина/молнии	№ описи С–06–3
38	Поселение «Сенной-2» (Паромов-79)	2006	Афина/молнии	№ описи С–06–26

Табл. 6. Находки монет Левкона II на боспорских поселениях

Тип монет по Шелову	Число монет															Всего
	Единичные находки											Клады				
	Пантикапей	Нимфей	Мирмекий	Михайловка	Горгиппия	Джемете	Елизаветинское городище	Голубицкая 2	Артюховский курган	Сенной 3	Фанагория	Горгиппия (1954)	Горгиппия (1987)	Краснодарский край (1998)	Усатова балка 3	
VII, 76		1		1	7	1	?		1		1	4		8	2	26
VII, 77	2		1		9	1	?	1		1	3	11	1	20	6	66
VII, 78			1		2		?				3	2				8
Всего[54]	2	2	2	1	18	2	?	1	1	1	7	17	1	28	8	91

[54] Без учета монет из Елизаветинского городища.

Кроме того, известно также еще 45 монет Левкона II из частных коллекций: оболы — 25 экз.; тетрахалки — 12 экз.; дихалки — 8 экз.[55]

Чаще всего встречаются тетрахалки с типами Афины и молний; наиболее редко — дихалки с типами щита и меча (последнее обстоятельство отмечено еще А. Н. Зографом[56]).

Топография находок единичных монет Левкона II и кладов с его медью связана преимущественно с Азиатским Боспором и прежде всего с Горгиппией и ее округой. Находка клада из «Усатовой балки 3» — еще одно тому подтверждение. На Европейском Боспоре находки левконовской меди довольно редки. Это обстоятельство отметил еще Д. Б. Шелов[57], который пришел к заключению, что первая царская монета имела значительно большее распространение в азиатской части Боспора, чем в европейской. Хотя Д. Б. Шелов связывал чеканку левконовской меди с пантикапейским монетным двором, он объяснял ее преимущественное распространение на азиатской стороне Боспора тем, что этот регион мог быть основной ареной гераклейско-боспорской войны. Царские же деньги с военным характером типов, по мысли Д. Б. Шелова, могли предназначаться для оплаты наемников, упомянутых в новелле Полиэна (Polyaen. 6. 9. 3–4)[58]. Однако войну с Гераклеей, описанную в стратегмах Полиэна (Polyaen. V. 23; 6. 9. 3–4), принято связывать не с Левконом II, как полагал Д. Б. Шелов, а с Левконом I и датировать ее отрезком между 389 и 364 гг. до н.э.[59] Таким образом, тот факт, что большая часть монет Левкона II найдена в округе Горгиппии, пока не находит убедительного объяснения.

Приложение

1. Монеты Левкона II из частных коллекций (рис. 6–8)[60]

Оболы	Тетрахалки	Дихалки
1. 8.90 г; 23 мм	26. 5.03 г; 20 мм	38. 5.04 г; 18мм
2. 8.73 г; 22 мм	27. 4.43 г; 19 мм	39. 6.23 г; 19мм
3. 8.90 г; 23 мм	28. 5.10 г; 19 мм	40. 4.60 г; 19мм
4. 11.40 г; 24 мм	29. 3.80 г; 16 мм	41 4.80 г; 17мм
5. 5.35 г; 19 мм. Фальшивая?	30. 4.10 г; 18 мм	42. 4.50 г
6. 8.67 г; 23 мм	31. 3.80 г; 17 мм	43. 4.34 г; 16мм
7. 6.87 г; 23 мм	32. 5.10 г	44. 4.95 г; 16мм
8. 14.45 г; 24 мм	33. Вес не известен	45. 5.00 г
9. 10.54 г; 20 мм	34. Вес не известен	
10. 12.84 г; 25 мм	35. 4.30 г; 19 мм	
11. 7.90 г.; 22 мм	36. 3.86 г; 17.5 мм	
12. 10.91 г; 24 мм	37. 4.80 г; 20 мм	
13. Вес не известен		
14. 12.73 г		
15. Вес не известен		
16. 9.93 г; 24 мм		
17. 8.46 г		
18. 6.52 г; 22.7 мм		

[55] Каталог монет Боспора: http: // bosporan-kingdom.com/coins_catalog.html?srid=15.

[56] Зограф 1951, 182.

[57] Шелов 1965, 38.

[58] Шелов 1950, 168–178; 1965, 38–39.

[59] Burstein 1974, 401–416; Завойкин 2004, 65–66.

[60] Каталог монет Боспора: http://bosporan-kingdom.com/coins_catalog.html?srid=15. Номерам списка соответствуют номера в таблицах (рис. 6–8).

Оболы	Тетрахалки	Дихалки
19. 9.14 г; 24.5 мм		
20. 8.70 г; 25 мм		
21. 6.60 г; 22 мм		
22. 6.78 г; 21 мм		
23. Вес не известен		
24. Вес не известен; 23.0 мм		
25. 5.52 г; 21 мм		

2. Музейные собрания

Оболы

1. 4,72 г; 26 мм; ГИМ 14265 (Коллекция Н. Н. Грандмезона)
2. 9.81 г; ГИМ 12614 (Коллекция А. С. Коциевского)
3. 13.15 г; ГИМ 12615 (Коллекция А. С. Коциевского)
4. 6.58 г; ГИМ 12616 (Коллекция А. С. Коциевского)

Тетрахалки

1. 4,24 г; 17 мм; ГИМ б/н (Коллекция Н. Н. Грандмезона)
2. 3.61 г; ГИМ 12617 (Коллекция А. С. Коциевского)
3. 4.50 г; ГИМ 12618 (Коллекция А. С. Коциевского)
4. 3.49 г; КИКЗ, № КН–5239

Дихалки

1. 4.81 г; ГИМ 12619 (Коллекция А. С. Коциевского)

Рис. 6

Рис. 7

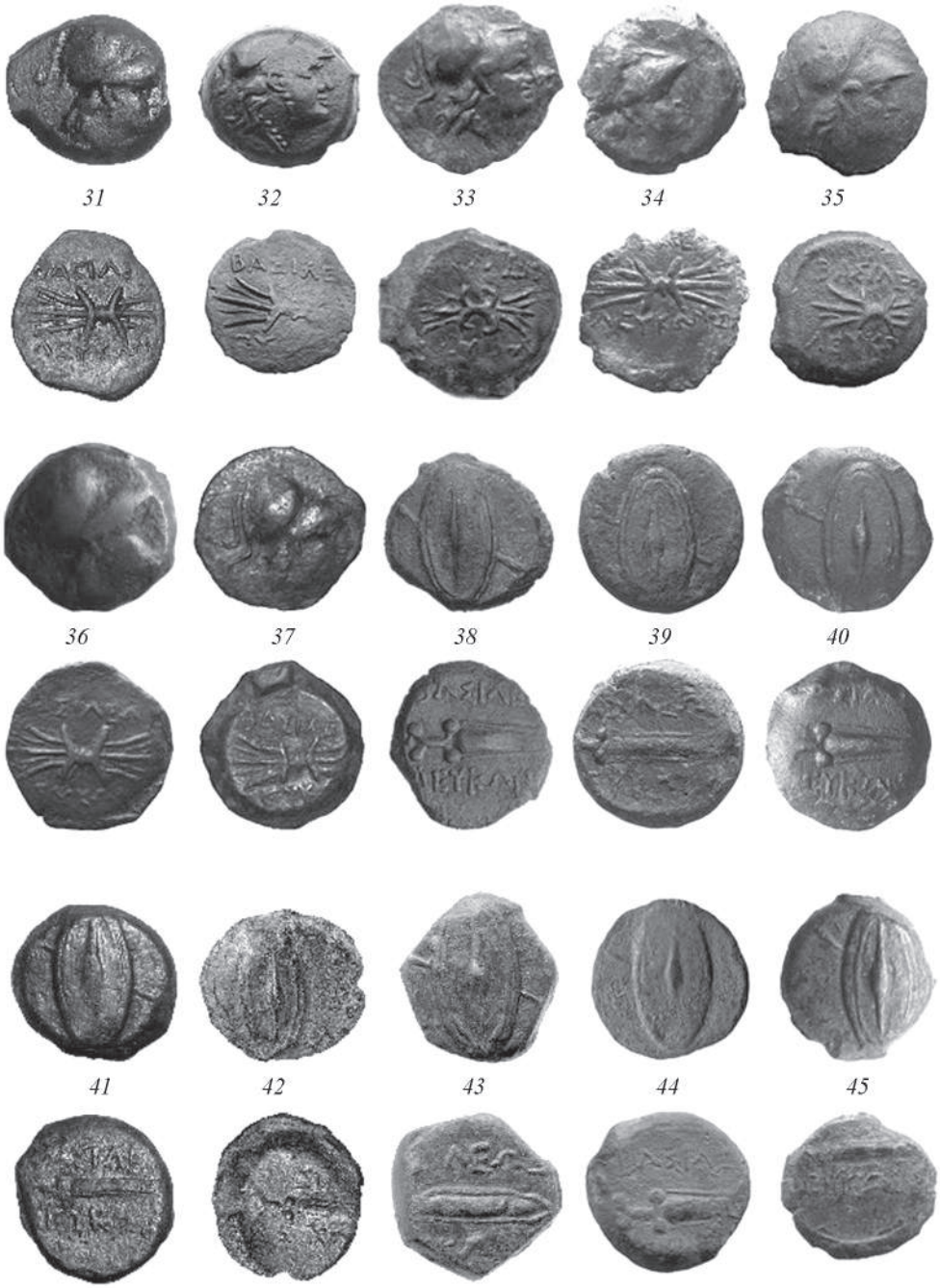


Рис. 8

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г. 2011: Корпус боспорских кладов. Т. II // БИ. Supplementum 7 / В.Н. Зинько (ред.).

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // БИ. Supplementum 2 / В.Н. Зинько (ред.).

Абрамзон М.Г., Иванина О.А. 2010: Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. II. Киев.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. 2002. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М.

Акимов В.О. 2003: Бронзовые монеты Левкона II // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 32–34.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Анфимов Н.В. 1981: Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 132–136.

Анфимов Н.В. 1988: Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. 4, 138–145.

Аптекарев А.З. 2002: Новый клад пантикапейских монет II в. до н.э. из Краснодарского края // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 72–78.

Бурачков П.О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

Голенко К.В. 1970: К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н.э. // НЭ. VIII, 17–23.

Голенко К.В. 1974: Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. XI, 61–93.

Голенко К.В., Шелов Д.Б. 1963: Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1964 гг. // НиСф. 1, 3–65.

Завойкин А.А. 2004: Краткий очерк истории Боспора VI — первой четверти III вв. до н.э. // ПИФК. XIV, 58–93.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты // МИА. 16.

Зограф А.Н. 1952: Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 25, 363–385.

Кругликова И.Т., Фролова Н.А. 1980: Монеты из раскопок Горгиппии 1967–1972 гг. // Горгиппия. I. Краснодар, 103–121.

Крушкол Ю.С. 1965: Находки античных монет в Анапском районе // НЭ. V, 51–55.

Мельчарек М. 2003: Еще раз о серебряных монетах Левкона II // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 30–31.

Пахомов Е.А. 1926–1966: Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. I–IX. Баку.

Петерс Б.Г. 1978: Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловка на Керченском полуострове // НЭ. VIII, 3–6.

Строкин В.Л. 2010: Монеты с поселения Голубицкая 2 // ДБ. 14, 451–467.

Фасмер Р.Р. 1929: Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики в 1920—1925 гг. // СГАИМК. II, 281–324.

Фролова Н.А. 1980: Монеты из раскопок Горгиппии 1973–1977 гг. // Горгиппия (Материалы Анапской археологической экспедиции). Т. I. Краснодар, 122–136.

Фролова Н.А. 1997: Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. IV, 143–175.

Фролова Н. А. 1999: Об изображениях щита и меча на одном типе монет боспорского царя Левкона II (вторая половина III в. до н.э.) // ПИФК. VII, 310–325.

Харко Л. П. 1968: Монетные находки на Фанагории // СГАИМК. 4, 94–99.

Шелов Д. Б. 1950: Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 3, 168–178.

Шелов Д. Б. 1953: Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1, 30–39.

Шелов Д. Б. 1954. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н.э. // МИА. 33, 58–70.

Шелов Д. Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

Шелов Д. Б. 1960: Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. I, 208–214.

Шелов Д. Б. 1962: Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. III, 56–129.

Шелов Д. Б. 1965: Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. V, 31–50.

Burtstein S. M. 1974: The War between Heraclea Pontica and Leukon I od Bosporus // Historia. 23, 401–416.

Frolova N. A. 1998: Über die Darstellungen von Schild und Schwert auf einem Münztyp des bosporanischen Königs Leukon II. (zweite Hälfte des 3. Jhs. V. Chr.) // Stephanos nomismatikos. Edith Schönert-Geiss zum 65 / U. Peter (hrsg.). Berlin, 251–269.

Frolova N., Ireland S. 1995: A Hoard of Bosporan Coins in the Period Third Century BC to AD 238 from Ancient Gorgippia // NC, 21–42.

Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M. 1973: An Inventory of Greek Coin Hoards. New York.

Seyrig H. 1963: Monnaies hellénistiques. 1. Royaume du Bosphore cimmérien // RN. 5, 7–11.

TWO HOARDS OF BOSPORAN COINS FROM THE ANCIENT SETTLEMENT ‘‘USATOVA BALKA 3’’ (2011)

M. G. Abramzon, M. A. Kovalenko, N. I. Sudarev

The article deals with two hoards of Bosporan bronze coins found under excavation of the ancient settlement ‘‘Usatova Balka 3” (Anapa district, Krasnodar Territory) in 2011 season. The first hoard was kept in a small red clay vessel and contained 5 tetrakhalks with bearded satyr’s head/fore-part of griffin, sturgeon (Shelov 1956, pl. V, 57) issued in 330–315 BC. The hoard was buried in the late 4th century BC on the eve of monetary crisis. The second hoard (or a purse?) contained 8 coins of Bosporan king Leukon II (c. 240–220 BC): 2 obols with the head of Hercules/bow and club (Shelov 1956, pl. VII, 76) and 6 tetrakhalks with Athena/thunderbolt (Shelov 1956, pl. VII, 77). It is the fourth known hoard with Leukon II’s coins. All hoards and overwhelming majority of isolated Leukon II’s coins were found on the Asian side of the Bosporus, mainly in the vicinity of Anapa.

Key words: Bosporus, Gorgippia, ancient settlement ‘‘Usatova Balka 3”, ancient coins, Leukon II.

© 2011

М. Г. Абрамзон, В. Н. Зинько

ЗОЛОТЫЕ СТАТЕРЫ ЕВПАТОРА И САВРОМАТА II ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ

В 2010 г. в ходе археологических раскопок в северной части городища Тиритаки (раскоп XXVIII) в помещении I был обнаружен алтарь в виде небольшого каменного ящика, сложенного из известняковых плиток. Правее алтаря вертикально стоял каменный антропоморф. В данном помещении найдены также фрагменты керамической маски Диониса и два фрагмента большого мраморного плоского блюда. По-видимому, здесь располагался сакральный комплекс, связанный с почитанием Диониса. При расчистке алтаря были обнаружены два золотых статера боспорских царей Евпатора и Савромата II, которые, скорее всего, являлись приношением Дионису. Статер Савромата II позволяет предположить дату приношения Дионису 179 г.н.э. или несколько более поздним временем.

Ключевые слова: Боспорское царство, Евпатор, Савромат II, Тиритака, святилище Диониса, золотые статеры.

В 2010 г. в ходе работ Боспорской охранно-археологической экспедиции Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины и Центра археологических исследований Фонда «Деметра» в северной части городища Тиритаки, в раскопе XXVIII проводилось доследование помещения I. Восточная часть данного помещения находится в раскопе XXI, где В. Ф. Гайдукевичем в 1951–1952 гг. были открыты городские крепостные укрепления, состоящие из башни, оборонительной стены и построек, примыкавших к куртине[1]. Работы экспедиции В. Ф. Гайдукевича на этом раскопе были завершены в кв. 9–11 на глубине 0,7 м. В 2007 г. к западу от него был заложен раскоп XXVIII, где в 2010 г. была открыта западная часть помещения I.

Помещение I располагается в кв. 9–11 раскопа XXI, а также в кв. 2 раскопа XXVIII. Его северной границей является внутренний фас северной оборонительной стены городища (куртина № 2), выявленной в пределах кв. 2 (раскоп XXVIII) и кв. 9–10 (раскоп XXI), восточной границей — стена № 7 (раскоп XXI), западной — стена № 1, а южная стена пока не выявлена. В данном помещении на отметке 18,9 м найден слой морской травы (камки), под которым на уровне

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Магнитогорского государственного университета. E-mail: history@masu.ru

Зинько Виктор Николаевич — доктор исторических наук, директор Благотворительного фонда «Деметра». E-mail: zinko@demetra.ua

[1] Гайдукевич 1958.

18,75–18,85 м расчищена вымостка из тщательно уложенных больших плоских необработанных камней. В восточной части помещения (раскоп XXI, кв. 9–12) вымостка сохранилась лишь частично. При зачистке западной части помещения I на отметке 18,7 м в вымостке выявлена канавка, ориентированная по линии СЗ — ЮВ, обложенная мелкими плоскими камнями. Она начиналась у западной стены помещения и шла параллельно северной стене. У восточного фаса стены № 1, к югу от канавки, найден алтарь в виде небольшого каменного ящика размерами 26 х 20 х 35 см и глубиной 10 см, сложенного из нескольких грубо обработанных известняковых плиток. Рядом находилась каменная крышка, стоявшая на ребре (рис. 1). Справа от алтаря (чуть к северу) у западной стены помещения вертикально стоял каменный антропоморф. В этом же помещении среди фрагментов амфорной тары и столовой посуды первых веков н.э. найдены части керамической маски Диониса (рис. 2, *1–2*) и два фрагмента большого мраморного плоского блюда (рис. 2, *3*). По-видимому, в помещении I располагался сакральный комплекс, связанный с почитанием Диониса.

При расчистке алтаря были обнаружены два золотых боспорских статера II в. н.э. (цв. вклейка 2, *2*). Обе монеты поступили на хранение в Керченский историко-культурный заповедник[2].

1. Статер Евпатора (154–170)

ΓϹY — 463 г. б.э. = 166 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΕΥΠΑΤΟΡΟϹ**

Бюст Евпатора в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема.

О.с. Бюсты Марка Аврелия и Луция Вера друг против друга, между ними — копье; внизу — **ΓϹY**. Точечный ободок.

Инв. № КП–176648, диаметр 20мм (цв. вклейка 1, *1*).

Лит.: *Анохин* 1986, табл. 24, 542а; *Фролова* 1971, табл. V, 13; 1997а/I, 296, табл. LXX, 17–21.

Монетное дело боспорского царя Тиберия Юлия Евпатора (154–170) детально исследовано Н. А. Фроловой[3]. К 1997 г. ею было учтено всего 205 статеров Евпатора[4], из которых только 8 отчеканены в 463 г. до н.э. = 166 г. н.э.[5] На статерах этого года Н. А. Фролова зафиксировала следующие два вида дифферентов между бюстами Марка Аврелия и Луция Вера на реверсе: 1) точка — 2 экз.[6]; 2) копье и точка — 5 экз.[7] Она издала также экземпляр без какого-либо дифферента[8]. Все учтенные Н. А. Фроловой статеры данного года происходят из музейных[9] и част-

[2] В настоящее время оба статера находятся в пробирной лаборатории, поэтому их проба и точный вес пока не известны.

[3] Фролова 1971, 62–75; 1997а/I, 145–147, 288–300.

[4] Фролова 1997а/I, 288–298.

[5] Фролова 1997а/I, 296.

[6] Фролова 1997а/I, 296, табл. LXX, 15–16.

[7] Фролова 1997а/I, 296, табл. LXX, 17–21.

[8] Фролова 1997а/I, 296, табл. LXX, 22.

[9] Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж — 4 экз. (инв. № 823–826); Киев, Музей исторических драгоценностей Украины — 1 экз. (инв. № 13); Мюнхен, Государственный музей — 1 экз. См. Фролова 1997а/I, 296.

ных собраний. Они отчеканены тремя штемпелями л.с. и шестью штемпелями о.с. Встречаются также статеры 166 г. с дифферентом на л.с. — палицей[10], причем этот штемпель л.с. был в употреблении еще в 164 г. н.э.[11], а также с еще одним дифферентом о.с. — звездой[12]. Статер из Тиритаки отчеканен тем же штемпелем л.с., что еще 4 экземпляра, изданные Н. А. Фроловой[13]. Штемпель его о.с. не зарегистрирован в литературе.

Между тем известны еще 5 экземпляров статеров 166 г. н.э. из клада, найденного в 1960 г. около Краснобатарейного городища (Крымский р-н Краснодарского края)[14]. Этот клад упоминался Н. А. Фроловой еще в 1974 г.[15], однако стал доступен нам для изучения только в 1998 г. и опубликован впервые в 2000 г.[16]. Четыре статера 166 г. н.э. имеют на о.с. дифферент между бюстами императоров — копье, один — звезду[17]:

1) инв. № КМ 1002; 7.90 г; дифферент — копье; А-а[18]
2) инв. № КМ 1003; 7.72 г; дифферент — копье; А-б[19]
3) инв. № КМ 1004; 7.85 г; дифферент — копье; А-а[20]
4) инв. № КМ 1005; 7.78 г; дифферент — звезда; Б-в[21]
5) инв. № КМ 1006; 7.75 г; дифферент — копье; А-б[22]

Из пяти этих монет четыре отчеканены тем же штемпелем л.с., что и статер из святилища в Тиритаке. Таким образом, к настоящему моменту с учетом тиритакской находки зарегистрировано всего 14 экземпляров статеров 166 г. н.э., причем 10 из них отчеканены одним и тем же штемпелем л.с.

Находка статера Евпатора 166 г. н.э. в Тиритаке представляет большой интерес, поскольку не только золотые, но и даже медные монеты этого царя встречаются в материалах боспорских городищ довольно редко. В нумизматических материалах из археологических раскопок Тиритаки[23] монеты Евпатора почти отсутствуют: единственный сестерций этого царя был найден в 1933 г.[24]. По наблюдениям Н. А. Фроловой[25], в находках на Боспоре меньше всего медных монет принадлежит Евпатору, что объясняется резким сокращением медных эмиссий на Боспоре, вызванным зарождающимся кризисом в денежном обращении государства.

---

[10] Фролова 1971, табл. V, 12; 1997а/I, 296, табл. LXX, 15–16.
[11] Фролова 1971, 65, табл. V, 10.
[12] КБКАМ I, 308, № 81, табл. 94, 81.
[13] 1–2) ГЭ 825–826; 3) Schlessinger 1934 (XI), taf. 8, 219; 4) Мюнхен, Государственный музей.
[14] Клад хранится в Краснодарском музее (инв. № КМ 925–1013).
[15] Фролова 1974, 27; 1989, 196, № 11.
[16] Абрамзон 2000, 26–27; Абрамзон, Фролова, Горлов 2000а, 60–68; 2002, 260–269; Abramzon, Frolova, Gorlov 2001a, 169–184; КБКАМ I, 304–309.
[17] Атрибут Афродиты Урании; встречается на статерах Евпатора с 461 г. б.э. = 164 г. н.э. См. Фролова 1997а/I, 145, табл. LXX, 22.
[18] КБКАМ I, 308, № 78, табл. 94, 78.
[19] КБКАМ I, 308, № 79, табл. 94, 79.
[20] КБКАМ I, 308, № 80, табл. 94, 80.
[21] КБКАМ I, 308, № 81, табл. 94, 81.
[22] КБКАМ I, 308, № 82, табл. 94, 82.
[23] Харко 1952, 357–362; Зограф 1952, 363–385; Белова 1958, 330–350.
[24] Зограф 1941а, 166, № 60.
[25] Фролова1974, 27–29.

Рис. 1

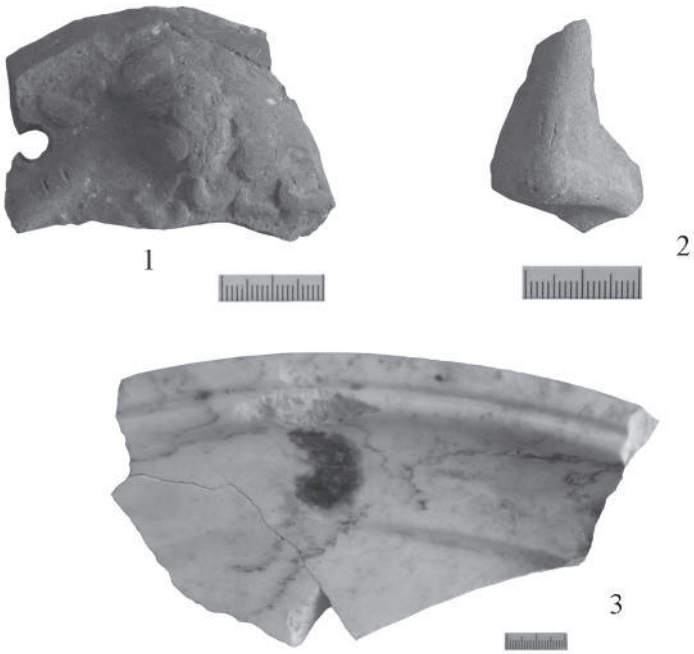


Рис. 2

Нам известны немногочисленные единичные находки золота Евпатора на боспорских городищах:

Табл. 1. Единичные находки золотых статеров Евпатора на Боспоре

№ п/п	Год н.э.	Место находки	Год находки
1	158	Окрестности аула Тауйхабль, Адыгея, левый берег Кубанского водохранилища[26]	1990–2004 гг.
2	162	Ростов-на-Дону[27]	1823 г.
3	162	Сел. Калинино (окраина г. Краснодара)[28]	1958 г.
4	163	Хут. Каратаево (Сухо-Чалтырское городище)[29]	в 1996 г.
5	164	Окрестности аула Тауйхабль, Адыгея, левый берег Кубанского водохранилища[30]	1990–2004 гг.
6	164	Горгиппия[31]	1984 г
7	166	Тиритака	2010 г.

Если изолированные находки статеров Евпатора достаточно редки, то они все же встречаются в боспорских кладах золотых монет II–III вв. н.э., присутствуя в двенадцати комплексах (табл. 2). Наибольшее количество золотых монет Евпатора входит в состав клада с Краснобатарейного городища, в котором из 89 монет 69 принадлежало этому царю. Это единственный из известных нам кладов боспорского золота, зарытый в правление самого Евпатора — в 170 г. н.э. или в ближайшие последующие годы, но не позднее 174 г. н.э., когда боспорский престол занял царь Савромат II[32].

[26] Хушт, Тов 2007, 28, № 3.
[27] Пропилеи 1854, 395; Безуглов 2000, 92.
[28] Пахомов 1966 (IX), 23, № 2087. Место хранения — Краснодарский музей.
[29] Безуглов 2000, 91, 94, № 6, цв. фото 11–12. Вес 7,76 г, диаметр 19мм.
[30] Хушт, Тов 2007, 28, № 4.
[31] Фролова 1997б, 165, № 890. Уникальный медный статер — имитация золотого статера 164 г. н.э.
[32] КБКАМ I, 305.

Табл. 2. Клады с золотыми статерами Евпатора[33]

№ п/п	Год н.э.	Клады												
		Ст. Гниловская — Нижне-Гниловское городище (до 1823)[34]	Ст. Усть-Лабинская (1849)[35]	Кобяковское городище (1850)[36]	Окрестности Горгиппии (1852)[37]	Пантикапей (1867)[38]	Хапровское городище (1868)[39]	Близ г. Майкопа (1910–1912)[40]	Ростов-на-Дону (до 1917)[41]	Нимфей (1949)[42]	Нижне-Гниловское городище (1958)[43]	Краснобатарейное городище (1960)[44]	Усть-Лабинск (2003)[45]	**ВСЕГО**
1	154													
2	155										1	1		2
3	156													
4	157											1		1
5	158											1		1
6	159											1	1	2
7	160									1	2	1		4
8	161											2		2
9	162										3	11	1	15
10	163							1	1			16		18
11	164										1	20		21
12	165											3		3
13	166											5		5
14	167											5		5
15	168													
16	169													

[33] Здесь и далее серым цветом выделены клады, о составе которых нет точных данных. Учтено количество статеров только в кладах, хранящихся в музеях.

[34] Пропилеи 1854, 389, 391; Безуглов 2000, 91.

[35] Люценко 1880, 27–28; КБКАМ I, 328. По сведениям Е. Е. Люценко, клад содержал около 600 статеров от Савромата I до Котиса III, среди которых были и статеры Евпатора. Точное количество неизвестно.

[36] Люценко, 1880, 47; Безуглов 2000, 87; КБКАМ I, 313. Точное количество не известно. Всего 12 статеров Реметалка, Евпатора, Савромата II.

[37] Люценко 1880, 29, № 4; КБКАМ I, 329. По сведениям Е. Е. Люценко, клад содержал около 800 статеров от Котиса II до Савромата III, в том числе и статеры Евпатора. Точное количество неизвестно.

[38] Люценко 1880, 10, № 6; КБКАМ I, 331. По сведениям Е. Е. Люценко, клад содержал 96 статеров от Котиса II до Котиса III, в том числе и статеры Евпатора. Точное количество неизвестно.

[39] ОАК за 1868, 1870, XVIII–XIX; Люценко 1880, 47–48; Безуглов 2000, 87–88; КБКАМ I, 314–315.

[40] Пахомов 1940 (III), 23, № 737.

[41] Лунин 1941, 240, рис. 1; Безуглов 2000, 92.

[42] Голенко 1974, 73–74; КБКАМ I, 311–312.

[43] Яценко 1993, 43–54; Безуглов 2000, 88–90; КБКАМ I, 315–319.

[44] КБКАМ I, 304–309.

[45] Хушт 2009, 36–38.

Окончание табл. 2

17	170											2		2
Всего								1	1	1	7	69	2	81

Подавляющее большинство статеров Евпатора в известных нам кладах приходится на 162–164 гг. н.э.; кроме того, в музейных собраниях имеется довольно большое количество статеров этих лет.[46] По наблюдениям Н. А. Фроловой, до 161 г. н.э. чеканка золота осуществлялась Евпатором равномерно, но в небольших количествах. Со 161 по 164 гг. она оживляется, увеличиваясь примерно в три раза, что принято связывать с приходом к власти императора Марка Аврелия в марте 161 г. н.э.[47] и ежегодной денежной помощью, которую получал боспорский царь от Рима[48]. Начиная со 165 г. н.э. выпуск статеров резко сокращается. Так, например, Н. А Фроловой учтено всего три статера 165 г. н.э.[49], к которым следует добавить еще три экземпляра из Краснобатарейного клада 1960 г.[50]

Средний вес статеров Евпатора — 7,75 г, содержание золота в них составляет чаще всего 50%[51]. Это на 8–10% ниже, чем в монетах Котиса II (123–132) и Реметалка (131–154). Во второй половине своего правления Евпатор чеканит монеты с пониженным содержанием золота и серебра. Его статеры последних эмиссий имеют 48–49% золота в своем составе. Понижение качества золотого статера, сокращение медных эмиссий и уменьшение веса сестерция вдвое, возможно, свидетельствуют о предпринятой Евпатором попытке проведения реформы денежного обращения. Причины ее видели в прекращении ежегодных денежных субсидий, получаемыми Боспором от Рима. Но, затрагивая вопрос о субсидиях Рима Боспору, прежде всего нельзя считать, что они действительно поступали ежегодно. Они не могли поступать в виде слитков золота и серебра и, поступая в виде серебряных денариев, по-видимому, уходили за пределы Боспорского царства, служа надежным средством для обеспечения мира с окружающими его варварскими племенами[52].

2. Статер Савромата II (174–210)

ϛOY–476 г. б.э. = 179 г. н.э.

Л.с. **ΒΑϹΙΛΕΩϹ ϹΑΥΡΟΜΑΤΟΥ**

Бюст Савромата II в панцире и палудаменте вправо; на голове диадема. Точечный ободок.

О.с. Бюст Коммода вправо, на голове лавровый венок; справа копье; внизу — **ϛOY**. Точечный ободок.

[46] Н. А. Фроловой учтены статеры: 161 г. — 19 экз.; 162 г. — 41 экз; 163 — 28 экз.; 164 — 25 экз. См. Фролова 1997а/I, 191–195.

[47] Фролова 1997а/I, 145–146.

[48] Фролова 1971, 69; 1982, 57–58.

[49] Фролова 1997а/I, 145, 196, табл. LXX, 14.

[50] КБКАМ I, 308, № 75–77.

[51] Фролова 1997а/I, 145, 162–163.

[52] Фролова 1971, 65–66; 1997а/I, 145–146.

Инв. № КП–176649, диаметр 20мм (цв. вклейка 1, 2).

Лит.: *Кёне* 1857, 207, № 4; *Анохин* 1986, табл. 25, 559; *Фролова* 1997а/I, 301, табл. LXXIII, 3–4.

Статер 179 г. н.э. представляет очень большую редкость. До сих пор имелись сведения о существовании всего двух экземпляров статеров эмиссии этого года (оба происходят из собрания Государственного Эрмитажа 1) инв. № 840 — вес 7,82 г; 2) инв. № 841 — вес 7,74 г)[53]. Таким образом, это третий известный нам экземпляр с датой **ϛOY** (476 г. б.э.). Какие-либо иные единичные находки статеров данного года не отмечены в литературе, хотя небольшой ряд изолированных находок статеров более поздних лет правления Савромата II (главным образом, 190-х гг. н.э.) зафиксирован на античных поселениях Боспора.

Табл. 3. Единичные находки электровых статеров Савромата II на Боспоре

№ п/п	Год н.э.	Место находки	Год находки
1	175	Горгиппия[54]	1962 г.
2	179	Тиритака	2010 г.
3	192–197	Ростов-на-Дону[55]	1914 г.
4	193	Ст. Даховская, Краснодарский край[56]	1936–1937 гг.
5	193	Пантикапей?[57]	До 1984 г.
6	196	Пос. Горячий ключ, Краснодарский край[58]	1927 г.
7	197	Фанагория[59]	1947 г.
8	197	Хут. Каратаево (Сухо-Чалтырское городище)[60]	Начало 1980-х
9	198	Анапский р-н, Краснодарский край[61]	До 1959 г.
10	198	Танаис[62]	1999 г.
11	198	Пантикапей?[63]	До 1983 г.
12	200	Мирмекий[64]	1948 г.;
13	?	Окрестности аула Тауйхабль, Адыгея, левый берег Кубанского водохранилища[65]	1990–2004

[53] Фролова 1997а/I, 301, табл. LXXIII, 3–4.

[54] Кругликова 1970, 35, № 41.

[55] Безуглов 2000, 92.

[56] Зограф 1945, 52–53, № 6.

[57] Абрамзон, Иванина 2010, 103, № 425. Место хранения — КИКЗ, инв. № 3–9, КП 102524, КН–3628; вес 7.75 г; диаметр 20 мм; проба 400.

[58] Красное знамя 30.09.1927; Фасмер 1929, 285, № 36. В литературе монета названа серебряной, но, по-видимому, речь идет об электре. По данным Н. А. Фроловой, статеры Савромата II 196 г. н.э. содержали всего 33,3% золота. См. Фролова 1997а/ I, 164.

[59] Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1933; Шелов 1962, 68, № 12. Вес 7.58 г.

[60] Безуглов 2000, 91, 94, № 6, цв. фото 15–16.

[61] Пахомов 1959 (VIII), 16, № 1932.

[62] Медная имитация электрового статера 198 г. См. Яценко 2000, 24–26.

[63] Абрамзон, Иванина 2010, 103–104, № 426. Место хранения — КИКЗ, инв. № 3–8, КП 81478, КН–3610; вес 7.68 г; диаметр 19 мм; проба 375.

[64] Белова 1958, 342, № 193. Вес 7.64 г.

[65] Хушт, Тов 2007, 28, № 5.

В известных нам кладах статеры 179 г. н.э. тоже не встречаются, хотя золотые монеты Савромата II присутствуют в шестнадцати комплексах:

Табл. 4. Клады с электровыми статерами Савромата II

№ п/п	Год н.э.	Клады																
		Ст. Усть-Лабинская (1849)[66]	Кобяковское городище (1850)[67]	Окрестности Горгиппии (1852)[68]	Окрестности Пантикапея (1863)[69]	Пантикапей (1867)70	Хапровское городище (1868)[71]	Пантикапей (до 1884)[72]	Ст. Ханская (1913)[73]	Таманский п-ов (до 1933)[74]	Мысхако (начало 1990-х)[75]	ст. Раевская (1998)[76]	«Клад» Ф.И. Прове (до 1914)[77]	Нимфей (1949)[78]	Нижне-Гниловское городище (1958)[79]	ст. Казанская (1972)[80]	Усть-Лабинск (2003)[81]	**ВСЕГО**
1	178														1[82]			1
2	180															1		1
3	183																1	1
4	184																3	3
5	186																1	1
6	187														1		1	2
7	188														1			1
8	189														2		1	3
9	190													1			1	2
10	192														1			1
11	193															1		1
12	194													1	3			4
13	195														1			1
14	196													1	2			3

66 КБКАМ I, 328.
67 КБКАМ I, 313.
68 КБКАМ I, 329.
69 КБКАМ I, 333.
70 КБКАМ I, 331.
71 КБКАМ I, 314–315.
72 Бурачков 1884, 19; КБКАМ I, 600, № 40.
73 Пахомов 1957 (VII), 22, № 1729; КБКАМ I, 602, № 51.
74 Пахомов 1940 (III), 23, № 740.
75 Безуглов 2000, 94.
76 Безуглов 2000, 94.
77 Bruder Egger 1914, 26, taf. IX, 505–507; КБКАМ I, 322–325.
78 КБКАМ I, 311–312.
79 КБКАМ I, 315–319.
80 Абрамзон 2000, 26–27; Абрамзон, Фролова, Горлов 2000б, 69–72; 2002, 270–273; Abramzon, Frolova, Gorlov 2001b, 185–192; КБКАМ I, 325–327.
81 Хушт 2009, 36–38.
82 Латунная имитация.

Окончание табл. 4

15	197													2	4	2		8
16	198													1	4			5
17	199														1			1
18	203													1				1
19	204													1				1
20	209												3					3
Всего													3	8	21	4	8	44

Если не учитывать клады, о составе которых нет достаточных данных, а также латунную имитацию статера 178 г. н.э. из Нижне-Гниловского клада 1958 г.[83], то в остальных известных нам кладах статеры Савромата II, выпущенные ранее 180 г. н.э., не встречаются и преобладают золотые монеты 180–190-х и начала 200-х гг.

В восьми кладах статеры Евпатора и Савромата II присутствуют совместно:

Табл. 5. Совместные находки статеров Евпатора и Савромата II в кладах

Царь	Клады							
	Ст. Усть-Лабинская (1849)	Кобяковское городище (1850)	Окрестности Горгиппии (1852)	Панти-капей (1867)	Хапровское городище (1868)	Нимфей (1949)	Нижне-Гниловское городище (1958)	Усть-Лабинск (2003)[84]
Евпатор						1	7	2
Савромат II						8	21	8

Сопоставление составов боспорских кладов I — первой половины III в. н.э. и единичных монетных находок из археологических раскопок боспорских городищ свидетельствует о том, что основную массу денежного обращения Боспора в римское время составляли золотые и медные боспорские монеты. При этом боспорская медь выполняла функции разменной монеты, а функции средства обращения и меры стоимости принадлежали только золотым царским статерам[85]. Это касается не только денежного обращения на городищах, расположенных на основной территории Боспорского царства, но и периферии, например, нижнедонских городищ и Танаиса[86]. Характер последних существенно различается: в Танаисе преобладают медные боспорские монеты, находки золота очень редки. На донских городищах, напротив, боспорская медь присутствует в незначительном количестве, зато они знамениты своими кладами золотых статеров (Кобяковский, Хапровский, Нижне-Гниловской, Ростовский). Кладовые находки золота (иногда очень значительные) представляют для своей эпохи огромный экономический потенциал и позволяют предполагать существование в поселениях слоя крупных торговцев-посредников. Золотые и электровые статеры неизменно сохраняли роль дорогих денег и не предназначались для широкого повседневного использования. Именно поэтому боспорское золото часто встречается в кладах, и редко — в сло-

[83] Безуглов 2000, 96, № 1.
[84] Хушт 2009, 36–38.
[85] Фролова 1997а/II, 172.
[86] Безуглов 2000, 93.

ях боспорских городов, и еще реже — в погребениях. Разрыв между функциями золота и меди составлял одну из особенностей денежной системы Боспора I — начала III в. н.э.: золото обслуживало крупные торговые операции, а обильные эмиссии меди — повседневный массовый оборот.

Тиритака в этом отношении также не представляет исключения: судя по изданным нумизматическим материалам из ее раскопок[87], здесь найдено несколько десятков единичных медных монет II–III вв. н.э. и даже два крупных клада биллонных боспорских статеров III в. н.э. (1937 г.[88], 1946 г.[89]), однако золотые статеры же встречаются здесь впервые. Еще Л. П. Харко отмечал отсутствие в материалах раскопок Тиритаки золотых и серебряных монет, находки каковых всегда представляли собой сравнительно редкое явление во всей полуторавековой практике черноморской археологии[90]. Следует отметить также, что среди нумизматических материалов из раскопок Тиритаки, изданных Л. П. Харко, А. Н. Зографом, Л. Н. Беловой, присутствует всего одна монета Евпатора совсем отсутствуют, а все найденные немногочисленные монеты Савромата II — медные. По этой причине сама по себе находка золотых статеров этих царей в Тиритаке уже представляет исключительный интерес.

Но вернемся к сакральному комплексу, связанному с культом Диониса, из помещения I, где в каменном ящике-алтаре были найдены упомянутые золотые монеты. Алтари-«лари» из известняковых плит, располагавшиеся внутри помещений по углам или у стен жилищ, получили широкое распространение на поселениях Боспора. Полагали, что они типологически восходят к ящикам-фависсам у некоторых античных храмов[91], однако также предполагается их многофункциональное назначение[92]. Среди жертвоприношений иногда встречаются и монеты — одна из наиболее распространенных форм приношений или жертв, в частности, персонажам хтонического «круга»[93]. Так, например, при раскопках фависсы на Майской горе, рядом с Фанагорией, были найдены медные боспорские монеты[94]. Монеты часто находят в местах античных святилищ в Причерноморье[95], при раскопках храмов и культовых зданий (в том числе и золотые — например, статер Митридата VI Евпатора 69/68 гг. до н.э. из храма в Пантикапее)[96]. Огромное количество серебряных и медных греческих и римских монет (около 1200) было сосредоточено в святилище Ахилла на Тендровской косе: анализ нумизматического материала свидетельствует о функционировании этого святилища в течение около 600 лет — со II в. до н.э. по IV в. н.э.[97]. Монеты в качестве приношений встречены и в каменных «ларях» из ряда боспорских сельских святилищ — у поселений «Полянка»[98],

[87] Харко 1952, 357–362; Зограф 1952, 363–385; Белова 1958, 330–350.
[88] Зограф 1940, 58–61; Брабич 1967, 5–49; КБКАМ I, 404–445.
[89] Гайдукевич 1947, 199–201; Харко 1949, 73–86; КБКАМ I, 521–528.
[90] Харко 1952, 358.
[91] Сокольский 1976, 101.
[92] Масленников 2007, 517.
[93] Масленников 2007, 519.
[94] Шелов 1963, 90.
[95] Зограф 1941б, 152–160.
[96] Зинько, Аветиков 1996, 71–74; Зинько 2000, 219–221.
[97] Тункина 2002, 453, 461–470.
[98] Масленников 2007, 17.

Генеральское-Восточное[99] и др. Как правило, все найденные в боспорских святилищах монеты — медные, очень распространенных типов, часто мелких номиналов. Археологический контекст монетных находок иногда позволяет предполагать их некий хтонический смысл[100], иногда причастность к обряду освящения зданий при строительстве[101]. Так или иначе, они связаны с сакральным контекстом.

Сакральный комплекс из помещения I раскопов XXVIII и XXI, по-видимому, принадлежит к категории так называемых частных святилищ; частные культы и святилища в античную эпоху были самыми распространенными сакральными действиями и культовыми объектами. Круг адептов того или иного культа (в данном случае культа Диониса — М.А., В.З.) или участников сакральных действий был небольшим. Это подразумевает, прежде всего, семейный или реже узко профессиональный характер таких святилищ[102]. Кем бы ни были лица, посвятившие два золотых статера Дионису в сакральном комплексе в помещении I, они, несомненно, принадлежали к весьма обеспеченному слою населения Тиритаки. Статер Савромата II же позволяет датировать это приношение 179 г. н.э. или несколько более поздним временем. Таким образом, это второй случай находки золотых монет в боспорских святилищах после того, как в 1992 г. при раскопках храма в Пантикапее был найден уникальный золотой статер Митридата VI Евпатора[103].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г. 2000: Два клада боспорских статеров II–III вв. н.э. из Краснодарского музея // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 26–27.

Абрамзон М.Г., Иванина О.А. 2010: Античные монеты. Из коллекции Керченского историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. II. Киев.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008: Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // БИ. Supplementum 2.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. 2000а: Клад золотых боспорских статеров II в. н.э. с Краснобатарейного городища // ВДИ. 4, 60–68.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. 2000б. Клад золотых боспорских статеров II–III вв. н.э. из ст. Казанской // ВДИ. 4, 69–72.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.: 2002. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Безуглов С.И. 2000: К реконструкции состава донских кладов боспорского золота // ДА. 2, 86–97.

Белова Л.Н. 1958: Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата // МИА. 85, 330–350.

Брабич В.М. 1967: Клад боспорских статеров III в. н.э. из Тиритаки // ТГЭ. IX, 5–49.

Бурачков П.О. 1884: Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней России. Ч. I. Одесса.

[99] Масленников 2007, 100, 113, 146.
[100] Масленников 2007, 161, 493.
[101] Фролова, Савостина 1998, 140–152.
[102] Масленников 2007, 483.
[103] Зинько 2000, 220; Абрамзон, Иванина 2010, 114, № 557.

Гайдукевич В. Ф. 1947: Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия // ВДИ. 3, 187–204.

Гайдукевич В. Ф. 1958: Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 85.

Голенко К. В. 1974: Монеты из раскопок Нимфея 1939–1970 гг. // НЭ. XI, 61–93.

Зинько В. Н. 2000: Понтийские монеты из пантикапейского храма в антах // МАИЭТ. VII, 219–221.

*Зинько В. Н., Аветиков А. А.*1996: Монеты из раскопок культового здания северо-западного района Пантикапея // ПИФК. III, 71–74.

Зограф А. Н. 1940: Тиритакский клад // КСИИМК. VI, 58–61.

Зограф А. Н. 1941а: Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932–1934 гг. // МИА. 4, 157–172.

Зограф А. Н. 1941б: Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 7, 152–160.

Зограф А. Н. 1945: Распространение находок античных монет на Кавказе // ТОНГЭ. I, 29–85.

Зограф А. Н. 1952: Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 25, 363–385.

Кругликова И. Т. 1970: Монеты из раскопок Горгиппии 1960–1966 гг. // НЭ. VIII, 27–47.

Кёне Б. В. 1857: Описание музеума князя В. В.Кочубея и исследование об истории и нумизматике греческих колоний в России, ровно, как и царств Понтийского и Босфора Киммерийского. Т. I. СПб.

Лунин Б. В. 1941: Материалы к описанию некоторых неопубликованных древних монетных находок на территории Дона и Кубани // Ученые Записки Ростовского финансово-экономического института. Т. I. Ростов-на-Дону, 238–248.

Люценко Е. Е. 1880: Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на юге России. Рукопись // КБКАМ. I, 581–596.

Масленников А. А. 2007: Сельские святилища европейского Боспора. Тула.

Пахомов Е. А. 1926–1966: Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. I–IX. Баку.

Пропилеи. 1854: Т. IV. М.

Сокольский Н. И. 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Тункина И. В. 2002: Русская наука о классических древностях (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Фасмер Р. Р. 1929: Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики в 1920—1925 гг. // СГАИМК. II, 281–324.

Фролова Н. А. 1971: Монетное дело боспорского царя Евпатора (154–170 гг. н.э.) // НЭ. IX, 62–75.

Фролова Н. А. 1974: Денежное обращение Боспора в 45–234 гг. н.э. // НиСф. 5, 16–30.

Фролова Н. А. 1982. О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 55–63.

Фролова Н. А. 1989: Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 4, 196–206.

Фролова Н. А. 1997а: Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. — середина IV в. н.э. Ч. I–II. М.

Фролова Н. А. 1997б: Монеты из раскопок Горгиппии 1979–1989 гг. // ПИФК. IV, 143–175.

Фролова Н. А., Савостина Е. А. 1998: Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? // РА. 1, 140–152.

Харко Л. П. 1949: Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 2, 73–86.

Харко Л.П. 1952: Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. // МИА. 25, 357–362.

Хушт М.А. 2009: Клад боспорских статеров первых веков н.э., обнаруженный под Усть-Лабинском в 2003 г. // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г. Ростов-на-Дону, 36–38.

Хушт М.А., Тов А.А. 2007: Новые находки боспорских монет на южном берегу Краснодарского водохранилища (Республика Адыгея) // Четырнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 16–21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург, 27–29.

Шелов Д.Б. 1962: Находки монет в Фанагории в 1947–1957 гг. // НЭ. III, 56–129.

Шелов Д.Б. 1963: Монетные находки на Майской горе // НЭ. IV, 89–94.

Яценко В.В. 1993: Клад электровых боспорских статеров с Гниловского городища // ВДИ. 3, 43–54.

Яценко В.В. 2000: Медный статер Савромата II из Танаиса // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 17–21 апреля 2000 г. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 24–26.

Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. 2001a: A hoard of Bosporan gold staters of the 2nd century AD from the city-site Krasnobatareinoye // ACSS. Vol. 7.3–4, 169–184.

Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. 2001b. A hoard of Bosporan gold staters of the 2nd and 3rd centuries AD from the village of Kazanskaya // ACSS. Vol. 7.3–4, 185–192.

Brüder Egger. 1914: Auktions-Katalog. XLVI: Griechische Münzen. Sammlung des Herr Theodor Prowe, Moskau und aus anderem Besitz. Wien.

Schlessinger F. 1934: Münz-Auktion. XI. Sammlung ausländischen Museumsbesitz. Berlin.

GOLDEN STATERS OF EUPATOR AND SAUROMATES II FROM TYRITAKE EXCAVATION

M.G. Abramzon, V.N. Zinko

In 2010 archaeological excavation of the northern part of Tyritake city-site (site XXVIII) a boxlike altar made of limestone tiles was found in the Room I. A vertical anthropomorphist stone was situated to the right of the altar. Ceramic fragment of Dionysus mask and two fragments of a marble platter were also found there. It appeared to have been a sacral complex associated with the worship of Dionysus. Altar clearing uncovered two golden staters of Bosporus kings Eupator and Sauromates II, which are most likely to have been offerings to Dionysus. Sauromates II's stater suggests dating offerings to Dionysus to AD 179 or a little later.

Key words: Bosporan Kingdom, Eupator, Sauromates II, Tyritake, Dionysus sanctuary, gold staters.

© 2011

А. Е. Терещенко

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ АРТЮЩЕНКО II (2009–2010 гг.)

В статье публикуется коллекция медных монет III–II вв. до н.э., найденных в ходе раскопок сельского поселения Артющенко II (Таманский п-в). По наблюдениям автора, их количество оказалось больше, чем можно было бы ожидать при исследовании небольшого участка поселения. Находка здесь же бронзового кимвала и плохая сохранность монет, вызванная длительностью их обращения, заставляет автора предположить, что монеты являлись вотивными приношениями, а само место находки считать неким сакральным участком.

Ключевые слова: античные монеты, Боспор, античное поселение Арющенко II.

Трудно переоценить всю важность нумизматического материала для изучения истории развития античных цивилизаций, и, казалось бы, нет нужды муссировать эту тему. Однако до сих пор, к глубочайшему сожалению, отечественные исследователи не всегда уделяют достаточно внимания вопросу своевременной публикации своих монетных находок. В свою очередь, дабы избежать такого рода нареканий, предлагаем вниманию читателя монеты, обнаруженные в последние годы на одном из сельских поселений Таманского п-ва[1].

Итак, в сезоне 2009 г. в ходе археологических исследований и сбора подъёмного материала на поселении Артющенко II Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН было найдено семь боспорских монет. Их временной диапазон охватывает период с первой половины III в. до н.э. до конца первой четверти IV в. н.э.

Л.с. Голова Посейдона вправо; Æ; надчеканка — «голова бородатого сатира».

О.с. Корабельная прора влево; **ΠΑΝΤΙ**[2].

1. Раскоп «Н». 3,7 г (табл. 1, *1*; 2, *6*[3]).

Терещенко Андрей Евгеньевич — кандидат исторических наук, заведующий отделом экспозиционно-выставочной работы Государственного Русского музея. E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

[1] Приношу глубокую благодарность начальнику Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН С. В. Кашаеву за предоставленную информацию и разрешение на публикацию материала.

[2] Датировка: Зограф 1951, 245, табл. XLI,13), начало третьей четверти III в. до н.э. (Шелов 1956, 217, № 74), 210–190 гг. до н.э. (Анохин 1986, 142, № 151/153).

[3] Поскольку состояние монет в большинстве случаев чрезвычайно плохое, для наглядности я прилагаю фотографии монет указываемых типов в лучшем состоянии (обозначены курсивом).

Л.с. Голова Аполлона в венке, вправо; **ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ.**

О.с. Пасущийся Пегас влево. Ок. 37–27 гг. до н.э.[4]

2. Раскоп «Н». 4,9 г. (табл. 1, *2*; 2, *13*).

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Лук и стрела вправо; **ΠΑΝ**. Так называемый «деградированный» тип[5].

3. Подъёмный материал. 1,2 г (табл. 1, *3*; 2, *3*).

4. Подъёмный материал. 1,5 г (табл. 1, *4*).

Л.с. Голова Нике вправо.

О.с. Нос корабля; **ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ**. Медь. 50/49–48/47 до н.э.[6]

5. Подъёмный материал. 6,2 г (табл. 1, *5*; 2, *14*).

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Тирс; **ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ**; монограмма ⋔θ. Серебро. Ок. 90–80 гг. до н.э.[7]

6. Подъёмный материал. 3,2 г (табл. 1, *6*).

Л.с. Бюст Рискупорида V вправо, вокруг легенда **ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ**.

О.с. Голова императора вправо, внизу три буквы, обозначающие год, справа «точка». Хотя состояние монеты очень плохое, но некоторые черты позволяют предполагать в ней № 771ж по В. А. Анохину, т.е. — 325/326 г. н.э.[8]

7. Подъёмный материал. 5,4 г (табл. 1, 7).

В сезоне 2010 г. исследование памятника было продолжено. В ходе раскопок на территории некрополя было обнаружено 3, а на поселении — 19 медных монет пантикапейской и фанагорийской чеканки, датируемых периодом с первой половины III по первую четверть I в. до н.э. Все монеты имеют очень плохую сохранность: в подавляющем большинстве случаев ущербность их внешнего вида вызвана не столько пребыванием в почве, сколько длительностью обращения.

Хронологически они распределяются следующим образом.

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке, влево.

О.с. Лук и стрела вправо, снизу **ΠΑΝ**. Медь. Тетрахалк(?)[9].

1. Поселение. Кв.V, шт. 2, сп. 26; 4,8 г; 18 мм. Перечеканен из типа «голова безбородого сатира в плющевом венке влево, надчеканка в виде 12-лучевой звезды голова льва влево, под ним осётр; **Π-Α-Ν**» (табл. 1, *11*; 2, *1*).

2. Поселение. Кв. III, сп. 10; 3,7 г; 19 мм (табл. 1, *12*; 2, *2*).

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке, влево.

---

[4] Анохин 1986, 148, № 250.

[5] Датировка: 300–250 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, № 5), первая половина III в. до н.э. (Шеллов 1956, 217, № 66), третья четверть III в. до н.э. (Голенко 1970, 23, прил., № 6). Возможно, монеты этого типа начинают появляться на рубеже 70/60-х гг. III в. до н.э. (Терещенко 2009, 168).

[6] Анохин 1986, 147, № 225.

[7] Анохин, 145, № 205а.

[8] Анохин 1986, 174, № 771ж.

[9] Датировка: 300–250 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, № 4), первая половина III в. до н.э. (Шелов 1956, 217, № 65), вторая четверть III в. до н.э. (Голенко 1970, 23, прил., № 4), 275–245 гг. до н.э. (Анохин 1986, 141, № 133). Вероятно, выпуск этого типа мог начаться с рубежа первой-второй — начала второй четверти III в. до н.э. (Терещенко 2009, 168).

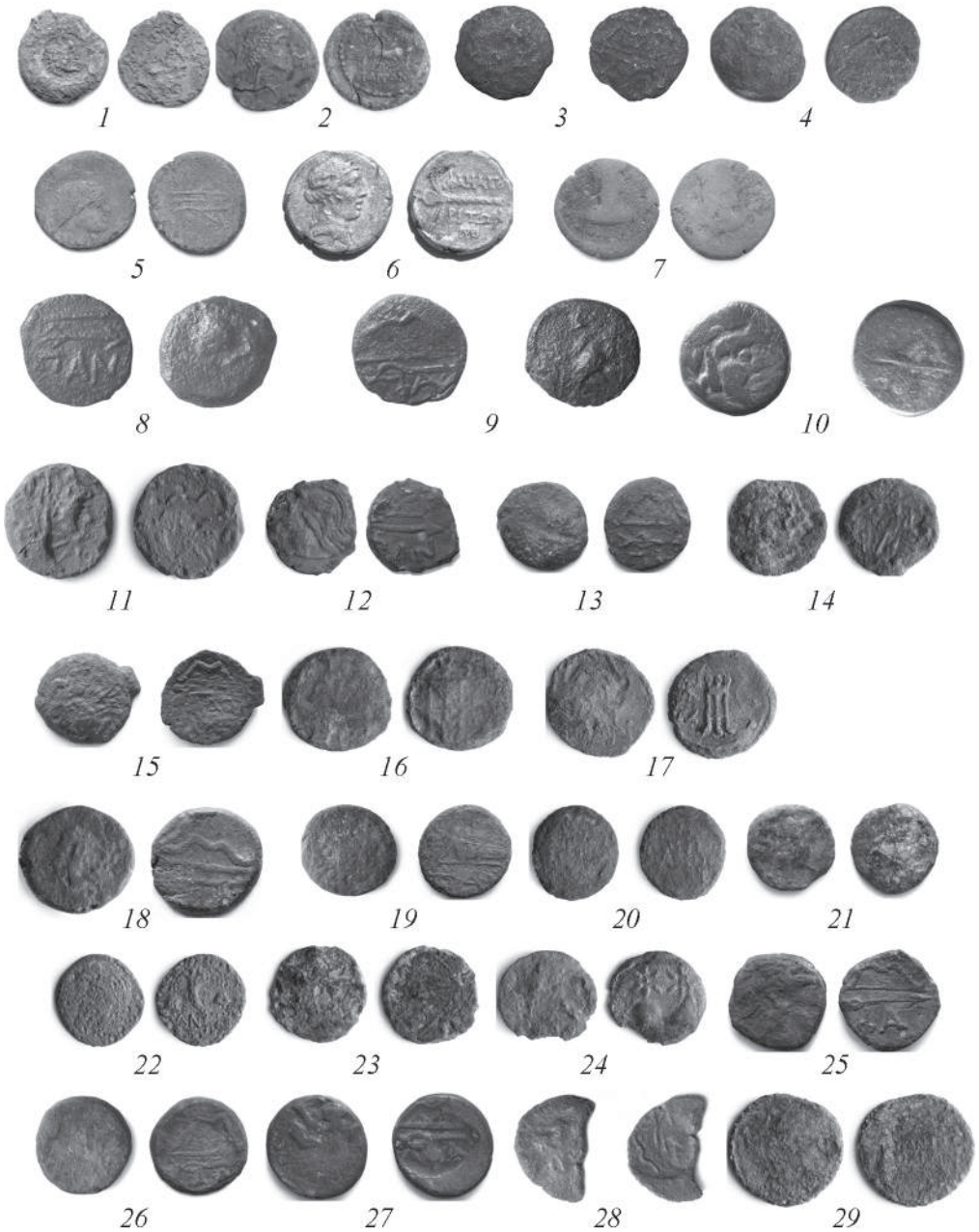


Таблица 1

О.с. Лук и стрела вправо; снизу **ΠΑΝ**. Так называемый «деградированный» тип. Медь. Обол(?)[10].

3. Некрополь. Случайная находка. 1,5 г; 12 мм (табл. 1, *8*; 2, *3*).

4. Поселение. Бровка между кв. II и III, сп. 39; 1,6 г; 13 мм (табл. 1, *13*).

5. Поселение. Прирезка I, шт. 1, сп. 19; 1,2 г; 14 мм (табл. 1, *14*).

6. Поселение. Кв. IV, шт. 2, сп. 8; 1,3 г; 14 мм (табл. 1, *15*).

Л.с. Голова Аполлона в венке вправо.

О.с. Треножник, снизу, справа или слева от него **ΠΑΝ**. Медь. Дихалк (?)[11].

7. Поселение. Кв. V, шт. 4, сп. 35; 2,5 г; 16 мм. Надпись справа от треножника (табл. 1, *16*; 2, *4*).

8. Поселение. Котлован, сп. 18; 2,0 г; 13 мм. Надпись слева от треножника. Перечеканен из типа «голова безбородого сатира влево — лук и стрела вправо, снизу — **ΠΑΝ**» (табл. 1, *17*).

Л.с. Голова бородатого сатира вправо.

О.с. Лук и стрела, под ними надпись **ΠΑΝ**. Медь. Тетрахалк (?)[12].

9. Поселение. Прирезка III, шт. 2, сп. 32; 3,6 г; 14 мм (табл. 1, *18*; 2, *5*).

Л.с. Голова Аполлона в венке вправо.

О.с. Горит, под ним надпись **ΠΑΝ**. Медь. Обол(?)[13].

10. Поселение. Кв. III, шт. 3, сп. 10; 1,5 г; 10 мм (табл. 1, *19*; 2, *7*).

11. Поселение. Прирезка I, шт. 1, сп. 19; 1,9 г; 11 мм (табл. 1, *20*).

Л.с. Голова быка в ¾ вправо.

О.с. Плуг влево, над ним колос, по контуру надпись **Π-Α-Ν**. Медь. Тетрахалк (?)[14].

12. Поселение. Яма № 3, сп. 15; 1,1 г; 11 мм (табл. 1, *21*; 2, *8*).

Л.с. Голова бородатого сатира в плющевом венке влево.

О.с. Рог изобилия между звездоносными шапками Диоскуров. Под ними легенда **ΠΑΝ-ΤΙ.** Медь. Тетрахалк (?)[15].

13. Поселение. Прирезка I, шт. 2, сп. 21; 3,6 г; 18 мм (табл. 1, *22*; 2, *9*).

14. Поселение. Прирезка I, шт. 2, сп. 21; 4,2 г; 21 мм (табл. 1, *23*).

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево.

---

[10] Датировка: 300–250 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, № 5), первая половина III в. до н.э. (Шелов 1956, 217, № 66), третья четверть III в. до н.э. (Голенко 1970, 23, прил., № 6). Возможно, монеты этого типа начинают появляться на рубеже 70/60-х гг. III в. до н.э. (Терещенко 2009, 168).

[11] Датировка: середина III в. до н.э. (Зограф 1951, 245, № 9), середина III в. до н.э. (Шеллов 1956, 217, № 69), 230–220 гг. до н.э. (Анохин 1986, 142, № 141).

[12] Датировка: середина III в. до н.э. (Шелов 1956, 217, № 73), 190–180 гг. до н.э. (Анохин 1986, 142, № 155).

[13] Датировка: 200–110 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, № 9), первая половина и середина II в. до н.э. (Шелов 1956, 219, № 95), 150–140 гг. до н.э. (Анохин 1986, 143, № 169), 215–145 гг. до н.э. (Мельников 2004, 249, таб. I). Начало — третья четверть II в. до н.э. (Абрамзон, Кузнецов 2010, 64–65).

[14] Датировка: 250–200 гг. до н.э. (Зограф 1951, 245, № 12), конец III — начало II в. до н.э. (Шелов 1956, 218, № 83), 160–150 гг. до н.э. (Анохин 1986, 143, № 165), 140–127 гг. до н.э. (Мельников 2004, 250, таб.I).

[15] Датировка: конец III — начало II в. до н.э. (Зограф 1951, 245, табл. XLI, 20), последняя четверть II в. до н.э. (Шелов 1956, 220, № 100; Абрамзон, Кузнецов 2010, 65), 125–113 гг. до н.э. (Мельников 2004, 250, табл. I).

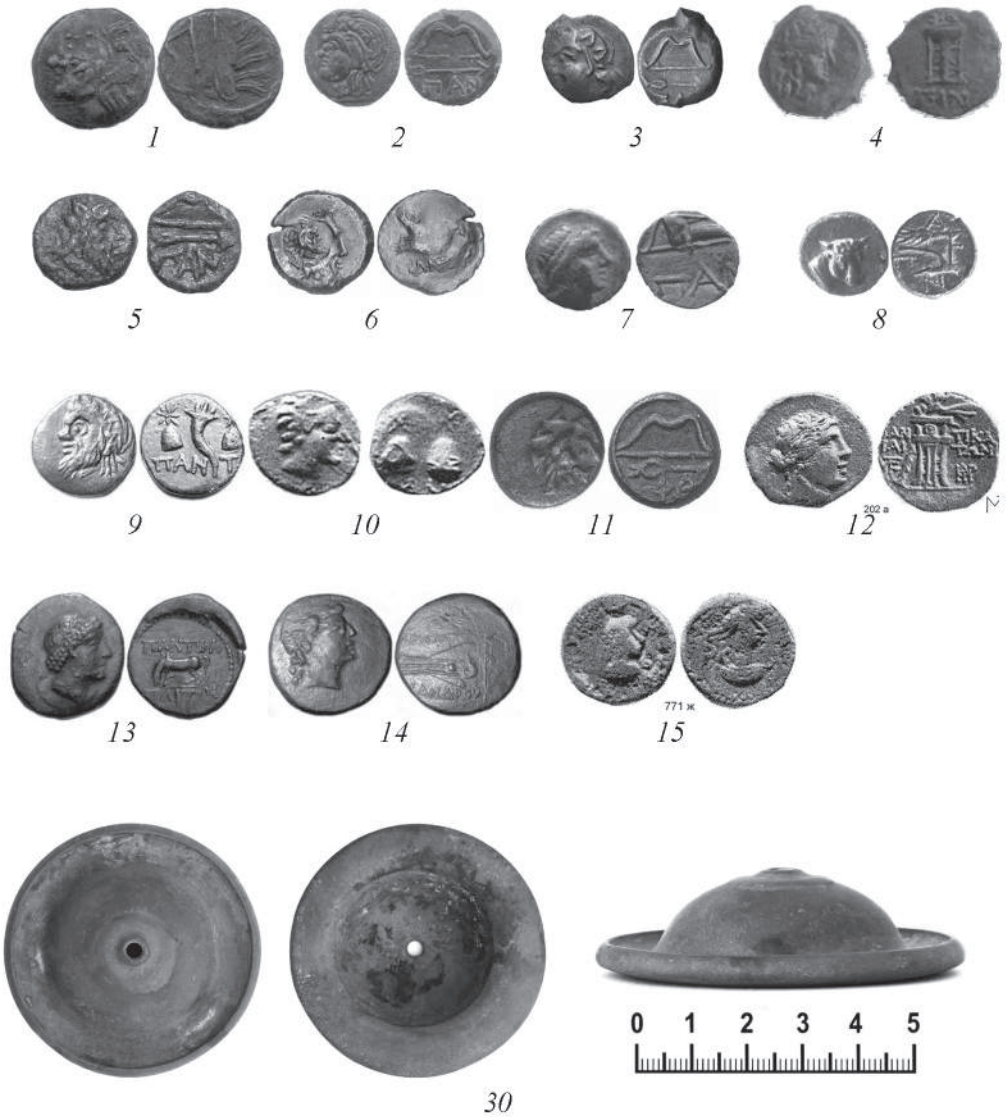


Таблица 2

О.с. Звездоносные шапки Диоскуров, под ними легенда **ΠΑΝΤΙ**. Медь. Дихалк (?)[16].

15. Поселение. Прирезка I, шт. 1, сп. 19; 1,2 г; 13 мм (табл. 1, *24*; 2, *10*).

Л.с. Голова безбородого сатира в плющевом венке вправо.

О.с. Лук, стрела, снизу **ΦΑ**[17].

16. Некрополь. Раскоп «Н». 1,71 г; 12 мм (табл. 1, *9*; 2, *11*).

17. Некрополь. Раскоп «Н». 2,42 г (табл. 1, *10*).

18. Поселение. Прирезка I, шт. 1, сп. 19; 2,4 г; 13 мм (табл. 1, *25*).

19. Поселение. Прирезка I, шт. 2, сп. 21; 1,6 г; 11 мм (табл. 1, *26*).

20. Поселение. Бровка между кв. II и III, сп. 42; 2,0 г; 13 мм. На аверсе видны следы предыдущего чекана — «лук, стрела, **ΠΑΝ**» (табл. 1, *27*).

21. Случайная находка на поверхности. 1,5 г. (табл. 1, *28*).

Л.с. Голова Диониса в венке вправо.

О.с. Треножник и тирс; по сторонам **ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ**[18].

22. Поселение. Прирезка III, шт. 1, сп. 30; 6,1 г; 21 мм (табл. 2, *29*; 2, *12*).

Под названием «Артющенко II» объединяют два памятника: некрополь, находящийся на современной береговой линии, и поселение, располагающееся к северу от некрополя. В ходе раскопок 2010 г., проводившихся на северо-восточной окраине поселения, на территории 135 м² с мощностью культурного слоя от 60 до 85 см, было выявлено примерно полтора десятка ям, в большинстве — очень небольшого размера, различного вида заглубления и длинный котлован. Его дно, как и дно многих ям, представляет собой выходы железной руды. Таким образом, котлован и близлежащие ямы можно интерпретировать как промышленный комплекс по добыче железной руды. По свидетельству Н. И. Сударева, аналогичные комплексы, относящиеся к VI–V вв. до н.э., были открыты на территории памятника «Волна».

Обратим внимание на то, что котлован пересекает раскоп по линии восток — запад по квадрату III, захватывая своим южным бортом квадрат II, и продолжается в прирезке II. Таким образом, количество монет, найденных на площади собственно железорудного комплекса, составляет уже 12 шт., это № 2, 3, 8, 10–15, 18–20. Судя по монетным находкам, период функционирования производства, можно датировать концом первой четверти III — рубежом II–I вв. до н.э. Однако керамический материал, обнаруженный в заполнении котлована, даёт более узкую датировку, в пределах второй половины III — начала II вв. до н.э.

Тем не менее, даже при учёте второй, весьма сокращённой, датировки, предположение о том, что означенный комплекс разрабатывался в течение всего указанного периода, выглядело бы абсолютно фантастическим. Особенно если учесть, что ширина котлована колеблется от 2,50 до 4,50 м, длина — 6,5 м, а глубина, от уровня материка, даже в самом глубоком месте (не считая ям) не превышает 0,20 м.

---

[16] Датировка: конец III — начало II в. до н.э. (Зограф 1951, 245, табл. XLI, 21), последняя четверть II в. до н.э. (Шеллов 1956, 220, № 101; Абрамзон, Кузнецов 2010, 65), 130–125 гг. до н.э. (Анохин 1986, 143, № 176), 125–113 гг. до н.э. (Мельников 2004, 250, табл. I).

[17] Датировка: 250–200 гг. до н.э. (Зограф 1951, 246, табл. XLII, 13), II в. до н.э. (Шелов 1956, 221, № 112), 220–210 гг. до н.э. (Анохин 1986, 142, № 147); 107–96 гг. до н.э. (Мельников 2004, 258).

[18] Датировка: 90–80 гг. до н.э. (Анохин 1986, 145, № 202).

Вместе с тем, чрезвычайно важным представляется тот факт, что на всей площади раскопа, как уже говорилось, было выявлено очень мало (для такой площади) ям[19] хозяйственного назначения, да и назвать их таковыми можно лишь с большой натяжкой. В результате картина, предлагаемая вниманию читателя, рисует облик обычного пустыря на окраине сельского поселения, на котором, вероятно, когда-то проводились работы по добыче железной руды.

Но на этом фоне, совершенно неожиданной и труднообъяснимой выглядит находка небольшого колоколообразного предмета из бронзы, определённого Ю. А. Виноградовым как кимвал (табл. 2, 30). Он был обнаружен, примерно, в четырёх метрах к северу от северного борта рва. Находка такого рода артефакта из сферы эллинской музыкальной культуры на Азиатском Боспоре уже сама по себе является большой редкостью, и уж тем более в таком, на первый взгляд, малоподходящем месте.

В результате, принимая во внимание всё вышесказанное, рискну высказать следующее предположение. Столь высокая концентрация монетных находок на сравнительно небольшом участке рядового сельского поселения, вкупе с музыкальным инструментом, может указывать на некое особое значение этого места. Не исключено, что данная территория после прекращения разработки выходов железной руды приобрела статус сакрального участка, на котором могли проводиться обряды и жертвоприношения. Как представляется, присутствие довольно большого количества монет плохой сохранности, которая обусловлена, главным образом, длительностью обращения, может в определённой степени свидетельствовать об их вотивном характере их.

В целом, принимая во внимание внешний облик представленных здесь монетных находок, можно предположить, что в конце II в. до н.э. все вышеуказанные типы, несомненно, находились в обращении. Однако, вне зависимости от веса и первоначального значения номинала, они, скорее всего, выполняли функции самых мелких подразделений, потеря которых (или жертвование) не так уж огорчительна.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. 2010: Фанагорийское восстание 63 г. до н.э. // ВДИ. 1, 59–88.

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Голенко К. В. 1970: К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н.э. // НЭ. VIII, 17–23.

Зограф А. Н. 1951: Античные монеты // МИА. 16.

Мельников О. Н. 2004: К хронологии монетных выпусков Боспора III — начала I в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы, 248–258. Керчь.

Терещенко А. Е. 2009: Ситуация на западных границах Боспорского царства в конце IV — начале III вв. до н.э. // БИ. Вып. XXI, 164–181.

Шелов Д. Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.

[19] В большинстве случаев более уместен термин «ямки».

EXSCAVATION COINS FROM SETTLEMENT ARTYUSHCHENKO II (2009–2010)

A. Ye. Tereshchenko

The article introduces the bronze coins of the 3rd–2nd centuries BC found during the excavation of the rural settlement Artyushchenko II (Taman). The author noticed that the quantity of coins considerably exceeds the expected number from a small section of the settlement. Besides, the study comprises the analysis of another find — a bronze cymbal. This fact together with a poor condition of coins by the reason of their long circulation suggests votive offerings. The place of the find can be regarded as a sanctuary.

Key words: ancient coins, Bosporus, settlement Artyushchenko II.

© 2011

А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов

ДРЕВНЕЙШЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ В ФАНАГОРИИ*

В статье анализируется стратиграфия и планиграфия древнейшей общественной постройки, открытой раскопками в центральной части городища Фанагории, где располагалось историческое ядро города, и обосновывается хронология этого архитектурного комплекса.

Ключевые слова: Фанагория, архаика, акрополь, общественное здание.

Многолетние исследования в центральной части Фанагории, где находится историческое ядро города, привели к открытию слоя архаического времени на довольно значительной площади (раскоп «Верхний город»). Состояние этого слоя в различных частях раскопа неодинаково (на сегодняшний день исследования доведены до материка на площади в 900 кв.м). Например, в одних местах он был уничтожен полностью, в других — его сохранность позволила исследовать различные строительные объекты. В данной статье мы обратимся к рассмотрению только одного из таких объектов — фундаментов здания № 300 (цв. вклейка № 3, рис. 1). Оно находится в северной половине раскопа, близко к его северо-западному углу. От здания сохранились фундаменты под северную стену, а также частично под восточную и западную (их северные половины). Оно ориентировано примерно по странам света с небольшим отклонением, примерно в 5° (северо-северо–запад — юг–юго-восток). Здание имело прямоугольную, почти квадратную форму. Его размеры: северная стена — 9,4 м, южная — полностью уничтожена, восточная — 7,95 м, западная — 4,05 м. Ширина кладки 0,6 м. Северная стена, несмотря на то, что ее западный конец уничтожен ямой 250, дает полную длину дома. Восточная стена у северо-восточного угла здания уничтожена ямой 198, а в центральной своей части разрушена ямой 200. С внешней стороны северо-восточный угол дома поврежден ямой 177.

Фундамент сложен в два панциря с очень редкими камнями забутовки. Камни имеют довольно крупные размеры — от 0,2 х 0,2 до 0,3 х 0,4 м. Кладки сложены из окатанных и колотых вулканических пород, а также из осадочных (известняк, мрамор). В северной стене сохранилось два ряда камней, в восточной — один-

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail:bospor@inbox.ru

Кузнецов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, заведующий отделом классической археологии Института археологии РАН. E-mail: phanagor@mail.ru

*Работа выполнена в рамках проекта «Фанагория: комплексные исследования античного города», финансируемого РФФИ (№ 09–06–00288а).

два, в западной — один. Стены дома были построены из сырцовых кирпичей. Их следы зафиксированы в западной половине северного фундамента. Кроме того, полоса развалившихся сырцовых кирпичей видна в створе западного фундамента, в южном направлении на расстоянии 0,9 м от того места, где этот фундамент оборвался. Эта полоса имеет длину не менее 2,5 м. Поскольку под описываемой полосой сырцов фундамент отсутствует, то отсюда следует, что кирпичи были положены прямо на грунт. К этому следует добавить, что каменный фундамент не зафиксирован также под южную стену и южную половину восточной. Таким образом, получается, что стены южной части (примерно половины) здания были построены из сырцовых кирпичей, положенных на грунт без какого-либо фундамента. Такая смешанная техника строительства может быть объяснена только стремлением строителей сэкономить дефицитный на Таманском полуострове камень. Поскольку здание было построено на склоне, спускающемся с юга на север, то каменный фундамент под стены был сооружен только там, где была нужна твердая опора (под северную и частично восточную и западную). Там же где была ровная поверхность, кирпичи клали на грунт.

Рис. 2. Фрагмент пола в здании 300 (кв. 37, шт. 26)

Следует обратить внимание на то, что слой между фундаментом северной стены и материком (желтый песок) представляет собой плотный желто-серый суглинок с включениями золы, не образующей прослоек, и мелких фрагментов керамики. Этот слой явно перемешанный и, видимо, перемещенный с другого участка. Предположительно он представляет собой подсыпку в верхней части склона холма, созданную для выравнивания поверхности под строительство. Этот же слой, сходя на нет к югу, видимо, выравнивал и поверхность для пола. К сожалению, в результате многочисленных перекопов и перестроек на этом участке удалось проследить лишь небольшой сохранившийся участок пола в южной части здания (кв. 37, шт. 26). Он представлял собой песчанисто-глинистую намазку на золистой основе (толщиной 1–2 см), ниже которой имелись следы обожженной глиняной поверхности (рис. 2, 3).

Итак, на данный момент на раскопе «Верхний город» объект 300 является единственным зданием архаического времени, у которого стены из сырцовых кирпичей построены на каменном фундаменте. Помимо этой особенности, от других сооружений его отличают также размеры (общая площадь здания превышает 75 кв.м) и план. Сравним теперь это здание с другими постройками архаического времени, известными по раскопкам в Фанагории.

Если говорить в целом, то довольно распространенным является мнение о том, что архаические жилые дома были небольшими по площади. Действительно, в различных частях Северного Причерноморья дома, построенные из камня или сырцовых кирпичей, часто весьма скромны по площади (Пантикапей, Мирмекий, Фанагория, Кепы и др.)[1]. Обычно говорят о том, что площадь таких сооружений равнялась 15–20 кв.м. Примерно также обстояло дело и в различных городах Средиземноморского бассейна в архаическое время. Однако в это время хорошо известны и дома, в которых было несколько комнат.[2] Например, такого типа дома открыты в Милете. Они были построены из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте, имели плоские крыши, при домах имелись дворы. Важен тот факт, что в этих домохозяйствах осуществлялась разнообразная ремесленная деятельность[3]. В Фанагории за последние тридцать лет исследований на раскопе «Верхний город» обнаружены остатки около полутора десятков архаических домов. Как правило, они плохой сохранности. Тем не менее, можно говорить о том, что среди них встречаются как небольшие постройки, так и довольно значительные домохозяйства. К числу последних относится дом 205, площадь которого превышала 65 кв.м (частично уходит под борт раскопа). Это домохозяйство состояло из жилого помещения и двора (площадь которого более 42 кв.м). Очевидно, что двор был весьма распространенной составной частью греческого домохозяйства в Северном Причерноморье. Значительная часть хозяйственной жизни в теплый период времени года происходила на открытом воздухе, во дворе. В частности, здесь готовили пищу.

Здание 300 двора не имело. Близкое к квадрату в плане, оно мало с этой точки зрения похоже на жилой дом. Все это дает основание говорить о том, что рассматриваемая постройка имела общественный характер. Однако определить его функциональное назначение крайне трудно. Строго говоря, выбор приходится делать между зданием гражданского назначения или религиозным сооружением. Внутри здания не были обнаружены какие-либо следы перегородок. Если они и были, то не сохранились из-за того, что внутреннее пространство в значительной степени разрушено нивелировками и ямами более позднего времени. Не зафиксирован и вход в здание. На остатках пола были найдены немногочисленные, но интересные находки. Среди них отметим три фрагментированные статуэтки богинь: две — сидящие на троне[4], одна — стоящая с птицей в руке (цв. вклейка № 5, рис. 4)[5], фимиатерий, изготовленный по типу ионийских чаш (ionian cups; цв.

[1] Например, см.: Марченко 1968, 42; ср: Блаватский 1964, 220–221; Толстиков 2001, 391; Виноградов 1992, 105; Сокольский 1975, 615–619, рис. 1.
[2] Lang 2005, 15–17.
[3] Greaves 2002, 78–79.
[4] П.о. Е–1, 3/2006.
[5] П.о. Е–4/2006.

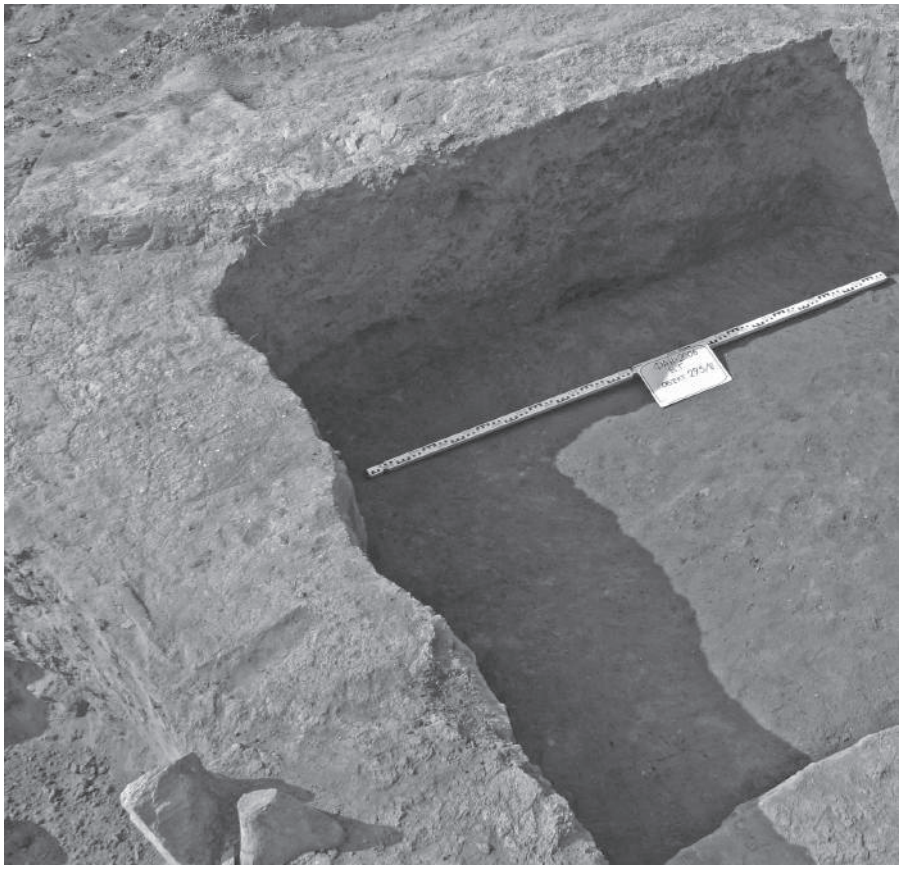


Рис. 3. Фрагмент пола и очага в здании 300, прорезанные котлованом 293, вид с севера

вклейка № 4, рис. 5)[6]. К числу находок, непосредственно связанных со строительством дома, относятся две терракотовые фигурки собак, найденные в глиняной подстилке между камнями фундамента и сырцово-кирпичной кладкой стен северо-западного угла (цв. вклейка № 5, рис. 6)[7].

Тип женской статуэтки стоящей женщины с птицей в руке хорошо известен. Довольно близкую аналогию мы можем найти на Фасосе, где прототип статуэтки практически идентичной нашей, относится автором к второй четверти VI в. до н.э.[8] Таким образом, статуэтка из Фанагории может датироваться третьей четвертью столетия. Еще одна статуэтка (сидящей богини с практически полностью сохранившейся головой) находит свою аналогию также на Фасосе[9]. Прототип ее

[6] См., например: Boardman, Hayes 1966, 111–115; Boldrini 1994, 137–174; Utili 1999, 13–16.

[7] Подробно см.: Завойкин 2007, 42–54.

[8] Huysecom-Haxhi 2009, 77–84, pl. 8, cat. 1262. В качестве близкой аналогии автор приводит статуэтку из Пантикапея: Кобылина 1974, табл. 58, *5*.

[9] Huysecom-Haxhi 2009, 160–165, pl. 23, cat. 1392.

датируется временем перед серединой VI в. до н.э.[10] Здесь мы также можем говорить о третьей четверти VI в. как дате фанагорийской находки.

Фимиатерий по ряду признаков (венчик, система украшения полосами лака, тип ножки) может быть отнесен к второй — третьей четвертям VI в. до н.э.[11]

Все эти находки дают основание сделать два вывода. Первый касается датировки строительства здания: наиболее ранний материал позволяет говорить о том, что оно было построено в третьей четверти VI в. до н.э. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что постройка сооружена на материковом песке (за исключением северной части здания, где была сделана выравнивающая подсыпка). Второй вывод — разумеется, предположительного характера — состоит в том, что здание 300 может быть интерпретировано как культовая постройка. В связи с этим предположением отметим следующую деталь. Примерно в метре от северной стены здания, параллельно ей располагался фрагмент кладки из шести плоско лежащих в один ряд камней (рис. 7). Вполне возможно, что мы имеем дело с фундаментом под стенку из сырцовых кирпичей. Важно при том, что на такой кладке кирпичи могут лежать только вдоль, но не поперек нее. Отсюда следует, что речь может идти не о стене здания, но об ограде. Может быть, это была ограда теменоса?

Рис. 7. Фундамент оградки (?) к северу от здания 300

Вопрос о том, когда интересующая нас постройка была разрушена, решается главным образом на основании стратиграфических наблюдений. Остатки дома 300 прорезаны (наряду с целой серией поздних ям) котлованом 293, подвалом 266 (борта которого были облицованы сырцовыми кирпичами) и, наконец, ямой 321. Все они были обустроены и функционировали в пределах первой половины V в. до н.э. (финальная дата этих и других одновременных им объектов — 470-е годы до н.э.)[12]. Для стратиграфической характеристики интересующего нас участка важным представляется тот факт, что в середине IV в. до н.э.[13] здесь была прове-

[10] См.: Копейкина 1977, 93–94, рис. 3.

[11] О фимиатериях см., в частности: Gercke 1998, 143–146 (с литературой); Dugas 1930, pl. LVI, 648.

[12] См.: Завойкин 2009, 128–131; 2010, 377–392.

[13] Монахов, Кузнецова, Завойкин 2006, 294–299.

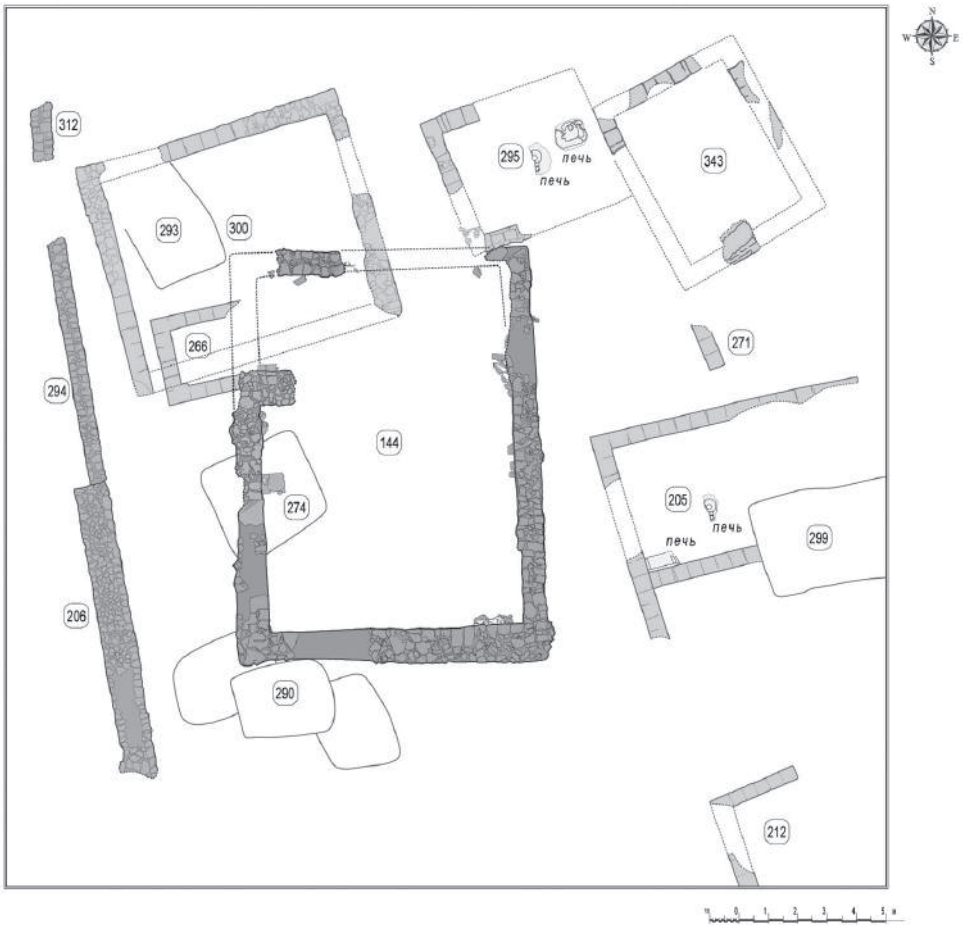


Рис. 8. Схематический план построек второй половины VI–IV в. до н.э. на раскопе «Верхний город» (Центральный участок)

дена масштабная нивелировка поверхности (что принципиальным образом отразилось на сохранности ранних сооружений), после чего была возведена большая общественная постройка (№144; рис. 8; цв. вклейка № 3, рис. 9). Ее северо-западный угол перекрыл и упомянутые углубленные в материк объекты, а также частично и остатки здания 300 (его юго-восточный угол). Отметим, что общественное здание 144 продольной своей осью ориентировано по линии север — юг. Из этого факта, как нам представляется, следует вывод о, вероятно, гражданском характере данной постройки (поскольку в большинстве случаев храмовые комплексы ориентированы широтно).

Таким образом, достоверно определить точную дату окончания жизни и функциональное назначение интересующего нас сооружения, вроде бы, невозможно. Однако имеется одно интересное обстоятельство, на которое нам хотелось бы обратить внимание. Речь пойдет об уже упомянутой яме 321, которая прорезала остатки дома 300, в центральной его части (рис. 10). Ямное пятно было зафиксировано на границе материка и серого глинистого слоя нивелировки (от

а)

б)

Рис. 10. Яма 321, вид с востока: а) пятно заполнения; б) после выборки заполнения.

репера: устье — 4,29 м, дно — 6,05 м; диаметр 1,4х1,6 м). Южный край ямы, в свою очередь, срезан более поздней ямой 320. Находки из ямы 321 были довольно многочисленны. Это фрагменты пифосов и лутериев; амфор (хиосских «раннепухлогорлого» варианта[14], «протофасосских», «самосских», лесбосских, фасосских); красноглиняных кувшинов, мисок и горшков; сероглиняных кувшинов; ионийских ойнохой, миски, киликов; хиосского кувшинчика; клазоменских амфор с чешуйчатым орнаментом; аттических амфоры, киликов (в том числе один совершенно целый; цв. вклейка № 6, рис. 11), солонки; обломок лепного горшка; стенка амфоры с граффито; бронзовый наконечник стрелы; куски печины.

Дата ямы в рабочем порядке определялась в пределах первой половины V в. до н.э., т.е. тем же периодом, что и серия котлованов, пришедших на смену общественной постройке 300. Впрочем, отсутствие фрагментов хиосских амфор «развитого» варианта, быть может, указывает на то, что яма 321 должна датироваться не позже примерно 480 г. до н.э., хотя, разумеется, доказательство «из отсутствия» не может считаться полновесным.

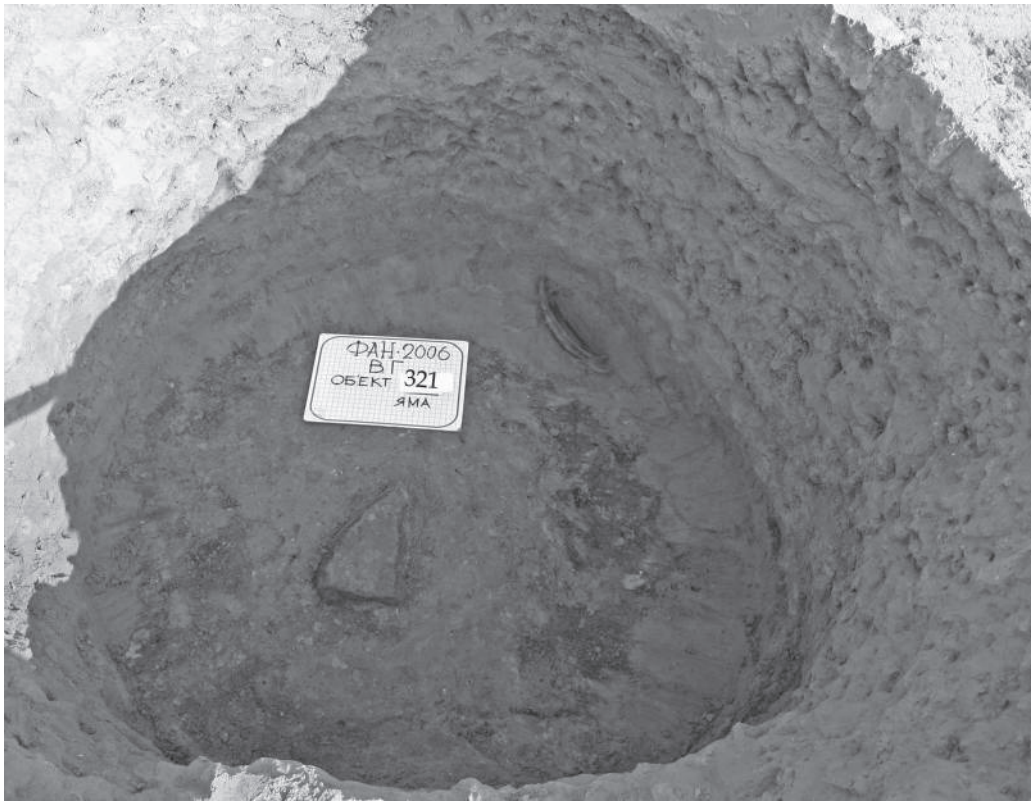


Рис. 12. Месторасположение килика на дне ямы 321 (in situ), вид с юга

[14] Монахов 2003, 233, табл. 3, *5*, *6* — 4, *1–5*.

Однако сейчас в большей степени нас будет интересовать только один предмет из ямы — целиком сохранившийся[15] чернолаковый аттический килик[16], на внешней стороне вместилища которого рядом с ручкой имелось аккуратно прочерченное граффито: Δ Ε (цв. вклейка № 6, рис. 11). Этот килик был обнаружен в придонной части ямы, у самого ее северо-восточного бортика (рис. 12). На что следует обратить особенное внимание: килик лежал на боку, в толще чистого материкового песка, который кольцом (ширина его неравномерна) охватывает центральную часть дна ямы, имевшую ярко выраженный темно-серый (золистый) окрас. Не может быть никаких сомнений (это вполне типичный случай)[17] в том, что образование желтого материкового кольца вторично — он связано с обрушением нависающей нижней части (с уровня поверхности материка) бортиков ямы, когда она ещё не была заполнена мусором. Нестойкий (особенно во влажных условиях) материковый грунт легко обваливается на дно ям колоколовидной (или грушевидной) формы. Это наблюдение позволяет нам прийти к выводу, что весьма велика вероятность того, что килик попал в яму не в качестве мусора (чему противоречит и его сохранность), но упал в неё с уровня полов дома 300 (других построек этого времени здесь просто нет).

Аналогии нашему килику в материалах афинской агоры очень хорошо известны (Agora XII, nos 400–404: type C, concave lip), они датируются в пределах последней четверти 6 в. до н.э. Весьма интересную параллель легко находим так же и для граффито (Agora XII, 265) на килике типа *vicup* (Agora XII, 436), который датируется около 470–460 гг. до н.э.: ΔΕ в лигатуре нанесены на дне чаши (рис. 13).

Благодаря этой счастливой находке мы получили основание для того, чтобы датировать гибель древнейшей постройки общественного назначения в исторической части Фанагории около рубежа VI–V вв. до н.э.

Таким образом, в исторической части города, на плато верхней террасы, одновременно с жилыми домами[18] и мастерскими ремесленников[19] появляются здания общественного назначения. Нет сомнений в том, что наряду с постройками гражданского характера были отведены участки и для храмов. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что здания общественного назначения находились в непосредственной близости от жилых домов, во дворах которых могли располагаться (и располагались) ремесленные мастерские. По всей видимости, на первом этапе жизни города общественный центр еще не был выделен. Причина состоит в том, что историческое ядро Фанагории занимало не очень большую площадь. Лишь после расширения города, которое стало заметным, начиная с V в. до н.э., под строительство зданий публичного назначения могли быть выделены специальные места значительной площади. В частности, на описываемом холме формируется акрополь.

---

[15] Имеет маленькую выщерблину на краю венчика, одна ручка была отколота, видимо, в процессе расчистки ямы.

[16] П. о.Л–95/2006.

[17] Который объясняет обильное присутствие в крупных ямах римского и византийского времени, расширяющихся ко дну, ранних материалов.

[18] Кузнецов 2009, 192–198; 2010а, 450 слл.; 2011, 312–321.

[19] Об этом см.: Кузнецов, Завойкин 2010, 256–265.

Процесс формирования городской структуры в историческом ядре Фанагории, начиная с момента основания полиса в 540-е годы до н.э.[20] был прерван примерно на рубеже VI и V вв. до н.э. Находки наконечников стрел (хотя и немногочисленные, но постоянно встречающиеся при расчистке объектов этого периода) дают возможность предполагать связь этого перерыва с военными событиями. Вероятно, в пользу этого предположения говорит и сокрытие клада серебряных боспорских монет под стеной одного из жилых домов[21]. Однако говорить об этом более определенно у нас пока нет данных.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В.Д. 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.

Виноградов Ю.А. 1992: Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 99–120.

Завойкин А.А. 2004: Фанагория во второй половине V — начале IV в. до н. э. (по материалам «Южного города») // ДБ. Supplementum I.

Завойкин А.А. 2007: О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества. Сб. научных трудов к 60-летию проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород, 42–54.

Завойкин А.А. 2009: Фанагория во 2-й половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам «Верхнего города», 2004 — 2008 гг.) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 128–131.

Завойкин А.А. 2010: Амфорный склад № 290б и некоторые проблемы истории ранней Фанагории // ПИФК. 1, 377–392.

Кобылина М.М., 1974: Мастерские пантикапейских коропластов // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. М.

Копейкина Л.В., 1977: Комплекс архаических терракот с Березани // ВДИ. 3, 92–104.

Кузнецов В.Д. 2001*:* Метрополия Фанагории // ДБ. 4, 227–236.

Кузнецов В.Д. 2005: Клазоменская керамика из Фанагории // ДБ. 8, 267–275.

Кузнецов В.Д. 2007: Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2, 5–15.

Кузнецов В.Д. 2009: Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 192–198.

Кузнецов В.Д. 2010а: Фанагория — столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани / Г.М. Бонганд-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). Т. I. М., 430–469.

Кузнецов В.Д. 2010б: О времени основания Фанагории // ДБ. 14, 312–321.

Кузнецов В.Д. 2011: Заметки о культурном слое Фанагории // Методика полевых археологических исследований. 4. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований. М., 117–130.

Кузнецов В.Д., Завойкин А.А. 2010: О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н. э. // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 256–265.

Марченко И.Д. 1968: Раскопки Пантикапея в 1959–1967 гг. // СГМИИ. 4, 27–53.

Монахов С.Ю. 2003: Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва; Саратов.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В., Завойкин А.А. 2006: Керамические комплексы из Фанагории (раскопки 2005 г.) // АМА. 12, 294–312.

Сокольский Н.И. 1975: Новые раскопки в Кепах // Actes de la XIIe Conférence d'Ètudes Cllassiques "Eirene" — 1972. Bucureçti; Amsterdam, 615–619.

[20] Кузнецов 2001, 227–236; 2005, 267–275; 2010б, 312–321.

[21] Кузнецов 2007, 9, рис. 4; Кузнецов, Завойкин 2010, 256 слл.

Толстиков В. П. 2001: Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 4, 385–426.

Boardman J., Hayes J. 1966: Excavations at Tocra, 1963–1966. The Archaic Deposits I. Oxford.

Boldrini S. 1994: Le ceramiche ioniche. Bari.

Dugas Ch. 1930: Le trésor de céramique de Délos. Paris.

Gercke P. 1998: Thymiaterion Br 736. Ein ostgriechisches Thymiaterion // Archäologische Studien in Kontaktzonen der antiker Welt. Herausgegeben von R. Rolle und K. Schmidt in Zusammenarbeit mit R. Docter. Göttingen, 143–146.

Greaves A. M. 2002: Miletos. A History. London; New York.

Huysecom-Haxhi S. 2009: Les figurines en terre cuite de l'Artémision de Thasos. Artisanat et piété populaire à l'époque de l'archaïsme mûr et recent. Paris.

Lang F. 2005: Structural Change in Archaic Greek Housing // Ancient Greek Houses and Households. Chronological, Regional, and Social Diversity / B. A. Ault and L. C. Nevett (eds.). Philadelphia, 12–35.

Utili F. 1999: Die archaische Nekropole von Assos. Bonn.

THE EARLIER PUBLIC BUILDING IN PHANAGORIA

A. A. Zavoikin, V. D. Kuznetzov

The article analyzes stratigraphy and planigraphy of the earlier public building excavated in the central part of Phanagoria settlement. It also substantiates the chronology of this architectural complex.

Key words: Phanagoria, Archaic period, acropolis, public building.

© 2011

А. А. Завойкин

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТЕ ДИОНИСА В ФАНАГОРИИ*

В статье рассматриваются клейма на мерных сосудах Фанагории в качестве источника, характеризующего почитание в этом полисе Диониса, вероятно, с момента вывода этой апойкии из Теоса, в котором культ Диониса был главным государственным культом. Эмблемы на клеймах фанагорийских мерных ойнохой, начиная со второй четверти V в. до н.э., свидетельствуют о том, что дионисийская символика в качестве знака, подтверждающего полисный стандарт меры объема, появилась значительно раньше, чем Фанагория вошла в состав Боспорского государства. Следовательно, отмечая иконографическое влияние монетного дела Пантикапея IV в. до н. э. на эмблематику Фанагории, следует учитывать, что тематически она была тесно связана с исконным полисным культом.

Ключевые слова: Фанагория, метрополия, колония, культ Диониса, мерные сосуды, клеймо.

Поводом к написанию этой работы стала публикация А. П. Абрамовым замечательной находки из Патрея: «… в слое ранней второй четверти V в. до н. э. обнаружено уникальное клеймо на стенке, чуть ниже венчика, кувшина. Подобные клейма встречаются только на мерных сосудах, которыми полис контролировал продажу вина в разлив. Изображение на нем виноградной лозы только подтверждает данный факт. Надпись ФА позволяет высказать предположение, что данный населенный пункт уже во второй четверти V в. до н. э. находился под юрисдикцией Фанагории и выполнял функции морского перегрузочного пункта, т.е. являлся своеобразным “Пиреем”»[1] (рис. 1.*1*).

Интерпретация автором раскопок этой находки сейчас не будет нас интересовать[2]. Внимание сосредоточим на семантике изображения в рамках историко-культурного контекста. Но начнем все-таки с краткого описания клейма, которое отличается от всех ранее известных с легендой ФА не только большей древностью (клейма из раскопок самой Фанагории и ряду других памятников традиционно

Завойкин Алексей Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела классической археологии Института археологии РАН. E-mail:bospor@inbox.ru

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России: Направление 2. Археологические древности России. Фанагория в VI–V вв. до н. э.».

[1] Абрамов 2010, 534, рис. 9, *4*.

[2] Лишь попутно отмечу, что эта находка может спровоцировать сторонников мнения В. Г. Зубарева (2005, 343–346, 349–351), локализовавшего Фанагорию у западной окраины пос. Гаркуша, усматривающих нечто «знаменательное» в самом «отсутствии весомого опровержения этому» (см.: Мельников 2008, 234–236). С этой точкой зрения невозможно согласиться по ряду причин, о которых здесь рассуждать не место.

датируются IV в. до н.э., о чем см. ниже) и эмблемой и фактурой. В отличие от более поздних, имеющих приподнятый рельеф во вдавленном медальоне, патрейское представляет собою рельефное изображение на плоском (слега приподнятом) поле медальона, отделенного от поверхности черепка только узким желобком. В его границах располагается фрагмент виноградной лозы с одним листом и гроздью, свешивающимися вниз, и двумя усиками, повернутыми вверх. По обе стороны от грозди — буквы Ф и А.

1 *2* *3*

Рис. 1

Представляется более важным, чем вполне правдоподобное предположение А. П. Абрамова о том, что клейменый сосуд был мерной ойнохоей, используемой для контроля розничной продажи вина, тематическое сопоставление эмблемы описанного клейма с изображениями на других клеймах фанагорийских мерных ойнохой (рис. 1, *2*, *3*)[3]. Совершенно очевидно, что все представленные на клеймах сюжеты тесно связаны с дионисийской символикой: виноградная гроздь, голова сатира в венке из плюща (или без него), канфар[4].

Не скрою от читателя, что ещё совсем недавно я был склонен объяснять эти изображения на фанагорийских клеймах[5] в контексте распространения династической спартокидовской символики[6], находя параллелизм в распространении сатировских эмблем в монетном деле. В черновике незаконченной статьи мною было отмечено: «Непосредственная связь их с монетными типами подтверждается наличием трех вариантов изображений (повернутых в противоположную сторону): *1)* голова бородатого сатира вправо, без венка (и легенды; рис. 3, *2*)[7]; *2)* голова бородатого сатира в три четверти, без венка, легенда — ФА[8] (рис. 3, *1*);

[3] Финогенова 2011, рис. 14 (в печати).

[4] Едва ли потребуется много слов, чтобы доказать прямую связь канфара с культом Диониса. Изобразительный материал, подтверждающий её, воистину огромен (примеры см. ниже). Ограничусь единственной иллюстрацией (рис. 2, *1*), взятой, что называется, наугад.

[5] Schefold 1934, abb. 12; Блаватский 1951, 214, рис. 15, *3*; 218–219, прим. 2; Кобылина 1956, 52, рис. 13, *1*; Сорокина 1957, 29 табл. 10. *1–2* — Шкорпил 1914, 24; Цветаева 1966, 19; табл. 23, *2*, *3*, *6* (№6 — археологически целая форма с клеймом «Ф–канфар–А», из свалки «Керамика»).

[6] Об этом подробно см.: Завойкин 2008, 203 слл.

[7] Schefold 1934, abb. 12; Книпович 1955, 376, рис. 18.

[8] Блаватский 1951, 218–219 прим. 2: из некрополя Тузлы (раскопки В. В. Шкорпила; коллекция ГИМ). Другие трехчетвертные изображения известны мне из неопубликованных материалов раскопок «Южного города» Фанагории.

3) голова бородатого сатира вправо, в венка из плюща, легенда — ФА (рис. 1, *2*). Первый вариант по отсутствию венка и относительной реалистичности, скорее всего, аналогичен изображениям на статерах I группы золота (рис. 4, *1*). Второй вариант однозначно соотносим с трехчетвертными изображениями аверса монет, синхронных II группе золотых статеров (рис. 4, *2*) Передача волос волнистыми завитками и плющевой венок свойственны статерам III группы золотых[9] (рис. 4, *3*). Нумизматические параллели позволяют датировать интересующие нас клейма примерно концом 370-х — 330-ми годами.[10] По всей видимости, неслучайно соотносимое с новым типом аверса пантикапейских монет изображение фигурирует на утвержденном в Фанагорийском полисе стандарте объема. Введение государственной боспорской символики в поле клейм на эталонных сосудах заставляет задуматься о попытке унифицировать меры и веса в государстве Спартокидов.

Подтверждением сказанному могут служить и аналогичные клейма, известные менее широко, чем фанагорийские. Обломок горла (по-видимому, тоже ойнохои), обнаруженный Д. Б. Шеловым в Эрмитаже[11], был опубликован И. Т. Кругликовой[12]: на нём круглое клеймо, по краю точечный ободок, в середине — рельефное изображение головы бородатого сатира в профиль вправо, перед лицом легенда ΠΑΝΤΙ. Исследовательница по шрифту и иконографии изображения, соотносимого с монетными типами, датирует клеймо IV в. до н. э.».

1

2

Рис. 3

С учетом новой находки из Патрея, от этой идеи необходимо решительно отказаться. Искать стилистические совпадения с изображениями на лицевой стороне монет Пантикапея, разумеется, допустимо, но значение этих совпадений будут иметь разве что хронологическое значение, поскольку корни дионисийских символов на мерных сосудах Фанагории лежат значительно глубже IV в. до н. э. И точкой отсчета здесь должна стать даже не датировка патрейской находки, а самый момент выведения колонии из Теоса, главным божеством-покровителем полиса в котором был Дионис[13].

[9] Соответственно см.: Анохин 1986, табл. 2, *91*; 3, *97*; 3, *102*.
[10] Шелов 1956, 95–96.
[11] Инв. № ПАН 1546 (423).
[12] Кругликова 1955, 28, рис. 5, *2*.
[13] Cole 1995, 313–316; Uz 1990, 51–61.

Общепринятым считается мнение, что колонисты в большинстве случаев наследовали культовые традиции своей метрополии. Так, к примеру, в другой колонии Теоса, Абдере, жрецы Диониса были эпонимами[14]. Но совершенно не обязательно, что также точно было в её «сестринской» колонии Фанагории. Но в том, что этот важнейший культ метрополии и в Фанагории получает существенное (хотя, возможно, и не ведущее) значение, пожалуй, можно не сомневаться. Рассматриваемый нами источник, видимо, позволяет это предположение поставить на твердую почву: устойчивое изображение на отмеченных полисной властью мерных сосудах дионисийских символов сложно объяснить иначе.

Но если это действительно было так, напрашивается вопрос, почему же на автономной серебряной монете Фанагории представлены иные боги и символы (рис. 5, *1–3*)? Кем бы ни был персонаж в остроконечной шапке (с лавровым венком[15], или без него, или вовсе без головного убора), изображенный на аверсе монет (кабир? ктист или кто-то иной), он не находит ничего общего с культом Диониса. Лишь с очень большой натяжкой можно сопоставить с этим богом изображение быка (его протомы) на реверсе старших номиналов. Но все эти гадания представляются абсолютно бесплодными. Причины тому могли быть разные — у нас же нет никаких подсказок в источниках.

Рис. 4

Для сравнения, пожалуй, стоит припомнить автономную чеканку Нимфея (рис. 5, *4*), в которой как раз дионисийская символика (виноградная лоза) представлена на реверсе. Этот сюжет получил новое звучание после того, как на южном склоне Нимфейского плато был найден архитрав пропилона с посвятительной надписью Дионису времени Левкона I.[16] О. В. Горская, исследуя культы Нимфея, отмечает (без конкретизации), что в граффити, происходящих с данного памятника, имя Диониса упоминается очень редко[17], хотя на монетах города периода автономии (последняя четверть V в. до н. э.), а позднее на свинцовой гире III в. до н. э. изображалась виноградная лоза[18]. В совокупности эти источники заставляют думать, что в этом полисе культ Диониса явным образом выходил за

[14] Sherk 1991, 225.

[15] Изображение лаврового венка, на мой взгляд, полностью исключает гипотезу об изображении кабира.

[16] Соколова 2001, 368–376; Соколова, Павличенко 2002, 99–121.

[17] Например, концом V — началом IV вв. до н. э. датируется посвятительная надпись на дне чернолакового блюда из Нимфея. ГЭ, инв. НФ. 40.176; найдена совместно с посвящениями Деметре (Соколова, Павличенко 2002, 107, прим. 49; Толстой 1953, 77–78, № 118).

[18] Горская 2002, 119.

пределы частного и, возможно, имел общегражданское значение. Другое дело, что уже в период нахождения Нимфея в составе государства Спартокидов почитание божества могло получить дополнительный импульс, созвучный настроениям обитателей дворца на акрополе Пантикапея, рядом с которым примерно в середине IV в. до н. э. возводится небольшой храм Диониса (и Афродиты)[19].

Мы отвлеклись от фанагорийского материала только для того, чтобы показать на примере Нимфея, что использовать источники, относящиеся к двум принципиально разным периодам истории Боспора (*до* и *после* того, как образовалось единое государство), следует с предельной осторожностью.

Представляет определенный интерес вопрос о топографии находок клейм. Понятно, что львиная их доля была обнаружена при раскопках Фанагории, в особенности много в районе так называемого Керамика, в свалке около юго-восточного угла городища (В. Д. Блаватский отмечал, что интересующие нас находки в свалке на Восточном некрополе представляют собой производственный брак)[20]. Сама функция сосуда, ёмкость которого подтверждена официальным клеймом полиса (рис. 6), предполагала его использование по прямому назначению в границах данного полиса[21], поскольку за его пределами такая мера теряла свою узаконенность и могла бы, в принципе, использоваться лишь как обычный сосуд. Казалось бы, распространение мерных сосудов можно рассматривать в качестве маркёра территории Фанагорийского полиса. Такому предположению, вроде бы, может препятствовать только допущение того, что «случайно» такие сосуды могли попасть и за границы Фанагории, ведь нельзя бездоказательно предполагать, что это общественное имущество хранилось «под замком». Пожалуй, никто не станет утверждать, что эти малоценные (по стоимости их производства) вещи берегли «пуще глаза». Однако едва ли можно думать, что в организованном городском хозяйстве не было никакого учета подобных предметов (ценность которых в этом случае определялась другими критериями, нежели рыночная стоимость). В любом случае клеймеными мерными ойнохоями не торговали на рынке, где их мог бы приобрести любой желающий. Следовательно, нахождение этих предметов за границами Фанагорийского полиса — явление, пожалуй, исключительное.

Тем любопытнее, что мерная ойнохоя была обнаружена в некрополе на мысе Тузла в насыпи могилы[22], а фрагмент другой — на полу помещения, исследованного на раскопе XXVI, в Патрее. Как уже было сказано, А. П. Абрамов из этого

[19] Толстиков, Виноградов 1999, 282 слл.

[20] Блаватский 1951, 219, рис. 16, *5–7*.

[21] Так, мерные ёмкости для сыпучих продуктов (цилиндрической формы, IV вв. до н. э.), удостоверенные надписью δημόσιον, клеймами с изображением головы Афины и «двухтелой» (с одной головой, как на монетах начала IV в. до н. э.) совы и лигатурой ΑΘΕ, были найдены на агоре Афин (рис. 6, *1*) (Agora X, pl. 14/18. DM44). Широкий цилиндрический сосуд с отогнутым краем I в. до н. э., предназначенный для отмеривания орехов, был снабжен свинцовой печатью, изображающей сидящего Диониса (Agora X, pl. 15/18. DM66). Для отмеривания жидких продуктов в Афинах использовали по преимуществу маленькие ойнохои, помеченные на плече надписью (в различных сокращениях) δη[μόσιον] (рис. 6, *2*) (Agora X, pl. 16/35. LM1–6). Известны мерные ольпы с крупной ручкой, помеченные клеймами астиномов из Херсонеса III в. до н. э. (Федосеев 2005, 337–340 рис. 1–4), а также — мерные чашки для сыпучих продуктов из Ольвии IV в. до н. э. (Леви 1956, 62–63 рис. 21–22; Крапивина 2004, 127), мерные кувшины из Мирмекия (Гайдукевич 1959, 99–100, рис. 124) и других центров (см.: Федосеев 1991, 244–247).

[22] № 56 (11), раскопки В. В. Шкорпила, 1911г. Хранится в Государственном Историческом музее.

факта сделал вывод о том, что Патрей во второй четверти V в. до н. э. «находился под юрисдикцией Фанагории». Логика в этом утверждении имеется, но всё-таки вывод кажется слишком смелым. А как понимать находку в некрополе Корокондамы IV в. до н. э. (рис. 3, *1*)[23], когда все полисы Азиатского Боспора (включая, разумеется, и саму Фанагорию) уже находились под юрисдикцией Спартокидов? Пожалуй, можно только гадать, что могло связывать погребённого под насыпью человека с мерным сосудом из Фанагории или с изображением на оттиснутом клейме.

В порядке гипотезы допустимо поставить вопрос иначе: нельзя ли видеть в находках фанагорийских мерных ойнохой (их фрагментов) IV в. до н. э. за пределами самой Фанагории свидетельство того, что в государстве Спартокидов была-таки проведена унификация мер (и весов)? Во всяком случае, упомянутое раньше клеймо из Пантикапея с изображением головы сатира и легендой ΠΑΝΤΙ наводит на такую мысль. Из Пантикапея же происходит и совершенно целая мерная ойнохоя с круглым анэпиграфным клеймом, на котором представлена в профиль вправо голова сатира: волосы переданы прямыми параллельными прядями, заостренное ухо четко выделено, аккуратная борода «клином» выдается вперёд (рис. 3, *2*)[24]. В данном случае особенно примечательно отсутствие легенды. Видимо, этот факт следует понимать как самодостаточность самой эмблемы[25].

Однако в Гермонассе, на цемянковом полу «северной пристройки» большого дома[26], построенного в конце V — начале IV в. до н. э. и погибшего в пожа-

[23] Изображение головы сатира, развёрнутой в три четверти вправо, на ойнохое из насыпи могилы весьма и весьма странное, какой-то гротеск: нос изображен картошкой, под ним — торчащие в разные стороны усы, показанные четырьмя параллельными прядями; лоб лысый, только несколько перепутанных волосинок спускаются на лицо, на нижней части затылка торчат редкие пряди; маленькие глаза-бусинки, обрамлённые треугольниками век; резко выступающие скулы; крупное, вытянутое вверх ухо; наконец — большой оскаленный рот (чтобы не сказать — пасть) с редкими заостренными зубами. Перед нами образ ощерившегося дряхлого старика-сатира. У меня не складывается впечатление, что перед нами образчик неумелой работы резчика, изготовившего штемпель. Что-то здесь другое. (Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность Г. А. Ломтадзе за предоставление в моё распоряжение фотографии клейма.)

[24] Этот сосуд из Государственного Эрмитажа (инв. Б 2745) был опубликован К. Шефолдом (Schefold 1934, 64 Abb. 12). В АГСП (1984, табл. LXVI. 7) в легенде неверно указано его происхождение — «Средиземноморье». На фотографии из личного архива В. Д. Блаватского карандашом редактора написано: «Блаватский. Пантикапей. Мерный сосуд с клеймом (из Керчи). Рис. 9». Н. М. Никулина (1981, 70), определяя исходный тип сосуда как ионийскую ойнохою и указывая на тематическую связь изображения на клейме с пантикапейскими монетами, не мотивируя, вносит некоторое сомнение в боспорском происхождения сосуда.

[25] В этой связи нельзя не вспомнить об одной интересной находке из Фанагории (раскоп «Керамик», 1955 г.; ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. Ф–932): на круглом клейме мерной ойнохои представлена голова Афины в аттическом шлеме вправо. Н. М. Никулина (1981, 64 слл., рис. 1, *1*, *2*) датирует его рубежом V–IV — первой половиной IV в. до н. э., связывая с южно-ионийскими мастерскими (Милетом), ориентируясь на состав глины, форму сосуда и стилистику изображения. Почему-то в данном исследовании вопрос о путях проникновения подобных предметов, заверенных «официальной печатью полиса», не затронут. Что же касается описания состава глины (Никулина 1981, 64 примеч. 2: «мелкозернистая светло-коричневая с розовым оттенком… почти лишена посторонних примесей, но насыщена мелкими включениями слюды»), оно вполне соответствует характеристикам теста фанагорийских керамических изделий мелких форм.

[26] Учитывая, что раскрытая раскопками площадь дома составляет ок. 425 м^2, а часть его осталась за пределами исследованной территории, можно предполагать в нем общественную постройку. В АГСП (1984, 81) сообщается, что находки были сделаны в центре здания (двор с цемянковым

ре во второй половине III в. до н. э., были найдены четыре мерные сосуда, на двух из которых имелось клеймо в прямоугольной рамке[27]: ΑΠΟΛΛΟΔΩΡΟΥ | ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ[28]. Учитывая предполагаемую синхронность этих вещей части фанагорийских мерных ойнохой, мы должны будем признать, что говорить об унификации мер, основываясь только на самих клеймах, затруднительно[29].

Рис. 5

Несколько слов, однако, нужно сказать о хронологических дефинициях фанагорийского материала. Датировка ойнохой с клеймами из Фанагории главным образом IV в. до н. э., в первую очередь, базируется на нумизматическом методе (В. Д. Блаватский ссылается на определение А. Н. Зографа), а также на стратиграфических данных. Интересующие нас предметы были обнаружены в нижнем слое свалки на Восточном некрополе, которая начинает формироваться за пределами города, по датировке автора раскопок, с конца VI–V вв. до н. э., но особенно интенсивно формируется в IV–III вв. до н. э., после чего этот участок вновь использует-

полом, размерами 20х10 м), а датировка этого архитектурного комплекса — первая половина V — IV в. до н. э.

[27] Образованное ею поле разделено рельефной поперечной линией на два участка, в каждом — по одному полностью написанному слову, в точности, как на фанагорийских клеймах ΠΑΝΘΕΡΟΣ | ΝΕΟΚΛΕΟΥΣ конца IV — середины III в. до н. э. (Шелов 1954, 129). Шрифт, насколько я могу судить, тоже соответствует этой датировке.

[28] Коровина 2002, 62, рис. 31 = АГСП 1984, 81; табл. XL. 9, 10 (ошибочно указано, что мерные ойнохои были сделаны из камня).

[29] В. Ф. Гайдукевич по характеру письма II в. до н. э. датирует агораномное клеймо на стенке кувшина из Мирмекия, которое исследователь считает «несомненно, привозным. Мерные кувшины, производящиеся на Боспоре, снабжались клеймами, заключавшими в себе эмблему — голова сатира или канфар — и первые буквы названия города — таковы фанагорийские мерные сосуды» (Гайдукевич 1959, 99–100). Тем же примерно временем (несколько позднее, судя по фанагорийской монете конца II — начала I в. до н. э.) датируется склеенная из фрагментов мерная ойнохоя с агораномным клеймом из помещения «Д» Загородной усадьбы Мирмекия (Гайдукевич 1981, 63–64, рис. 7, *1*). Аналогичное клеймо было найдено в слое первых веков н. э. в Пантикапее (Блаватский 1962, 61, рис. 44, *1*).

ся в качестве некрополя[30]. (Необходимо уточнить, что наиболее ранние погребения (№ 106 и 109)[31] на этом участке некрополя датируются второй четвертью V в. до н. э.) Общая мощность свалки, перекрывшей эти могилы, составляла около 0,5–1 м. Этот массив был разделен на два горизонта прослойкой, менее насыщенной черепками, чем ниже- и вышележащие пласты. В нижнем пласте преобладали находки «архаической и классической эпох», «немногочисленны были… находки эллинистического времени: по всей видимости, они попадались на том же горизонте лишь благодаря нарушению слоев более поздними могилами»[32]. Таким образом, стратиграфическая датировка изучаемых нами предметов ведёт отсчет со второй четверти — середины V в. до н. э., лишь предположительно захватывая IV и следующий век.

1

2

Рис. 6

Хронологическим индикатором, по крайне мере части клейм, в какой-то мере может служить форма изображенного на них канфара (рис. 1, *3*). На первый взгляд, вытянутые по вертикали пропорции этого сосуда наводят на мысль об относительно поздней, в пределах ранннеэллинистического времени, дате. Однако сколько-нибудь близких аналогий, например, в опубликованных материалах Афинской агоры не находим (см.: Agora XXIX, pl. 4–19). Точного соответствия нет и в более ранних находках из того же памятника, хотя черты конструктивного сходства в оформлении вместилища, форме и постановке ручек канфаров типа A1 первой половины V в. до н. э. (Agora XII, fig. 7/pl. 27, nrs. 628, 629) обнаруживаются; однако последние не имеют высокой тонкой ножки, как у канфара на клеймах: они опираются на низкий кольцевой поддон. Подчёркнутая угловатость форм, на мой взгляд, говорит о том, что прототипом в обоих случаях служила металличе-

[30] Блаватский 1951, 214–215, 219.
[31] Блаватский 1951, рис. 13, 15, *2*.
[32] Блаватский 1951, 214–215.

ская посуда. По авторитетному мнению М. Ю. Трейстера[33], хорошую аналогию интересующей нас форме представляет серебряный канфар с гравированным фигурным декором, украшенным позолотой, из Голямата Могила в Дуванлий во Фракии[34]; этот комплекс датируется последней четвертью — последними десятилетиями V в. до н. э.

Близкие интересующей нас формы находим на чернофигурных[35] и особенно краснофигурных[36] вазах в руках Диониса, сатиров или менад. Аналогичные изображения имеются на монетах (и амфорных клеймах) Менды V в. до н. э.[37] Та же форма канфара представлена и в коропластике, например, на протоме бородатого Диониса второй половины V в. до н. э. из Датского Национального музея в Копенгагене — в левой руке бога изображен канфар сходного вида[38]; на рельефе на надгробном памятнике IV в. до н. э. в виде огромного лекифа из афинского Национального археологического музея (рис. 2, *2*).

Я вовсе не пытаюсь убедить читателя в том, что подобные формы канфаров не встречаются в памятниках изобразительного искусства позднее. Но следует подчеркнуть, что эта традиция формируется, по крайней мере, не позже V в. до н. э. А из этого следует вывод, что, вполне возможно, фанагорийские мерные ойнохои с эмблемой в виде канфара в клейме датируются более ранним временем, чем представлялось исследователям, и таким образом заполняют хронологический пробел между временем находки, сделанной недавно в Патрее, и более поздними клеймами, находящими параллели в боспорской нумизматике IV в. до н. э.

Вернувшись из области предположений и догадок, попытаемся подытожить. На протяжении всего V (а скорее — с момента основания) и IV в. до н. э. (вероятно, и позднее), одним из полисных культов Фанагории был культ Диониса, унаследованный из метрополии. Символы этого бога в указанный период подтверждают полисную санкцию установленной меры жидких продуктов (вина) на внутреннем рынке. Не исключено, однако, и то, что дионисийская символика обусловлена характером того продукта, который отмерялся ойнохоями установленного объёма. Однако нигде, вроде бы, не прослеживается прямая связь между измеряемым продуктом и характером изображений на клеймах, подтверждающих объём.

Документированная находка клейма на мерной ойнохое второй четверти V в. до н. э. в совокупности с находками фанагорийских клейм с дионисийской символикой более позднего времени указывает на то, что изображения голов сатиров не следует однозначно ставить в зависимость от эмблематики лицевой стороны пантикапейских монет, связанной, по-видимому, с утверждением династии Спар-

[33] С удвольствием выражаю ему искреннюю свою признательность за ценную консультацию по этому вопросу.

[34] Venedikov, Gerassimov 1973, taf. 163–169; Ancient Gold 1998, 148–149, no. 77.

[35] Carpenter 1986, pls. 14^{A-B} (Мюнхен, инв. 8763), 19^{B} (Вюрцбург, музей университета, 265), 21 (Бостон, Музей Изящных Искусств, 63.952). Отметим, что в этот период Дионис чаще изображался с рогом в руке, а пропорции канфаров в целом более приземистые.

[36] Carpenter 1997, pls. 14^{A} (Вена, Художественно-исторический музей, 985), 15^{B} (Толедо, Музей искусств, 82.88), 30^{B} (Гарвард, Музей Фогга, 1960, 314), 32^{B} (Париж, Лувр, G 532), 37^{B} (Лондон, Британский музей, E 503) и т.д.

[37] Брашинский 1963, 48 и примеч. 4; табл. I, *1–5* (клейма), *6*, *7* (монеты, до 423 г. до н. э.). На клеймах детально рассмотреть тип канфара невозможно, а на монетах его изображение вполне отчетливо.

[38] Бритова 1969, 150, кат. 50.

токидов[39]. Впрочем, исконная связь Фанагории с культом Диониса не доказывает и обратного. Не следует забывать о том, что V и IV вв. до н. э. относятся к двум принципиально разным периодам в истории Фанагории (и Боспора в целом) — времени полисной автономии и времени вхождения полиса в состав объединенного тиранами Пантикапея государства. Поэтому не следует всё мерить «единой мерой».

Я бы не стал даже исключать вероятности того, что с III в. до н. э. отношения полиса и центральной власти заметно видоизменяются[40], что, в частности, получает отражение в появлении агораномных клейм на мерных сосудах в боспорских центрах.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А. П. 2010: Патрей // Античное наследие Кубани / Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.). Т. I. М., 528–539.

Анохин В. А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Блаватский В. Д. 1951: Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 19, 189–226.

Блаватский В. Д. 1962: Отчет о раскопках Пантикапея в 1945–1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. 103, 6–85.

Брашинский И. Б. 1963: Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V–IV вв. до н. э. (по амфорным клеймам) // НЭ. III, 45–49.

Бритова Н. Н. 1969: Греческая терракота. М.

Гайдукевич В. Ф. 1959: Мирмекий. Т. II. Варшава.

Гайдукевич В. Ф. 1981: Боспорские города. Л.

Горская О. В. 2002: Культы Нимфея по материалам граффити // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. I. СПб., 114–121.

Завойкин А. А. 2008: Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64). К вопросу о культе правителя на Боспоре // ДБ. 12/I, 198–225.

Завойкин А. А. 2009: Боспор и эллинизм // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. К 100-летию Ф. В. Уолбанка. Казань, 227–236.

Зограф А. Н. 1951: Античные монеты // МИА. 16.

Зубарев В. Г. 2005: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.

Книпович Т. Н. 1955: Художественная керамика в городах Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья / В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова (ред.). М.;Л., 356–391.

Кобылина М. М. 1956: Фанагория // МИА. 57. 5–127.

Коровина А. К. 2002: Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.

Крапивина В. В. 2004: Коллегия агораномов в Ольвии // БИ. V, 127–141.

Кругликова И. Т. 1955: К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. (Два пантикапейских керамических клейма) // КСИИМК. 58, 26–30.

Леви Е. И. 1956: Ольвийская агора // МИА. 50, 35–118.

Мельников О. Н. 2008: Фанагория и Гермонасса — синойкизм по данным нумизматики и истории Боспора Киммерийского // Древнее Причерноморье. Памяти П. О. Карышковского. VIII. Одесса, 234–241.

[39] Зограф 1951, 179: «Не исключена возможность, что вновь изображенный тип (голова сатира. — *А.З.*) является говорящей эмблемой правителя, а не города».

[40] Завойкин 2009, 229–236.

Никулина Н.М. 1981: Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ. 4, 64–72.

Соколова О.Ю. 2001: Новая надпись из Нимфея (предварительное сообщение) // ДБ. 4, 368–376.

Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. 2002: Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 8/1, 99–121.

Сорокина Н.П. 1957: Тузлинский некрополь. М.

Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. 1999: Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову / А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.). М., 282–304.

Федосеев Н.Ф. 1991: Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 2, 244–247.

Федосеев Н.Ф. 2005: Мерные сосуды Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. XIV. Севастополь, 337–340.

Толстой И.И. 1953: Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.

Финогенова С.И. 2011. Античные древности Таманского полуострова // Античное наследие Кубани / В.Д. Кузнецов (ред.). Т. III. М. (в печати).

Цветаева Г.А. 1966: Боспор // САИ. Г1–20. Керамическое производство и античные строительные материалы М., 17–22.

Шкорпил В.В. 1914: Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове // ИАК. 56, 1–74.

Шелов Д.Б. 1954: К истории керамического производства на Боспоре // СА. XXI, 119–130.

Шелов Д.Б. 1956: Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М.

Ancient Gold 1998: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria / Marazov I. 1998: Ancient Gold. New York.

Carpenter T.H. 1986: Dionysian Imagery in Archaic Greek Art. Its Development in Black-Figure Vase Painting. Oxford.

Carpenter T.H. 1997: Dionysian Imagery in Fifth-Century Athens. Oxford.

Cole S. G. 1995: Civic Cult and Civic Identity // Sources for the Ancient Greek City-State / M.H. Hansen (ed.). Copenhagen, 292–325.

Schefold K. 1934: Untersuchungen zu den Kertscher Vasen // Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen. 4. Berlin; Leipzig, 1–161.

Sherk R.K. 1991: The Eponymous Officials of Greek Cities III // ZPE. 88, 225–260.

Uz D. M. 1990: The Temple of Dionysos at Teos // Hermogenes und die Hochhellinistische Architektur / von W. Hoepfner, E.-L. Schwander (eds.). Mainz/Rhein, 51–61.

Venedikov I., Gerassimov T. 1973: Thrakische Kunst. Wien; München.

ESSAYS ON DIONYSUS WORSHIP IN PHANAGORIA

A.A. Zavoikin

The article considers stamps on Phanagoria measuring vessels as a source of information concerning Dionysus worship in the polis probably since apojkiâ withdrawal from Theos where Dionysus worship was the principal one. Phanagoria stamp emblems on oinochoe beginning with the mid 5th century BC testify that Dionysian symbols validating polis measure standards appeared much earlier than Phanagoria became a part of Bosporan Kingdom. Thus, the observation of iconographic influence of Panticapeum 4th c. BC coinage on Phanagoria emblems allows for its strong thematic connection with the original polis cult.

Key words: Phanagoria, metropolis, colony, Dionysus worship, measuring vessels, stamp.

© 2011

М. И. Медведев

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КУБАНИ XIX ВЕКА

Охрана памятников Кубани — тема сегодня как никогда актуальная, и накопленный за прошедший период опыт представляет особый интерес для осознания методов борьбы с разграблением культурного наследия. В статье доказывается, что усилия государства в сфере охраны памятников XIX века не достигли своей цели — полного искоренения незаконных раскопок. Однако был выработан свод необходимых правил, направленный на сохранение памятников, сформулирована и «обкатана» методика проведения археологических работ — все это составляет основу современных законодательных актов.

Ключевые слова: охраны памятников, Кубань, раскопки, методика проведения археологических работ, законодательные акты.

Охрана памятников Кубани — тема сегодня как никогда актуальная, и накопленный за прошедший период опыт представляет особый интерес для осознания методов борьбы с разграблением культурного наследия.

Меры по пресечению разграбления археологических памятников Кубани относятся к периоду Российской империи. К этому же периоду следует отнести и начало массовых грабительских раскопок. Впрочем, грабеж начался задолго до присоединения этих территорий к России. Правильнее было бы отметить, что этот процесс начался еще в древности, когда участники погребальных церемоний, порой, становились позже и участниками разграбления могил. Многие народы, населявшие эти земли затем, также грабили могилы в целях наживы. Ими была быстро понята закономерность: чем больше курган, тем больше богатств он содержит. Только редкие курганы (например, Куль-оба в Крыму) дошли до исследователей нетронутыми. Впрочем, обилие курганов бронзового времени на Кубани не всегда приводило к столь эффектным находкам — большинство раскопанных могил содержали порой лишь лепной горшок. Впрочем, легенды о богатствах, скрывающихся под земляной насыпью, многих подвигли на их раскопки.

При начальном этапе управлении Российской империей стали появляться призывы к сохранению исторического наследия. Общий интерес к российским древностям развился под влиянием классического направления, связанного с цен-

Медведев Михаил Игоревич — председатель правления Краснодарской краевой Общественной организации «Общество сохранения историко-культурного наследия», аспирант исторического факультета Академии маркетинга и социально-информационных технологий г. Краснодар. E-mail: sphp-kk@mail.ru

ными во всех отношениях находками в античных и скифских памятниках Северного Причерноморья. Большинство путешественников и ученых (например, П. И. Кеппен, И. А. Стемпковский) составляли «наверх» записки с предложениями принять меры к охране уцелевших археологических памятников, собрать о них сведения. Хранитель Эрмитажа Е. Е. Кёлер обратил внимание Конференции Петербургской Академии наук на неизученность основных вопросов истории, археологии и нумизматики античных государств Северного Причерноморья. Антикварий упрекнул русских ученых в том, что иностранные путешественники их опережают «в славных научных открытиях» в области изучения причерноморских классических древностей, и поставил вопрос о необходимости точной локализации греческих городов Понта Эвксинского[1]. На деньги Кабинета императора Александра I он совершил поездку на юг, в том числе и Таманский полуостров, где открыл памятник с надписью боспорской царицы Комосарии. Этому памятнику Е. Е. Кёлер посвятил специальное исследование[2], заложив тем самым основы для научного изучения древностей Боспорского царства. Часть приобретенных в Причерноморье археологических памятников ученый отправил в Императорский Эрмитаж, но не забывал и о пополнении собственной коллекции, состоявшей из античных монет, керамики, амфорных ручек и черепиц с клеймами и пр. По его докладу было принято утвержденное Александром I распоряжение по Министерству внутренних дел 1805 г., чтобы «никому из частных путешественников не дозволяемо было собирать могущих находится там древних редкостей» на казенных землях Тавриды и вывозить их за границу. Несмотря на то, что средств на охрану и реставрацию памятников тогда выделено не было, можно с полным правом утверждать, что это распоряжение стало одним из первых правительственных актов по охране древностей Северного Причерноморья[3].

Это же распоряжение было подписано и Херсонским губернатором Дюком де Ришелье. Распоряжение, разумеется, касалось только мест, принадлежавших казне. Генерал-губернатор Новороссии М. С. Воронцов при учреждении музея в Одессе предписал всем военным, городским и земским начальникам края принять меры по охране памятников и переправлять древности, найденные в губернии, в Одесский музей. 2 июня (ст. ст.) 1826 г. был открыт Керченский музей древностей[4], который был призван хранить памятники, найденные по обоим берегам Боспорского пролива, на Таманском полуострове в том числе.

В то же время увлечение нумизматикой в России приняло массовый характер. «В окрестностях древней Фанагории, нынешнего Тамана, находят ежедневно разные медали древних царей Босфора. Целые собрания оных есть у некоторых охотников, как например, у сенатора графа Потоцкого и статского советника Бларамберга»[5].

Первые значительные находки (курган Патиниоти) попали в Санкт-Петербург, к графу Н. П. Румянцеву. Его научный консультант академик Е. Е. Кёлер 5 мая 1820 г. представил записку в Петербургскую Академию наук «о способах сохранения древних достопамятностей в Тавриде», в которой предлагал возложить обязанности надзора за сохранностью древностей и раскопки в окрестностях Керчи и на Таман-

[1] Köhler 1805, 99.
[2] Köhler 1805; Кёлер 1850, 99–136.
[3] Тункина 2002, 66–73, 613–614.
[4] Федосеев 2002, 154–178.
[5] Тункина 2010, 36.

ском полуострове на П. Дюбрюкса[6]. Предполагалось назначить П. Дюбрюксу жалованье и выделить приличную сумму на скупку вновь найденных антиков, однако этому проекту не суждено было сбыться.

Интерес к антикам у Императорской двора возрос после открытия богатой гробницы в кургане Куль-оба под Керчью (1830 г.). Пожалуй, впервые на самом высоком уровне были выделены средства не просто на выкуп успевших попасть в руки грабителей драгоценностей, но и на проведение дальнейших археологических раскопок. С 1833 года Д. Карейша и А. Ашик начинают с особым усердием разрывать могилы в Керчи и на Тамани[7]. Оба действовали грубо: в один сезон могли повредить более 30 курганов. По поручению Ашика работы «спешно и небрежно» вел «какой-то молодой грек... начинали курган и после первой неудачи оставляли его неисследованным вполне... Раскопками руководила одна жажда к золотым вещам... Ашик, проездом, быстро осматривал раскопки и снова удалялся»[8].

Брошенные разрытыми гробницы служили плохим примером для обывателей, которые принимались за собственные раскопки. Чиновники лучшие вещи отправляли в столицу, что-то оставалось в местном музее, а что-то пополняло коллекции частных лиц. Уже в первой половине XIX века в Керчи, Одессе и других городах образовался целый круг коллекционеров, которые пополняли свои коллекции за счет скупки грабителей могил, которых метко стали назвать «бугорщики» и «счастливчики». В принципе, монарх также являлся коллекционером, и легальные раскопщики при посещении Императором этих мест стремились поднести найденное. Еще в 1818 году во время посещения Керчи императором Александром I, когда «государь осматривал вырытые в гробницах г. Брюксом разные этрусские вазы, кольца и языческие божества, из коих всего более понравилась государю бронзовая голова Дианы, прекрасной работы, свидетельствующая, что она сделана была в самое цветущее время для художеств. Его величество подарил оную принцу Гессен–Гомбургскому. П. Дюбрюкс преподнес ему в дар свою коллекцию древностей. По дороге в Феодосию государь осматривал гробницы, открытые г. Брюксом, и по моему наставлению пожаловал ему брильянтовый перстень»[9].

Эта ситуация стала возможна при полном отсутствии общих инструкций, упорядочивающих проведение раскопок, и общегосударственных органов, уполномоченных осуществлять за ними контроль. Авторы раскопок стремились даже донести до общественности свои «успехи». Так, в «Одесском вестнике», подписанное криптонимом D. A., было опубликовано письмо автора некоему NN из Тамани от 28 ноября 1828 г. о раскопках в апреле 1828 г. господином Р. кургана в одной или двух верстах от ст. Тамань по дороге к Бугазу, очевидно, принадлежавшего некрополю Гермонассы. Здесь была найдена расписная ваза, стригиль и две терракотовые статуэтки[10].

Впрочем, помимо коллекционирования на самом высоком уровне, царская

[6] Тункина 2010, 45.
[7] Карейша 1844, 619.
[8] Герц 1875, 10.
[9] Михайловский-Данилевский 1897, 6–7.
[10] Тункина 2010, 29.

власть стремилась доказать, что самодержавие на Руси держится уже столетиями, и поэтому оно прочно и единственно приемлемо для России. С этой целью правительство Николая I издало ряд указов, направленных на охрану «отечественных» древностей. Именно с этого времени в России стала формироваться система государственного подхода к археологии. Что же касается заботы о древностях Южной России, то ни один указ 1840–1850-х гг. конкретно их не касался.

Все это в области организации охраны историко-археологических памятников делалось сознательно по всей территории Российской империи с единственной целью — противопоставить охрану и исследования «русского средневековья родной русской старины»[11]. Самодержавие специально ориентировало историко-археологическую науку на изучение, консервацию форм византийского искусства и зодчества, т.е. на изучение церквей[12]. В связи с этим был опубликован специальный указ от 23 марта 1841 года, предписывающий строителям при сооружении церквей придерживаться «вида древнего византийского зодчества»[13]. Именно это позволило архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию в 1852 году предложить построить на территории Херсонеса храм в форме византийской базилики IX века[14]. Император, зная, что все древнее вызывает к себе особое благовение, желает, чтобы выстроенная вчера церковь почиталась как старинная… [15].

Это объяснилось не только удаленностью южных территорий от «северной столицы» — власть была озабочена еще регулированием православия как одним из механизмов управления. Между тем, «золотая лихорадка» сделала очевидной необходимость разработки мер по охране археологических памятников и упорядочиванию организации полевых работ, а также и необходимость разработки полевых методик. В 1850 г. министром внутренних дел (с 1841 по 1852 г.), позже министром уделов (Министерство Императорского двора) и управляющим кабинетом и Академией художеств (с 1852 по 1856 г.) графом Л. А. Перовским была создана Комиссия для исследования древностей[16]. Начались разработки документов по регламентации и методике раскопок курганов юга России, но они тогда не имели общегосударственного характера и применялись далеко не всегда.

12 ноября 1851 г. был издан формуляр о дополнениях к правилам для археологических разысканий около г. Керчи и его окрестностей[17]:

1. При работах необходимо вести журнал находок, который должен открываться обстоятельным описанием избранной для разрытия местности.

2. Необходимо вносить весь ход исследования в течение дня в дневник, с перечнем предметов, в каком направлении вели раскопки, какого свойства, виды слоев и их последовательность. Дневник обязательно подписывало лицо, его составляющее.

---

[11] Веселовский 1896, 269.
[12] Лашков 1888, 5; Жуков 1865, 27.
[13] ПСЗ X, собр. XVI, №14892.
[14] Лашков 1888, 10.
[15] Кюстин 1930, 266.
[16] Тункина 2002, 252–254; Веселовский 1896, 71; Пескарева, Рябинин 1984, 229.
[17] Под окрестностями подразумевался и Таманский п-ов.

3. Окончательное вскрытие памятника необходимо проводить в присутствии 3 членов (первый по назначению Керчь-Еникальского градоначальника, два от музея).

4. По окончании работ лица подписывают подробный протокол со всеми находками, описание вещей и их подробное положение.

5. Для фиксации находок на раскопе необходим рисовальщик.

6. Разрытую землю не бросать, пока она не будет тщательно исследована.

7. О прекращении работ выносится постановление.

8. Керчь-Еникальскому градоначальнику предоставляется ежемесячно ведомость о ходе разрытия и открытых при этом предметов древностей, а тот в Министерство Внутренних Дел с присовокуплением журнала работ.

Какие предметы должны быть отправлены в Санкт-Петербург, а какие должны остаться в Керчи решает Санкт-Петербургское начальство.

Эти же правила действовали и при раскопках на Таманском полуострове.

В мае 1852 г. Л. А. Перовский отправился на юг России с инспекционной поездкой. Объезжая Крым и Тамань, министр предписал местной администрации усилить контроль за охраной древностей и добился увеличения ассигнований на раскопки на 1000 руб. По его приказу близ станицы Сенной — «в центре всех раскопок на Таманском полуострове» — был выстроен специальный дом, своего рода «археологическая база»[18].

В «Положении об археологической комиссии Министерства Императорского двора» были определены полномочия на «изыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространствах, занимаемых ныне Россиею»[19]. С учреждением Археологической комиссии ситуация с раскопками древностей изменилась к лучшему. На содержание ИАК и полевую деятельность выделялись средства из госбюджета, ей были даны достаточно широкие полномочия.

Впрочем, это не изменило отношение царского двора к изучению археологических памятников Юга России. В середине 1850-х годов — в начале правления Александра II (1855–1861) — Россия стояла на пороге революционного взрыва, и Император не обращал «большого внимания на археологию, не имевшую прямого отношения к интересам текущей жизни». Официально отношение к древностям Юга России этот период было негативным и носило выборочный, ненаучный характер. В то же время 2 февраля 1859 года было опубликовано «Положение об императорской Археологической Комиссии», согласно которому новое учреждение наделялось исключительным правом вести археологические исследования на всей территории государства[20]. Фактически Археологическая Комиссия начала свою деятельность за 9 лет до этого. Нельзя не отметить, что длительное время, с 1859 по 1870 гг., она была ориентирована на вывоз в Эрмитаж драгоценных уникумов Северного Причерноморья[21].

Россия переживала период укрепления монархического патриотизма. Один их столпов монархизма и русификаторства К. П. Победоносцев заявлял: «Восстанов-

[18] Марти 1926, 21; Тункина 2002, 303; Быковская 2008, 89.
[19] Сорокина 2008, 29.
[20] ПСЗ XXXIV, собр. 2, 341097.
[21] Бузескул 1931, 161.

ление древних памятников и храмов — важное дело. Но еще важней — устройство церквей для удовлетворения первой потребности бедного, непросвещенного народа»[22]. В то же время в поисках драгоценностей на юге России работали «археологи божьей милостью и археологический люд — археологи обоего пола, и археологи ex officio и археологи ради карьеры и просто кладоискатели»[23]. Поэтому, естественно, археологические работы являлись бессистемными и дилетантскими, носили хищнический и грабительский характер кладоискательства[24]. Об этом свидетельстве печальная участь городища «Кметое» (в районе Канева), которое «в течение трех дней буквально разнес горе-археолог, согнавший для его раскопок целую волость, несколько сот человек»[25].

Кроме того, весьма отрицательно сказалось на сохранности археологических памятников вандальское отношение к ним со стороны обывателей, зараженных бациллой кладоискательства, и невежественных собирателей древностей. Все они видели в памятниках древности прежде всего объект наживы и обогащения. Тем более что это поощрялось «правительственными и общественными музеями»[26]. Этому способствовали и законы Российской Империи, которые охраняли интересы частной собственности. Памятники старины, находящиеся в земле, рассматривались как клады, которые «принадлежали владельцу земли и без позволении его, не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не могут… В случае, когда … будут найдены неизвестно кому принадлежавшие, забытые или потерянные вещи, а равно и старые монеты и другие древности … нашедшие их неизменно получат следующие за это вознаграждение по мере их ценностей и представленной ими вещи, а именно: за потерянные или забытые треть, за древности всю настоящую цену золота, серебра или иного вещества, из коего они сделаны …»[27]. Поэтому не случайно, что на юге России появляется сословие так называемых «счастливчиков», которые на свой страх и риск раскапывают, обычно по ночам, могилы и извлекают из них древности, которые превращались в предметы купли-продажи[28]. Именно по это причине существовали доморощенные крестьянские «археологи» села Нижние Серагозы Мелитопольского уезда. Участвуя первоначально в раскопках кургана «Багюз», проводимых в 1893 году Н. И. Веселовским, они с 1895 по 1902 гг. самостоятельно копали курган, а добытые вещи за вознаграждение сдали в Археологическую комиссию[29]. Это пример «наилучшего» варианта грабежа. Зачастую древности либо разрушались, либо утилизировались, либо вывозились за границу. Большая часть находок из Ольвии таким образом оказалось за границей, а мраморные памятники Керчи оказались пережженными на известь[30]. По свидетельству археолога Н. Беляшевского, на Киевщине действовал разъездной предприниматель-ремесленник, который «возил за собой воз с различной церковной утварью очень неважного достоин-

[22] Победоносцев 1926, 177.
[23] ААРК. Ф.538. Оп. 1. Ед.хр. 59. Л. 2. (Линиченко И. А. Записки археолога).
[24] Линиченко 1889, 12, 14, 21.
[25] ААРК. Ф.538. Оп. 1. Ед.хр. 59. Л. 3. (Линиченко И. А. Записки археолога).
[26] Самоквасов 1908, 16.
[27] Свод гражданских законов 1880, 430.
[28] Жебелев 1923, 63.
[29] Киевская старина XXVII, 1902, 159.
[30] Монгайт 1955, 44.

ства, и в обмен за нее получал массу ценных и в прямом и в переносном значении предметов»[31]. Сообщениями о разрушении, расхищении и уничтожении памятников истории и археологии пестрила периодика того времени [32].

Сбором археологического материала, сведений о памятниках древности занимались областные и губернские статкомитеты, к «необязательным» работам которых относились разносторонние исследования территорий в археологическом, историческом, географическом и этнографическом отношениях. Собранные материалы и данные находили отражение на страницах «Журнала МВД» и в периодических изданиях самих комитетов. Археологическое направление в деятельности статистических комитетов было закреплено Циркуляром МВД за № 63 от 27.04.1863 г., в котором губернаторам было дано поручение «пригласить членов статистических комитетов, приводить в известность по мере возможности наличные в области памятники древности», по специальной программе, разосланной ИАК.

22 июля 1879 года был организован Кубанский областной статистический комитет под председательством наказного атамана. Комитет состоял из назначаемых членов из числа «сведущих лиц» и почетных членов, внесших ту или иную сумму средств на статистические работы, так как отпускаемые государством средства были крайне незначительными. Организатором и первым секретарем Кубанского областного статистического комитета с 1879 по 1892 годы был выдающийся кубанский статистик, историк, археолог и общественный деятель Евгений Дмитриевич Фелицын, одновременно создавший при статкомитете музей, ныне носящий его имя. Е. Д. Фелицын, выполняя обязанности офицера по особым поручениям Кубанского войскового штаба и Кубанского областного правления, совершил в 1878–1879 годах многочисленные поездки по Кубанской области, где и собрал самые первые экспонаты коллекции древностей. Это были археологические находки, предметы этнографии горских народов, карты, документы.

В областном статистическом комитете плодотворно работали такие крупные ученые, как Ф. А. Щербина, его брат В. А. Щербина, П. П. Короленко и ряд других. Наряду с войсковым архивом Кубанского казачьего войска Кубанский областной статкомитет был тем учреждением, на базе которого было организовано и несколько десятилетий плодотворно работало Общество любителей изучения Кубанской области.

Официальные власти предпринимали определенные шаги в области охраны памятников старины, но они несли половинчатый, избирательный характер, о чем наглядно свидетельствуют законы, распоряжения, циркуляры, изданные в конце XIX — в начале XX вв.

С конца 1880-х гг. разворачивается активная деятельность ИАК по созданию структуры российских археологических учреждений для развития дела охраны древностей. Так, в 1882 году Министерство внутренних дел распространило циркуляр «О предоставлении археологических находок местной полицейской власти для предоставления их в Императорскую Археологическую Комиссию через

[31] Киевская старина XX, 1900, 138.

[32] Старые годы 1909, 496; 1911, 205; 1911, 65–66; 1911, 51; 1912, 56; 1913, 53; 1914, 53; Военно-исторический вестник 1916, 11–12, 18, 97; Киевская старина XX, 1900, 137; Мир искусства 2, 1899, №3–24, 94; Штерн 1899, 21; Ограбленный курган. Гермес 1916, №13–14 (179–180), 336.

губернское начальство[33]. Позже, в 1884, 1886, 1891, 1901 гг., оно возвращалось к вопросу «о необходимости принятия действенных мер к охране древних памятников от разрушения»[34], но также безрезультатно[35].

Не достиг своей цели и Указ правительства «О предоставлении Императорской Археологической комиссии исключительного права производства и разрешения раскопок с археологической целью на землях казенных, принадлежавших разным установленным и общественных» от 11 марта 1889 года. Согласно этому постановлению, исключительное право на введение археологических работ в стране принадлежало Археологической Комиссии. Только с ее разрешения могли вести раскопки «все учреждения и люди», а все «ценные и особо важные в научном отношении предметы» в обязательном порядке отсылались в Археологическую комиссию. На нее же возлагалась охрана памятников археологии, прежде всего т.н. монументальных. Вводится специальный документ — открытый лист, выдаваемый конкретному лицу, квалификация которого известна ИАК, на конкретные археологические работы. Тогда же разрабатываются и согласовываются с многочисленными региональными археологическими обществами и учреждениями правила выдачи Открытых листов и представления отчетности по ним.

В целях улучшения охраны памятников археологии на местах Археологическая Комиссия обратилась с призывом к ряду провинциальных научных обществ и учреждений взять на себя эти обязанности. Некоторые из них ответили согласием, но не все[36]. Вследствие этого разрушение и расхищение памятников не прекратилось, а наоборот, приняло массовый характер. «Раскопочное дело было поставлено крайне неудовлетворительно» — так констатировала в 1909 году межведомственная комиссия при МВД[37], созданная в 1904 году для пересмотра действующих постановлений об охране памятников[38].

Среди причин, от которых зависел успех предпринимаемых мер в сфере охраны памятников, нельзя не отметить то, что финансирование всех мероприятий было недостаточным. Практически в каждом деле присутствует запросы на выделение денежных сумм, в большинстве случаев в которых было отказано.

Таким образом, законодательство в конце XIX — начале XX вв. в области охраны историко-археологических памятников носило половинчатый, случайный и неэффективный характер, что уже отмечалось современниками[39] и Министерством внутренних дел. Главная причина заключалась в том, что социальные условия дореволюционной России не могли способствовать выработке правильного научного подхода к историко-археологическим памятникам. Отечественная археология не только находилась во власти поверхностного вещественоведения и иде-

[33] Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом 1911, 8.

[34] ААРК. Оп.1. П. 3 Д. 11. Л. 7. (Проекты, положения, постановления центральных и археологических учреждений).

[35] ААРК. Оп.1. П. 3 Д. 11. Л. 8. (Проекты, положения, постановления центральных и археологических учреждений); Биржевые ведомости 1901, 213; Новости дня 1901, 6537.

[36] Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом 1911, 30.

[37] Архив РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Л. 3.

[38] Смолин 1911, 146.

[39] Смолин 1911, 147.

алистического взгляда на историю[40], но и пытались использовать ее как орудие великодержавного шовинизма. Так, апологет русского самодержавия и сторонник норманнской теории в исторической науке профессор Д. Иловайский предлагал в 1906 году воздвигнуть в Керчи, на горе Митридат, памятник о «воспоминании первого известия о роксах и роксасанах», якобы предков русских, которые сражались с Митридатом в 94 году до н. э. В то время уже было известно, что это были сарматы, а не предки руссов[41].

Весьма яркую характеристику состояния охраны и изучения отечественных памятников старины в конце XIX — начале XX вв. дал выдающийся отечественный археолог А. А. Спицин: «В России нет ни специальных учреждений, ни музеев, ведающих памятниками старинного быта, ни специальных изданий. Поэтому сведения о таких памятниках следует сообщать в архивные комиссии и подобные учреждения, где они непременного будут изданы и, следовательно, рано или поздно станут известный интересующимся людям»[42]. Среди этих учреждений определенное место в изучении древностей занимают 6 Архивных Комиссий. Они открывались на основании «Положения комитета министерства об учреждении губернских исторических архивов и ученых архивных комиссий» от 13.04.1884 г.[43] Официально на них возлагалась задача по отбору и хранению документов научного значения и тех архивных дел, которые предназначались для уничтожения. Но ввиду того, что организуемые комиссии не имели определенного общего устава[44], они могли самостоятельно вырабатывать программу своей научной деятельности. Вследствие этого функции каждой комиссии были весьма разнообразны. Одни ограничивались свою деятельность исключительно архивными делами, другие значительно расширили программу своей деятельности, взяв на себя функции историко-археологических обществ, изучающих и описывающих историю и древности, изучающих научные материалы о исследованиях и ведающих охраной памятников древности и старины[45]. По сути дела такие комиссии являлись одновременно своеобразными археологическими учреждениями.

Научно-археологическая деятельность южнорусских ученых архивных комиссий во многом зависела от той среды и тех условий, в которых им приходилось действовать. Очень важным и непременным условием для успешной работы комиссии являлось наличие соответствующих местных научных сил широкой общественной поддержки и тесная связь с научными центрами страны, тем более что от правительства они практически ни помощи, ни поддержки не имели[46]. На местах помощь в деле охраны памятников часто оказывали казачьи атаманы, которые были опорой государственности в этих краях. ИАК обращалась к наказному атаману Черноморского войска для оказания всяческого содействия при проведении археологических исследований. О том, насколько эффективна помощь

[40] Самоквасов 1908, 15; Разгон 1957, 76.
[41] Зенкевич 1894, 118.
[42] Спицын 1908, 92
[43] ПСЗ IX, соб. 3, №2149.
[44] АККМ. Оп. 1. «Архив ТУАК». Папка 6. Д. 20. Л. 115; Папка 3. Д. 11. Л. 15, 20.
[45] Ветроградов 1904, 38; Маркевич 1912, 278.
[46] АККМ. Оп. 1. «Архив ТУАК». П.6. Д. 20. Л. 115.

казаков свидетельствует тот факт, что после революции 1917 года разграбление некрополей Тамани приняло невиданный размах.

Очень показательна плодотворная и активная деятельность первой на юге по времени и по научным достижениям Таврической архивной комиссии (ТУАК). Помимо активной деятельности в Крыму и прилегающих территориях, комиссия оказывала помощь научными консультациями Донскому музею в г. Новочеркасске и Минскому историко-археологическому комитету[47].

В целом усилия государства в сфере охраны памятников XIX века не достигли своей цели — полного искоренения незаконных раскопок. Однако был выработан свод необходимых правил, направленный на сохранение памятников, сформулирована и «обкатана» методика проведения археологических работ — все это составляет основу современных законодательных актов. Очевидно, что в этом деле нужна не просто активация со стороны государства, изучение опыта зарубежных стран, но и общее повышение уровня культуры населения, изменения его отношения к историческим памятникам, которыми так богата Кубанская земля.

ЛИТЕРАТУРА

Бузескул В. П. 1931: Всеобщая история и ее представители в России. Т. II. Л.

*Быковская Н. В.*2008: Археологические исследования на Таманском полуострове во 2-й пол. XIX в. (по материалам архива Керченского заповедника) // Научный сборник Керченского Заповедника. Вып. 2. Керчь, 89.

Вертоградов И. Ф. 1904: К вопросу о задачах Екатеринославской губернской ученой архивной комиссии // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Вып. 1, 33–43.

Веселовский Н. И. 1896: История Императорского Общества за первые 50 лет его существования. СПб.

Герц К. К. 1875: Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Древности. 6/1, 1–40.

Жебелев С. А. 1923: Введение в археологию. Ч.II. Теории и практика археологического знания. М.

Жуков Ф. К. 1865: Заметки в пути на южный берег Крыма. СПб.

Зенкевич Х. 1894: Керчь в прошедшем и настоящем. Историко–археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений с рисунками. Керчь.

Карейша Д. В. 1844: Разрытия курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 г. // ЗООИД. 1, 609–620.

Кёлер Е. Е. 1850: Рассуждения о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно / Г. Спасский (сост.), 99–136.

Кюстин А. де. 1930: Николаевская Россия. Л.

Лашков Ф. Ф. 1888: Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма св. Равноапостольского князя Владимира. В память 900-летия крещения Руси 988–1888 // ИТУАК. 5, 5–18.

Линиченко И. А. 1889: Курганомания. М.

[47] АККМ. Оп. 1. «Архив ТУАК». П. 10. Д. 32. Л. 118, 180.

Маркевич А.И. 1912: Речь на торжественном собрании, посвященном 25-летию Таврической ученой комиссии // ИТУАК. 48, 278.

Марти Ю.Ю. 1926: Сто лет Керченского музея древности. Исторический очерк. Керчь.

Материалы по вопросу сохранения древних памятников 1911. М.

Михайловский-Данилевский А.И. 1897: Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818-м году. I–III // Русская старина. Т. XCI. 7, 69–102.

Монгайт А.П. 1955: Археология в СССР. М.

Пескарева К.М., Рябинин Е.А. 1984: Первое государственное учреждение отечественной археологии (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 4, 229.

Победоносцев К.П. 1926: Письма к Александру III. Петербург.

Разгон А.М. 1957: Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // История музейного дела в СССР. М., 73–128.

Самоквасов Д.Н. 1908: Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М.

Смолин В. 1917: Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // ИАК. 63, 121–148.

Сорокина И.А. 2008: Полевые исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула.

Спицын А.А. 1908: Археологические разведки. СПб.

Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). Санкт-Петербург.

Тункина И.В. 2010: «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс, Поль (1770–1835). Собрание сочинений: в 2 т. Т. I. Санкт-Петербург.

Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.

Федосеев Н.Ф. 2002: Керченский музей Древностей // ВДИ. 1, 154–178.

Köhler H.K.E. 1805: Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. Санкт-Петербург. =

Köhler H.K.E. 1805: Lettre sur plusieurs Médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonuse Taurique // Nova Acta Academiae Scientiarum Imp. T. 14. Petropolitanae.

LEGISLATIVE ACTS CONCERNING PROTECTION OF KUBAN CULTURAL HERITAGE OF THE 19th CENTURY

M.I. Medvedev

Protection of Kuban cultural heritage is most important nowadays. Previously gained experience presents a particular interest from the viewpoint of cultural heritage protection. The article states that government efforts to protect the 19th century relics and monuments from illicit excavations proved ineffectual. However, authorities drew up a set of rules to preserve relics of the past, established and implemented archeological procedure, which form the basis for present day legislative acts.

Key words: relics and monument preservation, Kuban, excavations, archeological methodic, legislative acts.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2011 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

© 2011

Д. В. Журавлев

НОВЫЕ НАХОДКИ ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ КЕРАМИКИ И СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ*

Статья посвящена публикации позднеэллинистических керамики и светильников из раскопок Пантикапея. Автор рассматривает основные группы импортной рельефной и краснолаковой керамики, а также продукцию местного производства – боспорскую сигиллату. Среди находок представлен весь спектр восточно-средиземноморских импортеров (Сирия, Пергам, Книд и т.д.). Среди осветительных приборов доминирует продукция местных, боспорских мастерских, а наибольший интерес вызывают многорожковые светильники.

Ключевые слова: позднеэллинистическая керамика, рельефные сосуды, мегарские чаши, светильники, импорт, местное производство.

Публикуемая статья основана на материалах из раскопок Пантикапея в 1995–2006 гг. Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством В. П. Толстикова[1], в которых автор статьи принимал активное участие. Работы в это время в основном велись на раскопе Центральный — Северный. До настоящего момента керамический материал позднеэллинистического времени остается еще неопубликованным, за исключением отдельных комплексов из цистерн[2] и некоторых светильников[3]. Вводные доклады на эту тему также были представлены на «Боспорских чтениях» в 2009 и 2010 гг.[4]

Журавлев Денис Валерьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного Исторического музея, член-корреспондент Германского археологического института. E–mail: denzhuravlev@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stieftung).

[1] Благодарю В. П. Толстикова за любезное разрешение издать материалы его раскопок. Я признателен П. Гулдагер Бильде, бывшему директору Датского центра по изучению Причерноморья, за возможность участия в кругом столе, посвященном проблемам хронологии позднеэллинистической керамики. Благодарю также Н. В. Быковскую, Н. В. Журавлеву и Г. А. Ломтадзе, совместно с которыми мы публиковали отдельные находки.

[2] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 289–314; Lomtadze, Zhuravlev 2004, 203–209; Tolstikov, Zhuravlev 2004, fig. 93–102.

[3] Zhuravlev, Zhuravleva 2002, 1–12; Zhuravlev 2007, 211–213; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010.

[4] Журавлев, Журавлева 2009, рис. 1–3. Все публикуемые в статье фрагменты керамики, за исключением специально оговоренных случаев, хранятся в Керченском историко-культурном заповеднике.

Данная небольшая обзорная статья представляет лишь общий взгляд на столовую посуду и осветительные приборы боспорской столицы позднеэллинистического времени, обнаруженные в последние десятилетия. Именно поэтому подробный анализ каждой формы, исчерпывающие аналогии и каталожные описания нами опущены. В настоящее время готовится монография «Эллинистическая и римская керамика Пантикапея», в которой будет представлен тщательный анализ всех находок, включая широкий изобразительный ряд и подробный каталог. Большая часть позднеэллинистических светильников Пантикапея уже вошла в соответствующий том Каталога светильников Керченского историко-культурного заповедника[5], а наиболее массовым из них, типа «кувшинчика», была посвящена и специальная публикация[6].

Импортная рельефная керамика

Одна из наиболее многочисленных групп столовой посуды позднеэллинистического времени — рельефная керамика, или так называемые «мегарские чаши». Надо отметить, что в отечественной литературе этой категории античной посуды не особенно «везло», и исследователи часто обходили эту керамику стороной. При этом единственным северо-причерноморским центром, рельефной керамике которого посвящено сравнительно много исследований, являлся и является Пантикапей. Правда, большинство этих работ было написано в 50х — 70х годах XX в. и их выводы не всегда адекватно отображают сегодняшние реалии. Среди авторов этих статей — В. Д. Блаватский, Н. М. Лосева, В. С. Забелина[7]. Кроме того, боспорской рельефной керамике были посвящены статьи И. Г. Шургая и О. Н. Усачевой[8]. К сожалению, единственное обобщающее монографическое исследование — кандидатская диссертация С. А. Коваленко[9] — так и осталось в рукописи[10].

Надо отметить, что в последнее время наметилась отрадная тенденция к увеличению публикаций эллинистической и римской керамики из Северного Причерноморья, причем часто — на высоком научном уровне. Так, помимо статей С. А. Коваленко и его соавторов, необходимо отметить выход 1 тома Каталога «мегарских» чаш собрания Керченского историко-культурного заповедника, который стал серьезным шагом в изучении рельефной керамики с территории Боспорского царства[11]. Образцом публикации массового материала из Северного Причерноморья следует считать издание материалов раскопов НГС в Ольвии, подготовленного совместно украинскими и датскими специалистами (при участии специалистов и из других стран)[12].

---

[5] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010.

[6] Журавлев 2010а, 264–276.

[7] Блаватский 1959, 174–176; Лосева 1962, 204–205; Забелина 1984, 154–165. Подробный очерк истории исследования рельефной керамики в России и Украине был издан С. А. Коваленко (Коваленко 1998, 9–16).

[8] Шургая 1962, 108–120; 1963, 107–111; Усачева 1978, 100–107.

[9] Коваленко 1989; См. также другие его публикации: Коваленко 1996, 51–57; Внуков, Коваленко 1998, 61–75; Турова, Коваленко 2005, 339–349.

[10] Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность С. А. Коваленко за предоставленную в мое распоряжение неопубликованную рукопись его диссертационной работы.

[11] Гжегжулка 2010.

[12] Lejpunskaja et al. 2010.

Как уже отмечал С. А. Коваленко, продукция ионийских мастерских доминировала на причерноморском рынке рельефной керамики[13]. При этом в Пантикапее процент посуды из Афин — центра, в котором появилась рельефная керамика исследуемого облика, — был невысок. По всей видимости, это было связано с переориентацией причерноморского рынка на Малую Азию[14]. То же можно сказать и о светильниках: в позднеэллинистическое время на боспорском рынке были представлены лишь отдельные экземпляры аттических осветительных приборов или их имитаций[15].

Наиболее широко в Пантикапее представлена продукция эфесских гончаров (рис. 1, *1–4*; 2, *1–2*; 3, *2,3,5*)[16]. Ранее именно эта группа сосудов именовалась «делосскими чашами»[17]. Лишь после публикации А. Ломонье материалов с острова Делоса большинство специалистов отказалось от подобной атрибуции[18]. В позднеэллинистическое время Эфес стал важным производителем столовой посуды и осветительных приборов (о последних речь пойдет ниже). Среди эфесской рельефной керамики отчетливо выделяются изделия мастерской так называемой PAR-монограммы[19]. Наряду с ними известны сосуды и других эфесских мастерских (рис. 1, *5*; 3, *1*).

Еще одна группа рельефных чаш происходит из мастерской Кирбея. Донце этих чаш украшено клеймом, изображающим женский бюст (вероятно, Кибела) в высокой муральной короне и надписью по обеим сторонам KIP/ BEI (рис. 2, *5*; 4, *1*). До сих пор ученые не могут прийти к единому мнению о центре производства этих чаш. С одной стороны, некоторые исследователи из Причерноморья считают их изготовленными в одном из средиземноморских центров[20]. Так, например, С. А. Коваленко предполагает, что эта мастерская располагалась в Смирне, аргументируя это схожестью изображений на чеканенных там монетах и клеймах на чашах[21]. С другой стороны, западные ученые, начиная еще со времени Р. Цана и Ф. Курби[22], которые, в свою очередь опирались на гипотезу В. В. Латышева[23], отстаивают точку зрения о причерноморском происхождении этих чаш[24]. В настоящее время с этим материалом работает П. Гулдагер Билде, считающая, вслед

[13] Коваленко 1989, 27–51.

[14] Похожая ситуация с аттической продукцией прослежена и для чернолаковой посуды. Правда, мы можем располагать полноценной сравнительной базой лишь в Северо-Западном Крыму, для которого существует обобщающая работа (Егорова 2009, 76–77). К сожалению, по Боспору публикаций такого уровня пока нет.

[15] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 11–17.

[16] Часть этих сосудов уже была опубликована В. П. Толстиковым: Толстиков 2010, 234, рис. 4.

[17] Courby 1922; XIX–XXI. Для Северного Причерноморья см.: Лосева 1962, 195–205; Забелина 1984, 154–165; и многие другие работы.

[18] Laumonier 1977, 3–5. На русском языке основные аргументы французского археолога также давно опубликованы в развернутом виде: Внуков, Коваленко 1998, 62.

[19] Rogl 2001, 99–111.

[20] См. например: Лосева 1962, 202–203.

[21] Коваленко 1987, 70–80.

[22] Zahn 1908, 55; Courby 1922, 411.

[23] Латышев 1902, 141.

[24] О. Н. Усачева предложила компромиссное решение: часть сосудов с эти клеймом была импортного, часть — местного производства (Усачева 1978, 101). Впрочем, еще Н. М. Лосева отмечала возможность использования боспорскими мастерами импортных форм (Лосева 1962, 202–203).

за В. В. Латышевым и Р. Цаном, что эта мастерская была расположена в Ольвии[25]. Следуя теории датской исследовательницы о возможности работы нескольких мастеров в этой мастерской, специально отметим найденный в Пантикапее фрагмент донца еще одной рельефной чаши с изображением женской головы влево (рис. 2, *4*; 3, *4*)[26]. Возможно, это клеймо маркирует продукцию мастера Зенодота (Zenodotos)[27].

Датировка изделий мастерской Кирбея, которая работала, судя по всему, совсем недолго, до конца не ясна, но, очевидно, лежит около середины II в. до н.э.

С. А. Коваленко в свое время было отмечено не более 15 клейм этой мастерской, происходящих из Северного Причерноморья. Отмечу, что ему были известны отнюдь не все находки, разбросанные по многим музеям России и Европы. Так, например, в коллекции Государственного Исторического музея в Москве хранится несколько клейменых фрагментов чаш мастерской Кирбея из коллекции П. О. Бурачкова (рис. 4, *2–3*; 5)[28], до сих пор не введенных в научный оборот. В 2010 г. рельефная чаша из этой мастерской была обнаружена при раскопках поселения Голубицкая 2 на Таманском полуострове. Благодаря этой находке Боспорской археологической экспедиции Государственного Исторического музея и Евразийского отдела Германского археологического института наконец-то удалось поставить точку в многолетнем споре о месте производства рельефных чаш с клеймом KIPBEI. Исследования глины этого сосуда, проведенные методом нейтронной активации в Бонне убедительно доказали, что эти чаши изготавливались в Кимах[29].

Небольшое количество фрагментов рельефных чаш относятся к *пергамскому производству*. Так, например, в 2007 г. в Пантикапее была найдена нижняя часть рельефной чаши, украшенной листьями плюща (рис. 1, *6*). Помимо этого, целый ряд сосудов сложно точно отождествить с тем или иным производственным центром; можно лишь сказать, что они изготовлены в одном из ионийских центров.

Боспорская рельефная керамика

Первоначально на Боспор поступала лишь импортная рельефная посуда, но в конце II — начале I вв. до н.э. начинается собственное производство «мегарских» чаш. Боспорские чаши были сделаны из темно-серой глины с известковыми включениями, хотя известны и красноглиняные сосуды (что, видимо, объясняется лишь характером обжига).

Типология боспорских рельефных чаш была впервые предложена И. Г. Шургая в 1962 г.[30], и была позднее доработана С. А. Коваленко[31]. Были выделены

[25] Guldager Bilde 2010, 272, 286–287.

[26] Журавлев, Журавлева 2009, рис. 1, 2.

[27] Ср.: Guldager Bilde 2010, 287.

[28] Один из этих сосудов представляет особый интерес, поскольку следы лака, его покрывающего, возможно, ограничивают очертания поддона, который был дополнительно прикреплен к нижней части чаши (рис. 4, 2; 5, 1). Подобные поддоны мне неизвестны, но другого объяснения необычному характеру лакового покрытия в нижней части этой чаши у меня просто нет.

[29] Журавлев, Шлотцауер 2011. Надо отметить, что С. А. Коваленко (1989, 72) в свое время писал «об определенной близости изделий Пергама, Ким и мастера Кирбея».

[30] Шургая 1962, 108–120.

[31] Коваленко 1989; Kovalenko 1996, 51–57.

две основные группы сосудов: глубокие чаши с слабозагнутым внутрь или вертикальным краем и сравнительно неглубокие чаши с вогнутым краем. Диаметр чаш обычно составлял 10–13 см. Оба варианта рельефных чаш по форме имеют многочисленные прототипы среди ионийской посуды[32]. В Пантикапее уже не раз были открыты формы для изготовления местных «мегарских» чаш[33]. Еще одна находка происходит из раскопок т.н. «казармы» (рис. 6, *1*). По всей видимости, производство подобного рода посуды было налажено не только в Пантикапее, но и в Мирмекии[34], и в Фанагории (рис. 6, *2*).

Доминировала в производстве рельефной керамики мастерская Деметрия (клеймо ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ), продукция которой, по подсчетам С. А. Коваленко, смогла завоевать до 85 % боспорского рынка столовой посуды (рис. 6, *3*). Основным мотивом орнаментации тулова этих чаш был растительный пояс, состоявший из чередующихся длинных лепестков, листьев аканфа и пальм; венчик обычно украшался овами. Для изделий этой мастерской очень высок был процент клейменных сосудов — около 2/3 всех чаш. Кроме того, на Боспоре работала мастерская Дамоклея, которая, возможно, функционировала немного дольше, чем мастерская Деметрия[35].

Недавняя находка в Пантикапее формы для изготовления рельефной чаши дает нам пример другого декора: гладкое дно, стенки украшены длинными листьями, разделенными рядами рельефных точек или чешуйками папоротниковых листьев (рис. 7)[36].

Как уже не раз отмечалось в литературе, продукция боспорских мастерских не внесла практически ничего нового в развитие художественной рельефной керамики античного мира. В системе орнаментации боспорских чаш прослеживается отчетливое влияние ионийских традиций[37]. Замечу, что качество боспорских сосудов было значительно ниже привозных афинских, пергамских или эфесских экземпляров. Несмотря на это, эти незамысловатые сосуды на боспорском рынке смогли изрядно потеснить изделия импортных поставщиков. Вероятно это произошло не только в силу конкурентоспособной цены, но и по определенным политическим причинам (см. ниже).

Пергамская сигиллата и сосуды с аппликативными рельефами

Традиционно изделия пергамского производства в отечественной литературе исследовались лучше и серьезнее, чем продукция иных центров[38]. При этом,

[32] О производстве позднеэллинистической керамики на Боспоре см.: Журавлев 2005, 235–254; 2010б, 132–141.

[33] Блаватский 1959, 174–176, рис. 62, 1–4; Лосева 1962, рис. 6, 1–2.

[34] Гайдукевич 1959, 78, рис. 85.

[35] Kovalenko 1996, 55.

[36] Журавлев 2010б, рис. 1, 3. Форма происходит из раскопок 1990 г. и хранится в фондах отдела Античного мира ГМИИ им. А. С. Пушкина.

[37] Kovalenko 1996, 54.

[38] Горончаровский 1983, 117–124; Шургая 1963, 107–111; см. также: Журавлев 1997, 254–264; Zhuravlev 2000, 269–272. С. А. Коваленко, впрочем, отмечал, что импорт пергамской рельефной керамики был сравнительно небольшим и позиции лидера уверенно удерживали мастерские различных ионийских центров (Kovalenko 1996, 56). Общий обзор пергамского керамического импорта в Северном Причерноморье: Журавлев 2009, 252–267 (с литературой).

впрочем, критерии для выделения «пергамской» продукции зачастую не соответствовали истине. В результате объем пергамского керамического импорта в Северном Причерноморье в некоторых работах был основательно завышен[39].

Начиная с середины II в. до н.э. пергамская керамика с аппликативными рельефами[40] получает распространение на территории Боспорского царства. Наибольшее число этих сосудов — скифосы форм S3 и S8[41], датируется последней четвертью II — первой четвертью I вв. до н.э. Одним из наиболее распространенных видов орнамента были листья плюща, размещенные на тулове сосуда (рис. 8, *3*; 9, *3*)[42]. Подобная орнаментация известна не только на сосудах с территории Боспора[43], но также и из Ольвии[44]. Популярность в Пантикапее получили сосуды с эротическими (рис. 8, *2, 4*; 9, *1–2*)[45] и дионисийскими (рис. 8, *1, 5*; 9, *4–5*) сценами.

Кроме того, найдены также находки фрагментов рельефных чаш с S-видным венчиком и других сосудов «гладкой» сигиллаты пергамского производства. На территории Боспора известны и местные имитации пергамской керамики с аппликативными рельефами[46], но они были посредственного качества и, возможно из-за этого, не снискали себе популярности в боспорской столице.

Другие группы восточной сигиллаты

Среди других групп импортной столовой посуды, получивших распространение в Пантикапее в позднеэллинистическое время, на первое место, несомненно, должна быть поставлена *Eastern sigillata A* (*ESA*). Эта группа керамики на Боспоре была выделена совсем недавно[47], и подчас ее очень сложно распознать в публикациях, если она специально не описана и не определена. Отличительными особенностям этой группы посуды является белая или бело-желтая глина высокого качества, и прекрасного качества лак красного или красно-коричневого цвета, обычно без пятен, равномерно покрывающий всю поверхность сосуда[48]. Эта керамика появляется в пантикапейских комплексах уже с начала I в. до н.э. и встречается как минимум до рубежа н.э. или даже позднее. Наибольшее распространение получили тарелки Atlanta Form 1–3, миски Form 20 и 5, чаши Form 22 и некоторые другие (рис. 10). Большая часть этих сосудов принадлежит к так называемому «второму поколению» этой посуды. Таким образом, сегодня можно смело включить территорию Боспорского царства, равно как и другие территории

[39] Историографию вопроса см.: Журавлев 2009, 253–254.

[40] Можно считать доказанным, что керамика с аппликативными рельефами производилась не только в Пергаме, но и в других центрах — например, в Эфесе (Zabehlicky–Scheffenegger, Schneider 2000, 105–112).

[41] Meyer–Schlihtmann 1988, taf. 7–8.

[42] Hübner 1993, Taf. 16–23.

[43] Гайдукевич 1959, рис. 82, 88; Zhuravlev 2000, fig. 138, 3–6.

[44] Zhuravlev 2002, fig. 35, 3.

[45] Журавлев 1995, 72–79; Любовь и эрос 2006, Кат. № 133, 152; Грицик 2009, 223–227.

[46] Шургая 1962, 108 — 120.

[47] Domżalski 1996, 99, №№ 17–19; 2007, 176–177, fig. 11; Zhuravlev 2002, 243, fig. 2; Журавлев, Ломтадзе 2005, рис. 3, 1–2; см. также: Matiashvili 2004, 121–130.

[48] В некоторых старых публикациях и полевых отчетах, например, пантикапейских, эта керамика называется «краснолаковой керамикой августовского времени».

Причерноморья, в зону распространения этой группы столовой высококачественной посуды[49].

В Пантикапее также известны и находки *Colour-Coated Ware A*[50]. Эта группа эллинистических сосудов, производство которых было налажено на Родосе, была недавно выделена К. Домжальски[51]. Кроме того, в Пантикапее в изобилии присутствуют фрагменты керамики позднеэллинистического времени из других, пока не установленных центров. Их выявление и публикация — дело будущего.

Керамика, орнаментированная в стиле *West Slope*

Сосуды, орнаментированные росписью белой краской поверх краснолакового покрытия, широко представлены в пантикапейских слоях I в. до н.э. (рис. 11–12). Некоторые из них по форме очень близки пергамским сосудам с аппликативными рельефами, что наводит на мысли о пергамском производстве как минимум некоторых из этих сосудов. Но этот вопрос пока остается открытым до получения большой серии химических анализов глины.

Среди них выделим кубок цилиндрической формы, найденный в верхнем слое ямы 2 (рис. 12, *2*)[52]. Датировка сосуда определяется в пределах I в. до н.э., т.к. смешанный контекст находки не дает возможности для уточнения даты. Глина этого сосуда полностью идентична пергамской, хотя аналогичные по форме кубки из Пергама мне неизвестны. Еще один сосуд, орнаментированный белой краской, был найден в водораспределительном помещении № 176 (рис. 12, *1*)[53]. Третий кубок, орнаментированный белой краской, происходит из пантикапейской цистерны № 245 (рис. 12, 3)[54]. Сосуды несколько большего размера происходят, например, из Золотой Балки[55]. Ручки этих сосудов очень сильно напоминают возможные пергамские прототипы (т.е. скифосы формы S8[56]). Фрагменты кубков, орнаментированных ветвями с листьями, изображенными белой краской, также датируются позднеэллинистическим временем[57]. В целом датировка подобных сосудов пока не может быть определена точнее, чем I в. до н.э., а их центр производства достоверно неизвестен. Возможно, часть из них имеет пергамское происхождение, другие же лишь использовали пергамские мотивы и технику орнаментации.

Как было отмечено выше, фрагменты краснолаковых сосудов различных форм, орнаментированных белой краской (ветви, гирлянды и т.п.), достаточно часто встречаются в позднеэллинистических слоях боспорской столицы (рис. 11, *4*; 12, *3–4*)[58]. Близкие сосуды также известны и из других боспорских городов,

---

[49] См. Lund 2005, 233–252, особенно карты на рис. 10.4 и 10.5.
[50] Забелина 1984, 140, табл. 2, 1; Tolstikov, Zhuravlev 2004, pl. 94, 6; 99, 2–4; Domżalski 2007, fig. 5.
[51] Domżalski 2007, 166–173.
[52] Zhuravlev 2002, fig. 5, 3; Журавлев, Ломтадзе 2005, рис. 4, 5.
[53] Tolstikov, Zhuravlev 2004, fig. 94, 1.
[54] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 293, табл. 9, 2; Lomtadze, Zhuravlev 2004, fig. 2, 2.
[55] Вязьмитина 1962, 175, рис. 72, 1.
[56] Meyer–Schlihtmann 1988.
[57] Michałovski 1958, tab. XII.
[58] Они были хорошо известны и ранее. См., например: Забелина 1992а, рис. 3, g; 4, a; Соколова 1984, табл. II, 10–11; Zhuravlev 2002 etc.

в частности, из Мирмекия[59] и Горгиппии[60], а также за пределами Боспора, например, с поселения Чайка в Северо-Западном Крыму[61]. Близкие сосуды были найдены и в Средиземноморье, например, в Тарсе[62] и Митилене[63], а также во многих памятниках Причерноморья[64].

Пелики с каннелированным туловом

Эта категория позднеэллинистических сосудов с краснолаковым покрытием представлена в Пантикапее значительным количеством экземпляров (рис. 13, *1*)[65]. Наиболее близкие параллели этим сосудам происходят с поселений Чайка[66] и Кара-Тобе[67] в Северо-Западном Крыму, из Круглого кургана на окраине Танаиса[68]. Похожие сосуды найдены в Горгиппии[69], а также в целом ряде варварских некрополей[70].

Хронология этих сосудов уже послужила темой специальных публикаций[71], поэтому отметим лишь, что они были распространены в пределах второй половины I в. до н.э. — начала I в. н.э., хотя отдельные экземпляры могли существовать и немного позднее[72]. Близкий орнамент фиксируется также на сосудах других форм, являющихся продукцией разных производственных центров[73].

---

[59] Michałowski 1958, tab. V–VII; Гайдукевич 1959, рис. 95.

[60] Алексеева 1997, табл. 214, 1–2.

[61] Яценко 1970, рис. 12, 1; Журавлев 2007, рис. 4–6.

[62] Jones 1959, pl. 134, 213.

[63] Αρηοντιδου–Αργυρη 1990, πιν. 65, 8081; 66.

[64] Конические чаши с вертикальным бортиком, украшенным росписью белой краской, и горизонтальными ручками широко представлены в причерноморских памятниках. Так, они известны из кургана у Братского кладбища на окраине Севастополя (Гущина 1974, рис. II, 4) и из некрополя Золотое (могила 56, датированная I в. до н.э.) (Корпусова 1983, 104–105, табл. XXX, 4). Похожий сосуд был найден и на Булганакском поселении (Шкроб 1991, рис. 1, 1). Другие сосуды, близкие этому типу, имели орнамент в виде ивовых листьев (Арсеньева 1970, табл. 15, 10; Корпусова 1983, табл. XXXVI, 6) или небольших треугольников и точек (Корпусова 1983, табл. XLIII, 10). Говорить о центре (центрах?) их производства можно лишь с большой осторожностью, тем более, что мы до конца не можем игнорировать и предположения об их пергамском происхождении.

Нам также известна целая серия подобных скифосов и кубков близкой формы, украшенных прочерченным орнаментом в виде ивовых ветвей, гирлянд, грифонов (Behr 1988, Abb. 9, 30–32; Taf. 14, 6–7; Abb. 10, 36; Taf. 15, 1; Wintermeyer 2004, Taf. 4, Type Be.1.17). Подобный же орнамент есть и на сосудах другой формы — например, S3 из Ассоса (Zelle 1997, 69, Abb. 159a, Taf. 3, 4, датированных концом II — первой половиной I вв. до н.э.) Подобные скифосы были найдены и на Лесбосе (Αρηοντιδου–Αργυρη 1990, πιν. 65, 8063). Согласно аналогиями, пантикапейские сосуды могут датироваться второй половиной — концом I вв. до н.э. (Behr 1988, 129).

[65] Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2003, 291, рис. 7, 3, 5; Lomtadze, Zhuravlev 2004, fig. 3, 6; Tolstikov, Zhuravlev 2004, fig. 99, 10; Забелина 1984, рис. I, 1; II, 3.

[66] Zhuravlev 2007, fig. 3.

[67] Внуков, Штепа 2010, рис. 1–2.

[68] Демиденко, Журавлев, Трейстер 1997,193–194, рис. 4, 1.

[69] Алексеева 1982, 103–104, рис. 59; 1986, 46, рис. 8; 2010, 361–376, рис. 6, 8–11.

[70] Синицин 1960, рис. 5, 5; Мошкова 1963, табл. 12, 21; Мордвинцева 1993, рис. 2, 1; Скрипкин 1990, 160; Зубарь, Кубышев 1987, 250, рис. 1, 2; Евдокимов, Куприй 1992, рис. 6, 13; и т.п.

[71] См. последнюю работу: Внуков, Штепа 2010, 324–360, с подробной библиографией.

[72] Демиденко, Журавлев, Трейстер 1997,193–194; Журавлев 2007, 283.

[73] Например, чаша Eastern Sigillata A, произведенная на территории Сирии (Slane 1997, pl. 21, type 27, FW223–227). Хорошо известны также близкие сосуды из Пафоса (Hayes 1991, pl. VI, 1,3).

Боспорская сигиллата

Приблизительно с середины II в. до н.э. в одном или нескольких центрах Боспора начинается массовое производство столовой краснолаковой керамики — боспорской сигиллаты (*Bosporan sigillata*) (рис. 13, *2–6*; 14)[74]. Этот период времени характеризуется изменением моды на столовую посуду в Средиземноморье и Причерноморье, следствием которой стала переориентация на красный цвет покрытия сосудов.

Сосуды боспорской сигиллаты изготовлены из характерной местной глины — красно-коричневой, с многочисленными известняковыми включениями. Лак, покрывающий эти сосуды, — красно-коричневый, зачастую низкого качества; нижняя часть сосуда обычно лаком не покрыта. Боспорская сигиллата была впервые выделена К. Домжальски[75] при публикации нимфейских материалов, в дальнейшем исследовалась также автором статьи[76].

Находки боспорской сигиллаты присутствуют в большинстве памятников как Европейского, так и Азиатского Боспора, причем их количество достигает 70 — 80 % ото всей столовой посуды позднеэллинистического времени. Некоторые боспорские сосуды были украшены кольцевыми нарезками на донце (*rouletting*) (рис. 13, *2*), изредка на дне оттиснуты пальметты.

Наиболее характерной формой боспорской сигиллаты были тарелки или блюда на кольцевом поддоне, с загнутым внутрь краем (рис. 13, *2*; 14, *1, 5*). Диаметр края подобных сосудов колеблется от 15 до 70 см. Находки подобных сосудов отмечены, например, не только в Пантикапее[77], но и в Нимфее[78], Горгиппии[79], Танаисе[80], доме Хрисалиска[81], башне на Узунларском валу[82] и во многих других местах, например, за пределами Боспора, в Кутлакской крепости[83].

Второй по популярности формой среди боспорских сосудов были чаши на кольцевом поддоне с вертикальным бортиком, с горизонтальными ручками. Цвет покрытия этих чаш мог быть как красным, так и черным[84] (рис. 13, *5*; 14, *4*). Близкие по форме сосуды были открыты, например, в Южном дворце Неаполя Скифского в слое пожара 137–135 гг. до н.э., но они, очевидно, имеют не боспорское происхождение и могли выступать в роли своего рода прототипов для боспорских мастеров[85]. Дериваты этой формы известны также в слоях первых веков н.э.[86]

---

[74] Домжальски, Журавлев 2003, 89–92; Lomtadze, Zhuravlev 2004, 203–209. См. также: Tolstikov, Zhuravlev 2004, 274; Журавлев 2010б, 134.

[75] Domz.

[76] Домжальски, Журавлев 2003, 89–92; Журавлев 2005, рис. 4–7; 2010б, 132–141.

[77] Забелина 1984, табл. I, 17.

[78] Domzalski 1996, fig. 1, 1–9.

[79] Алексеева 1997, табл. 54, 38, 40, 41.

[80] Арсеньева, Науменко 2001, 63–64, рис. 12–13.

[81] Сокольский 1976, рис. 50, 1–4.

[82] Масленников 1998, рис. 72, 10.

[83] Ланцов, Труфанов 1999, рис. 5, 15–20. Правда, вероятнее всего, эти сосуды были изготовлены не в боспорских мастерских.

[84] Сокольский 1976, рис. 53, 3–4; Zhuravlev 2002, fig. 6, 4; Ланцов, Труфанов 1999, 164; рис. 4, 10–13; Масленников 1998, рис. 85, 5–6; Грач 1999, табл. 102, 10.

[85] Зайцев 1998, рис. 2, 12–13.

[86] См. например: Арсеньева 1970, табл. 15, 10–13; Журавлев 2010в, 59, табл. 27, Кат. № 191–192.

Среди остальных сосудов боспорской сигиллаты представлены различные по форме чаши (рис. 13, *3*; 14, *2*), тарелки (рис. 13, *4*), круглые диносы (рис. 13, *6*; 14, *3*)[87], а также разнообразные унгвентарии. В настоящее время ведется работа по созданию общей типологии боспорских сосудов позднеэллинистического времени.

Можно говорить о том, что производство боспорской сигиллаты началось не позднее середины — второй половины II в. до н.э. и продолжалось до конца I в. до н.э. или немного позднее. Возможно, боспорская сигиллата производилась даже до второй четверти — середины I в. н.э., когда она была полностью вытеснена с рынков понтийской сигиллатой, массово производимой в ряде причерноморских центров.

Очень важно указать на несколько комплексов второй четверти I в. до н.э. из Пантикапея. Не исключено, что их следует связывать с пожаром боспорской столицы во время событий 63 г. до н.э. Здесь были представлены как фрагменты боспорской сигиллаты (в основном тарелки с вогнутым краем), так и рельефная керамика боспорского производства (в частности, с клеймом мастера Деметрия). Кроме того, здесь же были найдены обломки *Eastern sigillata A*[88]. Этот материал убедительно говорит о синхронности представленных групп керамики.

Можно предположить, что одним из прототипов боспорской сигиллаты стала *Eastern sigillata A*[89]. В качестве наиболее характерного примера укажем на тарелки с вогнутым краем боспорского производства (рис. 13, *2*), которые вполне могли имитировать широко распространенные тарелки *ESA* Atlanta Form 2[90]. В числе прототипов для боспорских сосудов (см. например: Рис. 13, *5*) могли выступать и книдские изделия.

Пантикапей мог быть одним из основных производственных центров боспорской столовой посуды, но, к сожалению, до настоящего времени никаких следов локального производства здесь не обнаружено. Лишь один фрагмент боспорской сигиллаты с отчетливыми признаками керамического брака был недавно найден при раскопках боспорской столицы[91].

Необходимо отметить, что качество боспорской сигиллаты было весьма посредственным. Толстостенные и достаточно тяжелые сосуды из неравномерно обожженной и зачастую плохо отмученной глины были в придачу почти полностью лишены какого-либо декора. Как уже отмечалось выше, лишь отдельные сосуды имели декор в виде пальметт на внутренней стороне дна или полосы циркульного орнамента. Нам известен лишь один фрагмент боспорского диноса характерной формы, украшенный рельефной львиной головой со сквозным отверстием (рис. 15)[92]. Известен еще один сосуд, глина которого также напоминает боспорскую (?),

---

[87] Zhuravlev 2002, 248–249, fig. 6.

[88] Часть этих комплексов, в частности, из объекта № 387, уже была опубликована В. П. Толстиковым: Толстиков 2010, 233, рис. 3.

[89] Zhuravlev 2002, 243; Domżalski 2007, 175–177.

[90] Hayes 1985, 14, tav. 1.

[91] Журавлев 2005, 242–243. Незначительные пока серии анализов боспорской сигиллаты, выполненные Г. Шнайдером (его совместный проект с К. Домжальски), выявили, что их химический состав близок другим изделиям предположительно пантикапейского производства (например, черепице).

[92] Журавлев 2005, рис. 6.

украшенный головой Силена на атташе. Этот сосуд был найден Н. И. Сокольским при раскопках т.н. дома Хрисалиска на Таманском полуострове [93].

Таким образом, скорее всего, боспорская сигиллата являлась сравнительно дешевой альтернативой более дорогой импортной посуде и использовалась в быту всеми группами населения Боспорского царства.

Среди рельефной керамики Пантикапея необходимо упомянуть одну необычную находку. Это верхняя часть кувшина с невысоким горлом. В верхней части тулова сохранился аппликативный рельеф, представляющий дионисийскую сцену — Эрот, сидящий на пантере, и две менады, одна из которых представлена с тимпаном в руках (рис. 16–17)[94]. Сохранившаяся высота сосуда 13,5 см, максимальная ширина плечиков 14 см. Ни одной параллели в керамике нам неизвестно, хотя подобные сцены широко известны в античном искусстве, в частности, в оформлении мраморных саркофагов. Глина сосуда (красно-коричневая, с известковыми включениями), равно как и красно-коричневый лак достаточно низкого качества позволяют считать этот сосуд вышедшим из местной боспорской (пантикапейской?) мастерской позднеэллинистического времени[95].

Еще один интересный момент, на который хотелось бы обратить внимание, — граффити на внешней стороне кольцевых поддонов тарелок боспорской сигиллаты, представляющие пятиконечную звезду (рис. 18). К настоящему моменту обнаружено несколько сотен подобных граффити и их обломков. Можно даже уверенно сказать, что для этого типа посуды данный тип граффити абсолютно превалирует. Я не готов пока к ответу на вопрос о значении подобных граффити, но локализация их находок (акрополь боспорской столицы) и датировка (первая половина I в. до н.э.) позволяет гипотетически говорить о возможной связи этих граффити с гарнизоном Митридата Евпатора[96]. Особо интересна в контексте этого находка нескольких подобных граффити в комплексах на акрополе, связанных с разгромом города в 63 г. до н.э.

Необычный рельефный сосуд (терракотовый алтарь?)

Среди местной рельефной керамики Пантикапея хотелось бы обратить внимание на одну уникальную находку, происходящую из ямы 2 (рис. 19)[97]. Тулово сосуда имеет условно цилиндрическую форму, слегка расширяясь кверху. На тулове сделаны два рельефных валика — один в средней части, второй — на переходе тулова в горло. Горло сосуда сужалось кверху, сохранилось только фрагментарно. Дно сформовано в виде высокого раструбообразного кольцевого поддона. Размеры: диаметр поддона — 8,3; высота сосуда — не менее 24 см. Глина красно-коричневая, с мелкими белыми включениями.

Особый интерес представляет растительный орнамент в виде коринфской капители, которым украшена нижняя часть сосуда. К этому же сосуду несомненно относятся два плоских налепа, вероятно крепившиеся при помощи жидкой глины по бокам, в районе валика (на нем сохранились места возможного крепления

[93] Сокольский 1976, рис. 51; Zhuravlev 2002, 288, fig. 31. Хранится в собрании ГИМ.
[94] Толстиков 2004, 73; Журавлев, Журавлева 2009, 139, рис. 2.
[95] В публикации В. П. Толстикова (2004, 73) датировка этого сосуда II в. н.э. ошибочна.
[96] Журавлев 2005, 242, примечание 47.
[97] Толстиков, Журавлев 2000, рис. 49; Журавлев, Ломтадзе 2005, рис. 1–2.

налепов)[98]. На внешней поверхности тулова и налепов сохранились остатки голубой и розовой краски, которыми был, видимо, расписан этот сосуд.

Аналогичные сосуды мне не известны. Отмечу, что находки таких налепов из Пантикапея фиксировались и ранее, но они трактовались обычно как фрагменты терракотовых статуэток[99]. Существует определенное сходство публикуемого сосуда с алтариком из мавзолея Неаполя Скифского[100] и другими подобными алтариками[101]. Во всяком случае, не вызывает сомнения местное производство публикуемого сосуда. В позднеэллинистическое время на Боспоре производилось много сосудов различной формы с рельефным декором[102].

Импортные рельефные светильники

Среди импортных светильников позднеэллинистического времени, поступавших в боспорскую столицу, доминируют изделия эфесского производства, известны также отдельные экземпляры книдских и пергамских ламп.

Книдские рельефные светильники были как гончарными (Howland type 40A-B), так и изготовленными в форме (Howland type 50A-B). Они были достаточно близки как морфологически, так и по основным элементам декора. Наибольшее число находок книдских светильников происходит из юго-западной Малой Азии и соседних регионов Эгейского бассейна[103]. В Пантикапее найдено незначительное число книдских светильников, причем в основном они все изготовлены на гончарном круге[104].

На Боспоре также известна целая серия имитаций книдского типа светильников, изготавливавшихся в I в. до н.э.[105]. Впервые подобные светильники были выделены В. С. Забелиной[106]. Вполне возможно, что боспорские мастера использовали оригинальные книдские светильники[107], по оттиску с которых они и наладили собственное производство.

Многочисленные находки эфесских светильников известны как в самом Эфесе, так и за его пределами[108]. В конце II — начале I в. до н.э. это был один из наиболее распространенных типов осветительных приборов как в Северном

---

98 Глина сосуда и налепов по составу и цвету идентична.

99 Ильина, Муратова 2008, табл. VI, 6–8.

100 Зайцев 1992, рис. 1, 1; 2.

101 Zaitsev 2002, fig. 8–9.

102 Марченко 1976, 51–54, рис. на с. 52.

103 Broneer 1930, 53; Howland 1958, 126; Waagé 1934, pl. VII–VIII;

104 Коваленко 1989, 123–127; 406–407; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 17–19.

105 Интересно, что локальные имитации книдской продукции зафиксированы также в Афинах, Лабраунде и иных памятниках (Howland 1958, 171–172, pl. 50; Helström 1971, 49; pl. 22, 26–30).

106 Забелина 1992б, 317, табл. VI, 1. См. также: Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 119, Кат. № 626.

107 Bailey 1975, pl. 64.

108 Bailey 1975, pl. 30–39; Meriç 2002, Taf. 72–75; Giuliani 2001, 45–49; 2005, S. 139–142; Schäfer 1968, Taf. 68–72; Kassab Tezgör, Sezer 1995, N. 291–336, 339–348; Barr 1996, 191–193, fig. 27; Broneer 1930, 66–70; Howland 1958, pl. 49; Scheibler 1976, Taf. 88–92; Δρουγου 1992, πιν. 56–79; и др.

Причерноморье в целом[109], так и в Пантикапее (рис. 20, *1–2*; 21, *1–3*)[110]. Обычно эфесские светильники изготовлены из серой глины с небольшими включениями блесток, хотя известны и экземпляры из красной или оранжево-красной глины. Лак, покрывающий их поверхность, обычно серый или черный. Наиболее характерная форма эфесских светильников — круглая, с рожком, вогнутым с двух сторон. Более ранние светильники имеют треугольное завершение носика, которое изначально восходит к металлическим прототипам этих ламп. Позднее под влиянием моды форма носиков становится округлой. Период наибольшей популярности этой группы осветительных приборов — вторая половина II — первая половина I вв. до н.э., хотя на Боспоре их находки встречаются до последней четверти I в. до н.э.[111]

Следует отметить, что много фрагментов рельефных светильников определены не были — они принадлежат лампам из не установленных пока центров.

Боспорские рельефные светильники

Во II–I вв. до н.э. на Боспоре активно развивалось местное производство осветительных приборов. При этом если изначально местные мастера просто копировали импортные оригиналы книдского или эфесского производства, то спустя короткое время они наладили массовый выпуск собственной продукции[112].

Местные боспорские однорожковые светильники, по-видимому, выступили в качестве одного из прототипов для этих ламп. Среди них выделяются два основных типа. Первый представлен светильниками, украшенными волютами по краю рожка (рис. 20, *3*; 21, *4*)[113]. Они относятся к типу 1 боспорских светильников[114]. Их отличительной особенностью являлись две миниатюрные ручки, расположенные по сторонам светильника. Близкие осветительные приборы известны и в других античных центрах этого времени, и прежде всего в Пергаме[115]. Вполне вероятно, что пергамские изделия могли выступить в роли прототипов для боспорских[116]. Датируется этот тип боспорских однорожковых светильников I в. до н.э. — первой половиной I в. н.э.

Другой тип светильников представлен округлыми экземплярами с коротким рожком и биконическим туловом, щиток которых украшен рельефным изображением листьев или фруктов (тип 3 боспорских светильников)[117] (рис. 20, *4*). Подоб-

---

[109] Вальдгауер 1914, табл. VIII, 92, 96; Арсеньева 1988; Корпусова 1983, табл. XXV, 17; XXXIX, 12; Коваленко 1989, 133–136; 407–409; Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 47–48, N 12; Журавлев, Ломтадзе 2007, рис. 2, 1; Zaitsev 2002, 55–56, fig. 8–9, Cat. N 1, 4, 9; Пуздровский 2007, рис. 177, 1–3; и т.д.

[110] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 20–35.

[111] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 20–22.

[112] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 121.

[113] Tolstikov, Zhuravlev 2004, fig. 102. Ср.: Bernhard 1955, 296, tabl. XLI, Nr. 211; Chrzanovski, Zhuravlev 1998, 48–49, N 13.

[114] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 121–124.

[115] Shäfer 1968, 129–130; taf. 55, P1–P2; Kassab-Tezgör, Sezer 1995, 144; N 375–376; Bailey 1975, 203, Q474; Heimerl 2001, 97, Beil. 3; taf. 1, 1–2; Hübinger 1993, 49, N 79, taf. 10; Lyon–Caen 1986, 54–55; N 122; и т.д.

[116] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 121.

[117] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 134–135.

ные лампы известны не только из Пантикапея, но и из Горгиппии, и датируются I в. до н.э.[118].

Так как большинство боспорских сероглиняных светильников имеют близкие элементы декора и идентичную форму, мы можем предположить, что они были изготовлены в одной мастерской или в нескольких мастерских, работавших по единому образцу. Небольшие различия могут объясняться изготовлением новых форм, необходимостью доработки светильника стеком или просто желанием самого мастера.

Наиболее интересной категорией боспорских светильников этого времени несомненно являются *многорожковые лампы*. Многорожковые светильники описываемого облика известны лишь с территории Боспорского царства (у меня нет информации об их находках за его пределами)[119]. Большинство находок подобных осветительных приборов происходит из Пантикапея (рис. 22); кроме того, они известны и из других памятников Европейского Боспора — Мирмекия, Илурата, Зенонова Херсонеса[120]. Целая серия многорожковых светильников найдена в Фанагории, но они красноглиняные, и возможно были копиями пантикапейских сероглиняных[121]. Кстати, подобный же красноглиняный светильник был недавно найден и в Пантикапее.

Мы уж посвятили боспорским многорожковым светильникам несколько публикаций[122], поэтому ниже дадим лишь самую короткую характеристику известных типов.

Двухрожковые светильники (рис. 22, *3*, *6*) были образованы механическим присоединением двух рожков, украшенных волютами, к тулову обычного боспорского светильника. Трехрожковые светильники делались соединением трех однорожковых светильников в одно целое (рис. 22, *2*) или в специальной форме (рис. 22, *4*). Рожки светильников украшены волютами, что сближает их с двурожковыми экземплярами и, в свою очередь, с однорожковыми лампами.

Кроме того, существуют и другие экземпляры многорожковых светильников с 5 (рис. 22, *1*), 6, 7 и 9 (рис. 22, *5*) рожками, подробно рассмотренные нами в других публикациях[123].

Целая серия многорожковых ламп происходит из одного комплекса. В 2005–2006 гг. в Пантикапее в горизонте I в. до н.э. у подножия скалы, подтесанная поверхность которой являлась внутренней стеной монументального сооружения — строительного комплекса с перистильным двором и подвалом[124], в слое сброса во множестве найдены несколько десятков как целых, так и фрагментированных сероглиняных двухрожковых и многорожковых светильников, с числом рожков 3,

---

[118] Забелина 1992б, табл. VI, 8; Tolstikov, Zhuravlev 2004, fig. 102; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 134–135; Алексеева 1997, табл. 247, 7.

[119] О ранних группах многорожковых светильников Боспора см.: Zhuravlev, Zhuravleva 2005, 315–318; Журавлев, Быковская, Желтикова 2007, 31–39; 148–166.

[120] Zhuravlev, Zhuravleva 2002, 2–3; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 139–142.

[121] Zhuravlev 2007, 213, fig. 4.

[122] О боспорских многорожковых светильниках эллинистического времени см: Журавлев 2001, 131–149; Zhuravlev, Zhuravleva 2002, 1–12; Журавлев, Завойкин 2007, 127–184. О сакральной роли осветительных приборов: Parisinou 2000 (с литературой).

[123] См. подробнее: Журавлев 2001; Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 151–171.

[124] См. публикацию строительной конструкции комплекса: Толстиков, Кузьмина 2011, 110–122.

5, 7 и 9. Нет никаких сомнений, что они попали в этот сброс отнюдь не случайно и, возможно, использовались при отправлении какого-либо культа или же для освещения общественной постройки.

С последней четверти I в. до н.э. *светильники с волютами*, обрамляющими рожки, были одними из наиболее распространенных как в Пантикапее, так и на Боспоре в целом (рис. 21, *5*). Согласно новейшей классификации боспорских светильников, они относятся к типу 12[125]. Тулово этих ламп имеет биконическую форму, иногда с достаточно резким ребром между верхней и нижней половинками. Основание рожка достаточно широкое, рожок вытянут, обрамлен стилизованными волютами. Иногда между волютами располагается пальметта, параллельные рельефные линии или другой элемент декора. Большая часть светильников имеет петлевидную ручку.

Донца публикуемых светильников не имеют клейм, но на ряде экземпляров из других коллекций, например на лампе из Государственного Исторического музея, дно светильника несет монограмму в низком рельефе, а нижняя часть рожка — букву S, также в низком рельефе. Один из фанагорийских светильников (Ф–64, № 398) также имеет на донце клеймо — *альфу* с ломаной гастой[126]. Такие одиночные буквы могли быть как аббревиатурой мастера или мастерской, так и цифровой меткой или своеобразным знаком качества[127].

Форма носика, завершающего удлиненный рожок, характерна для позднеэллинистического времени. В основе этого боспорского типа светильников лежит тип осветительных приборов, широко распространенный в ряде средиземноморских центров[128]. Для последней четверти I в. до н.э. характерно и появление поддона миндалевидной формы[129]. Во второй половине I в. до н.э. на светильниках римского типа широко распространяются волюты, а также выделяется канал, идущий по рожку к отверстию для фитиля.

Специальный раздел, посвященный светильникам этого типа, был подготовлен в неопубликованной диссертации С. А. Коваленко[130]. Он предположил, что эти светильники производились в столице Азиатского Боспора, отчего они и получили наименование «фанагорийских»[131]. Эти лампы были изготовлены из красно-коричневой плохо отмученной глины, с блестками, белыми и черными включениями. Значительное число идентичных светильников, изготовленных из грубой глины серого цвета, с большим количеством известковых включений, происходит из Пантикапея и других городов Европейского Боспора. Стоит, впрочем, отметить, что на Европейском Боспоре нередки и находки красноглиняных све-

[125] Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 173–175.
[126] Коваленко 1989, 410, рис. 37, 15.
[127] Howland 1958, 143.
[128] См. например: Broneer 1930, 64; Howland 1958, 141.
[129] Ср.: Howland 1958, 181.
[130] Коваленко 1989, 139–144. С. А. Коваленко отмечает, что существует также большая серия этих светильников, изготовленных из серой глины, и практически все они происходят из Пантикапея. По его мнению, нельзя исключить возможности производства этих светильников и в Пантикапее, но до открытия форм для подобных ламп С. А. Коваленко считал, что это преждевременно (Коваленко 1989, 143).
[131] В 1985 г. в Фанагории была найдена форма для изготовления подобных светильников (Фан–85, Юг, кв. XI, шт. 7) (Коваленко 1989, 411, рис. 37, № 29).

тильников этого типа[132]. Известны подобные светильники и в памятниках Азиатского Боспора, например, в некрополях Тирамбы[133] и Горгиппии[134], а также в Танаисе[135]. Г. А. Цветаева удревнила этот тип светильников, отнеся его к III в. до н.э.[136]. Из некрополя Кеп подобный светильник происходит из склепа 88, относящегося ко второй половине I в.н.э.[137]. Широкую датировку (I в. до н.э. — I в.н.э.) имеет светильник из Гермонассы[138].

По-видимому, производство подобных светильников начинается как минимум в последней четверти I в. до н.э. и продолжается на протяжении всего I в. н.э. Говорить о «пантикапейских» и «фанагорийских» светильниках без анализов глины на мой взгляд преждевременно.

Таким образом, даже публикуемая небольшая выборка позднеэллинистической керамики из Пантикапея дает возможность представить разнообразие основных групп и форм сосудов, обнаруженных здесь. В городских слоях боспорской столицы найдена керамика всех основных восточно-средиземноморских производителей, а также значительное число местных сосудов. Отмечу, что если в конце II и первой четверти/трети I вв. до н.э. доминировала посуда импортного производства, то, начиная со второй четверти I в. до н.э., массово начинает производиться местная столовая керамика — как рельефная, так и с краснолаковым покрытием. Я уже писал, что по-моему, объяснение (или одно из объяснений) этому феномену следует искать в политических реалиях того времени, т.е. бурных событий митридатовых войн и римской блокаде морских проливов в борьбе против понтийского царя[139].

Картина соотношения импортной и местной керамики на Боспоре вновь меняется с рубежа н.э. Боспор вступает в римскую эпоху, где существовала высоко развитая система интеграции различных частей империи, невиданный до того времени обмен не только ремесленной продукцией, но и новыми технологиями, идеями и людьми[140]. Новые экономические отношения привели к сокращению удельного веса столовой посуды местного производства. Боспор Киммерийский захлестнула волна дешевой краснолаковой керамики — понтийской сигиллаты, производимой в пока нелокализованных на сегоднямастерских Причерноморья[141]. Производство же осветительных приборов на Боспоре продолжалось в течение всего римского времени[142].

---

132 Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 175.
133 Коровина 1968, рис. 10, 3.
134 Алексеева 1997, табл. 246, 1; 247, 11–12.
135 Arsen'eva, Böttger 1997, abb. 5, 3.
136 Цветаева 1984, табл. CXXXII, 26.
137 Сорокина 1963, 65, рис. 23, 9. См. также: Журавлев 2010а, 272–273, рис. 6.
138 Коровина 2002, табл. 18, 10.
139 Журавлев 2005, 245–246.
140 Журавлев 2002, 275–287.
141 Журавлев 2010в, 67–69.
142 О боспорских светильниках римского времени подробнее см.: Журавлев, Быковская, Желтикова 2010, 119–312, с литературой.

Послесловие

Тема статьи не могла не вызвать некоторых размышлений о том, как обстоит дело с обработкой позднеэллинистической керамики в России и Украине.

К сожалению, изучение массового керамического материала (за исключением амфор и лепной керамики) никогда не было сильной стороной отечественной научной школы. Сегодня на фоне хорошей разработанности материала из Восточного Средиземноморья приходится с грустью констатировать, что состояние исследования позднеэллинистической керамики большинства северопричерноморских памятников находится в удручающем состоянии. Значительное число исследователей не знакомо с современной литературой и не владеет материалом. Несмотря на целую серию современных исследований (в том числе и на русском языке), многие отечественные авторы до настоящего времени пишут о делосской рельефной керамике, самосской краснолаковой посуде, мифической керамике «пергамского круга», малоазийских светильниках и других не существующих в действительности категориях античных изделий. Графическая и фотофиксация значительной части материала тоже, увы, не на высоте.

Многие археологи увлеклись историческими реконструкциями и забыли, что публикация раскопанного материала является одной из основных обязанностей полевого исследователя. Учитывая масштабы работ в Северном Причерноморье, количество публикаций материала несоизмеримо мало. С тем же основанием можно говорить и о недостаточной публикации материалов из Турции и даже отдельных районов Греции и Италии, не говоря уже об Албании, Абхазии, Болгарии, Грузии и ряде других стран. Можно долго дискутировать о достоинствах и недостатках западных научных школ, но во главу угла там ставится именно публикация материала, каким бы малоинформативным он никазался. Я не идеализирую немецких, французских, американских или любых других зарубежных исследователей, поскольку имею опыт совместной работы с ними и не понаслышке знаю о достоинствах и недостатках их методики. Но высокий уровень публикации керамических материалов Афинской агоры, Коринфа, Пергама, Эфеса красноречиво говорит за себя сам…

За последние годы в России и Украине появились десятки новых монографий, несколько новых ежегодников и сборников статей, но количество современных исследований массового керамического материала увеличилось незначительно. Похвастаться можно лишь исследованиями амфор, чем всегда славилась наша наука. Мне известно не так много публикаций керамики позднеэллинистического и раннеримского времени, выполненных на современном научном уровне. Правда, при этом отраден значительно выросший повсеместно уровень публикаций столовой посуды римского времени. Выше уже упоминалась недавняя публикация материалов, в том числе позднеэллинистической керамики, раскопа НГС в Ольвии — вот тот уровень, к которому мы должны стремиться.

Почему сегодня никого практически не интересует массовый керамический материал? Возможно, дело в трудоемкости работы с этой категорией материала и сравнительной редкостью уникальных находок, способных быстро привести исследователя к наглядному научному успеху. Не секрет, что для серьезных занятий античной керамикой ее необходимо знать «в лицо», т.е. ездить по музеям и рас-

копкам многих стран. Я хорошо помню керамические семинары в Пергаме, Эфесе и Риме, различных городах Греции, Германии, Албании, Сербии, Иордании, Сирии и т.п., когда перед участниками лежали целые груды локальной и импортной керамики и мы сообща разобирались в этом массиве. Северное Причерноморье являлось лишь частью античного мира, и рассматривать его керамические материалы в отрыве от находок из Западного Причерноморья или Восточного Средиземноморья по меньшей мере неправильно.

Не стоит также ограничивать знание о предмете исследования одной (пусть даже хорошей) иностранной книгой и ссылками на нее пытаться создать наукообразие. Группой исследователей был подготовлен ряд обобщающих статей в сборнике «Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье» с целью ознакомить отечественного читателя с последними достижениями передовой науки в области исследования столовой посуды, но пробить стену оказалось непросто. В лучшем случае появляются ссылки на эти работы, а отнюдь не на первоисточник! Сегодня проблема доступа современной литературы не стоит так остро, как 20 лет назад, западные библиотеки стали более доступны, а наличие Интернета значительно упрощает работу. Тем не менее, даже случайно брошенный взгляд на библиографический список во многих отечественных статьях вызывает недоумение, ибо в нем отсутствует основная литература, хорошо знакомая каждому специалисту.

В некоторых экспедициях массовый керамический материал выбрасывается без дальнейшей научной обработки, а восстановить информацию по кратким определениям в полевой описи «венчик краснолакового сосуда» или «стенка мегарской чаши» (без рисунка или фото) в будущем просто невозможно. Соответственно, мы теряем громадный пласт информации.

Сегодня как никогда видно, что мы имеем полный шанс отстать в исследованиях массового античного керамического материала, причем отстать надолго. Возможно, стоит провести в ведущих университетах цикл семинаров, посвященных массовому керамическому материалу, чтобы привлечь внимание студентов. Молодые студенты и аспиранты практически не получают «вещеведческих» тем, связанных с античной керамикой, в том числе и позднеэллинистческой — об этом стоит задуматься их научным руководителям. Ну а начальникам экспедиций, наверное, стоит не задерживать материал без движения десятилетиями, а планомерно вводить его в научный оборот, привлекая для этого как можно большее число сторонних специалистов и начинающих исследователей.

Результатом этого может стать не просто более тщательное изучение материала, но и новые, хорошо обоснованные выводы, что в конечном итоге приведет и к повышению реноме отечественной античной археологии в мире.

Рис. 1. Пантикапей. Рельефная керамика: 1–4, 7 — Эфес; 5 — неизвестный ионийский центр; 6 — Пергам. Фото: В. П. Толстиков.

Рис. 2. Пантикапей. Рельефная керамика: 1 — Эфес; 2–3 — Боспорская рельефная керамика; 4 — мастерская Зенодота (?); 5 — мастерская KIPBEI. Кимы. Фото: В. П. Толстиков.

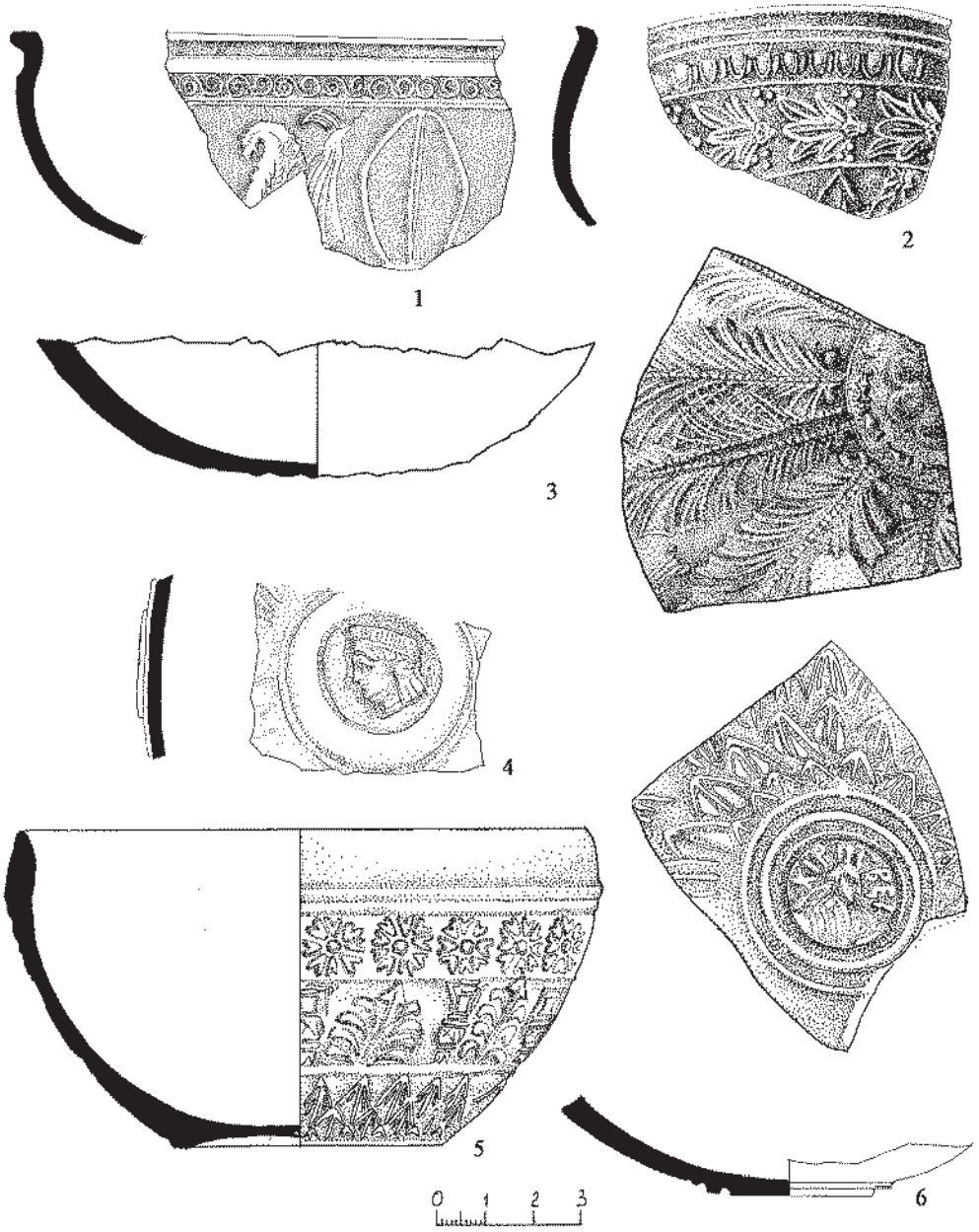


Рис. 3. Пантикапей. Рельефная керамика: 1 — неизвестный ионийский центр; 2, 3, 5 — Эфес; 4 — мастерская Зенодота (?); 6 — мастерская KIPBEI. Кимы. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

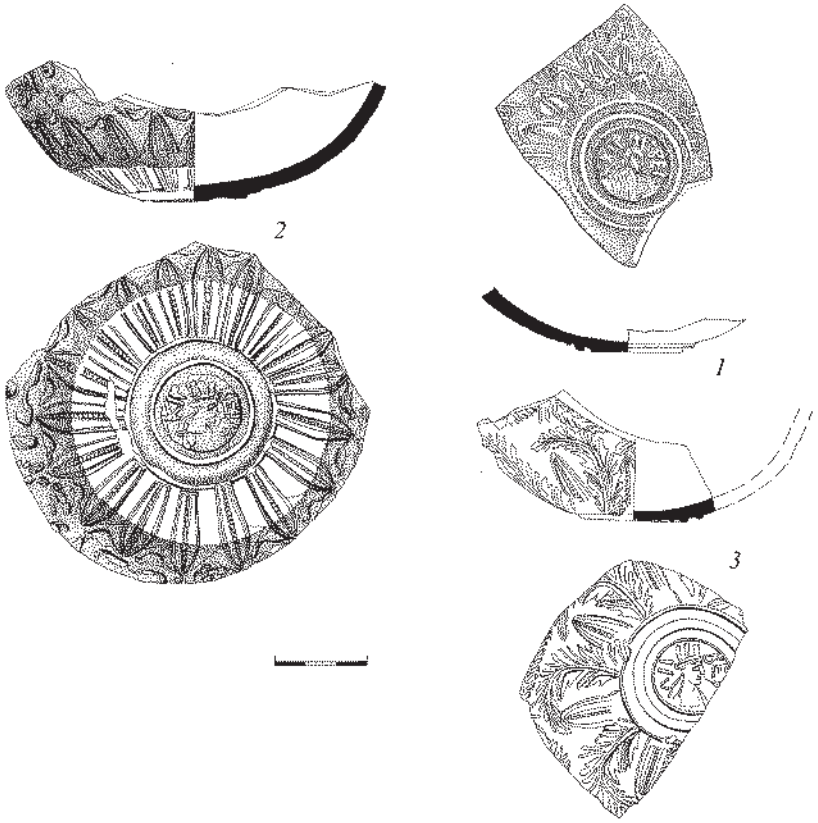


Рис. 4. Рельефная керамика из мастерской KIPBEI (Кимы): 1– Пантикапей. Рисунок Боспорской археологической экспедиции. 2–3 — собрание П. О. Бурачкова. Государственный Исторический музей. Рисунок И. Рукавишниковой.

Рис. 5. Рельефная керамика из мастерской KIPBEI (Кимы): собрание П. О. Бурачкова. Государственный Исторический музей. Фото: Д. В. Журавлев.

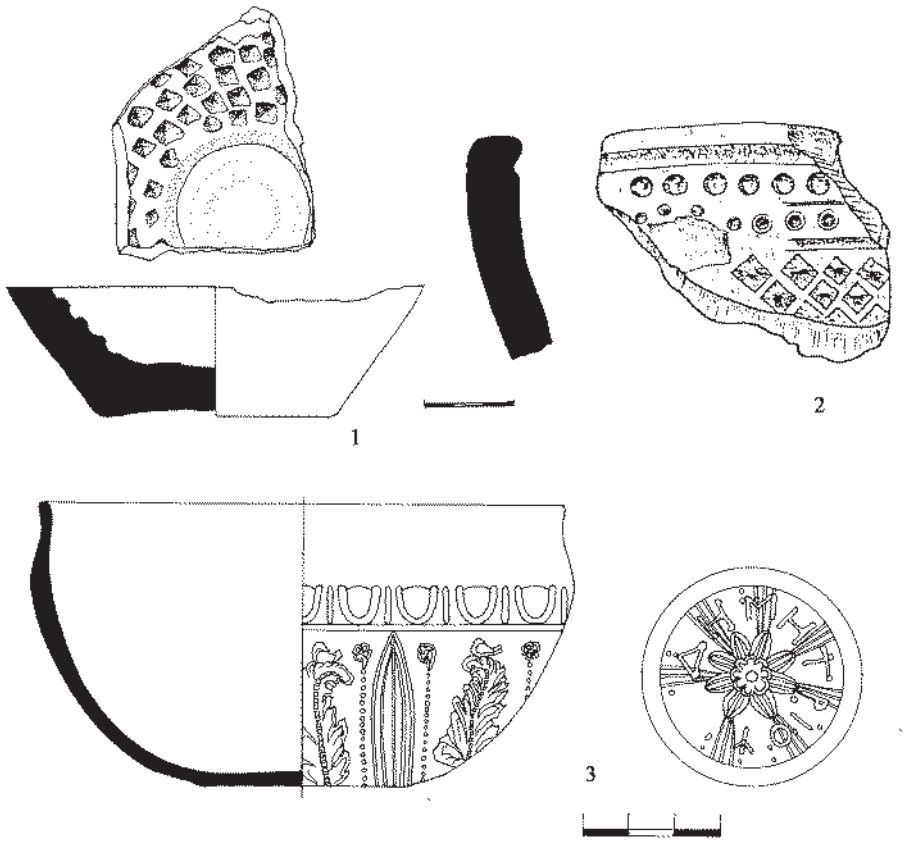


Рис. 6. 1–2 — Формы для изготовления рельефных чаш: (1 — Пантикапей. Рисунок Боспорской археологической экспедиции; 2 — Фанагория (по: Коваленко 1989)); 3 — рельефная чаша из мастерской Деметрия, Пантикапей. Рисунок Боспорской археологической экспедиции.

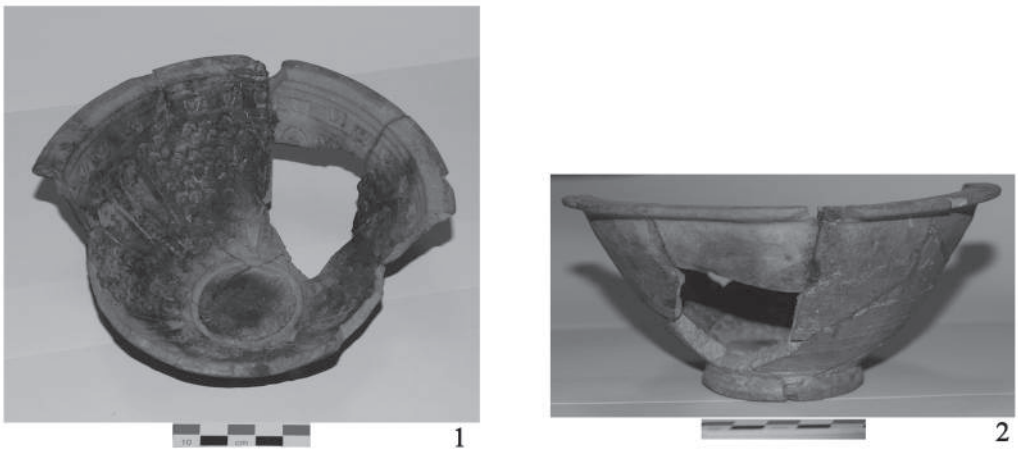


Рис. 7. Пантикапей. Форма для изготовления боспорской рельефной чаши. ГМИИ им. А. С. Пушкина. Фото: Д. В. Журавлев.

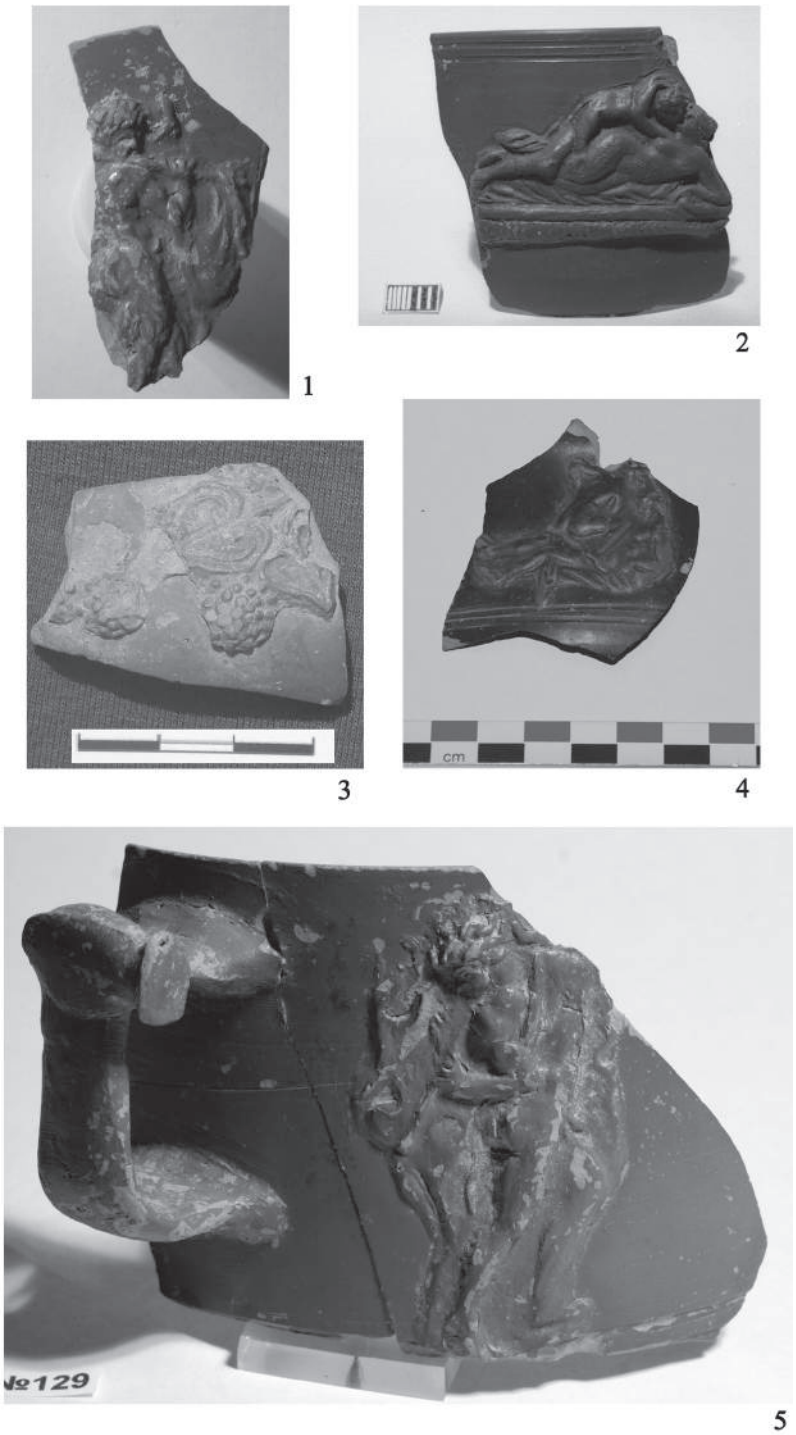


Рис. 8. Пантикапей. Пергамская керамика с аппликативными рельефами. Фото: В. П. Толстиков, Д. В. Журавлев.

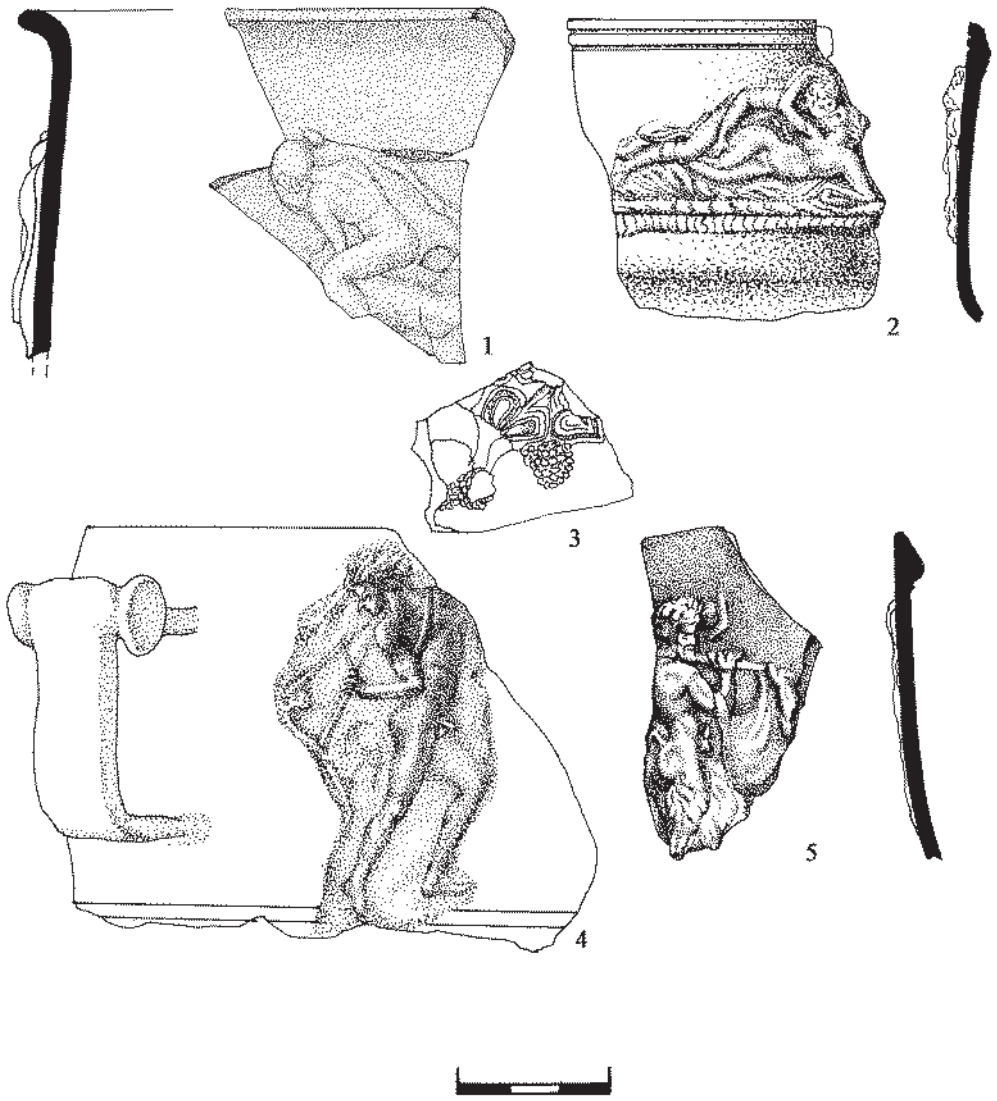


Рис. 9. Пантикапей. Пергамская керамика с аппликативными рельефами. Пантикапей. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

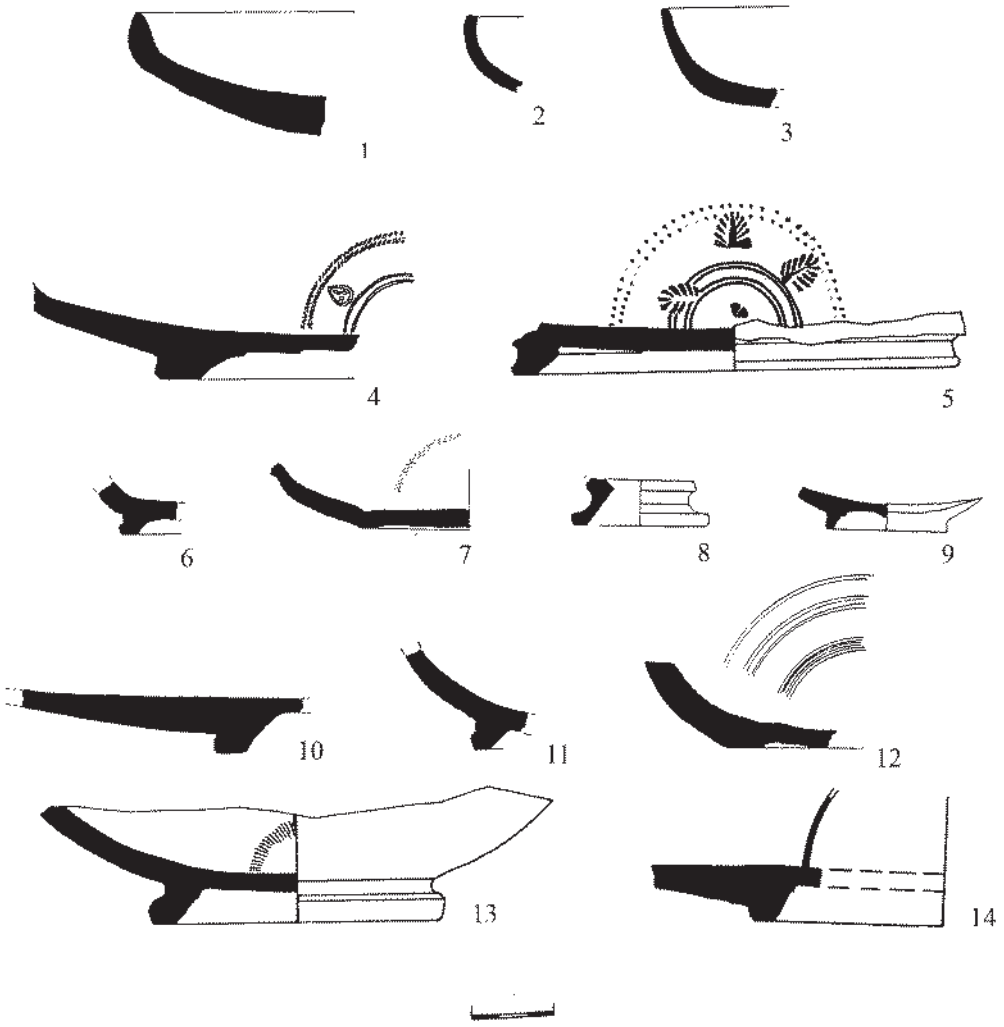


Рис. 10. Пантикапей. Восточная сигиллата А (*Eastern sigillata A)*. Пантикапей. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

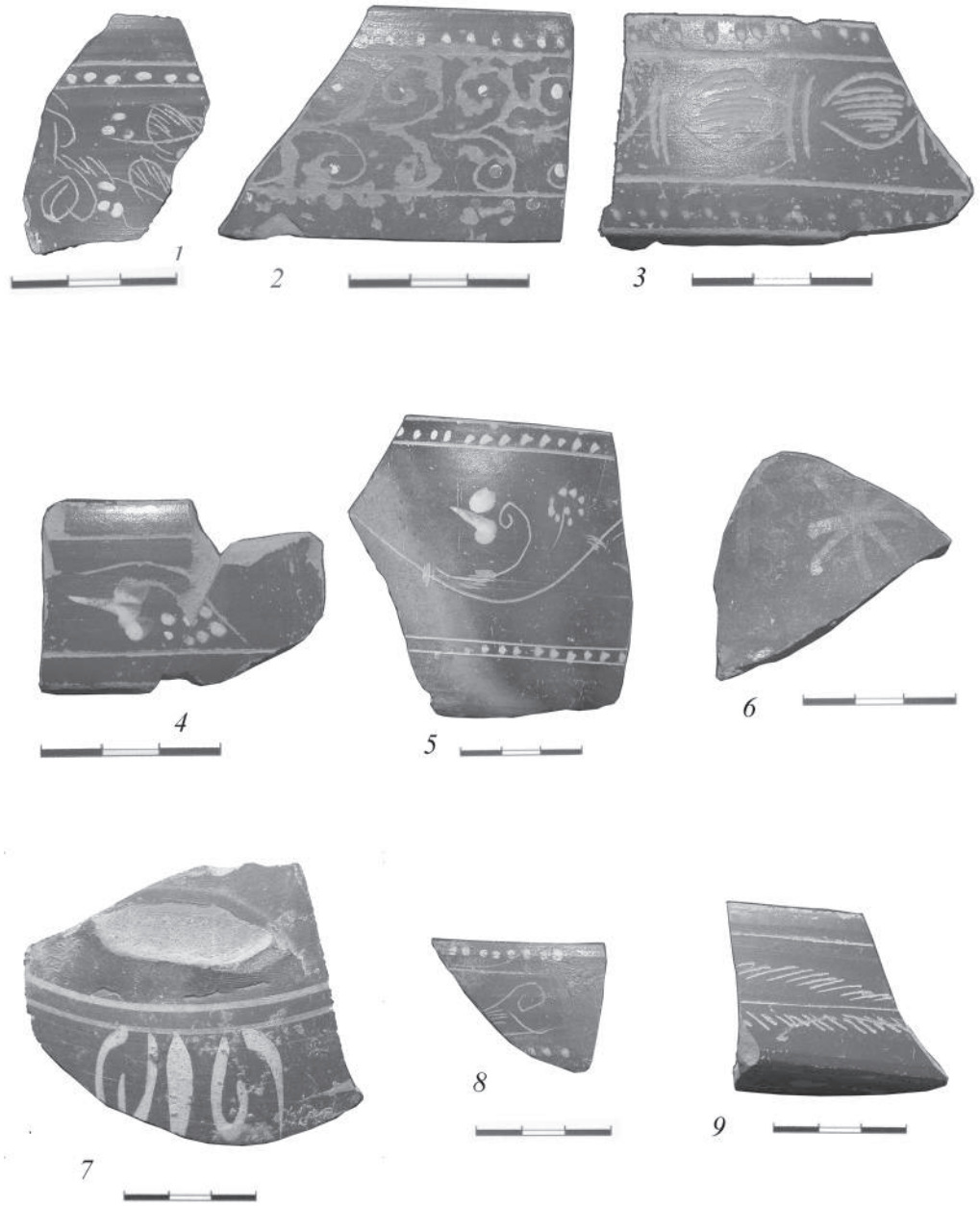


Рис. 11. Пантикапей. Поздняя керамика типа Западного склона (West Slope ware), орнаментированная белой краской. Фото: Д. В. Журавлев.

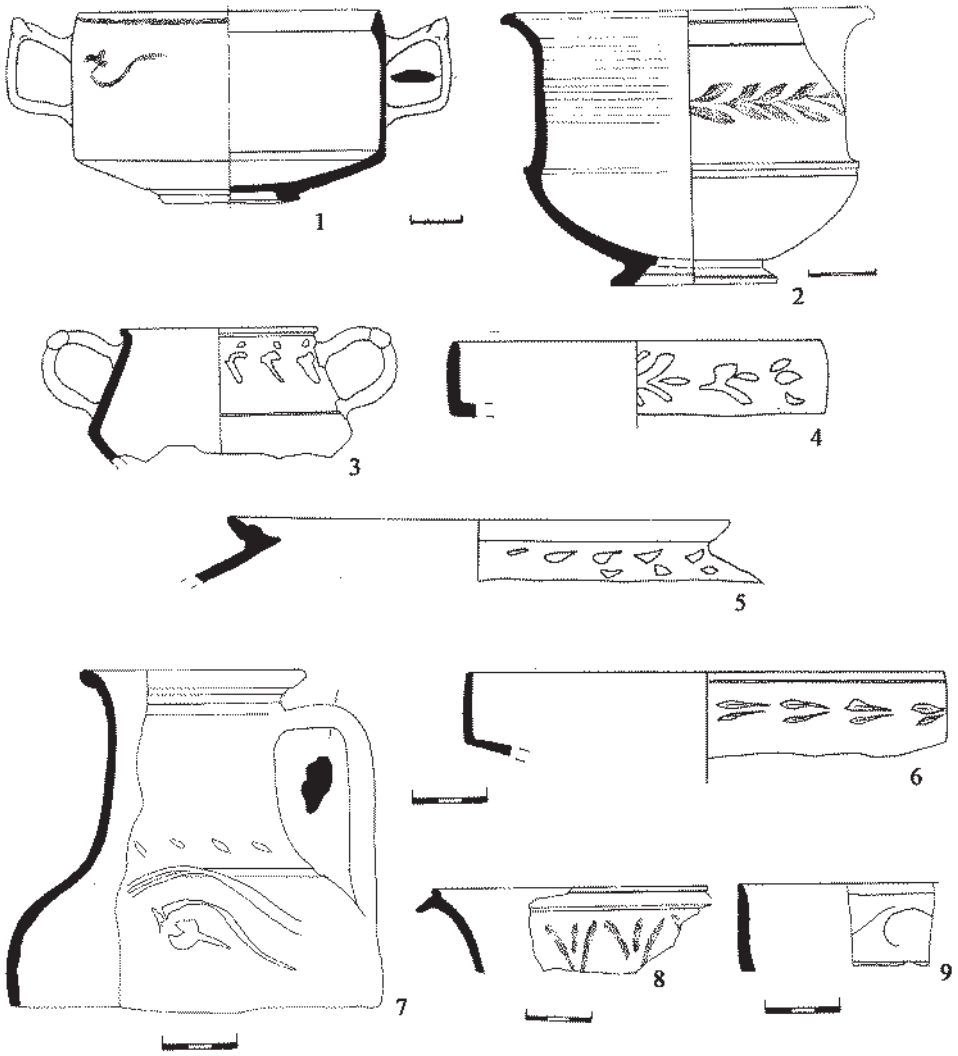


Рис. 12. Пантикапей. Поздняя керамика типа Западного склона (West Slope ware), орнаментированная белой краской. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

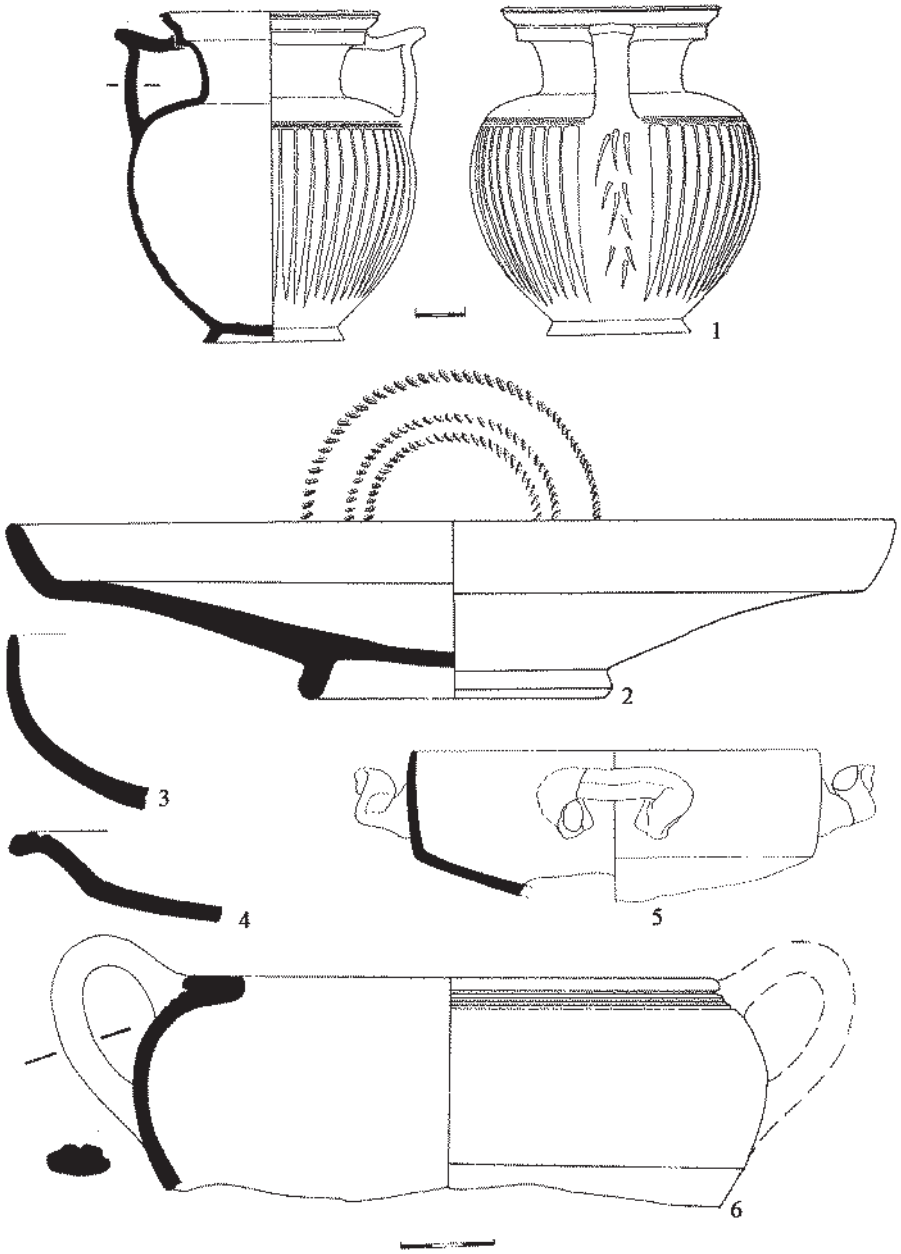


Рис. 13. Пантикапей. Пелика с каннелированным туловом (1) и Боспорская сигиллата. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

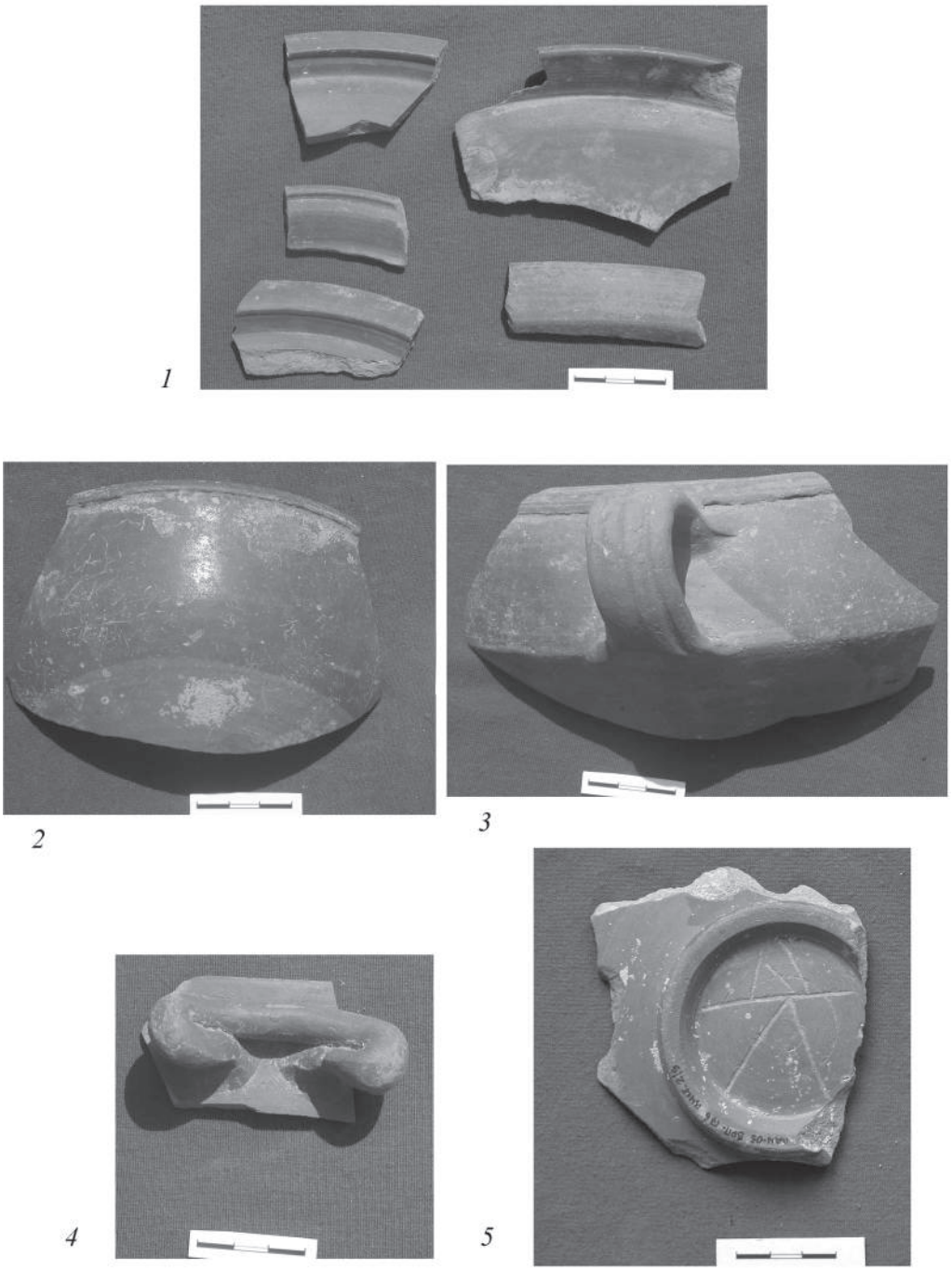


Рис. 14. Пантикапей. Боспорская сигиллата (*Bosporan sigillata*). Фото: Д. В. Журавлев.

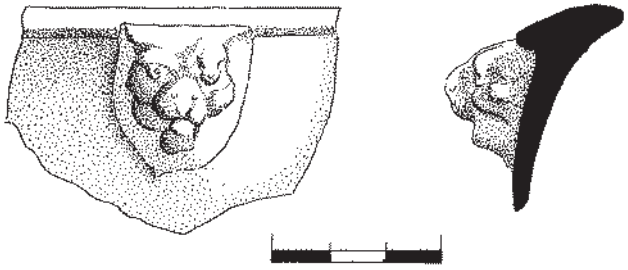


Рис. 15. Пантикапей. Фрагмент боспорского диноса с налепом в виде головы льва. Рисунок Боспорской археологической экспедиции.

Рис. 16. Пантикапей. Боспорский кувшин с аппликативным рельефом — дионисийской сценой. Фото: В. П. Толстикова.

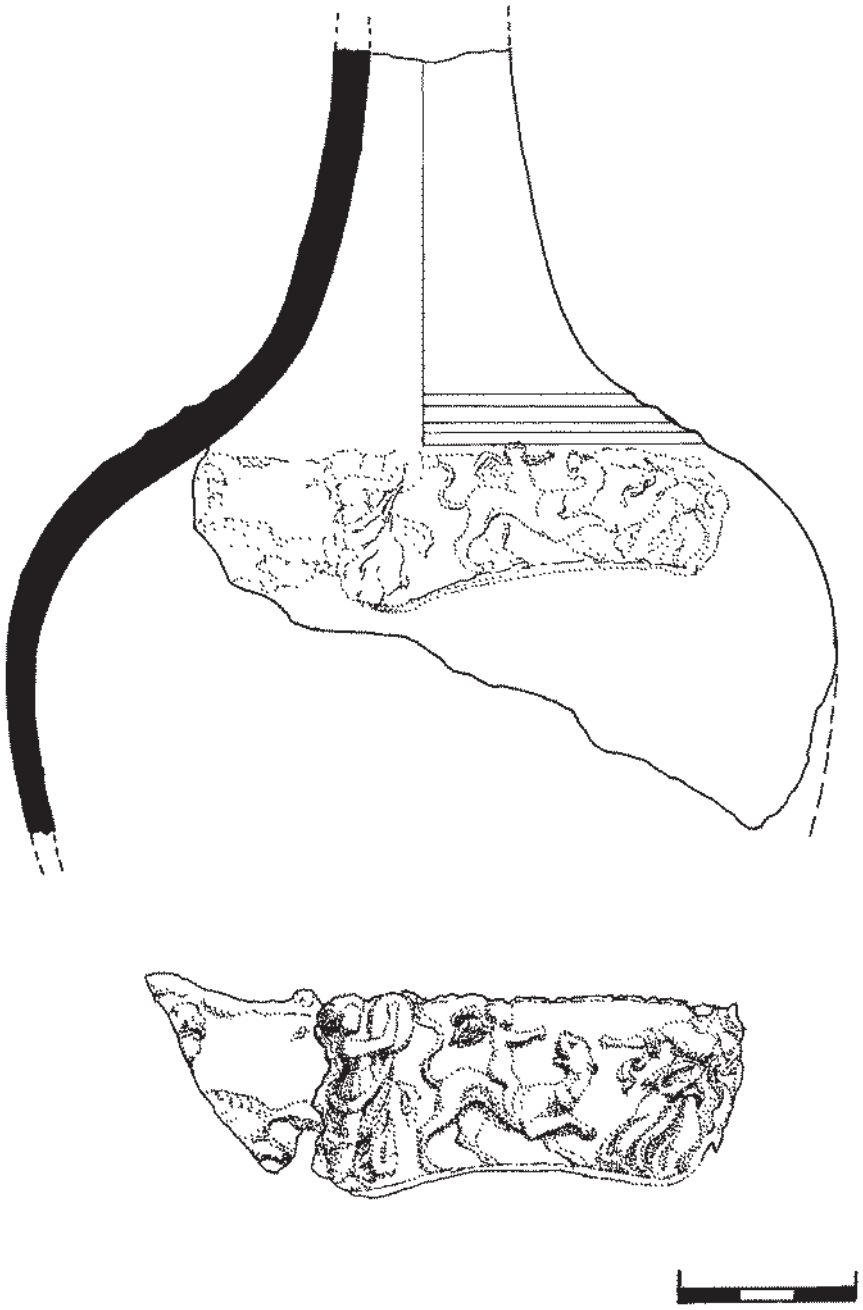


Рис. 17. Пантикапей. Боспорский кувшин с аппликативным рельефом — дионисийской сценой. Рисунок Боспорской археологической экспедиции.

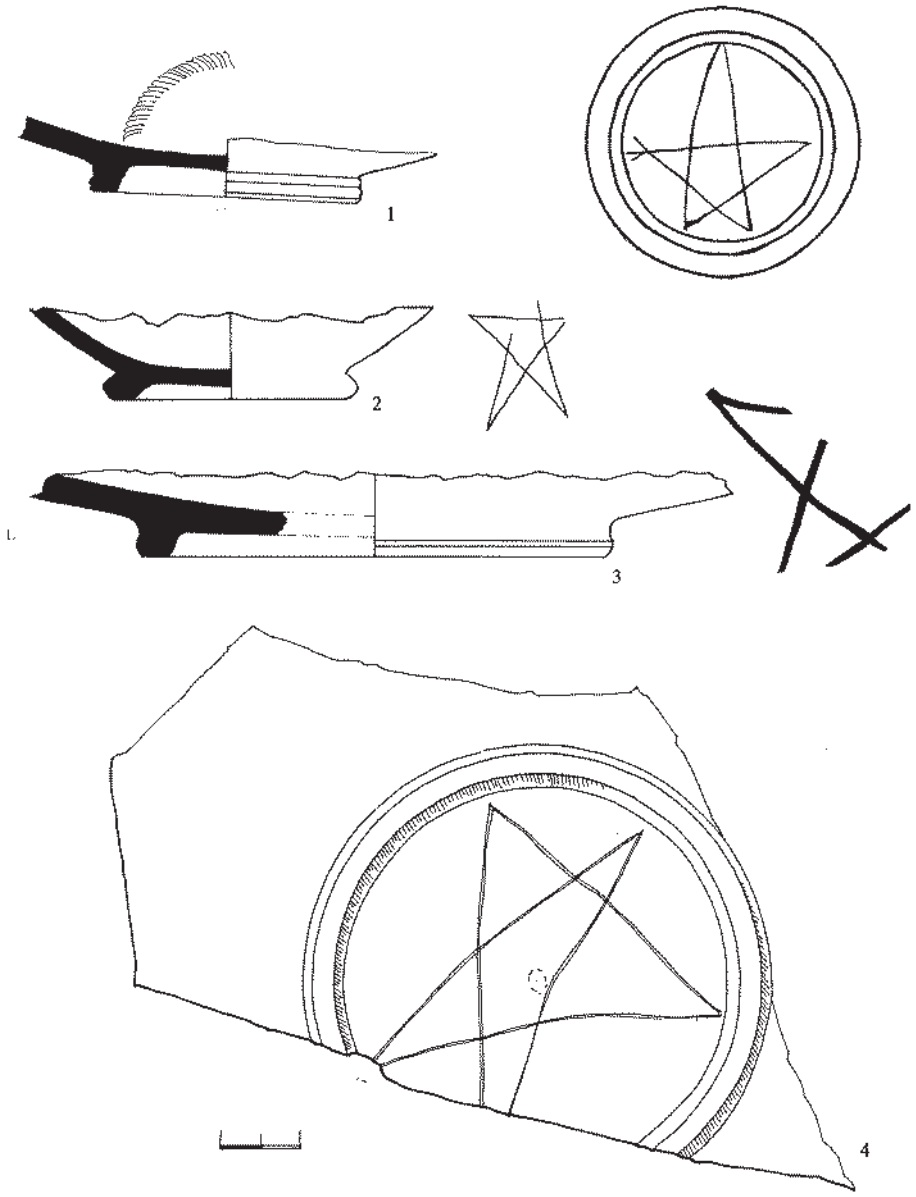


Рис. 18. Пантикапей. Граффити на донцах сосудов Боспорской сигиллаты. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

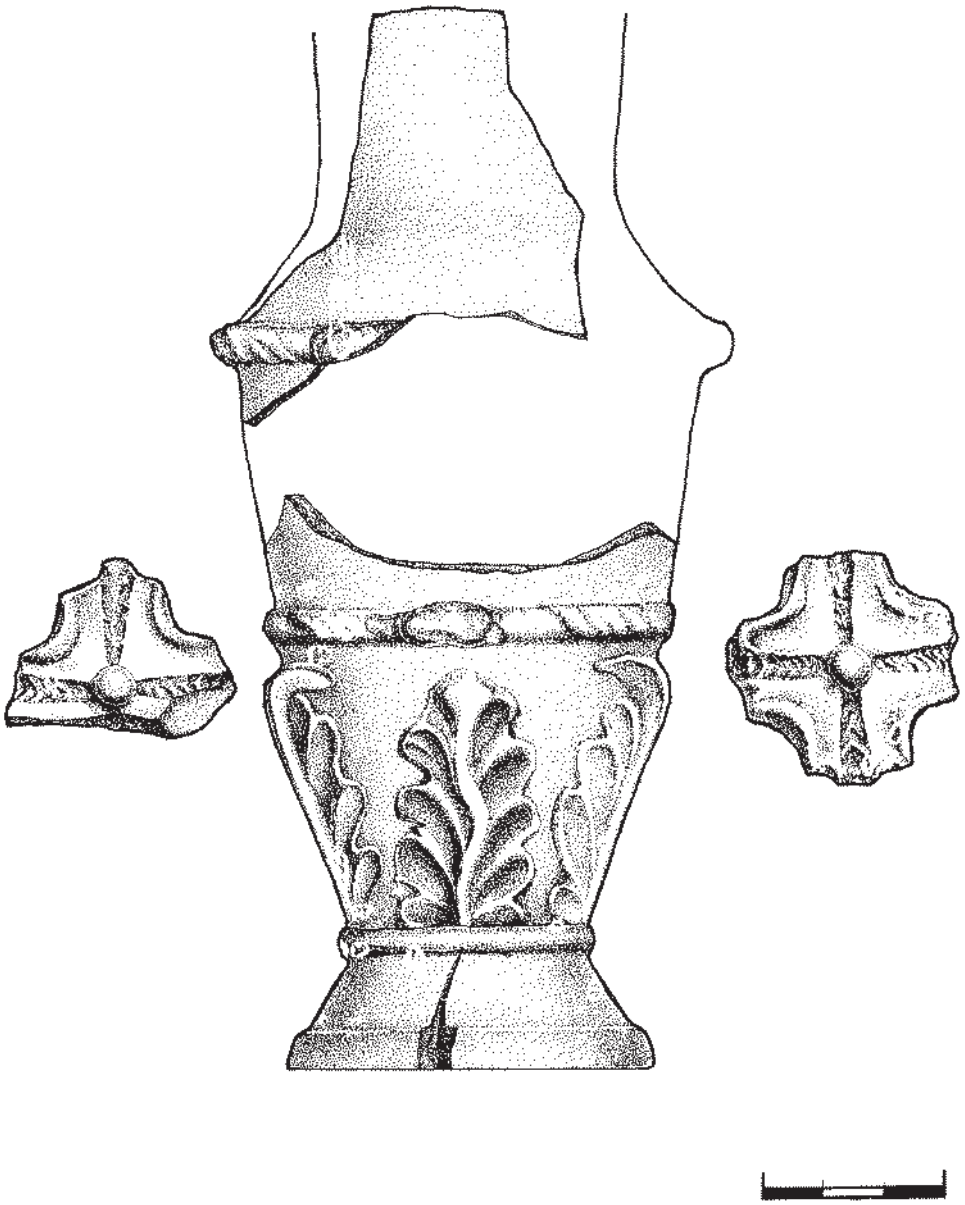


Рис. 19. Пантикапей. Терракотовый сосуд (алтарик (?)). Рисунок А. Н. Трифоновой.

Рис. 20. Пантикапей. Сероглиняные светильники: 1–2 — Эфес; 3–5 — Боспор. Фото: Р. Г. Синенко.

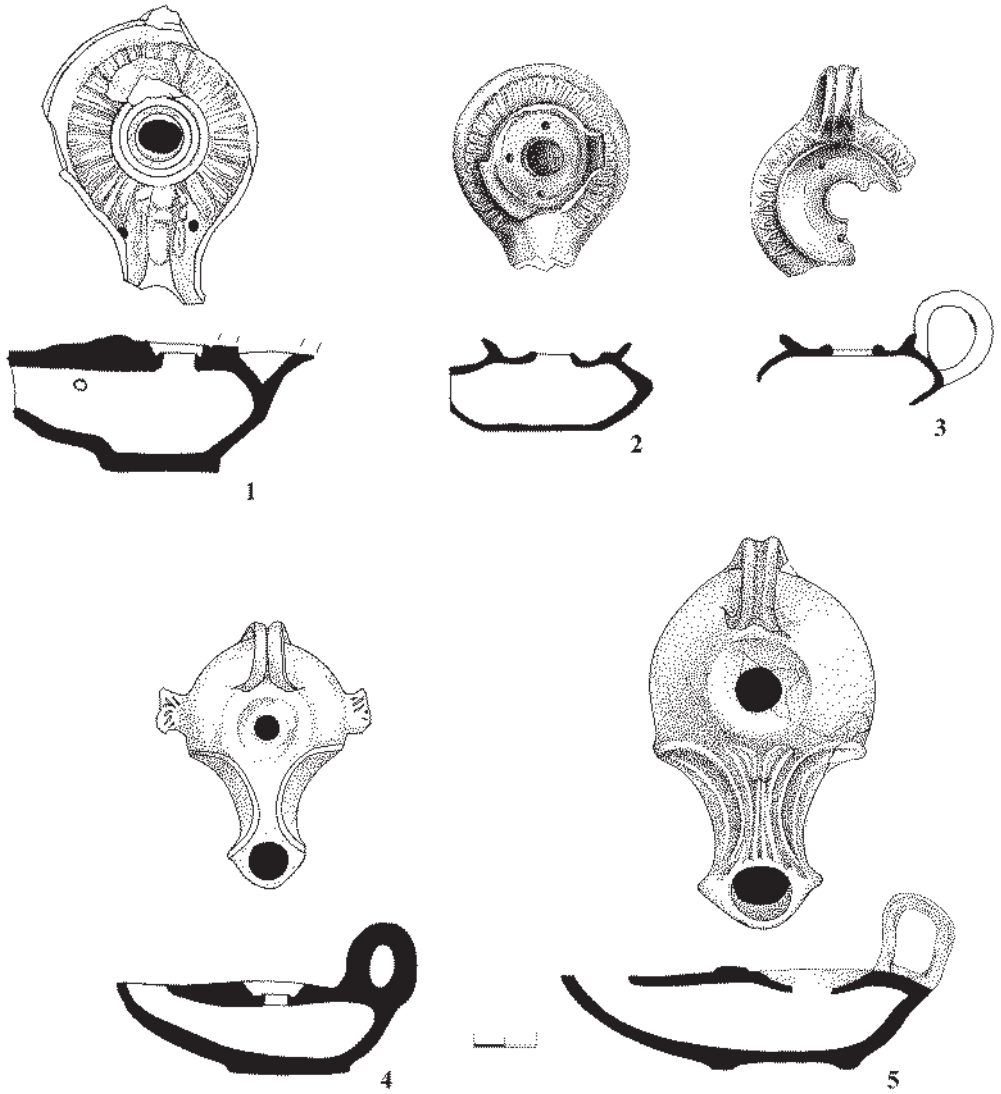


Рис. 21. Пантикапей. 1–2 — Эфесские светильники; 3–5 — Боспорские светильники. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

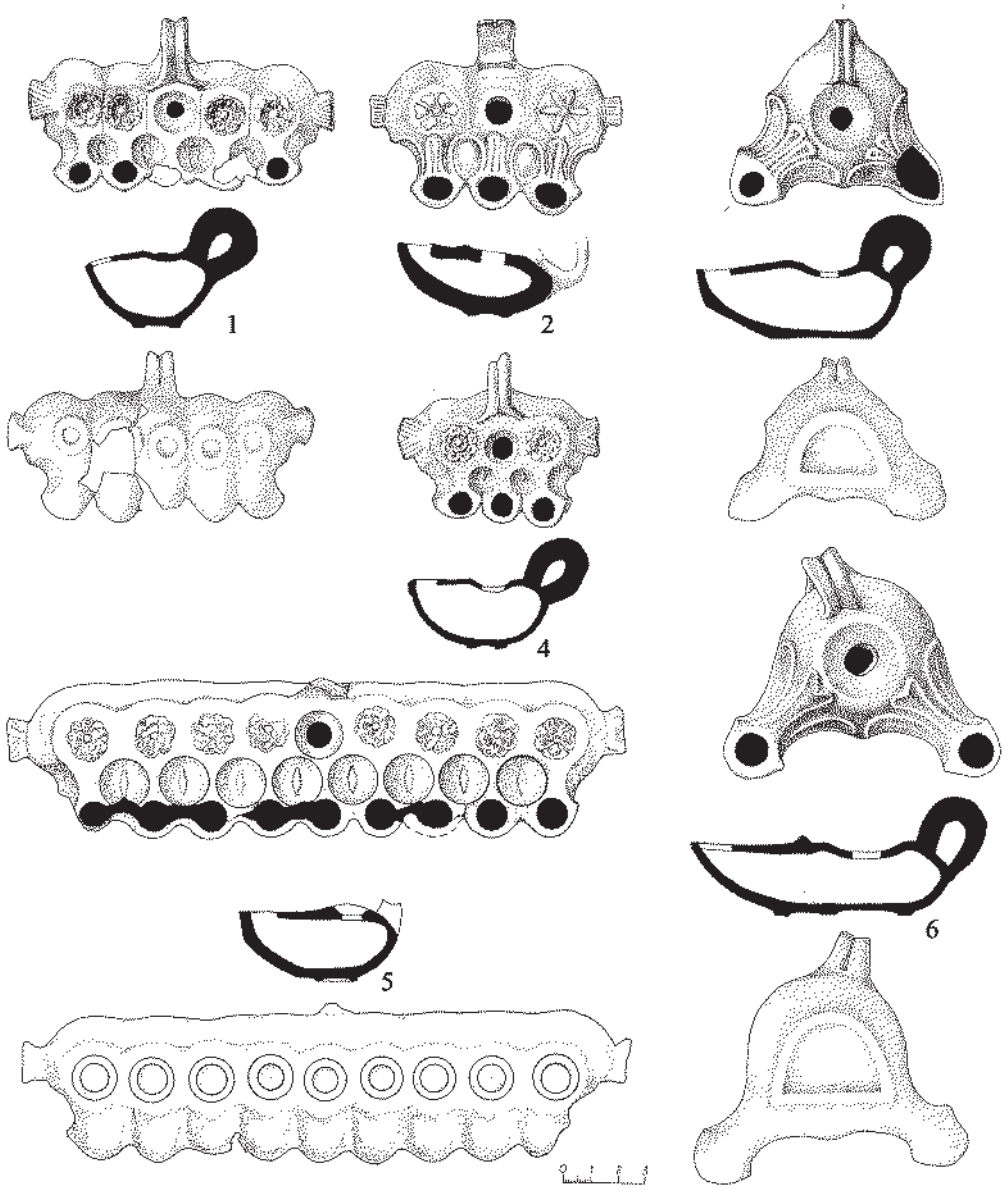


Рис. 22. Пантикапей. Боспорские многорожковые светильники. Рисунки Боспорской археологической экспедиции.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1982: Юго–восточная часть Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар.

Алексеева Е.М. 1986: Культы Горгиппии // СА. 4, 34–52.

Алексеева Е.М. 1997: Античный город Горгиппия. М.

Алексеева Е.М. 2010: Пелики из Горгиппии // ПИФК. 1, 361–376.

Арсеньева Т.М. 1970: Могильник у деревни Ново–Отрадное // МИА. 155, 82–149.

Арсеньева Т.М. 1988: Светильники Танаиса. М.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2001: Усадьбы Танаиса. М.

Блаватский В.Д. 1959: О производстве «мегарских чаш» в Пантикапее // КСИИМК. 75, 174–176.

Вальдгауер О. 1914: Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. СПб.

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. 1998: Мегарские чаши с городища Кара–Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. 102. Труды ГИМ / Д.В. Журавлев (ред.). М., 61–76.

Внуков С.Ю., Штепа О.И. 2010: Краснолаковая пелика с городища Кара–Тобе (опыт комплексного исследования) // ПИФК. 1, 324–360.

Вязьмитина М.И. 1962: Золота балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ.

Гайдукевич В.Ф. 1959: Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. 1934–1956. Варшава.

Горончаровский В.А. 1983: Пергамская керамическая мастерская и ее продукция на Боспоре // СА. 2, 117–124.

Грач Н.Л. 1999: Некрополь Нимфея. СПб.

Грицик Е.В. 2009: Эллинистическая керамика с рельефными изображениями Symplegma из раскопок Мирмекия // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / В.Ю. Зуев (ред.). СПб, 223–227.

Гущина И.И. 1974: Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы, 32–64.

Демиденко С.В., Журавлев Д.В., Трейстер М.Ю. 1997: «Круглый курган» из раскопок В.Г. Тизенгаузена 1866 г. // Древности Евразии / С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев (ред.). М., 186–215.

Домжальски К., Журавлев Д.В. 2003: Боспорская сигиллата // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 89–92.

Евдокимов Г.Л., Куприй Н.М. 1992: Сарматские погребения Нижнего Поднепровья (по материалам Краснознаменской экспедиции 1977–1992). Киев.

Егорова Т.В. 2009: Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо–Западного Крыма. М.

Журавлев Д.В. 1995: Позднеэллинистический пергамский скифос с аппликативными рельефами из дома Хрисалиска // ВДИ. 3, 72–79.

Журавлев Д.В. 2001: Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. 4, 131–149.

Журавлев Д.В. 2002: Краснолаковая керамика в Северном Причерноморье: диалог с римской экономикой // Mvfjia. Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 275–287.

Журавлев Д.В. 2005: О керамическом производстве Боспора в позднеэллинистическое время // Antiqvitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. 1, 235–254.

Журавлев Д. В. 2007. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы и исследования городища «Чайка» в Северо–Западном Крыму / В. Л. Янин, Ю. Л. Щапова (ред.). М., 275–312.

Журавлев Д. В. 2009: Эллинистический пергамский керамический импорт в Северном Причерноморье: мифы и реалии // Политика, идеология, историописание в римско–эллинистическом мире. Материалы международной научной конференции / О. Л. Габелко. Казань, 252–267.

Журавлев Д. В. 2010а: О боспорских светильниках типа «кувшинчика» // ПИФК. 1, 264–276.

Журавлев Д. В. 2010б: О боспорском керамическом производстве во II–I вв. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. XI Боспорские чтения / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 132–141.

Журавлев Д. В. 2010в: Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. Supplementum 9.

Журавлев Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. 2010: Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники III в. до н.э. — IV в. н.э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко–культурного заповедника. Т. 2. Киев.

Журавлев Д. В., Журавлева Н. В. 2009: Новые находки позднеэллинистической рельефной керамики и светильников из Пантикапея // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы/ В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 135–139.

Журавлев Д. В., Завойкин А. А. 2007: Светильники из святилища Береговой 4 // ДБ. 11, 127–184.

Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2005: Новые комплексы римского времени из Пантикапея // БИ. VIII, 284–307.

Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2007: Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія. 1, 78–91.

Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2011: Греки и варвары на берегах Боспора Кубанского // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб.

Забелина В. С. 1984: Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // СГМИИ. 7, 133–152.

Забелина В. С. 1992а: Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945–1974 гг. // СГМИИ. 10, 284–297.

Забелина В. С. 1992б: Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщения ГМИИ. 10, 298–328.

Зайцев Ю. П. 1992: Мавзолей Неаполя Скифского // Археологія (Київ). 1, 93–99.

Зайцев Ю. П. 1998: Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя Скифского // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. ТГИМ. Вып. 102, 52–60.

Зубарь В. М., Кубышев В. М. 1987: Погребальные комплексы рубежа нашей эры из Нижнего Поднепровья // СА. 4, 248–253.

Ильина Т. А., Муратова М. Б. 2008: Вотивные терракоты из дворцового храма на акрополе Пантикапея // ДБ. 12/I, 287–339.

Коваленко С. А. 1987: Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 70–80.

Коваленко С. А. 1989: Античная рельефная керамика в Северном Причерноморье: дисс. … канд. ист. наук. М.

Коваленко С. А. 1998: К истории изучения позднеэллинистической штампованной керамики в России // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. I. ТГИМ. 102, 9–16.

Коровина А. К. 2002: Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.

Корпусова В. Н. 1983: Некрополь Золотое. К этнокультурной истории европейского Боспора. Киев.

Ланцов С. Б., Труфанов А. А. 1999: Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. 2, 161–173.

Латышев В. В. 1902: К вопросу об античной посуде со штемпелем KIPBEI // ИАК. 4. СПб.

Лосева Н. М. 1962: Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // МИА. 103, 204–205.

Журавлев Д. В. (ред.) 2006: Любовь и эрос в античной культуре. Каталог выставки. М.

Марченко И. Д. 1976: Новые виды боспорской эллинистической керамики // КСИА. 145, 51–54.

Масленников А. А. 1998: Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская округа Европейского Боспора в античную эпоху. М.

Мордвинцева В. И. 1993: Среднесарматские погребения с краснолаковой керамикой // Древности Волго–Донских степей. 3, 123–132.

Мошкова М. Г. 1963: Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1–10. М.

Пуздровский А. Е. 2007: Крымская Скифия II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь.

Синицин И. В. 1960: Древние памятники в Низовьях Еруслана // МИА. 78, 106–107.

Скрипкин А. С. 1990: Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

Соколова Е. К. 1984: Красолаковые лагиносы римского времени из некрополя Пантикапея (собрание Эрмитажа) // Культура и искусство античного мира. ТГЭ. XXIV / С. П. *Борисковская С. П.* (ред.). Л., 125–137.

Сокольский Н. И. 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Сорокина Н. П. 1963: Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 95, 60–65.

Толстиков В. П. 2004: Древний Пантикапей // Античные памятники Крыма / Т. Л. Самойлова (ред.). Киев, 37–86.

Толстиков В. П. 2010: Новый объект ордерной архитектуры в центральном районе Пантикапея // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1, 231–240.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В. 2000: Исследования на акрополе Пантикапея // Археологические открытия 1998 г. М., 382–384.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2003: Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // БИ. 3, 289–314.

Толстиков В. П., Кузьмина Ю. Н. 2011: Новый строительный комплекс в Пантикапее // РА. 2, 110–122.

Турова Н. П., Коваленко С. А. 2005: Мегарские чаши из археологической коллекции Ялтинского историко–литературного музея // БИ. VIII, 339–349.

Усачева О. Н. 1978: Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 156, 100–107.

Цветаева Г. А. 1984: Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // АГСП. Археология СССР. М., 227–229.

Шелов Д. Б. 1961: Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) // МИА. 98.

Шкроб О. В. 1991: Методика изучения и классификации краснолаковой керамики // Проблемы археологии Северного Причерноморья (К 100-летию основания Херсонского музея древностей) / *Гаврилов А. В.* (ред.). Херсон, 131–142.

Шургая И. Г. 1962: О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // МАСП. 4, 108–120.

Шургая И. Г. 1963: Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия // КСИА. 95, 107–111.

Яценко И. В. 1970: Исследование сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. 124, 31–38.

Αρηοντιδου-Αργυρη Α. 1990: Ελληνιστική κεραμεική από τη Μυτιλήνη // Β' Επιστημονικη Συναντησε για την Ελλενιστικη Κεραμικη. Χρονολογικά προβλήματα τησ ελληνιστικήσ κεραμικής. Αφηνα.

Arsen'eva T. M., Böttger B. 1997: Griechen am Don. Die Grabungen in Tanais 1996 // Eurasia antiqua. 3, 437–487.

Bailey D. M. 1975: A Catalogue of the Lamps in the British Museum. I. Greek, Hellenistic, and Early Roman Pottery Lamps. L.

Barr R. 1996: Greek and Hellenistic Lamps from Ilion // Studia Troica. Bd. 6, 159–200.

Behr D. 1988: Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // Istanbuler Mitteilungen. 38, 97–178.

Bernhard M. L. 1955: Lampki starozytne. Warszawa.

Broneer O. 1930: Terracotta Lamps. Corinth IV. 2. Cambridge.

Chrzanovski L., Zhuravlev D. 1998: Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum // Studia archaeologica, 94. Moscow; Roma.

Courby F. 1922: Les vases grecs à reliefs. Paris.

Domżalski K. 1996: Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. 47, 95–97.

Domżalski K. 2007: Changes in Late Classical and Hellenistic Fine Pottery Production in the Eastern Mediterranean as Reflected by Imports in the Pontic Area // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies / V. Gabrielsen, J. Lund (eds.). 6, 161–181.

Δρουγου Σ. 1992: Ανασκαφη Πελλασ 1957−1964 οι πηλινοι λυχνοι. Αθηναι.

Giuliani A. 2001: Untersuchungen zu Ephesos-Lampen an Beispielen aus der Werkstatt des Asklepiades // Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos / F. Krinzinger (нrsg.). Wien, 45–49.

Giuliani A. 2005: Hellenistische Matrizenlampen aus Ephesos // Lychnological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon–Geneva, 29.IX — 4.X.2003). (Monographies Instrumentum, Vol. 30) / Chrzanovski L. (ed.). Montagnac, 139–142.

Guldager Bilde P. 2010: Mouldmade bowls // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Black Sea Studies / N. A. Lejpunskaja, P. Guldager Bilde, J. M. Højte Krapivina, S. D. Kryžickij (eds.). Aarhu. S. 269–288.

Hayes J. W. 1991: The Hellenistic and Roman Pottery. Pahpos. Vol. III. Nicosia.

Hayes J. W. 1985: Sigillate Orientali // Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero), Atlante delle forme ceramiche II, Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Roma.

Heimerl A. 2001: Die römischen Lampen aus Pergamon. Vom Beginn der Kaiserzeit bis zum Ende des 4. Jhs. n. Chr. Pergamenische Forschungen. Bd. 13. Berlin; New York.

Helström P. 1971. Labraunda. Pottery of Classical and later Date, terracotta Lamps and Glass. Acta Instituti Atheniensis Regni Sueciae, Series in 4º, II:1.

Howland R. H. 1958: Greek Lamps and Their Survivals. The Athenian Agora. Vol. IV. Princeton, New Jersey.

Hübinger U. 1993: Die antiken Lampen des Akademischen Kunstmuseums der Universität Bonn. Berlin.

*Hübner G.*1993: Die applikenkeramik von Pergamon. Eine bildersprache im dienst des Herrscherbultes. PF. Band 7. Berlin; New York.

Jones F.F. 1950: The Pottery // Excavations at Gözlu Kule, Tarsus. Vol. 1. The Hellenistic and Roman Periods / H. Goldman (ed.). Princeton, New Jersey.

Kassab Tezgör D., Sezer T. 1995: Catalogue des lampes en terre cuite du Musée Archéologique d'Istamboul. T. 1. Epoques protohistorique, archaïque, classique et hellénistique. Varia Anatolica VI. 1. Istamboul; Paris.

Kovalenko S. 1996: Some Notes on the Production of Hellenistic Mould–Made Relief Ware in the Bosporan Kingdom // New Studies on the Black Sea Littoral. Colloquia Pontica 1 / G. Tsetshladze (ed.) Oxbow Books, 51–57.

Laumonier A. 1977: La Céramique Hellénistique à Reliefs. 1. Ateliers "Ioniens". Délos. XXXI. Paris.

Leipunskaja N.A. et al. 2010: The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Black Sea Studies. 13. Aarhu.

Lomtadze G., Zhuravlev D. 2004: Amphorae from the late Hellenistic cistern from Pantikapaion // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002. Monographs of the Danish Institute at Athens. Vol. 5, 203–209.

Lund J. 2005: An economy of consumption: the Eastern sigillata A industry in the Late Hellenistic period // Making, Moving and Managing. The New World of Ancient Economies, 323–31 BC. / Z.H. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.). Oxford, 233–252.

Lyon–Caen C. 1986: Lampes grecques en terre cuite. Musée du Louvre. Catalogue des lampes en terre cuite grecgues et chrétiennes. Paris.

Matiashvili M. 2004: The red–gloss pottery from Vani in Kolchis // Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. Colloquia Pontica. Leiden; Boston, 121–130.

Meriç R. 2002: Späthellenistisch–römische Keramil und Kleinfunde aus einem Schachtbrunnen am Staatsmarkt in Ephesos. Forschungen in Ephesos. IX/3. Wien.

Meyer-Schlichtmann C. 1988: Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2 Jh v.Chr — mitte 2 Jh n. Chr. PF. Band 6. Berlin; New York.

Michałowski K. 1958: Mirmeki. Wykopaliska odcinka Polskiego w r. 1956. Warszawa.

Parisinou E. 2000: The Light of the Gods. The Role of Light in Archaic and Classical Greek Cult. L.

Rogl C. 2001: Eine Vorschau zu den Reliefverzierten Trinkbechern der Ephesischen monogram-Werkstätte // Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos / Krinzinger F. (нrsg.). Wien, 99–111.

Scheibler I. 1976: Griechische Lampen. Kerameikos XI. Berlin.

Shäfer J. 1968: Hellenistische Keramik aus Pergamon. PF, Bd. 2. Berlin

Slane K.W. 1997: The Fine Ware, in: Herbert, S.B. (Ed.), Tel Anafa II, i. The Hellenistic and Roman Pottery. Ann Arbor.

Tolstikov V., Zhuravlev D. 2004: Hellenistic pottery from two cisterns on the acropolis of Panticapaeum. In:Τ' Επιστημονικη Συναντησε Χρονολογικα προβληματα τησ ελληνιστικησ κεραμεικησ. Κλειστα Συνολα−Εργαστερια. Αθηνα, 269–272.

Waagé F. 1934: Lamps // Antioch on–the–Orontes. The Excavations of 1932. Princeton, 58–68.

Wintermeyer U. 2004: Die hellenistischer und frühkaiserzeitliche Gebrauchskeramik auf Grundlage der stratifizierten Fundkeramik aus dem Bereich der Heiligen Strasse. Didyma. 3 Teil. Bd. 2. Mainz am Rhein.

Zabehlicky–Scheffenegger S., Schneider G. 2000: Applikenverzierte Gefässe aus Ephesos // RCRF Acta. 36, 105–112.

Zaitsev Yu.P. 2002: Light and Fure in the Palace of Skythian King Skilur // Fire, light and light equipment in the Graeco–Roman world. BAR International / D. Zhuravlev (ed.) Series. 1019. Oxford, 61–73.

Zelle M. 1997: Die Terra-Sigillata aus der Westtor-Nekropole in Assos. Asia Minor Studien, 27. Bonn.

Zahn R. 1908: Hellenistische Reliefgefässe aus Südrussland // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 23.

Zhuravlev D. 2000: A Skyphos from the House of Chrysaliskos and Pergamene Pottery Import in the Bosporan Kingdom // Ε' Επιστημονικη Συναντησε για την Ελλενιστικη Κεραμικη. Χρονολογικα προβληματα. Κλειστα Συνολα − Εργαστηρια. Πρακτικα. Αφηνα., 269–272.

Zhuravlev D. 2002: Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a short bibliographical survey). In: Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 8. 3–4, 237–309.

Zhuravlev D. 2007: Lighting equipment of the Northern Pontic area in the Roman period: imports and local production // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies / V. Gabrielsen, J. Lund (eds). 6. Aarhus, 209–237.

Zhuravlev D., Zhuravleva N. 2002: Bosporan late Hellenistic multinozzled lamps // Fire, light and light equipment in the Graeco–Roman world. BAR International Series. 1019 / Zhuravlev D. (ed.). Oxford, 1–12.

Zhuravlev D., Zhuravleva N. 2005: Light equipment in the Early Bosporan Kingdom (6th — 5th centuries BC) // Lychnological Acts 1. Acts of the 1st International Congress on Ancient Lighting Devices (Nyon–Geneva, 29.IX — 4.X.2003). (Monographies Instrumentum, Vol. 30) / L. Chrzanovski (ed.). Montagnac, 315–318.

LATE HELLENISTIC POTTERY AND LAMPS FROM PANTICAPEUM: RECENT FINDS

D. V. Zhuravlyov

The paper deals with finds of late Hellenistic pottery and lamps from Panticapeum excavation. It considers main groups of imported relief and red-lacquer ceramics, and local products, such as Bosporan sigillata. Bosporan capital excavation finds cover a wide spectrum of east Mediterranean importers (Syria, Pergamum, Knidos, etc.). Lamps are mainly represented by the production of Bosporan local craftsmen. Multi-nuzzled lamps arouse the greatest interest.

Key words: late Hellenistic ceramics, relief vessels, Megara bowls, lamps, import, local production.

© 2011

А. А. Масленников

ОТТИСКИ ПЕРСТНЕЙ-ПЕЧАТЕЙ И ДРУГИЕ АНЭПИГРАФНЫЕ КЛЕЙМА НА НЕКОТОРЫХ ТИПАХ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ*

При исследовании поселений и усадебных комплексов IV–III вв. до н.э. в Крымском Приазовье (главным образом, на памятнике Генеральское Западное) было найдено 14 оттисков перстней и печатей на стенках и ручках некоторых типов керамических сосудов. Сюжеты этих изображений представляют определённый интерес, как в плане искусствоведения, так и в отношении некоторых вопросов местной экономики и торговли. Это крупнейшая коллекция, происходящая с территории хоры античных центров Северного Причерноморья.

Ключевые слова: оттиски клейм и печатей, памятники искусства, царская хора Боспора.

Прежде всего, скажем, что оттиски гемм (инталий) и иных штемпелей на некоторых керамических изделиях, включая амфорную тару, встречаются не то чтобы совсем редко, но вовсе и не часто. К тому же, как это, несомненно, известно всякому специалисту, главным образом это касается слоёв и комплексов эллинистического времени. По непонятным причинам ни раньше, ни позже эта традиция практически не прослеживается. По крайней мере, это касается северопричерноморских памятников и материалов. Что же до сельской территории, в том числе боспорского государства, то многолетний опыт раскопок автора свидетельствует об этом со всей очевидностью. Причём, всё это простая тонкостенная посуда, не облагороженная чёрно- или краснолаковым покрытием, а также толстостенная и тарная керамика (амфоры, пифосы, лутерии). Неслучайно соответствующие публикации в отечественной археологической литературе стали появляться относительно недавно (фактически первой из них была небольшая работа А. И. Максимовой 1962 г.), оставаясь не особенно многочисленными. Упоминаются такие находки и в зарубежных изданиях, начиная, пожалуй, с 30-х годов прошлого столетия. Они привлекаются в основном для поиска аналогий предполагаемым камеям и инталиям, а также некоторым памятникам классической пластики или для уточнения датировок. Отметим при этом, что почти все эти оттиски были помещены на закрытых малогабаритных сосудах. И это само по себе достойно внима-

Масленников Александр Александрович — доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН. E-mail: iscander48@mail.ru

* Статья подготовлена к печати в ходе работ по проекту «Античный Боспор и археология…», грант РГНФ № 10–01–00161а.

ния, ибо подчёркивает некую камеральность, исключительность, «печать» чего-то личного на таких изделиях. Наконец, не стоит забывать, что всё это — оттиски, т.е. зеркальные отображения оригиналов, причём сделанные не всегда аккуратно и чётко. Отсюда понятные трудности выявления деталей и, следовательно, подчас немалые сложности общей интерпретации изображений. Впрочем, не будем спешить с некоторыми выводами, перейдя к конкретике.

В нашем собрании, образовавшемся более чем за три десятилетия раскопок довольно значительного числа разнотипных и разновременных поселений Крымского Приазовья, таковых артефактов всего 14. Много это или мало? Вообще мало, но в сравнении с другими, в том числе общеизвестными коллекциями, сформированными на основании материалов многолетних исследования боспорских городов, достаточно много. Как уже отмечалось, практически все они (12 экз.) происходят из раскопок большого и очевидно главного усадебного комплекса т.н. царской хоры европейской части Боспора поселения Генеральское (западное). Данный факт, по своему, показателен и, несомненно, как-то подчёркивает значение именно этого памятника. Конкретный контекст этих находок ничем не примечателен: за небольшим исключением (заполнение помещения или двух оборонительных рвов) это массивы весьма насыщенного обломками керамики и прочими находками культурного слоя. По своему происхождению это оттиски гемм (инталий) или, что вероятнее, металлических перстней. Итак, вот наши примеры.

1. 334/1984. (рис. 1. *1*) Ручка амфоры фасосской глины. Оттиск печати с изображением плода граната или, что более вероятно, маковой головки (?). (Выбор зависит от того, как повернуть изображение.) Внешний контур оттиска почти не читается. Но, скорее всего, щиток был овальным. Некрополь урочища Таш-Аллак, случайная находка. Цветок граната, как известно, государственная эмблема Родоса. Плод граната атрибут Деметры-Коры (Персефоны) (Вспомним серийные в коропластике изображения женщин с руками сложенными у груди, в одной из которых плод граната или яблоко.) Маковая головка в античной мифопоэтической и бытовой традиции и практике — олицетворение сна, успокоения, бытовой магии и медицины, один из атрибутов Деметры [МНМ, 1988, т. II, с. 90]. Слабый наркотик, в конце концов. Кажется, то и другое изображения зафиксированы и на обычных фасосских клеймах. В монографии Дж. Боардмана (2001. Pl. 255, p. 231–232) находим прорисовку овального щитка бронзового перстня эпохи классики с изображением маковой «коробочки».

2. 45/1984. (рис. 1. *2*) Основание ручки красноглиняного кувшина. В овальной рамке рельефный оттиск (инталии?), представляющий одноглавого (влево) орла с распластанными крыльями. Нижняя часть хвоста утрачена в сколе. Выделен клюв и частично проработано оперение. Изображение можно считать вполне геральдическим («плоскостное», вытянутое по вертикале, симметричное). Орёл общепринятый символ верховного божества (или одного из божеств), небесной силы, огня и бессмертия, земной власти и могущества. Весьма частый сюжет в греко-римской (особенно классического, эллинистического и императорского времени) глиптике, торевтике, коропластке и нумизматике (орёл, несущий лань, дельфина, осетра; орёл у ног или в руках божества либо правителя и т.п.). Птица Зевса, а позднее эллинистических монархов, Юпитера и римских императоров. Однако именно распластанная (en face) поза для рассматриваемого времени (IV–

III вв.), да и позднее для соответствующей античной сюжетной практики совершенно не характерна. (Прямо-таки поздневизантийская геральдика!) Во всяком случае, в доступных нам изданиях перстней, гемм и их оттисков не удалось обнаружить ни одного такого примера, хотя близкие — изредка встречаются. Например, скарабеоид V–IV в. до н. э. — летящий (вправо) орёл или стоящий (в фас) орёл на молниях времени Птолемея I (каталог Дж. Боардмана, 2001). Но практически полные, хотя и очень редкие аналогии известны среди амфорных клейм северопричерноморских собраний. В частности, на основании ручки амфоры фасосской глины второй четверти V в. до н. э. из Поднестровья и на ручке (без уточнения места), вероятно, также фасосской амфоры из раскопок акрополя Пантикапея в 1959–1964 гг. Два таких же клейма содержатся в неизданном своде Придика. Насколько данная эмблематика характерна именно для тары фасосского происхождения — неясно. Напомним, в нашем случае это кувшин красной, вероятно, местной (пантикапейской) глины. Известны аналогичные оттиски и на глиняных пирамидальных грузилах, в частности, среди находок из Фанагории второй четверти V в. до н.э. (информация А. А. Завойкина).

3. 149/1984. (рис. 1. *3*) Основание ручки красноглиняного кувшина. В круглой рамке рельефный оттиск: колос в венке из плюща. Кажется, каждая ветка плюща с шестью листьями заканчивается цветком (?). (Впервые издано Н. Ф. Федосеевым.) Вряд ли это оттиск геммы или перстня (велики размеры и странен сюжет). В монетной эмблематике эпохи поздней классики и раннего эллинизма отыскать аналогий также не удалось. Вероятно, это специальное клеймо мастера или собственника мастерской. Сами по себе, порознь, изображения веток плюща и колоса (пшеницы?) встречаются достаточно часто: первые в вазописи, вторые в нумизматике и даже коропластике и скульптуре. (Например, известные изображения сидящей Деметры с пучком колосьев на локридской терракотовой пластине и Деметры, скорее всего, передающей колосья Триптолему, на мраморном рельефе из Элевсина. В последнем случае сами колосья, вероятно, исполненные в бронзе, не сохранились.) Но в данном сочетании — не зафиксировано. Плющ, как и лавр, — растения, посвящённые богам, и символы божественного и человеческого величия, славы, достатка и скорби (плющ — Плутос — богатство — Плутон-Аид, а также Дионис и его свита). Колос, увенчанный венком, мог означать изобилие, в том числе урожайность, успех на поприще хлебопашества. Впрочем, это всё не более чем наши фантазии. Гораздо примечательнее очень большое сходство данного оттиска с хорошо известными горгиппийскими (как по месту находки) черепичными клеймами. Впервые на это обстоятельство ещё лет двадцать назад соблаговолил обратить внимание выдающийся современный специалист в области малой керамической эпиграфики Н. Ф. Федосеев. Правда, имеются и различия (размеры, число листьев в венке), но датировка обоих штампов примерно одинаковая. Что же касается именно горгиппийского, как полагает Николай Фёдорович, происхождения кувшина, то нам остаётся только присоединиться к мнению маститого учёного. (Куда более известен весьма схожий оттиск, ставший эмблемой знаменитого издания материалов раскопок Афинской Агоры: панафинейская амфора в центре круга, образованного лавровом венком.)

4. 129/1985. Ручка амфоры синопской глины с круглым оттиском (геммы, перстня ?). (Фото и прорисовка отсутствуют.)

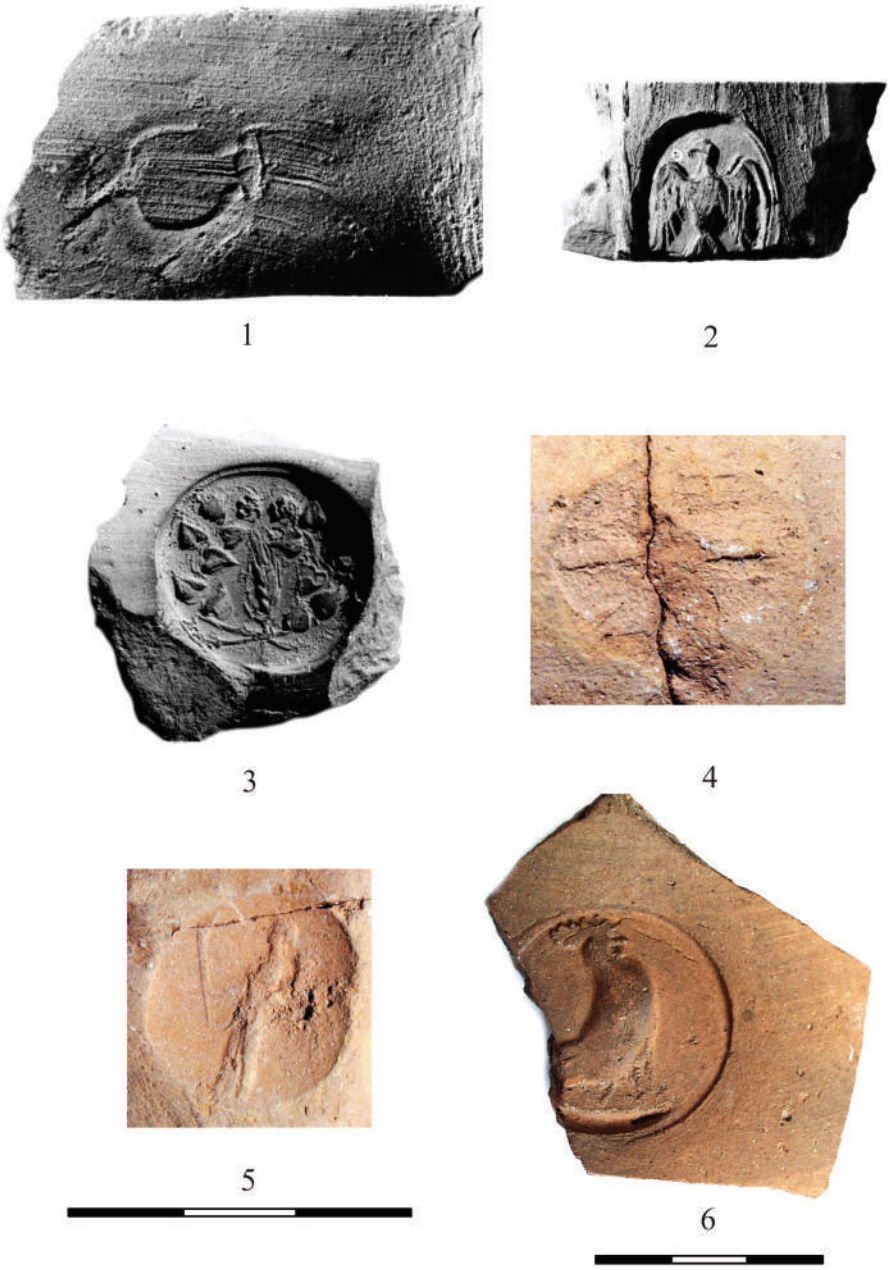


Рисунок 1

5. 209/1887. Ручка амфоры (глина красно-коричневая, рыхлая, с включением известняковых, крупных кварцевых частичек и золотистых блёсток. Центр неизвестен). Оттиск круглой печати (?), вероятно, с изображением стоящей фигурки. (Фото и прорисовка отсутствуют, вернее, находку не удалось отыскать в фондах Керченского музея.)

6. 340/1988. Ручка амфоры неизвестного центра (глина красная, рыхлая, с крупными включениями кварцевого песка, известняка и блёстками). Оттиск перстня с овальным щитком: стоящая мужская фигурка вправо. (Фото и прорисовка отсутствуют.)

7. 341/1988. (рис. 1. *4*) Ручка амфоры (рыхлая, красная глина с блёстками, известняковыми мелкими частичками и песком). Склеена; слом и сколы пришлись почти на середину изображения. Оттиск перстня (?) с широким овальным щитком. В низком рельефе изображён некий предмет: факел, палица? Очень близкая, если не полная аналогия — изображение короткого факела с «перекрестием» на серебряной монете (тетрадрахме) конца V — начала IV вв. до н. э. города Амфиполиса в Македонии. Сохранность оттиска столь плоха, что наличие квадратного поля вокруг факела (как на монете) усмотреть невозможно. Поэтому воздержимся от напрашивающегося предположения и, соответственно, гипотетической принадлежности самой амфоры. Разумеется, факелы в Греции были разной формы и разного назначения. Те, что мы видим на многочисленных сакральных сюжетах элевсинского цикла — тонкие, длинные и прямые, без всякого перекрестия. Может быть, этот тип факела служил чем-то вроде сигнального маяка и должен был гореть долго и сильным пламенем или с ним должны были бежать (поэтому и перекрестие — защита для руки, и пламя явно и сильно отклонено в сторону)? Так и напрашивается аналогия с факелом олимпийского огня, кстати, совсем не беспочвенная: знаменитая гора находится не так далеко от этого города.

8. 342/1988. (рис. 1. 5) Ручка амфоры (глина красная, плотная, однородная, с очень мелкими блёстками и песком, центр неизвестен). Оттиск перстня с широким овальным щитком или геммы (инталии). В центре высокая стоящая женская фигурка влево, по-видимому, в хитоне, с длинным, поднятым вверх факелом в опущенной правой руке. Вверху довольно глубокая трещина. Сюжет женщины (женщин) с факелом наиболее характерен для изображений (в коропластике, торевтике и скульптуре), связанных с тематикой элевсинского круга. Причём факелы чаще поднятые, нежели опущенные. (Опущенный факел — знак траура и скорби, а также момент жертвоприношения у алтаря. Так представляли Гекату, позднее — Диану.) В данном случае это скорее Деметра или Кора (Персефона) либо просто участница элевсинских таинств. Аналогий среди изданных в русскоязычной литературе оттисков найти не удалось. Зато в монографии Дж. Боардмана (2001) приведена золотая монета Кизика IV в. до н.э. с изображением Коры (влево), в обеих руках которой — длинные, поднятые факелы. Вообще говоря, изображения женщины с одним или двумя длинными факелами (как, впрочем, и Афины — Парфенос) на щитках перстней — не бог весть какая редкость. Как правило, это простые и недорогие изделия, встречающиеся даже на такой далёкой окраине античной ойкумены, как полуостров Абрау.

9. 161/1990. (рис. 1. *6*) Стенка ойнохои тёмно-коричневой глины с блёстками. В круглой глубокой «рамке» высокорельефное, чёткое изображение петуха впра-

во. Скол слева; хвост утрачен. Поселение Казантип (западный). Не исключено, что происходит из слоя более раннего, нежели основные постройки поселения, т.е., по крайней мере, второй половины V в. до н.э. Совершенно очевидно, что в данном случае, это именно клеймо — одно из т.н. анэпиграфных клейм на мерных сосудах, известных по относительно редким находкам и ещё более редким публикациям. Примечательно, что все известные нам северопричерноморские артефакты такого рода (Фанагория, Ольвия, Гермонасса, Пантикапей) также датируются временем не позднее IV в. до н.э. Но вернёмся к нашим «баранам». Петух хорош! Грудка «колесом», короткие крепкие лапы, большой, стоящий гребешок: в общем, к драке готов! Сюжет не частый, но и не редкий в греческой вазописи V–IV вв. до н.э.; встречается в коропластике и глиптике, но практически отсутствует в торевтике. (Напомним в этой связи два примера из упомянутого корпуса Дж. Боардмана: раннеэлинистическую призматическую печать с изображением двух готовящихся к схватке петухов из собрания ГЭ, происходящую откуда — то из-под Анапы и овально-круглую гемму конца IV в. до н.э. из Лувра, на которой представлен стоящий (вправо) петух.) Изредка встречается изображение петуха en face и на некоторых монетах, например, сицилийского города Гиммеры (драхмы и дидрахмы конца VI — начала V вв. до н. э.).

Внимание и даже любовь эллинов к этой птице можно объяснить, как минимум, двояко. Во-первых, петух (и это практически повсеместно) — связан с божествами утренней зари и солнца. Он как бы маркирует границу света и тьмы. У греков он также «в свите» Аполлона, Гермеса, Асклепия, Марса, позднее Митры. Но он, как ни странно, связан и с подземным миром. (И тут важен цвет оперения птицы: белый, «красный» или чёрный. Сократ не успел уточнить перед смертью: какого цвета должен быть петух, которого он просил «вернуть» Асклепию. Видимо, это и так было очевидно присутствовавшим. Впрочем, данное место диалога «Федон» допускает и несколько иное толкование этих слов, а, следовательно, цвета оперенья петуха. Асклепий — бог исцеления, а смерть по Сократу: не более чем исцеление от такой болезни, как жизнь.) Напомним в этой же связи ещё раз прекрасные изображения на локридских табличках: петух стоит под креслом, на котором восседают Кора-Персефона и Аид. Первая держит ещё одного петуха и в руке. Во-вторых, это обстоятельство, а также природные данные и особенности поведения, как нельзя более подходили для столь любимых греками (и не только) «камеральных» кровавых забав: петушиных боёв. (Не исключено, впрочем, что таковые собственно и выросли из соответствующих жертвоприношений.) Именно этот сюжет чаще всего и присутствует на упомянутых памятниках искусства. (Данной теме посвящена специальная статья одного из зарубежных исследователей, опубликованная лет тридцать назад в журнале «Revue archeologique».)

10. 77/1993. (рис. 2. *1*) Фрагмент венчика пифоса синопской глины. На верхней плоскости — оттиск перстня (инталии?) с широким овальным щитком (?). Скол справа, скорее всего, не сказался на полноте сюжета. Но местами изображение всё же, как бы смазано, вследствие неудачного приложения перстня к сырой глине. И, тем не менее, оно просматривается вполне уверенно, являя собой прекрасную иллюстрацию к известному монологу известного героя не менее известного фильма. («Верить нельзя никому … мне можно!») Дело в том, что мой старинный друг С. Ю. Сапрыкин в своё время, продемонстрировав недюжинную эрудицию,

посвятил этой находке целую статью. А напрасно. Обращение к первоисточнику и на этот раз оказалось не только полезным, что естественно, но и поучительным. Оттиск рассматривался нами, что называется, в шесть глаз, т.е. со всех ракурсов, при разном освещении и в компании А. А. Завойкина и Н. И. Сударева. Причём мнения «экспертов» полностью совпали. Так в чём же дело? А в том, что первоиздатель оттиска увидел в нём то, чего не было и нет вовсе, соответственно, сделав свои выводы.

Итак, перед нами обнажённая мужская фигурка, стоящая в несколько игривой позе (правая опорная нога прямая, левая, слегка согнутая в колени, отставлена немного назад и опирается на пальцы ступни) возле гермы (справа). Правая рука, также слегка согнутая в локте, отведена назад и прижата повёрнутой тыльной стороной кистью к боку персонажа. Лицо его дано в профиль, но сама голова, как и изображение лица гермы (en face), сплюснуто. Никакого щита, который якобы поддерживает левой рукой «наш» герой, нет. И тем более нет даже намёка на меч (Сергей Юрьевич умудрился разглядеть, что это ксифос), рукоять которого персонаж также якобы сжимает правой рукой. Весьма сомнительно и наличие шлема, тем более украшенного длинными лентами, спускающимися «с лобовой части на грудь». Не узрели мы и бородатой головы гермы, покрытой хламидой, «пожертвованной» главным персонажем и элегантно завязанной на шее под подбородком. Не опирается наш герой локтем левой руки о край (выступ) гермы, а скорее обхватил кистью его голову сзади. (В общем, он всё равно опирается на герму, поскольку иначе стоять «на полусогнутой» трудно.)

Исходя из уведенного им, С. Ю. Сапрыкин полагал, что здесь представлен Арес с гермой Гермеса Пропилея или Диониса — реплика несохранившейся статуи скульптора Алкамена, учителя Кефисодота Старшего, отца знаменитого Праксителя. Впрочем, сам же оговаривался, что «все известные нам произведения, изображающие Ареса и относящиеся к IV в. до н.э., по манере исполнения не совпадают с тем, как он изображён на оттиске печати». Не сильно преуспел он, что неудивительно, и в поисках соответствующих синхронных аналогий в глиптике и торевтике. Впрочем, и наши изыскания в этой области пока не дали результатов. Схожие сюжеты, и прежде всего варианты скульптурных композиций Гермеса с младенцем Дионисом, хорошо известны, но и только. Так что, скорее всего, здесь следует остановиться на варианте «некоего персонажа» у гермы.

11. 99/1993. (рис. 2. *2*) Ручка амфоры фасосской глины с оттиском перстня (геммы-инталии?) с почти круглым щитком. Часть изображения снизу (несколько менее половины) утрачена. Перед нами стоящая или слегка откинувшись сидящая (хотя сидеть в такой позе, см. ниже, как-то сподручнее, чем стоять) мужская фигурка влево перед (на уровне немного ниже головы) вытянутой узкогорлой амфорой. Справа, за плечом персонажа — довольно чётко просматривается маленький рельефный овал: буква О (омикрон) или, что более вероятно, — Ѳ (тхета). Грудь по пояс обнажена, но сзади отчётливо просматриваются складки плаща. Торс развёрнут в три четверти, голова же дана в профиль. Выделяется крупный прямой нос. Волосы, кажется, густые, но не длинные. Наличие небольшой бородки возможно, но не очевидно. Правая рука по локоть прижата к телу. Ей, касаясь кистью подбородка, (как бы в задумчивости) персонаж держит, слегка опираясь, длинный тонкий посох (жезл?) с несколькими (тремя?) небольшими овальными утолщени-

ями по центру. Левая рука, слегка согнутая, отведена назад. Изображение чёткое, в высоком рельефе, хотя виден и брак, допущенный при оттиске (полоса-вмятина поперёк шеи и груди). Хорошо передана мускулатура сильного, пропорционально сложенного тела. Сюжет по своему загадочен. Если это божество, например, Зевс (напомним про букву тхету), то при чём тут амфора? Если это, так сказать, частное лицо, то чем оно заслужило чести быть запечатлённым в такой торжественно-благородной позе? Да и сама амфора, кстати, довольно странная. На все известные нам типы фасосской тары IV–III вв. до н.э. она совершенно не походит. А наиболее близкие аналогии (узкогорлые светлоглиняные амфоры) характерны совсем для другой, более поздней эпохи (I в. до — I в. н.э.). Но, подчеркнём, ошибка в изначальной датировке находки именно раннеэллинистическим временем исключена. Впрочем, III в. до н.э. датируются т.н. расписные (горизонтальные полосы лака и растительного орнамента) амфоры восточносредиземноморского производства. Их пропорции весьма близки «нашему» изображению.

Несомненно, данный экземпляр (оттиск), пожалуй, самый качественный из всех выше и ниже публикуемых, является репликой с какой-то известной скульптуры. Образ верховного божества эллинского пантеона — Зевса тут наиболее подходящий. А амфора …? Ну, всё человеческое, как известно, и богам не чуждо.

12. 68/1994. (рис. 2. *3*) Круглая в сечении ручка амфоры (глина тёмно-бордовая, плотная, покрытая ангобом. Центр не известей). Оттиск перстня (геммы-инталии) с овальным щитком. Достаточно чёткое и детализованное изображение Афины со щитом и поднятым копьём вправо. Богиня, как и принято, одета в длинный хитон с высоко подпоясанной апоптигмой. Высокая стройная фигура (разворот почти в три четверти) слегка, как и положено при броске копьём, «откинута» назад. В левой руке поднят довольно большой круглый, выпуклый щит с широким горизонтальным краем (типичный для VI–V вв. до н.э. щит гоплита). Им, опять-таки как и положено гоплиту, прикрыто левое плечо, вернее, он краем опирается на него. Само копьё занесено для броска (почти в горизонтальное положение), но явно не поместилось в поле щитка перстня или поля геммы. (Неизбежный при такого рода изображениях курьёз: древко копья смотрится как бы за головой, что реально просто невозможно.) Голова в шлеме с открытым забралом или вовсе без него, но с длинным и высоким гребнем (султаном, плюмажем), заканчивающимся тонким свисающим концом. Естественно, она передана в профиль. Шлем явно не коринфского типа и выглядит как-то архаично. Но других «архаизированных» элементов в этом изображении вроде бы нет. В общем, то, что это Афина Промахос — не подлежит сомнению.

Образ Афины, как известно, был весьма и весьма популярным в самых разных сферах античного искусства вплоть до полной победы христианства. Очень часто Афина изображалась во весь рост, вооружённой копьём, в шлеме и со щитом, в величаво спокойной позе. Не редко в её вытянутой руке можно различить фигурку богини победы. Такой сюжет абсолютно господствует среди изображений эллинистической да и римской торевтики, глиптики и особенно нумизматики. Принято считать, что прообраз их — знаменитая статуя Афины Парфенос Фидия. Как выглядела другая статуя Афины, на площади перед храмом, доподлинно не известно. Но до нас дошла полулегенда о том, что блеск её копья (значит, таковое имелось) был виден с кораблей, входивших в гавань Пирея. Зато нумизматика

и вазопись донесли до нас несколько различающихся в деталях образов Афины-воительницы (Промахос). Наиболее часты они на т.н. панафинейских амфорах. Но особенно интересны в этом плане изображения на тетрадрахмах некоторых царей из династии Птолемеев и реже Антигона II. Тут сходство с нашим оттиском или близкое (молнии вместо копья), или почти полное. Что же касается собственно памятников глиптики или торевтики (перстней), то изображений именно Афины Промахос немного, соответственно и аналогий среди изданных оттисков тоже. Но они всё же известны. Пожалуй, самая примечательная — гемма IV в. до н.э. на перстне с большим овальным щитком, опубликованная во всё той же монографии Дж. Боардмана. Полуобнажённая, коленопреклонённая женщина (Кассандра) как бы обнимает правой рукой небольшую статую Афины-воительницы на относительно высоком цилиндрическом и прямоугольном (в нижней части) пьедестале. Богиня представлена вправо (лицом к женщине) в пеплосе; поднятый щит краем лежит на плече; копьё занесено почти горизонтально; шлем с открытым забралом украшен пышным и длинным «султаном». Не исключено: это и есть прямая реплика второй знаменитой статуи Фидия, о которой мы только что упоминали. В том же «собрании» имеется и ещё одно изображение Афины на скарабеоиде. На сей раз богиня (вернее её статуя) изображена en face и как бы идёт на зрителя. Впечатление прямо-таки угрожающее. Датировка та же.

Что же касается возможного центра производства данной амфоры, то А. А. Завойкин любезно проинформировал автора, что аналогичные по глине и форме ручки, скорее всего, принадлежали эолийской красноглиняной таре (амфоры «со стаканообразными ножками»). Причем (с разрешения А. П. Абрамова) сослался и на уникальную находку из Патрея: ручку амфоры с шестью оттисками одного и того же перстня с изображением на щитке Прометея, которого клюёт орёл.

13. 7/2007. (рис. 2. *4*) Основание ручки красноглиняного кувшина с частью (низ утрачен) клейма. В почти круглом оттиске (перстень) изображение орла с распластанными крыльями влево. В отличие от оттиска №2 орёл здесь «приземистый» и скорее в полёте, нежели в геральдически спокойной (и неестественной) позе. Кроме того, он явно что-то держит в когтях, но что — понять невозможно. Зато оперенье крыльев «читается» хорошо. Поиски аналогий привели нас к одной из серий медных пантикапейских монет (медь, обол, около 240–230 гг. до н.э.). Сходство, конечно, неполное, что естественно, но оно всё-таки есть. Другие примеры нам пока не известны.

14. 174/2009. (рис. 2. *5*) Венчик лутерия красной, умеренно рыхлой глины (Гераклея?). Оттиск довольно большой, широкой овальной печати (щитка перстня?) с изображением слегка согнувшейся фигурки человека вправо. (Верхняя правая часть пропечаталась плохо.) Что он делает? Такое впечатление, что… надувает мешок или мех или пьёт из последнего (?). Детали неуловимы, поскольку рельеф весьма низкий. Вообще говоря, для сюжета с мехом больше всего подходит такой персонаж, как силен. Подвыпившие, поджарые и по большей части с залысиной, хвостато-бородатые похотливые старцы нередки в росписях ваз V в. до н.э. (Пожалуй, самый яркий пример — краснофигурный псиктер мастера Дуриса из Британского музея.) На нашем оттиске разглядеть упомянутые детали невозможно, да и пить из меха в такой позе крайне неудобно. Впрочем, чего не «сделаешь», чтобы вписаться в рамки клейма. В целом же сюжет остаётся неясным.

1

2

3

4

5

Рисунок 2

Прежде чем перейти к аналитике, отметим ещё одно общее примечательное обстоятельство. В большинстве соответствующих публикаций, помимо различных тонкостенных сосудов, упоминаются и пирамидальные (ткацкие или рыболовные, что менее вероятно) глиняные грузила с оттисками перстней. Они были встречены при раскопках Ольвии, Херсонеса, усадеб Западного Крыма, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и некоторых других пунктов античного Северного Причерноморья. Но на памятниках Крымского Приазовья не зафиксированы ни разу! Хотя самих пирамидальных грузил здесь найдена чуть ли не сотня. Случайность, таким образом, как будто бы исключается. Почему?

Ну и что же мы имеем? Во-первых, ещё раз отметим совершенно необъяснимую концентрацию рассмотренных находок в одном месте. Ну да, Генеральское (западное) — «центр мирозданья», хотя бы местного. Ну, большой и богатый усадебный комплекс. Ну и что из того? Причём тут клейма и оттиски, вернее, какая прямая связь? Ведь не хозяин же этой усадьбы клеймил всякую посуду. Во-вторых, да: не хозяин. Ведь, понятное дело, клейма и оттиски сделаны на разных сосудах до их обжига, т.е. где-то в другом месте. (Никаких оснований предполагать, так сказать, местное керамическое производство вроде бы нет. Хотя… вспомним о находке именно здесь штампа для клеймения черепицы.) И даже почти всегда где-то «за морем». В-третьих, преобладают всё же амфоры, причём они разных центров. Так называемые дополнительные (сопутствующие) клейма на ручках родосских амфор — явление нередкое. И они весьма разнообразны. Но, как правило, это монограммы, да и в нашем собрании Родос не присутствует. А раз сами сосуды столь различны (амфоры, кувшины, пифос, лутерий, ойнохоя), то и причины их клеймения могут быть неодинаковыми. Вообще вопрос о функциональном назначении таких оттисков, пожалуй, впервые критически и основательно был разобран совсем недавно в одной из публикаций журнала ВДИ. Кратко напомним выводы её авторов, в целом, вполне убедительные, естественно, опуская их аргументацию. Итак:

— анэпиграфные оттиски на некоторых северопричерноморских сосудах не могут свидетельством об их официально мерном назначении;

— не могут они быть и метками владельцев этих изделий;

— это не клейма гончарных мастерских.

Вывод: появление такого рода оттисков — это отражение эпизодической (наше дополнение) практики проверки качества (в том числе стандарта) партии подготовленной к обжигу посуды (керамики) хозяином данной мастерской или иным ответственным лицом. Отсюда: сколько вариантов оттисков того или иного центра производства — столько там синхронно и существовало керамических мастерских. Находки же таких «клейм», и тем более повторные, могут свидетельствовать о мелкооптовой (партиями) торговле. В данном случае: между неким сельским центром и боспорскими городами, а может быть, и напрямую — с некоторыми заморскими пунктами.

В целом с этими положениями можно согласиться, но с некоторыми оговорками. Так, как нам кажется, количество и степень изученности рассмотренных находок ещё недостаточны для уверенных выводов. Представляется, что каждый тип (категория, вид) керамических изделий (амфоры, крупногабаритная тара, мелкие закрытые сосуды и т.п.) имел здесь свою специфику. Причём на одних

ставились только анэпиграфные клейма, на других — оттиски печатей. Некоторые — действительно являлись стандартными мерными сосудами (хои, котилы, ойнохои и др.). Не исключено, что таким образом (в отличие от обычных эпиграфных клейм) помечались те из них (или целые партии), которые предполагалось использовать в качестве вотивов. Отсюда изображения божественных персонажей или их «спутников». В любом случае неоднократно отмеченная концентрация этих находок в одном месте не находит иного объяснения, кроме того, что он действительно был локальным центром, куда поступала и откуда распределялась по прочим пунктам импортная продукция, в том числе и разнообразная керамика. Впрочем, владелец усадьбы Генеральское (западное) мог себе позволить иметь всякую посуду и по всякому поводу. Ну а вообще, данная тема не только не закрывается последними публикациями, но, напротив, скорее открывается ими, предполагая различные варианты трактовок и любопытных (например, в искусствоведческом плане) гипотез.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1997: Античный город Горгиппия. М.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Высокий М.Ф. 2004: История Сицилии в архаическую эпоху. СПб.

Диатропов П.А., Журавлев В.Д. и др. (авт. кол.) 2002: На краю Ойкумены (Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского). М.

Дмитриев А.В., *Малышев А.А.* 2009: Население предгорий северо-западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // Abrau Antiqua. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., 53–74.

Зограф А.Н. 1951: Античные монеты // МИА. 16. М.

Коваленко С.А., *Попова Е.А.* 2011: Оттиски античных гемм и перстней на керамике из раскопок Чайкинского городища в северо-западном Крыму // ВДИ. 1, 45–52.

Кобылина М.М. 1986: Роль традиции в греческом искусстве // ПАК, 23–30. М.

Колпинский Ю.Д. 1977: Великое наследие античной Эллады. М.

Кошеленко Г.А., *Маринович Л.П.* 2000: Судьба Парфенона. М.

Максимова М.И. 1962: Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. 103, 190–194.

Марченко И.Д. 1968: Раскопки Пантикапея в 1959–1964 гг. // Сообщения ГМИИ. Вып. 4. М., 27–53.

Неверов О.Я. 1976: Античные инталии в собрании Государственного Эрмитажа. Л.

Неверов О.Я. 1986: Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная торевтика, 17–27. Л.

Неверов О.Я. 2000: Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье / С.Л.Соловьёва (ред.). Спб., 24–45.

Никулина Н.М. 1981: Керамическое клеймо с головой Афины из раскопок Фанагории // ВДИ. 4, 64–72.

Никулина Н.М. 1994: Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана по материалам глиптики V–IV вв. до н.э. М.

Охотников С.Б. 1990: Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э. Киев.

Сапрыкин С.Ю. 1997: Бог войны Арес на оттиске перстня — печати из Восточного Крыма // ВДИ. 1, 46–60.

Токарев С.А. (гл. ред.) 1987–1988: Мифы Народов Мира. Т. 1–2. М.

Уильямс Д., Огден Дж. 1995: Греческое золото (Ювелирное искусство классической эпохи). СПб.

Федосеев Н. Ф. 1991: Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. 2, 244–248.

Финогенова С. И. 2006: Отпечатки гемм и штемпелей на керамическом материале // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья / Д. В. Журавлёва (ред.). М., 199–206.

Boardman J. 1988: Athenian red figure vase the archaic period. Thames and Hudson. London.

Boardman J. 2001: Greek Gems and finger rings. London.

Higgins R. 1980: Greek and Roman Jewellery. London.

Ogden J. 1992: Interpreting the Past: Ancient Jewellery. London.

Touratsoglou I. 1995: Macedonia (History, Monouments, Museum). Athens.

SIGNET-RING IMPRESSIONS AND OTHER ANEPIGRAPHICAL STAMPS ON POTTERY FROM RURAL SETTLEMENT EXCAVATIONS IN CRIMEAN PRIAZOVYE

A. A. Maslennikov

The study of the 4th — 3rd centauries BC settlements and private plot complexes in Crimean Priazovye (mainly in Generalskoye Western) revealed 14 signet-ring impressions and stamps on sides and handles of some ceramic vessels. The subject of these impressions is of a certain interest from the viewpoint of both art history and local economy and trade. This is the biggest collection from the chora of ancient centers of northern Prichernomorye.

Key words: stamp impressions, art relics, Royal chora of Bosporus.

© 2011

Н. Ф. Федосеев

ПРОИЗВОДСТВО КЛЕЙМЕНОЙ ЧЕРЕПИЦЫ В АНТИЧНОМ МИРЕ И НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

Нигде в античном мире клеймение черепицы не было столь широко распространено так, как в Причерноморье. Практика клеймения в Боспорском государстве выделяется не только разнообразным составом клейм, но и регулярностью клеймения. Это единственный центр в Причерноморье, который не только клеймил черепицу от имени царствующего двора, но и делал это регулярно на протяжении как минимум двух веков. Производство керамики было сосредоточено не только в крупных городах, но и в небольших поселениях. Производство черепицы на Боспоре находилось в частных руках, боспорские династы не владели эргастериями или глинищами. Скорее всего, в клейме зафиксировано имя профинансировавшего постройку. Еще одна группа черепичных клейм — это клейма храмовых построек. Нередко клеймо свидетельствует, для какого здания была предназначена черепица. Наличие штампа с именем царя предотвращало расхищение строительного материала. Боспорская черепица выпускалась не только в Пантикапее, но и на местах. Боспорскую черепицу изготовляли и гончары из других центров, в частности из Гераклеи и, возможно, из Херсонеса. Подобная практика приглашения иностранных мастеров для строительства была широко распространена во всем античном мире. Для клеймения боспорской черепицы, помимо керамических, использовались деревянные штампы. Множество параллелей можно найти в практике клеймения Боспора и Македонии. И эти совпадения не случайны:

Ключевые слова: боспорская черепица, производство керамики, керамида, калиптер, штамп.

Оценка керамического производства на Боспоре невозможна без анализа изготовления черепицы в античном мире, и поэтому предлагаю вниманию читателей этот обзор производства боспорской клейменной черепицы в проекции на другие центры[1].

В Причерноморье черепицу изготовляли во многих центрах: в Синопе[2], в меньшей степени в Херсонесе Таврическом[3], Колхиде[4]. Достаточно подробное

Федосеев Николай Федорович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Керченского историко-культурного заповедника. E–mail: sphp-kk@mail.ru

[1] Данный очерк был подготовлен в период моей работы над каталогом керамических клейм Керченского историко-культурного Заповедника.

[2] Граков 1929.

[3] Кац 1994.

[4] Цицишвили 1948; Цецхладзе 1989; Ахвледиани 1986.

описание черепиц местного производства, найденных при раскопках в Багинете и Мцхеты, даны А. Апакидзе[5], причем рассмотрены вопросы изготовления их как в формах, так и на гончарном круге. На Ванском городище обнаружено более 50 черепичных клейм ΒΑΣΙΛΙΚΗ | ΜΗΛΑΒΗ с дополнительным штемпелем ΟΡΑ ΖΟ. На других клеймах зафиксированы имена ΧΟΡΣΙΠ и ΕΡΜΩ, причем с лунарной сигмой в первом случае и курсивной омегой во втором[6]. Случаи клеймения черепицы известны в Гераклее, Аполлонии[7] и Ольвии[8]. В Ольвии известны две печи I в. н.э. и две конца II начала III в. н.э., где обжигали черепицу. В самих печах и вокруг были найдены бракованные фрагменты изделий, в том числе и керамические полуцилиндрические формы для изготовления калиптеров[9].

Клеймение черепицы в античном мире не было столь широко распространено, как в Причерноморье — клейма на черепице известны на о. Фасос[10], более 100 клейм из раскопок святилища в Додони опубликовала А. Влахопулу-Ойконому[11]. Гомер Томсон обнародовала интересное энглифическое клеймо с западной части афинской агоры (ἱεραν Μητρὶ Θεῶν | Διονύσιος καὶ Αμμώνιος)[12]. Райнер Фельш собрал информацию о клейменой черепице из Центральной Греции, Аттики и Пелопоннеса[13]. Из разного рода изданий была собрана информация о 147 клейменой черепице выполненной 69 различными штампами. В упомянутом каталоге большая часть черепицы содержит анэпиграфные оттиски. Особый интерес представляют клейма ΕΡΜΑΙΟΣ из святилища Артемиды около Калапиди конца V в. до н. э.[14] и находка в Коринфе черепицы с изображением сфинкса[15]. На самом Хиосе известно клеймо на черепице, которое повторяет монетный тип 190–160 гг. до н. э.[16] Очень редки клейма с именем керамевса из Метапонта[17]. Специальное исследование, посвященное керамической крыше Артемисиона в Эфесе, было опубликовано австрийскими учеными[18].

Достаточно представительную выборку черепичных клейм из Приены опубликовали Т. Виганд и Х. Шрёдер[19]. Внимание привлекают листовидные по форме клейма (рис. 1.2), а также клейма со словом ΠΟΛΕΩΣ (рис. 1.1, 1.2).

---

[5] Апакидзе 1968.
[6] Tsetskhladze 1991, 369–370, abb. 4.
[7] Дремсизова 1961, 321–363, № 1103–1105.
[8] Vinogradov, Kryzizkij 1995, fig. 83.13.
[9] Ветштейн 1958, 65–71; 1975, 175–177.
[10] Lenger 1957; Garlan 2001.
[11] Vlachopoulou-Oikonomou 1994.
[12] Thomson 1937, 192 fig. 118.
[13] Felsch 1990.
[14] Похожее клеймо есть в боспорской керамической эпиграфике.
[15] Felsch 1990, 307, 320, № 4, b fig. 55.
[16] Boardman 1956, 51, 53, fig. 8,15.
[17] Lo Porto 1988–1989, 402–403.
[18] Schädler, Schneider 2004.
[19] Wiegand, Schrader 1904.

Рис. 1. Черепичные клейма Приены (Antikemuseum, Berlin)

Для изучения производства черепицы огромный интерес представляет мраморный образец лаконской черепицы (рис. 2), выставленный в юго-западной части афинской агоры, где находились общественные здания — булевтерион, метроон, толос[20]. Схожий известняковый образец калиптеров лаконского типа обнаружен был в 1960 году на агоре Мессении (рис. 3)[21].

Существовал ли аналогичный метрический образец на Боспоре — вопрос остается открытым. На мой взгляд, это допущение более чем вероятно.

Г. Финкельштайн считает, что клеймение черепицы свидетельствует о ее стандартизации, соответствии линейному эталону[22]. Он также задает вопрос: гарантировали клеймо еще и качество и надежность черепицы?

[20] Stevens 1949.
[21] Музей Мессении, №AEM273.
[22] Finkielsztejn 2006, 30.

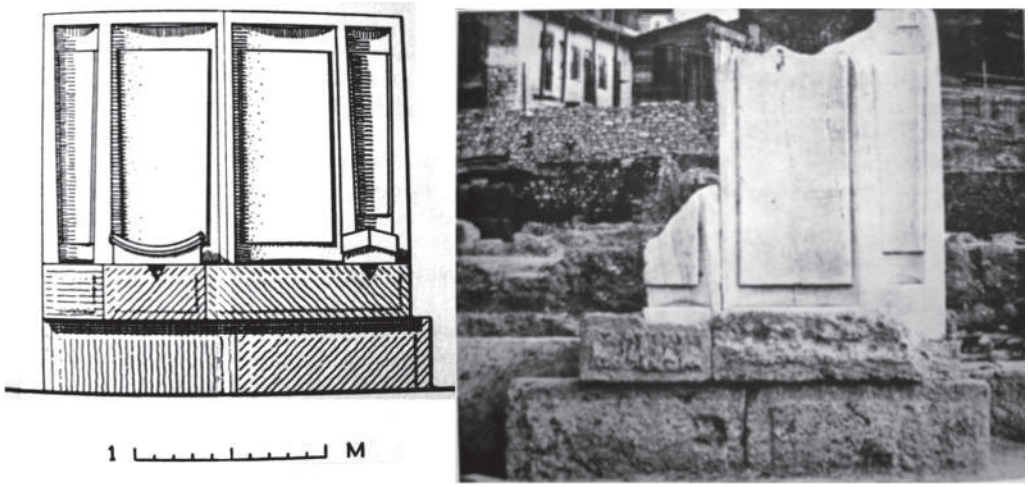


Рис. 2. Мраморный образец черепицы на афинской агоре по Г. Стевенс (по Stevens 1949)

Рис. 3. Известняковая модель черепицы из Мессении

Монографическое исследование производству черепицы в Коринфе было проведено Глорией Меркер[23]. Самый ранний комплекс находок относится еще к архаическому времени (рис. 4). Характерно, что печь для обжига имела квадратную форму и два продуха.

[23] Merker 2006.

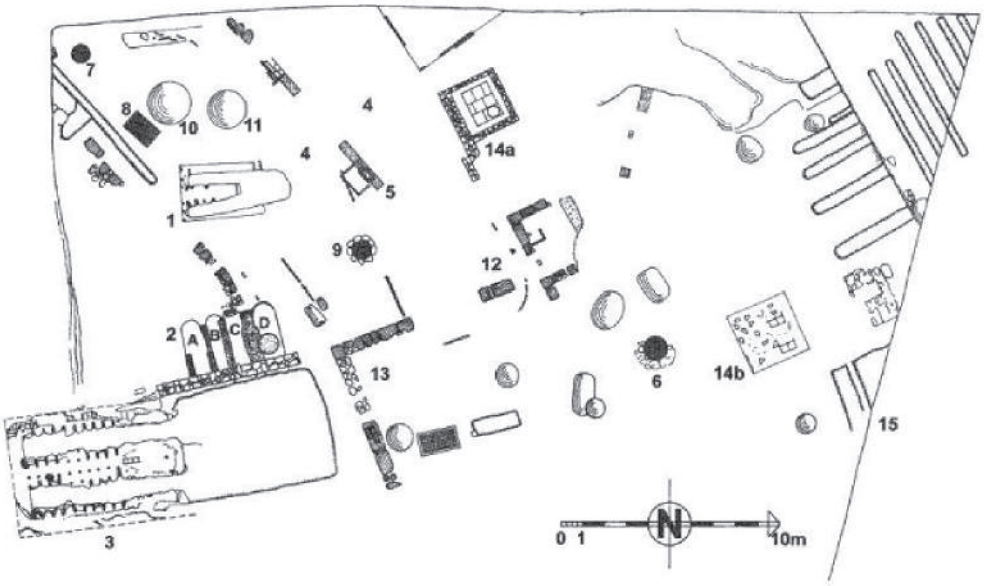


Рис. 4. План мастерской черепицы в Коринфе. Раскопки 1939 г.
(по Merker 2006, fig.3)

Мария-Франсуаза Билло предприняла попытку проанализировать производство и распространение черепицы в греческом мире[24]. Она рассмотрела различные вопросы, связанные с черепичным производством: наименования гончаров, производивших черепицу, цели клеймения, попыталась рассчитать коэффициент клеймения, стоимость черепицы[25], количество рабочих при мастерской.

В целом, подняв целый пласт вопросов черепичного производства, она пришла к выводу, что цель и система клеймения не известна даже для таких центров как Синопа, Херсонес, Гераклея и Фасос, где клеймение черепиц существовало параллельно с клеймением амфор.

Автор делает вывод, что достаточно трудно получить достоверную картину организации производства черепицы, отношений гончаров с клиентами (частными покупателями, городскими магистратами и строителями храмов) и, как следствие, вопросы торговли и транспортировки черепицы. Возможно, это исследование было бы более глубоким, если бы автор привлекла для анализа боспорские черепичные клейма — отсутствие каких-либо ссылок на русскоязычные работы свидетельствует о незнании автором многочисленной литературы по этому вопросу.

Во всем греческом мире были распространены клейма на черепице с надписью ΔΗΜΟΣΙΟΣ и ΔΗΜΟΣΙΑ. В IV в. до Р.Х. массово клеймилась черепица: в Иллирии, Пергаме и Македонии, в особенности в Пеле. В Иллирии черепичные клейма известны в Аполлонии и в городе Димала (III–II вв. до Р.Х).

[24] Billot 2000.

[25] В зависимости от места и времени изготовления цена черепицы колебалась от 1 обола до 1 драхмы.

Множество параллелей можно найти в практике клеймения Боспора и Македонии. И я полагаю, что эти совпадения не случайны: связи с Македонией пока изучены слабо, но есть все основания полагать, что Македония и Фракия оказывали большое влияние на политическую жизнь Боспора.

С боспорской черепицей македонские клейма объединяют штампы ΒΑΣΙ ΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ. В Пергаме существовали клейма с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΕΩΝ[26]. Это в свое время позволило Б. Н. Гракову предположить, что боспорские клейма экспортировались в Пергам, на что решительно возразил В. Ф. Гайдукевич[27]. Пергамские клейма, в отличие от боспорских, — энглифические и расположены на передней грани[28]. Царская черепица была найдена также и в Спарте.

Рис. 5. Клейма македонского города Пеллы

Помимо клейм с именем полиса ΠΕΛΛΗΣ (рис. 5), множество имен на черепичных клеймах Македонии принадлежит царской семье. Н. Калцас разделил все черепичные клейма на:

а) монограммы: (ΒΑ|ΦΙ, ΜΥ, ΒΑΣΙ|ΑΝΤΙ, ΦΙ);

б) имена: (ΒΑ(-) ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ, ΒΑ(-) ΜΕΓΑΛΟΚΥΣ, ΒΑ(-) ΝΙΚΟΛΑΥ, ΒΑ(-) ΣΩΣΙΑ, ΒΑ(-) ΑΡΙΣΟΝΟΥ, ΒΑ(-) ΑΤΤΑΛΟΥ, ΒΑ(-) ΕΥΑΡΧΟΥ, ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ, ΠΡΕΥΡΑΤΟΥ, CYPOY, ΒΙΛΟΥ;

с) разные: (ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ, ΠΕΛΛΗΣ, ΒΑΣΙΛΙΚΑ).

Лишь однажды в Пелле была найдена черепица с надписью ΔΗΜΟ(ΣΙΑ)[29]. Ретроградные клейма ΒΑΣΙΛΙΚΑ из Пеллы датируются началом III в. до н. э.[30]

[26] Schuchhardt 1895, 399.
[27] Гайдукевич 1934, 281.
[28] Гайдукевич 1934, рис.77.
[29] Καλτσας 1988.
[30] Touchais, Hubert, Philippa-Touchais 2000, 913, fig. 163.

Черепичные клейма находят и в Афите (ΑΦΥΤΙΣ)[31]. Из Флорины происходит черепичной клеймо ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΙΛΙΠΠΟΥ, которое, согласно Г. Бакалаки, принадлежит Филиппу II[32]. Интерес представляют выводы Н. Калцаса: большинство черепиц с ΒΑΣΙΛΕΩΣ и ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ найдены на хоре Пеллы относятся к царским мастерским. В противовес им черепица с клеймом ΠΕΛΛΗΣ принадлежит эргастерию Пеллы, и, вероятно, его следует рассматривать как синоним клейму ΔΗΜΟΣΙΑ и боспорскому ΠΑΝΤΙ. К сожалению, керамический материал Северного Причерноморья греческому исследователю не известен.

Другой македонской столице Эги (Αἴγαε) принадлежит несколько оттисков клейм с изображением козла (αἴγαε). Эти оттиски имеют аналогии с монетами Александра I (ок. 480 г. до н. э.)[33]. Черепичные клейма с легендой ΒΑΣΙΛΙ[ΚΑ?] известны в Аканфе[34]. Интересный отпечаток клейма с изображением сатира и цветка лотоса на керамиде был найден в Калликратее[35]. Черепичное клеймо с надписью ΑΠΟΑΓ зафиксировано в Византии[36].

Тринадцать различных имен обнаружено на 150 клеймах, которые были найдены при исследовании эллинистических слоев Феры в Фессалии[37]. Некоторые клейма содержали слова ΠΟΛΕΩΣ или ΦΕΡΑΙΩΝ ΠΟΛΕΩΣ. Интересен ономастический анализ исследовательницы: имена, представленные на фессалийской черепице, могли принадлежать как членам знаменитых богатых семей, так и простым гражданам и даже метекам. Автор упоминает неизданную черепицу из Амфиполиса, где помимо имен двух магистратов есть ΚΕΡΑΜΕΩΣ | ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΔΟΥ. Поскольку на фессалийской черепице упоминается лишь тринадцать имен для периода более чем в 300 лет, автор публикации предположила, что эти имена принадлежали владельцам мастерских, а не магистратам. Более того, производители черепицы, в отличие от других гончаров (например, изготовителей ваз), играли значительную общественную роль в жизни города.

Самая большая известная печь для обжига черепицы IV в. до н. э. найдена в Греции, близ храма в Немее. Печь прямоугольная, 4,1x4,6 м, где одновременно могло обжигаться 140 керамид. Учитывая, что для храма было необходимо 3650 керамид и калиптеров, а также то, что для загрузки-обжига-разгрузки необходимо 8 дней, то для обжига только керамид потребовалось бы минимум 250 дней, а с учетом того, что калиптеры занимают в печи треть места от керамид, общее время производства составило бы 335 дней[38].

Интересное исследование, посвященное реконструкции черепичной крыши и производству черепицы лаконского типа V в. до н. э. при помощи деревянных форм, опубликовал Герхард Хюбнер[39].

Важное наблюдение сделала А. Дулгери-Интзесилоглу: некоторые гончары могли путешествовать в поисках новых рынков для своей продукции. Собственно

[31] Μιχαηλιδου-Δεσποτιδου 2006.
[32] Μπακαλακης 1934, 104–112, 111.
[33] Δρούγου 2004; Δρούγου 2003, 557 εικ. 3.
[34] Τρακοσοπουλου 2004, πιν. 228β.
[35] Μπιλόυκα, Γράκος 2004, 383 εικ. 3.
[36] Łajatar 2000, 84.
[37] Doulgeri-Intzesiloglou 1998.
[38] Billot 2000, 212.
[39] Hübner 1997.

же клеймение — это гарантия качества продукции, впрочем, для кого эта гарантия: для покупателей или для контроля налогообложения, автор оставила вопрос открытым.

В целом, клейменая черепица в античном мире — результат акции какого-либо строительства, инициированного чаще всего царским двором. Нередко клеймо свидетельствует, для какого здания (чаще всего святилища) была предназначена черепица. Для Боспора можно утверждать, что царская черепица не предназначалась для продажи, а использовалась только для царских или сакральных построек. Аналогичны образом Карл Шухгардт считал, что в Пергаме черепица с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΒΑΣΙΛΙΕΩΝ принадлежала царскому дворцу[40]. Наличие царского штампа (или штампа с именем царя) предотвращали таким образом расхищение строительного материала. В этой связи весьма интересно колхидское черепичное клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ | ΜΗ ΛΑΒΗ, то есть «Царская, не трогать!» Второе клеймо на таких черепицах (ΟΡΑΖΟ), видимо содержало имя мастера.

Редкость черепичных клейм, по мнению И. Гарлана, в отличие от клеймения амфор, которые предназначались для экспорта и этнической идентификации, объяснятся распространением черепицы, прежде всего, внутри территории производства[41]. О регулярном (на непродолжительное время) клеймении можно говорить только для македонской черепицы. Другим центром, представившим разнообразный набор черепичных клейм, была Димала в Иллирии. Эти клейма опубликованы на страницах албанского журнала Iliria. Из множества статей назову лишь публикацию клейм Неритана Цека[42], Бурхана Даутая[43]. Из особенностей клейм иллирийской черепицы отмечу сложные монограммные надписи и двойные линии, ограничивающие надпись сверху и снизу, аналогично боспорскому клейму с именем Диотима.

Клейма Аполлонии практически все энглифические (лишь клеймо с буквой А рельефное), и выполнены они штампами прямоугольной или круглой формы. Опубликовано 16 штампов: Α, ΑΙ, ΙΑ, ΑΤ, ΦΗ с лигатурой, ΣΤ, ΣΤΡ, ΗΡΑ, ΜΡΑ лигатурой, ΘΕΥ, ΒΟΤ, ΣΩΚ, ΑΡΙ, ΑΠΟΛ, ΠΟΣΙ и якорем. Клейма представляют собой монограммы, составленные из первых букв собственных имен, по-видимому, изготовителей черепицы. Поскольку якорь является παράσημον Аполлонии, то черепица с этой эмблемой изготовлялась в государственной мастерской. Вся черепица датируется IV–III вв. до н. э.

При разнообразных свидетельствах керамического производства в Северном Причерноморье керамическая печь для изготовления собственно черепицы предположительно была обнаружена при раскопках Себастополиса в районе Сухумской крепости[44]. Эта информация, широко повторенная в различных работах, была опровергнута С. Ю. Внуковым. По его мнению, этот комплекс представлял обычную мусорную яму с золистым заполнением и с большим количеством фрагментов самой разнообразно керамики, в том числе и амфор с клеймами ΔΙΟΣ|ΚΟΥ[45].

---

40 Schuchhardt 1895, 395.
41 Garlan 2000, 168.
42 Ceka 1982.
43 Dautaj 1972; 1994.
44 Трапш 1963.
45 Внуков 2006, 99.

Классификация черепицы и кирпичей позднеантичного времени, обнаруженных при раскопках Себастополиса в Сухуме, дана в статье А. Н. Габелии[46].

На фоне производства черепицы в античном мире практика клеймения в Боспорском государстве выделяется не только разнообразным составом клейм, но и регулярностью клеймения. Это, пожалуй, единственный центр в Причерноморье (кроме Колхиды[47]), который не только клеймил черепицу от имени царствующего двора, но и делал это регулярно на протяжении как минимум двух веков. По подсчетам В. Д. Блаватского, крыши Пантикапея должны были устилать около 4 000 000 боспорских черепиц, а потребности всех боспорских городов должны были удовлетворить 20–25 миллионов черепиц. Такое количество черепицы за период в два века могли изготовить 100 рабов[48]. В боспорском эргастерии работало около 10 человек, только для периода изготовления черепицы с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ/ ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ В. Д. Блаватский допускает участие в изготовлении более сотни людей. Такой вывод, основанный лишь на численном превосходстве этих клейм, на мой взгляд, представляется надуманным.

При отсутствии явных следов керамического производства следы изготовления черепицы на территории Боспора все же можно найти. Подробная сводка данных о боспорском керамическом производстве дана в «Своде археологических источников» [САИ]. Здесь же представлен довольно обширный обзор керамических печей Боспора, однако следов производства черепицы нигде зафиксировано не было. Существование «черепичного завода», остатки которого открыл К. Е. Думберг в 1898 году на склоне горы Митридат, категорически было опровергнуто В. Ф. Гайдукевичем. Он основывался на личном осмотре описываемого места: «Никаких признаков обжигательной печи в действительности нет; сохранившиеся три бутовые стены являются остатками постройки, не имеющей в себе решительно никаких признаков, на основании которых можно было бы признать ее за обжигательную печь»[49]. Действительно, само расположение «печи» Думберга — в непосредственной близи от акрополя Пантикапея, среди плотной жилой застройки — делает предположение К. Э. Думберга маловероятным.

Находки черепицы в различных боспорских городах заставили исследователей искать центр производства в одном из этих городов. Впервые этот вопрос был поставлен еще В. В. Шкорпилом, однако ясного ответа он дать не смог. Сначала он склонялся в пользу Фанагории[50], позднее, основываясь на клеймах с надписью ΠΑΝΤΙ (рис. 6), предположил, что центром черепичного производства на Боспоре был Пантикапей[51]. В. Ф. Гайдукевич, раскритиковав первое предположение В. В. Шкорпила, высказал мнение о возможности одновременного изготовления клейменой черепицы в обоих этих центрах. Впрочем, клеймо с надписью ΠΑΝΤΙ было упомянуто еще в книге Х. Х. Гиля[52]. Е. М. Придик в рукописи корпуса керамических надписей северного Причерноморья поместил клеймо с надписью ΠΑΝ

[46] Габелия 2003.
[47] Чкония 1986, табл. 27.
[48] Блаватский 1959, 46–47.
[49] Гайдукевич 1934, 221.
[50] Там же, 219–220.
[51] Шкорпил 1911, 33–34.
[52] Giel 1886, 41.

TI среди клейм неизвестных центров, а не среди клейм боспорских черепиц[53]. По мнению Д. Б. Шелова, «не может быть сомнений в том, что черепица с таким клеймом была изготовлена в пантикапейских черепичных мастерских, находившихся либо в самом городе, либо в его окрестностях»[54]. Последнее предположение представляет особый интерес, поскольку один их оттисков клейма ΠΑΝΤΙ был найден при раскопках Загородной усадьбы. Как и большинство встреченных здесь клейм, оно отличается от большинства боспорских черепичных клейм цветом глины и прочностью, что заставляет меня предположить, что данный оттиск стоял на черепице, изготовленной в окрестностях Пантикапея, там же, где и другие черепицы для Загородной усадьбы. Вероятней всего, что черепичная мастерская находилась в непосредственной близи от самой Загородной усадьбы.

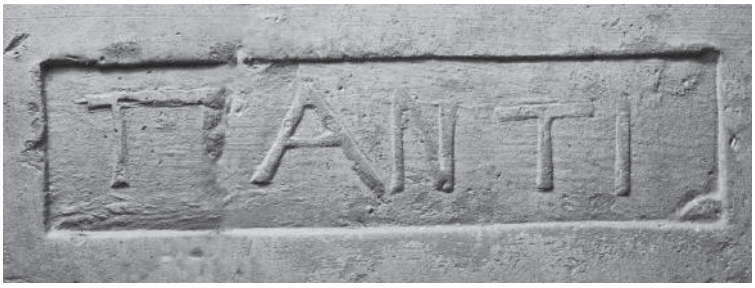


Рис. 6. Клеймо из раскопок Загородной усадьбы, г. Керчь. (Керченский музей)

Д. Б. Шелов, анализируя оттиск с ΠΑΝΤΙ, предположил, что в силу каких-то причин Спартокиды вынуждены были допустить некоторое возрождение традиций полисной автономии, одним из проявлений которого могло быть, хотя и весьма непродолжительное время, клеймение черепицы от имени городской общины[55].

После публикации Свода строительных керамических материалов (САИ) следует упомянуть небольшую, но ценную по своим выводам статью Н. И. Сокольского о гончарном производстве в Азиатской части Боспора[56]. Наиважнейшим является вывод о том, что производство керамики было сосредоточено не только в крупных городах, но и в небольших поселениях. По мнению автора, как в городах, так и в сельских поселениях, керамическое производство было товарным[57]. Обзор известных печей для обжига керамики на Боспоре содержится в работе Е. Пономаренко[58]. Краткий обзор керамического производства на Боспоре представила в своем докладе М. М. Ахмадеева[59], который она опубликовала полностью под тем же названием[60]. Боспорская керамика II–I вв. до н. э. привлекала

[53] Придик 1934.
[54] Шелов 1954, 122.
[55] Там же, 123.
[56] Сокольский 1969.
[57] Сокольский 1969, 67.
[58] Пономаренко 1999.
[59] Ахмадеева 2010.
[60] Ахмадеева 2010а.

внимание Д. В. Журавлева[61]. Производству керамической тары для рыбных промыслов Боспора был посвящен мой в соавторстве с А. В. Куликовым доклад[62].

Сейчас очевидно, что в боспорских городах существовали специальные участки, предназначенные для производства керамики. В Пантикапее гончарные печи концентрировались на пятой террасе, где, по всей видимости, проходила граница акрополя Пантикапея. В Горгиппии керамик располагался на юго-западной окраине, где был исследован участок с печами разного периода на площади 400 м^2. Характерно, что на данном участке следов производства черепицы не выявлено[63], в то время известно, что с середины IV века до н. э. в Горгиппии начинается собственное производство черепицы[64], клейменой именем Горгиппа[65].

По данным владельца хутора П. П. Семеняки, который находился на городище Фанагория, были обнаружены четыре большие гончарные печи. Позже в юго-восточной части городища исследован целый квартал, где было налажено керамическое производство[66].

По описанию И. Б. Зеест, «фанагорийская черепица отличается от пантикапейской иной глиной, свойственной керамическим изделиям этого центра, и некоторыми особенностями формы. Фанагорийский солен тоньше пантикапейского (до 2 см и тоньше). Выступающий вдоль верхнего края валик, служащий для сцепления с вышележащей черепицей, помещен близко к краю (1,5–2 см от него), в то время как на пантикапейских соленах он обычно отстоит на 4–5 см от края. Валик невысок и в соответствии с этим на вышележащем солене «зуб» для сцепления тоже менее выдается, чем на пантикапейских. Его высота (вместе с толщиной плиты) 4,7 см. Борта фанагорийского солена, имеют высоту 5–5,5 см, ширина не превышает 2,2–2,6 см»[67].

Кроме того, И. Б. Зеест описывает черепицу, которую относит к продукции Гермонассы: «солены, толщиной 2 см, отличаются светло-коричневой чистой глиной. Характерная особенность — сравнительно тонкие борта (менее 2 см) при высоте 5 см. Валик для сцепления низкий и отстоит от края на 2,5–3 см»[68].

Описание гончарных печей на городище Нимфей, служивших для обжига терракот, грузил и даже амфор, дано в статье О. Ю. Соколовой[69]. Сведений об изготовлении черепиц в Нимфее нет. Между тем, мне известен фрагмент бракованной черепицы, найденной в Нимфее.

Находка черепичного клейма с надписью ΠΑΝΤΙ и клейма с той же надписью на горле простого тонкостенного сосуда позволило И. Т. Кругликовой поставить вопрос о керамическом производстве в Пантикапее[70]. Сравнивая образцы известных клейм с глиной клейма ΠΑΝΤΙ, автор отмечает, что визуально состав

---

61 Журавлев 2010.

62 Куликов, Федосеев 2010.

63 Алексеева 1997, 168.

64 Глина горгиппийской черепицы темно-оранжевая, насыщенная кварцевым песком, поверхность часто имеет серый закал, обусловленный условиями обжига.

65 Алексеева 1997, 198.

66 Кобылина 1953; 1956; САИ, 19.

67 Зеест 1955, 118.

68 Зеест, 118.

69 Соколова 2001.

70 Кругликова 1955.

глины черепицы и сосуда незначительно отличаются. На основе внешних данных И. Т. Кругликова отнесла к производству Пантикапея лишь незначительную группу клейменой черепицы[71]. С этим не согласился В. Ф. Гайдукевич, отмечая, что при наличии характерных признаков, свойственных основной массе черепиц, встречаются достаточно значительные отклонения от «стандарта»[72].

Интересны наблюдения И. Т. Кругликовой о боспорской глине. Так, к Пантикапею И. Т. Кругликова отнесла три группы пирамидальных грузил, различия в тесте которых автор считала результатом различных условий обжига. Еще одна группа грузил из рыхлой, пористой глины оранжево-красного или коричневого цвета, по мнению автора, изготовлялась не в Пантикапее. Подобные различия можно зафиксировать и на боспорской черепице.

Таким образом, керамическое производство на Боспоре было чрезвычайно разнообразным, и продукция (в том числе и черепица) характеризуется вариабельностью составом теста керамики. Особенно важным является вывод о наличии керамического производства не только в городах, но на сельских поселениях. Остатки керамического производства обнаружены при исследовании боспорской хоры: в примыкании косы Чушки в откосе холма, с полевой стороны В. В. Веселов обнаружил в разрезе вертикальную цилиндрическую печь, по-видимому, когда-то служившую для обжига глиняной посуды. Высота печи от дна (завалено) до верха около 2,5 м. Верхний диаметр ~ 1 м. Нижний (на уровне земли) ~ 1,25 м. Толщина стены печи в верхней части около 0,18 м. По наружному виду можно судить, что печь эта была сложена из кирпичей. Размеры одного кирпича можно было проследить: длина 0,33 м, ширина 0,18, высота 0,14–0,15 м. По-видимому, кирпичи не были стандартного размера. Стены печи имеют цвет розовой обжаренной глины, обжиг заметен и в прилегающем глиняном грунте. Пористость обожженных стенок печи свидетельствует и то, что они были сложены из кирпича с примесью растительного материала (солома, бурьян), который под действием огня выгорел[73]. Данных об обжиге черепицы в данной печи нет.

Изготовление калиптеров зафиксировано как минимум в двух печах I в. до н. э. и I в. н.э. на городище Артезиан[74]. Находки 2009 года говорят о сохранении гончарного производства и в позднеантичный период[75]. Непосредственно в печах бы обнаружены сильно обожженные формочные болванки калиптеров, а рядом раскопана грушевидной формы яма с заполнением смеси мелко истертого шамота, известняка и гипса, который, по мнению автора раскопок, использовался в качестве отощителя при производстве черепицы. Н. И. Винокуров провел аналогии между составом заполнения этой ямы и найденными на городище черепицами. Характерно особенностью ее является рыхлая структура со средне- и крупно-зернистой глиной. Цвет колеблется от светло-коричневых до красно-бурых тонов, иногда с бурым ангобом. Н. И. Винокуров полагает, что артезианская черепица была дорогостоящей продукцией и производилась не только для нужд жителей городища Артезиан, но и на продажу.

---

[71] Кругликова 1955, 28.
[72] Гайдукевич 1958а, 123.
[73] Веселов 1952, 80.
[74] Винокуров 1998, 44–45.
[75] Винокуров 2010, 93.

Весьма возможно, что комплекс черепицы лаконского и пергамского типа, которой был перекрыт сакральный комплекс «Вестник» на Таманском полуострове[76], изготовлен где-то там же, в округе этого здания. Черепицу этих двух типов отличает единый состав глины, отличный от фанагорийской и горгиппийской глины. Не исключено, что эта черепица может оказаться самой ранней на Боспоре, поскольку сооружения здания датируется концом VI — началом V века до н. э.

Рис. 7. Керамический брак из раскопок комплекса на поселении Заветное V в 2006 году. (Раскопки Л. Г. Шепко и С. Л. Соловьева)

Интересные артефакты производства черепицы были обнаружены в 2006 году при исследовании комплекса поселения Заветное V[77]. Не исключено, что раскопанный комплекс так же являлся печью, в заполнении которой найдены многочисленные кирпичи и фрагменты бракованной черепицы (рис. 7).

Этот керамический сброс свидетельствует о существовании поблизости самих печей. Очевидно, что обнаруженные кирпичи являются частью конструкции печи, а не предназначены для строительства. Такие же кирпичи были обнаружены и в гончарной печи Херсонеса[78]. Тем не менее, мы должны констатировать, что, за исключением Артезиана, гончарных печей для изготовления черепицы на Боспоре пока не выявлено.

[76] Чевелев, Кашаев, Сударев 2011.

[77] Я благодарю С. Л. Соловьева и Л. Г. Шепко за знакомство с новейшими археологическими материалами.

[78] См.: САИ, табл. 11.

Черепица изготовлялась, несомненно, в специальных деревянных формах[79]. Такая форма (τὺπος ξύλινος κεραμίδων) упоминается в инвентаре Делосского храма. Я полностью разделяю это мнение В. Ф. Гайдукевича, поскольку простой визуальный осмотр боспорских черепиц не оставляет сомнений в использовании деревянных формы. Деревянные рамы (πλινθεῖα) применялись и при изготовлении кирпичей[80]. Подробно методы изготовления черепицы описана в той же работе В. Ф. Гайдукевича и я не считаю необходимым повторяться. Отмечу только, что, по данным Керченской научно-исследовательской лаборатории по изучению строительных материалов и грунтов, боспорские черепицы выдерживают нагрузку свыше 200 кг на кв. см, что соответствует лучшим сортам современного строительного кирпича.

Находка керамического брака на территории поселения Заветное 5 позволяет утверждать, что черепицу не только транспортировали, но и изготовляли на месте. Так, при сооружения святилища в Элевсине некий Сим изготовил партию черепицы где-то поблизости от места стройки[81]. При строительстве храма Зевса в Немее черепица также изготовлялась на месте[82]. Мария-Франсуаза Билло упоминает о трех случаях присутствия гончарных печей прямоугольной формы[83]. Более того, она отмечает случаи, когда приглашенные гончары выполняли работу на месте, используя традицию свои родины[84].

Особенно это было выгодно при сооружении монументальных зданий вдали от города. Примером этому может служить комплекс черепичных клейм поселения Генеральское западное на азовском побережье Керченского полуострова. За последние годы раскопок там было обнаружено более 500 черепичных клейм, большинство из которых принадлежит одному типу — листовидное, с эмблемой «канфар» внутри и надписью ΒΑ-ΚΙΔ по двум сторонам клейма. Это одна из самых крупных коллекций боспорских клейм одного штампа. Несомненно, вся эта клейменая черепица предназначалась для строительства крупной усадьбы, которую автор раскопок А. А. Масленников[85] справедливо относит к царской собственности. Доказательством того, что черепица производилась на месте, служит находка штампа на поселении в 2005 году. На заглаженном торце амфорной ручки херсонесского (?) производства вырезана монограмма ΘΕ([86] (рис. 8). Публикация этой находки была осуществлена А. В. Ковальчук[87].

К сожалению, А. В. Ковальчук не определила центр производства амфоры, ручка которого была использована для изготовления описываемого штампа. Автор датировала слой, где был найден штамп, 80–30 гг. IV в. до н. э.[88], опираясь

[79] Гайдукевич 1934, 232.
[80] Кузнецов 1989, 136.
[81] Кузнецов 1989, 144.
[82] Miller 1975, 164.
[83] Автор пришла к выводу, что овальные или круглые гончарные печи для изготовления черепицы не пригодны. Billot 2000, 212.
[84] Billot 2000, 234.
[85] Масленников 1998, 58–59; 2001.
[86] ВКАЭ 2005, Кв. 93–93/ шт.2.
[87] Ковальчук 2006.
[88] «последней третью-четвертью IV в. до н.э.» (Масленников 2010, 293).

на обнаруженные в этом же слое амфорные клейма, однако в восстановлении их легенд автор допустила ряд ошибок.

Анализируя присутствие знака сокращения на штампе, А. В. Ковальчук предприняла попытку классифицировать все знаки сокращения в боспорских черепичных клеймах. В результате она выделила две группы, однако в эти группы она включила как знак сокращения в форме лунарной сигмы, так и букву сигму, что, на мой взгляд, совершенно не допустимо[89].

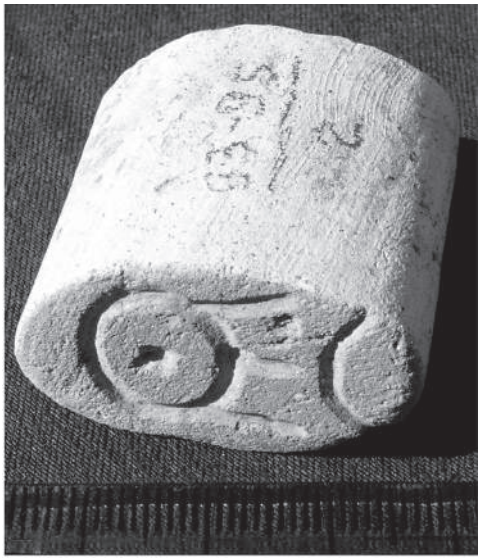


Рис. 8. Штамп из раскопок поселения Генеральское западное, юго-западный склон

А. А. Масленников допускает, что «штамп обронил некто, приглашенный в усадьбу для организации соответствующего производства, которое по причине оного не состоялось»[90].

Клейма с монограммой ΘЕ(, вырезанной на штампе, хорошо известны на боспорских черепицах, однако оттиски, выполненные именно этим штампом, пока не встречались. Эта находка позволяет объяснить форму целого ряда боспорских клейм овальной формы, как, например, овальные оттиски с надписью ΣΠΑΡ (рис. 9). Причем вариабельность этих штампов позволяет утверждать, что для изготовления их использовано было несколько различных штампов, выполненных по единой технологии — на торце амфорных ручек. Интересно, что штампы для клеймения амфор в Херсонесе Таврическом изготовлялись из ручек аналогичных сосудов[91], правда, здесь для штампа использовалась боковая поверхность ручки.

[89] Я полагаю, что знак сокращения в боспорских клеймах не является лунарным написанием сигмы, а представляет собой изображение полумесяца. Все доказательства это гипотезы я планирую изложить в отдельной работе.

[90] Масленников 2010, 293.

[91] Монахов 1981.

Рис. 9. Оттиск ΣΠΑΡ на боспорской черепицы (Керченский музей, № 6573)

Ранее, в 1946 году, на территории Пантикапея был найден штамп, вырезанный на торце родосской амфорной ручки с монограммой ПАР[92] (рис. 10). Л. Ельницкий безоговорочно полагал, что этот штамп использовался для клеймения амфор, поскольку «для черепицы использовались деревянные штампы».

Рис. 10. Штамп из амфорной ручки, найденный в Керчи в 1946 г. (по Ельницкому 1947)

Рис. 11. Штамп из амфорной ручки, найденный в Тиритаке (по Гайдукевичу 1958)

Клеймо с подобной монограммой было опубликовано Е. М. Придиком[93]. Оно оттиснуто на амфорной ручке[94], которая была найдена в Ольвии. К сожалению, приведенный Е. М. Придиком рисунок не позволяет идентифицировать оттиск и штамп. Штамп с монограммой ПАР по аналогии с боспорскими монетами датирован II веком до н. э. Между тем, эти боспорские монеты, по мнению В. А. Анохина, относятся к периоду правления Аспурга, конкретно 10/11–13/14 гг. н.э.[95] Эта датировка, на мой взгляд, наиболее правдоподобна.

[92] Блаватский 1947, 14; Ельницкий 1947, рис. 3-4; Монахов 1981. Размер клейма 3,3 см, в сечении приближается к кругу. На о. Фасос был найден глиняный штамп для клеймения амфор (Grace, Salviat 1962, 511, fig. 1, 2), однако оттиски с этими клеймами неизвестны. Интересно, что В. Грейс и Ф. Сальвья упоминают штамп, вырезанный на ножке амфоры с той же монограммой PAR (см. также рис.: Монахов 1981, рис. 1).

[93] Придик 1917, 106, № 78, табл. XVI. 39. Л. Ельницкий ошибочно ссылается на монограмму №30 на той же таблице.

[94] Эрмитаж, №535[s] (D6).

[95] Анохин 1986, 92.

Другой штамп, изготовленный из обломка круглой в сечении амфорной руки[96], на одной из плоских торцовых частей которой вырезана монограмма (состоящая из двух связанных между собою букв А и П), найден в Тиритаке[97] (рис. 11). И В. Д. Блаватский, и В. Ф. Гайдукевич предполагали, что эти штампы предназначались для клеймения амфор, что теперь представляется весьма сомнительным. Нет подобных штампов и среди черепичных оттисков. Скорее всего, эти штампы предназначались для штемпелевания не керамических изделий, возможно хлебных лепешек.

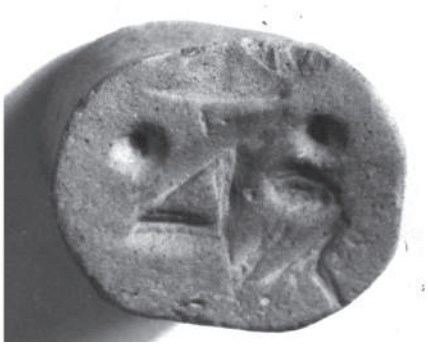


Рис. 12. Штамп на срезе родосской амфорной ручки из Нимфея по Н. Л. Грач (Грач 1982)

Рис. 13. Штамп на срезе родосской амфорной ручки из Нимфея по Н. Л. Грач (Грач 1983)

Два штампа из раскопок Нимфея демонстрировались на выставке «Древний город Нимфей»[98]. Оба штампа изготовлены из ручек амфор (НФ.83.417 на рис. 12), на срезе вырезаны в одном случае буквы ЕΛ, на другой — неясное изображение (НФ.82.412 на рис. 13).

Следует отметить, что находки штампов на Боспоре не единичны — штамп из амфорной ручки был найден в 1930 году при раскопках гончарной печи в Ольвии. На нем, по описанию Р. И. Ветштейн, изображено пять ямок — одна большая в центре и четыре по краям[99]. Очевидно, что, помимо находки на поселении Генеральское западное, эти штампы не предназначались для клеймения черепицы. Скорее всего, это были штампы для оттисков на хлебной выпечке.

Софья Штетылло, вслед за А. Садурской[100], в издании клейм из собрания Варшавского музея опубликовала штамп для клеймения боспорских черепиц[101] . Отмечу еще раз, что на самом деле это известное монограммное клеймо, а не штамп[102]. Неизвестно, что заставило польских исследовательниц интерпретиро-

[96] Длина 5.8 см, диаметр 3 см.
[97] Гайдукевич 1958, 171, рис. 5.
[98] Борисковская 1999, 122, № 335, 336.
[99] Ветштейн 1950, 6.
[100] Sadurska 1958.
[101] Sztetyłło 1983, № 440.
[102] Федосеев 2001.

вать рельефное клеймо, на котором сохранилось следы краски (!)[103], столь характерной для черепицы, как штамп римского времени.

Керамический штамп с именем «Александр» для изготовления какого-то плоского предмета (черепицы? — Н. Ф.) обнаружен был в Каллатисе[104] (рис. 14). Впрочем, черепиц с подобным клеймом не найдено, известны только клейменые пифосы с именем Ἱππου.

Рис. 14. Керамический штамп из Каллатиса по Т. В. Блаватской (по Блаватская 1952, 117, рис. 24)

Поскольку практика изготовления штампов из керамических изделий на Боспоре — очевидный факт, то, вероятно, некоторые квадратные оттиски на черепице выполнены штампами, которые вырезались на нижней части трапециевидных глиняных грузил. Более того, я предполагаю, что целый ряд оттисков трапециевидной формы (высота рамки в начале и в конце легенды может варьироваться на 2–4 мм) выполнены штампами, которые вырезались на боковой части керамических грузил. Скорее всего, именно подобным образом был изготовлен штамп, хранящийся в коллекции католического университета в Милане[105].

Чем же объяснить, что клейм, выполненных штампом, обнаруженном на поселении Генеральское западное, не найдено? Я полагаю, что наиболее правдоподобным будет то объяснение, что черепицу с этими оттисками просто не успели изготовить в силу каких-то чрезвычайных обстоятельств. Именно эти обстоятельства и помешали уничтожить штамп, в то время как другие оттиски с этой монограммой в прямоугольной рамке хорошо известны на поселении. В том, что штампы для клеймения керамики, подобно монетным, уничтожались, свидетельствует их редкость среди археологических находок.

Помимо керамических, для клеймения боспорской черепицы использовались деревянные штампы. Наиболее очевидно это можно наблюдать на ряде оттисков со словом ΒΑΣΙΛΙΚΗ (рис. 15, *1*). На этих клеймах видны характерные для древесины соединения между буквами. Менее характерные, но также следы структуры дерева присутствуют на штампах ΑΛΚ, ΘΕΥ, ΙΠΠΟ, ΚΑΛΛΙ, ΜΕ, ΝΙ, ΣΦΟΙ (рис. 15, *2–8*). Подробный анализ боспорских оттисков с целью выделения формы штампов еще впереди.

[103] В марте 2000 года мне удалось лично ознакомиться с коллекцией клейм Национального музея в Варшаве.

[104] Блаватская 1952, 117, рис. 24.

[105] Criscuolo 1982, 125, № 174.

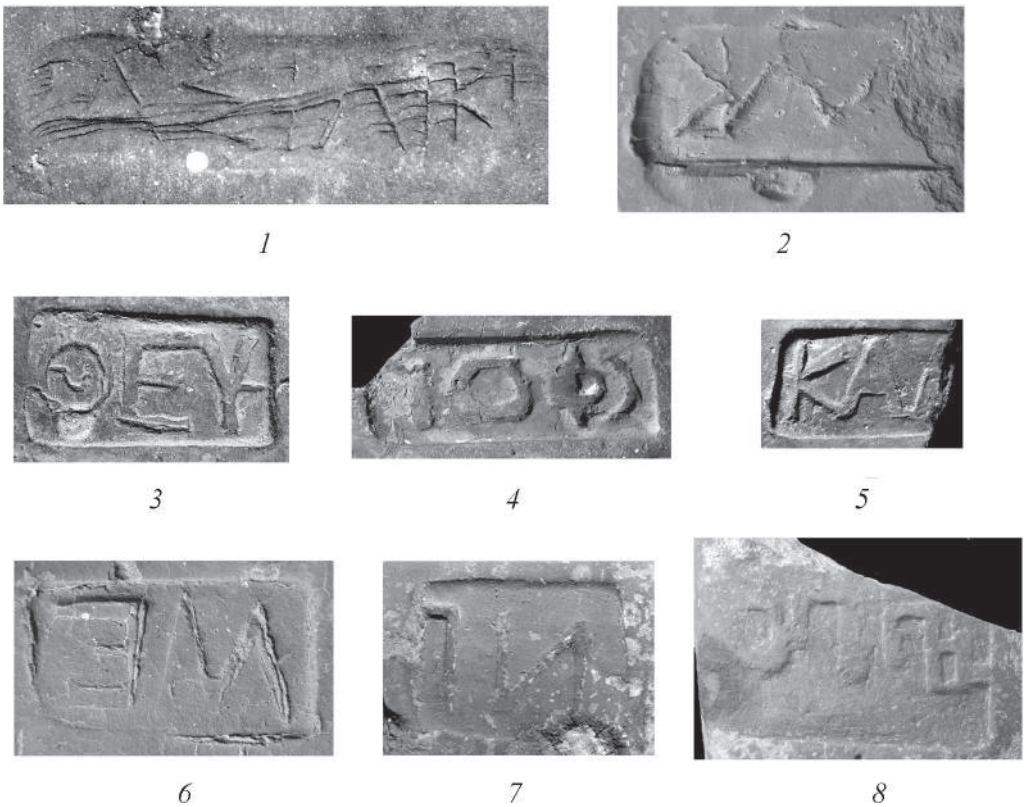


Рис. 15. Следы дерева на боспорских оттисках (Керченский музей)

Комплекс помещений поселения Генеральское западное, где был найден штамп ΘΕ(, также имел крышу из боспорской черепицы (рис. 22) и свой набор из повторяющихся серий клейм[106]. Наиболее интересной среди них представляется серия листьевидных энглифических оттисков, имеющая прямые параллели с амфорными клеймам Гераклеи Понтийской[107] (рис. 16). Это клейма с легендой Βά(κχιος) | Διο(νύσιος) и Σκύ|θας (рис. 16, *1*). Если последнего штампа в комплексе известен лишь один оттиск, то клейма Бакхия и Дионисия известно около 550 оттисков. Очевидно, что мастер, владевший этим штампом, изготовил большинство керамид для этой постройки. Не имеет только удовлетворительного объяснения феномен клеймения штампами другого центра керамической черепицы. Наиболее правдоподобным будет признать, что гераклейский гончар Дионисий выполнял подряд по производству черепицы на побережье Меотиды и клеймил свою продукцию штампом, привезенным с собой, где есть и имя гераклейского магистрата (Бакхия). Другой гераклейский гончар Скиф также клеймил бо-

[106] Ковальчук, Масленников 2006.

[107] Аналогичные по форме штампы использовали несколько гераклейских гончаров, но штамп, которым клеймились боспорские черепицы, на гераклейских амфорах зафиксирован трижды: например, IOSPE, III, 605.

спорскую черепицу штампом (рис. 16, *2*), привезенным из Гераклеи, где он, как и Дионисий, производили амфоры (рис. 16, *3–4*). По хронологической классификации гераклейских клейм В. И. Каца, они датируются 350-ми годами до н. э[108], что по времени совпадает с окончанием Боспоро-гераклейской войны между 370 и 360 гг. до н. э, а по мнению А. А. Завойкина — ок. 366 и 364 гг. до н. э[109] Подобная практика приглашения иностранных мастеров для строительства была широко распространена во всем античном мире[110].

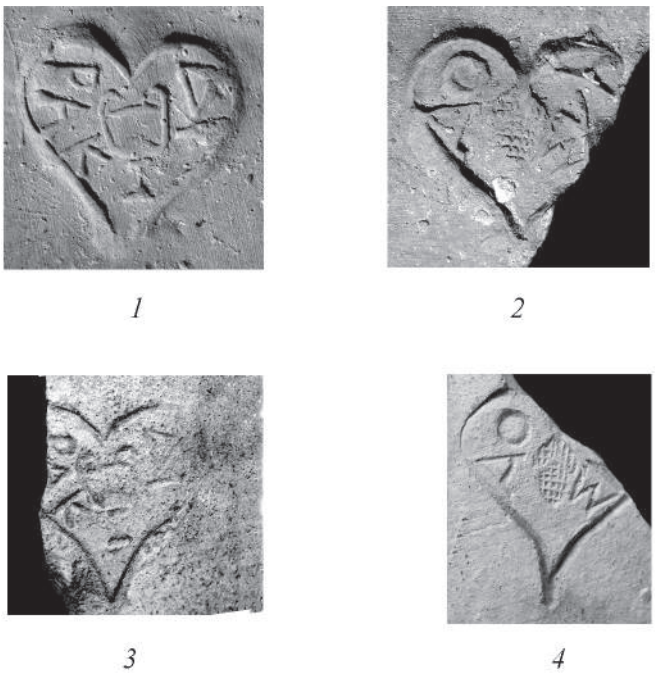


Рис. 16. *1* — оттиск Бак(хия) и Ди(онисия) на боспорской черепице. Генеральское Западное; *2* — оттиск Скифа на боспорской черепице. Генеральское Западное; *3* — оттиск Бак(хия) и Ди(онисия) на горле гераклейской амфоры. Тиритака; *4* — оттиск Скифа на горле гераклейской амфоры. Генеральское Западное (Керченский музей)

Из этой гипотезы следует, что приглашение гончаров на работу в другие центры является доказанным фактом, а также и то, что владельцами штампов являлись гончары, а не магистраты. Факт присутствия черепицы с этими клеймами в слоях других боспорских центров объясняется ее вторичным использованием. Характерно, что за все время раскопок поселения Генеральское Западное не было найдено ни одной целой керамиды — все, что годилось для постройки, выбрано было еще в древности.

В этой связи интересен неопубликованный оттиск на боспорской черепице из одного частного собрания в Керчи. Он представляет собой монограмму НРА (рис.

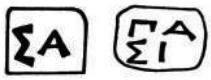
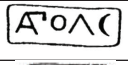
[108] Кац 2007, 430.
[109] Завойкин 2008, 92.
[110] Кузнецов 2000, 399.

17), что допускает восстановление HPA[KΛEΩTAN]. Характерно, название города в сокращенной форме HPAK помещалось и на лицевой стороне гераклейских монет времени Клеарха и Сатира рядом с изображением Тихе[111].

Рис. 17. Монограмма HRA на боспорской черепице (Частное собрание, Керчь)

В качестве гипотезы могу предположить, что в производстве боспорской черепицы принимали участие и гончары из Херсонеса Таврического. Иначе чем можно объяснить сходство штампов среди херсонесских амфорных клейм и оттисков на боспорской черепице? (См. табл. 1).

Табл. 1. Сравнительная таблица клейм Херсонеса и Боспора

Херсонес	Боспор
	
	

[111] WBR, LV, 17–21.

Именно это сходство, а также похожесть глин Боспора и Херсонеса ввело в заблуждение Л. А. Ельницкого и послужило поводом для выделения группы «боспорских амфор»[112].

Еще одно сравнение, не находящее пока удовлетворительного объяснения, это ретроградное клеймо с легендой ΙΣΤ и эмблемой палица внизу (рис. 18, *1*). Среди клейм на пантикапейской черепице эмблемы вообще не известны. Кроме того, состав легенды и шрифт удивительным образом совпадает с клеймами Истрии. Возможно, это клеймо — метка гончара, прибывшего из Истрии?

Рис. 18. 1. Боспорское черепичное клеймо (Керченский музей). 2. Монета Истрии

Абсолютно справедливо наблюдение В. Д. Кузнецова о том, что черепица со словом βασιλική означает то, что черепица находилась на каком-либо здании, принадлежавшем царю, а отнюдь не то, что она была выпущена царской мастерской. Все боспорские клейма он разделил на несколько категорий: к одной относятся оттиски с именами царей в сопровождении слова βασιλεύς или просто βασιλική, к другой — с указанием полисной общины (например, ΠΑΝΤΙ), к третьей — с именами божеств, к четвертой — с именами магистратов, к пятой — с именами ремесленников-изготовителей («фабрикантов») и т.д. Первые три категории означают заказчиков (боспорских царей, городов, святилищ), тогда как имя в генитиве или номинативе, скорее всего, принадлежит изготовителю черепицы. Со ссылкой на И. Гарлана В. Д. Кузнецов заключает, что изготовление черепицы находилось в руках частных лиц[113].

К выводу о том, что черепичные клейма с царскими именами не означают принадлежность к царскому эргастерию, а свидетельствуют о том, что здание с этой черепицей принадлежит лицу, указанному в клейме, я пришел самостоятельно в результате анализа самих клейм. Вернее, в клейме зафиксировано имя профинансировавшего постройку. В условиях финансовой поляризации полиса находились граждане, которые могли себе позволить строительство для общественных нужд те или иные здания. Клеймение черепицы на Боспоре в большей мере несло охранительные функции, предотвращающие разграбление строительных материалов. Порой клеймение было маркировкой гончара, позволяющей отделить свою партию товара. Черепица с клеймами с царскими именами покрывала здания, принадлежавшие царю. Подобным образом клейма с надписью ΙΔΙΩΤΙΚΗ озна-

[112] Ельницкий 1940, 1947.
[113] Кузнецов 2008, 400.

чают независимость постройки от царствующей династии. Таким образом, производство черепицы на Боспоре находилось в частных руках, и боспорские династы не владели эргастериями или глинищами.

Еще одна группа черепичных клейм — это клейма храмовых построек. В Кепах в 1960-х годах обнаружена серия клейм с именем АФРОΔΙΤΗΣ (рис. 19) двух штампов. А. В. Ковальчук справедливо отнесла этот оттиск к храму Афродиты [Ковальчук, 2007].

Рис. 19. Черепичное клеймо из раскопок Кеп (1996/147)

Аналогичным образом черепичное клеймо с легендой из раскопок храма на горе Митридат в 1992 году с именем ΠΟΣΕΙΔΩΝΙΟ[Υ] (рис. 20)[114] означает принадлежность этой черепице храму Посейдона. Имя Посейдоний среди боспорских гончаров ранее не встречалось. Нет его и среди членов царской династии, контролировавших производство черепицы. Граффити с изображением корабля на штукатурке из раскопок этого храма не противоречит такой атрибуции[115].

Рис. 20. Черепичное клеймо из раскопок храма на горе Митридат (Керченский музей)

Вероятно, что ряд клейм с легендой, в которой восстанавливают АΠΟΛΛ, принадлежат к храму Аполлона, который находился на горе Митридат. К сожалению, картографирование не дает возможности определить, какой именно штамп являлся храмовым. Ареал распространения этих клейм самый широкий, что, как я полагаю, является следствием вторичного использования черепицы.

В этой связи среди десятка новых боспорских штампов следует отметить находку из Семибратнего городища с легендой [Β]ΑCΙΛΙCC[Α …] (рис. 21). Трудно сказать, какой из боспорских цариц принадлежит это клеймо — для Комоссарии явное несоответствие шрифта, в то время как для Динамии на Семибратнем городище пока не найдено ничего синхронного по времени.[116] Может, речь идет

[114] Керченский историко-культурный заповедник, № ккк16765.
[115] Федосеев 2009.
[116] Я благодарю В. А. Горончаровского за предоставленную информацию.

о какой-то третьей царице? Помимо шрифта, необычно и расположение имени в одну строку — все известные доныне клейма с упоминанием царя (или архонта) расположены в две строки.

Рис. 21. Черепичное клеймо из Семибратнего городища

Очевидно также и то, что местом производства этой черепицы была близлежащая с Генеральским Западным территория. Да и трудно предположить, что прибывший из Гераклеи гончар изготовлял черепицу где-то вдали от объекта стройки. Именно производством на месте можно объяснить преобладание клейм с именем ΦΑΝΟΜΑ на поселении Пустынный берег III. Черепичные клейма с именем ΣΑΤΥΡΙΩΝΟΣ в подавляющем большинстве найдены были при исследовании «Загородной усадьбы» в Керчи. В Керченском Музее хранится 405 оттисков этого штампа, как на керамидах, так и на калиптерах. Наиболее вероятно, что и эта черепица изготовлялись на месте[117]. Об этом свидетельствует несколько иной состав теста черепицы (светло-оранжевый и более рыхлый, чем традиционно боспорская глина). Характерно, что практически все черепицы с другими клеймами, найденные на Загородной усадьбе, также имеют схожий с черепицей Сатириона цвет и состав глины[118]. Конечно, это наблюдения необходимо подкрепить соответствующими анализами глин.

В самой Греции транспортировка черепицы было весьма распространенным явлением — особенной популярностью пользовалась коринфская черепица, которая поставлялась в Дельфы, Немею, Эпидавр и другие центры как по морю, так и по суше[119]. Аналогичным образом на Боспоре черепицы одного штампа можно встретить в самых различных местах как Европейского, так и Азиатского Боспора. За пределами Боспора зафиксированы лишь единичные находки в Ольвии и Херсонесе[120], которые никак не могут быть признаны предметом экспорта. Интересно также, что черепица облагалась ввозной пошлиной[121].

---

117 Не могу не отметить, что по характеру глины они очень схожи с горгиппийскими клеймами, однако допустить, что они доставлялись из Горгиппии, где они не найдены, было бы ошибкой.

118 Это относится и к найденной здесь черепице с клеймом ΠΑΝΤΙ (№ 1807).

119 Кузнецов 2000, 87.

120 IOSPE, III, 525, 1320, 1795

121 Кузнецов, 2000, 270, прим. 638.

Рис. 22. Развал боспорской черепицы на поселении «Генеральское западное, юго-западный склон». Раскопки ВКАЭ в 2003 году. Руководитель А. А. Масленников

О партии боспорской клейменой черепицы с именем ΕΥΜΗΛΟΥ следует вести речь при описании раскопок здания на Раевском городище[122]. Именно здесь, кроме самой Горгиппии, были найдены серии этих клейм и, к тому же, зафиксировано производство местной керамики.

Таким образом, факт, что боспорская черепица выпускалась не только в Пантикапее, но и на местах, заставляет нас с новых позиций оценивать производство кровельной черепицы, особенно в период существования царских мастерских. Несомненно также и то, что черепица предназначалась для строительства отнюдь не рядовых зданий, а само изготовление черепицы было весьма доходным предприятием. Так, для святилища в Элевсине за пару[123] было уплачено по 4 обола, а за коринфскую черепицу было заплачено по драхме за штуку[124]. По мнению В. Д. Блаватского, цена боспорской черепицы составляла 1,5 обола за штуку[125]. Впрочем, на цену влияло не только качество изделия, но и транспортные расходы по доставке черепицы к месту строительства.

[122] Онайко 1967.
[123] По-видимому, имеется в виду керамида-калиптер.
[124] Кузнецов 1989, 144.
[125] Блаватский 1959, 46.

Для уточнения локальных центров производства черепицы необходимо также и привлечение естественных методов. В частности, необходимо сравнительное исследование состава глины черепиц с одинаковыми штампами, найденных на различных памятниках и изучение комплекса черепичных клейм, обнаруженных в пределах одного памятника.

Первый, кто обратился к анализу керамики, был В. Ф. Гайдукевич. Им был запланирован ряд анализов, направленных на выяснение технологических приемов, применявшихся при производстве боспорской черепицы. Однако по ряду причин Институт исторической технологии ГАИМК не выполнил заказ, и В. Ф. Гайдукевич ограничился общими замечаниями Керченской научно-исследовательской лаборатории по изучению строительных материалов и грунтов. Выяснилось, что один из основных моментов предварительной обработки глины заключался в тщательном смешивании ее с кварцевым песком.

Оптическое исследование боспорской керамики провела О. Ю. Круг. В основном это фрагменты амфор, но среди образцов были кувшин, лутерий и грузило с клеймом. Автор по минералогическому составу и структуре отнесла к боспорской керамике «глинистую массу, пропитанную бурыми окислами железа. Среди основной массы образцов равномерно распределена мелкообломочная примесь, представленная плохо окатанными обломками кварца, отдельными обломкам биотита, мусковита, плагиоклаза, микролина и мелкими иголочками серецита»[126].

Петрографический анализ боспорской черепицы выполнил С. Ю. Внуков[127]. Для выделения локальных групп поздних боспорских амфор он использовал в качестве эталона образцы от 44 эллинистической клейменой черепицы. При общем сходстве состава глины боспорская группа оказалась не абсолютно однородной. И хотя в основную задачу исследователя не входил анализ черепицы, удалось сгруппировать некоторые клейма. Так, в первую группу вошли круглые клейма с легендой ΓΟΡΓΙΠΠΟΥ, все прямоугольные прямых или ретроградных клейма с надписью ΓΟΡ, ΑΡΧΕΙΑ, ΒΟΣ, ΒΑΣΙΛΙΚΗ | ΔΙΑ ΑΠΟΛΛΩ и ΔΙΑ ΒΑΤΑ, а также с литерой Δ и эмблемой «лук»[128]. Все они обнаружены на Азиатском Боспоре, последнее — в Фанагории, остальные — в Горгиппии.

В другую группу вошли черепицы с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ (две происходят из Пантикапея и одна из Фанагории), калиптеры с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ, черепицы с энглифическими клеймами ΒΑΚΙΔ и рельефными ΣΠΑΡ, ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, ΛΕΥ, ΣΑΤΥ, ΑΠ, ΘΕΟ и ΑΡΧΟΝΤΟΣ | ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ. Все они найдены на Европейском Боспоре. В эту же группу (кластер по Внукову) вошли черепицы с клеймами из Азиатского Боспора: ΜΗΤΡΟ|ΔΩΡΟΥ, ΑΣΤΥΔΑ и ΠΑΝΘΗΡΟΣ | ΝΕΟΚΛΕ ΟΥΣ, ΠΕΡΙΑΝΔΡΟΥ, ΦΑΝ, ΒΑΣΙΛΙΚΗ (с эмблемами «трезубец» и «дельфин») и ΙΣ.

Кроме перечисленных черепиц, в боспорскую группу вошли два кирпича с тамгообразными знаками. Их боспорское происхождение в целом не вызывает сомнения даже по чисто формальным основаниям, несмотря на то, что при некоторых способах статистической обработки данных они не включаются в боспорскую группу. Причина этого в том, что состав их отощителя резко отличается от

[126] Круг 1960, 130.
[127] Внуков 2000; 2006.
[128] Черепица с этим клеймом изготовлена не на Боспоре.

примеси в глине эллинистической черепицы, да и всей боспорской керамики в целом. Возможно, данная плинфа является продукцией какого-то кратковременно функционировавшего центра Азиатского Боспора, не связанного с предшествующей традицией керамического производства в этом регионе. Об оригинальности этой продукции свидетельствуют и необычные тамгообразные клейма на ней[129].

Насколько часто клеймилась черепица? На этот вопрос однозначного ответа нет. Исследования А. В. Ковальчук и А. А. Масленникова крыши на поселении Генеральское Западное (юго-западный склон) показало, что на 285 условно-целых черепиц приходится 74 клейма, следовательно, клеймилась примерно каждая четвертая черепица. Это, пожалуй, единственное наблюдение не дает основания полагать, что этот коэффициент распространяется на все боспорские черепичные клейма. Мои наблюдения над синопскими черепичными клеймами показали, что закономерность здесь проследить очень трудно: крыша усадьбы в бухте Ветреная (Северо-Западный Крым) состояла из черепицы, на которой практически на каждой было клеймо магистрата Омфалика[130]. В то же время здания на поселении Бакланья скала (Восточный Крым) на две трети были перекрыты синопской черепицей без единого клейма, а остальная часть боспорской черепицей, среди которых зафиксировано лишь 3 клейма[131].

Еще несколько примеров партий синопской черепицы можно найти в Ольвии — городе, сплошь покрытым синопской черепицей. Видимо, Синопа осуществляла крупные заказы в черепице ольвийского полиса. Без сомнения, Синопа являлась явным лидером в экспорте строительной черепицы в Понте. Даже Херсонес Таврический, имеющий собственное производство черепицы, импортировал значительную долю из Синопы[132].

Оценивая распределение черепичных клейм по поселениям, где они были найдены, отмечу прежде всего, что число таких поселений невелико. На большинстве памятников черепица оказалась случайно (например, на ряде некрополей), нередко керамиды использовались вторично, и отсутствие на сельских поселениях калиптеров говорит о том, что черепичная крыша на сельских поселениях — редкость. Черепица за пределами города встречается редко и является признаком богатства.

Лидером по числу найденной клейменой черепицы является, естественно, Пантикапей (рис. 23). Затем следует Мирмекий, однако следует учесть, что часть черепицы, записанная как найденная в Мирмекии, в действительности обнаружена при раскопках Загородной усадьбы. В. Ф. Гайдукевич писал, что при раскопках Загородной усадьбы найдено 584 черепичных клейма[133]. Еще одним феноменом с огромным количеством (не менее 500[134]) клейменой черепицы является поселение Генеральское Западное на азовском побережье Керченского полуострова. И на Загородной усадьбе, и на поселении Генеральском Западном, вполне вероятно, существовало собственное производство керамической черепицы.

---

129 Внуков 2000.
130 Щеглов 1967.
131 Федосеев 1998, 253.
132 Федосеев 1988.
133 Гайдукевич 1958, 123.
134 Ковальчук, Масленников 2006.

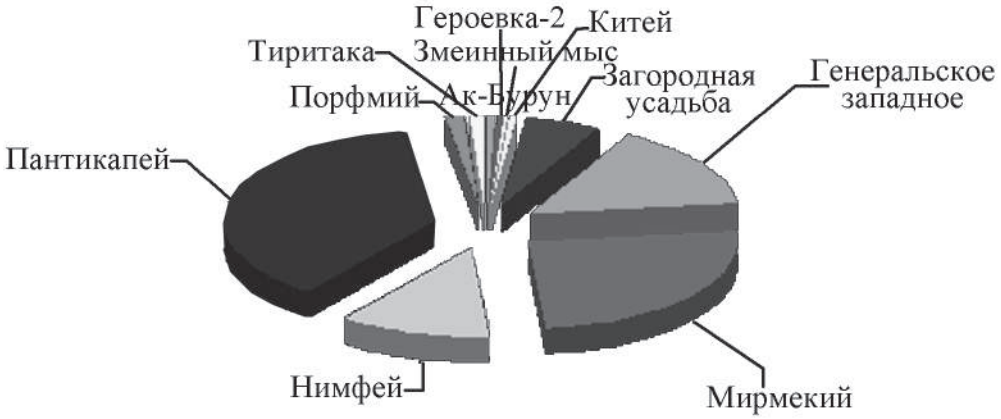


Рис. 23. Распределение черепичных клейм по местам находок

Затем по числу находок черепичных клейм следует Нимфей. Коллекции черепицы других боспорских поселений сравнительно невелики, однако практически везде наблюдаются свои, индивидуальные наборы клейм. Анализ распределения черепицы по местам находок будет представлен в отдельной работе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е.М. 1997: Античный город Горгиппия. М.

Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев.

Апакидзе А. 1968: Города древней Грузии. Тбилиси.

Ахвледиани Д.В. 1986: Черепица Грузии эллинистической эпохи по материалам Ванского городища. Автореф. дис. … канд. ист. наук. Ереван.

Ахмадеева М.М. 2010: Керамическое производство Боспорского царства (предварительный обзор источников) // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 13–20.

Ахмадеева М.М. 2010а: Керамическое производство Боспорского царства (предварительный обзор источников) // Сугдейский сборник. Вып. IV, 376–384.

Блаватская Т.В. 1952: Западнопонтийские города в VII—I веках до н.э. М.

Блаватский В.Д. 1947: Пантикапейские раскопки 1945–1946 гг. // Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ. 2, 10–15.

Блаватский В.Д. 1959: О боспорском ремесле IV–I вв. до н.э. // СА. XXIX–XXX. XVII, 42–57.

Борисковская С.П. (ред.). 1999: Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб.

Веселов В.В. 1952: Сообщения Веселова Василия Васильевича за 1950–1952 годы. Керчь.

Ветштейн Р.И. 1950: Керамические мастерские Ольвии и их продукция / Научный Архив ИА АН УССР. Ф.12. № 304.

Ветштейн Р.І. 1958: Керамічні випалювальні печі // АП УРСР. Вип. 7, 61–76.

Ветштейн Р.И. 1975: Местная керамика Ольвии первых веков н.э. // Ольвия, 164–191.

Винокуров Н.И. 1998: Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.

Винокуров Н.И. 2010: Ремесленное производство на античном городище Артезиан в Крымском Приазовье // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 85–95.

Внуков С.Ю. 2006: Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.

Габелия А.Н. 2003: Строительная керамика из Сухумской крепости. Кровельная черепица // Абхазоведение. История, археология, этнология. Вып. 2. Сухум.

Гайдукевич В.Ф. 1934: Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 104, 211–325.

Гайдукевич В.Ф. 1958: Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // МИА. 85, 9–148.

Гайдукевич В.Ф. 1958а: Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях // СА. XXVIII, 12–135.

Граков Б.Н. 1929: Древнегреческие клейма с именами астиномов. М.

Грач Н.Л. 1982: Полевой отчет нимфейской археологической экспедиции 1982 г. // Архив КИКЗ. Д. 732.

Грач Н.Л. 1983: Полевой отчет нимфейской археологической экспедиции 1983 г. // Архив КИКЗ. Д. 881.

Борисковская С.П. (ред.). 1999: Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб.

Дремсизова Ц. 1961: Керамиди с печати от некропола на Аполония // Аполония. Разкопите в некропола на Аполония през 1947–1949 г. София, 321–324.

Ельницкий Л.А. 1940: О боспорских амфорных клеймах // ВДИ. 3–4, 318–324.

Ельницкий Л.А. 1947: Эпиграфические новинки из Керчи // ВДИ. 3, 205–208.

Журавлев Д.В. 2010: О боспорском керамическом производстве во II–I вв. до н.э. // Боспорские чтения. XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 132–141.

Завойкин А.А. 2008: Заметки о войне Спартокидов за Феодосию // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Militaria. Материалы IX боспорских чтений. Керчь, 92–100.

Зеест И.Б. 1955: Раскопки Гермонассы // КСИА. 58, 114–121.

Кац В.И. 1994: Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов.

Кац В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. XVIII.

Кобылина М.М. 1953: Раскопки Фанагории 1951 г. // КСИИМК. 51, 122–127.

Кобылина М.М. 1956: Фанагория // МИА. 57, 5–101.

Ковальчук А.В. 2006: Керамический штамп с пос. Генеральское–Западное // ПИФК. XVI/3, 3–7.

Ковальчук А.В. 2007: Черепица с именем Афродиты из Кеп // Боспорский феномен, 314–316.

Ковальчук А.В., *Масленников А.А.* 2006: Керамический комплекс с поселения «Генеральское-Западное» (раскоп Юго-Западный склон) // ДБ. 9, 198–227.

Круг О.Ю. 1960: Оптической исследование боспорской керамики // МИА. 83, 128–132.

Кругликова И.Т. 1955: К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее // КСИИМК. 58, 26–30.

Кузнецов В.Д. 1989: Ремесленники Элевсина // ВДИ. 3, 127–147.

Кузнецов В.Д. 2000: Организация общественного строительства в Древней Греции. М.

Кузнецов В.Д. 2008: Боспорские черепичные клейма (некоторые проблемы интерпретации) // ПИФК. XXII, 392–403.

Куликов А. В., Федосеев Н. Ф. 2010: Керамическая тара для рыбных промыслов Боспора // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 270–278.

Масленников А. А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. М.

Масленников А. А. 2001: "Царская" хора Боспора в V в. до н.э. // ВДИ. 1, 178–189.

Масленников А. А. 2010: Ремесло на хоре // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 290–294.

Монахов С. Ю. 1981: О штампах для клеймения херсонесских амфор // СА. 2, 265–271.

Онайко Н. А. 1967: Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 2, 155–168.

Пономаренко Е. 1999: Типы боспорских печей для обжига керамики // История глазами молодых исследователей. Сборник научных работ международной научной конференции. Т. 1. Донецк, 234–240.

Придик Е. М. 1917: Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг.

Придик Е. М. 1934 Корпус керамических клейм Северного Причерноморья. Рукопись. Ленинград. // Архив ИИМК. Ф. 3. N. 22.

Соколова О. Ю. 2001: О керамическом производстве в Нимфее // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II боспорских чтений. Керчь, 140–144.

Сокольский Н. И. 1969: О гончарном производстве в Азиатской части Боспора // КСИА. 116, 59–67.

Трапш М. М. 1963: Раскопки Себастопилиса в районе Сухумской крепости // Труды АбНИИ. XXXIII–XXXIV, 236–253.

Федосеев Н. Ф. 1988: Импорт синопской черепицы в Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 123–125.

Федосеев Н. Ф. 1998: Керамические клейма из раскопок поселения "Бакланья Скала" в Восточном Крыму // ДБ. 1, 253–270.

Федосеев Н. Ф. 2001: О коллекции керамических клейм в Национальном музее Варшавы // Боспорские исследования. I. Симферополь, 55–74.

Федосеев Н. Ф. 2009: Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 448–458.

Цецхладзе Г. Р. 1989: Царская керамическая мастерская в Вани и проблема боспоро–колхидских связей в эллинистическую эпоху // Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР. ТД XX Республиканской конференции. Киев, 240–241.

Цицишвили И. Н. 1948: К изучению античных черепиц Мцхета // Сообщения АН ГССР. Т. 9. № 8, 152–160.

Чевелев О. Д., Кашаев С. В., Сударев Н. И. 2011: Новые исследования в Анапском районе Краснодарского края // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 403–411.

Чкония А. М. 1986: Археологические раскопки на центральной террасе Ванского городища // Вани VII. Тбилиси, 93–115.

Шелов Д. Б. 1954: К истории керамического производства на Боспоре // СА. 21, 119–130.

Шкорпил В. В. 1911: К вопросу о времени правления архонта Игиенонта // Сборник археологических статей, поднесенный гр. А. А. Бобринскому в день 25–летия председательства его в императорской Археологической комиссии. СПб., 31–44.

Щеглов А. Н. 1967: Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. 3, 234–256.

Billot M.-F. 2000: Centres de production et diffusion des Tuiles dans le Monde Grec // L'Artisanat en Grece ancienne les productions, les diffusions, 195–240.

Boardman J. 1956: Delphinion in Chios // BSA. 51, 41–62.

Ceka N. 1982: Vula antike mbi Tjegulla në trevën ndërmjet Aosit dhe Genusit (Timbres antiques trouves dans la contree entrée Aoos et Genusus // Iliria. 1, 103–130.

Criscuolo L. 1982: Bolli d'anfora Greci e Romani. Bologna.

Dautaj B. 1972: La cite illyrienne de Dimale // Iliria. 2, 149–165.

Dautaj B. 1994: Gjetje epigrafike nga Dimale // Iliria. 1–2, 105–150.

Doulgeri-Intzesiloglou A. 1998: Quelques «Aimsans éponymes» de l'«industrie» de l'argile à Phères (Thessalie) // Topoi. 8, 607–623.

Δρούγου Σ. 2003: Bergina 2001 — Minimalia // AEMV. 15, 549–557.

Δρούγου Σ. 2004: Bergina 2002. Ai5gwn ei5konej // AEMV. 16, 491–496.

Felsch R. C. S. 1990: Further Stamped Roof Tiles from Central Greece, Attica, and the Peloponnese // Hesperia. Vol. 59, 301–323, pl. 51–56.

Finkielsztejn G., 2006: Production et commerce des amphores hellénistiques: récipients, timbrage et métrologie // R. Descat (éd.). Approches de l'économie hellénistique, Saint-Bertrand-de-Comminges, 17–34.

Garlan Y. 2000: Amphores et timbres amphoriques grecs. Entre érudition et idéologie. Memoires de l'Académie des Inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série. Tome XXI. Paris.

Garlan Y. 2001: Le timbrage des tuiles à Thasos // Recherches récentes sur le monde hellénistique. Actes du colloque international organisé à l'occasion du 60e anniversaire de Pierre Ducrey. Berne; New York, 191–198.

Giel Chr. 1886: Kleine Beitrage zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau.

Grace V., *Salviat F.* 1962: Sceau thasion à marquer les amphores // BCH. 86, 510–516.

Hübner G. 1997: Die Archaischen Dachterrakotten von Kallapodi. Entwurf, Herstellung und Versatz // Le moulage en terre cuite dans l'Antiquité. Création et Production Dérivée, Fabricatio et Diffusion. Actes du XVIIIe Colloque du Centre de Recherches Archéologiques. Lille III (7–8 déc. 1995). Lille, 131–152.

Καλτσας Ν. Ε. 1988: Πήληνες διακοσμένες κεραμώδεις από τη Μακεδονία. Ατηενσ.

Łajtar A. 2000: Die Inschriften von Byzantion // Inschriften Griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 58. Bonn.

Lenger M.-T. 1957: Anses d'Amphores et Tuiles timbres de Thasos // BCH. LXXXI, 302–321.

Lo Porto F. G. 1989: Metaponto (Matera). Rinvenimenti nella città antica et nel suo retroterra ellenizzato // Atti Lincei. 113–114, 402–403.

Merker G. S. 2006: The Greek Tile Works at Corinth/ The Site and the Finds. Hesperia.

Μιχαηλιδου–Δεσποτιδου Β. 2006: Αφυτις 2004 // ΑΕΜΘ. 18, 305–316.

Miller S. 1975: Excavations at Nemea, 1973–1974 // Hesperia. 44, 145–172

Μπακαλάκης Γ. 1934· Ανασκαφή εν Φλωρίνη της Ανω Μακεδονίας˜ Πρακτικὰ τῆς ἐν᾽ Αρχαιλογικῆς Εταιρείας.

Mpilouka A., *Grakoj I.* 2004: Νεα Καλλικρατεια 2002. Η ανασκαφικη ερευνα στον αρχαιο οικισμο // ΑΕΜΘ. 16, 35–384.

Sadurska A. 1958: Stemplowane imadła amfor, dachówki I inne zabytki epigrafiki ceramcznej // *Michałowski K.* Mirmeki. I. Wykopaliska odcinka polskiego w r. 1956. Warszawa, 101–116.

Schädler U., *Schneider P.* 2004: Ein frühes Tondach aus dem Artemision von Ephesos. Ergänzungshefte zu den Jahresheften des Österreichschen Archäologischen Institutes. Heft 6. Wien.

Schuchhardt C. 1895: Die Inschriften auf Ton // Altertümer von Pergamon. Band VIII.2. Berlin, 391–512.

Stevens G. P. 1949: A Tile Standard in the Agora of Ancient Athens // Hesperia. Suppl. VIII. 174–185, pl.82.

Sztetyłło Z. 1983: Les timbres céramiques dans les collections du Musée national de Varsovie. Varsovie.

Thomson H. A. 1937: Buildings on the West Side of the Agora // Hesperia. VI, 1–226.

Touchais G., *Hubert S.*, *Philippa-Touchais A.* 2000 Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1999 // BCH. 124, 753–1006.

Τρακοσοπούλου Ε. 2004: Αρχαία Ακανθος // ΑΔ. 53, 584–585.

Tsetskhladze G. R. 1991: Die kolchischen Stempel // Klio. 78, 361–381.

Vinogradov J. G., *Kryzizkij S. D.* 1995: Olbia. Leiden; New York; Koln.

STAMPED TILE PRODUCTION IN THE CIMMERIAN BOSPORUS

N. F. Fedoseyev

The Black Sea Region boasts much greater use of stamped tiles than the rest of the ancient world. Tile stamping in Bosporus stands out in the ancient world due to its regularity and variability. It is the only the Black Sea Region center that had regularly stamped tiles in the name of reigning court for at least two centuries. Tile manufacturing was located in both big towns and small settlements. It was private; Bosporan dynasts owned neither ergasteria nor clay pits. Most likely, a stamp carried the name of the man who financed the construction. Another group of tile stamps comprises temple stamps. Quite often stamps are indicative of tiles meant for particular buildings. Stamp with a king's name guarded against building material plunder. Bosporan tiling was produced both in Panticapeum and on the periphery. It was also made by potters from other centers, such as Heraclea or probably Chersonese. Engagement of foreign builders was a regular practice in the ancient world. Bosporan tiles were marked both by ceramic and wooden stamps. There are many parallels between stamping in Bosporus and Macedonia, which is not accidental.

Key words: Bosporan tiles, pottery production, ceramide, kalypter, stamp.

© 2011

Р. С. Меликов, Т. Р. Алиев

ОБ АЛБАНСКОМ ГОРОДЕ АЙНИАНА = ЙУНАН (по материалам письменных источников и новейших археологических исследований)

По сообщению Страбона, в албанской области Утия фессалийцы основали укреплённый город Айниана (Ἀινιάνα). Однако, возможно, город был построен албанским племенем hani или hanhani. Территория под названием Hani упоминается в «Армянской географии» VII в. в составе албанской области Пайтакаран. По мнению исследователей, город Айниана соответствует средневековому городу Йунан, о котором сообщают арабские источники середины VIII — первой половины XIII в. Йунан ассоциируется с городищем Галатепе, раскопки которого начаты в 2008 г., расположенным рядом с деревней Салман-бейли (Агджабединский р-н Республики Азербайджан).

Верхний культурный относится к IX–XII вв. Обнаружены остатки помещений с очагом, керамика, фрагменты металлических и стеклянных предметов, украшения из горного хрусталя и бронзы, средневековая монета. Нижний культурный слой относится к античному периоду и раннему средневековью. Найдены двойная крепостная стена и сторожевая башня, большая комната квадратной формы, часть улицы, а также остатки других построек. При раскопках некрополя обнаружены кувшинные погребения. Найдены железный меч, керамика, бронзовые украшения, агатовые и пастовые бусы, стеклянный бальзамарий, а также бронзовая монета. Таким образом, город Айниана–Йунан просуществовал с начала III в. до н.э. до первой половины XIII в.

Ключевые слова: Албания, Айниана, Йунан, археология.

Как известно, одной из важнейших областей Албании была Утия (гр. Οὐιτία), расположенная на правобережье Куры. В античный период, по данным Страбона, в области Вития (Утия), наряду с витиями (утиями) и анариаками, обитали также племена айнианов (энианов) (Strab. XI. 7. 1; XI. 14. 14). Страбон сохранил о них следующие сведения: «Передают также, что некоторая часть айнианов поселилась в Витии, другая же — над армянами за горами Абом и Нибаром» (Strab. XI. 14. 14). Н. Адонц полагал, что айнианы сначала жили южнее Аракса, потом —

Меликов Рауф Сейфуллаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Древняя история Азербайджана» Института истории Национальной Академии наук Азербайджана. E–mail: raufmalikov@list.ru

Алиев Таваккюль Расулович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором «Полевые исследования» Института археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана. E–mail: tavakkul55@yahoo.com

севернее него, а затем переселились к реке Куре[1], откуда часть их двинулась на запад[2].

По сообщению Страбона, «айнианы … построили в области витиев укреплённый город, который называется Айнианой [или Энианой (гр. Αἰνιάνα) — Р.М., Т.А.]; здесь показывают г р е ч е с к о е [разрядка наша — Р.М., Т.А.] оружие, медные сосуды и могилы» (Strab. XI. 7. 1).

Созвучие названия албанского племени айнианов наименованию фессалийского племени энианов в Греции, а также существование в Фессалии области, название которой по звучанию близко к наименованию албанской области Утия, заставили Страбона или его источники приписать строительство вышеуказанного города фессалийцам.

Н. Адонц, на основании сохранившейся в источниках формы Hani[3], считал, что город Айниана был построен албанским племенем hani[4] К. В. Тревер[5], а вслед за ней и Р. С. Меликов[6], также полагают, что это племя называлось hani (или — hanhani). Территория обитания этого племени под названием Hani упоминается в «Армянской географии VII века» в составе албанской области Пайтакаран[7], Однако, очевидно, что в более раннее время область Hani (Hanhani) находилась в составе Утии. Можно предположить, что границы между албанскими областями Утия и Каспиана (Пайтакаран) в течение времени менялись, что объясняет, почему айнианы, в античный период упоминавшиеся в области Утия, в средневековье оказались на территории области Пайтакаран.

Важным представляется тот факт, что по сведениям информаторов Страбона, город Айниана был укреплён стенами. Что же касается «греческого» оружия, производимого в городе, то, вовсе не отрицая таковую возможность, да и само пребывание здесь греков (о чём, возможно, говорит и его средневековое название Йунан — дословно: «греческий»), исследователи, тем не менее, полагают, что слово «греческое» у Страбона объясняется ошибкой. Однако, несомненно, этот город был знаменит своими мастерами, изготовлявшими качественное оружие и медную посуду, вероятно, предназначенные для продажи. Ясно и то, что около города были какие-то гробницы, привлекавшие внимание чужеземцев[8].

---

[1] Адонц 1908, 420.

[2] Адонц 1908, 230.

[3] У Моисея Хоренского название города Ани сохранилось в форме Hani (Moses Chorenazi II. 48).

[4] Адонц 1908, 56–57.

[5] Тревер 1959, 143.

[6] Меликов 2003, 125.

[7] Область Каспиана античных источников, Каспк/Казбк — армянских источников, Пайтакаран/Баласакан (армянских авторов и албанского историка Моисея Каланкатуйского), Баласакан/Байлакан (персидских и арабских источников) была расположена в юго-восточной части Северного Азербайджана на правобережье Куры. Область Пайтакаран частично охватывала Мильскую и Муганскую степи вплоть до Каспийского моря на востоке (Мамедова 1986, 97–98). Область Каспиана (Пайтакаран) в различные исторические периоды включалась то в состав Атропатены, то в состав Кавказской Албании. Со второй половины IV в.н.э. Пайтакаран (Байлакан, Баласакан) стабильно стал албанской областью (Мамедова 1986, 98; Мамедова 2005, 256), которая на северо-западе граничила с областью Утия.

[8] Меликов 2003, 125.

Рис. 1. Общий вид холма Галатепе.

Рис. 2. Остатки крепостной стены античного периода.

Рис. 3. Остатки средневековых построек.

Рис. 4. Часть улицы античного периода.

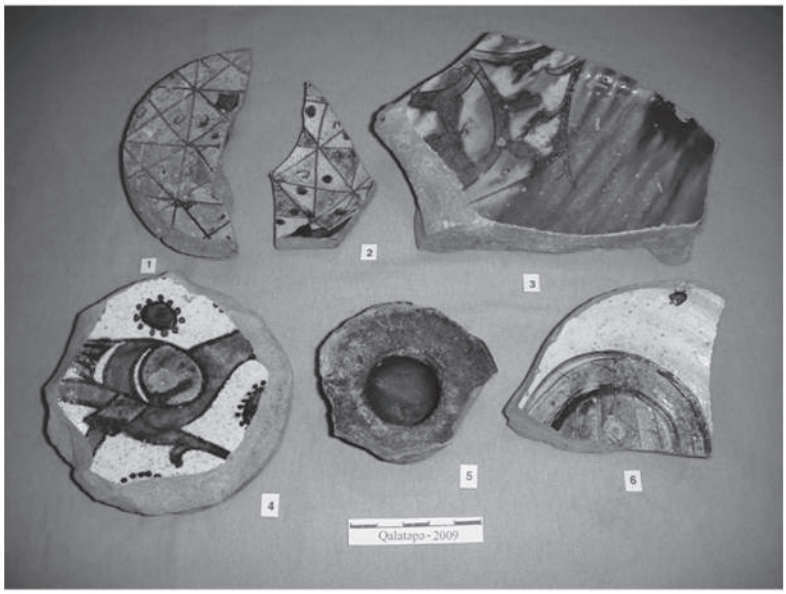


Рис. 5. Фрагменты средневековой глазурованной керамики.

Сразу же после сообщения о городе Айниана Страбон ссылается на Патрокла (Strab. XI. 7. 1). Патрокл был селевкидским военачальником, под руководством которого была осуществлена первая экспедиция по обследованию Каспийского моря (283–282 гг. до н.э.). К сожалению, труд Патрокла до нас не дошёл[9]. Как известно, отчёт Патрокла был одним из основных источников Страбона по Албании. Если данные Страбона об Айниане действительно восходят к Патроклу, то следует полагать, что этот албанский город существовал уже в начале III в. до н.э., а, возможно, и в IV в. до н.э.

По данным письменных источников, в античное время на территории Албании функционировал международный водно-сухопутный путь из Китая и Индии по Амударье, через Каспийское море, вверх по Куре и далее по Фасису к Чёрному морю. Самым крупным центром посреднической торговли на этом пути был древний Мингечаур. Вдоль этого пути находились и такие крупные города, как Партав (Барда) и Пайтакаран (Байлакан), а также многочисленные мелкие населённые пункты. Одним из городов на этом пути мог быть и город Айниана (Hani или Hanhani).

О наличии торговых сношений албан с эллинистическим миром и Востоком в первую очередь свидетельствуют нумизматические данные. Большое количество монетных кладов на территории исторической Албании обнаружено именно в районе городов Барда–Бейлаган. Около Барды был найден клад македонских и селевкидских тетрадрахм II в. до н.э.[10] В Барде[11], а также в Оренгала (Бейлаганский район Азербайджанской Республики)[12] были обнаружены и римские монеты I в. до н.э. — II в.н.э. (как республиканские, так и имперские). В Барде были выявлены также аршакидские монеты того же периода[13]. Эти находки свидетельствуют о том, что одно из ответвлений Великого Шёлкового пути проходило через указанный район.

По мнению большинства исследователей, албанский город Айниана соответствует средневековому городу Йунан (араб. ن اذ ويـ), о котором сообщают арабские авторы Куфи (конец IX — начало X в.), Истахри (первая половина X в.), Ибн Хаукаль (вторая половина X в.), Мукаддаси (вторая половина X в.) и Йакут (начало XIII в.).

Первым из арабских авторов город Йунан упоминает Куфи в своём труде «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний»). Куфи сообщает о Йунане в связи с событиями середины VIII в., а именно — в связи с антиарабским восстанием Мусафира в Байлакане (748–752 гг.). Судя по данным Куфи, Йунан располагался в районе между Байлаканом и Бардой (Ал-Куфи. Книга завоеваний, VIII).

Интересным является сообщение арабского автора X в. Абу Дулафа, которое даёт представление о степени населённости области Баласакан (Пайтакаран)

[9] Однако отчётом Патрокла во время кавказского похода пользовался римский полководец Помпей. Данные Патрокла легли в основу трудов Эратосфена и Аристобула (Strab. XI, 7, 3). Агриппа (Plin. VI., 13. 36–38), Марин Тирский и Птолемей при составлении своих карт руководствовались сведениями из путевого отчёта Патрокла. Страбон (Strab. XI. 7. 3) и Плиний (Plin. VI. 17) также неоднократно ссылаются на Патрокла.

[10] Пахомов 1938, 9, рис. 313, 314.

[11] Пахомов 1938, 1.

[12] Iqrar Əliyev 1998, 355–359.

[13] Голенко, Раджабли 1975, 71–93.

в более ранний исторический период. Абу Дулаф пишет: «Река ар-Расс[14] выходит в Баласаджанскую степь[15], которая простирается [по широте? — Р.М., Т.А.] до берега моря, а по долготе — от Барзанда[16] до Барда'а[17]. В этой же степи — Варсан[18] и ал-Байлакан[19]. В этой степи находится пять тысяч или более заброшенных селений, хотя стены и постройки, уцелевшие от разрушения благодаря хорошей и здоровой почве, продолжают стоять. Говорят, что те селения принадлежали властителям ар-Расса, которых упоминает Аллах всевышний в Коране [Коран, XXV, 40 (38); L, 12][20]. Говорят, что они — воинство Джалута[21], которое погубили Да'уд[22] и Сулайман[23], — мир им — когда они отказались платить харадж»[24] (Абу Дулаф. Вторая записка).

Истахри в своём труде «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей государств») сообщает, что Йунан находился в 7 фарсахах[25] от Байлакана и в 7 фарсахах от Барды. Эти же сведения повторяет Ибн Хаукаль в произведении «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств»). Мукаддаси в своей работе «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим» («Наилучшее распределение для познания стран») отмечает, что расстояние между Йунаном и Бардой, а также Йунаном и Байлаканом составляет 1 переход. Йакут в произведении «Му'джам ал-булдан» («Алфавитный перечень стран»), составленном накануне завоевания Азербайджана монголами, также сообщает, что Йунан находился в 7 фарсахах от Байлакана и в 7 фарсахах от Барды (Йакут VIII. 508).

Некоторые исследователи, вслед за переводчиком арабских авторов М. де Гуе, ошибочно связывали средневековый город Йунан с упоминаемым у Ибн Хордадбеха городом Дарман (вариант: Кубан) и отмеченным у Кудамы городом Кумам. Однако указанный город не может соответствовать городу Йунан по своему местоположению: в то время как Йунан находился в 7 фарсахах от Барды и Байлакана, город Дарман или Кумам находился в 3 фарсахах от города Варсан и в 9 фарсахах от Байлакана (Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. 62;[26] Кудама. Китаб ал-харадж ва сан'ат ал-китаба. 11).

---

[14] ар-Расс — река Аракс, на азербайджанском языке — Araz.

[15] Т.е., Баласаканская (Байлаканская) степь.

[16] Барзанд — город, находившийся в 14 фарсахах от Ардебиля в сторону Куры, на месте нынешнего селения в Южном Азербайджане в бассейне р. Болгарчай.

[17] Барда'а — в X в. крупнейший город Южного Кавказа, находился недалеко от впадения р. Тертер в Куру, близ современного города Барда (Азербайджанская Республика).

[18] Варсан — средневековый город, находившийся примерно в 45 км к югу от места слияния Аракса с Курой на южном берегу Аракса.

[19] Ал-Байлакан — в X в. значительный город, в первой половине XIII в. был разрушен монголами. Его развалины, носящие название Оренгала, были обнаружены и обследованы в 1956 г. археологической экспедицией Института истории АН Азербайджана и Института истории материальной культуры АН СССР.

[20] Хотя «обитатели ар-Расса», упоминаемые в Коране, не имеют никакого отношения к территории Албании, Абу Дулаф, судя по географической номенклатуре, описывает область, расположенную именно на её территории.

[21] Библейский Голиаф.

[22] Библейский царь Давид.

[23] Библейский царь Соломон.

[24] Харадж — поземельный налог.

[25] Фарсах — мера длины, приблизительно 6–7 км.

[26] См. также Vəlixanlı 1974, 297, прим. 8.

До сих пор исследователи по-разному локализовали город Айниана = Йунан. Так, Н. Адонц связывал город Айниана с албанской областью Пайтакаран[27]. А. К. Алекперов после разведывательных раскопок в Агджабединском районе высказал предположение о существовании под холмом Галатепе раннеантичного поселения[28]. И. М. Джафарзаде полагал, что городище Оренгала не имеет отношения к Байлакану, а является руинами города Йунан[29]. Е. А. Пахомов и А. А. Йессен считали, что Оренгала соответствует Байлакану, а Йунан должен был находиться к северу от него[30]. З. И. Ямпольский, на основе данных Страбона и сведений арабских авторов, опубликовал статью о городе Йунан, в которой пришёл к выводу о местоположении города в пределах Арана[31]. С. Т. Еремян город Айниана = Йунан локализовал около современного города Агдам[32]. В 1974 г. Ф. Л. Османов заложил разведочный шурф на Галатепе и обнаружил следы гончарной печи, а также образцы раннесредневековой керамики. По мнению Ф. Л. Османова, жизнь на этом памятнике продолжалась с периода энеолита до средневековья[33]. Г. М. Ахмедов предположил, что руины города Айниана = Йунан, вероятнее всего, соответствуют памятнику Галатепе[34]. З. М. Буниятов и Н. Велиханлы, осуществившие переводы трудов различных арабских авторов, полагали, что Йунан был расположен на полпути между Бардой и Бейлаганом. И. Г. Алиев отмечал, что город Айниана в античное время находился в составе албанской области Утия, а в раннем средневековье — в албанской области Пайтакаран[35]. Большую путаницу в решение этого вопроса внёс Г. А. Гейбуллаев, который полагал, что область Ути и соответственно город Эниана (Айниана) находились в составе Атропатены, а город Йунан арабских авторов был расположен то ли между Баку и Сальяном, то ли в зоне Барды[36]. Р. С. Меликов локализовал город Айниана = Йунан около современного города Агдам[37].

Точной локализации города Йунан могут способствовать новейшие археологические исследования на территории Азербайджана, в частности раскопки памятника Галатепе. Холм Галатепе расположен на расстоянии приблизительно в 45 км от Барды и в 35 км от городища Оренгала (Байлакан). Таким образом, местоположение городища Галатепе соответствует сведениям арабских авторов, согласно которым город Йунан находился на расстоянии 42–49 км от Барды и Байлакана.

Галатепе находится в 4 км к северо-западу от деревни Салманбейли Агджабединского района Азербайджанской Республики, на естественной возвышенности у пересечения реки Гаргарчай и древнего канала Гявурарх. Хотя местные жители именуют этот холм Галатепе (на азерб. Qalatəpə — «Крепостной холм»), остатков крепостных стен на его поверхности не имелось. Поблизости от Галатепе находятся знаменитые Учтепинские курганы и многослойное поселение Янтепе.

[27] Адонц 1908, 56–57.
[28] Османов 2006, 110.
[29] Джафарзаде 1954, 109–135.
[30] Ямпольский 1959, 366.
[31] Ямпольский 1959, 369.
[32] Еремян 1967, 51.
[33] Османов 2006, 109–112.
[34] Əhmədov 1979, 15.
[35] Алиев 1989, 20–21.
[36] Гейбуллаев 1991, 366–368.
[37] Меликов 2003, 125.

В июле 2008 г. Мильско-Гарабахская археологическая экспедиция под руководством Т. Р. Алиева начала полномасштабные раскопки на памятнике Галатепе. В течение полевых сезонов 2008 и 2009 года территория площадью 200 м^2 была раскопана до глубины в 6 м[38].

При исследовании верхнего культурного слоя (мощностью 0,7 м) городища Галатепе было установлено, что он датируется IX–XII вв. Глиняный пол вскрытой в этом слое комнаты площадью 6×4 м имел толщину 0,2 м и был тщательно оштукатурен алебастром. У одной из её стен был обнаружен очаг, сложенный из обожжённого кирпича размером 22×22×4,5 см. В этом слое были выявлены образцы глазурованной и неглазурованной керамики (кувшины, блюда и т.п.), а также фрагменты металлических и стеклянных предметов. Среди образцов керамики своим изяществом выделяются хорошо обожжённые сосуды, изготовленные из глины смешанной с песком. На верхнюю часть тулова этих сосудов различными способами нанесены сложные узоры. На венчике некоторых сосудов имеется слив. На глазурованных блюдах и чашах имеется геометрический и растительный орнамент. Привлекает внимание изображение сидящей на ветке птицы. В целом образцы керамики верхнего слоя городища Галатепе имеют близкую аналогию с материалами из городища Оренгала (Байлакан). В этом слое обнаружены также украшения (бусы, серьги и т.п.) из горного хрусталя и бронзы. Среди случайных находок — средневековая монета.

Нижний культурный слой городища Галатепе, начинающийся на глубине 0,7 м и раскопанный до глубины 6 м, относится к античному периоду и раннему средневековью. В этом слое обнаружены двойная крепостная стена и сторожевая башня, раскопаны большая комната квадратной формы (7,5×7,5 м), часть улицы шириной в 1,5 м и длиной около 13 м, а также остатки других построек. Толщина внутренней крепостной стены около 1,5 м, а внешней — около 1 м, высота стен — 5,5 м. Пространство между внешней и внутренней крепостной стеной (около 0,6 м) заполнено землёй. Размеры сырцовых кирпичей, из которых возведена крепостная стена, довольно крупные: 58×46–47×16–19 см. До сих пор сырцовые кирпичи таких крупных размеров не прослеживались в археологических материалах, выявленных на территории Кавказской Албании. В слое, относящемся к античному времени, часто встречается и обожжённый кирпич размером 29×29×7–9 см. В этом слое преобладают образцы керамики с узорами, нанесёнными красной краской. Изредка встречаются каменные орудия труда и остатки металлических предметов.

В 100–150 м на восток от городища Галатепе расположен некрополь, площадью в 4 га. На некрополе был заложен разведочный шурф, размером 8×3 м. Здесь обнаружено 4 кувшинных погребения. Погребальные кувшины были установлены в горизонтальном положении, что характерно и для других памятников албанского времени. Ориентация скелетов в погребениях различна, но все костяки уложены в скорченном положении на левом боку. Вокруг погребального кувшина были расставлены изящные керамические сосуды различных форм и размеров с геометрическим орнаментом, нанесённым красной краской. Внутри каждого погребального кувшина рядом с костяком был положен один маленький кувшинчик.

[38] Əliyev, Babayev 2008, 78–83; Əliyev, Babayev, Hüseynova, Əliyev 2009, 187–192.

Рис. 6. Кувшинное погребение 2.

Рис. 7. Краснофигурный сосуд.

Рис. 8. Краснофигурный сосуд.

Рис. 9. Неочищенная римская латунная монета.

Рис. 10. Бронзовый черпак (половник).

Среди погребального инвентаря обнаружены железный меч, многочисленные бронзовые украшения (подвески в виде фигурок птиц и оленей, броши, булавки, колокольчики, серьги, кольца), а также агатовые и пастовые бусы. Интересно, что над одним из погребальных кувшинов было вскрыто грунтовое погребение, в котором покойник был положен на спину с ориентацией головы на юг.

Наряду с керамикой, особый интерес вызывает изготовленный способом дутья изящный стеклянный бальзамарий. Бальзамарий, имеющий полусферическую форму и узкое высокое горло, покрыт эмалью. С начала I в. н.э. производство таких сосудов фиксируется почти во всех провинциях Римской империи[39]. Хотя в письменных источниках не сохранилось данных о производстве стекла в Кавказской Албании, во время археологических исследований в Кабале, Шемахе, Торпаггала и других поселениях обнаружены образцы стеклянных сосудов. По мнению Дж. Халилова, стеклянные сосуды такого типа, найденные на албанских памятниках и относящиеся к первым векам нашей эры, были завезены в Албанию из стран Ближнего Востока, в основном из Сирии, а уже с III в. албанские мастера овладели способом изготовления таких сосудов. Однако А. Нуриев, основываясь на существовании на территории Кавказской Албании источников сырья, необходимого для изготовления стекла, полагает, что Албания была одним из регионов Востока, в котором было налажено раннее производство стеклянных сосудов[40].

Рядом с бальзамарием была обнаружена римская латунная монета весом в 20,3 г. Пробитое в ней отверстие указывает на то, что она использовалась в качестве украшения. На аверсе монеты прослеживаются следы выбитой латинской надписи и изображения головы в шлеме. На реверсе монеты также сохранились следы изображения и надписи. Однако в результате долговременного использования в качестве украшения обе стороны монеты сильно стёрты и надписи не прочитываются. Следует отметить, что изображения правителей и членов их семьи на римских монетах появляются после смерти Юлия Цезаря. В период правления Октавиана Августа, наряду с другими монетами, был пущен в обращение и латунный сестерций. Вес сестерция составлял одну унцию (29,86 г)[41]. Вероятно, первоначальный вес найденной в некрополе Галатепе римской монеты составлял именно одну унцию.

Обнаруженные в кувшинном погребении в некрополе Галатепе две бронзовые булавки имеют аналогии с материалами других памятников Азербайджана (Мингечаур, Кабала, Шемаха и др.) и соседних регионов, а также с античными памятниками Северного Причерноморья. Дж. Халилов полагает, что подобные булавки были завезены в Албанию в результате торговых связей с Римом и его провинциями[42].

Таким образом, данные Страбона, восходящие к Патроклу, а также археологический материал, выявленный в городище и некрополе Галатепе, свидетельствуют, что албанский город Айниана существовал ещё в начале III в. до н.э. Возможно, этот город был основан албанским племенем hani (hanhani) и соответственно назывался Hani (Hanhani). В I в. до н.э. — II в.н.э. в городе были развиты зодче-

[39] Кругликова 1984, 75–79.
[40] Нуриев 2009, 429.
[41] Кругликова 1984, 79.
[42] Халилов 1984, 144.

Рис. 11. Навершие бронзовой заколки (булавки).

Рис. 12. Глазурованный бальзамарий.

Рис. 13. Бусы из пасты и полудрагоценных камней.

ство и ремесло, налажены торговые и культурные связи с соседними регионами, а также с провинциями Римской империи. В период начавшихся в III в. н.э. продолжительных сасанидско–римских (впоследствии — сасанидско-византийских), а затем сасанидско-арабских и арабско–хазарских войн многочисленные населённые пункты Мильско-Карабахской степи, ставшие ареной этих войн, в том числе и город Айниана (Hani или Hanhani), были разрушены и пришли в упадок. В IX–X вв. жизнь в городе Йунан вновь оживилась, однако после разорительных монгольских нашествий в первой половине XIII в. город был полностью заброшен.

ЛИТЕРАТУРА

Адонц Н. 1908: Армения в эпоху Юстиниана. СПб.

Алиев И.Г. 1989: Нагорный Карабах. История. Факты. События. Баку.

Гейбуллаев Г.А. 1991: К этногенезу азербайджанцев. Т. 1. Баку.

Голенко К.В., Раджабли А.М. 1975: Али-Байрамлинский клад и некоторые вопросы обращения парфянских монет в Закавказье // ВДИ. 2, 71–93.

Джафарзаде И.М. 1954: Археологические раскопки городища Орен-Кала в 1951 г. // ТРИИФ. IV, 109–135.

Еремян С.Т. 1967: Страна «Махелония» надписи Кааба-и Зардушт // ВДИ. 4, 47–59.

Əliyev (red.) 1998: Azərbaycan tarixi (yeddi cilddə).Bakı.

Əhmədov Q.M. 1979: Orta əsr Beyləqan şəhəri. Bakı.

Əliyev T., Babayev F. 2008: Mil-Qarabağ bölgəsində Qafqaz Albaniyasının daha bir şəhəri aşkar olundu // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar / M.N. Rəhimova (red.). Bakı, 78–83.

Əliyev T.R., Babayev F.I., Hüseynova T.T., Əliyev V.T. 2009: Qalatepe şəhər yeri və nekropolunda arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar / M.N. Rəhimova (red.). Bakı, 187–192.

Кругликова И.Т. 1984: Античная археология. М.

Мамедова Ф. Дж. 2005: Кавказская Албания и албаны. Баку.

Мамедова Ф. Дж. 1986: Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку.

Меликов Р.С. 2003: Этническая картина Азербайджана в период ахеменидского владычества (VI–IV вв. до н.э.). Баку.

Нуриев А.Б. 2009: Ремесло Кавказской Албании. Баку.

Османов Ф.Л. 2006: История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. — III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку.

Пахомов Е.А. 1938: Клады Азербайджана и других республик и краёв Кавказа. Вып. II. Баку.

Тревер К.В. 1959: Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н.э. — VII в.н.э.). М.; Л.

Халилов Дж. А. 1984: Материальная культура Кавказской Албании. Баку.

Ямпольский З.И. 1959: К изучению древнеазербайджанского города Юнана // МИА СССР. 67, 366–369.

THE ALBANIAN CITY OF AYNIANA = YUNAN
(based on narrative sources and recent archaeological study)

R. S. Melikov, T. R. Alieva

According to Strabo, Albanian province Vitiya (Utiya) had a fortress Ainiana (Ἀινιάνα) which was build by the Thessalians. However, it was probably build by the Albanian tribe Hani or Hanhani. Scholars think that Ainiana is associated with medieval Yunan mentioned by Arabian authors. Arabian sources mention Yunan from the mid 8th to the early 13th century.

Qalatepe Hill is situated 4 km to the northwest of Salmanbeyli village (Agdzhabedi district, Azerbaijan Republic) and is associated with data of Arabian authors about Yunan. The top cultural layer dating back to the 9th — 12th centuries revealed traces of a room with the hearth, samples of pottery, fragments of metal and glass artifacts, rock crystal and bronze adornments, and rock crystal and bronze a medieval coin. The bottom cultural layer dating back to the antique and early medieval periods revealed double fortified wall, a watchtower, a large square room, a part of the street, and a few ruins of other constructions. Mud bricks from the fortification wall are rather large. Burnt bricks were also found there. Red paint vessels prevail among pottery.

Necropolis excavation gave pitcher burials containing an iron sword, ceramics, bronze adornments, agate and paste beads, glass balsamary, and a bronze coin. Thus, written sources and archeological material make it possible to say that the town of Ayniana-Yunan existed from the early 3rd c. BC till the early 13th c. AD.

Key words: Albania, Ayniana, Yunan.

© 2011

В. С. Ленская

МЛАДШИЙ КУЛЬТОВЫЙ ПЕРСОНАЛ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ*

В статье речь идет о младшем культовом персонале в древней Греции. Автор делит его на две категории – постоянные и временные служители. Временными служителями были юноши и девушки из знатных семей, исполнявшие свои обязанности только в определенных случаях, например, в дни больших праздников, и их служба была скорее почетным правом, нежели работой или обязанностью. Второй категорией младшего культового персонала были служители, происходившие из низших социальных слоев и работавшие за плату. Это были закоры и неокоры, рассмотрению которых посвящена большая часть статьи, а также некоторые другие категории служителей.

Ключевые слова: Древняя Греция, младший культовый персонал.

Главным действующим лицом в храме был жрец — посредник между богом и людьми, человек, совершавший жертвоприношения и ритуальные действия. Помимо общего термина ἱερεύς, обозначавшего жреца, существовало большое количество местных, периферийных терминов, название которых зависело как от местонахождения храмов и святилищ, так и от обязанностей, исполнявшихся храмовыми служителями. В разных регионах греческого мира, в разных храмах существовал самый разнообразный храмовый персонал, и никакой унификации проследить невозможно. Например, только у Поллукса мы читаем о следующих храмовых должностях: οἱ δὲ τῶν θεῶν θεραπευταὶ ἱερεῖς, νεωκόροι, ζάκοροι, προφῆται, ὑποφῆται, θύται, τελεσταί, ἱερουργοί, καθαρταί, μάντεις, θεομάντεις, χρησῳδοί, χρησμολόγοι, χρησμοδόται, παναγεῖς, πυρφόροι, ὑπηρέται (Pollux. Onom. I. 14. 1). В действительности их существовало гораздо больше[1]. В данной статье мы не будем касаться вопросов, связанных непосредственно с жреческим персоналом, поскольку это отдельная большая тема, а остановимся на рассмотрении младшего, вспомогательного персонала греческого храма; начнем, если можно так выразиться, продвижение по иерархической лестнице снизу.

Ленская Валерия Серговна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. E-mail: lenskaya@yandex.ru

*Выражаю благодарность Французской Школе в Афинах (École française d'Athènes), любезно предоставившей мне возможность работать в фондах ее библиотеки.

[1] О проблемах, связанных с определениями термина «жрец», и о краткой историографии этого вопроса см. Henrichs 2008, 1–14.

Кроме жрецов, в древнегреческих храмах существовало некоторое количество лиц, помогавших жрецам при богослужении. Они могут быть разделены на две категории — постоянные и временные служители[2]. Временные служители исполняли свои обязанности только в определенных случаях, например, в дни больших праздников, и их служба была скорее почетным правом, нежели работой или обязанностью. Чаще всего это были юноши и девушки из знатных семей, совершавшие какие-либо священные обряды или носившие священную утварь. Самыми известными такими служителями были канефоры — корзиноносицы и аррефоры — девушки, носившие священные предметы во время религиозных праздников. Αἱ κανηφόροι καὶ ἀρρηφόροι λεγόμεναι λειτουργοῦσιν ἐπὶ τῶν Ἑλληνικῶν ἱερῶν «так называемые канефоры и аррефоры служат при эллинских жрецах» (Dionys. Halicarn. Antiq. Rom. 2. 22). О канефорах читаем: κανηφόροι· παρθένοι αἳ τὰ κανᾶ φέρουσαι τῇ Ἀθηνᾷ ἐν τῇ Παναθηναίων πομπῇ· αὗται δὲ τῶν ἀστῶν καὶ τῶν εὐγενῶν ἦσαν — «канефоры — девушки, приносящие корзины Афине на панафинейском шествии; они были горожанками и из знатных семей» (Phot. Lex.s.v.). Также и у Гесихия: κανηφόροι· ἐν ταῖς πομπαῖς αἱ ἐν ἀξιώματι παρθένοι ἐκανηφόρουν, ὥσπερ καὶ ἐν τοῖς Παναθηναίοις — «канефоры — девушки, пользующиеся уважением, носили корзины на шествиях, таких, как Панафинеи» (Hesych. Lex.s.v.). Канефорой была дочь Писистрата (Diod. Sic. 9. 37. 1), из-за канефории произошла ссора между Гармодием и Гиппархом, помешавшим сестре Гармодия быть канефорой на Панафинеях (Arist. Athen. Pol. 18. 2). Канефоры присутствовали не только на Панафинеях (Arist. Athen. Pol. 18. 2; Aristoph. Lys. 645, Acharn. 242), но и на других священных праздниках во всех греческих городах — Антестериях, Бравронии, сельских и городских Дионисиях и др.[3] Часто канефорами служили дочери жрецов (IG II^2. 3483; ID. 2210).

Об аррефорах читаем: Ἀρρηφορία· θυσία…ἐπειδὴ τὰ ἄρρητα ἐν κίσταις ἔφερον τῇ θεῷ αἱ παρθένοι — «аррефория — обряд, когда в корзинах девушки носили тайные предметы богу» (Suda. Lex. s.v.); τέσσαρες μὲν ἐχειροτονοῦντο δι′ εὐγένειαν ἀρρηφόροι — «выбирались поднятием рук по знатности четыре аррефоры» (Harpocr. Lex. s.v.). Самыми известными аррефорами были девочки, обслуживавшие культ Афины на Акрополе: четыре девочки из знатных семей выбирались каждый год, в течение своей аррефории жили на Акрополе и прислуживали в храме Афины; главной обязанностью двух из них было участвовать в Аррефориях и носить корзины с таинственными предметами (Paus. I. 27. 3). Эти две аррефоры присматривали за двумя другими девушками, ἐργαστῖναι, которые ткали пеплос для статуи Афины; пеплос менялся каждые четыре года во время Панафиней (Hesych. s.v.)[4]. Ἐργαστῖναι тоже выбирались из знатных семей (IG II^2. 1034, 1036)[5]. Кроме того, были аррефоры и при других культах: в надписи в честь жреца Асклепия говорится: ἔδωκε δὲ καὶ τὴν ἑαυτοῦ θυγατ[έρα εἴς τε τὰ Ἀσκληπίεια καὶ τὰ] Ἐπιδαύρια ἀρρηφοροῦσαν — «и отдал свою дочь быть аррефорой на Асклепиях и Эпидавриях» (SEG 18:26. 18–19, 137/136 до н.э.)[6].

[2] Латышев 1997, 60–61.
[3] Deubner 1932, 25, 31, 102, 135, 142, 174, 204, 208; Turner 1983, 327–342.
[4] Turner 1983, 192.
[5] Об ἐργαστῖναι см. Turner 1983, 359–382.
[6] Подробнее об аррефорах см. Turner 1983, 345–358.

Мы уже видели, что дети жрецов могли ассистировать родителям и исполнять вспомогательные обязанности; другой пример дает та же надпись — о жреце Асклепия говорится καταστήσας] δὲ καὶ τὸν ὑὸν Δῖον κλειδοῦχον κα[ὶ πυρφόρον — «поставив и сына Диона исполнять должность держателя ключей и пирфора» (SEG 18:26. 23). Аррефоры, канефоры, ергастины были одними из немногих культовых служителей, в честь которых на Акрополе уже в архаическое время устанавливали статуи (пример поздней (I в. н.э.) надписи в честь аррефоры см. IG II^2. 3528; в честь канефоры (II в. н.э.) IG II^2. 3483)[7]. Из рода Праксиергидов выбирались 2 λουτρίδες или πλυντρίδες, в обязанности которых входило мытье статуи Афины (Phot. Lex. s.v.; Hesych. Praxiergidai).

Из должностей, которые могли заниматься мальчиками и юношами, укажем на такую известную должность в Элевсине, как παῖς ἀφ′ ἑστίας («отрок очага») (Porphyr. De abstin. IV. 5): эти отроки, помогавшие иерофанту, должны были быть потомками знатных родов и иметь в живых отца и мать[8]. Как и вышеупомянутые юные прислужницы из знатных родов, «отроки очага» удостоились многих почетных статуй[9]. Несколько низших вспомогательных должностей, исполнявшихся представителями знатных родов, было в Элевсине (φαιδυντής — чистильщик священной утвари, δαειρίτης — лицо неизвестное, но как-то связанное с культом Даиры, сестры Аида, πυρφόρος — тот, кто зажигал и поддерживал огонь на алтарях)[10]. Существовало также известное количество лиц обслуживающего персонала, бывших членами известных родов или, по крайней мере, детьми «достойных родителей»; все эти должности были временными, не очень обременительными и почетными[11]. Причинами, побуждавшими знатных девушек и юношей занимать эти должности, могли быть уважение общества, семейные традиции и надежда рода, члены которого прислуживали какому-либо божеству, на покровительство со стороны этого божества.

Второй категорией младшего культового персонала были служители, происходившие, как правило, из низших социальных слоев и работавшие за плату. Они должны были постоянно находиться при храме, прислуживать жрецам и исполнять обязанности по содержанию храма в чистоте и порядке. Мы уже говорили о том, что в греческих храмах существовал самый разнообразный храмовый персонал, и приводили цитату из Поллукса (Pollux. Onom. 1. 14. 1). Наиболее часто встречаются, пожалуй, названия ζάκοροι и νεωκόροι, что позволяет предположить, что эти служители были наиболее распространенными и необходимыми прислужниками в храмах[12].

Ζάκοροι — храмовые служители, как женщины, так и мужчины, имевшие,

---

[7] Hoff 2008, 109.

[8] Clinton 1974, 98f; Лауэнштайн 1996, 228–229.

[9] Clinton 1974, 101–108.

[10] Ibid., 95–98.

[11] Список таких должностей, занимавшихся женщинами, см. Turner 1983, 189–197.

[12] Джордан пишет, что, судя по надписям, на афинском Акрополе, кроме жрецов и жриц, было большое количество храмовых служительниц-закор, среди которых, вероятно, была какая-то иерархия: Jordan 1979, 78. См., например, надпись с Афинского Акрополя, регламентирующую правила охраны храмов и сокровищниц Акрополя (IG I3 4. 13–14, 485/484 гг.до н.э.), где закоры упоминаются рядом со жрицами.

вероятно, в храмовой иерархии второй по важности статус после жрецов[13]. Иоанн Дамаскин пишет, что сын Константина Великого Констанций, удалив епископов, пресвитеров и дьяконов, вновь назначил ζακόρους καὶ νεωκόρους καὶ ῥάντας καὶ θύτας καὶ κανηφόρους καὶ ὅσας ὁ Ἑλληνικὸς ὕθλος ἐπιφημίζει προσωνυμίας — «закоров, неокоров, окропителей, заклателей жертв, корзиноносиц и многочисленных служителей, которым эллинские сказки дают разные прозвища» (Joann. Dam. Passio magni martyr. Artemii. 22. 13).

Сам термин восходит еще к микенскому времени — в линейном письме B встречаются da-ko-ro и da-mo-ko-ro, означающие титулы каких-то высших должностных лиц. Первая часть слова — da, согласно восстановлению Руиша, означала «дом», вторая часть — koros — «ответственное лицо»[14]. Наверное, термин ζάκορος можно было бы перевести «управляющий храмом», если бы такое словосочетание было приемлемо. Нам известно, что одного из элевсинских иерофантов звали Ζάκορος (Lys. In Andoc. 54. 1); иерофантами могли быть только члены древнего аристократического рода Евмолпидов, и появление этого имени в таком роду может свидетельствовать о древности и важности (хотя и в далеком прошлом) должности закора. Древний корень — koros — означавший «ответственное лицо, наблюдатель», поздние авторы, возможно, смешали с глаголом κορεῖν «чистить, убирать», тем более, что функции закоров со временем стали именно такими. У Зонары читаем: Ζάκορος. ὁ τοῦ νεὼ ἐπιμελούμενος. κορεῖν γὰρ τὸ σαίρειν — «Закорос — тот, кто заботится о храме. κορεῖν значит подметать» (Zonar. Lex. s.v.). Гесихий пишет: ζάκοροι · νεωκόροι. ἱερεῖς. παρὰ <τὸ> τὸν ναὸν σαροῦν — «закоры — неокоры. жрецы, убирающие в храме» (Hesych. Lex. s.v.). В «Etymologicum Magnum»: Ζάκορος· Νεωκόρος, ἤγουν ἡ διακονοῦσα περὶ τὸ ἱερόν — «Закора — неокора, или исполняющая обязанности прислуги в храме» (Etym. Magn. s.v). У Менандра читаем: ἡ ζάκορος ἡ κοσμοῦσα τὸν ναόν — «закора, украшающая храм» (Men. Fr. 686. 1, A. Körte, A. Thierfelder). У Элиана встречается упоминание о закорах, ночью стороживших храм Асклепия, наполненный дарами посвятителей (Aelian. De nat. anim. 7. 13. 8).

Однако закоры были не простыми уборщиками и украшателями храмов: очевидно, что они были помощниками и «ассистентами» жрецов, и их должность упоминается обычно рядом с должностью жрецов: ἱερεῖς τε καὶ ζάκοροι θεῶν (Plut. Camill. 30. 3), ἱερεῖς δε καὶ ζάκοροι τῶν δαιμονίων (Heraclit. Allegor. 79. 13. 2), τὰς ηιερέας τὰς ἐμ πόλει καὶ τὰς ζακόρος (IG I^3 4. 13–14). В надписи, датируемой 183/2 г. до н.э., говорится, что союз почитателей Матери богов в Пирее (оргеоны) ежегодно выбирал закору из числа бывших жриц, которая помогала действующей жрице (IG II^2. 1328, 16–17). Однако в 175/4 г. этот же союз издал декрет, согласно которому была назначена закора διὰ βίου (IG II^2. 1328, 35). Это была молодая женщина Метродора, дочь одной из жриц и сама исполнявшая обязанности жрицы, а затем закоры (IG II^2. 1328, 25–26; 43)[15]; назначение на долж-

[13] Georgoudi 2005, 58.

[14] Ruijgh 1986, 387. См. также Petruşevki 1965, 12; Olivier 1967, 118–122, которые трактуют термин damokoro по-разному, но сходятся в том, что это были какие-то должностные лица при дворе анакта.

[15] Jones 1999, 265.

ность пожизненной закоры молодой женщины еще раз указывает на вспомогательный характер этой должности.

У Элиана рассказывается фантастическая история о том, как одна женщина, страдавшая от глистов, пришла за помощью в Эпидавр, так как врачи были бессильны. Поскольку бог в это время отсутствовал, лечить ее взялись οἱ ζάκοροι: они сняли голову с шеи и вынули глистов из ее тела. Однако поставить голову на место как следует они не смогли. Явившийся бог был рассержен тем, что закоры взялись за то, что было выше их сил, и своей божественной властью вернул голову на место (Aelian. De nat. anim. 9. 33). Эта история весьма показательна по двум причинам: во-первых, закоры чувствуют себя достаточно компетентными, чтобы взяться за такую операцию, во-вторых, им не удается ничего сделать, поскольку они все же не являются настоящими жрецами (хотя в Эпидавре их статус был выше, чем в других областях[16]).

Вообще положение закоров в больших и престижных храмах, по-видимому, было несколько иным, чем в иных святилищах. В «Ионе» Еврипида Ион, найденыш пока еще неизвестного происхождения, живет при Дельфийском храме и выполняет обязанности χρυσοφύλαξ τοῦ θεοῦ и ταμίας «хранитель золота бога», «казначей» (Eurip. Ion. 54–55). В то же время он делает и простую работу уборщика, подметая храм, окропляя его водой, отпугивая от сокровищницы птиц (100–107, 794sq), фактически являясь закором (или неокором), хотя Еврипид и не употребляет этого слова[17]. Гелиодор в «Эфиопике» рассказывает о девушке Хариклее, сироте, которая жила в Дельфах и решила посвятить себя Дельфийской Артемиде, став ζάκορος; согласно Гелиодору, «бóльшую часть времени она предается охоте и упражняется в стрельбе из лука» (Heliod. Aethiop. 2. 33. 4). «По обычаю предков, храмовая прислужница Артемиды тоже участвует в шествии и закланиях в честь Неоптолема» (Heliod. Aethiop. 2. 35. 3), «по обычаю, храмовая служительница должна зажечь факелы тяжеловооруженным бегунам и наградить победителей» (Heliod. Aethiop. 3. 18. 2).

Синезий, рассказывающий о процедуре выбора царя в Египте, упоминает трех храмовых служителей κωμασταὶ δὲ καὶ ζάκοροι καὶ προφῆται, которые участвуют в процедуре голосования и подсчитывают голоса воинов; причем голос профэта считается за 100, голос κωμαστής за 20, а голос ζάκορος за 10 (Synes. Aegypt. sive de provid. 1. 6. 26). В то же время были закоры, должность которых не приносила им много забот: например, Плутарх рассказывает о некоем служителе храма Геракла, у которого «много было свободного времени, и он целые дни проводил, играя в кости и бабки» (Plut. Aetia Rom. et Graec. 272 F 4). В зависимости от размера и престижности храма закоров могло быть много или он был один, но, по-видимому, низший храмовый служитель (или служительница) был всегда, судя по тому, что о нем (вернее, о ней) упоминает такой автор как Менандр, действия комедий которого обычно происходят в небольших аттических деревушках.

О важности этой должности для храма свидетельствуют надписи. Во многих посвятительных надписях, наряду с именем жреца, указывается имя ζάκορος,

[16] С. Георгуди, например, отмечает особое положение неокоров и закоров в Эпидавре и Дельфах (Georgoudi 2005, 57, 58).

[17] О «Ионе» см. Hamilton 1985, 57–59. А. Хенрикс справедливо, на наш взгляд, критикует Гамильтона за то, что лиц низшего персонала он отождествляет со жрецами: Henrichs 2008, 6–7.

иногда вместе с некоторыми другими должностями, вероятно, представлявшими важность для данного конкретного храма. Например, в надписи с афинского Акрополя, датируемой приблизительно 120 г., читаем ἱερατε[ύ]οντος ἰακχαγωγοῦ Διονυσίου Μαραθωνίου, ζακορεύοντος ἁγιαφόρου Εὐκάρπου — «при жреце и иакхагоге Дионисии из Марафона, закоре агиафоре Евкарпе» (IG II^2. 4771. 10–14). Обратим внимание, что после имени закора отсутствуют патронимик и демотикон, что свидетельствует о не очень высоком происхождении. В другой надписи: ἐ]πὶ Νικοστράτου [... ἱερ]<έω>ς διὰ βίου Γα[ργηττίου], ζακορεύοντος Αἰ[λίου ...],κ<λει>δουχοῦντος ... — «при Никострате, пожизненном жреце, из Гаргетта, закоре Элии, клейдухе…» (IG II^2. 3728).

Много надписей, содержащих термин ζάκορος найдено на Делосе (ID. 1894, 2156, 2210, 2249, 2087, 2205, 2212, 2219, 2253, 2263 — все надписи датируются временем после 166 г. до н.э., (т.е. после повторного установления афинского контроля), причем в нескольких надписях имя одного и того же закора фигурирует несколько раз — например, ζακορεύοντος Εὐόδου (без патронимика), тогда как имена жрецов меняются (ID. 2087, 2205, 2212, 2263). Несколько раз указывается, который раз закор исполняет свои обязанности: ζακορεύοντος Εὐόδου τὸ ὀκτὼ καὶ δέκατον — «восемнадцатый раз» (ID 2205), ζακορεύοντος Νικηφόρου ἕβδομον καὶ τριακοστόν «тридцать седьмой раз» (ID 1894). Совершенно очевидно, что закоры служили в храме в течение нескольких лет, а чаще всего пожизненно. Выше уже упоминалась надпись из Пирея, согласно которой в культовом объединении оргеонов закора сначала избиралась по жребию из числа бывших жриц, а затем, вероятно, вследствие неудобства такого положения, была назначена пожизненно (IG II^2. 1328, 16–17). Правда, справедливости ради необходимо отметить, что и здесь не было единого правила: так, согласно надписи из храма Исиды в Афинах закор в этом храме не мог исполнять свою должность дважды: μὴ ἐξέστω δὲ ζακορεύειν δὶς τῷ αὐτῷ (LSCG. 50. 7–8, 1 пол. I в. до н.э.).

В энкомии Синезия говорится, что на картинах, представляющих философа или закора, должен быть изображен φαλακρὸς ὑπόσεμνος — лысый почтенный человек (Synes. Calvetii encomium. 23. 29). Сравнение с философом показательно: вероятно, общественное мнение считало закора умудренным знаниями и жизненным опытом человеком. Долгая служба при храме позволяла ему пользоваться всеобщим уважением, придавала ореол благочестия и близости к божеству. Закор, хотя и не имел права быть жрецом и совершать жертвоприношения, тем не менее, несомненно, знал все тонкости богослужения и обладал знанием деталей ритуала — эти познания неизбежно приходили с опытом долгой службы. Вероятно, именно закор был тем человеком, который хранил предписания ритуала и передавал их часто сменяющимся жрецам; в таком случае, роль закора в храме была очень велика. Мы полагаем, что закор мог быть одним из тех знатоков ритула, о которых пишет в своей статье Ханиотис, хотя автор и не упоминает об этих служителях[18].

В больших храмах, кроме закоров, были ὑποζάκοροι (Herod. 6. 135. 5; SEG 33:158; IG II^2 2245), т.е. помощники закоров, и ἀρχιζάκοροι (IGLSyr. 4. 1263), главные закоры.

[18] Chaniotis 2008, fig. 18.

Неокоры (ναοκόροι, νακόροι, νηοκόροι, νεόκοροι, νεικόροι, ναυκόροι, νεωκόροι) также были низшими храмовыми служителями, охранниками и блюстителями чистоты и порядка. Исследователи считают, что первая часть слова происходит от ναός — храм[19], вторая же, как и в случае с закорами, восходит еще к микенскому времени. Νεωκόρος. ὁ τοῦ ναοῦ ἐπιμελούμενος. κορεῖν γὰρ παρὰ τοῖς Ἀττικοῖς τὸ σαίρειν, καὶ τὸ κοσμεῖν καὶ ἐπιμελεῖσθαι — «Тот, кто заботится о храме. κορεῖν в Аттике означает и убирать, и украшать, и заботиться» (Zonar. Lex. s.v.). Νεωκόρος· ὁ τὸν ναὸν κοσμῶν καὶ εὐτρεπίζων — «Неокор — тот, кто украшает и приводит храм в порядок» (Phot. Lex. s.v.). … ἐπαναγκάζειν τὸν νεωκόρον τοῦ τε ἱεροῦ ἐπιμελεῖσθαι κατὰ τὸν νόμον καὶ τῶν ἀφικνεμένων εἰς τὸ ἱερόν — «неокоры обязаны заботиться о храме и о приходящих согласно закону» (LSCG. 69. 6–8, Ороп, Амфиарайон, IV в. до н.э.). Кроме того, неокор обязан был записывать имя, патронимик и город каждого, кто приступал к лечению, и выставлять эти списки для всеобщего обозрения (ibid. 39–43)[20]. Μὴ ἐξεῖναι κατά[γ]εσθαι εἰς τὸ Ἡραῖ[ον] ξένωι μηδενί, ἐπιμελε[ῖ] [σ]θαι δὲ τὸν νεωκό[ρο]ν καὶ ἐξείργειν — «не разрешается останавливаться в храме Геры никакому иностранцу, неокор обязан следить и изгонять» (IG XII. 7. 2, Аркесина, Герайон, IV в. до н.э.?). В надписях с Пароса неокоры должны следить за охраной деревьев на территории святилища (LSCG. 111.) и за тем, чтобы в храме не зажигался огонь (LSCG. 112). Ксенофонт именует неокором мегабиза храма Артемиды в Эфесе (Xen. Anab. V. 3. 6–7). Мегабизы известны как жрецы-евнухи, отвечавшие за финансы святилища; Ж. Бреммер считает, что они не были собственно жрецами, а являлись вспомогательным персоналом храма Артемиды в Эфесе[21]. На базе статуи IV в., найденной в Приене, упомянут Мегабиз, сын Мегабиза, неокор Артемиды Эфесской[22].

У Платона читаем: Χρὴ δὲ καὶ τῶν τοιούτων ἱερέας τε καὶ νεωκόρους ἐπιμελεῖσθαι — «жрецы и храмовые служители должны позаботиться о (гостях)» (Plato. Leg. 953a7). У Лукиана глагол νεωκορέω употребляется в значении «свято хранить»: ἀσμένως δὲ αὐτὸ δεξάμενοι μεθ᾽ ἁγνῆς διανοίας νεωκοροῦμεν — «охотно приняв (этот завет), мы с чистой душой храним его как святыню» (Luc. Amor. 48. 11, пер. С. Ошерова). Павсаний рассказывает о святилище Афродиты в Коринфе, где есть только две служительницы: «храмовая служительница (γυνή τε νεωκόρος), которой на все время запрещено иметь сношения с мужчинами, и девушка, ежегодно исполняющая обязанности жрицы» (Paus. 2. 10. 4, пер. С. Кондратьева). Плутарх пишет, что в Херонее храмовый служитель (неокор) с бичом в руке отгоняет от святилища Левкофеи рабов и этолийцев (Plut. Aetia Rom. 267D).

Неокоры неоднократно упоминаются в «Священных речах» Элия Аристида, который встречался с ними в пергамском Асклепейоне и даже жил у них на квартирах (Ael. Aristid. Hier. log. 276.1; 283.10; 286.20; 290.16; 297.25; 298.24; 301.13 etc.). Судя по тексту Элия Аристида, неокоров в храме Асклепия в Пергаме было множество, что неудивительно: для помощи многочисленным паломникам, же-

[19] Chantraine 1974, 734.
[20] О Амфиарайоне в Оропе см. подробнее Roesch 1984, 173–184.
[21] Bremmer 2008, 41.
[22] Elliger 1992, 126–127.

лавшим исцеления, был необходим большой штат обслуживающего персонала. По всей видимости, неокоры Асклепейонов вообще занимали особое положение: так, С. Георгуди, посвятившая статью вспомогательному культовому персоналу в Греции, отмечает, что в Эпидавре неокоры и закоры имели равный статус со жрецами[23]. В IV Мимиямбе Герода неокор Асклепейона (местоположение его неизвестно) даже имеет право приносить жертву — о чем ниже.

В косской надписи II в. до н.э. говорится, что купивший жреческую должность обязан назначить себе неокора: νακόρον δ[ὲ ἀποδειξάτω] [αὐ]τῶι ὁ πριάμενος τὰν ἱερωσύναν (Paton-Hicks, 28); вероятно, это должен был быть человек, знавший ритуал и его детали, а также готовый заниматься хозяйственными делами храма. Неокоры были и в культовых объединениях: надпись фиаса эллинистического времени из Танаиса после жреца, отца синода и филагата упоминает неокора[24].

В двух аттических надписях конца V в. до н.э. (фрагменты надписи, выполненной на одной стеле, найдены на Акрополе, куда во время Декелейской войны была перевезена сокровищница храма[25]) сообщается, что неокоры храма Посейдона Гиппия, расположенного в деме Колон, брали на себя ответственность (παρελάβομεν) за различную храмовую утварь (IG I^3. 405). В обеих надписях (413/412 и 407/406 гг. до н.э.) упомянут один и тот же человек — некий Хайрелий из Кикинны (имена других не сохранились); очевидно, что он был постоянным служителем этого храма. А. Вудворд отождествляет этого Хайрелия с одним из 30 олигархов, упомянутых у Ксенофонта (Hell. II. 3. 2)[26], однако нам представляется, что это другой персонаж, поскольку исполнение довольно незначительной должности неокора аристократом, да еще в храме дема, расположенного довольно далеко от Афин, вряд ли являлось жизненной ситуацией. В надписи упоминаются несколько неокоров, по крайней мере, четыре[27]; встает вопрос — зачем сельскому храму столько служителей? Ответ может быть таким: сокровищница храма, временно перенесенная на Акрополь, и, вероятно, расположенная в наскоро построенном помещении, нуждалась в постоянной охране, которую и осуществляли сменявшие друг друга неокоры, ответственные за храмовое имущество. В противном случае наличие такого количества служителей (в небольших святилищах обычно был один неокор) трудно объяснить.

Инвентаризация неокором имущества храма Асклепия и передача его другому неокору зафиксирована в надписи из Лебены на Крите (IC. I. 17. 2. II в. до н.э.). А. Савелкул, посвятившая статью фрагменту комедии Махона (фр. 8), предполагает, что неокор в храме Зенопосейдона в Карии был ответственным за операции сдачи в аренду храмовых владений[28]. В надписи из храма Амфиарая в Оропе (IV в. до н.э.) читаем, что желающие получить исцеление в храме должны внести задаток (ἐπαρχήν) не менее 9 оболов в казну храма в присутствии неокора (LSCG, 69. 20–24). Неокор принимал участие в инвентаризации в храме Амфиарая в Оропе,

[23] Georgoudi 2005, 58.
[24] Иванчик 2008, 59.
[25] Thompson 1971, 232–234.
[26] Woodward 1963, 158.
[27] Woodward 1963, 158.
[28] Savelkoul 1988, 278.

причем брал на себя ответственность за сломанную утварь и за внесенные в сокровищницу оболы (IG VII. 3498, 18–20, 26); за остальное имущество, судя по всему, отвечали ἱεραρχοῦντες (1–3).

Исследователи отмечают особое положение неокоров на Делосе в конце V в. до н.э. Νεωκόροι Δηλίων фактически являлись магистратами, подчиненными афинским амфиктионам, образовывали коллегию, члены которой именовались συνάρχοντες (IG I^3. 1460), и могли оставаться на своей должности в течение нескольких лет[29]. Как видим, делосских неокоров V в. до н.э. с трудом можно отнести к низшему персоналу[30] и, вероятно, как и неокоров Асклепейонов, следует считать исключением из правил; впрочем, жестких правил в религиозной жизни Греции при многообразии локальных обычаев быть не могло. Статус делосских неокоров периода независимости острова (до 166 г. до н.э.) неизвестен[31]. Согласно надписи первой четверти II в. до н.э., неокор одного из храмов избирался по жребию и получал от посетителей храма деньги и часть от жертвы (IG XI, 4. 1032)[32]; жребий говорит о том, что должность была достаточно престижной.

Исходя из всего вышеизложенного, нельзя не заметить, что статус неокоров различался в разных областях греческого мира. В одних районах неокоры отвечали за финансы храма и составляли инвентарь, в других были простыми «смотрителями», ответственными за порядок и соблюдение правил. Осмелимся предположить, что особое положение неокоры занимали в Аттике: все известные (хотя и немногочисленные) афинские источники упоминают о неокорах в связи с финансовыми делами храма: Платон, говоря о промотавшемся гуляке, готовом «обчистить» какой-либо храм, употребляет глагол νεωκορέω: ἱερόν τι νεωκορήσει (Plato. Resp. 574d5); слово, безусловно, употреблено в ироническом смысле — «провести инспекцию, инвентаризацию», «прихватить что-либо». Надпись с Акрополя говорит о неокорах храма Посейдона Гиппия, проводивших инвентаризацию храмовой утвари (IG I^3. 405). Наконец, делосские неокоры в эпоху афинского владычества, согласно надписи 410/409 г. до н.э., были ответственными за имущество храма вместе с афинскими амфиктионами (ID 93, 10–15)[33], а после восстановления власти афинян эта должность исчезает из надписей, что, вероятно, свидетельствует об усилении афинского контроля[34]; неслучайно в надписях начинают часто фигурировать закоры как лица, не имевшие, скорее всего, финансовых полномочий (обратим внимание, что, судя по надписям, жрецами и закорами на Делосе, начиная с 166 г. до н.э., в большинстве случаев были афиняне, о чем свидетельствуют демотиконы). Именно поэтому, как нам представляется, в Аттике сосуществовали одновременно как неокоры (как лица, ответственные за финансы храма), так и закоры (как смотрители, следившие за порядком и чистотой, а также помогавшие жрецам во время исполнения ритула). Возможно, такая

[29] Homolle 1890, 485; Georgoudi 2005, 57; Chankowski 2008, 160–162.
[30] Homolle 1890, 485.
[31] Bruneax 1970, 502; 500–504 — о неокорах Делоса.
[32] Заметим, что после 166 г. до н.э. должность неокоров в делосских надписях не встречается (Bruneax 1970, 502), однако, как мы писали выше, появляется большое количество упоминаний о закорах.
[33] Chankowski 2008, 160.
[34] Dignas 2008, 78, 82.

же картина наблюдалась в некоторых других районах — например, в Эпидавре, где упомянуты одновременно и закор, и неокор (IG IV^2,1. 393, 183 г. н.э.).

Неокоры, как и закоры, как правило, были лицами почтенного возраста: так, в одной из делосских надписей говорится, что неокор одного из храмовых владений (κλῆρος) должен быть человеком не моложе 40 лет (IG XI, 4. 1032. 17–18). В некоторых больших храмах для неокоров существовало специальное помещение, νακορεῖον (Линдос — LSS. 90, Эпидавр — IG IV^2 1, Кос — Inscr. di Cos. ED. 215), νεωκόριον (IG XI 2. 144 B, Делос; IG II^2 1617, Элевсин), νεωκορεῖον (LSCG 89, Фанагория). Среди неокоров были старшие и младшие неокоры (ὑπονακόρος — Lindos II 295, 301, ἀρχινακόρος — IG X,2. 1. 244), хотя упоминания о них встречаются чрезвычайно редко. В надписи из Дельф начала I в. до н.э. говорится даже о том, что у неокоров могли быть слуги — ἔδοξε τοῖς ναοκόροις] ἐν τῶι ἱερῶι ὑπ<η>ρετήσοντας Λέωνα, Δορίμαχον, Σόφων[α (FD. III 4:77. 22); однако, скорее всего, такое случалось только в очень больших святилищах.

В классическое и эллинистическое время неокорами чаще всего служили пожизненно[35], хотя бывали исключения: мы уже приводили надпись с Делоса сер. II в. до н.э., в которой сказано, что неокоры избирались по жребию (IG XI, 4. 1032). Однако поздние надписи дают и другие сведения. Например, надпись римского времени из малоазийской Панамары свидетельствует, что должность неокора могла быть временной: Ἱεροκλῆς Διονυσίου Κο(λιοργεὺς) προϊερατευκὼς τοῦ μεγίστου θεοῦ Παναμάρου ἐξ ἐπανγελίας, μετὰ καὶ τῶν τέ[κ]νων Ἱεροκλέους [καὶ] Πρωτέου· ἐνεω[κόρη]σεν δὲ ἱερῖ Θεοφίλῳ «Иерокл, сын Дионисия, Колиоргеец, бывший служитель великого бога Панамары по обещанию, с детьми Иероклом и Протеем: был неокором при жреце Теофиле» (Panamara. 206). Другая надпись из Панамары говорит о том, что помогать жрецу могли его родственники — надпись сделана в честь жреца, его детей, братьев и сестер, его матери-жрицы, а также дяди Флавия Фэдра, который был неокором: νεωκόρου Φλ(αουίου) Φαίδρου (Panamara. 223). Из надписи с Фасоса (I в. до н.э.) узнаем об обязанностях неокоры: ...λία Φιδίππου, γυνὴ [δὲ] [Ἀριστοφ]ῶντως τοῦ Ἀρχέλεω [νεωκο]ρήσασα ἐνέκαυσε [καὶ] [ἐχρύσ]ωσε τὴν θεόν — «…лия, дочь Фидиппа, жена Аристофона, сына Архелея, будучи неокорой, совершала возжигания и золотила статую богини» (IG XII, 8. 378(1)); похоже, что в этом случае должность также исполнялась временно. Очевидно, что в римское время должность становится престижной и занимать ее теперь почитают за честь и почтенные граждане. Например, в Дельфах должность неокоров начинают занимать богатые дельфийцы, имевшие отношение к финансам храма[36]. Согласно надписи из Халкиды на Эвбее, датируемой временем после 212 г., ὁ διὰ βίου νεωκόρος Аврелий Хермодор обладает большой административной властью и возводит в своем храме дорогие постройки (IG XII, 9. 906). В гермонасской надписи фиаса (КБН 1054, 123/4–132/3 гг.) имя неокора стоит перед именем жреца, и похоже, что неокор был главой фиаса[37]. Афинская надпись II в. н.э. посвящена некоему афинянину с римским именем Κλ. Ἀβάσκαντος Σφήττιος, который был ἐπιστάτης

[35] Hanell 1935, 2423.
[36] Кулишова 2001, 118; Amandry 1950, 125.
[37] Иванчик 2008, 59.

τῶν πρυτάνεων καὶ ζάκορος τῶν θείων εἰκόνων (SEG 18:81)[38]. В фасосской надписи I в. до н.э. или I в. н.э. сообщается, что некая Эпия, дочь Дионисия, τῆς ἀπὸ τῶν προγόνων εὐγενείας καὶ τιμῆς ἀξίως βιοῦσα — «живущая достойно благородства и чести, унаследованных от родителей», является неокорой храма Афины и проявляет большое усердие в исполнении своих функций, неся большие затраты для украшения храма; в награду за усердие она была назначена неокорой пожизненно (SEG. XVIII. 343). В Смирне, Эфесе, Александрии в императорское время неокорами являлись лица, занимавшие высокие государственные посты (Smyrna 169; Ephesos 1492 etc.)[39]. Наконец, на рубеже старой и новой эры неокорами становятся целые города, почитавшие за честь обслуживать культ императора (первое упоминание о городе-неокоре, Кизике, встречается в надписи, датируемой 38 г.[40]); этой теме посвящена монография Барбары Баррелл.

Исходя из наших источников, трудно выяснить принципиальную разницу между закорами и неокорами — и те, и другие прислуживали в храме, выполняли работу по охране и наведению порядка. Возможно даже, что это были синонимы, традиционно принятые в разных местах. Можно предположить, что термин «закор» как более древний звучал немного архаично и во многих местах заменялся более современным термином «неокор». В то же время мы уже говорили, что в некоторых районах неокоры сосуществовали с закорами, и, возможно, были ответственными за финансы и имущество храма. Мы имеем очень позднее (XIII–XIV вв.) свидетельство, гласящее, что должность закора была выше, чем должность неокора: Ζάκορος καὶ νεωκόρος διαφέρει· ὁ γὰρ ζάκορος σεμνότερόν τι ἦν νεωκόρου — «закор и неокор различаются: закор был нечто более уважаемое, чем неокор» (Thomas Magister Philolog. Ecloga nomin. et verb. Atticorum. s.v.). Однако нашими источниками это свидетельство не подтверждается; напротив, как мы говорили выше, иногда неокоры как «финансисты» храма могли, пожалуй, даже занимать чуть более высокую позицию[41]. Необходимо отметить, что строгих установлений, обозначавших как статус, так и возраст неокора и закора, не было. Мы уже видели, что закоры и неокоры чаще всего были людьми почтенного возраста, однако встречались и молодые люди (Ион, Хариклея, Метродора). Также и статус этих служителей был разным как в разное время, так и в разных регионах греческого мира. Сходным образом и срок их службы был повсюду неодинаков. Широкий ареал греческого мира, разнообразие и пестрота обычаев, а также живость и переменчивость греческого характера обусловили и разнообразие статуса служителей, имевших одинаковое название.

Кроме закоров и неокоров, в источниках встречаются и другие обозначения младшего культового персонала: ναοφύλαξ (Eurip. Iphig. Taur. 1284, Arist. Pol. 1322b25; IG II/III^2 1739, IG IV^2, 1. 141, 393; LSCG 155A, 5, 14, 16; 155B 8), νηοπόλος и ναοπόλος (Hesiod. Theog. 991; Manetho. Apotelesm. 3. 262; Pind. Fr. 51d1, H.

[38] Л. Робер поясняет, что термин θείος в императорскую эпоху часто переводился как «императорский» и под термином θείαι εἰκόνες следует понимать императорские изображения — Robert 1960, 316–324.

[39] Burrell 1980, 5–6.

[40] Burrell 1980, 5–6.

[41] Ср. Büchner 1888, 6–7. Основное внимание в книге Бюхнера уделено городам-неокорам (De civitatibus neocoris); неокорам эллинистического периода (De Graecorum aedituis) посвящена небольшая глава.

Maehler; Flav. Joseph. Antiq. Jud. 14. 73. 2), а иногда и просто πρόπολος (Aristoph. Plout. 670) — термин, обозначавший любого служителя, «служку». Например, Аристотель, говоря о неофилаках, относит их к «попечителям всего имеющего отношение к святыням», однако к должностям, «отличным от жречества» (κεχωρισμένας τῆς ἱερωσύνης, Arist. Pol. 1322b 20–25). Особенно часто неофилаки встречались в храмах Асклепия, где хранились богатые приношения богу-целителю[42]. В больших храмах нередко был κλειδοῦχος, «держатель ключей», часто исполнявший и вспомогательные функции пирфора (πυρφόρος — «несущий факел») (IG II^2. 1944, 3728; ID. 1894, 2210, 2249 etc.), так же как закор часто являлся агиафором (ἁγιαφόρος — «несущий священные предметы») (IG II^2. 4771etc.).

В храме существовали и другие прислужники. Например, Павсаний пишет о ξυλεύς — прислужнике в храме Зевса (ἐκ τῶν οἰκετῶν τοῦ Διός), в обязанности которого входило доставлять дрова для жертвоприношений за установленную плату как городам, так и частным лицам (Paus. 5. 13. 3). В надписи из Олимпии, датируемой временем 28–24 гг. до н.э., перечислены названия некоторых служителей жреческого и низшего ранга: среди них, кроме лиц жреческого звания (θεοκόλοι, μάντεις, καθημεροθύτης) упомянуты и κλειδοῦχοι (ключники), αὐλητής (флейтист), οἰνοχόος (виночерпий), ξυλεύς (дровосек), μάγειρος (рубщик мяса) (IvO. 64). Кроме дровосека, который, как мы знаем из Павсания, работал за плату, и флейтиста, мы не можем сказать, к каким слоям относились виночерпии, держатели ключей и рубщики мяса — они могли быть как лицами высшего сословия (например, в Элевсине μάγειροι были членами рода Кериков — Athen. XIV. 79. 1), так и низшего. Однако, судя по тому, что οἰνοχόος, ξυλεύς, μάγειρος вместе с αὐλητής и ἐπισπονδορχησταί (исполнителями священных спондеев) указаны в самом конце списка, это были люди не самых знатных фамилий. Μάγειροι — повара, рубщики мяса, были необходимы, когда приносились в жертву крупные животные. Возможно, при больших храмах были штатные μάγειροι в маленьких же городках и деревнях существовали μάγειροι, которых за плату нанимали желавшие принести жертву. Один из таких поваров фигурирует в комедии Менандра «Брюзга». Мать главного героя, обходившая все святилища в деме и приносившая там жертвы, отправила раба нанять повара, который говорит о себе διακονῶ γὰρ μυρίοις ἐν τῆι πόλει — «обслуживаю многих в городе» (Menandr. Dyskol. 490). Этот μάγειρος действует в комедии, главным образом, в пределах святилища, где выполняет свои обязанности очень умело.

Менандр не вводит в пьесу «Брюзга» никаких жрецов, но можно предположить, что в таких небольших святилищах (νυμφαῖον — Menandr. Dyskol. 400), о которых идет речь в комедии, для частных лиц во время отсутствия жреца могли приносить жертвы и неокоры. Мы думаем, что именно о таком случае идет речь во фрагменте комедии Махона, где пришелец видит на священном участке Зенопосейдона в Карии (ἐν τεμένει) неокора, приносящего жертву (θύοντα τὸν νεωκόρον — Machon. Comic. Fr. 8. 57, Gow). В уже упоминавшейся надписи из храма Амфиарая в Оропе говорится, что неокор в отсутствии жреца мог приносить жертву (LSCG. 1969. 69. 25–27). Известно еще несколько примеров, когда неокор приносит жертву: в IV миме Герода это очевидно (речь идет о некоем хра-

[42] Georgoudi 2005, 48.

ме Асклепия, всегда переполненном посетителями, желавшими принести жертву богу-целителю), во фрагменте Автомедонта из Кизика можно предположить, что упомянутый «неокор потухшего алтаря» ἀκνίσου βωμοῖο νεωκόρος (речь идет об алтаре Аполлона), отличающийся исключительной жадностью и присваивающий себе все жертвы, самостоятельно совершает жертвоприношение (Anth. Pal. XI. 324). Однако упоминаемые в источниках случаи жертвоприношений, совершаемых неокорами, единичны.

Мы рассмотрели некоторых низших служителей греческого храма. В разных частях греческого мира их могло быть больше — процитированный выше Иоанн Дамаскин называет еще, к примеру, ῥάνται — окропителей; в корпусе письменных источников мы этого термина больше нигде не нашли, среди надписей встретили лишь однажды — некий ῥάντης упоминается в надписи из Спарты (IG V. 1. 197).

Отдельно от остальных нужно сказать о θύτης — человеке, как-то связанном с принесением жертвы, но неизвестно, имевшем ранг жреца или нет. В надписи из Акарнании ἱεροθύτης стоит в ряду μάντις, αὐλητάς, μάγειρος, διάκονος, ἱεροφόρος, παῖδες (IG IX. 1^2. 2:250). В данном случае это священнослужитель явно не высшего ранга. В других надписях (особенно в надписях Линдоса на Родосе) ἱεροθύτης занимает более почетное место и упоминается рядом со жрецами: εὔξασθαι μὲν τοὺς ἱερεῖς καὶ τοὺς ἱεροθύτας τῶι Διὶ καὶ τῶι Ἁλί [ωι] καὶ τᾶι Ῥόδωι καὶ τοῖς ἄλλοις θεοῖς (SEG 23:547. 14–15). τοὶ ἱερεῖς καὶ ὁ ἀρχιεροθύτας καὶ τοὶ ἱεροθύται τὸν ἱερῆ τᾶς Ἀθάνας τᾶς Λινδίας καὶ τοῦ Διὸς τοῦ Πολιέως (Lindos. II. 384d). В одной надписи из Линдоса (296 до н.э.) перечисляются ἱερεύς, ἀρχιεροθύτας и несколько ἱεροθύται (Lindos. II. 70). Ἱεροθύται Линдоса имели право приносить жертву: LSS 87 — θύοντι ἱεροθύται, 88 — θυέτω ἀρχιεροθύτας, 89 — θύει ἀρχιεροθύτας, могли отдавать в аренду собственность: μισθῶ[σα]ι τὸ κτῆμα ὁ ἱεροθ[ύ]τα[ς κ]αὶ τ[οὶ] ἱ[ε]ρομνάμο[νες (Rhodian Peraia 5). Должность ἱεροθύτης была распространена на островах, соседних с Родосом, и в Карии[43]. Однако, как отмечает Д. Смит, они всегда находились в конце списка культовых магистратов[44]. Упоминаются ἱεροθύται и в других надписях[45], однако функции их плохо идентифицируются. Ж. Винан, посвятивший монографию этой проблеме, делает вывод о существовании двух категорий ἱεροθύται: одни составляли коллегию и были культовыми служителями, занимавшими подчиненное положение и обслуживавшими культы малых божеств и героев (напр., на Родосе, в Спарте, в Кирене, в Мессении), другие, бывшие в единичном числе, фактически исполняли жреческие функции и играли ведущую роль в культах главных богов (напр., в Агригенте, Тимносе, на Мальте)[46]. С. Георгуди замечает, что невозможно точно обозначить статус ἱεροθύται и можно сделать только общее заключение, отнеся их к магистратам, уполномоченным выполнять «определенные культовые обязанности»[47]. Вероятно, ἱεροθύται можно причислить к низшему «слою» жрецов или к переходному разряду между жрецами и низшими храмовыми служите-

[43] Подробнее о ἱεροθύται Родоса и его окрестностей см. Smith 1972, 536–539.
[44] Smith 1972, 537.
[45] Подробнее см. Winand 1990 passim; Smith 1972, 537–538; Georgoudi 2005, 41.
[46] Winand 1990, 206–207.
[47] Georgoudi 2005, 41.

лями. Поэтому здесь мы хотели бы остановиться, чтобы в дальнейшем перейти к рассмотрению лиц, относившихся непосредственно к категории жрецов.

ЛИТЕРАТУРА

Иванчик А. И. 2008: Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса // ВДИ. 2, 57–72.

Кулишова О. В. 2001: Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв.до н.э.). СПб.

Латышев В. В. 1997: Очерк греческих древностей. СПб.

Лауэнштайн Д. 1996: Элевсинские мистерии. М.

Amandry P. 1950: La mantique apollinienne à Delphes. Paris.

Bremmer J. 2008: Priestly Personnel of the Ephesian Artemisium: Anatolian, Persian, Greek and Roman Aspects // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus / Dignas B., Trampedach K. (eds.). Cambridge; London, 37–53.

Büchner W. 1888: De neocoria. Gissae.

Burrell B. 2004: Neokoroi. Greek Cities and Roman Emperors. Leiden; Boston.

Bruneax Ph. 1970: Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. Paris.

Chaniotis A. 2008: Priests as Ritual Experts in the Greek World // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus / Dignas B., Trampedach K. (eds.). Cambridge; London, 17–36.

Chankowski V. 2008: Athènes et Delos à l'époque classique. Recherches sur l'administration du sanctuaire d'Apollon délien. EFA.

Chantraine P. 1974: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris.

Clinton K. 1974: The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries. Philadelphia.

Deubner L. 1932: Attische Feste. Berlin.

Dignas B. 2008: "Greek" Priests of Sarapis // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus / Dignas B., Trampedach K. (eds.). Cambridge; London, 73–88.

Elliger W. 1992: Ephesos. Geschichte einer antiken Weltstadt. Stuttgart.

Georgoudi S. 2005: Magistrats, fonctionnaires, agents au service des dieux // Thesaurus cultus et rituum antiquorum. V. Los Angeles, 31–60.

Hamilton R. 1985: Euripidean Priests // HSCP. 89, 53–73.

Hanell K. 1935: Neokoroi // RE. 32 Hlbd, 2422–2427.

Henrichs A. 2008: What is a Greek Priest? // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus / Dignas B., Trampedach K. (eds.). Cambridge; London, 1–14.

Hoff von den R. 2008: Images and Prestige of Cult Personnel // Practitioners of the Divine. Greek Priests and Religious Officials from Homer to Heliodorus / Dignas B., Trampedach K. (eds.). Cambridge; London, 107–141.

Homolle Th. 1890: Comptes et inventaires des temples Déliens en l'année 279 // BCH. 14, 389–515.

Jones N.F 1999: The Associations of Classical Athens. The Response to Democracy. New York; Oxford.

Jordan B. 1979: Servants of the Gods. A Study in the Religion, History and Literature of Fifth Century Athens. Goettingen.

Olivier J.-P. 1967: Le damokoro: un fonctionnaire mycénien // Minos. VIII, 118–122.

Petruşevki M. 1965: Aukewa Damokoro // Ziva Antika. 15, 12.

Robert L. 1960: Inscription d'Athènes // Recherches épigraphique. 62, 316–324.

Roesch P. 1984: L'Amphiaraion d'Oropos // Temples et Sanctuaires. Paris, 173–184.

Savelkoul A. 1988: Un néocore de Zénoposéidon à Mylasa. Machon, Fr. 8 Gow // L'Antiquité classique. 57, 274–279.

Smith D. R. 1972: Hieropoioi and hierothytai on Rhodes // L'Antiquité classique. 41, 532–539.

Thompson W. E. 1971: The Neokoroi of Poseidon Hippios // Hesperia. 40, 232–234.

Turner J. A. 1983: Hiereiai: Acquisition of Feminine Priesthoods in Ancient Greece. Santa Barbara.

Winand J. 1990: Les hiérothytes. Recherche institutionnelle (Académie royale de Belgique. 68. 4.).

Woodward A. M. 1963: Financial Documents from the Athenian Agora // Hesperia. 32, 155–163.

JUNIOR RELIGIOUS STAFF IN ANCIENT GREECE

V. S. Lenskaya

The article deals with Ancient Greece junior religious staff that consisted of permanent and temporary members. Temporary attendants, represented by youths and girls from noble families, performed their duties only on celebration days, and it was honorable right rather than work or duty. The second group of junior staff consisted of attendants coming from lower social strata who got payment. These were zacores and neocores and some other categories of attendants.

Key words: Ancient Greece, junior religious staff.

© 2011

А. А. Супренков

ЭМПОРИОН: ГРЕКО-ВАРВАРСКИЙ СИМБИОЗ НА КРАЙНЕМ ЗАПАДЕ ЭЛЛИНСКОГО МИРА

Статья посвящена истории и археологии Эмпориона – крайней западной фокейской колонии северо-западного Средиземноморья в греческий период — VI–III вв. до н.э. В ней затронуты некоторые общие проблемы и подробнее рассмотрен вопрос взаимоотношений Эмпориона со своими окрестностями, населёнными иберийскими племенами.

Ключевые слова: фокейская колонизация, Эмпорион, греки и иберы, полис и хора.

Эмпорион — хорошо известная и исследованная фокейская колония на Пиренейском полуострове. При этом её история и археология остались в стороне от интересов большинства отечественных исследователей. В нашей работе мы хотим, коснувшись кратко некоторых общих проблем, активно обсуждаемых в новейших зарубежных исследованиях, подробнее рассмотреть, в частности, одну из наиболее дискуссионных — о существовании и характере хоры Эмпориона. Общеизвестно, что так называемая греческая колонизация является своего рода повторением социально-экономического развития того или иного центра метрополии. В полной мере это относится и к организации сельскохозяйственной территории. Наряду с господством общеизвестной схемы «полис — хора», мы имеем немногочисленные примеры городов, практически лишённых хоры. Такие примеры, как правило, характерны для раннего периода колонизации и для далёких окраин. Предмет нашего исследования заключается в вопросе, является ли Эмпорион примером такой колонии.

На сегодня локализация города, о котором писали многие древние авторы (Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Полибий, Страбон, Силиус Италик, Тит Ливий, Плиний Старший), не вызывает сомнений. Он распологался в южной части залива Росас (Roses)[1], на территории муниципалитета Сан-Марти-д'Эмпуриас (Sant-Marti d'Empuries) в Каталонии, к северу от испанского города Ла-Эскала (L'Escala) (рис. 1). Долина, где была основана греческая колония, носит название Ампурдан (Ampurdain). Она ограничена Пиренейскими горами на севере, Гаванами (Gavanes) на юге, невысокими холмами на западе и Средиземным морем на востоке. Это долина, пригодная для распашки, наполнена третичными осадками и четвертичными

Супренков Александр Анатольевич — младший научный сотрудник Отдела охранных раскопок Института археологии РАН. E-mail: suprenkov@mail.ru

[1] Для локальных географических названий существуют разные варианты перевода, поэтому в некоторых случаях мы даём в скобках название на языке источника.

аллювиальными отложениями трёх рек: Мугиа (Mugia) на севере, Флувиа (Fluvia) и Тер (Ter) на юге. Непосредственные окрестности Эмпориона — Нижний Ампурдан (Bas Ampurdain) находятся под влиянием бассейнов двух рек — Флувиа и Тер. Здесь имеет место тектоническое оседание, которое увеличивает речной нанос обломочными отложениями, поднимающими дно водных бассейнов. Внутри этой гидросистемы сложилась дельтовая равнина. Сток рек с горных массивов Гаротса (Garrotxa) и Гаваны встречает два типа препятствий: изменение береговой линии (последовательное формирование лагун) и известковый барьер, образованный сбросом горных пород и препятствующий водотокам. Именно сброс горных пород сформировал холмы, окружающие Эмпорион, которые образуют высокий мыс, на котором впоследствии был построен город и портовые сооружения, а также больший по площади массив Монгри (Montgri). Он препятствует впадению в море реки Тер, разделяя её на два рукава, один из которых присоединяется к устью Флувиа, а другой течёт к южной части долины. С запада этот регион ограничен группой холмов Аспер (Aspers) и Террапрам (Terraprims) — отрогами горных хребтов, с которых реки несут потоки аллювия и коллювия. К северо-западу от долины находятся базальтовые обнажения с незначительным содержанием оливина. В целом, наиболее благоприятным природным фактором Нижнего Ампурдана, являлось в древности наличие дельты, с обширными богатыми землями, требующими, однако ирригационных работ, в связи с затруднением выхода воды[2].

В древности это побережье представляло собой заболоченную местность, где пригодной для обитания были только возвышенности. Одна из них — Сан-Марти д'Эмпуриес, островок, изолированный от берега, и стал приютом первых греческих колонистов. Здесь был основан греческий город Палеаполис (Paleapolis). В настоящее время тут расположена одноимённая деревушка.

Местность эта не была вовсе необитаемой. К югу от острова (на нынешнем побережье) существовала ещё одна возвышенность, окружённая в древнее время болотами, с тремя вершинами, расположенными с запада на восток: Портиколь (Portitxoll), Туро д'Эмпуриес (Turo d'Empuries), и Туро д'эль Кор (Turo de les Corts). На двух из этих вершин — Портиколь и Туро д'эль Кор, а также и на самом острове Сан-Марти д'Эмпуриес была обнаружена керамика эпохи бронзы (рис. 2). Некрополь Портиколь, данные раскопок которого не дают абсолютно ясной хронологической картины, и на котором были выявлены наиболее древние вещи из Эмпориона, содержал также захоронения в лепных урнах, перекрытых камнем или тарелкой. На этой же возвышенности были найдены захоронения типа «Champs d'urnes» — «поля урн», что говорит о том, что он может датироваться периодом до появления греков в регионе.

Некрополь Паралли (Paralli) на Туро д'эль Кор, относящийся к томиу же типу был исследован лучше и опубликован М. Альмагро. Несмотря на то, что он был перекрыт некрополем III–II вв. до н.э., соответствующий анализ позволил датировать захоронения первого этапа бытования некрополя началом VI в. до н.э., т.е., временем прибытия первых греческих колонистов. Впоследствии, была предложена идея и о существовании поселения эпохи поздней бронзы близ этого некрополя[3].

[2] Vignot 1991, 234–236.
[3] Plana-Mallart 1994, 17.

Рис. 1. Расположение Эмпориона.

Рис. 2. Расположение археологических объектов в окрестностях будущего греческого города (по материалам П. Руяра).

В первой половине VIII в. до н.э. и на Сан-Марти д'Эмпуриес появилось население, использовавшее лепную посуду, украшенную бороздками с полированной поверхностью. Поселение это существовало до начала VI в. до н.э. В качестве некрополя его жители могли использовать Паралли, Портиколь или какой-то другой[4].

Таким образом, греки выбрали для первого поселения уже населённую территорию, что говорит о готовности к контакту с местным населением на самом первом этапе колонизации. Следует отметить и то, что побережье залива Росас предоставляло массу возможностей для альтернативы. Южная часть залива является наиболее низменной, и отсюда открывается множество возможностей для доступа во внутренний регион. Выбрав её, греки отказались от хорошо защищённых территорий на севере залива, где они могли бы поселиться в изолированных от туземного мира местах.

Кто же жил на территории, привлекшей греков? Северо-восток Иберийского полуострова был населён народами «иберийской культуры», исследованиям истоков которой посвящено множество работ. Не вдаваясь в детали, приведём мнение Л. М. Коротких о том, что этнос, который принято называть иберийским, оформился на основе глубоких неолитических традиций с последующим влиянием индоевропейских и, возможно, североафриканских племён[5]. Племена, населявшие территорию непосредственно Ампурдана, упоминаются у древних авторов как индикеты и относятся к иберийским. Археологически они характеризуются захоронениями в лепных урнах « Champs d'urnes ». Их область обитания простиралась от Пиренеев до реки Тордера (Tordera) и от побережья до континентальной Серралады (Serralada Interieure).

На момент, предшествующий появлению фокейских греков на побережье, индикеты находились на стадии перехода от поздней бронзы к раннему железному веку. Неподалёку от побережья, к югу от Сан-Марти д'Эмпуриес возникает сеть поселений (кроме тех, о которых мы говорили, это Ла Фонорелла (La Fonorella), Пуиг Маскаро (Puig Mascaro), Кастелл (Castell), Илла д'ан Рейсак (Illa d'en Reixac), Пуиг де Сан-Андрё (Puig de Saint Andreu)), расположение которых неподалёку от побережья может свидетельствовать о заинтересованности их жителей в морской торговле.

Торговыми же предшественниками греков, как известно, были в первую очередь финикийцы. Разные авторы упоминают об их присутствии на побережье начиная с середины VII в. до н.э., археологически же их влияние выражено в находках на некоторых из поселений финикийско-пунических амфор конца VII в. до н.э. Кроме них, этруски, безусловно, посещали этот регион — в ряде поселений в конце VII — начале VI вв. до н.э. появляются «bucchero nero» (вид черноглиняных сосудов с рельефными украшениями) и этрусские винные амфоры. Однако этрусское влияние было, вероятно, незначительным[6].

В историографии существовала гипотеза о дофокейском освоении северо-востока пиренейского полуострова родосцами, но она не нашла убедительного археологического подтверждения.

[4] Rouillard 1991, 248.
[5] Коротких 1983, 136–137.
[6] Plana-Mallart 1994, 45–46.

Мореплавателей могли привлекать к этим берегам плодородные земли и рудниковые ресурсы Пиренеев. Что касается аборигенов, то для осуществления торговой деятельности, они должны были обладать достаточно развитым хозяйством, позволявшим создать избыточный продукт. Какая-то правящая группа при этом должна была контролировать как торговые операции, так и использование природных ресурсов. Наличие такой прослойки подтверждается и дифференциацией захоронений в туземных некрополях.

Попытаемся ответить на вопрос о происхождении первых колонистов и о дате основания колонии**.**

Спор о том, был ли основан Эмпорион непосредственно фокейцами из Фокеи или массалиотами был вызван разными указаниями на это у древних авторов. Силиус Италик, Тит Ливий, и Плиний Старший говорят о том, что Массалия и Эмпорион были параллельно основаны фокейцами. У Псевдо-Скилака — же и Страбона сказано, что Эмпорион был основан Массалией. Дата снования города также точно не отражена в письменных источниках — ни у Авиена (который первый говорит о греческих колониях на Пиренейском полуострове) ни у Гекатея ни у Геродота Эмпорион не упоминается. Впервые поселение с этим названием встречается только у Эфора — автора IV в. до н.э.

В настоящее время археологические исследования позволяют относительно уверенно ответить на эти вопросы. При исследованиях на Палеаполисе была выявлена керамика с ленточным орнаментом из Восточной Греции и с островов, которая датируется 590–580 гг. до н.э. Начало VI в. до н.э., как дату основания первого поселения на Палеаполисе, предлагали разные исследователи фокейской колонизации[7]. Существовали версии и о более ранней дате основания Эмпориона, предшествующей основанию Массалии, но они остались только гипотезами. При этом, отсутствие какой-либо массалиотской продукции в начальном периоде обоснования греков в Нижнем Ампурдане (самые ранние монеты из Массалии датируются 560–540 гг. до н.э.) заставляют нас присоединится к мнению исследователей полагающих, что первое поселение на Палеаполисе было основано группой фокейцев непосредственно из Фокеи[8], и лишь после основания оно попало под влияние Массалии. Новейшие исследования архаических строительных остатков Палеаполиса позволяет их датировать первой четвертью VI в. до н.э.[9]

Что касается самого поселения на Палеаполисе, то оно было небольшим. Архаические греческие постройки возникли, безусловно, на месте более ранних, туземных. На поселениях индикетов в окрестностях в это время сокращается число лепной керамики и появляется импортная керамика с запада и из восточной Греции. Однако коммерческая активность первого греческого поселения невелика, она охватывает только крайний северо-восток Пиренейского полуострова. В это время колония, вероятно, выполняла собственно эмпориальные функции, и её жизнедеятельность контролировалась другой крупнейшей фокейской колонией на Западе — Массалией.

Создание Неаполиса и путь от эмпория к полису.

---

[7] Villard 1960, 116.
[8] Roillard 1991, 250.
[9] Aquilué, Castanyer, Santos, Trémoleda 2002, 301–327.

Рис. 3. Вид с востока на строительные остатки античного Эмпориона.

Рис. 4. Эмпорион, греческий город Неаполис, космический снимок.

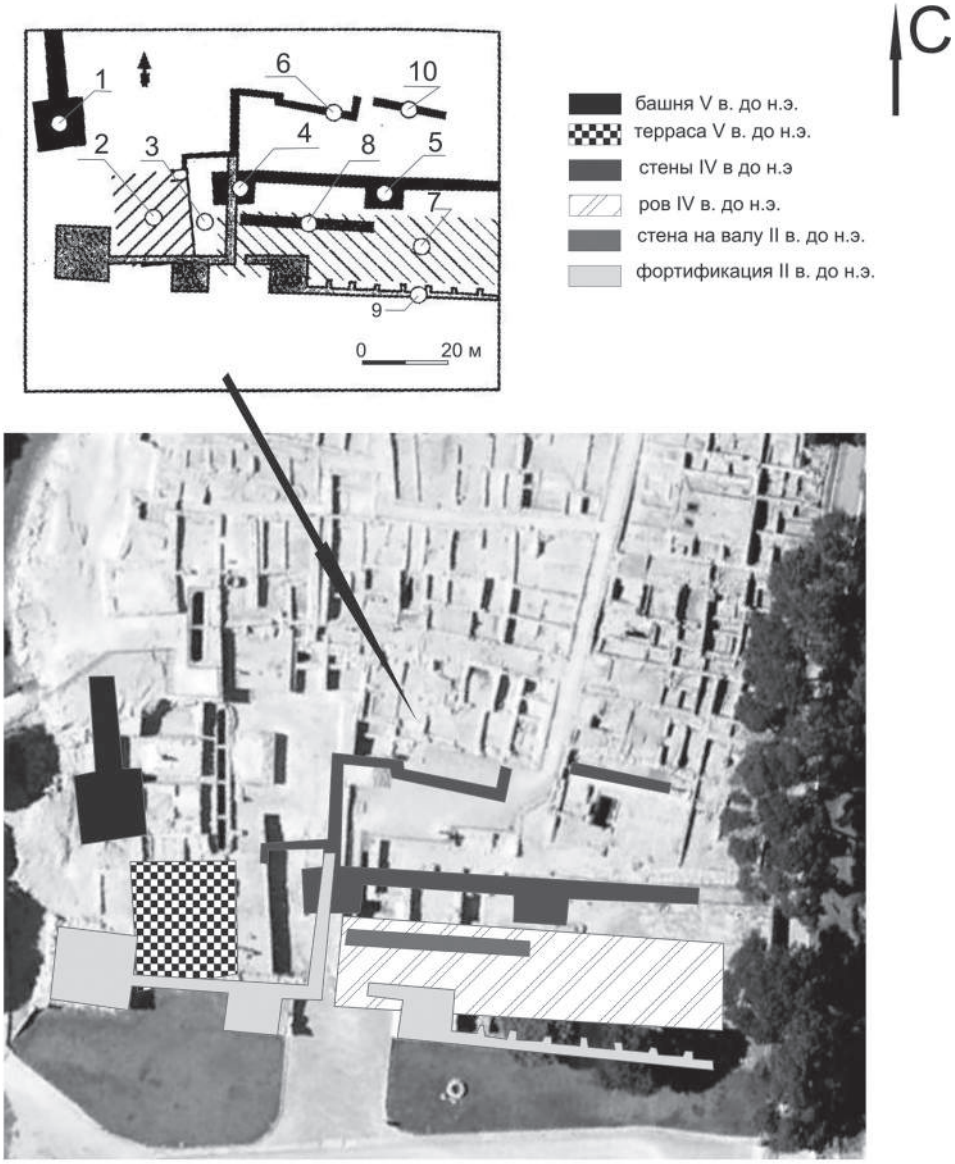
Письменные источники не дают точной даты события, когда греки поселились в нескольких сотнях метрах к югу от Палеаполиса на Туро д' Эмуриес. В качестве отправной точки историками предлагается несколько значимых фактов: разгром Фокеи Гарпагом и связанный с этим приток фокейских беженцев на запад[10], затем поражение в битве при Алаллии (результаты которой оцениваются историками неоднозначно[11]) либо влияние Массалии. Это произошло где-то в середине V в. до н.э. Возможно, это связано и с внутренними причинами — ростом числа колонистов, обретением торговой независимости и расширением торговой деятельности, появлением у эмпория функций, свойственных городу. Город, выросший на новом месте и получивший название Неаполис (искусственное название, присвоенное историками в противовес Палеополису), хорошо изучен археологически (рис. 3–4). По сравнению с другими греческими колониями северо-западного Средиземноморья, его размеры были невелики: они никогда не превышали 3,5 га. В V в. до н.э. в городе появляется фортификация (рис. 5). Она представлена в этот период прямоугольной башней и какими-то остатками куртины (рис. 5, *1*), снаружи которой осталась терраса (рис. 5, *2*), на которой были найдены остатки святилища V в. до н.э. (возможно Артемиды) и, скорее всего, туземного жилища (рис. 5, *3*). Это является иллюстрацией к ситуации, отражённой в письменных источниках, о непосредственном соседстве греческой и иберийской общин. Прослеживая эволюцию оборонительной системы, мы видим, что для IV в. до н.э. она исследована лучше, хотя и не исчерпывающе. Возникает также оборонительная стена на западе, внутри которой расположено святилище Асклепия, и южная куртина, оформленная двумя четырёхугольными башнями (рис. 5. *4–5*). Возле западной башни имеется проход во внутренний двор, ограниченный с севера другой стеной (рис. 5. *6*), которая перекрыла какие-то строительные остатки предыдущего периода (V в. до н.э.(?)). Позднее перед стеной IV в. до н.э., ориентированной восток-запад, сооружается ров (рис. 5, *7*), который уничтожил какие-то туземные постройки V в. до н.э., и перед ним вал, который впоследствии укрепляется стеной (рис. 5, *8*). Этот вал, считавшийся долгое время эллинистическим, был впоследствии датирован Е. Санмарти II в. до н.э.[12] В этом же веке городская фортификация приобретает более классический вид: южная часть города огораживается стеной с воротами, укреплёнными двумя прямоугольными башнями (рис. 5, *9*). Особенности фортификации Эмпориона — довольно тонкие стены. В IV в. до н.э. их мощность в среднем составляет около 2 м и около 1,4 м во II в. до н.э. Это также может косвенно отражать тезис об относительно мирном сосуществовании греков и иберов[13].

Два текста древних авторов описывают разные стороны жизни Эмпориона.

(Strabo III. IV. 8)

Побережье от Столпов до Тарракона имеет мало гаваней, но следующая его часть — от Тарракона до Эмпория — имеет хорошие гавани, и страна отличается плодородием (как

[10] Bérard 1960, 132.
[11] Gras 1987, 161–181.
[12] Sanmarti 1986, 81–110.
[13] Trézini 1994, 115–135.



1: Башня и стена V в. до н.э.
2: Терраса V в. до н.э.
3: Остатки туземного жилища V в. до н.э.
4-5: Башни на южной стене IV в. до н.э.
6,10: Северные стены IV в. до н.э.
7: Ров II в. до н.э.
8: Стена, укрепляющая вал II в. до н.э.
9: Фортификация II в. до н.э. (следующий строительный период)

0 20 м

Рис. 5. Фортификация Эмпориона: схема Э. Санмарти на космоснимке (по материалам А. Трезини).

область леетанов, так и лартолеетов и других народностей). Эмпорий был основан массалийцами; он находится на расстоянии около 200 стадий от Пиренеев и от общей границы между Иберией и Кельтикой; и это побережье все плодородно и имеет хорошие гавани. Здесь есть Родос, городок, принадлежащий эмпоритам, хотя некоторые говорят, что он был основан родосцами. И в Родосе, и в Эмпории почитают Артемиду Эфесскую; причину этого я изложу в моем рассказе о Массалии. Эмпориты прежде жили на островке, лежащем напротив, который теперь называется Старым Городом, но в настоящее время они живут на материке. Это — двойной город, так как он разделен надвое стеной; в прежние времена соседями города были какие-то индикеты, которые, хотя и имели собственное правительство, хотели ради безопасности иметь общую стену укреплений с греками, с двойными ограждениями, так как город разделен стеной, проходившей через центр. С течением времени обе народности объединились в одну общину с одинаковым государственным устройством, которое представляло некоторое смешение из варварских и греческих установлений, что имело место и у многих других племен.

(Liv. XXXIV. 9)

(1) Уже тогда Эмпории представляли собой два города, разделенных стеной. В одном жили греки, переселившиеся из Фокеи, как и массилийцы, в другом — испанцы. (2) Греческий город выдавался в море и был окружен стеной протяженностью менее четырехсот шагов; испанский же город, более отдаленный от моря, окружала сплошная стена длиною в три мили. (3) Римские колонисты (третий род жителей Эмпории) поселены здесь были божественным Цезарем после его победы над сыновьями Помпея. Ныне все они слились в единое целое, после того как все жители того города, сначала испанцы, а потом и греки, получили права римских граждан. (4) А в те времена можно было подивиться, как обеспечивали свою безопасность те, кто был открыт с одной стороны морю, а с другой — испанцам, племени свирепому и воинственному. Охраняло их то, что обычно составляет защиту слабых — строжайшая бдительность, поддерживаемая страхом в окружении более сильных. (5) Часть стены, обращенная к полям, была очень хорошо укреплена, и в ней были только одни ворота, которые всегда охранял кто-либо из должностных лиц. (6) Каждую ночь треть граждан проводила на стенах; дозор и обходы делали не просто по обычаю или потому, что так полагалось, а с таким тщанием, как если бы враг стоял у ворот. (7) Ни одного испанца в городе не принимали, и сами жители не выходили за стены без важного на то повода. (8) Со стороны моря, однако, все выходы были открыты. Через ворота, которые вели в испанский город, греки ходили только сразу по многу человек, и это обычно была та треть граждан, что несли стражу на стенах прошлой ночью. (9) Ходили же они туда потому, что испанцы, мало сведущие в мореплавании, и с охотой покупали привозимое на чужих кораблях, и рады были продавать плоды своих полей. Ради этой взаимной выгоды испанцы и открыли грекам вход в свой город. (10) Греки и оттого еще не слишком опасались, что жили как бы под сенью дружбы с римлянами. Дружбу эту они хранили столь же истово, как и превосходившие их могуществом массилийцы. И в тот раз греки приняли консула и его войско со всем гостеприимством и радушием. (11) Катон пробыл у них несколько дней, пока разузнал, где находится противник и сколько у него войска. Не желая терять время в бездействии, он использовал его для обучения солдат. (12) Стояло как раз то время года, когда испанцы собирают зерно в риги; Катон запретил подрядчикам закупать хлеб для войска и отослал их обратно в Рим, сказавши: «Война сама себя кормит». (13) Выступив из Эмпории, опустошает он вражеские поля, жжет урожай, все вокруг преисполняет ужасом и обращает в бегство.

Эти тексты в чём-то противоречат друг другу, к примеру, в вопросе о происхождении колонистов, который мы уже обсудили, и в вопросе о взаимоотношениях между общинами. Но оба они говорят о соседском проживание греков и иберов. Более того, у Стефана Византийского есть указание на то, что это туземное поселение, соседствующее с Эмпорионом, было городом Индикой — столицей индикетов. При этом, несмотря на неплохую изученность Эмпориона, явного археологического подтверждения эта информация не нашла. Данной проблеме посвятила работу Мария-Жозе Пена. В своей статье она пишет, что в историографии бытовало мнение, будто бы Индика находилась под римским Эмпорионом, расположенным к западу от греческого. Однако работы Е. Санмарти на территории римского города показали, что он не был заселён до начала III в. до н.э. Раскопки к югу от Эмпориона, на месте нынешней автомобильной стоянки, также не выявили каких-то следов города индикетов. При этом с востока Эмпорион ограничен морем, к северу от него в древности был древний порт, к западу — некрополи Марти (Marti) и Бонжон (Bonjoan), которые отделяли римский город от греческого. Внимательно исследовав древние тексты, а также проанализировав структуры выявленных строительных остатков греческого времени, автор пришла к выводу о том, что города индикетов у греческих стен не существовало и, говоря о двойном городе, древние авторы подразумевают более позднюю эпоху, когда был построен римский город[14]. Принимая во внимание эту несколько революционную гипотезу, нельзя отрицать теснейшей связи между греческой и иберийской общинами, которая прослеживалась во всех формах экономической деятельности, о которой мы подробнее скажем ниже. Источники эпиграфики из материалов некрополей вроде бы всё же подтверждают наличие города индикетов возле Эмпориона[15]. Если же принимать информацию Тита Ливия за достоверную, то смущает такая разница в размерах между иберийским и греческим городами. Согласно Титу Ливию вал, окружающий город индикетов, имел длину в 3 мили (4500 м), и, таким образом, площадь этого города должна была составлять около 105 га, то есть город занимал всю территорию Туро д'Эмпуриес вместе с возвышенностями Ле Кор и Портиколь[16].

Что касается экономического развития этого нового греческого поселения, то большинство исследователей полагают, что в начале V в. до н.э. Эмпорион становится независимым от Массалии. В V в до н. э. Массалия переживает экономический кризис, который характеризуется резким сокращением экспорта. В это же время в Эмпорионе появляется большое количество аттической керамики, что говорит о возникновении прямых или опосредованных торговых связей между Эмпорионом и Афинами[17]. Типы аттической керамики Эмпориона схожи с типами в колониях Великой Греции и Сицилии. Возможно, полисы этих регионов были торговыми посредниками. В VI в. до н.э. Фокейский торговый путь из Северо-Западного Средиземноморья проходил через Мессинский пролив — территорию, находившуюся под влиянием Халкидских колоний. Однако в V в. до н.э., после разрыва Халкидо — Фокейского союза, возрастает влияние сицилийских

[14] Péna 1985, 71–75.
[15] Коротких 2003, 292.
[16] Roillard 1991, 254.
[17] Villard 1960, 117–118.

полисов, в особенности Сиракуз. Схожесть некоторых эмпорионских монет с сиракузскими также может свидетельствовать о влиянии сицилийских полисов на Афино-Эмпорионскую торговлю. Динамику этой торговли можно проследить на эволюции типов афинского импорта в Эмпорионе. Если в 540–500 гг. до н.э., в период зависимости от Массалии, чернофигурная керамика представлена слабо, то краснофигурная, период распространения которой в западном Средиземноморье начинается с первой четверти V в. до н.э., представлена во множестве и самыми разными типами[18]. Интенсивный импорт аттической керамики продолжается вплоть до середины IV в. до н.э., в то время как для Массалии это период снижения торговой активности. Ещё одно подтверждение торговой независимости Эмпориона — резкое сокращение в течении V в. до н.э. числа массалиотской керамики[19].

В это же время в Эмпорионе появляется собственная монета. Массалиотские монеты типа Auriol сменяются серебряными монетками без надписей, на которых затем появляется легенда EM. Впоследствии эти монеты начинают имитировать афинские с изображением головы Афины на аверсе и совой на реверсе. В IV в. до н.э., эмпорионские монеты приобретают сходство с монетами полисов Великой Греции и Сицилии.

Многочисленные находки в городе и окрестностях пунической керамики свидетельствуют и об активном торговом обмене между Эмпорионом и Карфагеном. Эмпорион находился на пересечение важных морских путей и, возможно, играл роль свободного порта. Греческая и карфагенская торговля имели точки пересечения, о чём говорит содержимое трюма корабля, найденного близ острова Майорка, где содержалась пуническая керамика, аттические амфоры с пуническими граффите и греческие амфоры[20].

Что касается предмета этой торговли, то Афины поставляли в основном аттическую посуду, а Эмпорион, вероятнее всего, сельскохозяйственную продукцию. В V–IV вв. в окрестностях города появляется множество ям для хранения зерна. Другими статьями экспорта также могли быть лён и дрок, упоминаемые Страбоном. Нельзя забывать и об относительной близости Эмпориона к Пиренеям, богатыми рудой.

Помимо торговой деятельности, в городе, безусловно, существовало и ремесло — раскопки выявили на территории города постройки, связанные с производством керамики.

Таким образом, в течение V–IV вв., Эмпорион становится небольшим (Пьер Руяр полагает, что в классическую эпоху его население не превышало 500 человек[21]), но независимым городом, имеющим укрепления, выпускающим собственную монету и играющим определённую роль в средиземноморской торговле, население которого уже чётко идентифицировали себя как эмпориоты[22].

Нам очень мало известно о политической структуре этого полиса. Традиционно он считается аристократическим, как и Массалия. При этом письменные

[18] Jully 1982, 134.
[19] Sanmarti, Castanayer, Termoleda 1990, 165–170.
[20] Plana-Mallart 1994, 30.
[21] Rouillard 1991, 257.
[22] Plana-Mallart 2004, 245.

источники ясно указывают на то, что Эмпорион являлся двойным — иберо-греческим городом. И археологически, как мы упоминали выше, в V в до н.э. непосредственно близ стен Эмпориона зафиксированы какие-то иберийские постройки. Впоследствии, если верить Страбону, обе общины смешались в единое общество с общим государственным устройством. Это единство прослеживается на материалах некрополя Марти V–III вв. до н.э., к западу от города, где иберийские кремации соседствуют с греческими погребениями, а также на нескольких найденных в Эмпорионе надписях. Одна из них — на свинцовой пластине на ионийском диалекте, опубликованная Е. Санмарти-Грего[23], последней четверти VI в. до н.э., представляет собой коммерческое письмо, написанное каким-то фокейцем из западных колоний. В нём идет речь о торговом грузе, который был куплен человеком по имени Baspedas. Обладатель этого туземного имени мог быть одним из иберов, проживающих в Эмпорионе, учитывая, что в письме есть ссылка на эмпориотов. Две надписи на иберийском языке IV–III вв. до н.э. были в свою очередь найдены в греческих слоях, близ святилища Акслепия, что навело ряд исследователей на мысль, что этот храм мог быть местом заключения каких-либо греко-иберийских договоров. Существует и ещё одна надпись на ионийском диалекте, плохо читаемая, но в которой используется слово «закон» и говорится о каких-то двух группах населения. Возможно, это остатки документа, регламентирующего отношения в смешанном полисе[24]. Нельзя забывать и о тексте Тита Ливия, согласно которому отношения греков и индикетов не всегда были мирными.

Жизнь колонии в III в. до н.э. плохо изучена археологически в связи с массовыми перестройками в римское время. В это время деятельность полиса находилась под воздействием противостояния Карфагена и Рима. Если в течение IV в. до н.э. торговые связи между Эмпорионом и Карфагеном укрепляются, то в III в. до н.э. наблюдается сокращение в Эмпорионе пунического импорта. По Аппиану известно (Аппиан-Римская История-Иберийско-Римские войны–7), что Эмпорион обращается за помощью к Риму против Карфагена. Напомним, что и Массалия была последовательным римским союзником. В 218 г. до н.э. в Эмпорионе впервые высаживается римская армия, а в 197 г. до н.э., с прибытием в город армии Катона для подавления восстания иберийских племён, для полиса наступает римский период истории. На вершине холма к западу от Эмпориона строится постоянный римский лагерь, который становится основой для римского города, который возникает в первой половине I в. до н.э. Впоследствии Цезарь селит в него ветеранов, которые сражались в Иберии против мятежных войск Помпея, и город становится munizipium Emporiae[25].

Как писалось выше, историю греческого Эмпориона, в особенности экономическую, невозможно рассматривать вне контекста развития окружающих полис индикетов. Иберийские поселения интересующей нас эпохи традиционно подразделяются на древний иберийский (Ibérique Ancien — середина VI — середина V вв. до н.э.) и средний иберийский периоды (Ibérique Plein — середина V в. до н.э. — римское время). Для первого периода характерны равнинные поселе-

[23] Sanmarti-Grego, Santiago 1988, 3–17.
[24] Plana-Mallart 1994, 35.
[25] Menulis 2010, 62–63.

ния с землянками и поселения на возвышенностях с каменными постройками на морском побережье или возле рек. Поселений древнего иберийского периода в окрестностях Эмпориона немного, среди них наиболее значимые — Илла д'ан Рейсак (Illa d'en Reixaq) и Пуиг де Сант-Андрё (Puig de Saint Andreu) в Ульястрете (Ullastret). Основная масса населённых пунктов возникает здесь в средне- иберийский период и они представлены оппидумами (oppida) и «группами силосных ям» (champs de silos). Оппидумы — поселения на возвышенностях с укреплениями, прямоугольными домами в основном на каменных фундаментах и стенами из сырцовых кирпичей, в которых для снабжения водой использовались водосборочные цистерны. Что касается второго типа поселений, то это были равнинные поселения сельскохозяйственного назначения, которые в основном состояли из групп ям и одной или нескольких землянок. Основными центрами заселения в окрестностях Эмпориона становятся в средне- иберийскую эпоху, кроме вышеуказанных поселений близ Ульястрета ещё Понтос (Pontos) к западу от Эмпориона и Пералада (Peralada) к северо-западу, вокруг которых формируется множество сельских поселений с «силосными» ямами (рис. 6).

На истории некоторых из этих поселений можно проследить, как иберийская община эволюционировала параллельно с усилением Эмпориона. В середине VI в до н.э. поселение Пуиг де Сант-Андрё в Ульястрете превращается в укреплённый оппидум с круглыми башнями и площадь этого городища увеличивается до трёх га. В VI–V вв. и на укреплённом, и на равнинном поселении Илла д'ан Рейсак появляется круговая керамика, а также множество импортной, в основном с юга полуострова и из греческих колоний. В амфорном импорте преобладают иберо-пунические амфоры, число которых составляет около 60 %. При этом Ульястрет начинает имитировать импортную керамику. В конце V — начале IV вв. до н.э. фортификация Пуиг де Сант-Андрё становится более масштабной и площадь городища существенно увеличивается. Какие-то укрепления появляются и на поселении в равнине. Застройка становится более упорядоченной, появляются общественные здания. Ульястрет становится крупнейшим оппидумом Каталонии, и в нём появляются «аристократические» жилища. Всё это говорит о том, что в среде индикетов могла формироваться и укрепляться какая-то правящая прослойка[26].

На территории Ульястрета и окрестностей было найдено около 200 «силосных ям», предназначенных для хранения зерна. Такой способ хранения использовался ещё в позднем бронзовом — раннем железном веках, но приобрёл массовый характер с середины V в. до н.э. Согласно традиционной гипотезе, в этих ямах накапливали зерно для продажи — этим объясняется их большое количество на побережье. Другой возможной целью их использования могло быть накопление зерна перед угрозой неурожая. Версия о хранении, как о накоплении богатств аристократией, не очень правдоподобна, так как эти ямы встречались не только возле крупных центров, но и в самых разных контекстах. Большое количество ям у Ульястрета свидетельствует о серьёзном накоплении избыточного продукта, и о том, что туда свозилось зерно с окрестных территорий.

[26] Plana-Mallart 2004, 247.

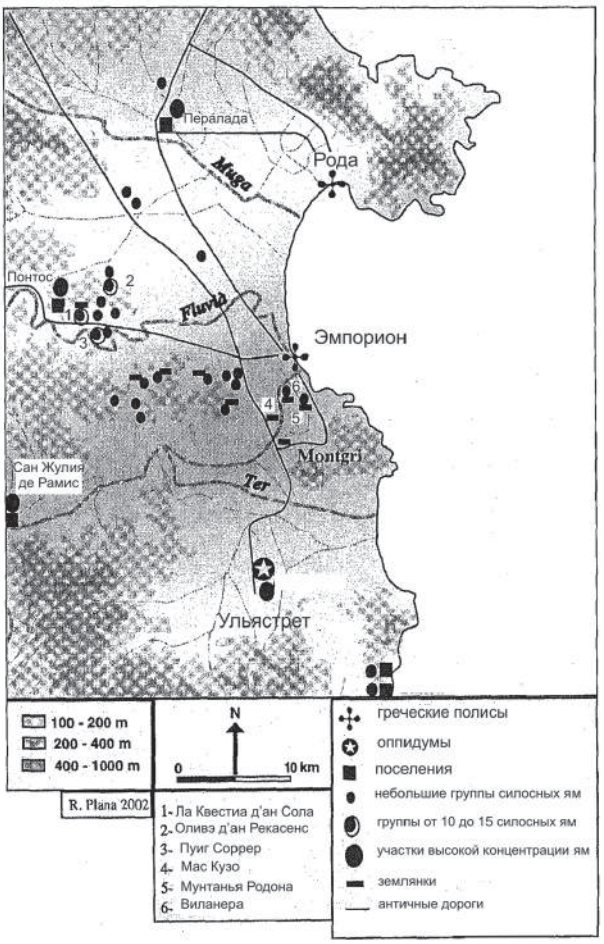


Рис. 6. Распределение иберийских поселений и зерновых ям вокруг Эмпориона (по материалам Р. Планы Маллар).

★ греческий Эмпорион
■ греческие и иберийские некрополи
▼ карьеры

Рис. 7. Распределение некрополей и карьеров к югу от Эмпориона (по материалам Р. Планы Маллар).

Другие иберийские поселения также переживали эволюцию. На поселениях Понтос и Пералада укреплённые постройки возникают в V в. до н.э. Оба этих небольших поселения (около гектара каждое) находились в долинах рек и имели непосредственный доступ к побережью. Затем в конце V в. до н.э. укрепления на Понтосе разбираются, и приоритетной деятельностью этого поселения становится производство зерна с хранением его в ямах. То же самое происходит и в Переладе. Нельзя не отметить близость расположения Понтоса к Эмпориону, а Перелады к другой греческой колонии — Роде. Начало V в. до н.э. как раз соответствует периоду бурного развития этих колоний. В III в. до н.э. деятельность на обоих иберийских поселениях продолжается, и в Понтосе было исследовано четыре жилища этого времени. Два из них имеют по несколько комнат, и в них было найдено множество греческих предметов роскоши, что может свидетельствовать об определённой эллинизации иберийской аристократии. Исследования же зерновых ям у Понтоса показали, что если их совокупная вместимость составляла в V в. до н.э. около 3000 литров, то к V–IV вв. она достигает 5000 литров[27].

Помимо крупных поселений, в регионе Эмпориона было выявлено множество отдельных селищ, характеризующихся наличием групп зерновых ям и иногда землянок (рис. 6). Рядом с ними не всегда выявляются жилища, и иногда небольшому количеству жилых построек соответствует большое количество ям, что может говорить о том, что определённая часть иберийского населения специализировалась на хранении зерна. Такая система особенно характерна для участков, близких греческим колониям, южнее группы ям сконцентрированы в основном возле оппидумов.

Успеху культивации зерновых культур способствовало наличие плодородных земель, сформированных речной дельтой. Очевидно, что земледелие было основой деятельности индикетов, хотя, безусловно, существовали скотоводство, охота и рыбалка. Найденные разнообразные орудия труда свидетельствуют о развитом сельском хозяйстве с использованием сохи и ирригации. Палео-карпологические исследования показали, что среди сельскохозяйственных культур у иберов первенство принадлежало пшенице и ржи, также выращивались просо, полба, и овощные культуры: горох, чечевица, бобы. Следы льна, который упоминал Страбон, находили при исследованиях непосредственно в Эмпорионе.

В целом, появление множества зерновых ям в V в. до н.э., рост их числа в IV–III вв. до н.э., существование отдельных групп ям и групп ям при небольших поселениях, а также множество ям вблизи речных торговых путей и возле греческих колоний говорят о том, что значительная часть иберийского населения занималась земледелием, ориентированным, по всей видимости, на торговлю с греческими колониями. Процессы формирования избыточного продукта управлялись, предположительно, иберийской аристократией, проживающей в поселениях на возвышенностях — оппидумах. Хронологически видно, как росту торговой активности греков из Эмпориона соответствует и развитие иберийской общины северо-востока Каталонии[28].

---

[27] Plana-Mallart 2004, 247.
[28] Plana-Mallart 2004, 243–265.

Традиционно греческий Эмпорион считался городом без территории, играющим основную роль города-порта, что отражено и в его названии. Такая черта предписывалась и другим фокейским колониям, которые не имели политического и военного контроля над окружающими территориями. Р. Мартен относит Эмпорион к типу торговых городов, для которых наличие хоры было несущественным[29]. Пьер Руяр разделяет понятия «хора» и «зона влияния» и считает, что хорой может считаться территория города в прямом смысле слова. Что касается понятия «влияния», то его можно разделить на такие типы, как экономическое, ремесленное, культурное, религиозное и военное. Автор проанализировал различные типы «влияния» Эмпориона на свои окрестности. Есть известный текст Страбона, вроде бы говорящий о хоре Эмпориона:

(Strabo III. IV. 9)

Поблизости протекает река, которая берет начало в Пиренеях; ее устье служит гаванью эмпоритам. Эмпориты довольно искусны в обработке льняных тканей. Они занимают область внутри страны, одна часть которой плодородна, тогда как другая поросла дроком или разновидностью еще более бесполезного болотного тростника. Эта часть страны называется Юнкарийской равниной. Некоторые эмпориты обитают даже на пиренейских высотах вплоть до Победного памятника Помпея, через который проходит дорога из Италии в так называемую Внешнюю Иберию и в Бетику.

В нём говорится о том, что существует две категории земель — плодородные и нет, но не сказано, кому они принадлежат. В окрестностях Эмпориона не найдено ни одной греческой усадьбы, то есть, нет прямой информации о том, что они в какой-либо форме принадлежали грекам. Экономическое влияние было в основном посредническим — распространение монет Эмпориона было ограниченным. Злаки и лён из Ампурдана экспортировались в Средиземноморье, но неизвестно, насколько греки принимали участие в их добыче. Помимо злаковых культур и льна, другие статьи экспорта мало известны, нет никаких сведений о том, чтобы Эмпорион торговал вином или оливковым маслом. В туземных поселениях вокруг греческого города сложно проследить какое-то влияние греческой строительной техники. Отсутствие греческих святилищ за территорией Эмпориона не позволяет поднять вопрос о каком-либо религиозном влиянии, равно как и нет никакой информации о политическом, юридическом или военном влиянии.

Таким образом, Пьер Руяр пришёл к выводу, что в вопросах связи Эмпориона с окружающими его территориями говорить о существовании хоры нет оснований и было только влияние Эмпориона на окружающие территории, в основном в области торговых обменов[30].

Казалось бы, концепция экономической деятельности в Эмпориона VI–III вв. до н.э. ясна. Город основывается на территории, где проживают дружественно настроенные индикеты, имеющие достаточный уровень исторического развития для участия в активной торговой деятельности. Освободившись от влияния своего бо-

[29] Martin 1973, 99.
[30] Roillard 1991, 266–268.

лее могущественного соседа Массалии, Эмпорион начинает активную торговую деятельность, где одним из главнейших партнёров выступают Афины. Предметом этой торговли со стороны Эмпориона являются в основном злаковые культуры, которые добываются с помощью существующей системы хозяйства индикетов, которая начинает активно развиваться одновременно с ростом и развитием греческого города. Со своей стороны, на территорию иберийских оппидумов поставлялась различная керамика и греческие предметы роскоши. Эта традиционная в течение долгого времени концепция Эмпориона, как образца чисто торговой колонии, была оспорена исследованиями **кадастра**.

При обработке фотографий из космоса и снимков аэрофотосъёмки вокруг Эмпориона чётко видно существование какого-то прямоугольного разделения территории, называемого условно «кадастром». Методология изучения кадастров была предложена Ж. Бенуа. Этот исследователь определяет античный кадастр как некое разбитое на квадраты пространство, где параллельные и перпендикулярные физические линии образуют квадратные или прямоугольные формы[31]. Он же подчёркивает, что отличить античный кадастр от какого-то другого можно зачастую только по метрическим параметрам. При этом неизбежны ошибочные интерпретации. При исследовании кадастров традиционно использовались топографические карты разных масштабов, аэрофотографии и оптическая скамья — устройство для обработки негативов, позволяющая выявить прямоугольные формы на снимке. Другим известным методом было наложение «сетки» — при нём на кальку наносились известные античные единицы длины, и её пробовали совместить с топографическими картами исследуемых районов.

В дальнейшем к традиционным методам исследований кадастров добавились исследования космических снимков высокого разрешения при помощи «преобразований Фурье» и сегментаций фотографий[32].

Изучение кадастра около Эмпориона впервые было предпринято в 1987 г. Ж. Е. Борао Монтео. Исследователь пришёл к выводу, что он был создан в римскую эпоху[33]. Затем М. Ги, исследования которого носили в основном технический характер, предположил, что этот кадастр частично мог возникнуть и в доримское время. Это предположение изменило традиционный подход к Эмпориону как к городу без территории, так как косвенно доказывало наличие у него хоры. Р. Плана-Маллар посвятила исследованию кадастра и «хоры» монографию и несколько статей. Прежде всего, автор связывает ориентировку этого кадастра со структурой города. Известно, что греческий город не был раскопан полностью, большинство исследованных строительных остатков относится к римскому периоду. Греческие постройки и слои были выявлены только фрагментарно.

Глядя на строительные остатки Неаполиса (рис. 4), можно констатировать наличие единой строительной ориентировки. Вероятно, она существовала уже в V в., так как известные постройки этого времени не выходят за её рамки. Ориентировка северной части города отличается от южной небольшим уклоном к западу. Такое часто встречается и в других греческих колониях, иногда это связано с разными функциями у разных районов города.

[31] Benoit 1985, 25.
[32] Délézir 1998, 40–41.
[33] Borao-Monteo 1987, 277–326.

Город пересекают две основные оси, одна из них соединяет побережье с тем участком, где впоследствии возник римский город, вторая соединяет северную припортовую часть с южной, где была выявлена оборонительная система. Укреплена была только южная часть города, что не удивительно, так как с востока город омывался морем, к северу от него были болота, и территория к западу от холма, на восточном склоне которого возник греческий город, также была заболочена.

Изучая расположение некрополей и карьеров в греческий период (рис. 7), автор пришла к выводу, что они располагались к югу от города, вроде бы по сторонам какой-то линии, которая примерно соответствует оси север-юг Эмпориона, что навело её на мысль о существовании какого-то пути в южные окрестности. Если действительно существовала такая дорога, связующая город с его территорией, то видно, как градостроительная структура как бы продлевается на территорию[34].

Что касается кадастра, то территорию, где он выявляется, условно можно разделить на три зоны. Первая из них — это холмистая область к югу от Эмпориона. В настоящее время эта территория застроена, но на картах середины XX в. следы прямоугольного разделения ещё были видны. Это разделение территории осуществлялось с помощью небольших каменных стенок. Точную датировку этих стенок определить крайне затруднительно, они могли нести как разграничительную, так и хозяйственную функцию. Некоторые из этих стенок, идущие параллельно склонам, могли служить для удержания почв от эрозии. Тщательно исследовав метрологию этих стенок, автор увидела, что их длина повторяется и обычно она равна 33, 35, 17, 18, 70, 35 м. Учитывая длину ионического шага, равную 0,35 м, расстояние 33–35 м равно линейному плетру, использующемуся в греческом мире. Соответственно 70 м это 2 плетра, а 17–18 м — полуплетр. Таким образом, автор пришла к выводу, что данная разделительная структура возникла в греческий период. Учитывая большое количество сельских поселений в этой области, она предположила, что здесь мы наблюдаем следы какой-то сельскохозяйственной зоны, зависимой от греческой колонии[35].

Вторая зона, где видны остатки кадастра, — это некоторые участки речной долины, к северо-западу от города до реки Флувия. Здесь существующие грунтовые дороги, каналы и границы земельных участков вроде бы вписываются в реконструированную схему кадастра. Однако интерпретация и датировка этих разделительных элементов сложна, неясно, происходят ли они из древней системы. Все эти земли долгое время подвергались колонизации и обработке, и то, что эта структура соотносится с древним кадастром, и причислить эту систему к греческой можно только на основе метрологии.

Третья зона, где прослеживаются следы кадастра, — склоны холмов к западу от Эмпориона, ограничивающие речную долину на западе. Характер этих земель схож с землями к югу от Эмпориона: это пологие склоны, пригодные для сельскохозяйственной обработки. Остатки кадастра здесь хорошо выражены, хотя и представлены не повсеместно. Гнёзда концентрации этих остатков заметны в основном на нетронутых дорогами участках. Кадастровые следы здесь, как и на юге, в отличие от равнины, выражены сильней, поскольку перегородки, их образующие, могли служить и для террасирования.

[34] Plana Mallart 1999, 202–204.
[35] Plana-Mallart 1994, 154.

При этом общие метрические значения для следов кадастра во всех трёх зонах вроде бы укладываются в круглое число ионийский шагов по 0,35 м. Они в основном составляют 210 м (600 шагов), 105 м (300 шагов), 90 м (250 шагов), 60 м (170 шагов), встречаются ещё величины в 120 м (340 шагов), 140 м (400 шагов), 150 м (430 шагов), 240 м (680 или 690 шагов).

Чаще всего встречающиеся значения в 600 и 300 шагов отсылают нас к ионийской стадии и полу-стадии. Р. Плана-Маллар выдвигает теорию, что кадастр Ампурьяса мог быть сформирован с помощью квадратных клеров со стороной в 600 шагов и площадью в 50 плетров. Он мог делится на две половины по 300 шагов, на 4 части по 150 шагов или на 8 по 75 шагов. Вторая возможная форма деления — на 6 полос по 100 шагов, то есть по линейным плетрам[36].

Общая площадь, затронутая древним кадастром, составляет 250 кв. км (25 000 га), следы его прекращаются на расстоянии около 10/15 км от колонии. Проанализировав область распространения этих следов и особенности расположения иберийских оппидумов, которые как бы маркируют границы кадастра, Р. Плана Маллар делает вывод о возможных размерах и границах Эмпорионской хоры (рис. 8). По мнению автора, она ограничена на юге массивом Монгри и рекой Тер, на западе иберийским поселением Понтос, и на севере рекой Муга, которая протекает по заболоченным землям[37].

В целом исследователь полагает, что устройство греками кадастра вокруг Эмпориона говорит о принадлежности земель, им затронутым, греческому полису. При этом отсутствие греческих усадеб в окрестностях Эмпориона она объясняет тем, что эти земли обрабатывались скорее всего индикетами, которые были теперь втянуты в новую хозяйственную схему. Непосредственно сельскохозяйственный процесс при этом мог управляться иберийской аристократией, проживающей в укреплённых поселениях — оппидумах. При этом греки привнесли свои навыки по наиболее рациональному использованию земельных ресурсов. Какая-то часть земель могла обрабатываться и греками, проживающими в городе. Кроме зернового сельского хозяйства, имеющего, вероятно, первостепенное значение, могли существовать и другие его отрасли, такие как скотоводство и, вероятно, культивация льна на заболоченных землях, о которой говорит Страбон[38].

Теория Планы Маллар встретила определённую критику. Так, М. Ги, проведя скрупулёзный анализ всех измерений кадастра, написал, что и Плана Маллар и Борао Монтео были несколько тенденциозны в своих исследованиях, и что одна метрология не может точно ответить на вопрос о происхождении кадастра вокруг Эмпориона[39].

С нашей точки зрения, наличие следов деления земли, даже если принять версию о греческом происхождении кадастра, вряд ли может служить прямым доказательством принадлежности всех земель, им затронутым, греческому полису. Небольшая группа колонистов, попав на крайний западный край греческой ойкумены, оказалась в окружение иберийских племён, уже достаточно исторически развитых. Факт основания колонии возле иберийских поселений, а также скорое

[36] Plana Mallart 1999, 208–210.
[37] Plana-Mallart 1994, 112.
[38] Plana-Mallart 1999, 211–215.
[39] Guy 1999, 327–388.

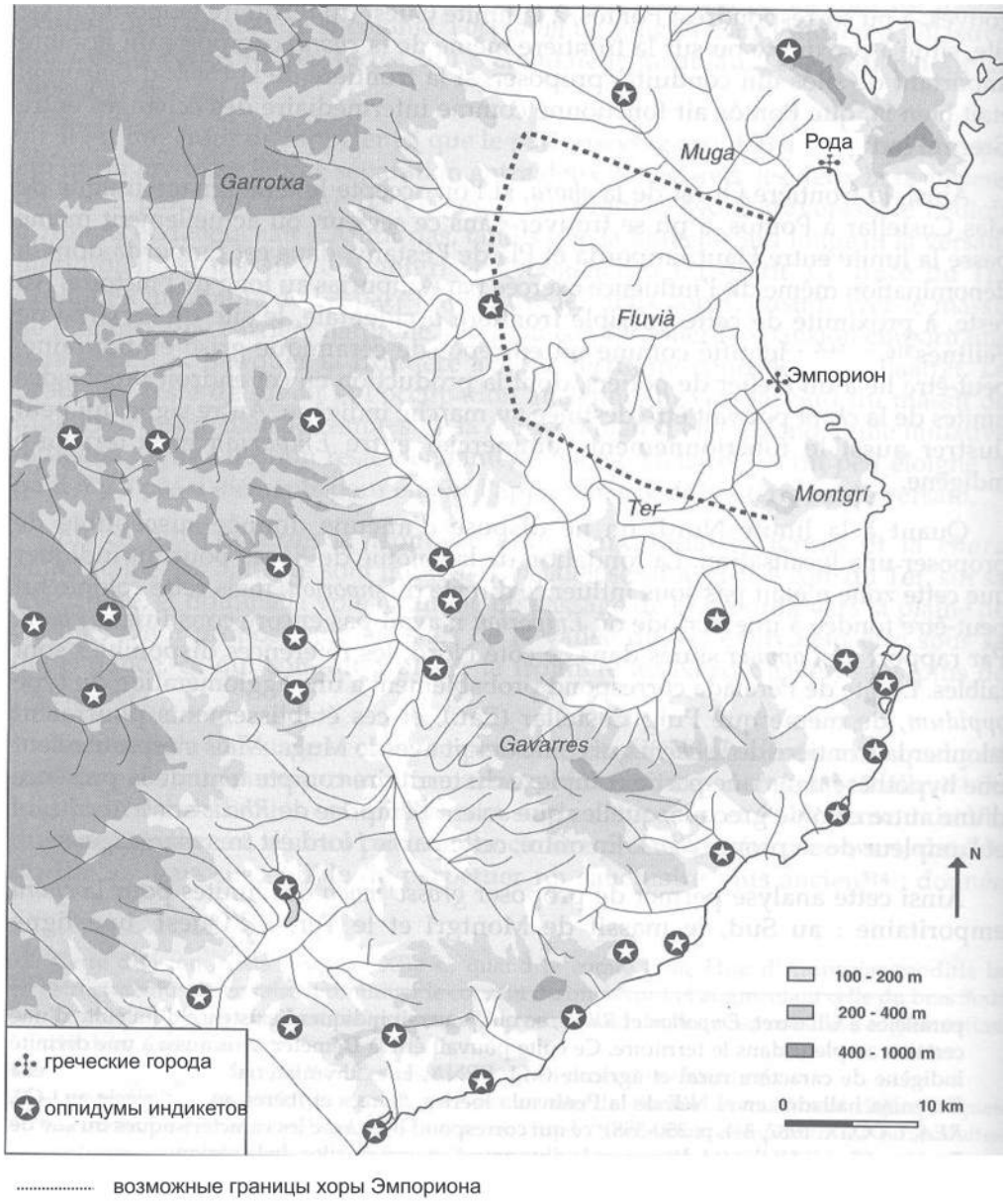


Рис. 8. Возможные границы хоры Эмпориона (по материалам Р. Плана-Маллар).

переселение с острова Сан-Марти д'Эмпуриес на материк свидетельствует, скорее всего, о мирном отношении иберов и об их заинтересованности в торговых отношениях с представителями греческой цивилизации. Многочисленные сведения о совместном проживании в Неаполисе греков и какой-то части индикетов подтверждают теснейшую связь жизни полиса с иберийской общиной. При этом наиболее благоприятным фактором окрестностей Эмпориона являлось наличие плодородных земель, пригодных для выращивания зерновых. Мы видим, как с ростом греческой колонии вокруг неё появляется множество сельских поселений и зерновых ям, служащих для накопления зерна. Сельскохозяйственные работы, связанные с производством избыточного продукта для обмена, были крайне трудоёмки и требовали привлечения людских ресурсов, которыми греки не обладали. Напомним, что и все поселения вокруг колонии были иберийскими. Дифференциация жилищ на этих поселениях и захоронений в некрополях, а также наличие оппидумов — укрепленных поселений на возвышенностях, как и другие сведения, наводят на мысль о существовании в иберийской среде правящей прослойки — аристократии. С нашей точки зрения, именно ей и принадлежали основные земли вокруг Эмпориона, и обрабатывались они рядовым иберийским населением, возможно находящимся в какой-то форме зависимости. При этом греки, безусловно, могли привнести навыки сельского хозяйства, обработки земель и ирригации. Продукты сельскохозяйственного производства обменивались иберийской аристократией на импортную керамику и предметы роскоши, поступавшие через Эмпорион, связанный морским путями с самыми разными торговыми партнёрами. По имеющимся косвенным сведениям, Эмпорион был аристократическим полисом, и морская торговля, основной вид городского дохода, должна была находиться в руках аристократической верхушки. При этом рядовым жителям полиса всё-таки должны были принадлежать какие-то земельные участки. Отсутствие греческих сельских поселений у Эмпориона наводит на мысль о наличии подобных «наделов» в непосредственной близости от города, так называемой ближней хоры. Хотя нельзя забывать и о письменных источниках — об указаниях Стрбона, что эмпориты проживали вплоть до Пиренеев. Возможно, что в будущем археологические разведки и раскопки в Каталонии внесут новую информацию о хоре Эмпориона.

Таким образом, на сегодняшний день, греческий Эмпорион, видится нам в основном в образе колонии-посредника, удачно повлиявшей на формирование иберийской земледельческой общины и связавшей её торговыми отношениями с греческим миром.

ЛИТЕРАТУРА

Коротких Л. М. 2003: Древняя история иберийского полуострова, формирование иберийской культуры. Воронеж.

Коротких Л. М. 1983: Фокейская колонизация Испании, Эмпорион: дисс. …канд. ист. наук. Л.

Aquilué X., Castanyer P., Santos M., Trémoleda J. 2002: Nuevos datos acerca del habitat arcaico de la Palaia Polis de l'Emporion // Pallas. 58, 301–327.

Benoit J. 1985: L'étude des cadastre antiques : à prpos d'Olbia de Provence // DAM. 8, 25–48.

Bérar J. 1960: L'expansion et la colonisation greque jusqu'aux guerres médiques. Aubier.

Borao Monteo J.E. 1987: Las posibles centuruaciones ampuritanas // Annals de l'Institut d'Estudis Empordanesos. 20, 227–326.

Délézir J.. 1998: Une approche du cadastre grec d'Ampurias/Emporion (Catalogne, Espagne) : La télédection satellitaire appliqué à l'archéologie // Nouvelles de l'archéologie. 74, 40–41.

Gras M. 1987: Marseille, la bataille d'Alalia et Delphe // DHA. 13–1, 161–181.

Guy M. 1999: Le parcellaire autour d' Emporion : colonisation et continuité de l'occupation // Pallas. 50, 327–338.

July J.J. 1982: Céramique grecque ou de type grecque et autre céramiques en Languedoc méditerranéen, Roussillon et Catalogne VIIe — IVe s. avant notre ère et leur contexte socioculturel. Paris.

Martin R. 1973: Rapports entre les structures urbaines et les modes de division de l'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne, 97–112.

Menulis F. 2010: Les grandes sites de l'Antiquité : Ampurias Catalogne, Espagne : Ville grecqcue et romaine // L'Archéologue, Archéologie nouvelle. 109, 60–66.

Pena M.-J. 1985: Le problème de la supposée ville indigène à côté d'Emporion. Nouvelles hypothèses // DHA. 11–1, 69–83.

Plana Mallart R. 1994: La chora d'Emporion, Paysage et structures agraires dans le nord-est catalan à la période pré-romain. Paris.

Plana-Mallart R. 2004: Grecs et peuples indigènes dans l'extrème Nord-Est de la Péninsule Ibérique : communautés agraires et économie rurale // Pallas. 64, 243–265.

Plana-Mallart R. 1999: Cadastre et chôra ampuritaine // BCH. Suppl. 34:. Territoire des cités grecques. Acte de la table ronde internationale organisée par l'Ecole Française d'Athènes, 199–215.

Rouillard P. 1991: Les grecs et le Péninsule Ibérique du VIII au III siècles avant Jésus-Christ. Paris

Sanmarti E. 1986: La datation de la parti centrale du rempart méridional d'Emporion // DAM. 9, 81–110.

Sanmarti E., Castanayer P., Termoleda J. 1990: Les amphores massaliètes d'Emporion du milieu du VI au milieu du IV s. av. J.-C. // Etudes Massaliètes. 2, 165–170.

Sanmarti-Grego E., Santiago R. 1988: La lettre grecque d'Emporion et son contexte archéologique in Epigraphie et numismatique // RAN. 21, 3–17.

Tréziny H. 1994: Les fortifications phocéennes d'Occident (Emporion, Vélia, Marseille) // REA. 1–2, 115–135.

Vignot A. 1999: L'environnement des cités grecques d'Agdes et Ampurias // BCH. Suppl. 34. –Territoire des cités grecques. Acte de la table ronde internationale organisée par l'Ecole Française d'Athènes, 228–241.

Villard F. 1960: La céramique grecque de Marseille (VI–IV siècle). Essai d'histoire économique. Paris.

EMPORION: GREEK-BARBARIAN SYMBIOSIS IN THE FAR WEST OF HELLENIC WORLD

A.A. Suprenkov

The article deals with the Greek period (the 6th — 3rd centuries BC) of history and archaeology of Emporion, far western Phocaea colony of the northwestern Mediterranean area. It touches upon some general problems and dwells upon Emporion relations with its Iberian neighborhood.

Key words: Phocaea colonization, Emporion, Greeks and Iberians, polis and chora.

© 2011

Б. С. Ляпустин

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЭКОНОМИКИ ДРЕВНЕГО РИМА: ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ

В статье рассмотрены основные этапы и направления в изучении экономической истории Древнего Рима. Главное внимание автор уделил характеристике отечественной и зарубежной историографии конца XX — начала XXI вв. и проблемам, стоящим перед антиковедами. В заключение обосновывается вывод, что на современном этапе проблемы античной экономики наиболее успешно могут быть решены на основе методологии цивилизационного подхода к истории.

Ключевые слова: античная экономика, примитивисты, модернисты, историография, рынок, цивилизация, фамилия.

Экономика Древнего Рима, хотя и предстает одним из важнейших элементов античного общества, активно начало изучаться сравнительно недавно, чуть более ста лет назад: экономическая история изначально находилась на периферии внимания крупных школ антиковедения. На это наложили отпечаток еще и исторические проблемы современной Европы, и история самой науки о древности, базировавшейся первоначально на филологии и римском праве[1]. Однако за довольно непродолжительное время экономическая история Древнего Рима прошла большой и сложный путь развития, в ходе которого представителями различных школ и течений были созданы многочисленные глубокие исследования, позволившие глубже понять специфику античного общества. Анализу пути, пройденному историками за более чем вековой период, состоянию исследований экономического развития античного Рима на современном этапе и попыткам поиска новых подходов антиковедами России и Запада и посвящена эта статья.

Чтобы понять современное состояние историографии в сфере античной экономики, необходимо сначала сделать краткий экскурс в историю исследований. Отдельные немногочисленные обращения к тем или иным аспектам экономической жизни античного мира не составляли самостоятельного направления в науке о древности. Лишь в конце XIX в. с появлением обобщающих концепций в антиковедении произошел решительный поворот к экономической истории. В 1893 г. К. Бюхер, представитель «новой экономической школы политической экономии», применив эволюционное учение, в частности К. Родбертуса, к европейской исто-

Ляпустин Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (у) МИД РФ. E-mail: bsl51@mail.ru

[1] Andreau 1997, 172.

рии, создал теорию о последовательной смене трех ступеней хозяйства, которое развивалось от низшего домашнего хозяйства (Hauswirtschaft или Oikenwirtschaft) через городское (Stadtwirtschaft) к высшей ступени, достигнутой в Европе Нового времени, — народному хозяйству (Volkswirtschaft). По его мнению, хозяйственная жизнь Древней Греции и Рима характеризовалась господством натурального производства в рамках ойкоса. В нем «весь круговорот хозяйства, начиная с производства и кончая потреблением, совершался в замкнутом кругу дома»[2]. Античная экономика представляла собой систему замкнутых, самообеспечивающихся ойкосов, базирующихся на сельскохозяйственном производстве. Обмен в античности осуществлялся в основном в виде дарений и военной добычи[3].

Теория Бюхера сразу нашла среди антиковедов своих сторонников, поскольку позволила поставить разрозненные исследования в общий контекст исторического развития. Наиболее ярко это видно на примере занимавшегося историей римского землевладения И.М. Гревса, который благодаря этой теории увидел свои исследования в новом свете: «…Когда я прочитал Бюхера… его *ойкосное хозяйство* поразило меня совпадением собственными моими частными выводами. Я тогда пересмотрел весь свой материал и свои выводы и стал «бюхеристом»»[4]. Чего бы И.М. Гревс ни касался: крестьянского хозяйства, небольшого имения Горация, деятельности Аттика, огромной латифундии, — он везде видел «ойкосное хозяйство», которое, по его мнению, играло главную роль в экономике Древнего Рима[5]. Хотя автор в духе тогдашних представлений называл товарные отношения капиталистическими[6], тем не менее он полагал, что все сельскохозяйственные поместья в античном Риме были автаркичны. А теоретическая третья глава магистерской диссертации стала удачным опытом применения бюхеровской схемы экономического развития человечества к римской истории «именно с целью открыть особенности, характеризующие ее как звено в великой цепи мирового хозяйственного процесса»[7].

Бюхер и его сторонники всячески подчеркивали и чрезмерно преувеличивали реально присутствующие в экономике древности черты ограниченности и неразвитости товарно-денежных отношений. Однако позитивным у них было внимание к основным производственным организмам в сельском хозяйстве и формам связей внутри них.

Против этой теории резко выступил Эд. Мейер в своих лекциях «Экономическое развитие древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898), выделяя у народов Средиземноморья два параллельных периода[8]. После первобытной стадии наступает «греческое средневековье»[9]. Затем феодальную аристократию свергает буржуазия[10]. Рядом с рабами всегда существовала огромная масса свободных ремесленников, торговцев и наемных рабочих. Даже в обширных поме-

[2] Бюхер 1923, 9.
[3] Бюхер 1923, 116–117.
[4] Цит по: История и поэзия… 2006, 336.
[5] Гревс 1897; 1899; 1905.
[6] Гревс 1905, 38.
[7] Гревс 1899, 467.
[8] Мейер 2003, 27.
[9] Мейер 2003, 35.
[10] Мейер 2003, 46.

стьях Италии и Сицилии рабство никогда не достигало исключительного господства[11]. Все это подкрепляет представление о циклическом развитии в истории: «эпоха Гомера и параллельные ей эпохи в других государствах соответствует первому периоду христианско-германского мира и, подобно ему, может быть назван средневековым; период же расцвета древнего мира соответствует новому времени, являясь, подобно последнему, во всех отношениях новым периодом»[12].

Последователи Эд. Мейера рассматривали античную экономику эпохи расцвета Древнего Рима как сменившую феодализм капиталистическую модель хозяйственной деятельности со всеми ее атрибутами: промышленными предприятиями, работниками подобными современному пролетариату, рыночными связями и т.п. Именно этот подход нашел широкую поддержку в западной историографии и получил развитие в последующих исследованиях.

Яркой фигурой в антиковедении в конце XIX века предстал Макс Вебер. Воспитанный в духе юридической немецкой традиции, в «Римской аграрной истории» (1891)[13] он рассматривал развитие экономики как переход от коллективной собственности к частной[14]. Исследуя аграрную историю как историю общества в целом, Вебер применил новый для его времени методологический принцип — устанавливать многообразные взаимосвязи между различными факторами[15]. И хотя еще при защите диссертации Вебера в 1889 г. великий Моммзен, признавая, что не готов принять совершенно новые идеи, в заключение высказал пожелание именно его видеть своим преемником[16], в науке об античности эти новые подходы своего развития не получили. Сам Вебер ушел в изучение средневековья, а затем в социологию. А антиковедение доросло до его теории лишь после Второй мировой войны[17].

С выступлений Бюхера и Мейера начался спор между «примитивистами» и «модернистами» по вопросу о природе античной экономики в сопоставлении с современной. В конечном счете дискуссия свелась к тому, «где помещать Грецию и Рим в континууме от самодостаточных хозяйств до современных индустриальных государств»[18].

В первой половине XX в. представления Мейера о капитализме в античности, подкрепленные работами М.И. Ростовцева, стали господствующими. Ростовцев считал возможным говорить о капитализме в древнем мире[19] и утверждал, что в эллинистический и раннеримский период (III в. до н.э. — II в. н.э.) экономика отличалась от современной только количественно, но не качественно[20]. Он за-

[11] Мейер 2003, 58–61.
[12] Мейер 2003, 117.
[13] См. Вебер 2001а.
[14] Momigliano 1978, 297.
[15] См. Capogrossi Colognesi 1997, 8–9; Гайденко 1990, 6–7.
[16] «Когда я должен буду отправиться в свой последний путь, я никому другому не скажу с такой радостью: „Сын мой, возьми мое копье, которое стало непосильным бременем для моих рук“». Эти слова Моммзена из биографии М. Вебера, написанной его женой Марианной, цит. по: Кофанов 2004,194. Х. Брунс справедливо уточняет, что Моммзен имел в виду карьеру юриста, а не историка (Bruhns 1998, 20).
[17] Momigliano 1978; Bruhns 1998, 10–11.
[18] Morris 1999, X.
[19] Ростовцев 1901.
[20] Rostovtzeff 1932, 334, Anm. 1.

явил о выходе на арену в конце Республики городской буржуазии, деятельность которой вызвала к жизни в Италии в I в.н.э. процесс индустриализации, проявившийся в самых различных аспектах, но рабы оставались становым хребтом экономики[21]. Ведущим типом в сельском хозяйстве ему представлялась капиталистическая латифундия, в которой в эпоху Империи широко развилось и ремесленное производство, базировавшееся на поместном сырье[22]. Социально-экономические аспекты развития древнеримского общества были рассмотрены Ростовцевым с привлечением широкого круга всех типов источников, и прежде всего археологического материала. Автору удалось не только подметить многие своеобразные черты в сфере производства и торговли в Древнем Риме, но и поставить проблемы решающей важности, актуальные до сих пор[23]. Его экономические штудии оказали решающее влияние на антиковедение вплоть до 1950-х годов, возведя историка в ранг классика.

Стремление вписать свои исследования в теорию античного капитализма приводило модернистов к искажению реалий древнеримской экономики. Однако нельзя не отметить и позитивную сторону. Представители этого направления ввели в оборот широкий круг источников и исследовали многообразные формы товарно-денежных отношений в Древнем Риме. Но чем шире и углубленней они исследовали высшие формы проявления деловой активности в древности, тем явственней проявлялась ограниченность и уязвимость такого рода построений модели античной экономики.

Слишком прямолинейные сравнения с современностью, грубые натяжки и искажение тех реалий, которые содержались в источниках, вызывали критику как отечественных, так и зарубежных антиковедов и стремление уйти от негативных крайностей. И уже во второй половине прошлого века, как отмечала Е.М. Штаерман, нельзя было говорить о существовании в чистом виде двух противоположных направлений, восходящих к Бюхеру и Мейеру, в оценке римской экономики II в. до н.э. — III в. н.э. («как или чисто натуральной, или полностью товарной, „капиталистической“»)[24].

На Западе «антимодернизаторское» направление наиболее полно представлено М. Финли, ставшим в 1970–80-е годы одной из самых влиятельных фигур среди историков, занимавшихся социально-экономическими проблемами. На его взгляды наибольшее влияние оказал Карл Поланьи, в семинаре которого он участвовал на протяжении пяти лет, и идеи Макса Вебера. От Поланьи Финли усвоил, что античная экономика имела мало общего с капитализмом и экономические отношения были погружены в другие отношения, обусловленные политикой и системой ценностей[25]. Эту отправную позицию он дополнил веберовским представлением о доиндустриальных обществах как об обществах, базирующихся на статусных различиях. Финли, как и Вебер, описывал древнюю историю как историю статусных групп[26]. Хотя он никогда не пытался напрямую показывать, как приме-

[21] Rostovtzeff I, 1929, 87.
[22] Ibid., 313.
[23] Marcone 1994, 22.
[24] Штаерман 1987, 32.
[25] Нуреев 2007.
[26] Finley 1973, 47–51.

нять теорию Вебера к античности, но в духе веберовских представлений углубил анализ социальных категорий в древности и показал, как многообразные институциональные и социальные факторы влияли на экономическую жизнь в античности[27], что дало основание автору предисловия к юбилейному изданию «Античной экномики» М. Финли говорить в связи ним о «неовеберианском возрождении»[28].

Впервые «Ancient Economy» Финли увидела свет в 1973 г., и это стало важным событием. В этой книге историк показал принципиальное отличие античной экономики от хозяйственных феноменов последующих эпох, разрушая иллюзии, будто экономику античности можно интерпретировать как капиталистическую. В частности автор отмечает отсутствие в античности единого рынка, наличие неразрывной связи экономики с социальной структурой, что принципиально отличает античное общество от капиталистического[29].

В основе его подхода к ремеслу и торговле лежит не просто полемика с идеями М.И. Ростовцева и его последователей. Финли отстаивал неприменимость к античности анализа, основанного на категориях рыночной экономики[30]. Отталкиваясь от положений Вебера о городах производящих и потребляющих, Финли определяет античный город как город-потребитель, но не как идеальный тип, а как конкретно-историческое явление. Отсюда автор делает вывод, что было бы ошибкой считать античную цивилизацию городской.

Разбирая широкий круг вопросов экономической жизни древнего мира, автор отмечает, что, как правило, торгово-ремесленные центры возникали при наличии водных путей, которые благоприятствовали развитию торговли. Финли отмечает высокий в целом уровень развития ремесленного производства и обмена. Но главное не то, сколько продают, а кто с кем торгует. Большая часть торговых сделок совершалась без посредников, прямо между производителем и потребителем. Различия между античной экономикой и экономикой капиталистической было качественное, а не количественное. Это наиболее ясно видно в том, что древние не вели статистики и не сообщали численные данные, потому что для них экономической деятельности как отдельной сферы жизни не существовало, она была погружена в политику.

Финли создал свою модель античной экономики. Для него древняя история — это история крестьян. А появлением классического полиса со свободным гражданином античный мир обязан рабству[31]. В этой модели Финли детально исследовал многие отдельные элементы, но он не касался основного вопроса, разделявшего «примитивистов» и «модернистов»: куда именно следует поместить Древнюю Грецию и Рим в контексте развития экономики от простой к сложной.

Оригинальная теория Финли вызвала неоднозначную реакцию в ученом мире. Одни стали его последовательными сторонниками, например В. Йонгман[32], работу которого Ж. Андро характеризовал как «прекрасный пример того влияния,

---

[27] Momigliano 1975, 315–316. Как и Поланьи, Финли отстаивал принцип включенности (embededdness) экономики в социальную жизнь.

[28] Morris 1999, XVI.

[29] Finley 1973; см. Штаерман 1977, 165–175.

[30] Finley 1973, 26–27.

[31] Finley 1973, ch. 3.

[32] Jongman 1988; см. Ляпустин 1995.

которое оказывает сейчас на западноевропейскую науку работы М.И. Финли»[33]. В финлианском духе публиковал статьи журнал «Opus». Другие не приняли модель и выводы Финли[34]. К. Гопкинс и Ж.-Ж. Обер считают возможным применять закономерности и терминологию капиталистической экономики к анализу античного рабовладельческого общества[35]. Данные археологических исследований в противовес утверждениям Финли не раз демонстрировали высокий уровень рыночной экономики и технических изобретений в Древнем Риме, превзойденный только к XVIII в.[36] Все это указывает на наличие экономической рациональности в античном обществе. Но как ни относиться к взглядам Финли, следует признать, что исследования этого ученого открыли новое направление в исследовании экономической истории, дав возможность историкам с иных позиций рассматривать сущность античного общества.

Отечественная наука о древности в XX в., разрабатывая те же актуальные проблемы, нашла свои ответы на главные вопросы, поставленные спором «примитивистов» и «модернистов». С середины 1930-х годов в советском антиковедении, прежде всего в вузовских учебниках, утвердился марксистский подход к истории древнего мира. Но в конкретных исследованиях отдельных ученых это проявилось не сразу и в различной степени.

Пристальное внимание различным вопросам аграрных отношений в Древнем Риме уделила в своих работах М. Е. Сергеенко. Она исследовала различные типы сельских поместий, их структуру, размеры, организацию производства[37]; на основе археологического и эпиграфического материала воссоздала картину жизни Древнего Рима и Помпей, проживавших там ремесленников, а также простых людей древней Италии[38]. Уделяя основное внимание источникам, М. Е. Сергеенко мало обращала внимания на то, насколько исторический материал вписывается в марксистскую теорию.

Важным этапом в изучении древнеримской экономики с марксистских позиций явились работы советских историков 1960–70-х годов. Отечественные антиковеды, критически оценивая как модернизаторский, так и примитивистский подход к экономике в древности, стремились вскрыть своеобразие античного Рима через углубленное изучение особенностей рабства и рабовладельческого способа производства. В обстоятельных исследованиях Е. М. Штаерман показала место и роль рабов, которые в эпоху расцвета римской Республики и в период Ранней империи стали основной рабочей силой в сельском хозяйстве и в ремесле[39].

В монографии, специально посвященной проблемам экономического развития Древнего Рима, Е. М. Штаерман, подробно рассмотрев типы общин (внегородскую крестьянскую и городскую гражданскую) и соответствующие формы собственности, пришла к выводу, что «отношения собственности и их эволюция, специфичные в римском мире, в основном определяли и специфику его

[33] Андро 1991, 169.
[34] Анализ различных позиций, с которых критикуется Финли, см. Morris 1999, XXVI–XXX.
[35] Hopkins 1978; Aubert 1994.
[36] Green 1986.
[37] Сергеенко 1958.
[38] Сергеенко 1949; 1964a; 1964 b; 1968.
[39] Штаерман 1964; Штаерман, Трофимова 1971.

экономики»[40]. Анализируя римскую экономику, исследовательница подчеркнула, что в рабовладельческом обществе основу производства составлял труд рабов, который был совместим с более совершенными орудиями производства, но противоречил растущим требованиям, предъявлявшимся к качеству ручного труда, остававшегося основой производства.

Касаясь античного ремесла, Е. М. Штаерман отмечает, что по форме организации производства мастерские, в частности черепичные, развивались в мануфактуры, на которых трудились до сотни рабов. Однако в целом господствовало мелкое ремесленное производство, что препятствовало его механизации и тормозило технический прогресс[41]. Экономика была рабовладельческой, подчинялась законам не капиталистического, а простого товарного производства[42]. В Древнем Риме капитализм не возник в силу объективных условий: римская гражданская община препятствовала созданию необходимого для этого рынка наемных рабочих рук[43].

Важную роль для представления о сущности античной экономики, исследованной с позиции способа производства, сыграла серия работ о римском сельском хозяйстве В. И. Кузищина, который дал классификацию римских рабовладельческих вилл, исходя из степени связи с рынком, и пришел к выводу, что наивысшее развитие рабовладельческой экономики связано с широким распространением в античном сельском хозяйстве средних по размерам поместий. В них, как правило, были представлены основные сельскохозяйственные отрасли, а одна или две давали товарную продукцию, поступавшую на рынок. Именно в таких имениях была реализована возможность наиболее рационального и целесообразного применения рабского труда. Там же наибольшей глубины достиг процесс отделения ремесла от земледелия, чем была заложена основа для тесных экономических связей между городом и деревней. Но это отделение не было полным, и даже в самом передовом типе вилл, ориентированных на рынок, сохранялась натуральная основа производства и оставалось место для поместного ремесла, удовлетворявшего часть внутренних потребностей поместья[44].

Исследование античной экономики с позиции марксистской теории дало возможность рассматривать явления исторической жизни в рамках единой формационной системы, в которой все элементы были взаимосвязаны, а главным из них выступал экономический базис. Советские историки творчески применили разработанную К. Марксом теорию способа производства для исследования форм эксплуатации и форм собственности[45] в древнем мире, которые оставались вне исследовательского поля зарубежных антиковедов, показав, что своеобразие античной экономики заключалось в способе производства, базировавшемся на рабстве, и раскрыв общие принципы функционирования товарного производства в рабовладельческом Риме[46]. Место античности во всемирно-историческом процессе определялось изменением и усложнением основных элементов способа производства: формы эксплуатации и формы собственности. Эксплуатация раз-

[40] Штаерман 1978, 99.
[41] Штаерман 1978, 138.
[42] Штаерман 1978, 119–120.
[43] Штаерман 1978, 165.
[44] Кузищин 1973; 1976; 1990, гл. VI–X.
[45] Штаерман 1973, 3–14.
[46] Кузищин 1990.

вивалась от внеэкономического принуждения рабов к экономическому принуждению наемных рабочих. А собственность прошла путь от двуединой античной формы собственности до частной буржуазной. Марксистская методология позволила в ряде вопросов значительно приблизиться к пониманию внутренней сущности античной экономики и глубинной взаимосвязи процессов, протекавших в ней. Правда, анализ многообразной исторической действительности с помощью преимущественно политэкономических категорий имел свои недостатки. Но тем не менее, применяя его в сочетании с глубоким исследованием источников, ведущие отечественные антиковеды создали серию ярких работ.

Советские историки выступали последовательными противниками модернизации истории, однако оперируя категориями и структурами, органично присущими современному капитализму, невольно уделяли преувеличенное внимание развитию товарно-денежных отношений и господствующему (рабовладельческому) способу производства. Это неизбежно порождало, по выражению Е.М. Штаерман, «бессознательную модернизацию» при исследовании античной экономики[47]: описание товарно-денежных отношений мало что дает для понимания сущности античного Рима, а «мнение тех, кто связывает расцвет и упадок рабовладельческого хозяйства с состоянием рынка, не подтверждается источниками»[48]. Со временем у историков усиливались неудовлетворенность и сомнения в правомерности широкого использования прежней методологии при анализе столь далеко отстоящих от нас эпох без учета их специфики[49].

К 1980-м годам основные подходы на основе марксистской методологии в советской науке о древности оказались во много исчерпанными. В поиске новых путей исследования из-за неудовлетворенности теорией Финли находилось и западное антиковедение. К этому добавился и ряд других причин. Исследователи всегда периодически подвергают сомнению сделанные ранее выводы и уточняют те или иные положения: каждая новая эпоха порождает и новые вопросы, с которыми историк обращается к исследуемой теме прошлого[50]. Кроме того, идет непрерывное развитие самого исторического знания — с одной стороны, происходит постоянное пополнение корпуса источников, благодаря которому, пусть и медленно, но постепенно заполняются лакуны в источниковой базе, в основном за счет археологического и эпиграфического материала; с другой стороны, совершенствуются методы исторического исследования и методики анализа исторических источников. Все это в соединении с историческим, общественным, культурным опытом, усвоенным самим исследователем, дает возможность продвинуться в историческом исследовании прошлого. Такая ситуация и сложилась в историографии экономической истории в конце XX — начале XXI в.

В современной историко-экономической литературе уже не встретишь приверженцев прямолинейных точек зрения на хозяйственную жизнь Древнего Рима, различия между «модернистами» и «примитивистами» (или «минималистов») значительно сгладились[51]. Многие исследователи, как К. Николе, целенаправ-

[47] Штаерман 1987, 35, 39.
[48] Штаерман 1978, 108.
[49] См., например: Сайко, Янковская 1988, 4.
[50] Alföldy 1986, 12–34; Кнабе 1988, 8–9.
[51] Andreau, Etienne1984, 65–69.

ленно стремятся познавать общество и экономику античного мира как самобытное явление[52], не подгоняя оценки и выводы под те или иные схемы. Появилась группа историков, которые считают, что античная экономика развилась настолько, насколько это допускал ее внутренний потенциал, а дальнейшее развитие было остановлено именно теми феноменами, которые были заложены в ней самой и до определенного момента обеспечивали экономический прогресс[53]. Своеобразие античной экономики, по мнению Ж. Андро, в решающей степени определялось характером элиты, от поведения и интересов которой во многом зависела экономическая жизнь Древнего Рима[54].

Это направление стало заметным течением в западной историографии[55]. Однако и здесь есть слабые места. Сама социальная структура и ее отношение к экономической деятельности вольно или невольно копировалась с хорошо известных процессов, протекавших в Западной Европе в средневековье. Она представала как городская элита, от активности которой и зависели направления и формы хозяйственной деятельности. А недостаток источников восполнялся обращением к более широкой базе данных, дошедших из феодального города. Это невольно уводило исследователей от реальных феноменов античного общества.

Конкретно-исторические исследования частных проблем вызывали все большее неудовлетворение, и стала ощущаться потребность в новых обобщающих трудах[56]. Одним из ответов стало обращение в конце 1980-х–начале 1990-х годов к историческому наследию М. И. Ростовцева с его широкими обобщениями, поскольку диалог с ярким исследователем прошлого всегда ведет к обогащению современного исследователя[57]. Но поиски нового скорее поставили ряд важных вопросов, чем открыли пути их решения. Андро сформулировал главные из них: можно ли написать античную историю; если да, то на каких источниках; есть ли связь между социальными изменениями и экономическим развитием; как соотносятся политические изменения с экономическим развитием в древнем Риме[58].

В отечественном антиковедении новые аспекты открыли работы Г. С. Кнабе, хорошо знакомого с новыми течениями в западной историографии[59]. Он предложил исследовать античные реалии через формы быта и повседневного поведения, стремясь в этом историческом пласте, «с одной стороны, обнаружить действие магистральных процессов исторического развития в непосредственной фактуре общественного бытия, с другой — проследить, как сами эти процессы возникают из конкретных условий повседневной жизни»[60]. Историк обратил внимание на своеобразие социальной структуры Древнего Рима, базировавшейся на различ-

[52] Nicolet 1988.

[53] Андро 1991, 169.

[54] Andreau 1974; 1987; Андро 1994, 223–229. Интересно, как с течением времени автор менял терминологию в отношении предмета своего исследования: если в 1970–80-е годы он пользовался словом «олигархи», теперь для обозначения тех, кто принадлежал к социально-политической элите, он предпочитает понятие «знать» (notables): Andreau 2004, 71, nt. 1.

[55] Andreau, France, Pittia 2004.

[56] Marcone 1995, XXXIII, nt. 73; Andreau, Berelowitch 2008, 5.

[57] Mazza 1995, VIII; Андро 1991; 1994.

[58] Andreau 1997, 184.

[59] Кнабе 1987, 164–181.

[60] Кнабе 1988, 8. Цитируемый сборник явился результатом работы научного семинара, возглавляемого Г. С. Кнабе, где данный подход получил детальную разработку. См. также: Кнабе 1986.

ного рода микроколлективах, в рамках которых протекала реальная жизнь, принимались решения и реализовывались планы античного человека, в том числе и в хозяйственной, экономической деятельности.

С предложением по-новому посмотреть на социально-экономические и политические процессы, протекавшие в античности, выступили ведущие отечественные историки. Е. М. Штаерман призвала «окончательно преодолеть всякие следы модернизации» и изучать не только основной, рабовладельческий способ производства, но и все аспекты экономических отношений, в которых каждый элемент играет свою особую, только здесь присущую ему роль. А для этого надо шире исследовать многочисленные уклады в Древнем Риме, их взаимовлияние, а также гибридные, переходные формы[61].

В совместной статье Е. М. Штаерман и В. И. Кузищин, отмечая недостатки западной историографии, подчеркивали, что при исследовании античной экономики современный исследователь должен «исходить не из большего или меньшего сходства с капитализмом… а из принципиального отличия и специфики основы общества — античной гражданской общины с присущей ей формой собственности»[62]. Это необходимо потому, что в античности «можно лишь с большой долей условности выделить в качестве доминирующей ту или иную сторону: экономическую, социальную или политическую»[63]. Специфичным было и положение работника в античности, что проявлялось во «взаимосвязи зависимости экономической с политической и моральной»[64]. И наконец, античное рабство не было первичным фактором, обусловившим особенности греко-римского общества, а производным от экономического и политического развития античной гражданской общины[65].

Таким образом, в 1980–1990-е годы антиковеды явственно осознали исчерпанность традиционных подходов. Неудовлетворенность сложившейся в исследованиях по античной экономике ситуацией как у отечественных, так и зарубежных ученых вызывали следующие моменты. Прежде всего, сельское хозяйство и ремесленное производство рисовались как отдельные, отделенные друг от друга рынком отрасли экономики, подобно тому, как они функционируют при капитализме. Далее, эти отрасли рассматривались сквозь призму связи с рынком и развития товарного производства. К этому добавлялось стремление компенсировать недостаток наших знаний об античной экономике за счет данных, заимствованных их других эпох (прежде всего средневековья). А сам анализ античной экономики порой строился на активном привлечении современных социологических теорий. Получалась искусственно созданная модель античного общества и его экономики, которая базировалась на теориях и концепциях, заимствованных большей частью из общественных наук. В обобщающих работах такая схема заполнялась структурами и феноменами, заимствованными из других эпох и цивилизаций, а источники служили лишь для иллюстрации уже заранее выбранной концепции[66]. Это приводило, как правило, к тому, что знания и модели, заимствованные из анализа

[61] Штаерман 1987, 48.
[62] Кузищин, Штаерман 1989, 53.
[63] Кузищин, Штаерман 1989, 45.
[64] Кузищин, Штаерман 1989, 52.
[65] Кузищин, Штаерман 1989, 53.
[66] Hopkins 1978; 1980, 101–125. О концепции К. Гопкинса см.: Смирин 1980, 74–98.

современного общества и ориентированные на значительно более поздние и более развитые структуры, уже сами по себе вели к модернизации и искажению реалий Древнего Рима[67].

Поиск новых подходов в изучении античной экономики требовал найти ответ на вопрос, на какой методологической основе сформулированные требования можно было наиболее полно воплотить в научных исследованиях. Свое решение этой проблемы, волновавшей исследователей разных периодов всеобщей и отечественной истории, предложил М. А. Барг. Он высоко оценивал марксистскую методологию, в свое время совершившую переворот в историософской традиции, что впервые позволило «рассматривать каждое конкретно-историческое общество в качестве системы»[68], возведя историческое познание на объективное основание.

Однако формационный подход порождал и ряд недостатков, проявлявшихся прежде всего в отождествлении исторической методологии с социологической. А это приводило к тому, что за пределами сферы внимания историков оказывалось множество общественных институтов и процессов, важных для понимания динамики развития. Так, при рассмотрении экономического базиса господствующий способ производства фактически затмевает фундаментальное свойство докапиталистических обществ — наличие многоукладности в хозяйственной жизни[69] (к изучению чего и призывала Е. М. Штаерман), а без определения удельного веса различных укладов и форм их взаимодействия нельзя понять своеобразие экономического развития общества. Это же обнаруживается и в сфере социальной, где основные классы-антагонисты (для античности это, прежде всего, рабы) вытесняют из поля зрения историков остальные социальные группы и структуры и формы их связей, исследование которых сегодня имеет первостепенную важность. Однобокость проявляется и в изучении идеологической надстройки, когда формационный подход оставляет в стороне обширное поле идей и нравственных ценностей, которые не могут быть сведены к интересам основных противостоящих друг другу социальных групп[70]. Сфера духовной культуры, по большей части, никогда не утрачивала своего надклассового характера, влияя на отношения во всех сферах жизни — трудовой, семейной, повседневной. М. А. Барг подчеркивал, что «духовный аспект любых форм человеческой деятельности не менее, если не более важен для историографического ее постижения, чем ее „технология“, прагматика»[71]. Нам это положение представляется особенно важным в свете замечания о том, что в античности сферы экономические, политические и моральные настолько взаимопроникали друг в друга, что разделить их, не внося искажения в историческую картину, практически невозможно[72].

Формационный подход, обеспечивая понимание объективных процессов, все же не исчерпывает и не охватывает всего многообразия исторического развития, так как за его рамками оказываются многие важные элементы общества, без которых может обойтись политэкономический анализ, но без которых историческое исследование будет однобоким.

[67] Alföldy 1986, 23–24.
[68] Барг 1991, 27–28.
[69] Барг 1991, 29.
[70] Барг 1991, 30.
[71] Барг 1991, 32.
[72] Кнабе 1988,12; Кузищин, Штаерман 1989, 45, 52.

Поэтому те сферы, которые до этого оставались в тени, М. А. Барг предлагает исследовать через парадигму цивилизации. Цивилизационный подход ставит человека — единственного творца истории — в центр изучения прошлого, вводя «объективизацию субъекта истории»[73]. Это позволяет увидеть конкретную и подлинно историческую структуру общества и к полю исследования, открытому формационным подходом, добавить сферу взаимодействия на основе общечеловеческих ценностей, которая отражает не столько социальный антагонизм, сколько область социально-культурного консенсуса. Таким образом, цивилизационный подход предстает методологией собственно исторической, ориентированной на познание человека в истории, а также всех форм и результатов его деятельности в материальной и духовной сферах[74].

В свете всего вышеизложенного представляется, что проблемы и вопросы, которые назрели в области исследования экономики античного Рима, наиболее плодотворно можно решить на основе цивилизационного подхода и учения о цивилизации, разработанного М. А. Баргом и его последователями. Выбор предопределен уже предложенной структурой цивилизации, где главными элементами предстают социальная структура и культура как форма исторической жизни[75].

Основанием цивилизации служит общество, социум, важнейшими элементами которого выступают семья и соседская община, порождающие главный инструмент регулирования их жизни — государство. В социальную структуру входят также различные объединения, в которых человек проводит время и где коллективно вырабатываются оценки происходящего и порой принимаются важные решения, и эти группы играют столь же важную роль, как сословия и классы. В Древнем Риме основными элементами предстают фамилия как семейно-родовая община и civitas — гражданская община, по функциям во многом совпадающая с государством и заменяющая его. Эти институты, которые с точки зрения способа производства были маргинальными, при цивилизационном подходе оказываются в центре внимания.

Именно социум порождает все феномены материальной, поведенческой и духовной культуры. Поэтому сферой внимания историков становятся возникающие в ходе исторического развития все аспекты творческой и повседневной жизни человека, а также плоды этой деятельности и, наконец, многообразные формы поведения и межличностные связи как отдельного человека, так и различных социокультурных групп общества. В феномен культуры оказываются включенными все явления от высокой элитарной сферы до профанного, бытового существования в контексте исторического развития. А сама культура при цивилизационном подходе рассматривается как форма исторической жизни. Таким образом, цивилизация состоит из живой и постоянно изменяющейся социальной структуры в единстве с феноменами культуры.

Носителем культуры, присущей той или иной цивилизации, выступает культурно-исторический тип, выражающий идеальное положение отдельного человека с характерной для него картиной мира. Эта картина мира включает в себя

[73] Барг 1991, 33.

[74] Барг 1991, 33–35.

[75] Более подробно об обществе и культуре и их взаимосвязи в рамках цивилизации см.: Ляпустин 2010, 61–70.

всю совокупность представлений об окружающем мире, о месте в нем человека и о смысле его существования. Именно культурно-исторический тип олицетворяет собой и своим поведением социум и общественные связи, а также выступает создателем и носителем культуры в своей цивилизации во всех формах ее проявления. Человек постоянно «растворен» в социуме и культуре и вне этих сфер существовать не может. Цивилизация — культура — человек составляют неразрывную триаду, через которую только и можно познать и понять всю сложность, глубину и смысл духовной и материальной жизни общества на каждом ее этапе. В античном Риме центральной фигурой выступает римский гражданин, глава фамилии. Именно он, с присущими ему сакральными и морально-этическими представлениями, олицетворял собой и реализовывал на уровне повседневной практики неразрывное единство социального, политического, экономического и духовного начал. Его картина мира включает основные представления об окружающем мире (о времени, пространстве, жизни, смерти, труде, богатстве, дружбе, счастье, бессмертии и т. д.), которые выражали его ментальность и непосредственно влияли на принятие решений в хозяйственной деятельности.

Таким образом, рассмотрение сквозь призму цивилизационного подхода римского гражданина как домовладыки в единстве с подчиненной его власти фамилией, как представляется, позволит по-новому осветить многие актуальные проблемы в области экономики Древнего Рима. По существу встает один главный вопрос, которому подчинены все остальные: как pater familias, являясь homo politicus[76], принимает решения и организует хозяйственную деятельность фамилии и как вместе с фамилией принимает участие в экономической жизни римской civitas.

ЛИТЕРАТУРА

Андро Ж. 1991: Влияние М. И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки // ВДИ. 3, 166–176.

Андро Ж. 1994: М. И. Ростовцев и экономическое поведение элит («буржуа» и «рантье») // ВДИ. 3, 223–229.

Барг М. А. 1991: Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки? // Коммунист. 3, 27–35 = Цивилизации. 2. М.,1993.

Бюхер К. 1923: Возникновение народного хозяйства. Пг.

Вебер М. 2001a: Аграрная история древнего мира / Д. М. Петрушевский (ред.), Ю. Н. Давыдов (вступ. ст.), Н. Д. Саркитов, Г. Э. Кучков (коммент.). М.

Вебер М. 2001b: История хозяйства. Город / И. М. Гревс (ред.), Н. Д. Саркитов, Г. Э. Кучков (коммент.). М.

Гайденко П. П. 1990: Социология Макса Вебера // *Вебер М.* Избранные произведения / Ю. Н. Давыдов (сост.. общ. ред. и послесл.), П. П. Гайденко (предисл.). М., 5–43.

Гревс И. М. 1897: Очерки из истории римского землевладения: «Большое сельское поместье» в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I–го века империи // ЖМНП. Сентябрь. Отд. 2, 1–55. Октябрь. Отд. 2, 277–324.

Гревс И. М. 1899: Очерки истории римского землевладения (преимущественно во время Империи). Т. I. СПб.

[76] Вебер 2001b, 470.

Гревс И.М. 1905: Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира: (Данные Петрония по аграрной истории I–го века империи) // ЖМНП. Сентябрь, 42–93.

Бонгард-Левин Г.М., Котрелев Н.В., Ляпустина Е.В. (изд. текстов) 2006: История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова. М.

Кнабе Г.С. 1986: Древний Рим — история и повседневность. М.

Кнабе Г.С. 1987: К специфике межличностных отношений в античности. (Обзор новой зарубежной литературы) // ВДИ. 4, 164–181.

Кнабе Г.С. 1988: История. Быт. Античность // Быт и история в античности / Г.С. Кнабе (отв. ред.). М., 6–17.

Кофанов Л.Л. 2004: Теодор Моммзен и его вклад в науку римского права // ВДИ. 4, 191–198.

Кузищин В.И. 1973: Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. — I в. н.э. М.

Кузищин В.И. 1976: Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. — I в. н.э.). М.

Кузищин В.И., Штаерман Е.М. 1989: Экономика и политика в античном обществе // ВИ. 8, 39–53.

Кузищин В.И. 1990: Античное классическое рабство как экономическая система. М.

Ляпустин Б.С. 1995: Рец.: *W. Jongman.* The Economy and Society of Pompei. Amsterdam, 1989 // ВДИ. 1, 219–221

Ляпустин Б.С. 2010: Особенности преподавания истории культуры при цивилизационном подходе // Ученые записки Института истории культур. Вып. 1. М., 61–70.

Мейер Эд. 2003: Труды по теории и методологии исторической науки. М.

Нуреев Р.М. 2007: «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.

Ростовцев М.И. 1901: Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // Русская мысль. 3, 195–217.

Сайко Э.В., Янковская Н.Б. 1988: Ремесленный тип организации труда на Ближнем Востоке в IV–II тыс. до н.э. // ВДИ. 3, 3–18.

Сергеенко М.Е. 1949: Помпеи. М.; Л.

Сергеенко М.Е. 1958: Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.; Л.

Сергеенко М.Е. 1964a: Жизнь Древнего Рима. Очерки быта. М.; Л.

Сергеенко М.Е. 1964b: Простые люди древней Италии. М.; Л.

Сергеенко М.Е. 1968: Ремесленники древнего Рима. Очерки. Л.

Смирин В.М. 1980: Историк, источник, принцип историзма. (По поводу книги К. Гопкинса «Завоеватели и рабы») // ВДИ. 4, 74–98.

Штаерман Е.М. 1964: Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.

Штаерман Е.М. 1973: Эволюция античной формы собственности и античного города // Византийский временник. 34, 3–14.

Штаерман Е.М. 1977: Рец.: *M.I. Finley.* The Ancient Economy. Berkeley and Los Angeles, 1973 // ВДИ. 2, 165–175.

Штаерман Е.М. 1978: Древний Рим: проблемы экономического развития. М.

Штаерман Е.М. 1987: Экономическая история Рима (Проблемы и методы) // Экономическая история. Проблемы и исследования / Ю.Н. Розалиев (ред.). М., 32–48.

Штаерман Е.М., Трофимова М.К. 1971: Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М.

Alföldy G. 1986: Die Römische Gesellschaft. Stuttgart.

Andreau J. 1974: Les Affaires de Monsieur Jucundus. Rome.

Andreau J. 1987: La vie financière dans le monde romain. Les métiers de manieurs d'argent (IVe siècle av. J.-C.–IIIe siècle ap. J.-C.). Rome.

Andreau J. 1997: Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire // Die späte römische Republik. La fin de la république Romain. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie / H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (eds.). Rome, 169–193.

Andreau J. 2004: Sur les choix économiques des notables romains // Mentalités et choix économiques, 71–85.

Andreau J., Berelowitch W. (ed.) 2008: Michel Ivanovitch Rostovtzeff. Bari.

Andreau J., Etienne R. 1984: Vingt ans de recherches sur l'archaïsme et la modernité des sociétés antiques // REA. 86, 55–83.

Aubert J.-J. 1994: Business Managers in Ancient Rome. A Social and Economic Study of Institores, 200 B.C. — A.D. 250. Leiden; New York; Köln.

Bruhns H. 1998: À propos de l'histoire ancienne et de l'économie politique chez Max Weber // *Weber M.* Économie et société dans l'Antiquité : précédé de Les causes sociales du déclin de la civilisation ancienne / H. Bruhns (introd.). Paris, 9–59.

Capogrossi Colognesi L. 1997: Le radici della modernità. Max Weber 1891–1909. 2 ed. Roma.

Finley M. I. 1973: Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles.

Green K. 1986: The Archaeology of the Roman Economy. London.

Hopkins K. 1978: Conquerors and Slaves (Sociological Studies in Roman history. Vol. 1). Cambridge.

Hopkins K. 1980: Taxes and Trade in the Roman Empire (200 B.C. — A.D. 400) // JRS. 70, 101–125.

Jongman W. 1988: The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam.

Marcone A. 1994: Introduzione // *Rostovtzeff M.* Per la storia del colonato romano / A. Marcone (ed.). Brescia, 7–23.

Marcone A. 1995: Introduzione // *Rostovtzeff M. I. Scripta varia*. Ellenismo e impero romano / A. Marcone (ed). Bari, VII–XXXIII.

Mazza M. 1995: Introduzione. Rostovtzeff e la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano // *Rostovtzeff M. I.* Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano. Saggi scelti / T. Gnoli, J. Thornton (eds.). Catania, VII–LXXV.

Andreau J., France J., Pittia S. (dir.) 2004: Mentalités et choix économiques des Romains. Bordeaux.

Momigliano A. 1978: Dopo Max Weber? // Annali della Scuola Normale di Pisa. III. 4, 1315–1332 = *Idem.* Sesto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. I. Roma, 1980, 295–312.

Momigliano A. 1975: The Greeks and Us // The New York Review of Books. October 16 = The Use of the Greeks // *Idem.* Sesto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. I. Roma, 1980, 313–322.

Morris I. 1999: Foreword // *Finley M. I.* The Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles, IX–XXXVI.

Nicolet C. 1988: Rendre à César. Économie et société dans la Rome antique. Paris.

Rostovtzeff M. 1929: Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Bd. I–II. Leipzig.

Rostovtzeff M. I. 1932: Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit (Rec.: *Hasebroeck J.* Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931) // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaften. 92, 333–339 = *Idem. Scripta varia*. Ellenismo e impero romano / A. Marcone (ed). Bari. 1995, 459–464.

PROBLEMS OF MODERN HISTORIOGRAPHY OF ANCIENT ROME: QUESTS AND DECISIONS

B. S. Lyapustin

The article is concerned with basic stages and directions of the study of Ancient Rome economic history. The author puts emphasis on characterization of Russian and foreign historiography from the late 20th century to the early 21st century, and touches upon the problems that face scholars studying the ancient world. In summary it may be said that principal problems of the ancient economy may be solved much more successfully in terms of civilization approach to history.

Key words: ancient economy, primitivists, modernists, historiography, market, civilization, family name.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААРК	—	Архив Автономной Республики Крым
АГСП	—	Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР / Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков (ред.) М., 1984
АИКСП	—	Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья / В.Ф. Гайдукевич и др. (ред.) Л., 1968
АККМ	—	Архив Крымского краеведческого музея
АМА	—	Античный мир и археология. Саратов
АЦВМ	—	Античная цивилизация и варварский мир / Б.А. Раев (ред). Новочеркасск
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БС	—	Боспорский сборник. Москва
БФ	—	Боспорский феномен
ВВ	—	Византийский временник. Москва
ВДИ	—	Вестник древней истории. Москва
ВИ	—	Вопросы истории. Москва
ВЭ	—	Вопросы эпиграфики / А.Г. Авдеева (редю). Москва
ДА	—	Донская археология. Ростов-на-Дону
ДБ	—	Древности Боспора. Москва
ДГКСА	—	Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР / Г. А. Кошеленко (ред.). М., 1985
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ИАК	—	Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.; Петроград
ИАМП	—	Известия на Археологически музей. Пловдив
ИБ МАИКЦА	—	Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии, Москва
ИИМКн	—	Известия на Исторически музей. Кюстендил
ИНМБ	—	Известия на Народен музей. Бургас
ИТУАК	—	Известия Таврической архивной комиссии
КБКАМ I	—	Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I // БИ. Supplementum 2 / Зинько В.Н. (ред.). Симферополь–Керчь, 2007-2008
КБКАМ II	—	Абрамзон М.Г. Корпус боспорских кладов. Т. II // БИ. Supplementum 7 / В.Н. Зинько (ред.). 2011
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МОИДР	—	Московское общество истории и древностей российских
НАВ	—	Нижневолжский археологический вестник
НАИМ БАН	—	Национален археологически институт с музей при Българската академия на науките. София
НиСф	—	Нумизматика и сфрагистика. Киев
НиС	—	Нумизматика и сфрагистика. София
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК	—	Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ПАК	—	Проблемы античной культуры / Г. А. Кошеленко (отв. ред.). М., 1986
ПИСПЭЭ	—	Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
ПСЗ	—	Полное собрание законов Российской Империи
РА	—	Российская археология. Москва
РГИА	—	Российский государственный исторический архив

САГУ	—	Среднеазиатский Государственный университет
САИ	—	Свод археологических источников. Москва
СА	—	Советская археология. Москва
СГАИМК	—	Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград
ТГИМ	—	Труды Государственного Исторического музея. Москва
ТГИМ. НС ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. Нумизматический сборник. Москва
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа, Ленинград
ТОНГЭ	—	Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТРИИФ	—	Труды Института истории и философии. Баку
ACSS		Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden; Boston; Köln
AC	—	Acta Classica: Proceedings of the Classical Association of South Africa. Balkema, Cape Town.
Agora	—	Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton, 1953
AHB	—	The Ancient History Bulletin, Calgary
AM	—	Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Berlin.
AMNG III	—	Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. Bd. III. Makedonia und Paionia. Berlin, 1935
AMusPorol	—	Acta Musei Porolisensis. Zalau
ANSNS	—	The American Numismatic Society Numismatic Studies. New York
AnS	—	Ancient Society. Leuven
APA	—	Acta Praechistorica et Archaeologica. Berlin
AS	—	Anatolian Studies. Journal of the British Institute of Archaeology at Ankara. London
ATL	—	Meritt, B.D., Wade-Geri, H.T., McGregory, M.F. The Athenian Tribute Lists // Vol. I–IV. Cambridge; Princeton, 1939–1953.
BAR	—	British Archaeological Report. Oxford
BCH	—	Bulletin de correspondance hellenique. Paris
BE	—	Bulletin epigraphic. Revue des études greques. Paris
BMC 3	—	A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thrace, etc. / R.S. Pool (ed.). London, 1877
BMM	—	Bulletin of Miho Museum. Shigaraki. Japan
BNF	—	Bibliothèque nationale de France. Paris
BSA	—	Annual of the British School at Athens. London
BSNR	—	Bulletinul Societatii numismatice Romane. Bucureşti
BS	—	Byzantinoslavica. Praha
C&M	—	Classica et Madiaevalia: revue danoise d'histoire et de philologie, Kobenhavn
CCCB IX	—	Coinage and Coin Circulation on the Balkans. Vol. IX. Prokopov I., Kovacheva T. Coin Hoards and Coins from the 2nd and the 1st Centuries BC in the Numismatic Collection of Pleven Museum. Sofia, 2006.
CCCHBulg. I/1	—	Coin Collection and Coin Hoards from Bulgaria. Vol. I. Pt. I. Gushterakliev R., Prokopov I. Numismatic Collection of the Historical Museum Lovech (anc. Melta). Coins and Coin Hoards of the 5th — 1st cc. BC. Sofia, 2007.
CCCHBulg. I/2	—	Coin Collection and Coin Hoards from Bulgaria. Vol. I. Pt. II. Dzanev G., Prokopov I. Numismatic Collection of the Historical Museum Razgrad (anc. Abritus). Coin Hoard and Coins of the 2nd — 1st cc. BC. Sofia, 2007
CH	—	Coin Hoards. London
CIG	—	Corpus Inscriptiones graecarum. Bd. I–IV. / A. Boeckhius, I. Franzius, E. Curtius (eds.). Berlin 1828–1856.
CIL	—	Corpus inscriptionum Latinarum
Coll. Pozzi	—	Catalogue des monnaies grecques antiques de l'ancienne collection Pozzi. Europe / Boutin S. (ed.). Maastricht, 1979.

CQ	—	Classical Quartely. Oxford
CRAI	—	Comptes rendus des séances de I`Academie des inscriptions et belles letters. Paris
CR	—	Classical Revue. Oxford
CVA	—	Corpus Vasorum Antiquorum. Union Academie International.
DHA	—	Dialogues d´histoire ancienne. Paris
EA	—	Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn
Ephesos	—	McCabe D.F. Ephesos Inscriptions. Princeton, 1991.
ESAR	—	An Economic Survey of Ancient Rome / T. Frank (ed.). Vol. IV. Baltimore, 1938.
FD III	—	Fouilles de Delphes, III. Épigraphie. Paris, 1929–1943
FGrHist	—	Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker, Berlin; Leiden
GRBS	—	Greek, Roman and Byzantine Studies. Durcham
Göteb. Palim.	—	Dreyer B. Zum ersten Diadochenkrieg. Der Göteborger Arrian-Palimpset (ms — Graec 1) // ZPE. 1999. 125, 39-60
HSCP	—	Harvard Studies in Classical Philology.
I. Didyma	—	Rehm A. (Hg. von R. Harder). Didyma Bd. I-II. Die Inschriften. Berlin. 1958.
I. Iasos	—	Blümel W. Die Inschriften von Iasos. Teil I-II: (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 28. 1-2). Bonn, 1985.
I. Stratonikeia	—	Ç. Şahin. Inschriften von Stratonikeia. Teil I-II (Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bd. 21). Bonn, 1981-1990.
IASCCA	—	International Association for the Study of the Cultures of Central Asia
IC	—	Inscriptiones Creticae. Vol 1–4. Rome, 1935–1950.
ID	—	Inscriptions de Délos. Vol. 1–7. Paris, 1926–1972.
IGCH	—	Thompson M., Mørkholm O., Kraay C. M.. An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973
IGRP	—	Cagnat R., Jouguet P., Toutain J., Lafaye G. (eds.) Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. 4 T. Paris. 1906-1927 (repr. 1975).
IG	—	Inscriptiones graecae. Berlin
JHS	—	The Journal of Hellenic Studies. London
JRAS	—	The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, Cambridge
JRS	—	The Journal of Roman Studies. London
Leo	—	Leonis imperatoris strategemata. E codice florentino // FGrHist 639.
Lindos	—	Blinkenberg Chr., Finch K.F. Lindos. Fouilles et recherches, 1902–1914. II. Inscriptions. 2 vols. Copenhagen; Berlin, 1941.
LSCG	—	Sokolowski W. Lois sacrées des cités grecques. P., 1969. Paton W. and Hicks E. 1892: The Inscriptions of Cos. Oxf.
LSS	—	Sokolowski W. Lois sacrées des cités grecques. Supplément. Paris, 1962.
MBAH	—	Münsterische Beiträge zur antiken Handelsgeschichte. St. Katharinen
MDAFA	—	Memoires de la Delegation archeologique française en Afghanistan. Paris
Metz	—	Epitome Metz: Thomas P.H. (ed.) Epitoma rerum gestarum Alexandri et Liber de Morte eius. Leipzig. 1966, 31-49.
MNJ	—	Macedonian Numismatic Journal. Skopje
NC	—	The Numismatic Chronicle. London
OGIS	—	Orientis graeci inscriptiones selectae. I–II / W. Dittenberger. Leipzig. 1903-1905.
OJA	—	Oxford Journal of Archaeology. Oxford
PATABS I	—	Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27-29 Avril 2006 / D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili (eds.) Paris; Istanbul. 2010.
PF	—	Pergamenische Forschungen
PLG	—	Poetae lyrici graeci. Collegit Th. Bergh. 4. Auflage. 3 T. Leipzig, 1923.
PP	—	La parola del passato. Napoli
RBNS	—	Revue Belge de Numismatique et de Sigillographie. Bruxelles
RCRF	—	Rei Cretariae romanae Fautorum

RE — Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen ltertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–1980.
REA — Revue des Etudes anciennes. Bordeaux
REG — Revue des études grecques. Paris
ResO — Res Orientales. Bures-sur-Yvette
RGZM — Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Mainz; Bonn
RhM — Rheinisches Museum für klassische Philologie. Frankfurt am Main
RN — Revue numismatique. Paris
SB Berlin — Sitzungsberichte der königlichen Preussischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
SCN — Studii di Cercetari Numismatice. Bucureşti
SEG — Supplementum Epigraphicum Graecorum. Leiden
SIr — Studia Iranica. Paris
Smyrna — McCabe D.F. Smyrna Inscriptions. Princeton, 1988.
SNG Blackburn — Sylloge nummorum Graecorum. Collection of Edward Hart, Blackburn Museum. Blackburn, 1989.
SNG BM I — Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. Pt I: The Black Sea. London, 1993.
SNG Copenhagen — Sylloge nummorum Graecorum. Danish National Museum. Vol. 2: Thrace and Macedonia. New Jersey, 1981.
SNG France — Sylloge nummorum Graecorum. Bibliothèque Nationale, Cabinet des médailles. Collection Jean et Marie Delepierre. Paris, 1983.
SNG Klagenfurt — Sylloge nummorum Graecorum. Sammlung Franz Dreer, Klagenfurt im Landesmuseum für Kärnten. III. Teil: Thracien, Macedonian, Päonien. Klagenfurt, 1990.
SNG Manchester — Sylloge nummorum Graecorum. VII. Manchester University Museum. The Raby and Güterbock Collections. London, 1986.
SNG Milano — Sylloge nummorum Graecorum. Civiche Raccolte Numismatiche. Vol. VI. Macedonia and Thrace. Pt. 3. Chersonesus Tauricus, Sarmatia, Thrace, Chersonesus Thraciae, Isole della Thracia. Milano, 2000.
SNG Oxford — Sylloge nummorum Graecorum. Ashmolean Museum. Vol. V. Pt. 3. Macedonia. Oxford, 1976.
SNG Stancomb— Sylloge Nummorum Graecorum. The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region. Vol. XI. Oxford, 2000.
SNG Sweden II — Sylloge nummorum Graecorum. The Collection of the Royal Coin Cabinet. National Museum of Monetary History, Stockholm. Pt 2: Thrace, Euboia. Stockholm, 1991.
SNG Tübingen — Sylloge nummorum Graecorum. Münzsammlung Universität Tübingen. Tübingen, 1981.
SNR — Schweizerische Numismatische Rundschau
SRAA — Silk Road Art and Archaeology. Kamakura
StV — Bengtson H. (Hrsg.). Staatsverträge des Altertums. Bd. II. 2. Aufl. München, 1975.
Syll.3 — Dittenberger W.: Sylloge inscriptionum graecarum. 3. ed. 4 vol. Leipzig, 1915-1924.
Tod — Tod M.N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Vol 2, 2nd ed. Oxford, 1948.
Vani IX — Pont-Euxin et commerce. Actes du IXe Symposium de Vani. / Faudot M., Frayste A., Geny E. (eds.). Paris, 2002.
Weber — Forrer L. The Descriptive Catalogue of the Collection of Greek Coins Formed by Sir Hermann Weber M.D. 1823-1918. Vol. II. Macedon, Thrace, Thessaly, North Western, Central and Southern Greece. London, 1924.
Winterthur I — Griechische Münzen in Winterthur. 1. Spanien, Gallien, Italien, Sizilien, Moesien, Dakien, Sarmatien, Thrakien, Makedonien, Hellas, Inseln. Münzkabinett der Stadt Winterthur / Bloesch H (ed.). Winterthur, 1987.
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.

Указатель материалов, опубликованных в журнале «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» в выпусках 1–4 за 2011 год

	№	Стр.

ИСТОРИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ. ЭЛЛИНИЗМ

Данилов Е. С. (Ярославль) — Рейнский поход Гая Калигулы	2	24
Данилов Е. С. (Ярославль) — «Бык Юлиана» как символ securitas publica	1	23
Домина Ю. В. (Ростов-на-Дону) — Социальная функция классического античного театра: диалектика ритуального очищения и гражданского воспитания	1	31
Каретникова В. А. (Ярославль) — Homines novi: проблема доступа к консулату в I в. до н.э.	1	3
Кошеленко Г. А., Гаибов В. А. (Москва) — Некрополь Тилля-тепе: индийская уникальная монета	4	17
Ленская В. С. (Москва) — Младший культовый персонал в Древней Греции	4	322
Ляпустин Б. С. (Москва) — Проблемы современной историографии экономики Древнего Рима: поиски и решения	4	359
Прокопов И. С. (Благоевград), *Пешехонов В. К.*, *Фролова Н. А.* (Москва), *Абрамзон М. Г.* (Магнитогорск) — Комментарий к эллинистическим тетрадрахмам Первой Македонской области из собрания ГИМ	4	104
Прокопов И. С. (Благоевград), *Пешехонов В. К.*, *Фролова Н. А.* (Москва), *Абрамзон М. Г.* (Магнитогорск) — Эллинистические тетрадрахмы о-ва Фасос, тетрадрахмы так называемого «фасосского типа» и их имитации	4	77
Супренков А. А. (Москва) — Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира	4	337
Телин А. Е. (Ярославль) — Cura ludorum римских эдилов	1	10
Федина Ю. А. (Магнитогорск) — Восточные союзники и amici Октавиана в гражданских войнах 40-30-х. гг. до н.э.	2	18
Фролов Р. М. (Ярославль) — Виды и основные функции римских народных сходок (contiones) в эпоху Республики	2	3

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Абрамзон М. Г. (Магнитогорск), *Зинько В. Н.* (Керчь) — Золотые статеры Евпатора и Савромата II из раскопок Тиритаки	4	166
Абрамзон М. Г. (Магнитогорск), *Сударев Н. И.* (Москва) — Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова балка 3» (2011 г.)	4	146
Ахмедов И. Р. (Москва) — Находка медальона Септимия Севера на р. Оке	4	119

Ворошилова О.М. (Москва) — Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории 4 137
Евдокимов Д.О. (Москва) — Изменения в составе сельского населения Боспорского царства в первые века нашей эры 2 58
Журавлев Д.В. (Москва) — Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея 4 221
Завойкин А. А. (Москва) — Заметки о культе Диониса в Фанагории 4 199
Завойкин А.А., Кузнецов В.Д. (Москва) — Древнейшее общественное здание в Фанагории 4 188
Зубарев В.Г., Шапцев М.С. (Симферополь) — Краснолаковая керамика из раскопок городища Белинское 2 30
Масленников А.А. (Москва) — Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья 4 264
Медведев М.И. (Краснодар) — Законодательные акты в сфере охраны культурного наследия Кубани XIX века 4 210
Строкин В.Л. (Темрюк) — Афинский след в монетном деле Феодосии 1 37
Терещенко А.Е. (Санкт-Петербург) — Монеты из раскопок поселения Артющенко II (2009–2010 г.)..... 4 180
Федосеев Н.Ф. (Керчь) — Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском 4 277
Фролова Н.А. (Москва), *Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск) — Боспорские монеты из коллекции Н.Н. Грандмезона в собрании Государственного Исторического музея 4 32

КАВКАЗ

Меликов Р.С., Алиев Т.Р. (Баку) — Об албанском городе Айниана = Йунан (по материалам письменных источников и новейших археологических исследований)..... 4 309

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Гаибов В.А., Кошеленко Г.А., Требелева Г.В. (Москва) – О локализации городов Маргианы парфянского времени 2 65
Тихонов Р.В. (Елец) — Местные типы керамики Бактрии эллинистического времени 1 53
Тихонов Р.В. (Елец) — Основные тенденции развития керамики Бактрии эллинистического периода 2 95

МЕЗОАМЕРИКА

Демичева И.Ю. (Москва) — Типология и классификация терракотовых статуэток майя I тыс. н.э. 1 62

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Безруков А.В. (Магнитогорск) — Роль монеты в межплеменной торговле народов Волго-Камья 1 77

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Захаров А. О. (Москва) — Династия Шайлендров в современной историографии 2 102
Зиливинская Э. Д. (Москва) — Медресе и Ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) 2 129
Соловьев В. С., Павлова С. В. (Елец) — Археологические данные к истории арабского завоевания Тохаристана 1 85

ИСТОРИЯ РОССИИ

Вьюнник Е. П. (Белгород) — Опекуны и попечители как субъекты правового функционализма в отношении детей-сирот в конце XIX в. (по материалам Центрального Черноземья) 2 152
Габушин К. Н. (Екатеринбург) — «Красный бандитизм» на Урале 1 135
Дорожкин А. Г. (Магнитогорск) — Основные тенденции и результаты начального этапа чистки ВКП(б) в Магнитогорске (июль – сентябрь 1933 г.) на страницах «Магнитогорского рабочего» 2 223
Колдомасов И. О. (Магнитогорск) — Обмен печатной продукцией в рамках антигитлеровской коалиции как средство осуществления социокультурных контактов 2 196
Макаров А. Н. (Магнитогорск) — Индустриализация и формирование «нового» человека в изображении фото- и кинохроники 1930-х гг. (по материалам Магнитогорска) 1 113
Макарова Н. Н. (Магнитогорск) — Женский социум в Магнитогорске в 1930-е гг. 2 242
Нечаев М. Г. (Пермь) — Церковь на Урале в годы Первой мировой войны 2 174
Рябова Т. С. (Магнитогорск) — Патронирование, опека, усыновление в годы Великой Отечественной войны: нормативно-правовая база и региональные практики (на материалах Южного Урала) 2 187
Светлова Л. В. (Екатеринбург) — Судьба казённой промышленности пореформенного Урала в трудах дореволюционных отечественных исследователей: историографический анализ 1 100
Сергеев В. П. (Москва) — Открытое почитание святынь в Уфимской епархии в условиях репрессий 1930-х годов 1 126
Спасова Л. П. (Магнитогорск) — Адаптация иностранных специалистов к реалиям советской жизни: опыт Магнитостроя 2 213
Стародубова О. Ю. (Магнитогорск) — Брусиловский прорыв в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (на примере художественной литературы): образ внешнего врага 2 163
Фролова Н. С. (Магнитогорск) – Образ Америки и американцев в советском кинематографе 30-х гг. на примере фильма «Цирк» 2 206
Шаповалов В. А. (Белгород) — К проблеме изучения пореформенной эволюции поместного землевладения и стратификации поместного дворянства 1 91

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Егоров А. И. (Дзержинск) — Проблема статуса объединенной Германии в 1990-е гг. 1 143

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Абрамзон Т.Е. (Магнитогорск) — Об одном ломоносовском стихе 1 161
Герасимова И.Ф. (Рязань) — Национальные образы войны и мира в лирической поэзии XX века 2 316
Гиляжева Г. З. (Магнитогорск) — О.И. Сенковский в оценке критиков и литературоведов 2 323
Жаткин Д.Н., Крехтунова Е.В. (Пенза) — Д.Л. Михаловский – переводчик поэзии Томаса Гуда 2 298
Жаткин Д.Н., Рябова А.А. (Пенза) — «Сказание о старом мореходе» С.Т. Кольриджа в переводческих интерпретациях Ф.Б. Миллера, Н.Л. Пушкарева, А.А. Коринфского и Н.С. Гумилева (сопоставительный анализ) 1 194
Жаткин Д.Н., Яшина Т.А. (Пенза) — Поэзия Томаса Мура в переводах А.А. Курсинского и В.Я. Брюсова 1 181
Иванова Е.Р., Ващенко И.В. (Орск) — Модернизация жанра новеллы в немецкой литературе XIX века 1 175
Красильникова М.В. (Магнитогорск) — «Фауст» Ф.М. Клингера: эпические и драматические характеристики главных персонажей 2 268
Макаричев Ф.В. (Санкт-Петербург) — Стихия сумасбродства в художественном мире Достоевского 2 280
Макаричева Н.А. (Санкт-Петербург) — Особенности любовного сюжета в романах Ф.М. Достоевского 2 274
Мухина Е.А. (Волгоград) — Концепт «город» в колымском тексте Варлама Шаламова 2 339
Петров А. В. (Магнитогорск) — Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) 1 152
Петров В.Б. (Магнитогорск) — Художественная историософия в прозе Михаила Булгакова 2 309
Попова Т.Г. (Северодвинск) — Преподобный Иоанн Синайский (штрихи к портрету) 2 251
Постникова Е.Г. (Магнитогорск) — Мифосюжет об «Отце-тиране» и «Сыне-освободителе» в публицистическом дискурсе 1860-х гг. и роман М.Е. Салтыкова Щедрина «История одного города» 2 290
Пузанкова С.Н. (Магнитогорск) — Экфрастический опыт М.В. Ломоносова («Надпись на спуск корабля, имянуемаго Святаго Александра Невскаго, 1749 года») 1 169
Севастьянова В.С. (Магнитогорск) — Не-бытие в русской поэзии 1920-х гг. 1 218
Склизкова Т. А. (Владимир) — Идиллические представления и их роль в английском модернистском романе (на материале романа Э. М. Форстера «Говардс Энд») 1 228
Снегирев И.А. (Владимир) — Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского: «Большая элегия Джону Донну» 1 233
Таянова Т.А. (Магнитогорск) — Специфика литературы религиозной направленности 1 238
Щацкий Е.О. (Москва) — За что сожгли протопопа Аввакума? 2 258
Ягафарова Л.Т. (Казань) — Переосмысление гендерных стереотипов в «женском» романе 2 334

ЛИНГВИСТИКА

Абакумова О. Б. (Орёл) — К вопросу о создании словаря пословичных концептов (на материале пословичных концептов «Правда» и «Truth»)..... 3 493
Абрамзон Т. Е. (Магнитогорск) — Из истории слова *Меценат* (материалы к энциклопедическому Словарю «М. В. Ломоносов»)..... 3 336
Абросимова Л. С. (Ростов-на-Дону) — Рефлексия когнитивности в экспрессивном словообразовании 1 245
Авдина А. И. (Челябинск) — Специфика словарных статей предлогов (на примере фразеологических предлогов *вместе с (кем, чем), в связи с (чем), в соответствии с (чем), рядом с (кем, чем), с помощью (чего))* 3 278
Алексеева М. Л. (Екатеринбург) — Диахронический переводной словарь-справочник как особый тип словаря..... 3 618
Алефиренко Н. Ф. (Белгород) — Смысловое содержание идиомы как предмет фразеологической репрезентации..... 3 484
Андреева С. Л. (Магнитогорск) — Концепт в тексте и словаре писателя..... 3 694
Андрюшина Н. П. (Москва) — Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразелогических единиц 3 648
Анищенко О. А. (Казахстан, Кокшетау) — Лексикографическое описание субстандартной лексики: словарь регионального молодёжного социолекта... 3 568
Арапов О. А. (Магнитогорск) — Создание словаря идеографического типа как этап в реконструкции концептосферы «Метафизический мир» 3 459
Астахина Л. Ю. (Москва) — О достоверности лексики в лексикографических источниках..... 3 331
Байрамова Л. К. (Казань) — «Аксиологический словарь славянской фразеологии»: структура и содержание (проект) 3 272
Батулина А. В. (Великий Новгород) — О лексикографическом представлении антипословиц в «Прикольном словаре» В. М. Мокиенко, Х. Вальтера 3 214
Бахчеева О. П. (Магнитогорск) — К вопросу о лексиконе лингвокультурного типажа «Успешная деловая женщина»..... 3 133
Бедрикова М. Л. (Магнитогорск) — Концепт «Творчество» в малой прозе В. Распутина 1980–2000 гг. как материал для антологии художественных *концептов*..... 3 735
Безкоровайная Г. Т. (Москва) — Словари как источники лингвокультурной информации 3 138
Белякова С. М. (Тюмень) — Образный потенциал диалектного слова: лексикографическое представление и его интерпретация..... 3 563
Бобрышева И. А. (Ростов-на-Дону) — Фразеологизмы как репрезентанты концепта «Пустота» в идиолекте (материалы к словарю языка М. И. Цветаевой) 3 740
Богачева Г. Ф. (Москва) — О некоторых функциях фразеологических единиц в комплексном объяснительном словаре русского языка для иноязычных пользователей 3 653
БудейкоВ. Э. (Челябинск) — Проблемы составления «Словаря грамматологических фразеологизмов» 3 283
Быкова Е. В. (Санкт-Петербург) — Функция цитаты в модульном мемориальном тексте 2 344

Вальтер Х. (Германия, Грайфсвальд) — О двух «немецких» эптонимах в русском языке (Гамбургский счёт; Кто опаздывает, того наказывает история)..... 3 199
Васильева А.К. (Москва) — Двуязычные фразеологические словари как основа сопоставительного анализа фразеологических единиц (по материалам фразеологизмов из произведений Ф.М. Достоевского и их переводов на английский язык)..... 3 624
Васильева Т.И., Торшин А.А. (Магнитогорск) — О проекте антологии концептов русской литературы XX века..... 3 689
Верескун С.А. (Ростов-на-Дону) — Построение и верификация ассоциативно-смыслового поля концепта с использованием лексикографических источников..... 3 507
Вилисова Е.В. (Челябинск) — Функционирование профессионально маркированных фразеологизмов в среде современных студентов: психолингвистический аспект..... 3 572
Власкин А.П. (Магнитогорск) — Типологическое и имманентное в характеристике героев Ф.М. Достоевского (к проблеме лексикографического описания)..... 3 684
Волкова В.Б. (Магнитогорск) — Концепт «Женщина» в романе В.С. Маканина «Асан»: к антологии русских художественных концептов..... 3 745
Воронина Т.М. (Екатеринбург) — Метафорическая составляющая смежных концептов: сходства и различия (на материале концептов сферы «Интеллект» и сферы «Образование»)..... 3 518
Вуловић Н., Бајић Р. (Сербия, Белград) — Фразеологизми из области правОСлавне духовности у једнојезичним речницима српског језика..... 3 444
Выхрыстюк М.С. (Тобольск) — Тексты делопроизводства XVIII в. г. Тобольска как источник диалектной лексикографии..... 3 358
Гаева (Ковалёва) Е.В. (Курган) — Об одной из попыток зафиксировать окказиональную лексику в словарях..... 3 365
Гараева Л.А. (Магнитогорск) — Функционирование устойчивых словесных комплексов, обозначающих способ ведения боевых действий, в древнерусских воинских повестях XII–XVII вв. и их отражение в словарях..... 3 370
Георгиева С.И. (Болгария, Пловдив) — Межкультурное взаимопонимание: к проблеме лексикографической обработки фразеологических инноваций..... 3 111
Гладких Ю.Г. (Пермь), Осипова А.А. (Магнитогорск) — Отражение связей между концептами в словаре концептосферы В.П. Астафьева (на примере концептов «Смерть» и «Вода»)..... 3 725
Глинкина Л.А. (Челябинск) — Частотность как значимый регистр лексикографии и фразеографии..... 3 7
Глухих Н.В. (Челябинск) — Лексикографические материалы как основа толкования древнейших текстов «Хрестоматии по старославянскому языку» 3 375
Гневэк О.В. (Магнитогорск) — Концепт «Родина» в современной паремиологии..... 3 530
Голованёва М.А. (Астрахань) — Фразеографическ*ие отражения* социолекта приватного общения русской драмы конца XX века..... 3 378
Гончарова В.Н. (Челябинск) — Концепт «Сосна» в творчестве В. Шаламова (материалы для «словаря концептов В. Шаламова»)..... 3 750

Горбачевский А. А. (Челябинск) — Термины, определяющие качество поэтического перевода, как материал для специального словаря 3 607
Горбачевский Ч. А. (Челябинск) — *Палец* в прозе В. Т. Шаламова: материалы для словаря образов-символов писателя 3 753
Дадабаева Р. М. (Москва) — Взаимодействие славянизмов и русизмов в русском литературном языке (по материалам исторических словарей) 3 362
Деткова В. А. (Челябинск) — Русские и английские паремии семантической группы «Семейные отношения» как объекты описания в лингвистических словарях 3 628
Дорфман О. В. (Магнитогорск) — Художественно-речетворческий аспект словаря языковой личности девятиклассника 3 577
Дубровина К. Н. (Москва) — Библейские фразеологизмы в лексикографических трудах В. И. Даля 3 448
Дядечко Л. П. (Украина, Киев) — О пропедевтическом словаре лингвистической терминологии 3 602
Егорова С. С. (Москва) — Судьба русского просторечия (по материалам исторических словарей) 3 381
Епимахова А. Ю. (Челябинск) — Когнитивно-коммуникативные особенности заимствованных наименований лиц по профессии и проблемы их лексикографирования 3 97
Ермакова Е. Н. (Тобольск) — Отфраземное словообразование и его отражение в современных словарях 3 45
Жанкидирова Г. Т., Скляренко К. С., Шантаева Д. С., Шетиева А. Т. (Казахстан, Алматы) — Лексикографическое описание концептов евразийской лингвокультуры 3 143
Жуков А. В. (Великий Новгород) — Метод аппликации и классификация пословично-поговорочного материала 3 210
Жукова А. Г. (Москва), Мандрикова Г. М. (Новосибирск) — К вопросу о лексикографическом отражении таронимической ценности фразеологизмов 3 287
Зайцева Т. Б. (Магнитогорск) — Концепт «Любовь» в творчестве А. П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы») 3 705
Звездин Д. А. (Челябинск) — Церковнославянская лексика и фразеология православной проповеди: лексикографический аспект (на примере «слов» архимандрита Кирилла (Павлова) 3 463
Иванова Е. В. (Магнитогорск) — Наименования расстояний в «Хождении» игумена Даниила и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (как материал для исторического словаря) 3 388
Ивановић Н. Б. (Сербия, Белград) — Типичан граматички контекст речи и његова обрада у лексикографској пракси (на материјалу из Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ) 3 50
Исмагилова О. С. (Магнитогорск) — Народная этимология в лексикографических источниках (на материале английского и русского языков) 3 153
Кабыш В. И. (Курган) — Словарь фразеологических конверсивов 3 293
Каламбет Е. В. (Краснодар) — Сло*варная статья: к* вопросу о трансформации жанра 3 40
Калмыкова Е. Л. (Челябинск) — Понятийные признаки концепта «Мир» и их вербализация в паремиях (на материале русских толковых словарей) 3 538
Каменев К. В. (Магнитогорск) — Родом из детства, или Несколько слов о лексикографировании крылатых единиц, обязанных своим происхождением мультипликационным фильмам 3 240

Карпичева Н.Л. (Магнитогорск) — Концепт «Детство» в поздней новеллистике В.С. Гроссмана (к антологии художественных концептов) 3 760
Карпова И.А. (Москва) — Метафорические модели как средство анализа образной и ценностной сторон концепта «позитивное мышление» 1 255
Карпун М.А. (Ростов-на-Дону) — Представления о целебных растениях в традиционной культуре донского казачества (материалы к этнолингвистическому словарю)..... 3 157
Кацюба Л.Б. (Челябинск) — Паремиографическое описание в лингвокультурном и психолингвистическом аспектах 3 163
Кенько А.А. (Магнитогорск) — Концепт «Россия» в малой прозе Вяч. Пьецуха (как материал к антологии художественных концептов) 3 764
Кислова Е.И. (Москва) — Лексика од М.В. Ломоносова в восприятии современников (о чём не пишут словари) 3 347
Клинкова И.С. (Магнитогорск) — История термина *чёрные земли* в русском языке и её лексикографическое описание..... 3 352
Книжникова З.О. (Москва) — Гендерная стереотипизация личности в я*зыке и* культуре 1 261
Кокорина Ю.Г. (Москва) — Теоретические положения когнитивной терминографии (к постановке проблемы)..... 3 489
Колесникова Т.В. (Магнитогорск) — Принципы создания терминологического словаря к спецкурсу «Новостная телевизионная передача»..... 3 657
Корнилова Л.Н. (Челябинск) — Процессуальные фраземы становления как объект описания во фразеологических словарях 3 296
Коротенко М.А., Мишина Л.Н. (Магнитогорск) — Понятие мученичества в периоды становления независимости русской церкви от византийской (XI–XIV вв.) и раскола русской церкви (XVII в.) как материал для идеографического описания..... 3 421
Костючук Л.Я. (Псков) — Многоаспектные лингвистические исследования и лексикографическая практика (диахронный и синхронный аспекты)..... 3 25
Котукова Е.Ю. (Магнитогорск) — Репрезентация концепта «Свобода» в прозе Б. Зайцева (к антологии художественных концептов)..... 3 711
Коурова О.И. (Шадринск) — Концепция лингвокультурной ценности 3 119
Красных В.В. (Москва) — Возможные пути лексикографического описания единиц лингвокультуры 3 106
Крутий С.М. (Магнитогорск) — Художественный мир Л. Улицкой сквозь призму концепта «Детство» (к антологии художественных концептов) 3 770
Крюкова Н.А. (Иваново) — Лексикографическое описание распространения и расширения компонентного состава фразеологизмов 3 299
Кудрина Н.В. (Курган) — Поэтическая фразеология как объект фразеографии 3 305
Кузина Т.А. (Магнитогорск) — Модаль*ное слово ка*к элемент словаря и текста..... 3 101
Куракина Е.Б. (Москва) — Колебание места ударения в постфиксальных глаголах прошедшего времени мужского рода единственного числа в речи современных молодых москвичей 1 267
Лазић-Коњик И., Гочанин М. (Сербия, Белград) — О неким проблемима српске дескриптивне лексикографије (на примеру обраде лексеме *идентитет*) 3 16

Лазић-Коњик И., Милошевић Ј. (Сербия, Белград) — О лексикографској обради речи које се употребљавају „(само) у изразу“ у речнику сану: стање, потребе и задаци 3 20
Лесников С. Н.(Сыктывкар) — Гипертекстовый тезаурус метаязыка науки 3 30
Локтева М. Е. (Ростов-на-Дону) — Древнерусские наименования Богородицы (на материале «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского) 3 469
Ломакина О. В. (Москва) — Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике..... 3 218
Лось А. Л. (Москва) — Когнитивный подход к лексикографическому описанию слов 3 498
Лунцова О. М. (Магнитогорск) — Лингвокультурные особенности градиент-концепта «дружба-мир-вражда» (на материале лексикографических и фразеографических источников) 3 148
Любимова Л. М. (Чита) — Лексикографический фрагмент региональной картины мира..... 3 172
Макарова А. С. (Москва) — Крылатые единицы французского происхождения как объект лексикографического анализа (на примере «Большого словаря крылатых слов русского языка» и «Словаря иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода»)..... 3 245
Макарова Е. В. (Магнитогорск) — Речетворческая деятельность как процесс формирования словаря языковой личности школьника 3 661
Максимчук Н. А. (Смоленск) — Комплексный учебный словарь собственных имён как форма представления фрагмента нормативно-научной картины мира 3 665
Маркова Е. М. (Москва) Различия этнокультурного характера общих лексем в славянских языках и их репрезентация в словаре межъязыковых омонимов 3 124
Мельник Л. В. (Украина, Луганск) — Фразеографічна експлікація конотації .. 3 310
Мироненко И. Ю. (Ростов-на-Дону) — *Смертный узел:* материалы к этнолингвистическому словарю донского казачества..... 3 129
Михин А. Н. (Магнитогорск) — Библеизмы с компонентами *чадо, сын, дети* и их судьба в русском литературном языке..... 3 775
Моисеева Я. В. (Санкт-Петербург) — Проблема характеристики русских кинетических фразеологизмов в словаре лингвокультурологического типа.. 3 176
Мокиенко В. М. (Санкт-Петербург) — Проект «Фразеологического словаря русских народных говоров» 3 190
Москалёва Д. Р. (Казань) — Словарная статья во фразеологическом словаре ценностей и антиценностей 3 314
Мухина И. К. (Екатеринбург) — Лексикографическое представление национально-культурных ассоциаций в словаре ключевых концептов 3 542
Ненашева Ю. А. (Магнитогорск) — К вопросу об использовании международного фонетического алфавита (IPA) при создании произносительных словарей..... 3 55
Никитина С. Е. (Москва) — О конфессиональных словарях и материале для их построения 3 429
Нифонтова Д. Е. (Санкт-Петербург) — Стратегии и тактики кооперативного диалога в ранненововерхненемецком языке (на материале фастнахтшпилей Ганса Сакса)..... 2 350

Панина Л. С. (Оренбург) — «Молвушки» в русской идиоматике и их место в лексикографических источниках 3 226
Песина С. А. (Магнитогорск) — Составление англо-русского толкового словаря с учётом содержательного ядра многозначного слова 3 614
Петров А. В. (Магнитогорск) — «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов) 3 342
Петрова И. В. (Магнитогорск) — Храмовые проповеди Святейшего патриарха Кирилла как лексикографический источник..... 3 474
Пименова М. В., Богрова К. М. (Владимир) — Проблемы фразеографического описания старославянского языка..... 3 318
Пичугина Н. В. (Москва) — Морфолого-семантическая мотивированность акцентогенных свойств глаголов и глагольных форм со значением говорения и звучания..... 1 273
Плотникова А. М. (Екатеринбург) — Социальная сфера жизни человека в словаре концептов 3 522
Подюков И. А., Свалова Е. Н. (Пермь) — Фразеология промысловой речи Прикамья как объект лексикографического описания..... 3 557
Пономарёва Л. Д. (Магнитогорск) — Художественно-поэтический дискурс: методическая интерпретация с лексикографическим сопровождением..... 3 669
Попова Л. В. (Омск) — Полипарадигмальный подход при лексикографическом описании терминологии 3 61
Поцелуева Н. В. (Павлодар), Федуленкова Т. Н. (Северодвинск) — Новый лексикографический формат взаимодействия языка и культуры..... 3 181
Радченко Е. В. (Челябинск) — Национальное своеобразие фразеологической картины мира (этюды к идеографическому словарю) 3 185
Ратушная Е. Р. (Курган) — Фразеологизмы библейского происхождения как объект современной русской фразеографии 3 454
Рогалёва Е. И. (Псков) — Лексикографическая интерпретация грамматических свойств фразеологизма в учебном словаре 3 674
Рудакова С. В. (Магнитогорск) — Слово-образ «Тишина» в поэзии Е. А. Боратынского (материалы к «Антологии художественных образов русской литературы первой трети XIX в.») 3 699
Савельева М. В. (Курган) — Создание частного словаря процессуальных единиц с императивной семантикой..... 3 63
Савельева О. С. (Челябинск) — Варьирование форм существительных как проявление динамичности категории предметности (по данным словарей современного русского языка, восточнославянских языков и древнерусского языка)..... 3 393
Савостьянова Ю. И. (Краснодар) — Основные проблемы лексикографического описания системы наименований психогностических наук..... 3 67
Саляев В. А. (Орёл) — Аспекты нормативно-стилистической характеристики в общих толковых словарях (на материале анализа пометы «просторечное»)..... 3 72
Севастьянова В. С. (Магнитогорск) — Истоки и эволюция «не-бытия» в поэзии русского модернизма (к антологии художественных концептов русской литературы) 3 715
Семёнова О. Р. (Челябинск) — Социальные пометы в диалектном словаре (на материале русских говоров Южного Урала) 3 580
Скокова Т. Н. (Белгород) — Когнитивные аспекты релятивности при составлении русско-немецкого словаря 3 551

Слободнюк Е. С. (Магнитогорск) — «Иное слово» в поэтике Р. Киплинга: словарные материалы 3 755
Слободнюк С. Л. (Магнитогорск) — «…Возведённая в закон воля» и сакральная правовая реальность: слово и бытие 3 434
Соколова Е. Н. (Тюмень) — Древнерусские памятники письменности как источники русской ономастической лексикографии 3 398
Соловьёва Н. С. (Магнитогорск) — Социолингвистический портрет американцев и русских по материалам словарей антипословиц (сопоставительный анализ) 3 231
Сулейманова Д. З. (Магнитогорск) — О некоторых принципах создания словаря разговорной речи подростков 3 585
Суровцева Е. В. (Москва) — Принципы создания «Частотного грамматико-семантического словаря языка произведений А. П. Чехова» 3 77
Суровцева С. И. (Челябинск) — Фразеопредлоги темпоральной семантики (лексикографический аспект) 3 321
Табаченко Л. В. (Ростов-на-Дону) — Семантическая история приставочных глаголов в лексикографических источниках: проблемы омонимии и тождества слова 3 403
Таянова Т. А. (Магнитогорск) — Концепт «Небо» в творчестве религиозных писателей (к антологии русских художественных концептов) 3 720
Терентьева Л. К. (Тобольск) — К вопросу лексикографического описания иноязычной лексики языка памятников письменности XVIII века (по данным государственного архива г. Тобольска) 3 408
Тиханович А. Н. (Череповец) — Способы представления усилительных словосочетаний в словарях разного типа 3 78
Трубина А. С., Хайдарова В. Ф. (Магнитогорск) — Применение нейронных сетей в электронном словаре толково-энциклопедического типа (на материале словаря интернет-языка) 3 87
Урве А. (Эстония, Тарту) — Тематический словарь пословиц как источник реконструкции культурных концептов (сопоставительный аспект) 3 502
Усанова О. Г. (Челябинск) — Социально-коммуникативная компетентность студентов в аспекте лексикографии 3 679
Усачёва Н. Б. (Курган) — Проблемы словарного описания грамматических фразеологизмов 3 324
Финк Ж. (Хорватия, Загреб) — Из чьей шинели все мы вышли? (от крылатого слова до фразеологизма) 3 205
Франчук О. В. (Магнитогорск) — Мешай дело с бездельем, проводи время с весельем (концепт «Праздность» на материале исторических и лексикографических источников) 3 513
Фролов Н. К. (Тюмень) — Этимологика и энциклопедика как аспекты лексикографии 3 12
Халитова Н. Р. (Магнитогорск) — О лексикографическом споре А. Солженицына и В. Шаламова и его решении в современной лексикографии 3 590
Харченко Е. В. (Челябинск) — Славянский ассоциативный словарь как модель образа мира 3 34
Хасанова (Халиуллова) Н. Ф. (Казань) — Структурно-семантические особенности лексем русского жаргона наркоманов в «Словаре антиценностей». 3 594
Ходиченкова Д. А. (Магнитогорск) — Принципы описания языковых единиц военной тематики в исторических и этимологических словарях 3 411

Хомутникова Е. А. (Курган) — Фразеологизм *роза Иерихона* как предмет лекографического описания 3 479
Хохлина М. Л. (Астрахань) — Инокультурная фразема как объект фразеографического описания 3 326
Цуркан В. В. (Магнитогорск) — Концепт «Детство» в раннем творчестве Андрея Битова (к антологии художественных концептов)..... 3 731
Чепасова А. М. (Челябинск) — Фразеография: теория и практика 3 256
Чернова О. Е. (Магнитогорск) — Культурная информация в толковых словарях 3 547
Черняк В. Д. (Санкт-Петербург) — Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной *лично*сти 3 598
Чурилина Л. Н. (Магнитогорск) — Современная православная метафорика как объект лексикографирования..... 3 439
Шведова Н. В. (Курган) — Словарное толкование модели «частица не + предлог до + имя в род. пад.»..... 3 91
Швидченко А. Ю. (Магнитогорск) — Сравнительная характеристика фондов библеизмов русского и немецкого языков по лексикографическим источникам 3 639
Швыдкая Л. И. (Магнитогорск) — Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеографических источников)..... 3 236
Шетэля В. М. (Москва) — О реализации проекта «Историко-этимологический словарь русской лексики XIX века» 3 417
Шкатова Л. А. (Челябинск) — Словарь устойчивых речевых формул как компонент культуры организации..... 3 115
Шляхова С. С., Шестакова О. В. (Пермь) — Опыт немецко-русского словаря интерьективов: фоносемантические универсалии и национальная специфика 3 634
Шулежкова С. Г. (Магнитогорск) — Старославянские устойчивые компаративы как объект фразеографического описания..... 3 264
Шумарин С. И. (Саратов) — Лексикографическое представление семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации..... 3 94
Шушарина И. А. (Курган) — Лингвистическая информативность словарной статьи (о работе над словарем польско-русских «Ложных друзей переводчика»)..... 3 643
Юрьева И. А. (Магнитогорск) — Соотношение концептов «Россия» и «Русь» как материал для антологии концептов русской научной картины мира.... 3 526
Яковлев А. И. (Кострома) — Пушкинские крылатые выражения в современных фразеографических источниках и в романе А. Белого «Петербург»... 3 251

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Атнагулов И. Р. (Магнитогорск) — Этнодемографическая характеристика населённых пунктов Нагайбакского района Челябинской области с 1842 по 1926 год 2 357
Искандарова С. А. (Уфа) — Особенности стихосложения в башкирской поэзии в первой трети XX века 2 389

Медведев В. В. (Магнитогорск) — Кладбища и надмогильные сооружения некрещеных чувашей Башкортостана (по материалам исследования 2010 г.) 2 375
Салмин А. К. (Санкт-Петербург) — Каварская история чувашей..... 2 369
Фатхутдинова А. И., Сафина Э. Ф. (Уфа) — Языковой фактор в этнической социализации молодежи в полинациональном регионе (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан)..... 1 282
Хуббитдинова Н. А. (Уфа) — Башкирский эпический сюжет в русской литературе и марийском фольклоре: к особенностям интерпретации народного эпоса..... 1 278
Хуббитдинова Н. А. (Уфа) — Фольклорные мотивы в турецкой и тюркско-башкирской письменной литературе средневековья 2 384

PERSONALIA

Юбилей Нины Андреевны Фроловой 4 3

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Антонов И. В. (Уфа) — Полевой дневник Памиро-Ферганской экспедиции Раиля Гумеровича Кузеева..... 2 409
Смирнов А. С. (Москва) — «Признать в Императорской Археологической комиссии правительственный центр»..... 2 395

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Макарова Н. Н. (Магнитогорск) — Международная научная конференция «Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации (Магнитогорск, 10-11 декабря 2010 г.) 1 288
Памяти Юлии Константиновны Колосовской (1920–2002)..... 1 294
Памяти Ирины Владимировны Петровой (1927–2010)..... 1 304

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Захаров А. О. (Москва) — Southeast Asian Ceramics: New Light on Old Pottery/ Ed. by John N. Miksic.Singapore: Southeast Asian Ceramic Society – Editions Didier Millet, 2009.176 pp., ill. ISBN 978-981-4260-13-8 4
Мокиенко В. П. (Санкт-Петербург) — Л. П. Дядечко. Вокруг да около рекламы: фразообразовательный словарь. — Киев: Изд. дом «Аванпост-Прим», 2007. — 415 с 3 780
Чепасова А. М. (Челябинск) — Фразеологический словарь старославянского языка: св. 500 ед. / Науч.-исслед. словар. лаб. МаГУ; отв. ред. С. Г. Шулежкова, чл. редкол.: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 424 с..... 3 783
Шиганова Г. А. (Челябинск) — В. Ф. Хайдарова. Слова, из которых соткана Сеть: краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / под ред. Шулежковой С. Г. — Магнитогорск: МаГУ, 2011. — 322 с. 3 785

СОДЕРЖАНИЕ

Юбилей Нины Андреевны Фроловой 3

НУМИЗМАТИКА АНТИЧНОГО МИРА

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. (Москва) — Некрополь Тилля-тепе: индийская уникальная монета 17
Фролова Н.А. (Москва), *Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск) — Боспорские монеты из коллекции Н.Н. Грандмезона в собрании Государственного исторического музея 32
Прокопов И.С. (Благоевград), *Пешехонов В.К.*, *Фролова Н.А.* (Москва), *Абрамзон М.Г.*. (Магнитогорск) — Эллинистические тетрадрахмы о-ва Фасос, тетрадрахмы так называемого «фасосского типа» и их имитации из собрания Государственного исторического музея 77
Прокопов И.С. (Благоевград), *Пешехонов В.К.*, *Фролова Н.А.* (Москва), *Абрамзон М.Г.*. (Магнитогорск) — Комментарий к эллинистическим тетрадрахмам Первой Македонской области из собрания Государственного исторического музея 104
Ахмедов И.Р. (Москва) — Находка медальона Септимия Севера на р. Оке 119
Ворошилова О.М. (Москва) — Позднеантичное погребение с монетами из некрополя Фанагории 137
Абрамзон М.Г., *Коваленко М.А.* (Краснодар), *Сударев Н.И.* (Москва) — Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова Балка 3» (2011 г.) 146
Абрамзон М.Г. (Магнитогорск), *Зинько В.Н.* (Керчь) — Золотые статеры Евпатора и Савромата II из раскопок Тиритаки 166
Терещенко А.Е. (Санкт-Петербург) — Монеты из раскопок античного поселения Артющенко II (2009–2010 гг.) 180

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Завойкин А.А., *Кузнецов В.Д.* (Москва) — Древнейшее общественное здание в Фанагории 188
Завойкин А.А. (Москва) — Заметки о культе Диониса в Фанагории 199
Медведев М.И. (Краснодар) — Законодательные акты в сфере охраны культурного наследия Кубани XIX века 210
Журавлев Д.В. (Москва) — Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея 221
Масленников А.А. (Москва) — Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья 264
Федосеев Н.Ф. (Керчь) — Производство клейменой черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском 277

КАВКАЗ

Меликов Р.С, Алиев Т.Р (Баку) — Об албанском городе Айниана = Йунан (по материалам письменных источников и новейших археологических исследований) 309

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМА

Ленская В. С. (Москва) — Младший культовый персонал в Древней Греции 322
Супренков А. А. (Москва) — Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира 337
Ляпустин Б. С. (Москва) — Проблемы современной историографии экономики Древнего Рима: поиски и решения 359

Указатель материалов, опубликованных в журнале «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ» в выпусках 1–4 за 2011 год 380

CONTENTS

Jubilee of Nina Andreyevna Frolova 3

ANCIENT COINS

G. A. Koshelenko, V. A. Gaibov (Moscow) — Tillya-tepe Necropolis: A Unique Indian Coin 17
N. A. Frolova (Moscow), *M. G. Abramzon* (Magnitogorsk) — Bosporan Coins from the Collection of N. N. Grandmezon in State Historical Museum 32
I. S. Prokopov (Blagoevgrad), *V. K. Peshekhonov* (Moskow), *N. A. Frolova* (Moscow), *M. G. Abramzon* (Magnitogorsk) — Hellenistic Tetradrachms of Thasos, the Tetradrachms of so-called “Thasian Type” and Their Imitations in the State Historical Museum 77
II. S. Prokopov (Blagoevgrad), *V. K. Peshekhonov* (Moskow), *N. A. Frolova* (Moscow), *M. G. Abramzon* (Magnitogorsk) — A Commentary on Hellenistic Tetradrachms of the First Macedonian Meris in the State Historical Museum 104
I. R. Akhmedov (Moscow) — Septimius Severus medallion from the Oka area 119
O. M. Voroshilova (Moscow) — Late Ancient Time Burial with Coins from Phanagoria Necropolis 137
M. G. Abramzon (Magnitogorsk), *M. A. Kovalenko* (Krasnodar), *Sudarev N. I.* (Moscow) — Two Hoards of Bosporan Coins from the Ancient Settlement ‘‘Usatova Balka 3’’ (2011) 146
M. G. Abramzon (Magnitogorsk), *V. N. Zinko* (Kerch) — Golden Staters of Eupator and Sauromates II from Tyritake Excavation 166
A. Ye. Tereshchenko (St.-Petersburg) — Exscavation Coins from Settlement Artyushchenko II (2009–2010) 180

THE BLACK SEA REGION

A. A. Zavoikin, V. D. Kuznetzov (Moscow) — The Earlier Public Building in Phanagoria ... 188
A. A. Zavoikin (Moscow) — Essays on Dionysus Worship in Phanagoria 199
M. I. Medvedev (Krasnodar) — Legislative Acts Concerning Protection of Kuban Cultural Heritage of the 19th century 210

D.V. Zhuravlyov (Moscow) — Late Hellenistic Pottery and Lamps from Panticapeum: Recent Finds 221
A.A. Maslennikov (Moscow) — Signet-ring Impressions and Other Anepigraphical Stamps on Pottery from Rural Settlement Excavations in Crimean Priazovye 264
N.F. Fedoseyev (Kerch) — Stamped Tile Production in the Cimmerian Bosporus 277

THE CAUCASUS

R.S. Melikov, T.R. Alieva (Baku) — The Albanian City of Ayniana=Yunan (Based on Narrative Sources and Recent Archaeological Study) 309

ANCIENT GREECE AND ROME

V.S. Lenskaya (Moscow) — Junior Religious Staff in Ancient Greece 322
A.A. Suprenkov (Moscow) — Emporion: Greek-Barbarian Symbiosis in the Far West Of Hellenic World 337
B.S. Lyapustin (Moscow) — Problems of Modern Historiography of Ancient Rome: Quests and Decisions 359

Index of PIFK 1-4, 2011 380

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. 1938: Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4 (34). 2011

На 1-ой и 4-ой стр. обложки: Сиракузы. Около 425 г. до н.э. Декадрахма. Серебро.

Л.с. Голова Аретусы-Артемиды; вокруг четыре дельфина; ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ; ΕΥΑΙΝΕ.

О.с. Квадрига влево; Ника венчает возничего; под обрезом панцирь, наголенники, щит и шлем.

Государственный исторический музей. Инв. № А.9254. Вес — 40,12 г.

Сдано в набор 15.10.2011. Подписано в печать 16.12.2012.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 500 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

Нина Андреевна Фролова

К Юбилею Нины Андреевны Фроловой оборот пустой.

Цветная вклейка № 1 к ст. Кошеленко и Гаибова

Золотая монета из некрополя Тилля-тепе

Цветная вклейка № 2 к статьям Ахмедова, Абрамзона и Зинько

Илл. к ст. Ахмедова. Рис. 1. Медальон из погребения 525 могильника Борок 2, бронза

Илл. к ст. Абрамзона и Зинько. Золотые статеры:
1 – Евпатор, 166 г. н.э.; 2 – Савромат II, 179 г. н.э.

Цветная вклейка № 3 к ст. Кузнецова и Завойкина

а)

б)

Рис. 1. Северо-западный угол раскопа «Верхний город», здание 300:
а) вид с севера; б) вид с запада–юго-запада

Рис. 9. Остатки фундамента стен общественного здания 144, вид с юга

Рис. 5. Ионический фимиатерий, найденный на полах здания 300

Рис. 13. Аттический чернолаковый килик с граффито из раскопок афинской агоры

Рис. 4. Терракотовые статуэтки, найденные на полах здания 300

Рис. 6. Фигурки собак из глиняной прослойки между камнями фундамента и сырцовой кладкой стен (северо-западный угол здания 300)

Рис. 11. Аттический чернолаковый килик с граффито из ямы 321